

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Lkhasa i eia taïny

Laurence Austine Waddell, E. M. Chiřtiakova-Vër

#12.50

ЛХАССА И ЕЯ ТАЙНЫ.

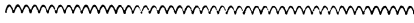
888

Далай-лама въ образѣ божества.

915

АУСТИНЪ УОДДЕЛЬ.

ЛХАССА И ЕЯ ТАЙНЫ.

ОЧЕРКЪ

Тибетской экспедиціи 1903—1904 года.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Е. М. Чистяковой-Вуръ.

Р. С. Ф. С. Р.
Центральный
Секретариат
Тел. № 2000

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Ф. Пантелеева, Подольскій, 84—
1906.

Мх
1/22

PRINTED IN RUSSIA

*Безплатное отдельное приложение къ журналу «Вѣстникъ Иностранной
Литературы» за 1906 годъ.*

Предисловіе.

Послѣдующія страницы представляют собою, безъ сомнѣнія, еще неполный, однако, какъ я рѣшаюсь надѣяться, понятный и правдивый отчетъ о центральномъ Тибетѣ, его столицѣ, іерархіи его великаго ламы и его мечтательномъ населеніи отшельниковъ, въ томъ видѣ, въ которомъ все это явилось человѣку, стоявшему въ исключительно счастливыхъ условіяхъ для ознакомленія съ ними.

Прошло уже около полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ посѣтилъ мистическую страну за Гималаями. Немного позже, а именно послѣ моего возвращенія съ войны въ Бирманѣ (1885—1886), во время которой я имѣлъ случай наблюдать примитивный буддизмъ бывшихъ подданныхъ короля Тебау, я нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Дарджилингѣ, близъ границъ недоступной страны; тутъ находилась постоянно мѣнявшаяся колонія многихъ тысячъ тибетцевъ, ламъ и свѣтскихъ людей, только-что вернувшихся изъ священнаго города и имѣвшихъ постоянное общеніе съ нимъ. Любопытство, которое естественнымъ образомъ зародилось во мнѣ при видѣ этихъ странныхъ людей съ ихъ живописными караванами, съ ихъ лагерями, вскорѣ еще усилилось отъ отзвукъ теософистическихъ вѣрованій въ то, что гдѣ-то за могучимъ Канченджонга находится ключъ къ тайнамъ стараго міра, погибшаго съ Атлантидой въ западномъ океанѣ какъ разъ въ то самое время, когда Тибетъ поднимался вмѣстѣ со все еще выроставшими Гималаями. Очевидно и неоспоримо, что въ этомъ заключается разгадка многихъ неразрѣшенныхъ проблемъ въ этнологіи, естественной исторіи и географіи „Крыши Мира“. Въ Дарджилингѣ я познакомился также со многими „тайными изыскателями“, съ этими отважными людьми, которые, не дорожа жизнью, посвящали себя тому, что Киплингъ называетъ „великой игрою“,

т. е. изслѣдованію самыхъ дикихъ и наименѣе извѣстныхъ частей загималайскихъ долинъ; изъ усть этихъ смѣльчаковъ я слышалъ захватывающіе рассказы объ ихъ приключеніяхъ.

Мнѣ хотѣлось какъ можно лучше воспользоваться представлявшимися удобными случаями, которыми до сихъ поръ слишкомъ пренебрегали, и съ этой цѣлью я принялся изучать тибетскій языкъ и собирать всевозможныя свѣдѣнія, достойныя довѣрія. Когда я отрѣшился отъ перваго изумленія, охватившаго меня при видѣ того, какъ мало мы знаемъ о религіи этой страны и какъ мало походитъ она на буддизмъ Бирмана, я задумалъ сравнить тибетскія вѣрованія и обряды съ тѣми, которые носятъ названіе буддистскихъ вѣрованій и обрядовъ въ другихъ странахъ, и употребилъ большую часть моего отпуска на то, чтобы произвести интересовавшія меня наблюденія на Цейлонѣ, въ Китаѣ и Японіи. Желая приобрѣсти свѣдѣнія болѣе свѣтскаго характера, я сдѣлалъ много сотенъ миль по горнымъ дорогамъ вдоль тибетской границы въ различныхъ ея мѣстахъ, отъ Геруаля и Непала на западѣ до Ассама на востокѣ, гдѣ кончается долина центрального Тибета, переходя въ долину рѣки Браманутры; иногда я поднимался на большія высоты, иногда спалъ въ пещерахъ, спасаясь отъ пограничныхъ сторожей, иногда проникалъ на нѣсколько дней пути внутрь территоріи правительства Лхассы и при этомъ собиралъ свѣдѣнія о различныхъ племенахъ *), топографіи и естественной исторіи этихъ областей **). Хотя моя попытка подъ видомъ туземца проникнуть въ мистическую цитадель въ 1892 году не удалась, однако, во время подготовительныхъ лѣтъ я собралъ такія точныя картины страны, что мое появленіе въ ея столицѣ показалося мнѣ лишь исполненіемъ горячей и долго ласкаемой грезы.

Я надѣюсь, читатель извинить, что я говорю о себѣ, но я дѣлаю это не ради хвастовства, а только съ цѣлью объяснить то до извѣстной степени особенное положеніе, въ которомъ я очутился, сдѣлавшись членомъ передовой колонны исторической экспедиціи въ Лхассу. Выше перечисленныя обстоятельства позволяли мнѣ разговаривать съ ламами, прирожденными главами страны, и съ народомъ, встрѣчавшимся намъ на пути, а это было бы невозможно для человѣка, который не получилъ бы подобной предварительной подготовки; они же дали мнѣ въ руки средство истолковать мно-

*) „Племена долины рѣки Браманутры“, Калькутта, 1900 г.

**) Моя большая коллекція птицъ юго-западной приграничной области Тибета теперь находится въ музеѣ Хентера, Глазгоуск. университет., и была анализирована мною въ газетѣ Сикхима, Калькутта, 1894 г.

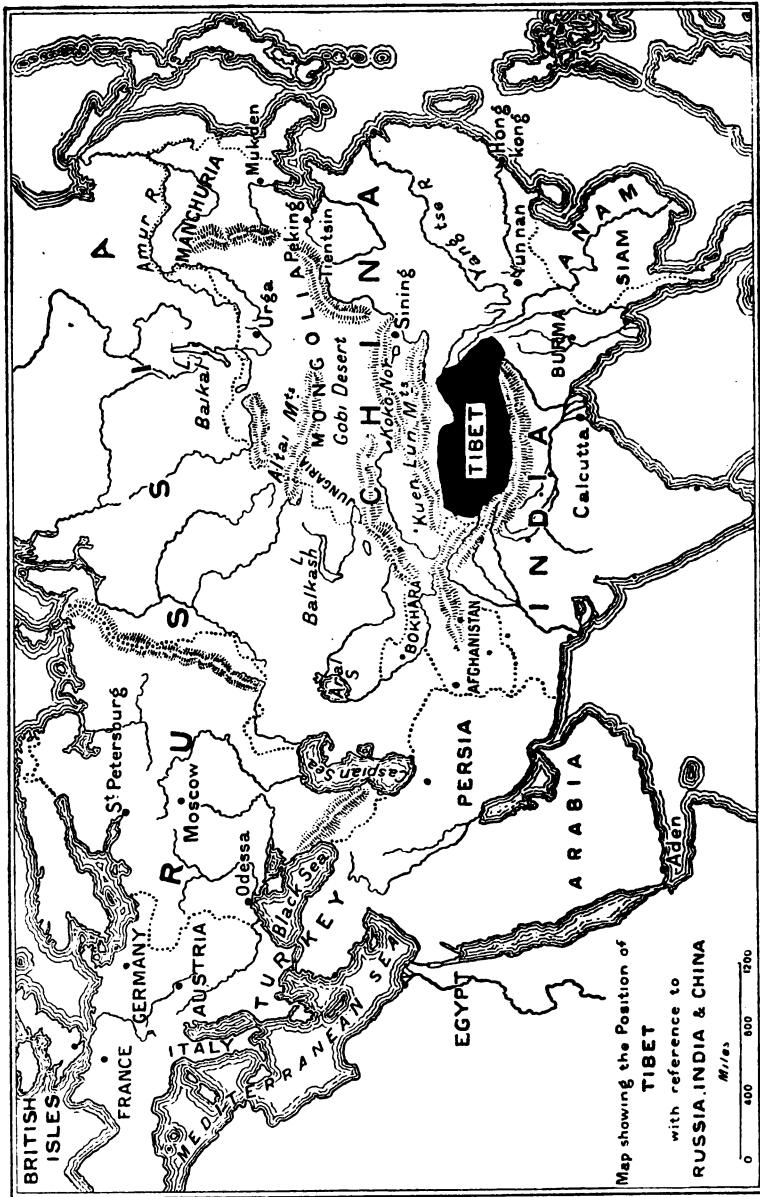
жество символовъ, обычаевъ и мѣровъ, которые остались бы совершенно непонятными для непосвященнаго

Фотографіи, помѣщенныя въ этой книгѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ сняты мною прямо съ натуры. Читатели оцѣнятъ талантливыя наброски г-на Рибо, члена экспедиціи, сдѣланныя въ стилѣ „Байе“.

Пользуюсь случаемъ выразить благодарность моему другу доктору Ислаи Бернасъ Мурхедъ и м-ру Джону Муррею за ихъ помощь при пересмотрѣ корректуры.

А. У.

Лондонъ, 9-го февраля 1905 г.

Map showing the Position of
TIBET
 with reference to
RUSSIA, INDIA & CHINA
 M./s.

0 400 800 1200

ЛХАССА и ЕЯ ТАЙНЫ.

ГЛАВА I.

Недоступная Лхасса.

„Въ сердцѣ Азіи до сегодняшняго дня еще сохраняется единственная тайна, которую XIX вѣкъ предоставилъ разгадать XX,— тибетское святилище въ Лхассѣ“.

Кёрзонъ.

„Въ годъ Деревяннаго Дракона (1904 г.) первая часть года покровительствуетъ молодому властителю; потомъ надвигаются грабители, они враждебно наступаютъ и дерутся; является очень много враговъ; большія бѣды отъ оружія и тому подобное; властитель, отецъ и сынъ будутъ драться. Въ концѣ года примирительно говорящій человекъ побѣдитъ войну“.

Тибетское пророчество изъ альманаха на годъ Деревяннаго Дракона (1904 г.).

Окруженная романтичностью столѣтій Лхасса, тайная цитадель „не умирающаго“ великаго ламы, обитая непроницаемой тайной, высилась на „Крышѣ Мира“, манила къ своимъ замкнутымъ дверямъ самыхъ отважныхъ путешественниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отбрасывала ихъ отъ себя. Благодаря всему очарованію неразрѣшенной загадки, этотъ таинственный городъ приковывалъ къ себѣ воображеніе, какъ одно изъ послѣднихъ невѣдомыхъ мѣстъ земли, какъ Мекка восточной Азіи, какъ священнической городъ „живого Будды“, сидящаго на тронѣ, точно Богъ, и вѣчно царящаго надъ своимъ народомъ монаховъ съ тонзурами, которые то вьютъ канаты изъ песка, подобно нашимъ стариннымъ ученымъ, то спокойно вращаютъ молитвенныя колеса, то плетутъ мистическія чары, то изгоняютъ дьяволовъ, заполняя всѣмъ этимъ промежутки между

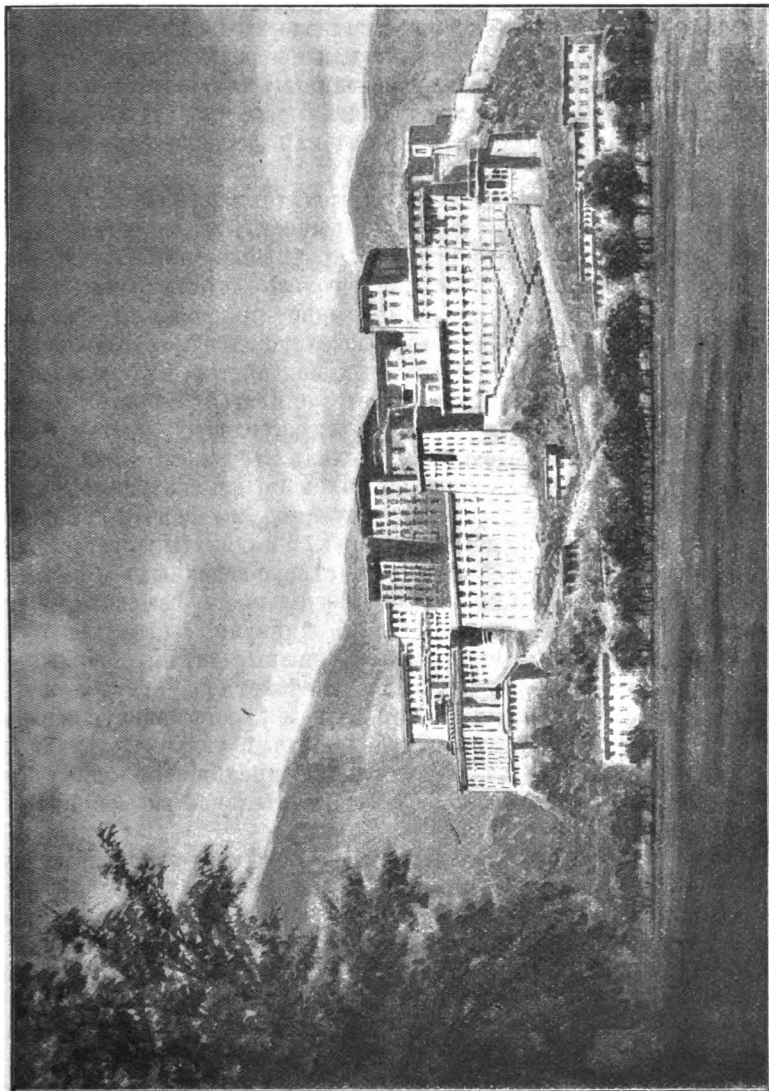
своими глубокими мечтательными размышлениями. Но въ роковой для Тибета годъ Деревяннаго Дракона волшебный принцъ—цивилизация, пробудилъ ото сна Лхассу; ея закрытыя двери сорваны, темный покровъ ея тайны поднятъ, и остававшееся подъ долгой печатью святилище со своимъ страннымъ культомъ и превращеннымъ въ идола великимъ ламой, теперь лишеннымъ фальшиваго сіянія, выдало свои тайны и лежитъ безъ чаръ передъ нашими западными глазами. Увы, такъ всегда романтизмъ стараго языческаго міра рассыпается отъ прикосновенія нашихъ современныхъ рукъ.

Изумительно, какимъ образомъ тибетскіе астрологи могли за такое долгое время предсказать ужасный штормъ, налетѣвшій на ихъ страну, и даже опредѣлить, что несчастье обрушится на Лхассу въ извѣстный годъ. Одно вѣрно: еще задолго до того, какъ стали говорить о нашей экспедиціи, я собственноручно скопировалъ слова, поставленныя въ переводѣ въ началѣ этой страницы, изъ тибетскаго рукописнаго альманаха на злополучный для Тибета годъ, носящій въ фантастическомъ календарѣ ламъ названіе Деревяннаго Дракона *). Думая объ этомъ неблагоприятномъ пророчествѣ, глядѣвшемъ имъ въ глаза, слѣдуетъ отдать должную дань уваженія бѣднымъ тибетцамъ за то, что они съ такимъ патриотизмомъ, съ такою фанатическою преданностью отстаивали своего священника-бога, безъ всякой надежды на успѣхъ, такъ, какъ хотя имъ и не было извѣстно наше подавляющее численное превосходство, но ихъ собственные оракулы заранѣе предсказали всю бесплодность ихъ борьбы—борьбы, въ которой тибетская исключительность билась на смерть и встрѣтила погибель.

Недоступность Лхассы въ значительной степени зависѣла отъ непроходимости естественныхъ преградъ, отъ положенія Тибета за высочайшими горами міра и отъ крайней трудности путешествія по этой странѣ, возвышающейся въ среднемъ отъ 12.000 до 15.000 футовъ надъ уровнемъ моря, и отъ отсутствія всякихъ удобствъ. Главную же причину составляли политическія преграды, возведенныя монахами—ламами, всегда бывшими правителями, священниками и кушцами Тибета. Движимые коммерческими и клерикальными интересами и страхомъ, что они потеряютъ свою выгодную монополію если впустятъ къ себѣ европейцевъ и ихъ методы, ламы всякими средствами, бывшими въ ихъ власти, старались сохранять свое изолированное положеніе. Подозрѣвая иностранцевъ, вѣчно стоя насторожѣ, они замѣнули, блокировали доступъ въ своей странѣ и съ непоколебимой твердостью отдаляли всѣхъ старавшихся вторгнуться къ нимъ, въ случаѣ нужды дѣйствуя вооруженной силой. Такимъ образомъ, смѣлые путешественники: полковникъ Пржевальскій въ 1872—1879 году, графъ Сечени въ

*) Этотъ календарь, полный смѣшныхъ и странныхъ символовъ и терминовъ, состоитъ изъ двѣнадцати зодіакальных звѣрей, частью мифологическихъ, частью настоящихъ; каждый изъ нихъ комбинируется съ одной изъ пяти китайскихъ стихій, которыя, какъ твердо вѣрятъ тибетцы, имѣютъ въ теченіе года могучее вліяніе на судьбу человѣка.

1880 году, м-ръ Рокхиль, извѣстный тибетскій ученый въ 1889 и въ 1892 г., г-нъ Бонвало и принцъ Генри д'Орлеанъ въ 1889 г., капитанъ Боуеръ въ 1891 г., несчастный Дютрейль-де-Ренъ

Дворецъ далай-ламы на холмѣ Поталя въ Лхассѣ

въ 1893 г., мистеръ и миссисъ Литльдель въ 1895 г. и д-ръ Свенъ Хединъ въ 1901 г., — подвергавшіе себя несравнимымъ опасностямъ, все же не могли проникнуть далѣе вѣшнихъ частей центральной провинціи и приблизиться къ Лхассѣ ближе чѣмъ на разстояніе недѣльнаго пути. Благодаря невольному отдаленію этихъ путешественниковъ отъ населенныхъ центральныхъ мѣстъ, рассказы

ихъ большею частью носятъ географическій характеръ и заключаютъ въ себѣ, кромѣ описаній Рокхила, мало свѣдѣній о жизни и понятіяхъ народа.

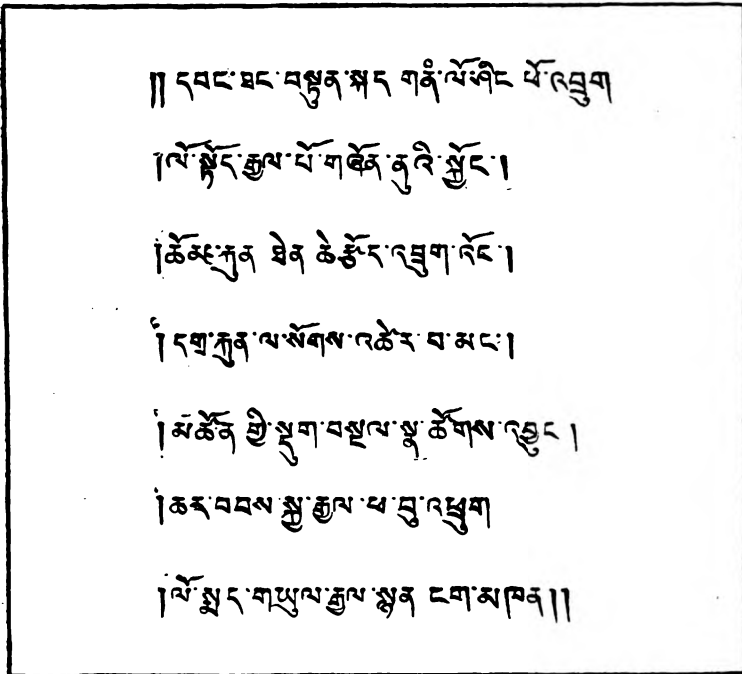
Ревность ламъ была направлена не только противъ европейцевъ. Уроженцы Индіи, были ли они буддистами или нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ хорошо извѣстныхъ Тибету купцовъ изъ Непала и Ладака, также не пропускались черезъ границу, согласно приказанію императора Китая, переданному миссіонеру м-ру Хуку полстолѣтія тому назадъ, въ которомъ говорится: „Ни одинъ монголь, индостанецъ (индусъ), патанецъ или ференги (европеецъ) не долженъ быть допущенъ въ Тибетъ“.

Въ силу такой исключительной политики британское правительство, пожелавшее въ виду возможности различныхъ случайностей пріобрѣсти достовѣрную карту обширной неизвѣстной территоріи страны ламъ, которая столько сотенъ миль тянется вдоль границъ Индіи, было принуждено привлечь въ качествѣ тайныхъ изыскателей тибетцевъ, поселившихся по нашу сторону Гималаевъ и принявшихъ британское подданство; ихъ монгольскія черты позволяли имъ надѣвать тибетское платье. Къ этому классу принадлежали знаменитые наблюдатели „пундиты“ *) Ненъ Сингъ и А-К, которыхъ подготовилъ и послалъ въ неизвѣстный Тибетъ полковникъ Монгомери, одинъ изъ членовъ изыскательной миссіи въ Индіи. Этими тайными наблюдателямъ мы обязаны большею частью нашихъ знаній тибетской карты. Упомянутые храбрые пундиты, натурализованные тибетцы съ сѣверо-западныхъ Гималаевъ Кумаона, получивъ подготовку къ дѣятельности изыскателей, научившись употреблять призматическій циркуль, составлять маршруты, читать карты, отыскивать неподвижныя звѣзды, обращаться съ спеціальнымъ термометромъ для высотъ и т. д., отправились въ Тибетъ подъ видомъ купцовъ, въ случаѣ ареста рискуя жизнью; они исходили его во всѣхъ направленіяхъ и тайкомъ дѣлали его карту. Во время полныхъ приключеній предпріятій они съ необыкновеннымъ мужествомъ и изобрѣтательностью обманывали подозрительность тибетцевъ.

Пионеръ-изыскатель Ненъ-Сингъ, переодѣтый ладакскимъ купцомъ, достигъ Лхассы черезъ Непаль въ 1866 г. и первый опредѣлилъ широту и долготу недоступнаго города. Восемь лѣтъ спустя, въ 1874 г., онъ снова посѣтилъ это мѣсто, черезъ Ладакъ идя по области золотыхъ рудниковъ; въ обоихъ случаяхъ Ненъ-Сингъ совершалъ огромные переходы по этой странѣ. Многія изъ своихъ наблюденій онъ дѣлалъ подъ покровомъ молитвеннаго колеса и четокъ. Видя, что кто-нибудь къ нему подходитъ, онъ сейчасъ же начиналъ вращать свое молитвенное колесо, и такъ какъ предполагается, что во время молитвы каждый добрый буддистъ погружается цѣликомъ въ религиозныя мысли, его рѣдко беспокоили; между тѣмъ колесо Ненъ-Синга вмѣсто обыкновенныхъ свитковъ молитвъ заключало въ себѣ длинныя полосы бумаги съ отгѣтками положеній различныхъ мѣстъ, съ записаннымъ числомъ шаговъ

*) Индусское слово, которое значить „ученые люди“.

между различными городами и т. д. Такъ какъ колесо никогда не подвергается таможенному досмотру, оно въ послѣдствіи хранило въ себѣ циркуль и компасъ. Четки Ненъ-Синга имѣли не сто восемь бусинъ, какъ обыкновенно, а ровно сто и служили замѣтками для его шаговъ: черезъ каждые сто шаговъ онъ опускалъ одну бусину. Отправляясь съ толпой пилигримовъ къ великому ламѣ, онъ долго подготовлялся, чтобы его святѣйшество, который, какъ предполагается, читаетъ тайны всѣхъ сердецъ, не узналъ, что онъ перодѣтъ; пундитъ принялъ смѣлый видъ и благополучно вынесъ это испытаніе.

Факсимиле пророчества.

Второй изыскатель, Кришна, очень образованный джентльмэнъ и мой личный другъ, официально извѣстенъ подъ названіемъ А-Къ благодаря перестановкѣ первой и послѣдней буквъ его имени. Онъ принесть еще больше пользы; онъ сдѣлалъ больше всѣхъ туземныхъ изыскателей. Онъ тоже дважды посѣтилъ Лхассу (второй разъ въ 1878 г.), пересѣкъ Тибетъ во всѣхъ направленіяхъ до границъ Монголіи, Китая и Бирмана и составилъ карту съ такой замѣчательной аккуратностью, что когда его цифры пересматривались въ Калькуттѣ, онѣ почти вполнѣ сошлись съ цифрами русскаго наблюдателя, полковника Пржевальскаго, тамъ, гдѣ дѣло касалось соприкосновенія Тибета съ Монголіей; это совпаденіе станеть для насъ еще удивительнѣй, когда мы вспомнимъ, что эти изыскатели измѣрили множество сотенъ миль, путешествуя по самой

пудобной странѣ въ мірѣ. Капитанъ Райдеръ, инженеръ, сообщаетъ мнѣ, что онъ также недавно провѣрялъ вычисленія А-К въ юго-восточномъ китайскомъ Тибетѣ при помощи колеснаго циркулеметра и нашелъ, что шаговыя измѣренія А-К были поразительно точны. Очень замѣчательными тибетскими тайными изыскателями были лама Уджіенъ Джіатшо и Кюнтупъ, оба натурализованные британскіе тибетцы изъ Сикхима или Дарджилинга.

Даже подобныхъ людей неразъ останавливали, какъ подозрительныхъ. Такъ какъ они доставили географическія свѣдѣнія, подвергая опасности свою жизнь, то и были награждены пенсіонами и землями.

Географическія знанія, такъ мужественно доставленныя тибетскими агентами британскаго правительства, а также изысканіе путей по внѣшнимъ областямъ м-ра Рохила и другихъ европейцевъ уже заполнили для насъ карту Тибета, первое основаніе которой положило „Ислѣдованіе ламъ“, составленное іезуитами въ царствованіе наиболѣе дѣятельнаго изъ китайскихъ императоровъ Кангши, 1717 г. *).

Въ прошедшемъ столѣтіи въ Тибетъ вошли нѣкоторые индусы и даже проникли въ его священную столицу подъ видомъ тибетцевъ. Темный цвѣтъ лица облегчалъ имъ эту задачу. Такъ, Бабу Саратъ Чандра Дасъ, изъ Бенгаліи, съ четверть столѣтія тому назадъ пробрался въ Тибетъ изъ нашего приграничнаго города Дарджилинга, въ видѣ тибетскаго спутника ламы-наблюдателя Уджіенъ Джіатшо; онъ даже пробылъ нѣсколько дней въ Лхассѣ, подъ видомъ тибетскаго монаха проникнувъ въ священный городъ съ помощью одного ламы, друга Уджіенъ Джіатшо, но о наказаніи, которому подвергся старый лама, другъ Уджіена, за то, что онъ помогъ обману, благодаря которому бенгалецъ попалъ въ Лхассу, даже страшно рассказывать; оно проливаетъ отвратительный свѣтъ на дивое безчеловѣчіе такъ называемыхъ намѣстниковъ Будды на землѣ. Я слышалъ эту исторію много лѣтъ тому назадъ отъ очевидцевъ, а потомъ изъ устъ моего друга, тибетскаго губернатора Лхассы, который плавалъ, рассказывая мнѣ о судьбѣ ламы. Этотъ добрый, старый лама былъ однимъ изъ главныхъ монаховъ западной столицы Тибета, Ташилхумпо, однако, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на политическое управленіе страной, которое всецѣло находится въ рукахъ лхасскихъ ламъ. Онъ носилъ высокое званіе „министра“ — Сенгъ-ченъ и очень желалъ научиться языку Индіи, бывшей родиной Будды, а потому попросилъ Уджіена Джіатшо въ слѣдующій разъ привезти съ собою въ Тибетъ индуса, который

*) Этотъ императоръ, по порученію котораго іезуитъ отецъ Регіусъ и другая братія составили замѣчательно точную карту Китая, гораздо болѣе точную, нежели большинство картъ Европы того времени, попросилъ ихъ сдѣлать для него также и карту Тибета. Для этой цѣли отцы-іезуиты надлежащимъ образомъ подготовили въ Пекинѣ двухъ ламъ и послали ихъ въ Лхассу и къ источникамъ Ганга; добытые ими результаты іезуиты собрали и составили первую карту Тибета, которая была отпечатана д'Анвилемъ въ трудѣ дю-Халда въ 1735 г.

могъ бы заняться съ нимъ этимъ языкомъ. Старый лама обѣщаль помочь учителю тайно пройти черезъ границу близъ Дарджилинга. Такимъ образомъ Саратъ Чандра Дасъ, который въ то время слу-

Премьеръ-министръ Тибета Шата-шапе.

жилъ учителемъ въ школѣ Дарджилинга, пронивъ въ Ташильхумпо и, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, попросилъ ламу въ отплату за его услуги доставить ему возможность взглянуть на Лхассу. Послѣ долгихъ просьбъ лама согласился; онъ убѣдилъ своего

племянника, губернатора Джантсе, которому онъ открылъ, кто такой Бабу, взявъ его съ собою въ Лхассу въ свѣтъ губернаторши. Когда черезъ годъ въ Дарджилингъ разошлась вѣсть, что добросердечный старый лама помогъ индусу прожить нѣсколько дней въ Лхассѣ, его, несмотря на высокое положеніе, бывшее немного ниже положенія великаго ламы, несмотря на всю его святость,—его считали воплощеніемъ божества, несмотря на то, что тѣла его предшественниковъ въ теченіе трехъ поколѣній заключались въ позолоченныя гробницы на большомъ ламайскомъ кладбищѣ, гдѣ они составляли предметъ поклоненія многочисленныхъ пилигримовъ, несмотря, говорю я, на все это. когда оказалось, что онъ помогъ Сарату Чандрѣ пробраться въ Лхассу, въ Лхассѣ его объявили измѣнникомъ; фанатики, лхасскіе ламы, лишили старика высокаго званія, привезли въ священный городъ и тамъ публично били на площади, а потомъ низкимъ образомъ умертвили, завязавъ ему руки за спиной. Его тѣло не похоронили, а бросили въ рѣку, протекающую съ восточной стороны Лхассы *); великій лама, имѣющій такую же власть надъ душами, какъ и надъ тѣлами, навѣки воспретилъ ему перевоплощаться **). Но, странная вещь, ребенокъ, который родился сейчасъ же послѣ убійства и теперь находится въ одномъ изъ монастырей, носитъ на себѣ доказательство того, что онъ перевоплощеніе стараго ламы; а именно: у него на лѣвомъ колѣнѣ нѣтъ колѣнной чашки, что составляетъ до крайности рѣдкую ненормальность.

Бѣдствія, причиненныя посѣщеніемъ Бабу, распространились и на родственниковъ несчастнаго ламы, на губернатора Джантсе (Фала Депенъ) и на его жену (Лха-Чамъ), которыхъ старикъ уприсилъ дружески отнести въ Сарату. Губернатора и его жену подвергли пожизненному тюремному заключенію ***), ихъ имѣнія конфисковали; многие изъ ихъ слугъ были варварски обезображены: имъ обрубили ноги и руки, выкололи имъ глаза и затѣмъ имъ предоставили умирать медленной смертью въ ужасныхъ страданіяхъ; вотъ какая жестокая злоба кипѣла въ ламахъ противъ всѣхъ, кто помогъ Бабу осмотрѣть ихъ священный городъ. Между тѣмъ, онъ не прибавилъ ничего къ тому, что мы уже знали о Лхассѣ отъ нашихъ тайныхъ наблюдателей.

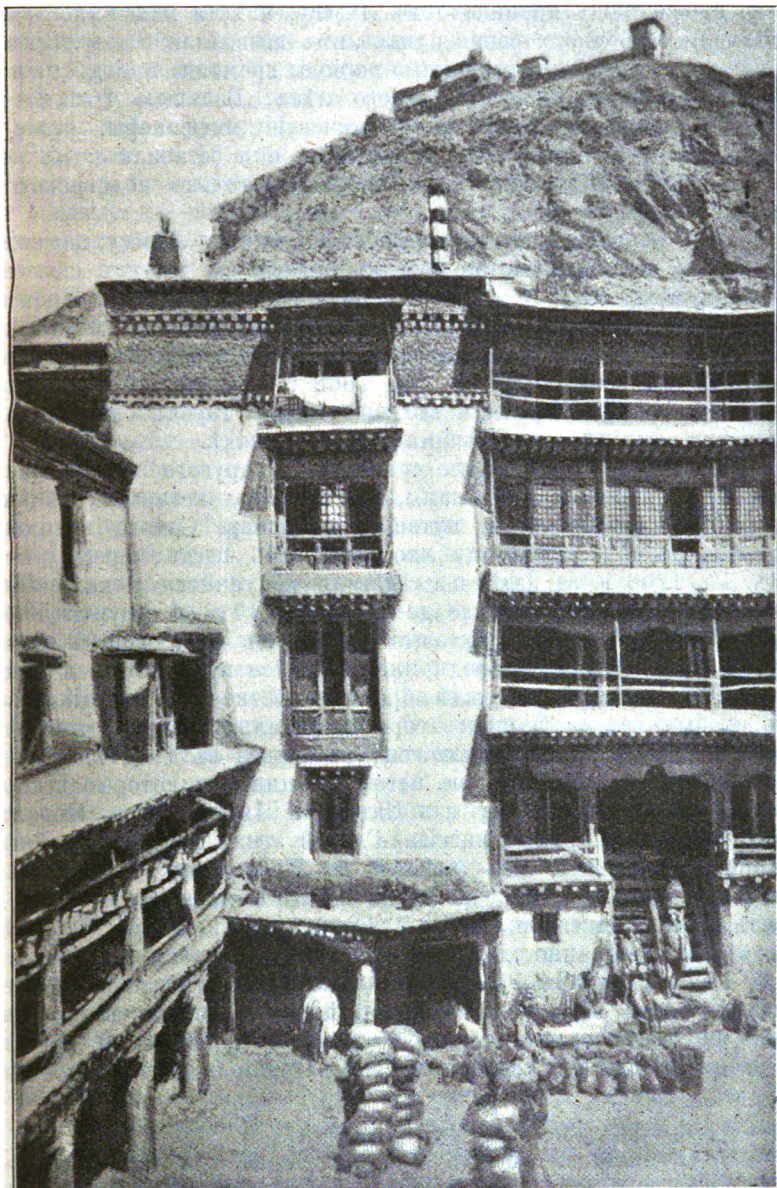
Въ числѣ азиатскихъ сосѣдей Тибета, дѣлавшихъ изслѣдованія въ этой странѣ, кромѣ индусовъ, были русскіе и доставили намъ довольно важныя свѣдѣнія о недоступномъ городѣ. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ изыскателей—г-нъ Тисбиковъ, который въ 1902 г. привезъ фотографію Лхассы. Послѣднимъ изъ всѣхъ азиатскихъ иностранцевъ, старавшихся проникнуть въ Лхассу, былъ

*) Рѣка Конгбу, близъ крѣпости-тюрьмы Шока.

**) Это не единственный случай: китайскій политическій резидентъ въ Лхассѣ донесъ, что одинъ лама вынесъ служебныя печати, и тотъ подвергся подобному же наказанію со стороны сына неба; своей небесной властью императоръ объявилъ въ „Пекинской Газетѣ“ отъ 31-го мая 1877 г., что „его душѣ не будетъ позволено переселиться послѣ смерти“.

***) Ихъ посадили въ Чукиа, крѣпость къ югу отъ Четанга, тамъ Депенъ и умеръ.

японскій священникъ Каугаучи; ему пришлось бѣжать, спасая жизнь, въ май 1902 года, когда тибетцы открыли, что онъ и къ какой на-

Фала, Донгтсе.

ціональности принадлежит. Многие изъ его друзей-монаховъ въ монастырѣ Сера, въ которомъ онъ жилъ въ Лхасѣ, были закле-

чены въ тюрьму; нѣкоторымъ, какъ говорятъ, выкололи глаза по приказанію его святѣйшества великаго ламы.

Въ противоположность мнѣнію большинства, въ былыя времена, а именно въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, большое количество европейцевъ проникало въ Лхассу, и хотя ихъ никогда не принимали особенно хорошо, однако, имъ позволяли оставаться въ священномъ городѣ на различные періоды времени, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда на много лѣтъ. Большею частью это были самоотверженные римско-католическіе миссіонеры; сухіе и далеко недостаточные разказы, которые они оставили намъ, собранные сэромъ Клеменцемъ Марегамомъ, только подстрекаютъ наше любопытство *).

Первый европеецъ, поставившій свою ногу въ Лхассу, кажется, былъ братъ Одорикъ, который, какъ полагаютъ, достигъ священнаго города въ 1330 г. по Р. Х., по дорогѣ изъ Китая. Прошло около трехъ столѣтій, когда другой европеецъ послѣдовалъ за нимъ, и также со стороны Китая. Австрійскій іезуитъ Грюберъ и бельгійскій графъ Дорвиль въ 1662 г. пришли пѣшкомъ изъ Китая въ Лхассу и пробыли въ священномъ городѣ около двухъ мѣсяцевъ; они ушли изъ Тибета черезъ Непаль.

До послѣдняго времени не существовало другого пространнаго описанія дворца великаго ламы, кромѣ того, который сдѣлалъ первый изъ этихъ двухъ путешественниковъ. Самого великаго ламу они не видали, потому что отказались пасть передъ нимъ ницъ. Въ 1706 г. за ними послѣдовали капуцинскіе монахи Жозефъ де-Аскули и Франциско де-Туръ и въ 1716 г. іезуиты Дезидери и Фрейеръ, которые путешествовали изъ Дели черезъ Кашмиръ и Лехъ. Дезидери предпринялъ смѣлое путешествіе и остановился въ Лхассѣ, въ надеждѣ обратить тибетцевъ въ христіанство. Онъ пробылъ въ священномъ городѣ тринадцать лѣтъ; потомъ его отозвалъ папа и не позволилъ ему вернуться въ Тибетъ, вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ на него капуцинами, которые вскорѣ тоже проникли въ Лхассу изъ Патна въ Индіи, черезъ Непаль, и устроили тамъ другую миссію. Главой этихъ капуциновъ былъ Ораціо делла-Пенна; онъ явился въ Тибетъ съ двѣнадцатью братьями, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ четверо въ 1719 г. черезъ Непаль достигли Лхассы и устроили тамъ миссію **), болѣе или менѣе постоянно державшуюся въ этомъ городѣ около полустолѣтія. Въ 1724 г. имъ позволили построить въ Лхассѣ капеллу, и самъ великій лама, который нѣсколько разъ велъ очень дружескіе разговоры съ отцами-капуцинами, посѣтилъ ее и былъ пораженъ всѣмъ, что увидѣлъ въ ней. Ораціо вернулся въ Римъ

*) Издано Кирхеромъ; см. мою книгу „Будда“.

**) Въ Саченъ-Нага. Около 1730 г., въ то время, какъ эти миссіонеры жили въ Лхассѣ, одинъ молодой голландскій путешественникъ, Ванъ де-Путе, переодѣвшись, достигъ этого города и послѣ „долгаго пребыванія“ тамъ отправился въ Пекинъ подъ видомъ китайскаго мандарина и наконецъ вернулся въ Индію опять-таки черезъ Лхассу; такимъ образомъ до теперешняго времени онъ былъ единственнымъ европейцемъ, который совершилъ путешествіе изъ Индіи черезъ Лхассу въ Китай. См. соч. Марегамы.

въ 1735 г. за подкрѣпленіями, и папа послалъ съ нимъ въ 1738 г. еще девять монаховъ, а также письма къ далай-ламу, къ великому ламѣ Лхассы. Монахи пріѣхали въ священный городъ въ 1740 г. и провели въ немъ еще двадцать лѣтъ *), затѣмъ были удалены изъ Лхассы, вслѣдствіе вліянія китайскаго политическаго резидента; имъ пришлось основаться въ Непалѣ, вмѣстѣ съ обращенными. Вытѣсненные отсюда жестокими гуркхами во время ихъ нашествія на эту область, капуцины поселились на британской территоріи въ Беттѣи, въ Бенгаліи, на границахъ Непала; тамъ въ 1880 г. я посѣтилъ ихъ миссію и въ первый разъ слышалъ ея захватывающую и романтическую исторію.

Миссія не оставила своей тибетской дѣятельности и, благодаря этому, существуетъ такая странность: „апостольскій викарій Тибета“, который до нынѣшняго дня еще назначается въ Римѣ, не найдя возможности основаться въ Тибетѣ, принужденъ жить въ приграничной странѣ Китая, на востокъ, или на британской территоріи въ Дарджилинскомъ участкѣ, на западъ отъ замкнутой страны.

До нынѣшняго года только одинъ англичанинъ сто лѣтъ тому назадъ видѣлъ Лхассу (если мы не будемъ считать Муркрофта). Единственный англичанинъ, о которомъ я говорю, — Томасъ Менингъ, служившій въ китайскомъ отдѣленіи остъ-индской компаніи. Онъ былъ другомъ Чарльза Лэмба, также служившаго въ той же компаніи въ Лондонѣ. Менингъ, очарованный романтическими разсказами о Китаѣ и о таинственной странѣ, находящейся въ зависимости отъ него, о Тибетѣ, рѣшилъ посвятить свою жизнь изслѣдованію этихъ мѣстъ. Лэмбъ старался отговорить своего друга отъ того, что онъ называлъ безумными намѣреніями:

„Повѣрь мнѣ, — пишетъ Лэмбъ, — все это выдумки поэтовъ. Постарайся излечиться. Выпей чемерицы. Старайся избѣгать испушенія. Перестань читать путешествія, всѣ они — ложь“.

Однако, Менингъ поступилъ въ китайское отдѣленіе остъ-индской компаніи для того, чтобы выучиться китайскому языку и узнать обычаи народа, такъ какъ это было необходимо для его цѣли. Проведя три года въ Кантонѣ, онъ въ 1811 г. отправился въ Калькутту, прося официальной помощи для своего предпріятія; однако, узкость взглядовъ тѣхъ дней заставляла правительство относиться очень недружелюбно къ начинаніямъ людей, не принадлежавшихъ къ извѣстной кликѣ, хотя бы и необычайно хорошо подготовленныхъ; оно отказало ему въ помощи какого бы то ни было рода; ему даже не дали вѣрительныхъ писемъ. Огорченный такимъ официальнымъ пренебреженіемъ, Менингъ тѣмъ не менѣе храбро пустился одинъ въ путь; подъ видомъ китайскаго доктора, переноса безконечныя трудности, онъ шелъ черезъ Бхотанъ къ Лхассѣ. Въ священномъ городѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и имѣлъ нѣсколько дружескихъ свиданій съ великимъ

*) Одинъ изъ нихъ, Беллгатти, оставилъ дневникъ, изъ котораго большинство свѣдѣній помѣщено въ „Alphabetum Tibetanum“ Джорджа. Римъ 1762 г.

ламой. Наконецъ китайцы его арестовали и отослали въ Индію. Оттуда онъ той же дорогой вернулся въ Китай, но, возмущенный отношеніемъ правительства, не представилъ рапорта о своихъ путешествіяхъ и даже никому не рассказывалъ о томъ, что видѣлъ. Онъ оставилъ только отрывочныя замѣтки въ необработанномъ дневникѣ *).

Въ этомъ дневникѣ довольно подробно описано свиданіе Менинга съ великимъ ламой и подерѣпляется вѣра въ сверхъестественность этого священнаго лица, которое передъ посѣщеніемъ Менинга „переселилось“ въ тѣло маленькаго ребенка.

„Въ этотъ день (17-го декабря 1811 г.) я привѣтствовалъ великаго ламу. Прелестное юное созданіе! Лицо поэтически трогательное. Можно было заплакать. Я очень счастливъ, что видѣлъ его и его благословенную улыбку. Надѣюсь часто видѣть его“. Менингъ продолжаетъ рассказывать такъ:

„Красивое и интересное лицо ламы и его манеры поглотили все мое вниманіе. Въ это время ему было около семи лѣтъ; онъ отличался простыми, не аффектированными манерами хорошо воспитаннаго царственнаго дитяти. Его лицо показалось мнѣ поэтически и трогательно прекраснымъ. Онъ былъ веселъ и беззаботенъ, его прелестный ротъ постоянно складывался въ граціозную улыбку, которая освѣщала всѣ его черты... Онъ спросилъ меня, не встрѣтилъ ли я на пути затрудненій и неприяностей, на что я сейчасъ же отвѣтилъ, какъ слѣдуетъ. Я сказалъ, что у меня были неприятели, но что, испытавъ счастье очутиться въ его присутствіи, я былъ вполне вознагражденъ за все и пересталъ думать объ испытанныхъ трудностяхъ. Я увидѣлъ, что этотъ отвѣтъ понравился и ламѣ, и окружающимъ его“.

Менинга спросили, не нужно ли ему чего-нибудь, и онъ пишетъ: „Я попросилъ великаго ламу дать мнѣ книги, говорящія о его религіи и древней исторіи, а также прислать мнѣ одного изъ его ученыхъ ламъ, знающаго китайскій языкъ, который помогъ бы мнѣ въ чтеніи“. Эта просьба была исполнена только отчасти: Менингу обѣщали приготовить копии съ книгъ и потомъ выдать ихъ ему.

Этотъ несчастный ребенокъ умеръ нѣсколько лѣтъ спустя, какъ говорятъ, убитый регентомъ **), которому хотѣлось удержать по долгу главную власть въ своихъ рукахъ.

До Менинга только двѣ партіи англичанъ были въ Тибетѣ, но никто изъ принадлежавшихъ къ нимъ не достигъ Лхассы. Я говорю объ эмиссарахъ Уаррена Гастингса, перваго и величайшаго изъ нашихъ генераль-губернаторовъ британской Индіи. Этотъ дальновидный администраторъ, который сумѣлъ превратить торговую ость-индскую компанію въ великое могущество и источникъ силы Англіи, обладалъ очень развитыми географическими инстинктами. Въ первый годъ своего назначенія онъ отправилъ изыскателей для изученія своей территоріи, и результатомъ этого явилась

*) Онѣ были напечатаны Маркгамомъ.

***) Его звали Си-фанъ.

знаменитая карта Реннеля, первая правильная карта Индии. Въ тотъ же годъ Уарренъ Гастингсъ попытался завязать дружескія и коммерческія отношенія между страной ламъ и долинами Бенгалии. Для этой цѣли онъ учредилъ большую ярмарку у подножія горъ въ Бенгпурѣ, ниже Бхотана, и, воспользовавшись письмомъ, полученнымъ имъ отъ великаго ламы западнаго Тибета, въ которомъ тотъ просилъ за бхотанетскихъ *) грабителей, въ 1774 г. отправилъ въ нему миссію, состоящую изъ м-ра Богля, члена магистратуры, и д-ра Гамильтона, члена индійскаго медицинскаго управленія; Уарренъ Гастингсъ надѣялся такимъ путемъ завести новую торговлю. Въ западномъ Тибетѣ миссію приняли хорошо, но ей не позволили отправиться въ Лхассу; точно также ей не удалось заключить торговый трактатъ съ Тибетомъ. Но все же Уарренъ Гастингсъ сдѣлалъ великое дѣло, завязавъ дружескія отношенія съ западнымъ Тибетомъ. Для того, чтобы укрѣпить эту дружбу, Уарренъ Гастингсъ устроилъ тибетскій храмъ въ Гоура**), въ Калькуттѣ, и воспользовался смертью дружески расположеннаго къ нему ламы Ташильхумпо въ западномъ Тибетѣ, чтобы послать другую миссію для поздравленія новаго ламы съ его „перевоспощеніемъ“ (тибетцы вѣрятъ, что ихъ великіе ламы никогда не умираютъ, а послѣ видимой смерти только переселяются въ тѣло новорожденнаго ребенка). Поздравительная миссія отправилась въ 1783 г. подъ руководствомъ капитана Тёрнера, родственника Уаррена Гастингса, такъ какъ въ это время Богль умеръ. Повидимому, на капитана Тёрнера произвели сильное впечатлѣніе сверхъестественное достоинство ребенка и декорумъ, окружавшій его, хотя невозможно не почувствовать ироніи въ отрывкѣ изъ его дипломатическо-исторической замѣтки, ироніи настолько же сильной, насколько велика официальная ловкость документа.

Утромъ 4-го декабря (1783 г.) британскій посланный получилъ аудіенцію; онъ увидѣлъ, что великій лама, которому въ то время было полтора года, сидѣлъ на тронѣ, съ отцомъ и съ матерью по лѣвую руку. Капитану Тёрнеру сказали, что хотя младенецъ не можетъ говорить, но онъ все понимаетъ, а потому глава миссіи сказалъ:

— Генераль-губернаторъ, узнавъ въ Китаѣ о вашей болѣзни, былъ пораженъ огорченіемъ и печалью и продолжалъ оплакивать ваше отсутствіе изъ этого міра до тѣхъ поръ, пока туча, омрачавшая счастье вашей націи, не разсыялась, благодаря вашему новому появленію. Его наполнила радость, которая была, если это

*) Бхотанцы въ 1773 г. наводнили Кучъ-Бехаръ, находившійся въ зависимости отъ остъ-индской компаніи, и увели въ неволю его раджу. Компанія послала отрядъ войска, который снова завладѣлъ Кучъ-Бехаромъ и жестоко наказалъ бы бхотанцевъ, если бы Уарренъ Гастингсъ не простилъ ихъ послѣ заступничества великаго ламы.

**) Храмъ для тибетскихъ кушцовъ, посѣщающихъ Калькутту, былъ снабженъ заботами друга Богля, великаго ламы Ташильхумпо, тибетскими книгами и изображениями. Это строеніе снова открыли въ 1887 г. вмѣстѣ съ его книгами и нѣкоторыми изъ его изображеній, изъ которыхъ нѣкоторыя теперь почитаются, какъ индусскія божества. Онъ носитъ названіе „тибетскаго сада“ (Бхотъ-Баганъ).

возможно, еще больше печали, испытанной имъ при полученіи первой печальной новости. Губернаторъ трепетно желаетъ, чтобы вы какъ можно дольше освѣщали мѣръ вашимъ присутствіемъ, надѣется, что дружба, которая раньше существовала между нами, не уменьшится, а скорѣе станетъ еще больше прежняго, и просить, чтобы вы, продолжая выказывать доброту къ его соотечественникамъ, установили постоянныя сообщенія между вашими владѣніями и тѣмъ, что принадлежитъ британской націи.

Младенецъ смотрѣлъ на капитана Тёрнера съ большимъ вниманіемъ и нѣсколько разъ медленно наклонилъ голову, точно повиная и одобряя каждое слово. Все его вниманіе было обращено на главу миссіи и онъ велъ себя съ изумительнымъ достоинствомъ, сохраняя декорумъ. Никогда капитанъ Тёрнеръ не видалъ болѣе красиваго ребенка *).

Однако, этой миссіи также не удалось проникнуть въ Лхассу или заключить какой-нибудь коммерческой договоръ, вслѣдствіе враждебности китайскаго резидента въ Лхассѣ, который, какъ предполагается, былъ причиной письма, посланнаго регентомъ Лхассы къ ламѣ западнаго Тибета, дружески расположенному къ намъ. Онъ слышалъ **), писалъ регентъ, что два феринги (два европейца) пріѣхали въ Тибетъ съ большой свитой слугъ; феринги очень любятъ войну и, проскользнувъ въ страну, производятъ смуты и дѣлаются ея господами; феринги никогда не допускались въ Тибетъ, и онъ совѣтуетъ ламѣ Ташильхумпо найти какое-нибудь средство отправить ихъ вонъ; императоръ Китая, добавилъ регентъ, воспретилъ допускать въ Тибетъ какихъ-либо чужезстраницевъ.

Говорятъ, будто англичанинъ, д-ръ Муркрофтъ, проникъ въ Лхассу въ 1826 году и много лѣтъ оставался въ священномъ городѣ. Однако, другіе утверждаютъ, что онъ умеръ въ 1826 г., не достигнувъ Лхассы. Карьера д-ра Муркрофта замѣчательна. Онъ посвятилъ себя коммерческой эксплуатаціи Ладака и сѣверо-западнаго Тибета, главнымъ образомъ, намѣреваясь доставлять разведенныхъ тамъ лошадей правительству Индіи; однако, какъ и въ случаѣ съ Менингомъ, на просьбу Муркрофта признать официальными его сношенія съ этими далекими странами, послѣдовалъ суровый отказъ. Даже когда, не обращая вниманія на то, что у Муркрофта не было официального положенія, главы Ладака, довѣріе которыхъ докторъ приобрѣлъ своей близостью къ народу, выбрали его своимъ посредникомъ, прося его передать правительству Индіи, что они желаютъ поручить покровительству Англии свою страну, опять-таки послѣдовалъ рѣзкій отпоръ. Въ результатъ сикхи наводнили Ладакъ и вслѣдствіи области, вмѣстѣ съ Кашмиромъ, перешла къ раджѣ сикховъ и была потеряна для Англии. Вскорѣ послѣ этого Муркрофтъ исчезъ, и рассказъ, который г-нъ Хукъ слышалъ въ Лхассѣ изъ устъ слуги доктора, а также изъ устъ многихъ тибетскихъ официальныхъ лицъ, рассказъ о долгомъ пребываніи

*) Тёрнеръ. „Посольство ко двору Теша-ламы“.

***) Это касалось м-ра Богля.

Муркрофта въ этомъ городѣ подѣ видо́мъ кашмирскаго купца, мнѣ кажется вполне возможнымъ.

Вотъ какую исторію, подтвержденную многими лицами въ Лхассѣ, передавалъ слуга: въ 1826 г. Муркрофтъ явился изъ Ладака въ Лхассу со своимъ ладакскимъ слугою; онъ носилъ мусульманское платье и говорилъ по-персидски, выражаясь на этомъ языкѣ съ такой свободой, что лхасскіе кашмирцы принимали его за одного изъ своихъ соотечественниковъ. Онъ нанялъ въ городѣ домъ и прожилъ въ немъ двѣнадцать лѣтъ вмѣстѣ со своимъ слугою Нишаномъ, котораго онъ привелъ съ собою изъ Ладака; самъ этотъ слуга думалъ, что его господинъ уроженецъ Кашмира. Муркрофтъ купилъ нѣсколько стадъ козъ и воловъ, отпавилъ ихъ въ горныя проходы высотъ, окружающихъ Лхассу, и поручилъ тибетскимъ пастухамъ. Подѣ предло́гомъ осмотра своихъ стадъ притворный мусульманинъ свободно развѣзжалъ, дѣлалъ рисунки и изготовлялъ географическія карты. Наконецъ, проживъ въ Лхассѣ двѣнадцать лѣтъ, Муркрофтъ пустился въ обратный путь въ Ладаку, но въ провинціи Нарі (или Гундешъ), въ сѣверо-западномъ Тибетѣ, на него напала шайка разбойниковъ и зарвѣзала его. Тибетское правительство преслѣдовало и арестовало убійцъ и грабителей, захватило часть собственности англійскаго путешественника и въ его вещахъ нашло цѣлую коллекцію географическихъ рисунковъ и картъ. Только при видѣ этихъ вещей лхасскія власти поняли, что Муркрофтъ былъ англичаниномъ*).

Послѣдними европейцами, побывавшими въ Лхассѣ, были два француза, священники-лазаристы, Хукъ и Габе. Въ 1845 г. они отправились инспектировать новый викарный приходъ Монголіи, только-что созданный папой. 9-го января 1846 г. они вступили въ священный городъ и пробыли въ немъ около мѣсяца, залѣмъ ихъ, какъ и прежнихъ миссіонеровъ, вытѣснили изъ Лхассы, благодаря вліянію китайскаго министра-резидента, который хитро убѣдилъ ламу, что его духовное могущество потерпитъ пораженіе, благодаря христіанскимъ миссіонерамъ; однако, предполагается, что настоящую причину дѣйствія китайскаго посланника въ этомъ случаѣ составляла месть за пораженіе Китая во время „борьбы изъ-за опиума“.

Несомнѣнно, что Китай, пользуясь своею сюзеренною властью надъ Тибетомъ, постоянно заставлялъ вытѣснять европейцевъ изъ этой страны, боясь, что въ противномъ случаѣ китайскіе коммерческіе интересы и политическое значеніе пострадаютъ. Сюзеренная власть Китая возникла только въ 1720 г. по Р. Х., когда китайская армія вступила въ Тибетъ по приглашенію одной изъ враждовавшихъ партій монаховъ Лхассы и подавила гражданскую и религіозную войну, вспыхнувшую въ священномъ городѣ. Водворивъ порядокъ, императоръ Кангши впервые помѣстилъ въ Лхассѣ двухъ китайскихъ мандариновъ въ качествѣ политическихъ агентовъ или „ам-

*) „Путешествія по Татаріи“. Хукъ оспариваетъ утверженіе, будто Муркрофтъ умеръ, не достигнувъ Лхассы. Дѣйствительно, было легко ошибиться.

бановъ *) (о которыхъ мы столько слышали недавно), давъ имъ широкія полномочія и значительные отряды для охраны. До тѣхъ поръ Тибетъ, хотя и платившій номинальную подать Китаю, въ дѣйствительности былъ совершенно независимъ. Въ видѣ земельной собственности Китайъ въ ту же эпоху взялъ себѣ большой кусокъ богатѣйшей части восточнаго Тибета **)

Китайъ сталъ еще строже требовать исключенія европейцевъ изъ Тибета послѣ того, какъ императору Ченлунгу (который славится своимъ художественнымъ фарфоромъ) въ 1792 г. пришлось послать армию, чтобы выгнать изъ Тибета гуркховъ. Въ тотъ годъ разбойничье племя гуркховъ, привлеченное разсказами о громадныхъ богатствахъ, собранныхъ въ большомъ монастырѣ западнаго Тибета, который посѣтили Богль и Тёрнеръ, отправило экспедицію съ цѣлью его ограбить. Пораженные паникой монахи обратились къ китайскому императору, и армія Ченлунга разбила гуркховъ, прогнала ихъ черезъ Киронгскій проходъ (около 16.000 футовъ надъ уровнемъ моря) и, преслѣдуя ихъ до Непала, нанесла имъ позорное пораженіе подлѣ ихъ столицы (Катманду ***). Китайскій генералъ донесъ, что гуркхамъ помогали британскіе офицеры (однако, это не доказанный фактъ), а потому Китайъ устроилъ укрѣпленіе въ Фари и въ другихъ пунктахъ индійской границы, чтобы преградить всякій доступъ въ Тибетъ съ этой стороны.

Со времени нашей Сикхимъ-тибетской войны въ 1880 г. китайцы все время помогали тибетцамъ еще строже прежняго не допускать европейцевъ въ ихъ страну.

Моя собственная частная попытка добраться до Лхассы со стороны Непала, лѣтомъ 1892 года, подъ видомъ тибетскаго пилигрима, скрывъ наблюдательные инструменты въ молитвенныхъ колесахъ, въ пустыхъ посохахъ, въ корзинахъ съ двойнымъ дномъ, не удалась; на мое несчастье, раджа гималайскаго государства Сикхимъ, находящагося подъ нашимъ покровительствомъ и лежащаго къ востоку отъ Непала, попался въ интригахъ съ тибетцами и бѣжалъ со всѣми своими богатствами въ Тибетъ какъ разъ въ то самое время и по той самой дорогѣ, которую я намѣтилъ для моего путешествія. Проходъ, избранный раджей при его неожиданной экскурси, единственный, который могъ послужить для моихъ цѣлей, такъ строго охранялся и непальцами, и тибетцами, что меня и мою маленькую свиту сейчасъ же замѣтили. Въ проходахъ, удаленныхъ отъ центральной провинціи, еще было возможно избѣгать пограничныхъ сторожей, такъ что я сдѣлалъ нѣсколько путешествій во

*) Это манджурское слово и всѣ амбаны манджуры; каждый изъ нихъ носитъ слѣдующій титулъ: императорскій помощникъ резидента въ Тибетѣ и военный депутатъ, вице-губернаторъ.

***) Области Дартсендо (Та-тсиен-лу), Литхангъ со своими серебряными минами, Багхангъ и Амдо—все, что теперь входитъ въ провинцію Сце-чуань.

****) Тогдашній амбанъ Лхассы очень оригинально говоритъ объ этой китайской арміи въ письмѣ, переведенномъ Рокхилемъ. „Въ настоящее время (1791 г.) дикіе гуркхи повсюду выказываютъ свою способность обманывать; но императорскія войска двигаются на нихъ, и имъ такъ же не удастся спастись, какъ рыбакамъ изъ котла; вотъ какъ легко будетъ потушить огни возмущенія и возстановить порядокъ“. И амбанъ оказался совершенно правъ.

внутренность страны, выбирая при этомъ мѣста для остановокъ уже въ темнотѣ, чтобы обманывать шпионовъ и разбойниковъ. Такимъ образомъ, я дважды проникалъ до истоковъ рѣки Сутледжъ въ сѣверо-западномъ Тибетѣ; когда же меня остановили и открыли, кто я, мнѣ, конечно, пришлось вернуться, чтобы избѣжать политическихъ осложненій.

Европейцу было почти невозможно избавиться отъ ареста, потому что лхасскіе ламы подѣ страхомъ смертной казни приказывали каждому сельскому старостѣ центрального и сѣверо-западнаго Тибета не позволять ни одному иностранцу проходить черезъ его деревню или останавливаться въ ней; староста же передавалъ эту отвѣтственность съ такими же угрозами каждому изъ крестьянъ. Благодаря этому всѣ тибетцы такъ зорко и такъ усердно всматривались въ лица путешественниковъ, что наши тибетскіе тайные наблюдатели постоянно навлекали на себя ихъ подозрительность и бывали задержаны. Даже Кауагучи, обладавшій вполне монгольскими чертами лица, нерѣдко вызывалъ подозрѣніе.

— Вы не тотъ, за кого себя выдаете,—сказалъ одинъ изъ его подозрительныхъ проводниковъ:—Я думаю, вы переодѣтый англичанинъ. Если же вы не настоящій англичанинъ, то во всякомъ случаѣ какой-то европеецъ.

Однако, зная, что въ силу случайности можно избѣжать ареста, я рѣшился поймать этотъ счастливый случай, хотя тибетскіе шпионы, жившіе въ Дарджилингѣ, слѣдили за всѣми моими дѣйствіями, и описаніе моей наружности было отправлено въ Лхассу. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, говорилось о синихъ глазахъ, и д-ръ Свенъ-Хединъ очень удивлялся, почему тибетцы, поймавшіе его, съ особенной настойчивостью заглядывали ему въ глаза.

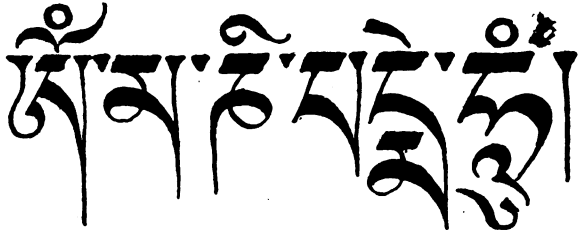
Почти непреодолимая преграда для входа въ ту или другую часть собственно Тибета, хотя бы даже отдаленную отъ зачарованной Лхассы, повидимому, заставили многихъ европейскихъ путешественниковъ послѣднихъ лѣтъ перенести границы магического термина „Тибетъ“ далеко на сѣверъ, включивъ въ нихъ все пространство большой необитаемой пустыни Чангтангъ, лежащей между заселеннымъ Тибетомъ и стѣнной Куенъ-Луна на высокомъ плоскогоріи, которое поднимается надъ низменностями центральной Азіи; между тѣмъ, ни эта никому не принадлежащая страна, ни ея окрестности не охраняются тибетцами или кѣмъ-нибудь инымъ на протяженіи многихъ сотенъ миль. Въ результатъ у публики явилось фальшивое мнѣніе, будто Тибетъ—обширная пустынная равнина, холодная, обнаженная, безъ деревьевъ, что, какъ мы увидимъ, совершенно несогласно съ истиной.

Благодаря изолированности Лхассы, сохранявшейся столько столѣтій, этотъ городъ сдѣлался центромъ самой крайней въ мірѣ формы правительства священниковъ, и его властелинъ, погруженный въ полнѣйшее бездѣйствіе, могъ присвоить себѣ положеніе божества. Великаго ламу обожаютъ, какъ проявленіе божественнаго существа, принявшаго безсмертную форму на землѣ,—сверхъестественное положеніе, которое производило на умы европейцевъ странное очарованіе.

ГЛАВА II.

Великій лама и его эволюція въ качествѣ священника-бога Лхассы.

Омъ! Мани пад-ме кунг.

Привѣтъ! Драгоценность (великій лама) въ цвѣтѣхъ лотоса.

Для того, чтобы понять обстоятельства, которые послужили причиной отправки британской миссии въ Лхассу, необходимо немного подробнѣе заглянуть въ раннюю исторію и въ традиціонныя преданія Тибета.

Нѣкогда тибетцы представляли очень воинственное племя и управлялись своими собственными вождями и царями, которые избирались народомъ за большую личную силу и за военные удачи. Это было до появленія буддизма въ Тибетъ и задолго до его вассальнаго подчиненія Китаю; въ тѣ дни тибетцы еще были жестокими дикарями, не имѣвшими письменности.

Въ эту эпоху, 400—600 гг., китайцы говорили о своихъ тибетскихъ сосѣдяхъ, какъ о кровожадныхъ, варварскихъ пастухахъ, раздѣленныхъ на маленькіе кланы, постоянно сражавшіеся другъ съ другомъ. Каждый годъ они приносили „маленькую присягу“ своему главѣ и при этомъ въ видѣ жертвоприношенія убивали овецъ, собакъ и обезьянъ. Черезъ каждые три года они приносили „большую присягу“ и убивали людей, лошадей, быковъ и ословъ. У нихъ не было письменности и для замѣтокъ они употребляли палочки съ зарубками или веревки съ завязанными узлами. Еще и теперь существующій знакъ соглашенія, состоящій изъ сломаннаго камня, причемъ каждая изъ сторонъ сохраняетъ его половину (какъ это дѣлаютъ англійскіе влюбленные съ разломанной шестипенсовой монеткой), служить остаткомъ обычая тибетцевъ ранняго періода.

Происхожденіе, на которое тибетцы съ любовью заявляютъ притязаніе, восхитило бы сердце лорда Монбодо, опередившаго Дарвина въ его гипотезѣ. Тибетцы считаютъ своимъ прародителемъ обезьяну, которая переходила черезъ Гималаи и тамъ женилась на горной дьяволицѣ. Юное потомство обезьянъ съѣло волшебныя зерна, данныя ему сострадательнымъ духомъ горъ (который впоследствии сдѣлался великимъ ламой). И удивительно были послѣдствія этого. Шерсть и хвосты юныхъ созданий исчезли. Они начали говорить, они стали людьми. Замѣтивъ въ себѣ перемѣну,

первые люди надѣли одежды изъ листьевъ. Такимъ образомъ тибетцы объясняютъ главныя черты своего характера и наклонностей; по ихъ словамъ, отъ отца они унаслѣдовали любовь къ благочестію (они могли бы прибавить — къ обезьянничанью), отъ матери получили грубость, жестокость, кровожадность и способность обманывать *).

Въ началѣ VII столѣтія, какъ разъ въ то время, когда они появляются на туманномъ горизонтѣ исторіи, тибетцы заняли верхній Бирманъ и западный Китай и принудили китайскаго императора къ позорному миру; во имя одного изъ условій этого мира съ Китаемъ въ 640 г. тибетскій царь Сронгстанъ Гампо, тогда двадцатитрехлѣтній молодой человекъ, женился на китайской принцессѣ.

Очень интересны подробности, которыя вспоминаются въ китайскихъ анналахъ того времени: „Тибетскій царь воздвигнулъ для нея дворецъ, состоявшій (на горѣ Потала) изъ стоячихъ бревенъ и лежащихъ стропиль (по китайскому образцу). Когда принцесса сказала, что ей не нравится красно-коричневая краска на лицахъ народа, онъ приказалъ отмѣнить обычай краситься. Больше: онъ самъ вмѣсто войлока и овечьихъ шкуръ надѣлъ прекрасныя шелковыя и брокаровыя одежды и постепенно принялъ китайскіе обычаи. Дѣтей главнѣйшихъ лицъ Тибета онъ отправилъ въ національныя школы Китая. Онъ выписалъ яйца шелковицныхъ червей, каменщиковъ и прессы для изготовленія вина, а также лицъ, умѣвшихъ изготовлять бумагу и чернила. Все было исполнено, какъ онъ желалъ.

Китайская принцесса, также какъ и другая жена Сронгстана, родомъ изъ Непала, была горячей буддисткой, и онъ вмѣстѣ быстро обратили молодого мужа въ свою вѣру и заставили его ввести ихъ религію въ дикій Тибетъ. Онъ скоро сдѣлался самымъ усерднымъ покровителемъ буддизма и посвятилъ свое богатство и все средства на то, чтобы распространить эту религію въ своихъ владѣніяхъ. Сронгстанъ послалъ за буддійскими священниками въ Индію, гдѣ буддизмъ все еще процвѣталъ, и попросилъ ихъ сдѣ-

Сострадательный духъ, воплощенный въ великаго ламу.

*) „Жизнь Будды“ Рокхила; мой „Буддизмъ“.

лать тибетскій языкъ письменнымъ, введя индусскій алфавитъ, который и до сихъ поръ остается въ Тибетѣ; на этотъ новый письменный языкъ своей страны онъ приказалъ перевести многія изъ самыхъ важныхъ буддйскихъ книгъ Индіи и Китая.

Новая религія, которую царь силой привилъ народу, въ угоду своимъ любимымъ женамъ, для его страны оказалась благомъ не безъ непріятной примѣси. Въ концѣ концовъ буддизмъ превратился въ ужасную паразитную болѣзнь, которая вѣдрялась въ жизненные силы Тибета и подтачивала ихъ. Уже и безъ того очень нечистая форма буддизма, введенная въ страну Сронгстана, сдѣлалась въ ней только прикрытіемъ наихудшихъ формъ угнетающаго поклоненія дьяволу; въ силу новыхъ вѣрованій, бѣдные тибетцы вѣчно боялись нападенія тысячъ лукавыхъ дьяволовъ и въ этой жизни, и въ будущемъ мірѣ и безъ конца платили громадныя суммы своимъ священникамъ для предупрежденія бѣдъ. Подъ верховнымъ покровительствомъ „тибетскаго Карла Великаго“ и его наслѣдниковъ, буддйскіе священники или ламы, какъ ихъ называютъ въ Тибетѣ, быстро умножились. Вскорѣ они захватили въ свои руки почти всю государственную власть и, послѣ борьбы изъ-за первенства со старымъ дворянствомъ, одержали верхъ и превратили тибетскихъ царей въ бездѣятельныхъ куколъ. Позже они совершенно вытѣснили царей и открыто присвоили себѣ верховную власть.

Цареніе священниковъ въ Тибетѣ, какъ и въ другихъ странахъ, оказалось ретрограднымъ. Ламы управляли страной всецѣло въ своихъ интересахъ. Они даже не были духовными лицами, никогда не проповѣдывали свѣтскимъ людямъ и не воспитывали ихъ, напротивъ, держали народъ въ невѣжествѣ и рабствѣ. Со времени возвышенія ламъ тибетцы остались безъ всякой духовной поддержки священниковъ и, лишенные своей силы и бодрости духа, какъ нація, падали и гибли.

Первымъ священникомъ-царемъ Тибета сдѣлался верховный священникъ ламайскаго монастыря „красныхъ шапокъ“ въ Сакіи, въ западномъ Тибетѣ. Онъ уже былъ маленькимъ царькомъ въ своей области, а въ 1252 г. великій моголь, императоръ Китая Кублай-Ханъ, далъ ему власть надо всемъ Тибетомъ за то, что онъ принялъ на себя официальную обязанность освящать и короновать императоровъ Китая; совершенно такъ же христіанскій папа, помазавъ Карла, великаго императора Запада, въ благодарность за эту услугу получилъ духовную силу надо всеми душами въ императорскихъ владѣніяхъ. Кублай-Ханъ, сынъ знаменитаго Чингисъ-Хана, какъ мы знаемъ изъ рассказовъ его слуги Марко Поло и другихъ, былъ очень просвѣщеннымъ правителемъ и пользовался услугами всѣхъ талантливыхъ людей, гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ ихъ, между европейцами или азіатами. Онъ отыскивалъ религію, которая могла бы сплотить наиболѣе нецивилизованныя части его новой имперіи, и для этого призвалъ къ своему двору самыхъ могущественныхъ ламъ, а также представителей христіанства и еще многихъ другихъ религій. Послѣ изслѣдованія религій, онъ для себя и своего народа выбралъ ламаизмъ, какъ религію, имѣющую болѣе общаго съ

народными вѣрованіями, уже укоренившимися въ Китаѣ и Монголіи, нежели конфуціанство, магометанство или христіанство.

Обращенію въ буддизмъ императора Кублай-Хана придали чудесный характеръ. Говорятъ, онъ потребовалъ, чтобы присланные къ нему папой христіанскіе миссіонеры показали ему какое-нибудь чудо въ доказательство превосходства своей религіи, и прибавилъ, что если имъ не удастся сдѣлать чуда, а ламы совершатъ его, онъ приметъ буддизмъ. И вотъ въ присутствіи миссіонеровъ, которые не могли исполнить требованія Кублая, по желанію ламъ, винный кубокъ императора чудеснымъ образомъ поднялся къ его губамъ. Послѣ этого императоръ принялъ ламайскую религію, а пристыженные миссіонеры объявили, что кубокъ былъ поднятъ самимъ дьяволомъ, въ когти котораго попалъ императоръ. Кублай воздалъ великому ламѣ, или настоятелю монастыря Сакіи, царскія почести, подарилъ ему яшмовую печать и даровалъ китайскій титулъ.

Когда монгольская династія пала въ Китаѣ, ея калмыцкіе князья бѣжали въ Монголію, въ границамъ Сибири; тамъ, отгнанные отъ Тибета, они избрали для себя собственнаго великаго ламу. Преемники его и до теперешняго дня всегда живутъ въ своей столицѣ въ Урѣ, подлѣ большого озера Лобъ-Норъ, имѣя политическія сношенія съ находящимися въ этомъ городѣ русскими официальными лицами.

Лишившись покровительства монгольской династіи, первосвященникъ Сакіи и его преемники все же около четырехъ столѣтій царили надъ наибольшей частью Тибета, хотя новая китайская династія, желая поколебать ихъ могущество, раздавала яшмовыя печати и царскіе титулы всѣмъ главамъ важнѣйшихъ монастырей враждебныхъ имъ орденовъ. Въ 1641 г. разбойничьи бродячія татарскія племена, нахлынувшія съ сѣвера, старались опрокинуть старозавѣтное правленіе ламъ.

Одинъ честолюбивый священникъ, глава могучей новой секты — „желтыхъ шапокъ“ или такъ называемаго „добродѣтельнаго ордена“ (Джелукъ-Па), воспользовался тѣми преимуществами, которыя ему дало это нашествіе, а также падавшей властью верховнаго священника Сакіи, и выхватилъ свѣтское правленіе изъ рукъ „красныхъ шапокъ“. Онъ самъ происходилъ изъ царскаго рода и убѣдилъ своего покровителя татарскаго князя Гуши-хана, свергнуть путемъ вооруженной силы первосвященника Сакіи и отдать власть ему, главѣ Джелукъ-Па. Въ отплату Гуши и его преемники были сдѣланы военными начальниками Лхассы, съ титуломъ царей, между тѣмъ de facto абсолютнымъ монархомъ остался этотъ главный священникъ „желтыхъ шапокъ“. Онъ носилъ прозвище: „Великъ, какъ океанъ“ (по-тибетски „Джіатшо“), что на монгольскомъ языкѣ его татарскаго покровителя звучало „далай“; отсюда и явился титулъ „далай-лама“ (въ просторѣчій Та-Ле), названіе, подъ которымъ священники-цари Лхассы извѣстны европейцамъ *). Впрочемъ,

*) Титулъ „далай“ монголы раньше давали двумъ изъ его предшественниковъ, которые, какъ доказалъ м-ръ Рокхиль, носили такое же прозвище, какъ и онъ.

перваго далай-ламу тибетцы называли: „Драгоценный покровитель торжествующаго господина“ (Джіал-уа или Кіаб-гон Рим-по-че), а не „далаемъ“. Тѣмъ не менѣе, говоря о немъ, я буду употреблять титуль „далай“, такъ какъ это наиболѣе извѣстное для европейцевъ названіе великаго ламы Лхассы. Завладѣвъ трономъ, онъ посѣтилъ манчжурскаго императора Китая, который только-что свергъ съ престола династію Минговъ; великій лама предложилъ императору свое подданство, а за это была утверждена его верховная власть надъ Тибетомъ.

Этотъ тибетскій кардиналь Уольсей, первый изъ первосвященниковъ-царей или далай-ламъ Лхассы, носилъ имя Лобпангъ — краснорѣчивый. Онъ былъ прирожденнымъ дипломатомъ и представляетъ собою самую властную фигуру, которая когда-либо появлялась на подмосткахъ тибетской исторіи. Насколько я могу утверждать *), именно онъ облекъ себя и своихъ преемниковъ сіяніемъ божественнаго происхожденія и одарилъ сверхъестественными предками, съ цѣлью упрочить свою власть и пріобрѣсти наибольшее суевѣрное уваженіе бѣдныхъ тибетцевъ. Мнѣ кажется, что для этого онъ дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ:

Онъ былъ пятымъ изъ серіи главныхъ настоятелей новаго ордена „желтыхъ шапокъ“ или „неженатыхъ ламъ“, который для своего верховнаго священника или главнаго настоятеля выбралъ титуль Будды — „Побѣдитель“ или „Завоеватель жизни“ (Джіал-уа — по-тибетски и „Джина“ — по-индусски). Въ теченіе пяти поколѣній этихъ настоятелей ихъ преемственность опиралась на вѣрованіе въ перевоплощеніе самаго перваго изъ нихъ; послѣ смерти онъ, согласно этимъ вѣрованіямъ, сейчасъ же воплотился въ тѣло новорожденнаго ребенка и продолжалъ, перевоплощаясь, являться на свѣтъ ради блага своего монастыря и своего ордена „желтыхъ шапокъ“.

Воспользовавшись теоріей, говорившей, что онъ перевоплощеніе перваго настоятеля „желтыхъ шапокъ“, новый великій лама расширилъ ее, опираясь на принципъ божественнаго права царей; онъ сталъ утверждать, что и онъ, и первый аббатъ были перевоплощеніемъ самаго могучаго и самаго популярнаго изъ царей Тибета, а именно Сронгстана Гампо, затѣмъ, что и Сронгстанъ въ свою очередь былъ земнымъ воплощеніемъ милосердаго духа горъ, который далъ первымъ тибетцамъ волшебную пищу, превратившую ихъ изъ обезьянъ въ людей. Этого милосердаго духа отождествили съ наиболѣе популярнымъ изъ всѣхъ божествъ позднѣйшихъ буддистовъ, а именно съ „господиномъ милосердія“ (Аволокита, по-тибетски Чен-рэ-ци); предполагается, что послѣднее божество могло быть Буддой, но отказалось отъ этого и перешло изъ міра и существованія въ Нирвану **) — уничтоженіе, съ тѣмъ, чтобы оставаться на небесахъ и имѣть возможность помогать всѣмъ людямъ на землѣ, которые будутъ молить его снасти ихъ отъ земной опасности, помочь имъ достигнуть рая и избавиться отъ ада. Того,

*) Для подробностей см. мое сочиненіе „Буддизмъ Тибета“.

**) Вѣрнѣе Паринирвана.

другого и третьяго, по вѣрованію тибетцевъ, можно легко достигнуть, только произнося мистическое заклинаніе „господина милосердія“ а именно „омъ-ма-ни-пад-ме-хенъ“. — „Привѣтъ! Драгоценность (господинъ милосердія) въ цвѣтѣ лотоса“. Для того, чтобы это заклинаніе имѣло силу, даже нѣтъ необходимости произносить его; можно просто смотрѣть на его написанную форму. Съ этой цѣлью чудесное заклинаніе помѣщаютъ всюду такъ, чтобы оно постоянно было передъ глазами; оно вращается въ миріадахъ молитвенныхъ колесъ, выгравировано на камняхъ молеленъ, кѣрновъ, нарисовано и высѣчено на строеніяхъ, повторяется всѣми губами въ Тибетѣ, Монголіи, Ладакѣ и въ Гималайскихъ буддистскихъ государствахъ до Бхотана, а также отъ Байкала до Западнаго Китая.

Такимъ путемъ хитрый далай-лама связалъ съ собою самыя популярныя легенды и традиціи тибетцевъ и присвоилъ себѣ самое популярное изо всѣхъ мистическихъ заклинаній. „Привѣтъ! Драгоценность въ цвѣтѣ лотоса“. На этихъ словахъ онъ построилъ свое сверхъестественное генеалогическое древо и для доказательства его истинности „открылъ книгу отравленія“, въ которой доказывалось, что обо всемъ этомъ было пророчески написано за тысячу лѣтъ до царя Сронгстана Гампо.

Благодаря такимъ убѣдительнымъ доказательствамъ, почти всѣ бѣдные тибетцы, священники и свѣтскія лица, сейчасъ же признали сверхъестественность происхожденія и сверхъестественность существа лукаваго далай-ламы. Недовѣрчивыхъ же ламъ, принадлежавшихъ къ враждебнымъ сектамъ и не вѣрившихъ въ эту исторію, жестоко убивали по приказанію несовѣстливаго деспота, выдававшего себя за земное воплощеніе кроткаго Будды; ихъ монастыри силой превращали въ обители преобладавшей государственной церкви ордена „желтыхъ шапокъ“. Іезуитъ Грюберъ, который посѣтилъ Лхасу въ это время, т. е. около 1656 г. по Р. Х., называетъ драконовскаго буддиста „дьявольскимъ богомъ: отцомъ, осуждающимъ на смерть всякаго, кто отказывается поклоняться ему“. Такимъ образомъ, басня о божественности первосвященника Лхассы, призывавшагося мистическимъ воселичаніемъ: „Привѣтъ! Драгоценность въ цвѣтѣ лотоса“, просуществовала до теперешняго времени.

Единственнымъ лицомъ, которому великій далай-лама позволилъ до извѣстной степени дѣлать съ нимъ божескія почести, былъ настоятель большого монастыря его собственнаго ордена, въ западной столицѣ Тибета Ташильхумпо (или Шигатсе). Этотъ настоятель получилъ привилегію разсматривать и одобрять новорожденныхъ кандидатовъ для замѣщенія трона лхасскаго великаго ламы и освящать избраннаго кандидата для новаго перевоплощенія; великій лама Лхассы исполнялъ то же дѣло для ламы Ташильхумпо, такъ какъ монастырь Ташильхумпо, построенный за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, теперь тоже подчинилъ преемственность своихъ главныхъ священниковъ теоріи перевоплощеній. Далай-лама Лхассы возвелъ въ достоинство великаго ламы настоятеля, который, въ силу новой теоріи, представлялъ собою земное воплощеніе выдуманнаго Будды, созданнаго позднѣйшими буддистами Индіи изъ одного изъ

титуловъ Сакіа-Муни а именно изъ титула „безграничный свѣтъ“ (Амитабха) *). Этотъ Будда-богъ, земной отсвѣтъ котораго такимъ образомъ помѣщается въ Ташилхумпо, какъ мнѣ кажется, воплощаетъ мнѣ солнца. Его изображаютъ съ горящимъ краснымъ лицомъ и полагаютъ, что онъ живетъ въ ослѣпительномъ небѣ на западѣ, къ которому, повидимому, спѣшаютъ всѣ свѣтила. Западный рай—популярное небо; всѣ тибетцы надѣются войти въ него въ будущей жизни; туда же ламы помѣщаютъ и своего „гражданаго Будду“ или „Мессію“. Вслѣдствіе послѣдняго вѣрованія, ламы хотя и противятся появленію въ ихъ странѣ людей съ запада, но постоянно съ тревогой смотрятъ въ сторону ваката, ожидая оттуда появленія Будды. По этой же причинѣ, видя мои для нихъ необъяснимыя знанія ихъ религіи, они вообразили, что я представляю собою отсвѣтъ отъ западнаго рая; русскій лама Дорджіевъ, какъ говорятъ, опять-таки на этомъ основаніи убѣждалъ нынѣшняго великаго далай-ламу признать русскаго царя своимъ сюзереномъ, подѣлать предлогахъ, что русскій императоръ отсвѣтъ отъ сказочнаго западнаго рая.—Популярнаго бога рая превратили въ духовнаго отца „господа милосердія“, который воплощенъ въ великаго ламу Лхассы, и для того, чтобы показать ихъ родство, избрание послѣдняго часто украшается пламенно-красной головой скачущаго Будды, сидящей въ его волосахъ. Первосвященникъ Ташилхумпо извѣстенъ европейцамъ подъ именемъ Таши (въ просторѣчій Тешу)—ламы по мѣсту его пребыванія. Богъ и Тёрнеръ видѣли именно этого савоуника. У него нѣтъ отвлекающихъ неотложныхъ свѣтскихъ дѣлъ, кромѣ осмотра владѣній, данныхъ ему для содержанія его монастырей, и онъ болѣе всецѣло предается духовнымъ вопросамъ, нежели его братъ, великій лама Лхассы. Поэтому онъ пользуется особенно высокой репутаціей благочестія и учености, такъ что ему даютъ титулъ, „Великая драгоцѣнность учености“ (пан-чен-римпо-че)**).

Хотя первый правитель, далай-лама Лхассы, былъ большимъ злодѣемъ, онъ покровительствовалъ искусству и наукѣ и выстроилъ для себя новый дворецъ на холмѣ Потала, за городомъ; тамъ въ скоромъ времени его жизнь окружили быстро родившіяся и выростившія легенды.

Онъ тридцать пять лѣтъ процарствовалъ въ Тибетѣ въ качествѣ первосвященника-царя, твердо упрочилъ свои притязанія на божественность, а потомъ на склонѣ своихъ дней удалился въ уединеніе. Отрекшись отъ престола въ 1676 г. по Р. Х., онъ передалъ правленіе своему незаконному сыну Сангдѣ Джіатшо, назвавъ его регентомъ (дезридъ) съ абсолютной политической властью.

*) Подробности въ моемъ сочиненіи „Буддизмъ“.

***) По-монгольски „иртнин“ или „ердени“. Прекрасныя черты Таши-ламы произвели сильное впечатлѣніе на Бога. „Онъ обладаетъ большимъ христіанскимъ милосердіемъ и совершенно свободенъ отъ тѣхъ узкихъ предразсудковъ, которые вмѣстѣ съ честолюбіемъ и скупостью послужили самыми богатыми источниками человѣческихъ несчастій... Симпатія внушаетъ расположеніе и я не могъ не чувствовать тѣхъ же волненій, какъ и пилигримы ламы; надо сознаться, что я никогда не встрѣчалъ челоуѣка, манеры котораго такъ сильно нравились бы мнѣ, или въ которому я послѣ такого короткаго времени почувствовалъ бы такое сердечное расположеніе“.

Сынъ, такой же властолюбивый интриганъ, какъ и отецъ, шестнадцать лѣтъ скрывалъ смерть далай-ламы и правилъ по своему капризу. Потомъ онъ возвелъ на тронъ великаго ламы молодого человѣка самыхъ распущенныхъ нравовъ, который до такой степени оскорблялъ всеобщія чувства своей разнузданной жизнью, что въ 1706 г. военный начальникъ или царь Лхассы, правнукъ Гуши-хана, убилъ регента *). Его креатура, порочный молодой далай-лама, былъ, съ позволенія китайскаго императора, свергнутъ съ престола, изгнанъ и вскорѣ послѣ того убитъ, несмотря на свое божественное происхожденіе.

Послѣ этого убійства классъ священниковъ, недовольный результатами этой меготы наслѣдованія при помощи перевоплощеній, возмущился. Ламы бросили теорію повторяющихся рожденій и избрали въ далай-ламы одного изъ своей среды; это былъ пожилой священникъ изъ медицинской школы въ Лхассѣ. Какъ бы желая успокоить свою совѣсть, монахи признали, что въ него перешло дыханіе предыдущаго далая, хотя и не его жизнь. Ихъ выборъ былъ утвержденъ китайскимъ императоромъ.

Враждебная партія монаховъ, вернувшись къ отвергнутой теоріи переселенія души великаго ламы, достала ребенка, родившагося вскорѣ послѣ убійства распущеннаго далая, и выставила его, какъ истиннаго кандидата на престолъ.

Сторонники юнаго претендента содержали его въ Синингѣ, въ Китаѣ, на границѣ Тибета, пока не подоспѣло время. Народъ въ значительной мѣрѣ поддерживалъ этого кандидата, и споръ между враждующими монашескими партіями окончился гражданской войной, во время которой орда татаръ изъ Сунгаріи (Джунгаріи), подъ предводительствомъ Тзе-уангъ-Рабдана, съ сѣвера нахлынула на Тибетъ подъ предлогомъ восстановленія истинной религіи, штурмомъ взяла Лхассу въ 1710 г., разграбила и опустошила городъ, разорила и сожгла дворецъ великаго ламы на холмѣ Потала, сравняла съ землей пагоду великаго далай-ламы, Негуангъ, уничтожила памятники, убила многихъ монаховъ и военнаго начальника или „царя“, преемника Гуши-хана. Воспоминаніе объ этомъ удачномъ нашествіи на Лхассу недисциплинированной арміи, двигавшейся на верблюдахъ съ равнинъ Туркестана, не безынтересно въ наше время, когда столько писателей увѣряютъ, что даже русская армія не въ состояніи покорить Тибетъ.

Народъ сталъ молить китайскаго императора о помощи; императоръ Кангши послалъ армію въ десять тысячъ человѣкъ для восстановленія порядка. Онъ взялъ Лхассу, убилъ татарскаго узурпатора, снова учредилъ преемственность далай-ламъ, опиравшуюся на теорію переселенія душъ, и отдалъ тронъ великаго ламы юному кандидату, котораго поддерживалъ народъ. Но онъ обрѣзалъ его могущество, давъ ему въ руки только духовное управленіе; для свѣтской власти Кангши назначилъ перваго министра съ титуломъ „царя“, хотя номинально онъ подчинялся великому ламѣ. Въ 1720 г. Кангши прибрѣлъ формальную сюзеренную власть надъ

*) Официально онъ умеръ отъ водяной.

Тибетомъ и помѣстивъ въ Лхассу двухъ китайскихъ мандариновъ въ качествѣ политическихъ резидентовъ или амбановъ съ большими полномочіями*). Желая увѣковѣчить возстановленіе своего вліянія, онъ на 60-й годъ своего царствованія поставилъ въ Лхассѣ подъ потальскимъ дворцомъ большой камень съ надписью.

Неблагодарный новый далай-лама приказалъ убить своего перваго министра или царя въ 1727 г. Узнавъ объ этомъ, китайскій императоръ снова послалъ армию въ Лхассу, заключилъ въ тюрьму священную личность далай-ламы, убилъ другихъ заговорщиковъ и назначилъ регентомъ одного стараго уважаемаго монаха, по имени Кизри, однако, лишивъ его всякой свѣтской власти, которую онъ передалъ коменданту дворца по имени Польхане Миуангъ съ титуломъ царя. Очевидцами всѣхъ этихъ волнующихъ событій были миссіонеры, іезуиты и капуцины, которые, странно сказать, жили въ Лхассѣ въ теченіе всего этого періода.

Священный далай-лама томился въ тюрьмѣ въ Поталѣ за свои преступленія; между тѣмъ регентъ не угодилъ китайскимъ амбанамъ, и въ 1750 г. они его убили. Тогда народъ вылезъ за оружіе и перерѣзалъ китайцевъ; вслѣдствіе этого пришла новая карающая китайская армія, посланная великимъ императоромъ Ченлунгомъ.

Послѣ возстановленія китайскаго вліянія власть амбановъ до такой степени возросла, что они захватили въ свои руки назначеніе регентовъ; хотя первоначально ихъ должность была учреждена для охраненія великаго ламы, но при новомъ положеніи вещей каждый изъ нихъ превращался для него въ „старика съ моря“. Они, стоя за трономъ, держали всѣ пружины, они были настоящей двигательной силой государственной машины. скрываясь за фигурой временнаго регента; амбаны регулировали даже избраніе новыхъ далай-ламъ и врядъ ли были далеки отъ старинной политики убійствъ, возродившейся съ новой силой.

Замѣчательно, что, начиная съ этого времени, бѣдный далай-лама постоянно очень быстро переселялся изъ одного тѣла въ другое. Онъ умиралъ молодымъ. Ему нивогда не удавалось достигнуть совершеннолѣтія; онъ властвовалъ и умиралъ несовершеннолѣтнимъ. Два несчастный юный далай достигалъ восемнадцати лѣтъ (возраста совершеннолѣтія на Востоку), какъ онъ неизмѣнно погибалъ таинственнымъ образомъ, на тронъ всходилъ по-

*) „Амбанъ будетъ съ полной равноправностью совѣтоваться съ тале-ламой или Паншенъ-Ринпоче относительно всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ. Всѣ чиновники, начиная съ келона (министра), и всѣ духовныя лица, занимающія официальное положеніе, должны предлагать на его разрѣшеніе всѣ вопросы. Онъ будетъ наблюдать за условіями защиты границъ, осматривать различныя гарнизоны, контролировать финансы страны и смотрѣть за отношеніями Тибета съ племенами, живущими близъ его границъ. Адресы, которые племена пожелаютъ подать тале-ламѣ, должны сперва представляться амбану; онъ прикажетъ ихъ перевести и рассмотреть ихъ. Позже амбанъ съ тале-ламой будутъ изготовлять отвѣты и передавать ихъ посланнымъ... Если племена вздумаютъ написать келонамъ (министрамъ), послѣдніе обязаны препроводить эти письма амбану; онъ же, дѣйствуя согласно съ тале-ламой, изготовить отвѣты; ни одинъ келонъ не имѣетъ права лично отвѣчать на адреса или письма.“ — Китайскія государственныя замѣтки, переведенныя Рокхилемъ.

ворожденный ребенокъ, и регентство продолжалось. Такимъ образомъ страна никогда не оставалась безъ регента, который дѣйствовалъ заодно съ китайскими амбанами. Послѣдніе четыре далай-ламы умерли одиннадцати, восемнадцати, восемнадцати и во семнадцати лѣтъ; эти цифры говорятъ сами за себя.

Далай-ламѣ 1904 г. позволили сдѣлаться исключеніемъ изъ этого правила, благодаря вліянію національной партіи, которая глухо возстала противъ излишняго вмѣшательства китайцевъ во внутреннее управление страны. Эта національная партія спасла молодого далая отъ трагической судьбы его предшественниковъ; путемъ драматическаго переворота она избавила и его, и правительство отъ китайскихъ помочей.

Въ 1894 г. далай-ламѣ минуло восемнадцать лѣтъ; вспоминая печальную судьбу его предшественниковъ, всѣ считали этотъ возрастъ роковымъ предѣломъ жизни великихъ ламъ, и вотъ, при помощи хитрой стратагеми друзья ламы достали официальные печати отъ регента, схватили этого послѣдняго и заточили его въ монастырь гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Получивъ въ руки печати, далай-лама овладѣлъ браздами правленія и лишилъ китайскихъ амбановъ всякаго голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Смущенные амбаны добыли изъ Пекина повелительный эдиктъ, въ которомъ приказывалось вернуть печати и возстановить регента въ его обязанностяхъ. Между тѣмъ регентъ умеръ или былъ убитъ; поэтому новый амбанъ пріѣхалъ въ Лхассу; но его подкупили съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ все, какъ было. Онъ уничтожилъ дѣйствіе эдикта, не обнаруживъ его, предоставляя Пекину думать, что онъ исполнилъ императорское приказаніе.

Позже молодой далай, умѣвшій примѣняться къ обстоятельствамъ, воспользовался тѣмъ, что Китай потерялъ свое значеніе послѣ пораженія, нанесеннаго ему японцами въ 1895 г. и союзными арміями въ 1900 г.: онъ открыто отказался слѣдовать указаніямъ китайцевъ, и имъ пришлось признать паденіе своего вліянія въ Тибетѣ и подчиниться тому нескрываемому презрѣнію, съ которымъ тибетцы выучились смотрѣть на ихъ власть, низведенную до степени пустого фарса, до тѣни тѣни. Все это дѣлалось до того явно, что два года тому назадъ китайскій намѣстникъ западной провинціи Се-Чуань, которая прилегаетъ къ Тибету, попросилъ некинское правительство послать въ Лхассу армію съ тѣмъ, чтобы она вернула уваженіе къ Китаю

Теперешній молодой далай-лама носить титулъ „Краснорѣчиваго Благороднаго Туб-дена“. Онъ свѣтскій государь Тибета, а его духовное владычество распространяется на Тибетъ, на всѣ гималайскія буддистскія государства, начиная отъ Бхотана до Ладава и до Байкальскаго озера, на Монголію и на большую часть Китая, вплоть до Пекина. Вотъ какъ въ 1902 г. описывалъ его наружность японскій священникъ Кауагучи, который подъ видомъ китайскаго врача имѣлъ нѣсколько свиданій съ его святѣйшествомъ:

„Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати шести, съ красивымъ, умнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ на креслѣ въ желтомъ татарскомъ капюшонѣ или въ священническомъ влобулкѣ, въ платьѣ изъ

желтого шелка и красной шерсти, со многими нижними одеждами изъ полосатой шелковой матеріи. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ четки съ зернами изъ дерева бодхи. Хотя далай-лама обладаетъ невѣроятнымъ количествомъ запасовъ золота, драгоценностей и четокъ изъ всевозможныхъ дорогихъ матеріаловъ. каждый разъ, когда мнѣ удавалось видѣть его, съ нимъ были только эти простыя священническія четки. Служители принесли чай въ великолѣпно отчеканенныхъ серебряныхъ чайникахъ, и, протанувъ мою деревянную чайную чашку, которую каждый въ Тибетѣ носить съ собою, я въ присутствіи далай выпилъ изъ нея. „Вы должны лечить моихъ священниковъ“, часто замѣчалъ онъ, но мы обсуждали и много другихъ вопросовъ“.

Словесные рассказы лхасскихъ купцовъ утверждаютъ, что „его божественность“ очень гордъ, упрямъ и порой вспыльчивъ, такимъ образомъ онъ, повидимому, не вполне свободенъ отъ нѣкоторыхъ человѣческихъ заблужденій.

Его дворъ и совѣтники состоятъ изъ ламъ монастырей „желтыхъ шапокъ“; это нѣчто вродѣ священнической аристократіи; къ ламамъ присоединяется немного свѣтскихъ людей; всѣ они дѣлятся на партіи и спорятся между собой изъ-за власти. Та партія, которая временно пользуется фаворомъ, вліяетъ на далай-ламу.

Дѣйствительно, можно пожалѣть бѣднаго далай-ламу, сидящаго на своемъ неудобномъ тронѣ, посреди атмосферы, согрѣтой враждой партій. Онъ, еще молодой человѣкъ, едва достигшій тридцатилѣтняго возраста, не знающій ничего изъ внѣшняго міра, окруженъ совѣтниками почти столько же несвѣдущими, какъ и онъ самъ, которые грубо его обманываютъ, заставляютъ дѣлать фальшивые шаги или по незнанію, или ради своихъ цѣлей и представляютъ ему все въ такомъ фальшивомъ свѣтѣ, что для него немислимо дѣйствовать согласно какому-либо здравому совѣту или понимать его цѣлесообразность. Поэтому нечего удивляться, что интригующіе люди обманываютъ его. Вотъ что вызвало британскую миссію

Освободившись отъ вмѣшательства китайцевъ, несчастный молодой далай вскорѣ попалъ въ русскіе когти, благодаря вліянію своего любимаго опекуна, ламы Дорджіева. Этотъ лама, монгольскій бурятъ съ береговъ Байкальскаго озера, а потому по рожденію—русскій подданный. Онъ выросъ и воспитывался въ Россіи *) и тридцати пяти лѣтъ помѣстился въ Лхассѣ въ Де-пэнгъ (или Де-бэнги), въ одномъ изъ большихъ монастырей, процвѣтавшихъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Тутъ его ученость доставила ему титулъ „почетнаго профессора“ **) и онъ добился благосклонности далай, тѣмъ болѣе, что былъ агентомъ, благодаря которому байкальскіе татары стали вносить въ казначейство Лхассы духовную подать. Онъ очень образованный человѣкъ, членъ Русскаго Географическаго Общества и нѣсколько разъ пересѣкалъ Индію по дорогѣ въ Одессу и въ Петербургъ. Недавно ему былъ порученъ арсеналь въ Лхассѣ.

*) Въ Азохоцкомъ монастырѣ, въ русскомъ Забайкальѣ. Его полное имя Го-мангъ Ломпангъ Дорджіевъ.

**) „Кхавъ (по)-де-файи-ка“ или „Тзаннайсь Кханпо“.

Получивъ возможность свободно говорить съ молодымъ далаемъ, онъ возбудилъ его противъ англичанъ и заставилъ думать, что его другъ не Англія, а „Бѣлый Царь“.

Дѣйствуя согласно его совѣтамъ, далай-лама сдѣлалъ много шаговъ для сближенія съ Россіей и въ то же время дерзко отказывался отъ всякихъ сношеній съ нами, усугубляя свои проступки яростными нападеніями на нашу политическую миссію; все это навлекло на Тибетъ такую бурю, результаты которой трудно предвидѣть, и подвергло опасности собственное положеніе далая. Притязанія на божественность не охраняли его предшественниковъ отъ низложенія, заключенія въ тюрьму и даже смерти отъ рукъ ихъ собственнаго народа. въ тѣхъ случаяхъ, когда это было удобно ламамъ и Китаю; врядъ ли и теперь они охраняютъ его и рои его вампирскихъ священниковъ отъ послѣдствій его недавней враждебной политики.

Смягчить ли лезіаанъ горъ бурю этого составившаго эпоху года Деревяннаго Дракона? Кто можетъ сказать, что влетено въ его судьбу? Но удивительно, что давно, еще въ 1866 г., т. е. за десять лѣтъ до рожденія теперешняго далай-ламы пандитъ-наблюдатель Ненъ-Сингъ говорилъ, что въ его время въ Лхассѣ увѣряли что великій лама перевоплотится только тринадцать разъ. Очень знаменательно, что нынѣшній лама—тринадцатый.

„Привѣтъ! Драгоценность (великій лама) въ цвѣтѣ лотоса!“.

ГЛАВА III.

Почему была послана британская миссія.

„Что годится для другихъ травъ, не годится для крапивы“.

Тибетская пословица.

Не простое любопытство увидѣть „замкнутую страну“ заставило вооруженную британскую миссію двинуться къ Тибету въ декабрѣ 1903 г., а заносчивая враждебность тибетцевъ, которая казалась намъ еще серьезнѣе, благодаря интригамъ Россіи, желавшей захватить въ свои руки главенство въ великомъ политико-религіозномъ центрѣ, въ этомъ Римѣ азіатскихъ буддистовъ, и овладѣть горнымъ плоскогорьемъ, поднимающимся надъ восточными проходами въ Индію.

Досадная и дерзкая враждебность ламъ долгое время клонилась къ уменьшенію нашей торговли и нашего значенія въ Тибетъ, и хотя мы иногда старались побороть такое положеніе вещей, однако, послѣдовательно являвшіеся намѣстники всегда заминали вопросъ объ этомъ; такимъ образомъ было много вѣроятій, что наша послѣдняя миссія въ Кхамбо-Джонгъ въ 1903 г. останется безъ послѣдствій и будетъ возвращена, а наши неудачи продолжатся еще нѣсколько лѣтъ. Но въ 1903 г. мы узнали, что Россія явно интригуетъ въ Тибетъ, желая пріобрѣсти вліяніе на Лхассу, и Англіи пришлось подумать о самозащитѣ. О русскихъ интригахъ

давно ходили слухи, но въ 1903 г. они окончательно выяснились, и Великобританія была вынуждена помѣшать важному географическому пункту, который находится такъ близко отъ Индіи и можетъ быть такъ легко утилизированъ для нападений на нее, окончательно перекачнуться въ орбиту Россіи.

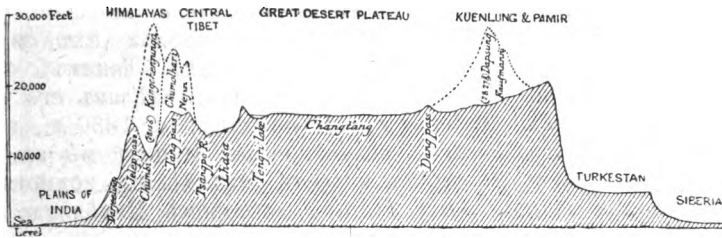
Дѣйствительно, несмотря на то, что Гималаи великолѣпнымъ образомъ ограждаютъ Индію съ востока, не эта исполинская цѣпь, а большое и высокое плоскогорье къ сѣверу отъ нея и отъ Тибета, пустынная стѣна плоскогорья Куенъ-Лунъ образуетъ научную границу Индіи, защищая ее отъ большого соперничающаго могущества въ долинахъ центральной Азіи, а именно отъ Россіи. Широкое и изумительно высокое плоскогорье Куенъ-Лунъ дѣйствительно составляетъ могучую границу между двумя державами-соперницами.

Это громадное печальное плоскогорье Чангъ-Тангъ *) — необитаемая страна, неблагоприятная для человѣческихъ поселеній; путешественникъ, лишенный воды, постоянно угнетаемый высотой болѣе чѣмъ въ 5.000 метровъ, странствуетъ по ней среди вѣтра и снѣга, не видя ни одного человѣческаго существа, ни одного дерева, и болѣе двухъ мѣсяцевъ тащится отъ равнинъ восточнаго Туркестана до первыхъ лагерей тибетскихъ пастуховъ, на 150 или 200 километровъ сѣвернѣе Лхассы; итакъ, плоскогорье Чангъ-Тангъ совершенно невозможно для движенія арміи, а потому Тибетъ составляетъ ближайшаго и доступнѣйшаго сосѣда Индіи, какъ говаривалъ принцъ Анри д'Орлеанъ: „Отъ Тибета до Индіи одинъ шагъ“. Правда, этотъ шагъ нужно сдѣлать черезъ Гималаи, но его можно совершить въ теченіе нѣсколькихъ дней; Дарджилингъ ближе къ Лхассѣ (330 миль), чѣмъ къ Калькуттѣ, отъ которой онъ находится менѣе чѣмъ на разстояніи дневного пути по рельсамъ. Вдобавокъ, какъ доказала настоящая экспедиція, передвиженіе большой арміи въ Тибетъ со стороны Индіи можетъ быть совершено по любой дорогѣ, даже среди зимы. Въ 1793 г. китайская армія въ 70 тысячъ человѣкъ перешла черезъ Гималаи, отъ Тибета въ Непалъ, черезъ проходъ Киронгъ, приблизительно на высотѣ 16.000 футовъ надъ уровнемъ моря, и нанесла страшное пораженіе гуркхамъ близъ ихъ столицы. Поэтому нечего удивляться, что Англія не желаетъ, чтобы вражеское могущество овладѣло этой важной и легко проходимой границей Индіи.

*) Большая, высокая пустыня Чангъ-Тангъ или Джангъ-Тангъ лежитъ на высотѣ отъ 15.000 до 16.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Его длина 1.500 миль, ширина въ среднемъ достигаетъ 500 миль и уменьшается до 100 миль на его сѣверномъ концѣ и до 350 миль на восточномъ. Площадь пустыни занимаетъ около 480.000 квадратныхъ миль, или пространство, равняющееся площади, въ которой Великобританія съ Ирландіей могла бы уместиться три съ половиной раза. Для постоянныхъ поселеній пустыня непригодна, но въ лѣтніе мѣсяцы, отъ мая до августа, она покрывается рѣдкой травой, привлекающей съ нижнихъ плоскогорій стада дикихъ яковъ, дикихъ козъ, овецъ, антилопъ и волковъ, которые охотятся за ними. Собственно Тибетъ лежитъ къ югу отъ Чангъ-Танга и его площадь 200.000 квадратныхъ миль съ небольшимъ, т. е. немного больше двойной площади Великобританіи. Сюда мы включаемъ золотыя поля Тхокъ, но не витайскій Тибетъ.

Если бы Россія основалась въ богатой долинѣ Лхассы или приобрѣла подавляющее вліяніе на ламу, это подѣйствовало бы на наши восточныя границы отъ Кашмира и Ладака на сѣверѣ до Непала и Ассама на югѣ, создало бы осложненія, вызвало бы враждебные намъ союзы многихъ гималайскихъ государствъ, подвергло бы опасности наше владычество надъ Индіей, потребовало бы громадныхъ затратъ на укрѣпленіе нашей восточной границы на всемъ ея протяженіи и на содержаніе въ Бенгаліи арміи въ десятки тысячъ солдатъ, такой же большой, какую мы имѣемъ въ Пенджабѣ, и еще болѣе дорогой.

Неизбѣжность движенія въ Тибетъ была признана много лѣтъ тому назадъ нѣкоторыми изъ насъ, знавшими положеніе вещей; мы указывали на пользу миссіи въ 1888 г. и въ 1895 г., говоря при этомъ о необходимости отбросить китайское посредничество и имѣть дѣло прямо съ Тибетомъ. Еще подробнѣе мы указывали на ея неизбѣжность въ 1898 г. и навлекли на себя многія нападки

Профиль разрѣза Тибета отъ Индіи къ Сибири.

со стороны извѣстной части англійской прессы въ Индіи, но въ 1903 г. это движеніе сдѣлалось совершившимся фактомъ.

Какое долготерпѣніе выказывала Англія въ своихъ отношеніяхъ съ Тибетомъ, вполне выяснится изъ краткаго обзорнія причинъ, заставившихъ ее послать миссію; этотъ же обзоръ послужитъ иллюстраціей къ комически уклончивой политикѣ китайцевъ. Наши первыя отношенія съ Тибетомъ завязались вслѣдствіе набѣга бхотанцевъ на Бенгалію въ 1772 г. Великій лама Ташильхумпо прислалъ тогда письмо нашему генераль-губернатору Уаррену Гастингсу, прося его за бхотанцевъ; слѣдствіемъ этого явилась коммерческая миссія Богля 1774 года.

Когда мы приобрѣли гималайское государство Сикхимъ, смежное съ Бхотаномъ и заключающее въ себѣ климатическую станцію Дарджилингъ, знаменитую видами на Эверестъ и Канченджанга, намъ пришлось войти въ болѣе прямыя сношенія съ Тибетомъ, такъ какъ Сикхимъ былъ духовно подчиненъ Лхассѣ и его границы тянулись вдоль Тибета болѣе чѣмъ на сто миль; вскорѣ возникъ вопросъ о рубежахъ и о торговлѣ черезъ нихъ, что и послужило первой причиной для нашей миссіи. Происхожденіе же нашей сюзеренной власти надъ Сикхимомъ представляетъ собою

очень интересную часть англійской исторіи и отчетъ о немъ очень важенъ для характеристики нашей ссоры съ Тибетомъ.

Въ началѣ XIX столѣтія монгольская власть пала, и разбойничьи шайки мелкихъ принцевъ старались создать кратковременныя княжества изъ умиравшей имперіи; въ этотъ періодъ маленькое племя гуркховъ захватило Непаль и, основавшись тамъ, наводнило все пространство Гималаевъ отъ рѣки Сутледжъ до Бхотана; затѣмъ гурехи завели противъ насъ интриги съ индусскими магаратскими князьями, надѣясь овладѣть Индіей и изгнать англичанъ изъ этой страны. Въ это критическое время, въ 1815 г. (годъ Ватерлоо), когда наша власть уже дрожала на вѣсахъ, генераль Отчерлонай (большая побѣдная колонна котораго теперь представляетъ собою самый поразительный монументъ въ столицѣ Индіи) спасъ наше владычество. Въ 1816 г. онъ разбилъ гуркховъ и вытѣснилъ ихъ изъ сѣверныхъ Гималаевъ Кумаона (Наини-талъ) и изъ Геруала (Муссури), а также изгналъ ихъ изъ Сикхима.

Чтобы имѣть возможность постоянно смирять этихъ дерзкихъ враждебныхъ гуркховъ, удерживать ихъ въ Непалѣ, не давая имъ распространяться дальше, мы тогда взяли въ свои руки дороги по обѣимъ сторонамъ Непала и оставили ихъ за собой или вернули ихъ прежнимъ владѣтелямъ. Такимъ образомъ мы восстановили власть раджи Сикхима, сдѣлавъ его британскимъ вассаломъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1830 г., когда для Калькутты потребовалась климатическая станція, мы арендовали у раджи дорогу во внѣшней части сикхимскихъ холмовъ до Дарджилинга, и станція была открыта докторомъ Кемблемъ, членомъ медицинскаго управленія Индіи; относительно его заслугъ докторъ Хуверъ писалъ: „Онъ (докторъ Кембль) вывелъ британскій Сикхимъ изъ его первобытнаго состоянія непроходимой джунгли, населенной полудикими и враждовавшими между собою племенами, и превратилъ въ цвѣтушую европейскую горную станцію и богатую земледѣльческую провинцію“. Онъ также первый ввелъ разведеніе чая, которое съ тѣхъ поръ возросло до такихъ широкихъ размѣровъ. Когда въ 1849 г. докторъ Кембль и докторъ Хуверъ (позже сэръ Джозефъ) вмѣстѣ путешествовали по сикхимскимъ Гималаямъ, сикхимскій раджа, по наущенію своего неистоваго тибетскаго перваго министра „безумнаго Діюана“ Намджіаля, захватилъ ихъ и посадилъ въ тюрьму.

Въ наказаніе за это оскорбленіе вся внѣшняя часть Сикхима, включая и климатическую станцію Дарджилингъ, была присоединена къ нашимъ владѣніямъ въ видѣ британской области. Лхасскіе ламы, пользуясь своимъ духовнымъ вліяніемъ на раджу-буддиста и на его тибетскую жену*), возбуждали въ немъ вражду къ намъ. Когда онъ былъ низложенъ, въ 1872 г., мръ (позже сэръ Джонъ) Эдгаръ, градоначальникъ Дарджилинга, воспользовался удобнымъ случаемъ и попытался завязать дружескія сношенія съ тибетцами, въ первый разъ со временъ попытки Уаррена Гастингса за сто лѣтъ

*) Теперешняя жена раджи—дочь одного изъ непервостепенныхъ придворныхъ при дворѣ великаго ламы въ Лхассѣ.

передъ тѣмъ,—частью въ надеждѣ открыть новую торговлю (такъ какъ самая кратчайшая изъ всѣхъ существующихъ торговыхъ дорогъ отъ внѣшняго міра въ Лхассѣ идетъ черезъ Сикхимъ), частью желая установить добрыя политическія и сосѣдскія отношенія съ духовнымъ главою нѣсколькихъ милліоновъ британскихъ подданныхъ ламаискихъ буддистовъ въ нашихъ гималайскихъ государствахъ, начиная отъ Ладака на сѣверѣ и кончая Бхотаномъ на юго-востокѣ. Въ 1873 г. м-ру Эдгару удалось добиться свиданія съ начальникомъ тибетской долины Чумби, но онъ не могъ начать переговоры съ Лхассой.

Въ 1884 г. м-ръ Маколея, министръ бенгальскаго правительства, которое на лѣто переноситъ свою главную квартиру въ Джарджилингъ, движимый мыслью о возможности торговли между Тибетомъ и Индіей, видѣлся съ тибетскимъ начальникомъ небольшой крѣпости и таможеннаго пункта Кхамбо, на сѣверѣ сикхимской границы, и, заинтересовавъ своимъ планомъ лорда Рандольфа Черчила, тогдашняго статсъ-секретаря, получилъ отъ Пекина, какъ сюзерена Тибета, паспортъ для посѣщенія Лхассы вмѣстѣ съ торговой миссіей. Эту миссію организовали въ 1886 г. и она уже собиралась перейти черезъ сикхимскую границу въ Тибетъ, но китайцы стали возставать противъ ея дальнѣйшаго движенія, хотя они и выдали пропускной паспортъ; лордъ Дюферинъ, дѣйствуя по приказанію лорда Сольсбери, державшагося ходячаго, но преувеличеннаго понятія о громадной военной силѣ Китая—этого колосса „желтой опасности“, глиняныя ноги котораго предстояло черезъ нѣсколько лѣтъ показать японцамъ,—и не желая противиться его требованіямъ, велѣлъ вернуть миссію.

Это было несчастное рѣшеніе; оно вызвало мысль о нашей слабости, за которую всѣ стали насъ презирать. Ободренные нашимъ кажущимся безсиліемъ, ламы сдѣлались активно враждебными. Въ 1886 г. ихъ вооруженныя силы заняли наше вассальное государство Сикхимъ и не дошли только шестидесяти миль до Дарджилинга, вызвавъ страшную панику въ этой европейской санаторіи. Волна ихъ фанатической ненависти къ европейцамъ прокатилась черезъ весь Тибетъ до другого его края, гдѣ въ 1887 г. ламы изгнали римско-католическихъ миссіонеровъ изъ ихъ давнишняго пріюта въ Батангѣ, до самаго основанія сожгли дома ихъ миссіи и перерѣзали многихъ изъ обращенныхъ ими. Ламы заставили также сикхимскаго раджу подписать трактатъ, въ которомъ говорилось, что Сикхимъ подчиняется только Тибету. Послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ Китаемъ и видя, что тибетцы отказываются очистить наше вассальное государство, намъ пришлось силой оружія выгнать ихъ, пославъ въ 1838 г. въ Сикхимъ очень дорого стоившую намъ маленькую экспедицію подъ начальствомъ генерала Грахама. Ихъ уврѣженія были взяты приступомъ, и мы изгнали тибетцевъ, выказавшихъ большое мужество и рѣшительность; наши войска преслѣдовали ихъ, отгѣснивъ черезъ проходъ Джалець въ долину Чумби.

За комедіей послѣдовалъ фарсъ. На сцену сейчасъ же явился посланникъ его небеснаго величества императора Китая и надменно

приказалъ западнымъ варварамъ уйти, несмотря на то, что Китай только-что показаль свое безсиліе заставить тибетцевъ очистить Сикхимъ. Изъ уваженія къ новымъ требованіямъ страшныхъ китайцевъ тогдашній намѣстникъ Индіи велѣлъ отозвать наши войска изъ Чумби; они ушли въ тотъ же день, какъ вступили въ эту долину. Такое немедленное исполненіе требованій Китая, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что мы не только не присоединили къ своимъ владѣніямъ желанную климатическую станцію долины Чумби, но даже не потребовали вознагражденія за повесенные нами расходы (около милліона стерлинговъ) и за наши случайныя потери *) во время этой маленькой войны, навлеченной на насъ тибетцами, укрѣпило и китайцевъ, и тибетцевъ во мнѣніи, что мы ихъ боимся. Послѣ сикхимской войны 1888 г. начались продолжавшіеся два года переговоры съ Китаемъ для опредѣленія межи сикхимской границы; наконецъ, 17-го марта 1890 г. договоръ былъ подписанъ китайскимъ амбаномъ Лхассы отъ имени номинальнаго сюзерена Тибета, съ одной стороны, и лордомъ Лэнсдоуномъ, какъ намѣстникомъ Индіи, съ другой. Въ трактатѣ 17-го марта, закончившемъ споры относительно опредѣленія рубежа, ламы выразили также согласіе обложить торговлю черезъ границы Тибета и для этого назначить смѣшанную комиссію. Договоръ подписали въ 1890 г., но позже ламы отказались признать этотъ трактатъ и обременили еще болѣе досадными налогами и стѣсненіями торговлю Индіи.

Послѣ переговоровъ, тянувшихся, благодаря обычной уклончивости Китая, еще три года, британскіе и китайскіе комиссіонеры, а именно м-ръ Пауль, градоначальникъ Дарджилинга, м-ръ Джемсъ Хартъ изъ китайской таможни и китайскій амбанъ **) сѣхались 5-го декабря 1893 г. и подписали трактатъ съ цѣлымъ рядомъ торговыхъ соглашеній. Въ этомъ договорѣ стояло, что всѣ британскіе купцы получаютъ свободный вѣздъ въ Ятунгъ, въ тибетской долинѣ Чумби, какъ на торговый рынокъ, и утверждалось, что въ теченіе пяти лѣтъ товары Индіи, за исключеніемъ оружія, соли и нѣсколькихъ другихъ вещей, не будутъ обложены никакой пошлиной; затѣмъ, что индійскій чай черезъ пять лѣтъ будетъ пропускаться черезъ тибетскую границу съ пошлиной, не превосходящей той, которая взимается за китайскій чай, ввозимый въ Англію. Это условіе имѣло для меня нѣкоторый личный интересъ, такъ какъ мнѣ предстояло сдѣлаться британскимъ военнымъ резидентомъ на этомъ рынкѣ.

Къ несчастію, наши комиссіонеры упустили прекрасный случай привлечь къ участію въ этомъ договорѣ тибетцевъ и такимъ путемъ, вѣроятно, отвратить позднѣйшія неприятели. Несмотря на то, что тибетцы вслѣдъ за китайцами прислали изъ Лхассы въ Дарджилингъ одного изъ своихъ высшихъ чиновниковъ, а именно перваго министра Шата-шапе, потомка стариннаго знатнаго рода, ему не дали участія въ переговорахъ; кромѣ того, съ нимъ не

*) Наши потери были: убитый одинъ офицеръ, раненые 3 солдата; у тибетцевъ было убито около 200 человекъ, 400 ранено, 200 взято въ плѣнъ.

**) Шенгъ-тан, братъ теперешняго амбана Лхассы, маджуръ царской крови.

обращались такъ, какъ того требовалъ его высокій санъ. Я тогда случайно былъ въ Дарджилингѣ и, до крайности заинтересованный Тибетомъ, нѣсколько расъ навѣстилъ шапе; онъ оказался очень вѣжливымъ, хорошо образованнымъ господиномъ расположеннымъ къ Англии. Будучи наслѣдственнымъ правителемъ, онъ очень желалъ узнать, какъ мы управляемъ Индией, и просилъ меня дать ему наши сокращенные кодексы: уголовный, полицейскій и гражданскій. Разъ, по его словамъ, ему не удалось извлечь никакой политической выгоды изъ своего многомѣсячнаго пребыванія въ Дарджилингѣ, ему было бы пріятно привести съ собой въ Лхассу какія-либо полезныя свѣдѣнія, благодаря которымъ его соотечественники могли бы исправить свой правительственный строй, до извѣстной степени

Премьеръ-министръ Тибета и его свита. Шата-шапе.

подражая нашей индійской системѣ, тѣмъ болѣе, что ея превосходство произвело на него большое впечатлѣніе. Я исполнилъ его просьбу и, вручая ему переводы, указалъ въ общемъ содержаніе кодексовъ. Министра до крайности поразило наше правило не требовать отъ обвиняемаго признанія; онъ замѣтилъ:

— А мы-то, слѣдуя примѣру китайцевъ, дѣйствуемъ совсѣмъ противоположнымъ образомъ; мы, напротивъ, пытаемъ обвиняемаго, пока онъ не сознается въ преступленіи.

Онъ еще попросилъ меня дать ему списокъ нашихъ чиновниковъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, а также различныхъ лекарствъ; все это я доставилъ ему. Когда же я предложилъ сановнику отвезти его въ долину, къ Гайя, самому святому мѣсту для буддиста, въ которомъ Сакія-Муни сдѣлался буддой, онъ горячо поблагодарилъ меня, однако, прибавилъ, что хотя лично ему это доставило бы величайшее наслажденіе, но что онъ официальное лицо, слуга

великаго ламы, который позволилъ ему ѣхать только въ Дарджилингъ; что если бы онъ спустился дальше, въ Индію, то по возвращеніи въ Лхассу могъ бы попасть въ немилость, потерять свое положеніе и вліяніе за слишкомъ большую дружбу съ англичаниномъ. Однако, лама выразилъ надежду, что онъ привезетъ въ Лхассу благопріятный отчетъ и что тогда ему позволятъ вернуться въ Дарджилингъ съ разрѣшеніемъ отправиться на поклоненіе въ Гайу. Передъ самымъ отъѣздомъ этого тибетца изъ Дарджилинга его очень раздосадовало грубое обращеніе съ его писцомъ; компанія чрезмѣрно горячихъ молодыхъ британцевъ стащила его съ лошади и избила на большой дорогѣ за то, что онъ не отдалъ имъ салама.

Такимъ образомъ, дружески расположенному къ намъ знатному тибетцу, явившемуся именно ради трактата, позволили вернуться въ Лхассу, не предложивъ ему присутствовать при переговорахъ.

Ламы не признали трактата, заключеннаго между китайцами и британцами; они съ нѣкоторымъ основаніемъ отказались считать договоръ дѣйствительнымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не участвовали въ его составленіи. Они сейчасъ же помѣшали открытію рынка Ятунга, не позволивъ тибетскимъ купцамъ ѣздить туда или селиться тамъ и перерѣзавъ долину передъ Ятунгомъ высокой стѣной съ бойницами. Всѣмъ извѣстно, что китайцы были двигателями этой стратагеми; они желали доказать тибетцамъ свое дипломатическое искусство и увѣрить ихъ, что, вынужденные открыть Ятунгъ, они все же нашли въ себѣ достаточно ума, чтобы избѣжать этой уступки съ помощью удивительнаго укрѣпленія.

Такъ было прервано торговое движеніе по самой прямой изъ всѣхъ дорогъ къ столицѣ Тибета, и китайскій намѣстникъ провинціи Се-Чуань вознаградила за то китайскихъ чиновниковъ и въ Лхассѣ и въ Чумби; самъ же всѣми силами постарался перенести торговый трактъ съ кратчайшей и наиболѣе удобной дороги на длинный и трудный путь черезъ восточный Тибетъ, по своей собственной провинціи, что дало ему возможность пожинать пошрины и другія выгоды съ китайскаго чая и европейскихъ товаровъ и получать деньги съ ламъ и тибетскихъ купцовъ. Это былъ тотъ же непатріотичный намѣстникъ, который устроилъ для Россіи тайный трактатъ съ Китаемъ, въ силу котораго послѣдній передалъ ей сюзеренную власть надъ Тибетомъ; за свои услуги мандаринъ долженъ былъ получить монополію на всю торговлю съ центральнымъ Тибетомъ. Съ этихъ поръ всѣмъ товарамъ предстояло проходить черезъ его руки по его провинціи, а не по долинѣ Чумби.

Ламы не только блокировали торговлю Индіи въ долинѣ Чумби, но и опрокинули поставленные по трактату межевые столбы, захватили часть Сикхима и противъ воли увели въ Тибетъ много британскихъ подданныхъ. Всѣ попытки водворить нормальное положеніе вещей совершенно не удались.

Въ 1900 и 1901 гг. мы старались завязать письменныя сношенія съ далай-ламой. Наше правительство послало письма черезъ бхотанскаго начальника Уджіенъ Кази, британскаго подданнаго.

Нашъ политическій ладакскій агентъ послалъ первое изъ пи-

семь въ августѣ 1900 г., съ этой цѣлью доѣхавъ до Гартока, лежащаго на разстояніи нѣсколькихъ недѣль пути отъ границы, чтобы передать его тибетскому губернатору или гарпену этой области для доставленія въ Лхассу. Однако, вышеупомянутый тибетскій чиновникъ черезъ нѣсколько недѣль вернулъ письмо, велѣвъ передать, что онъ, несмотря на свое обѣщаніе, не осмѣлился доставить его въ Лхассу. Въ іюнѣ 1901 г. послали второе письмо изъ Дарджилинга вмѣстѣ съ первымъ возвращеннымъ, поручивъ ихъ Уджіену Кази, который ѣхалъ привѣтствовать великаго ламу отъ имени бхотанскаго раджи и везъ ему въ подарокъ двухъ слонцовъ и леопарда. Этотъ эмиссаръ прибылъ въ Лхассу въ августѣ 1901 г. Вотъ какъ онъ старался передать эти письма; мы приводимъ его собственныя слова: „Я сказалъ ламѣ-камергеру, что я привезъ письмо отъ его превосходительства намѣстника. Онъ доложилъ это далай-ламѣ. На пятый день послѣ моего пріѣзда я передалъ его превосходительству письмо. Камергеръ проводилъ меня къ великому ламѣ, но вскорѣ ушелъ изъ комнаты, и съ далаемъ остались только я и слуга, подававшій чай. Когда этотъ слуга ушелъ изъ комнаты, далай началъ говорить со мною о вопросахъ, касавшихся Бхотана, и о правительствѣ Индіи. Затѣмъ онъ сказалъ, что не можетъ взять письма, не спросивъ мнѣнія совѣта и амбана, и выразилъ опасеніе, что амбанъ подниметъ шумъ и, вѣроятно, вызоветъ непріятныя волненія; въ послѣднемъ случаѣ, какъ увѣрялъ далай, онъ не могъ бы отвѣчать за мою жизнь, и, кромѣ того, по его словамъ, ему воспрещалось писать какія бы то ни было письма къ какимъ бы то ни было иностраннымъ правительствамъ. Тогда я указалъ на то, что это письмо было написано важнѣйшимъ лицомъ послѣ короля. Далай отвѣтилъ мнѣ, что условія, мѣшавшія ему получать письма, были подписаны не имъ, а его предшественниками, и что, къ своему сожалѣнію, онъ не можетъ ни принять этого письма, ни написать на него отвѣтъ... „Пусть ваше правительство не сердится на меня; я никогда не дѣлалъ ему никакого зла. Я позволяю моимъ подданнымъ торговать произведеніями нашей страны, но если кто-нибудь изъ подданныхъ вашего большаго правительства пріѣдетъ сюда, это, пожалуй, повлечетъ осложненія“. Я сказалъ, что, позволивъ вѣзжать въ свою страну нашимъ купцамъ, онъ не принесетъ Тибету никакого вреда; далай же мнѣ возразилъ, что, можетъ быть, это и такъ, но что онъ сомнѣвается въ справедливости моихъ словъ, и напомнилъ о томъ, что китайцы и непальцы уже возмущали повою его страны“.

* * *

Эти письма были оскорбительно возвращены нераспечатанными, а между тѣмъ вскорѣ выяснилось, что въ то же время далай-лама въ 1900 и въ 1901 гг. посылалъ собственноручныя письма со спеціальными посольствами подъ руководствомъ ламы Дорджиѣва къ царю въ Петербургъ, какъ это показываютъ слѣдующія офиціальныя замѣтки:

Извлеченіе изъ „Journal de Saint-Pétersbourg“ отъ 2-го октября 1900 г.:

„Его Величество Государь Императоръ принялъ въ субботу

30 го сентября во дворцѣ Ливадіи Ахарамба Агвана Дорджіева, перваго тсанитъ-хамба при особѣ тибетскаго далай-ламы "...

Извлеченіе изъ газеты „Одесскія Новости“ отъ 12-го іюня 1901 г.: „Сегодня Одесса будетъ привѣтствовать чрезвычайную миссію отъ далай-ламы Тибета, которая направляется въ С.-Петербургъ съ важными дипломатическими инструкціями. Персональ миссіи состоитъ изъ восьми важныхъ государственныхъ лицъ съ ламой Дорджіевымъ во главѣ. Главная цѣль чрезвычайнаго посольства — сближеніе съ Россіей и усиленіе хорошихъ отношеній съ нею. Въ настоящее время Тибетъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, находится поцѣ покровительствомъ Китая, однако, условія этого протектората никогда не были ясно опредѣлены. Настоящее посольство снаряжено и отправлено къ Его Императорскому Величеству далай-ламой; посланные везутъ отъ него собственноручныя письма и подарки. Эта чрезвычайная миссія въ числѣ другихъ дѣлъ подниметь вопросъ объ учрежденіи въ Петербургѣ постоянной тибетской миссіи для сохраненія добрыхъ отношеній Тибета съ Россіей“.

Составъ миссіи подробно опредѣлила „Петербургская Газета“. Во главѣ: Агванъ Дорджіевъ; секретарь далай-ламы Чамбу Доницъ (или Са-Хамбо-Дониръ), Лубзонъ Каинтчокъ; начальникъ области Тибета Сомбуо Тсидуронъ Пундзокъ (или Джанстанъ Цомбонъ Тзитонгъ Пунтсокъ); секретарь Дорджіева и переводчикъ Оушче Норзуновъ и главный шигшитъ Гассоновъ.

Извлеченіе изъ „Правительственнаго Вѣстника“ отъ 25-го іюня 1901 г.:

„Его Величество Государь Императоръ въ субботу 23-го іюня принялъ въ большомъ петергофскомъ дворцѣ чрезвычайныхъ посланниковъ далай-ламы Тибета, Хамбо-Аквана Дорджіева и Лубзана-Кайптчека Хамбо-Донира. Послѣ ихъ приѣма Его Величеству Государю Императору имѣли счастье представляться секретарь миссіи Джантанъ Цомбонъ Тзитонгъ Пунтсокъ, начальникъ тибетскаго округа“.

Извлеченіе изъ „Правительств. Вѣстн.“ отъ 1-го декабря 1901 г.:

„28-го ноября тибетскій посланный Хамба-Акванъ Дорджіевъ имѣлъ счастье представляться Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ“.

Политическій характеръ этой миссіи еще очевиднѣе въ статьѣ „Новаго Времени“ отъ 1-го іюня 1901 г., въ которой говорится, что Дорджіевъ написалъ для свѣдѣнія русскаго правительства памфлетъ, въ которомъ были описаны обычаи Лхассы и интриги, окружающія далай-ламу. Эта газета далѣе говоритъ, что „вѣсти о пораженіи Китая, о русскихъ побѣдахъ въ Манчжуріи и т. д. проникли въ Тибетъ къ ламѣ. При такихъ обстоятельствахъ сближеніе съ Россіей, конечно, представляется ему естественнымъ шагомъ, такъ какъ Россія единственная держава, способная противодействовать интригамъ Великобританіи, которая такъ долго старалась получить доступъ въ Лхассу и только дожидается удобнаго случая силой вернуться въ нее“. Миссію, съ Дорджіевымъ во главѣ, провожалъ русскій эскортъ. Русскія газеты называли ее „научной миссіей“, хотя въ эскортъ вошла развѣдочная вѣтвь русской арміи.

Эти подозрительныя мисси, а также мрачная враждебность ламъ, ихъ умышленная невѣжливость относительно насъ и отказы, которые мы слышали отъ такого слабаго и полуварварскаго государства, какъ Тибетъ, послужили послѣдними каплями въ чашѣ терпѣнія нашего правительства. Въ 1902 г. нашъ посланникъ произвелъ сильное давленіе на Пекинъ, и въ результатъ Китай согласился на то, чтобы британская политическая миссія отправилась въ Кхамба-Джонгъ въ Тибетъ. Китайское правительство сообщило, что амбанъ Лхассы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ высшихъ тибетскихъ чиновниковъ, встрѣтитъ тамъ британскую комиссію и, въ видахъ соглашенія, будетъ совѣщаться съ нею относительно спорныхъ вопросовъ. Китай такъ всецѣло и очевидно измѣнилъ политику, что не только приказалъ амбану не противиться болѣе принятію британскихъ агентовъ, но и напечатать въ „Пекинской Газетѣ“ рапортъ, въ которомъ онъ настойчиво уговаривалъ соотечественниковъ далай-ламы воздерживаться отъ дальнѣйшихъ невѣжливостей съ британскими посланцами. Онъ говорилъ, что слѣдуетъ придти къ примирительнымъ соглашеніямъ, потому что „если вспыхнетъ вражда, ея послѣдствія будутъ невѣроятны“ и что тогда „вмѣшательство императорскаго резидента окажется мало вліянія“. Тѣмъ не менѣе китайское правительство очевидно только старалось снять съ себя всякую отвѣтственность и возложить ее на ламъ, которыхъ оно презрительно называло „нашими варварскими вассалами“. Это видно изъ того, что едва амбанъ сталъ убѣждать ламъ согласиться на то, что онъ называлъ „вполнѣ справедливыми требованіями британцевъ“, китайское правительство уличило его въ измѣнѣ и немедленно отозвало изъ Лхассы. Предполагается, что несчастный покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Между тѣмъ британская комиссія была организована. Ея главой избрали майора Ф. Е. Лонгхѣзбенда, чиновника политическаго департамента; резидента Сикхима Уайта назначили его ассистентомъ, а м-ра Уильсона — изъ китайскаго консульства — китайскимъ переводчикомъ, артиллерійскаго же капитана О'Коннора тибетскимъ толмачемъ и секретаремъ. Эта миролюбивая миссія, въ сопровожденіи 200 пионеровъ сикховъ, въ іюлѣ 1903 г. перешла черезъ границу, двигаясь къ Кхамба-Джонгу, какъ было ранѣе рѣшено, и путешествуя съ большими издержками, такъ какъ ей приходилось везти провизію для себя и заботиться о своемъ обозѣ, начиная отъ долинъ Индіи. Миновавъ горный проходъ, возвышающійся на 16.000 ф. надъ уровнемъ моря, она достигла Кхамба-Джонга, отстоящаго на 20 миль отъ тибетской границы; но тутъ ея не встрѣтилъ никто: ни китайскіе, ни тибетскіе уполномоченные. На запросъ въ Пекинъ, почему представитель Сына Неба не явился въ Кхамба-Джонгъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что новый амбанъ выѣхалъ изъ Пекина, но не вынесъ трудностей путешествія, что другой амбанъ покинулъ Пекинъ въ декабрѣ 1902 г. и все еще находился въ дорогѣ и, наконецъ, что очень высокій чиновникъ изъ Тибета поѣхалъ изъ Лхассы для совѣщанія съ нашей миссіей. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ тибетецъ дѣйствительно явился, но оказался лицомъ очень низкаго ранга, такъ что британскій ком-

миссіонеръ отказался войти съ нимъ въ какіе бы то ни было переговоры.

Въ этой мертвой петлѣ миссія полковника Ионгхѣзбенда четыре мѣсяца ожидала посланныхъ, которые такъ и не пріѣхали. Зато пришла армія въ 3.000 тибетцевъ, выстроилась противъ лагеря миссіи и грозила напасть на нее, если англичане не уйдутъ.

Есть основаніе предполагать, что во время этихъ враждебныхъ демонстрацій между далай-ламой и Россіей былъ заключенъ тайный трактатъ, въ силу котораго Россія приобрѣтала сюзеренную власть надъ Тибетомъ и дѣлалась покровительницей ламайской религіи. Когда Россію уличили въ этомъ, она стала отпѣкиваться отъ трактата, но признала, что старалась упрочить свои интересы въ Лхассѣ; потомъ обычнымъ ей грознымъ тономъ, при помощи котораго она съ такимъ успѣхомъ распространила свою власть въ Азіи, рассыпалась въ замаскированныхъ угрозахъ, показавшихъ

(Съ современнаго рисунка Риборта де-Джерси).

еще яснѣе, что намъ необходимо немедленно начать дѣйствовать. Мы получили несомнѣнно ясныя доказательства, что Тибетъ готовится къ войнѣ съ нами: непальскій раджа извѣстилъ наше правительство, что далай-лама просилъ у него вооруженной помощи для вытѣсненія миссіи; кромѣ того, мы съ достовѣрностью узнали, что въ Тибетъ ввозились русскія ружья, заряжающіяся съ казенной части, и аммуниція. Всѣ тибетцы толковали объ этомъ на дарджилингскомъ базарѣ, на который быстро просачивались новости изъ Лхассы. Потомъ слухи о русскихъ интригахъ были подтверждены японскимъ священникомъ Кауагучи; послѣ возвращенія изъ Лхассы въ 1903 г. онъ сообщилъ, что въ 1902 г. ламы приняли отъ русскаго правительства два груза привезенныхъ на верблюдахъ ружей. Въ сентябрѣ 1903 г. вполне выяснилось, что Дорджіевъ, кромѣ своихъ профессиональныхъ буддистскихъ обязанностей, принялъ на себя наблюденіе за военными приготовлениями въ лхасскомъ арсеналѣ.

При видѣ того, что Россія угрожаетъ самымъ жизненнымъ ин-

тересамъ Индіи, намъ стала вполне ясна насущная необходимость немедленно двинуть нашу миссію, потому что, какъ объяснилъ лордъ Керзонъ, мы не могли терпѣть враждебнаго вліянія на границы Индіи и, хотя сами не желали занимать территоріи другихъ племенъ или странъ и были готовы предоставить эту территорію нашимъ союзникамъ и друзьямъ, позволять недружественнымъ и соперничающимъ вліяніямъ пробираться къ нашимъ границамъ и гнѣздиться подъ самыми нашими стѣнами.

Поэтому 6-го ноября 1903 г. правительство его величества рѣшило: 1) что наша миссія безъ промедленій двинется впередъ и достигнетъ торговаго города Джіантсе, въ сердцѣ Тибета, отстоящаго отъ британской границы на 130 миль, а отъ Лхассы на 145 миль, взявъ съ собой эскортъ достаточно большой для того, чтобы, въ случаѣ нужды, силой пробить себѣ дорогу и заставить тибетцевъ исполнить ихъ обязанности, помѣщенные въ трактатѣ; 2) что мы займемъ долину Чумби, съ цѣлью показать, что мы дѣйствуемъ не шутя, и 3) что экспедиція отступитъ, едва ламы дадутъ намъ удовлетвореніе.

ГЛАВА IV.

Впередъ! Мирная миссія превращается въ вооруженную силу.

„Поклодите китайца, и онъ заговоритъ по-тибетски“.

Тибетская пословица.

Итакъ, намъ предстояло вступить въ Тибетъ не въ качествѣ просителей, умоляющихъ впустить ихъ, не въ качествѣ маленькой партіи путешественниковъ, смиренно проскользающихъ мимо дерзкаго и варварскаго охранителя границъ; теперь миссія должна была двинуться какъ представительница высшаго могущества, идущая открыто, мирно, однако, съ достаточной силой, чтобы потребовать открыть двери, если она найдетъ ихъ заменутыми. Положеніе вещей было съ рѣзкой откровенностью и прелестно очерчено въ карикатурѣ Punch'a: великій лама увѣряетъ Джона-Буля, мелочного торговца, что онъ не нуждается въ благословеніи свободной торговли, но слышитъ въ отвѣтъ: „Вы заслужили ее“.

Когда въ октябрѣ 1903 г. рѣшили, что британская миссія проникнетъ до сердца Тибета и, если понадобится, пробьется съвозъ вооруженное сопротивление, предусмотрительно усилили эскортъ, увеличивъ его до цѣлой бригады, съ цѣлью обезпечить безопасность миссіи и позволить ей вынести возможное сопротивление. Въ этой бригадѣ *) насчитывалось около 2.800 штыковъ и

*) 23-й сивхскіе піонеры 700.
32-й idem 700.
8-й гурехи 700.
1 отр. верховой инфантеріи . . 100.

она находилась подъ командой бригаднаго генерала Д. Р. Л. Макдональда, который прославился въ Угандѣ; онъ получилъ инструкціи двигаться мирно и держаться оборонительнаго образа дѣйствій во время движенія миссіи по Тибету, а также и во время занятія долины Чумби.

Во всей военной исторіи еще не бывало примѣра, чтобы арміи какаго бы то ни было цивилизованнаго государства приходилось вести маленькую войну (такъ какъ дѣло приняло именно оборотъ маленькой войны) на высотѣ болѣе чѣмъ въ 15.000 ф. надъ уровнемъ моря, т. е. на одномъ уровнѣ съ вершиной Монъ-Блана, и задача, выпавшая на долю генерала Макдональда, могла бы испу-

EXERCITVS : TRANS : MONTES : ITER : PECT.

Y : GENERATLE : WITH : A : RYCHTE : GOODLYR ANDR
JOYOVJ COMPAGNIE : CROSSER : Y : MONTAYNES

гать большую часть вождей. Въ походѣ, сопряженный съ громадными физическими трудностями, пришлось выступить очень быстро, безъ всякихъ подготовленій и въ глубокую зиму. Нашимъ индійскимъ войскамъ предстояло выносить сильный холодъ, постоянно ожидать нападений изъ-за естественныхъ преградъ пути и съ невѣроятными трудностями и усиліями передвигать обозъ.

Генераль Макдональдъ избралъ линіей своего движенія въ Тибетъ самый легкій путь, а именно обыкновенную торговую дорогу черезъ проходъ Джелепъ, близъ Чумби, который являлся тѣмъ болѣе желательнымъ, что мы должны были занять долину Чумби. Итакъ, едва были мобилизованы войска и ихъ транспорты, а съѣстные припасы и другія принадлежности свезены къ базису у подножія горъ, генераль распорядился, чтобы миссія, вмѣстѣ со своимъ маленькимъ эскортомъ, отступила отъ Кхамба Джонга къ Джелепской дорогѣ. Это было очень мудрое рѣшеніе: оно создало лучший базисъ для движенія большого корпуса войскъ,

- 1 отр. № 3 бенгальскіе саперы.
- 1 отр. № 4 мадрасскіе саперы.
- 2 пушки № 7 горной батареи.
- Пулеметы, Норфольскій полкъ.
- Инженеры, полевой отрядъ.
- 5 отдѣленій полевыхъ тоспитателей.
- Провантское и транспортное отдѣленіе.

который было рѣшено послать. Длинная и трудная дорога черезъ Леченъ, бывшая немногимъ лучше возыихъ тропинокъ, со своимъ проходомъ, который поднимается больше чѣмъ на 16.000 ф. надъ уровнемъ моря, съ очень небольшимъ количествомъ лѣса для топлива, благодаря распоряженію Макдональда, была замѣнена дорогой Чумби, изобилующей лѣсомъ для топлива и пастбищами для транспортныхъ животныхъ, проходы которой ниже леченскихъ футовъ на 2.000.

Съѣстные запасы и средства для ихъ переноса — эти пугала путешественника, точно также какъ и генерала, командира арміи, — скорѣе оказались особенно тяжелымъ затрудненіемъ для нашей экспедиціи; другую трудность представляла постройка и починка горныхъ тропинокъ, словомъ, созданіе дороги, по которой могъ бы пройти нашъ транспортъ, двигаясь по самой затруднительной линіи сообщенія въ мірѣ. Вѣдь предстояло не только переправить

MULTI: ANIMALES: CURIOSISSIMI CIBVM: AD: EXERCITVM:
PORTAVERE

MANIE: STRAVNGE: BEASTES: BRINGE: PROVENDARE: FOR: Y
ARMIE: MANIE: ALSOE: DOE: DYE: OF: A: GREEVOVS: MVRRAINE.

черезъ горы палатки, постели, аммуницію и т. д., но существовала несравненно большая трудность, а именно доставка пропитанія для войска и для еще обширнѣйшей арміи транспортщиковъ, двигающейся сюда; всѣ запасы приходилось нести въ горы изъ долинъ Индіи, потому что въ Гималаяхъ не было возможности найти пропитанія. Ежедневная провизія для арміи, состоящей главнымъ образомъ изъ людей, которые ѣдятъ только зерно, доходитъ до невѣроятнаго количества возовъ, и вопросъ о томъ, какъ доставить наибольшее количество этихъ грузовъ въ наискорѣйшее время, черезъ много десятковъ миль, по дурнымъ горнымъ дорогамъ на громадной высотѣ, представлялъ собой проблему, которую приходилось разрѣшить генералу Макдональду и его главному интенданту майору Презертону. Скорѣе вопросъ былъ разрѣшенъ. Чуть не всѣ транспортныя и багажныя животныя, подходившія для работы, были наняты, и скорѣе дорога наполнилась двигающеюся массой животныхъ и носильщиковъ-вуліевъ. Отъ нашего базиса въ Силигури, куда кричащіе локомотивы ежедневно привозили изъ Калькутты сотни тоннъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ товаровъ, вер-

блюдь и тысячи телѣгъ, приведенныхъ изъ Бомбея и Мадраса, повезли тяжести по колесной дорогѣ, которая на протяженіи 45 миль вѣтся по долинѣ рѣки Тисты; когда дорога сдѣлалась слишкомъ крутой для воловъ, запряженныхъ въ телѣги, ихъ замѣнили мулами. Когда же окончилась проѣзжая дорога, тяжести навьючили на быковъ, и они потащили ихъ по козьимъ тропамъ, которыя расширили пионеры и саперы въ изумительно короткое время, превративъ ихъ въ дорожки муловъ. Тамъ, гдѣ путь сталъ еще круче, грузъ положили на вьючныхъ муловъ и вьючныхъ пони, а когда онъ сдѣлался слишкомъ крутъ даже для нагруженныхъ муловъ, тысячи куліевъ понесли тяжести на своихъ спинахъ. Эти куліи составляли сами по себѣ большую армію, пеструю толпу, собранную изъ разныхъ частей Гималаевъ, даже изъ-за 1.000 миль. Тутъ были балтисы изъ страны за Кашмиромъ, геруальцы изъ-за Муссори и Наини-таль, съ дюжину различныхъ племенъ Непала (которыхъ одолжилъ намъ раджа этой страны), мѣстные лепчи и хотіасы изъ Сикхима, бхотанцы съ востока и значительное количество дружественныхъ тибетцевъ.

Когда, въ видахъ трудности транспорта, урѣзали все, что было возможно, не избѣжалъ той же участи и нашъ личный багажъ. Уже и раньше онъ былъ доведенъ до полевого минимума, до восьмидесяти фунтовъ на каждого офицера и сорока на солдата, включая палатки и все остальное очень маленькое снаряженіе для почти арктическаго пояса, въ который намъ предстояло вступить.

Мѣстомъ отправленія и базисомъ нашихъ операций былъ Силигури, послѣдняя точка желѣзнодорожнаго пути равнинъ. Онъ лежитъ у подножія Гималаевъ, всего на высотѣ 397 фут. надъ уровнемъ моря.

Выйдя 6-го ноября 1903 г. изъ поѣзда въ Силигури, мы очутились въ хвостѣ полевого лагеря. За желѣзнодорожной станціей суетились военные въ хаки, а около станціоннаго двора, посреди горокъ наваленныхъ товаровъ различныхъ цвѣтовъ, такъ какъ они состояли изъ мѣшковъ съ зернами, муки, сахара, соли, изъ ящиковъ съ провизіей и связокъ одеждъ, стояла линія нѣсколькихъ сотенъ телѣгъ, запряженныхъ волами, ожидали мулы и пони съ ихъ погонщиками; множество куліевъ нагружали телѣги припасами для нашей арміи. Въ сторонѣ ожидали наши собственные слуги. Я также отыскалъ своихъ слугъ, татаръ изъ Дарджилинга, Кюнтупа, знаменитаго обозрѣвателя, и моего повара Ачума, которые оба были моими вѣрными спутниками въ теченіе многолѣтняго странствія въ восточныхъ Гималаяхъ, носили мое ружье и камеру и въ самое короткое время создавали для меня удобные ночлеги и вкусныя кушанья. Пока нагружали нашъ багажъ, многіе изъ насъ отправились въ станціонную буфетную комнату, чтобы еще разъ насладиться цивилизованными кушаньями, раньше чѣмъ мы погрузимся въ дикія горы.

Отправленіе изъ палящихъ долинъ Индіи, съ ихъ горячими мѣднокрасными небесами и раскаленной пылью, въ прохладныя горы, которое всегда такъ восхищаетъ европейскихъ изгнанниковъ въ Индіи, въ особенности радовало насъ, такъ какъ намъ пред-

стояло увидѣть мистическую страну за снѣгами. Снѣжные ряды уже видѣлись вдаль; они громоздились надъ темными стѣнами вѣшнихъ Гималаевъ и горѣли на солнцѣ, холодные, неумолимые и грозные, точно блестящія бѣлые клыки ледяныхъ сторожей Индіи въ 20.000 ф. надъ нами.

Ведя нашихъ косматыхъ маленькихъ горныхъ пони по дорогѣ-стремлящейся къ глубокому зѣву въ первыхъ цѣпяхъ, черезъ которыя рѣка Тиста прорывается въ долину, мы минуемъ довольно пустынную открытую низменность; татары племени кочъ (Кучъ, бека) отняли ее отъ лѣса Тераи, какъ называется эта ботаническая полоса у подножія горъ. Наше движеніе по временамъ останавливается, благодаря обрывкамъ арміи, отрядамъ солдатъ, стадамъ навьюченныхъ муловъ и медленнымъ вереницамъ комиссаріатскихъ телѣгъ, запряженныхъ волами. Миновавъ ихъ, мы приблизительно на 5-й милѣ входимъ въ большой лѣсъ изъ деревьевъ салы; въ его глубинахъ наша дорога образуетъ тѣнистую аллею, которая тянется много миль. Кромѣ статнаго „салы“, въ этомъ лѣсу встрѣчаются только „кхаиръ“ или „квачу“, аваціевидное дерево съ очень приятнымъ кислымъ плодомъ, напоминающимъ крыжовникъ; теперь онъ спѣлъ и утоляетъ жажду. Вскорѣ мы входимъ въ горное ущелье Сивокъ или „ущелье вѣтровъ“ и попадаемъ въ британскій Сикхимъ; на другомъ же берегу Тисты — британскій Бхотанъ *), тотъ кусокъ Бхотана, который былъ присоединенъ нами въ 1866 г. вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ бхотанцевъ на долины Индіи **). Его вѣшнія волнистыя части подъ горами называются Дуарсъ ***); это мѣстность, представляющая собою цвѣтущій чайный садъ.

Мѣстное племя хорошо назвало глубокой горный проходъ, путь бурной Тисты черезъ горы, „ущельемъ вѣтровъ“, такъ какъ по нему льется непрестанный потокъ тумана и свистящаго воздуха, точно по могучей трубѣ камина; днемъ порывы шваловъ несутся въ долину, а ночью воздухъ течетъ вверхъ; съ ненасытной жаждой вѣтеръ всю ночь всасываетъ полный лихорадокъ туманъ и дождевыя облака изъ болотистыхъ долинъ Тераи внизу и дѣлаетъ эту

*) Бхотанъ, индусское названіе этой страны, обозначаетъ: конецъ Тибета (Бхота); самъ народъ называетъ свою страну „Дукъ“ или „Страна гремящаго дракона“, что очень кстати, такъ какъ эта часть Гималаевъ наиболѣе часто подвержена грозамъ.

***) Мисси Эдена, посланной въ 1864 г. для предупрежденія дальнѣйшихъ набѣговъ, были нанесены величайшія оскорбленія: людей, стоявшихъ во главѣ ея, заключили въ тюрьму и осыпали плевками. Это окончилось войной 1865 г., а на слѣдующій годъ присоединеніемъ всей полосы Бхотана отъ Калимпонга до долинъ; между тѣмъ бхотанцамъ ежегодно давали бы субсидію въ 50.000 рупій, если бы они оставались мирными. Независимый Бхотанъ простирается на востокъ отъ Калимпонга приблизительно на 200 миль; его ширина достигаетъ 90 миль отъ тибетской границы до равнинъ Индіи. Въ 1838 г. д-ръ Грифисъ, членъ медицинскаго управленія Индіи, сопровождавшій миссію капитана Пембертона въ 1838 г., сдѣлалъ большое путешествіе по Бхотану, которое онъ и описалъ въ своихъ дневникахъ (три тома); онъ также собралъ большое количество растений, разобранныхъ и размѣщенныхъ въ Кію м-ромъ Оливеромъ.

***) Буквально, — двери въ горахъ.

часть нижняго Сикхима однимъ изъ самыхъ сырыхъ мѣстъ въ мѣрѣ. Утромъ весь проходъ бываетъ полонъ тумана, который стремится въ долину, точно рѣка дыма. Это придадо ему репутацію наиболѣе зараженной части убійственно-болотистаго Тераи. Въ дождливое время года „ущелье вѣтровъ“ заразительно, ядовито. Теперь же, въ ноябрѣ, оно здоровѣе, и такъ какъ мы не можемъ найти никакого другаго подходящаго пункта для стоянки, мы здѣсь устраи-

Бамбуковый кувшинъ.

ваемъ нашъ лагерь на берегу маленькаго притока рѣки, противъ хижинъ небольшого базара горцевъ, которые въ зимніе мѣсяцы приходятъ сюда со своими семьями, принося на продажу апельсины, грецкіе орѣхи и другія произведенія земли. Большую часть пропитанія и утвари они добываютъ себѣ изъ лежащей вблизи джунгли; даже ихъ горшки для варенія пиши и ихъ кувшины вырѣзываются изъ бамбука. Хотя москитовъ не замѣчалось, я изъ предосторожности далъ всѣмъ хишина и позаботился, чтобы каждый защитился отъ холодной сырости, которая неслась черезъ проходъ, пропитанная испареніями тучнаго тропическаго лѣса.

Хотя „ущелье вѣтровъ“ нездорово, оно очень красиво. Здѣсь бурныя воды могочей Тисты, выходя изъ горъ, не сдавленные болѣе скалами и уставшія отъ своей бѣшеной скачки по утесамъ, встрѣчаютъ томную нѣгу долины и лѣниво тянутся широкой сѣтью болотистыхъ каналовъ, которые ползутъ черезъ густую джунглу, направляясь къ далекому горизонту. Низменные берега рѣки и ея остворки покрыты густой и почти непроходимой чащей роскошнѣйшаго и высочайшаго тропическаго лѣса, въ густыхъ заросляхъ котораго ютятся почти всѣ породы дикихъ звѣрей, начиная отъ тигра, водится здѣсь, также и привлекающая ихъ дичь. Имѣя достаточное количество слоновъ для движенія по джунглѣ, близъ Тисты можно было бы встрѣтить всякую дичь, начиная отъ перепелки и кончая дикимъ слономъ; поэтому

насъ совсѣмъ не удивило, когда одинъ изъ погонщиковъ пожаловался, что ночью тигръ умертвилъ и унесъ одного изъ его большихъ воловъ.

Дальнѣйшее путешествіе по окруженной скалами извилистой долинѣ, покрытой густой зеленой джунглой до краевъ рѣки Тисты, на слѣдующій день показываетъ вамъ самыя великолѣпныя на свѣтѣ рѣчныя картины, съ измѣняющимися видами при каждомъ поворотѣ.

На переднемъ планѣ, изъ глубокихъ затѣненныхъ уголковъ,

вдоль дороги здѣсь и тамъ поднимаются живописныя хижины немногочисленныхъ и отважныхъ горцевъ, которые, не обращая вниманія на нездоровый климатъ долины, спускаются въ нее на нѣсколько недѣль въ холодную погоду, чтобы торговать и зарабатывать себѣ пропитаніе въ качествѣ дроносѣковъ и т. д. Большая ихъ часть приходитъ сюда со смежныхъ холмовъ Непала; это все люди съ ножами Кукри, засунутыми за пояса; виднѣется много лепчасовъ—жителей сикхимскихъ горъ; наименьшая часть принадлежитъ къ бхотіасамъ или натурализованнымъ тибетцамъ*).

Здѣсь же можно видѣть и купцовъ изъ „запретной страны“

Сикхимскіе лепчасы.

съ ихъ крупными собаками. Они ведутъ косматыхъ пони, нагруженныхъ небольшимъ количествомъ шерсти, которую имъ, несмотря на ограниченія торговли, удалось тайкомъ вывезти изъ Тибета.

*) Тибетцы называютъ свою страну „Бодъ“, а себя „Бод-па“. Наше европейское названіе „Тибетъ“ передѣлано изъ кашмирскаго „Тибатъ“, или „Тебетъ“—испорченное слово „То-бодъ“, т. е. верхній Тибетъ, обозначавшее высоко лежащую часть Тибета, смежную съ Кашмиромъ и Ладакомъ и представляющую собою область, съ которой европейцы познакомились раньше всѣхъ остальныхъ. Съ другой стороны индусы измѣнили мѣстное названіе страны „Бодъ“ въ „Бхотъ“ и называютъ жителей Тибета „Бхотіа“. Это ходячее названіе тибетцевъ въ данной части Гималаевъ. Для дальнѣйшихъ подробностей см. мою книгу „Въ Гималаяхъ“.

Всѣ эти племена одѣты болѣе или менѣе живописно, въ особен-ности женщины; всѣ красивы, веселы и добродушны. Ихъ живыя откровенныя манеры освѣжаютъ послѣ почтительной мед-лительности жителей долины. Передъ многими изъ хижинъ лежатъ груды продажныхъ „золотыхъ плодовъ“ (сонау), восхитительныхъ апельсиновъ, лучшихъ изъ всѣхъ сикхимскихъ фруктовъ; они ро-дятся въ такомъ множествѣ, что дюжина продается за поль-пенни. Такъ какъ я уже подробно описывалъ и иллюстрировалъ въ моей книгѣ „Въ Гималаяхъ“ многія интересныя татарскія племена Сикхима, съ ихъ странными обычаями и съ удивитель-ными картинами этой страны, включая и дорогу, по которой мы теперь движемся отъ Силгури къ проходу Желепъ, я вплоть до этого прохода буду описывать только военныя измѣненія, введен-ныя нашей нынѣшней экспедиціей, для дальнѣйшихъ подробнос-тей отправляя читателя къ вышеуказанному сочиненію.

Проѣзжая дорога отъ долины Тисты къ Тибету — военная до-рога, проложенная въ 1888 г.; она была сдѣлана изъ стараго тракта для экспедиціи генерала Грехема, предпринятой съ цѣлью выпѣснить тибетцевъ изъ занятыхъ ими частей Сикхима въ Тибетъ черезъ проходъ Желепъ. Это прекрасная, хорошо построенная до-рога; но тяжелое ежедневное движеніе многихъ тысячъ нагружен-ныхъ телѣгъ въ теченіе послѣднихъ недѣль во многихъ мѣстахъ образовало въ ней большія выбоины. Въ среднемъ она имѣетъ около 16 ф. ширины, вьется приблизительно футовъ на сто надъ рѣкой и, высѣченная въ крѣпкихъ высокихъ скалахъ, проходитъ надъ многими пропастями. Опаснѣе всего тѣ мѣста, гдѣ она, подни-маясь футовъ на 89, пересѣкаетъ многочисленныя осыпи и полосы гравія, подточенныя снизу теченіемъ рѣки. Въ подобныхъ пунк-тахъ дорога часто поддерживается только шестами, укрѣпленными горизонтально или вертикально, вбитыми въ рыхлую почву и со-ставляющими не особенно крѣпкія подставки или настилку. Здѣсь геологическая формація необыкновенно неудобна для проведенія дороги: преобладаетъ крошащійся шиферъ, который легко отры-вается во время ливней, такъ что вслѣдствіе осыпей дорога дѣ-лается вполнѣ непроходимой въ дождливое время года (отъ іюня до сентября), когда цѣлыя ея куски исчезаютъ въ рѣкѣ. Удиви-тельно, что теперь такое небольшое количество транспортныхъ животныхъ падаетъ въ опасныя пропасти, изъ которыхъ многія не ограждены. Глядя черезъ край дороги, я замѣтилъ лишь двухъ-трехъ животныхъ, упавшихъ недавно; большіе коршуны собрались надъ ихъ тѣлами далеко внизу, подлѣ скалистаго ложа рѣки.

Въ этихъ осыпающихся мѣстахъ, висящихъ надъ пропастями, наше движеніе по ухабистой дорогѣ часто останавливалось, затруд-ненное встрѣчными нагруженными телѣгами и навьюченными жи-вотными. Когда при такихъ обстоятельствахъ мы старались разойтись, было интересно видѣть, до чего инстинктъ самосохраненія заставлялъ каждаго изъ людей и каждое изъ животныхъ бороться за жизнь и держаться внутренней или наиболѣе безопасной стороны пути и упрямо сохранять ее. Большая часть телѣгъ поднялась наверхъ со съѣстными припасами, а возвращалась нагруженная

чурбанами дорогого дерева саль; лѣсная область, пользуясь возвращающимися пустыми транспортными телѣгами, отправляла на нихъ свой товаръ къ желѣзной дорогѣ по дешевой цѣнѣ, что также служило къ выгодѣ военнаго управленія, — очень дѣловое соглашеніе.

Слѣдуя вдоль праваго берега, мы пересѣкаемъ рѣку Кали-Джора (или „черный потокъ“, дѣйствительно черный отъ угольныхъ осколковъ), недалеко отъ угольныхъ копей Делинга въ Ріангѣ, выходимъ на террасу надъ рѣкой и вступаемъ въ государственныя плантаціи хинныхъ деревьевъ. Здѣсь, на этихъ жаркихъ сырыхъ горахъ, хинное дерево находитъ пріютъ, напоминающій его родину Перу, и даетъ правительству возможность выдѣлывать для Индіи много тоннъ хинина, божественнаго лекарства, которое дѣлаетъ возможной жизнь въ лихорадочныхъ тропикахъ. По краямъ дороги нагромождены бочки съ керосиннымъ эи-ромъ, самымъ дешевымъ спиртомъ, благодаря которому извлекается хининъ.

Близъ моста Тисты, тамъ, гдѣ дорога перекидывается на лѣвый берегъ, мы находимся на высотѣ 780 ф. надъ уровнемъ моря. Въ настоящее время мостъ расширили такъ, чтобы по нему могли перебѣзжать неразобранныя на части телѣги. Этотъ пунктъ представляетъ собою окончаніе старой проѣзжей дороги; отсюда вверхъ по горѣ вьется дорожка для пони и черезъ четыре мили привозитъ къ санаторіи Калимпонга, гдѣ милосердная шотландская миссія подъ руководствомъ почтеннаго Д. А. Грехема недавно учредила нѣсколько сиротскихъ пріютовъ по бернардской системѣ для смѣшанныхъ англо-индійскихъ и полубѣлыхъ дѣтей Калькутты. Нельзя себѣ представить болѣе благороднаго, высокаго и добраго дѣла. Благодаря этимъ пріютамъ, маленькіе бродяги спасаются отъ грязи и порока городскихъ притоновъ и воспитываются для здоровой и полезной жизни. На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ пріютовъ стоитъ маленькая капелла самоотверженнаго французскаго католическаго миссіонера отца Дегодена, который здѣсь работаетъ вотъ уже четверть столѣтія, проведя такой же долгій періодъ въ восточномъ китайскомъ Тибетѣ.

Мы еще миль сорокъ слѣдуемъ по колесной дорогѣ вдоль долины Тисты. Она ведетъ къ проходамъ надъ столицей сикхимскаго раджи; мы двигаемся по ней, минуемъ живописное слияніе Ранджита съ Тистой, направляемся къ поселенію въ лѣсу (Таркхола) и здѣсь устраиваемъ лагерь; на слѣдующій день мы пересѣкаемъ ручей Ронгли и входимъ въ постъ Рангпо, который находится въ собственномъ Сикхимѣ и составляетъ депо базиса нашей экспедиціи; отсюда путь къ проходу Джелепъ пойдетъ уже не по проѣздой дорогѣ, а по крутымъ горнымъ тропинкамъ, пригоднымъ только для животныхъ, которыхъ ведутъ подъ узды.

Итакъ, Рангпо очень важное мѣсто для нашей экспедиціи. Разнородные запасы сложены въ маленькія горки; построено много линий бараковъ и большой базаръ уже образовался тамъ, гдѣ всего недѣлю тому назадъ стояли только отдѣльныя хижины. Настоящее его названіе — Рангпо-Рамъ-Пу, или изогнутая преграда; дѣйствительно, отроги камней заставляють рѣку дѣлать изгибъ въ формѣ латинской

буквы U; въ изгибѣ на маленькой плоскости берега помѣщается постъ въ глубокой выбоинѣ; онъ поднимается только на 800 ф. надъ уровнемъ моря и окруженъ почти тропическимъ лѣсомъ; поэтому въ немъ царить малярія. Чтобы избѣжать опасности заразы, мы расположились въ рощѣ апельсиновыхъ деревьевъ, гораздо выше, на площадѣ. Въ этомъ дѣятельномъ мѣстѣ всѣ были переутомлены, и, можетъ быть, больше всѣхъ работалъ чиновникъ-бенгалець въ почтовой конторѣ; онъ какъ во снѣ подавалъ письма одной рукой, въ то время какъ другой стучалъ телеграмму, исполняя трудъ четырехъ человѣкъ.

Складъ снабжаетъ всѣхъ солдатъ различныхъ формъ специальной теплой одеждой для тѣхъ арктическихъ областей, которыя громоздятся высоко надъ нами; мы остаемся здѣсь нѣсколько дней, чтобы получить теплое платье и собрать мѣстныхъ горцевъ для обязанностей кулиевъ и носильщиковъ. Теплое платье щедро раздается даромъ и солдатамъ, и сопровождающимъ войско, чтобы защищать ихъ отъ холода и мороза. Въ прибавку къ обыкновенному набору зимняго платья, въ который включается балаклавская шапка, тяжелая теплая куртка на фланели, шерстяныя панталоны, толстые сапоги, непромокаемый плащъ и байковое одѣяло, каждый еще получилъ:

- 1 куртку изъ овчины „поштинъ“, съ длинными рукавами.
- 1 толстое прстеганное ватное одѣяло.
- 1 пару толстыхъ шерстяныхъ перчатокъ.
- 1 пару рукавицъ на мѣху.
- 2 толстыя куртки изъ овечьей шерсти.
- 1 пару стеганыхъ панталонъ.
- 1 тяжелую шерстяную фуфайку.
- 1 пару войлочныхъ сапогъ до колѣнъ (джильджить).
- 1 пару шерстяныхъ ковриковъ.
- 1 пару очковъ для предупрежденія слѣпоты отъ снѣга.

Каждый изъ кулиевъ получилъ такой же наборъ и потому складъ выдалъ около 10 тысячъ всѣхъ этихъ вещей.

Во время нашего пребыванія въ Рангпо я нарисовалъ кресла для переноски больныхъ въ горахъ; эти кресла-корзины предстояло нести горнымъ кулиамъ такъ же, какъ они носятъ всякій грузъ, а именно на спинахъ съ налобной повязкой. Кули-лепчасы въ нѣсколько дней сдѣлали около сорока переносныхъ креселъ изъ бамбука *) и тростника сосѣдней джунгли. Въ то время, когда они занимались этимъ дѣломъ, ихъ принцъ, сынъ и наслѣдникъ раджи, прѣхалъ къ намъ съ визитомъ.

Мы снова движемся изъ Рангпо вверхъ по горамъ, поднимаемся вдоль рѣки Ронгли къ Джелену по дорожкѣ муловъ, только-что проложенной мадрасскими саперами. Теперь станетъ понятно, почему

*) Лучшій и самый прочный бамбукъ для корзиночной работы— „по“ или „па“ (*Dendrocalamus hamiltonii*). Это самый рослый изъ всѣхъ бамбуковъ, достигающій около фута толщины; его стебель, разрѣзанный на сегменты, употребляется въ качествѣ кувшиновъ. Другой бамбукъ, растущій рядомъ съ нимъ, „зху“ или „махло“ (*Bambusa nutans*), хотя и очень проченъ въ прямомъ положеніи, но ломается, когда его согнуть.

наши главные силы состоятъ изъ пионеровъ и саперовъ. Прекрасная верховая дорожка, по которой мы въедемъ по горамъ и проѣзжаемъ между утесами, только-что сдѣлана въ теченіе немногихъ недѣль и, несмотря на то, что нужно было произвести многочисленныя взрывы, она уже представляетъ собою превосходный путь нѣсколько работающихъ партій мусби-сикскихъ пионеровъ заканчиваютъ ее. На 10-й милѣ мы пересѣкаемъ рѣку, черезъ которую устроенъ прочный мостъ, тоже перекинутый саперами ниже мѣдныхъ копій, гдѣ арендаторы изъ Непала добываютъ зеленую руду. Послѣ восьмимильнаго постепеннаго подъема мы видимъ старую дорогу 1888 года изъ Калимпонга, по которой я поднимался въ Джелепъ во время тибетской экспедиціи этого года.

Какая переимѣна въ этой части Сикхима! Эта прекрасная долина, тогда бывшая однимъ обширнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, съ отдѣльными жителями, теперь превратилась въ хорошо насе-

MVZBII : MEDIAJ : IN : MONTEJ : VIAM : FACENT.

A : ROAD : IS : BUILDED : AMONGH : Y* : MOUNTAINES :

ленную страну, съ деревнями и маленькими фермами, разбѣянными по расчищеннымъ горнымъ склонамъ. То же случилось и съ большей частью другихъ не такихъ высокихъ долинъ. Начало оживленія страны положилъ м-ръ Уайтъ, инженеръ департамента общественныхъ работъ, политическій резидентъ Сикхима. Большую часть работающаго новаго населенія онъ ввезъ изъ Непала, потому что непредприимчивые мѣстные жители не отзывались на его убѣжденія и не старались преобразить и поднять страну.

Сикхимцы, которые сопровождали меня, находили эту мѣру большимъ оскорбленіемъ и ущербомъ для себя и при каждомъ удобномъ случаѣ громко говорили объ этомъ. Однако, врядъ ли можно въ этомъ отношеніи симпатизировать имъ. Результатомъ такого дѣятельнаго развитія сикхимскаго государства было то обстоятельство, что м-ръ Уайтъ увеличилъ въ десять разъ доходы раджи; для насъ же, путешественниковъ пріятныя послѣдствія его дѣятельности заключаются въ томъ, что мы можемъ покупать по дорогѣ яйца, домашнюю птицу и другую провизію и встрѣчать кулиевъ тамъ, гдѣ прежде была необитаемая пустыня.

За поселеніемъ Ронгли (что значить „жижина“), дающимъ свое имя рѣкѣ, мы вступаемъ на большую лѣстницу Гималаевъ. Пока мы только на высотѣ 2.700 ф. надъ уровнемъ моря. Однако, пройдя слѣдующія 15 миль, мы поднимаемся на 10.000 ф. выше и проходимъ черезъ самое сердце хребта. Начиная отъ полутропическаго лѣса съ гигантскими бамбуками, фигами, тиссами и т. д., мы зигзагами въедемъ по крутымъ уступамъ, быстро минуемъ болѣе холодныя полосы дубовъ, грецкихъ орѣшинеи и клена, буковъ и илимовъ съ низкорослыми зарослями малины и барбариса и входимъ въ открытый, усѣянный снѣгомъ сосновый лѣсъ Джейлугъ. Надъ замерзшимъ снѣгомъ поднимаются рододендроны и можжевельникъ Лингту, а дальше открываются волнистыя пространства альпійскихъ пастбищъ, съ большими пятнами снѣга и съ широкими видами на снѣжныя горы. Эти немногія мили привели насъ сразу отъ палищаго лѣта въ глубокую зиму.

Наша пестрая, разнообразная толпа воиновъ и сопровождающихъ, задыхаясь и тяжело дыша, медленно и съ трудомъ идетъ по вьющейся крутой дорогѣ; всѣ одѣты въ тяжелое теплое платье. Горныя кули, съ ношами на спинахъ, съ палками въ рукахъ, шагаютъ терпѣливо и съ трудомъ, потомъ останавливаются на краяхъ дороги, чтобы пропустить вереницу солдатъ: странныя ряды и одѣтые страннымъ, страшнымъ образомъ! Голову каждого окутываетъ балаклавская шапка, обвязанная шерстянымъ шарфомъ; на станѣ, окруженномъ ватной одеждой, овчинная куртка; руки въ перчаткахъ; глаза защищены зелеными очками; за спиной ружье; рука носильщика на каждомъ шагѣ вытѣкаетъ короткую альпійскую палку въ скользкую замерзшую почву. Однако, несмотря на все это вѣншее переодѣваніе, сейчасъ же узнаешь високаго, тупого, бородастаго сивка, приземистаго маленькаго коротконосаго татарскаго гурха, темнокожаго статнаго мадрасскаго сапера и британскаго „Томми Аткинса“. Послѣдній чувствуетъ себя свободнѣе всѣхъ; у него всегда готова веселая шутка или толчокъ для проходящихъ товарищей.

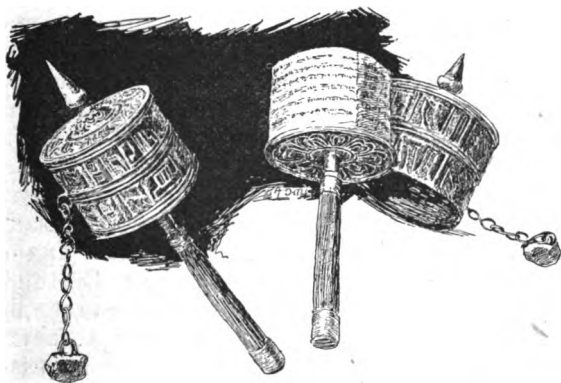
Какъ разъ подъ скалистымъ выступомъ Лингту (12.617 ф.), тамъ, гдѣ тибетцы во время своего набѣга въ 1888 г. выстроили грубую каменную крѣпость, остатки которой еще видны снизу, я стараюсь снова взглянуть на одно дерево; на немъ во время войны 1888 г. я видѣлъ мертвыя тѣла двухъ вооруженныхъ тибетцевъ; они составляли часть засады въ лѣсу и когда ихъ открыли, не захотѣли ни спуститься, ни сдать и въ отвѣтъ на всѣ предложенія только стрѣляли въ нашихъ солдатъ; наконецъ, были застрѣлены на своихъ высокихъ вѣтвяхъ.

Въ Лингту оканчивается нашъ самый крутой подъемъ. За этимъ мѣстомъ почти гладкая дорога ведетъ черезъ извилистыя равнины плоскогорья; мы минуемъ заросли рододендроновъ и подходимъ къ приграничному посту Гнатонгу, на старой моренѣ съ ея ледниковымъ озеромъ, окруженнымъ лѣсомъ черныхъ сосенъ. Раньше чѣмъ показался Гнатонгъ, пошелъ снѣгъ; это была первая снѣжная буря, которую когда-либо видѣла большая часть нашихъ индійскихъ войскъ; дикіе порывы ледяного вѣтра проносились надъ дорогой, уже и безъ того опасно-скользкой отъ стараго замерзшаго

снѣга. Онѣмѣлье, посинѣвшіе, мы 5-го декабря 1903 г. достигли Гнатонга, который лежитъ на высотѣ 12.0±0 ф. надъ уровнемъ моря. Однако, въ старыхъ деревянныхъ баракахъ, подерѣвленные горячей чашкой чая передъ пылающими бревнами, мы всѣ, индусы и другіе, вскорѣ позабыли о перенесенныхъ страданіяхъ.

Мы остановились въ Гнатонгѣ на нѣсколько дней, чтобы наши войска собрались для движенія всей массой къ проходу Джелепъ, отстоящему отсюда на 10 миль. Это составляло самую высшую стоянку, которую до насъ когда-нибудь раскидывала цивилизованная нація. Старые бараки, выстроенные дербайшайрскимъ полкомъ въ 1888 г. и позже занимавшіеся конаутцами, большею частью обветшали или сгорѣли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ постъ былъ покинутъ въ 1895 г. Теперь ихъ наскоро поправили: прикатали и новыя бревна для крышъ изъ лѣса, бывшаго рядомъ.

Картина здѣсь очень величавая; даже теперь, во время не-

Молитвенныя колеса для вращенія мистическаго заклинанія.
Съ праваго колеса снятъ футляръ и виденъ свитокъ бумаги съ мистической фразой: «Привѣтъ! Драгоценность въ цвѣтѣхъ лотоса».

милосердаго времени года, она полна оттѣнковъ, хотя ей и недостаетъ ея яркаго ковра альпійскихъ цвѣтовъ. Озеро само по себѣ представляетъ большое развлеченіе: лѣтомъ на немъ можно ѣздить на лодкѣ, зимой кататься на конькахъ подъ темными соснами, силуэты которыхъ рисуются на небѣ. Снѣжные виды къ югу необычайно широки и величавы; изъ Гнатонга видно дальше, чѣмъ изъ Дарджилинга. Съ этой большой высоты Канченджонга со своими ледниками кажется гораздо массивнѣе, также какъ и отдаленные отроги цѣпи Эвереста, которые поднимаются за нею. Смотри отсюда, можно повѣрить, что эта изумительная выдающаяся масса Гималаевъ до такой степени нарушила симметрію притяженія земли, что подняла уровень моря въ Бенгальскомъ заливѣ близъ его береговъ, такъ что, идя на суднѣ къ Калькуттѣ, вы до извѣстной степени поднимаетесь въ гору. Я выкопалъ это интересное свѣдѣніе въ 1899 г. и съ радостью узналъ, что мои замѣтки заставили изыскательную комиссію Индіи поднять этотъ вопросъ и при

помощи наблюдений точно определить, насколько были нарушены законы тяготения. Всѣмъ, кому интересно познакомиться съ высочайшими вершинами въ свѣтѣ, будетъ также полезно замѣтить, что одинъ обозрѣватель (капитанъ Вудъ Р. Е.) только-что былъ посланъ въ Непаль съ рапортомъ относительно другого вопроса по поводу этихъ же горъ, на который я также привлекалъ вниманіе комиссіи въ то же самое время; я говорю объ опредѣленіи настоящаго названія горы Эверестъ и о невозможности, чтобы этотъ король горъ представлялъ собою, какъ обыкновенно предполагаютъ, вершину, называемую Гауризанкаръ, видимую изъ Катманду въ Непаль. Вначалѣ высокія вершины Гималаевъ измѣрялись наблюдателями издали, миль за 70, за 100 или больше, съ различныхъ пунктовъ индійскихъ долинъ, гдѣ ихъ настоящія названія неизвѣстны. Когда вершину, называемую теперь „Эверестъ“, измѣряли впервые въ 1854 г., и убѣдились, что это самая высочайшая гора на земномъ шарѣ, ее обозначили въ отчетѣ „вершиной XV“, не зная ея мѣстнаго названія; впоследствии ее окрестили именемъ „Эверестъ“, въ честь изслѣдователя Индіи, учредившаго комиссію для изученія Гималаевъ, что и привело къ открытію этой вершины, превышающей всѣ высоты на земной поверхности. Тогдашній резидентъ Непала, м-ръ Ходгсонъ, сообщилъ Королевскому Географическому Обществу, что эта вершина видна изъ Катманду, гдѣ непальцы называютъ ее Девадхунга; братья Шлагинтвейты въ 1862 г., также заявляя, что она видна изъ Катманду, увѣрили, что она „Гауризанкаръ“ непальцевъ. Последнее имя было принято и напечатано на континентальныхъ картахъ. Въ 1898 г. я, желая убѣдить, что Эверестъ не виденъ изъ Катманду, доказалъ, что тибетцы*) почитаютъ эту гигантскую вершину и рисуютъ ея портретъ въ видѣ картинки-карты, пазывая Джомо-Кангаръ или „Бѣлая Дѣва ледниковъ“, а также, что ея наружный проходъ-ледникъ называется Лапчи-Кангъ. Благодаря этому наблюдению капитанъ Вудъ теперь говоритъ**), что названіе „Гауризанкаръ“ дается въ Катманду нашей „вершинѣ XX“, которая отстоитъ приблизительно на 78 миль отъ ихъ города и совсѣмъ не находится въ группѣ Эвереста; между тѣмъ гора Эверестъ, вершина XV обозрѣнія, не видна изъ Катманду, а изъ цѣпи Кауліи на нѣсколько миль выше этого мѣста „виденъ незначительный ея пикетъ въ прорывѣ главной цѣпи“. Совершенно то же говорилъ я.

10-го декабря 1903 г. въ Гнатонгъ прибыли всѣ наши войска; была доставлена и провизія на шесть дней, затѣмъ колонна эскорта миссіи получила приказаніе двинуться на слѣдующее утро, чтобы достигнуть прохода Желець, спуститься въ долину Чумби и такимъ образомъ завершить первую стадію нашего вступленія въ Тибетъ.

*) Въ Гималаяхъ“ и „Географическій Журналъ“.

**) Калькутта, 1904 г.

ГЛАВА V.

Мы спускаемся въ долину Чумби черезъ проходъ Джелепъ и занимаемъ фортъ Фари.

„Индія погибнетъ отъ излишней нерѣшительности;
Тибетъ—отъ фальшивыхъ надеждъ“.

„Слова—водяные пузыри, дѣла же—капли золота“.

Тибетскія пословицы.

Переходъ Ганнибала черезъ Альпы былъ сущей бездѣлицей въ сравненіи съ движеніемъ генерала Македональда по проходу

Тибетскіе чиновники Ягунга.

Джелепъ на высотѣ 14.390 ф. надъ уровнемъ моря и въ глухую зиму, съ маленькой арміей, въ которой насчитывалось около 3.000 солдатъ и около 7.000 сопровождающихъ, всего около 10.000 человекъ.

Эти силы, поднявшись изъ долинъ къ Гнатонгу, 11-го декабря 1903 г. вышли изъ лагеря, эскортируя полковника Лонгхэбенда и штабъ его миссіи; каждый солдатъ несъ пищу въдобавокъ къ своему собственному платью и вьюку. Транспорты несли запасы пропитанія, снаряженіе для лагеря, многочисленную аммуницію и топливо для приготовленія кушанья, такъ какъ мы остановились выше границы деревьевъ въ Кууху (13.200 ф.), на разстояніи 5-ти миль отъ Гнатонга и на 4 мили ниже прохода Джелепъ. Здѣсь холодъ въ теченіе ночи упалъ до 2° Фаренгейта, т. е. до 34° Р. ниже точки замерзанія.

Утромъ рано мы осторожно выступили къ проходу Джелепъ;

намъ донесли, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, тибетцы будутъ противиться нашему движенію, но мы не встрѣтили никакого сопротивленія, по той причинѣ, какъ выяснилось позже, что тибетскія войска все еще стояли лагеремъ противъ нашего маленькаго поварнаго эскорта въ Кхамба-Джонгъ, не зная о нашемъ приближеніи по иному пути, такъ какъ генераль Макдональдъ держалъ въ глубокой тайнѣ экспедицію, направлявшуюся черезъ эти мѣста, удобныя для обороны. Даже и безъ всякаго человѣческаго сопротивленія переходъ въ разряженномъ воздухѣ и среди холода высокаго пункта былъ очень тяжелъ для всѣхъ: и для людей, и для животныхъ. Наша колонна, извиваясь, какъ змѣя, по крутой тропинкѣ, идущей зигзагами, растягивалась болѣе чѣмъ на 4 мили и, казалось, ползла, какъ улитка, между холодными черными скалами, потому что всѣ мы, не вынося разряженнаго воздуха, останавливались черезъ нѣсколько ярдовъ, переводя дыханіе. Почти никто, даже изъ числа ѣхавшихъ большую часть дороги, не избѣжалъ боли въ вискахъ и въ глазныхъ яблочкахъ; нѣкоторые страдали настоящей горной болѣзнью, многія изъ транспортныхъ животныхъ падали. Очень замедляла движеніе необходимость останавливаться, чтобы снова поднять упавшій грузъ. Къ счастью, снѣга не шло и дулъ несильный вѣтеръ.

Нашъ быстрокрылый способъ сообщенія съ міромъ внизу—а именно проволоки полевого телеграфа—подвигался вмѣстѣ съ нами такими быстрыми шагами, что линія телеграфныхъ столбовъ достигла вершины почти такъ же скоро, какъ мы.

Когда мы были на верхней точкѣ прохода, въ узкой расщелинѣ отрога горы, отброшенной главной цѣпью Гималаевъ въ сторону долины Индіи, на насъ налетѣлъ безпощадный ледяной вѣтеръ; онъ рѣзалъ больно, какъ ножъ, мѣшалъ дышать и проникалъ сквозь наше толстое теплое платье, точно оно было сдѣлано изъ легкаго газа. Вслѣдствіе этого на вершинѣ нельзя было остаться долѣе одного мгновенія, но въ эту секунду мы увидѣли цѣлое море суровыхъ горныхъ вершинъ, тамъ и сямъ заметныхъ снѣгомъ; надъ ними, съ лѣвой стороны отъ насъ, высился красивый рогъ Чумолхари; изъ-подъ нашихъ ногъ бѣжала каменистая, быстро понижавшаяся тропинка къ глубокой впадинѣ, поросшей основными лѣсомъ, среди котораго монастырь Карджіу казался бѣлымъ пятномъ. Сойдя немного внизъ, мы почти сейчасъ же замѣтили, что вѣтеръ прекратился; скользя и сползая съ обледенѣлыхъ скалъ, которыя здѣсь служили нашимъ путемъ, мы медленно двигались; тяжело-нагруженные куліи спотыкались, ушибали ноги; такъ мы прошли черезъ маленькое замерзшее озеро съ зеленымъ льдомъ, спустились еще на 2.000 ф., черезъ замерзшіе потоки, превратившіеся въ твердый ледъ, и достигли темнаго сосноваго лѣса. Тутъ, на берегахъ полузамерзшей рѣчки, мы остановились на упругомъ ложѣ изъ сосновыхъ иголъ, между упавшими стволами сосенъ, которые вскорѣ превратились въ пріятные пылающіе костры и позволили намъ выпить по чашкѣ горячаго чая; позже пришли наши вьючныя животныя; ихъ разгрузили; поставили палатки; стемнѣло.

Именно въ это время передъ нами явилось живое доказательство того, что мы вступили въ часть Небесной Имперіи: появились цѣлая процессія китайскихъ солдатъ, которые сопровождали нѣсколькихъ сановниковъ; надъ каждымъ изъ важныхъ китайцевъ несли громадный почетный зонтикъ. Это были китайскіе мандарины и тибетскій губернаторъ долины Чумби; услышавъ о нашемъ движеніи, они явились требовать, чтобы полковникъ, Юнгхэбендъ отправился обратно со всеми нашими силами. Понятно, имъ сказали, что это теперь совершенно невозможно, и они спокойно исчезли, погрузившись во тьму.

На слѣдующее утро 13-го декабря, мы поднялись рано и на разсвѣтъ выступили изъ этого лагеря (Ланграмъ, 12.100 ф.) съ надеждою увидать давножданную долину Чумби. Ночной отдыхъ избавилъ всѣхъ отъ головной боли. Воздухъ былъ восхитительно свѣжъ и сухъ, за ночь температура упала до 20° Фаренгейта или до 10° ниже точки замерзанія. Мы продолжали спускаться; неотдѣланная крутая тропинка вилась по лѣсу серебристыхъ елей; намъ пришлось пересѣкать многіе замерзшіе горные потоки, которые теперь представляли собою покатыя поверхности изъ крѣпкаго льда; наполнивъ всѣ впадины, онъ образовалъ положительно „смертельные катки“, на которыхъ мулы и вьючныя животныя скользили на каждомъ шагу. Въ сѣверной тѣни все замерзло, нигдѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ жизни, только время отъ времени пролетали снѣжные голуби, направляясь къ какому-нибудь таявшему на солнцѣ мѣсту. Мы шли дальше; солнечный свѣтъ сталъ не такимъ холоднымъ, и мы приблизились къ поселенію въ лѣсу, къ возбуждавшему столько споровъ, затерянному далекому Ятунгу*). Онъ заключенъ въ угрюмой глубинѣ узкаго ущелья закрытъ высокими холмами и кажется совершенно невозможнымъ мѣстомъ для торговаго рынка; какъ мы уже видѣли, китайцы пользовались имъ, чтобы помѣшать нашей коммерціи войти въ Тибетъ, причѣмъ назначили тибетскимъ представителемъ человека, стоявшаго внѣ закона, извѣстнаго уголовнаго преступника изъ Дарджилинга, по имени Дарджай-е.

Ворота въ китайской охранительной стѣнѣ, выстроенной здѣсь въ качествѣ преграды, были открыты, но когда полковникъ Юнгхэбендъ вѣзжалъ въ нихъ, китайскій солдатъ бросился къ нему и схватилъ его лошадь за поводъ; послѣдовалъ споръ. Тибетскій губернаторъ долины Чумби, получившій имя отъ своего замка Фари, и потому называемый Фари-депѣнъ, крупный, веселый, хорошо воспитанный молодой человекъ изъ благородной фамиліи Джантсе, Кайи-бу, вышелъ впередъ и сталъ уговаривать нашего комиссіонера подождать здѣсь двѣ или три недѣли, давъ ему время написать въ Лхассу и получить отвѣтъ отъ великаго ламы. Китайскіе чиновники поддерживали губернатора, заявляя, что они только что получили отъ амбана письмо, въ которомъ говорилось, что онъ

*) Настоящее названіе, даваемое ему тибетцами, На-Донгъ или „ухо“; вѣроятно, это намекъ на то, что онъ представлялъ собой передовой постъ для собиранія пограничныхъ новостей.

очень скоро прїѣдетъ въ Ятунгъ. Въ отвѣтъ полковникъ Юхгхѣбендъ сказалъ, что онъ не можетъ обсуждать какихъ-либо вопросовъ въ этомъ мѣстѣ или съ кѣмъ либо, кромѣ настоящихъ представителей. Тогда оробѣвшіе китайцы и тибетецъ сказали, что они формально протестовали противъ нашего движенія и что они больше ничего не могутъ сдѣлать въ виду нашей подавляющей силы.

Когда, послѣ этого театральнаго представленія, наше войско начало проходить съвозъ узкія ворота въ преграждающей стѣнѣ, капитанъ Паръ, гостепрїимный чиновникъ китайской таможни (это мѣсто составляетъ одинъ изъ входовъ въ Китай, отданныхъ ему по трактату), пригласилъ насъ на роскошный завтракъ. Пока европейскія блюда обсуждались, намъ принесли китайское угощеніе—плавники акулы, супъ изъ птичьихъ гнѣздъ, гнилыя черныя яйца и т. д., въ это время къ намъ присоединились китайскіе мандарины и тибетскій губернаторъ. Ихъ познакомили съ нами, и они принялись за избранныя китайскія лакомства. (На наше счастье, строгій этикетъ не заставлялъ насъ ѣсть). Произносились тосты за здоровье всѣхъ, чокались стаканами и обмѣнивались самыми дружескими улыбками. Въ лѣвомъ ухѣ тибетскаго губернатора висѣла золотая серьга длиной въ 4 дюйма, украшенная жемчугомъ, съ длинной бирюзовой подвѣской. Какъ только мы ушли, онъ вернулся въ свой фортъ Фарі. Маленькій уединенный домикъ, занятый теперь капитаномъ Паромъ, имѣлъ для меня личный интересъ: его выстроили въ 1894 г. для агента-офицера, а этотъ постъ предназначался мнѣ, когда еще возлагались высокія надежды на возможность торговли въ Ятунгъ.

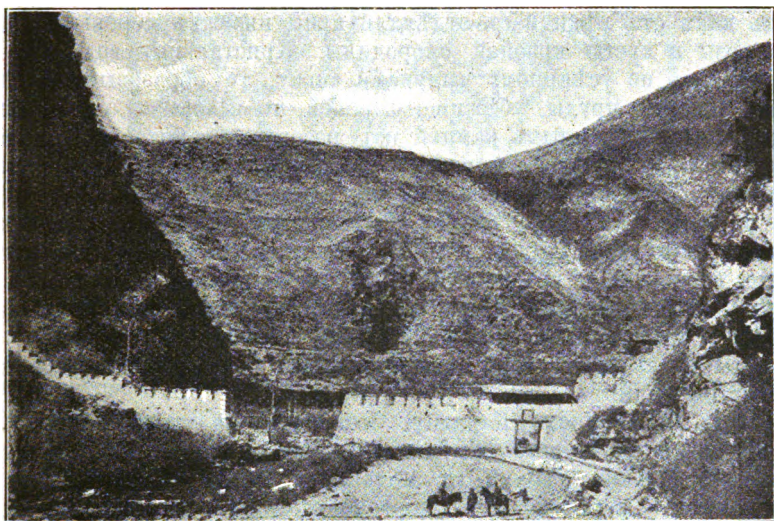
Спустившись отъ Ятунга мили на двѣ, мы вступили въ цвѣтущую деревню Ринченгангъ, въ началѣ знаменитой долины Чумби. Эта часть Тибета, лежащая между Сикхимомъ и Бхотаномъ, расположена на южныхъ склонахъ Гималайскихъ горъ, какъ и самый Сикхимъ; такимъ образомъ въ географическомъ смыслѣ она еще внѣ собственнаго Тибета.

Очаровательная долина, лежащая приблизительно на высотѣ 9.530 ф. надъ уровнемъ моря, носитъ чисто-альпійскій характеръ и напоминаетъ долины верхняго Кашира. Опоясанныя темными соснами, утесистыя горы поднимаютъ съ обѣихъ ея сторонъ свои зубчатыя, увѣчанныя снѣгомъ вершины, а по ея срединѣ шумно вьются прозрачныя зеленыя воды рѣки Мо, бѣгущей по каменистому ложу между лугами и полями. Лугъ здѣсь достигаетъ ширины четверти мили и на его травянистыхъ террасахъ, усѣянныхъ замороженными остатками дикихъ цвѣтовъ прошлаго года—примуль, анемоновъ, лѣснаго щавеля, ластовичной травы и дикой клубники, разбросаны красивыя, большіе двухъ и трехъэтажные дома, выстроенные въ стилѣ швейцарскихъ шале, съ далеко выдающимися краями крышъ и съ деревянными рѣзными и пестро расписанными балконами.

Въ деревнѣ Ринченгангъ около сорока такихъ красивыхъ домовъ, которые гораздо лучше, чѣмъ дома туземцевъ въ Сикхимѣ или даже Дарджилингѣ. Они тѣснятся между узкими проходами

и всё выкрашены въ яркіе цвѣта, что придаетъ имъ видъ благо-состоянія и комфорта.

Цѣлыя толпы возбужденныхъ жителей, включая и многихъ монаховъ въ красныхъ платьяхъ, стояли по краю дороги и съ изумленіемъ, отерывъ рты, смотрѣли, какъ мы наводняемъ ихъ долину. Хотя наши силы очень пугали ихъ, нельзя сказать, чтобы ихъ поведеніе было слишкомъ почтительно. Напримѣръ, они не высовывали языковъ, что составляетъ привѣтствіе въ этихъ областяхъ; нѣкоторые даже не отдавали намъ „салама“, но мы не обращали вниманія на недостатки вѣжливости. Эти люди—посредники-торговцы; они ведутъ дѣла съ тибетцами на плоскогорьяхъ надъ Фари съ одной стороны и съ дарджилингскимъ и калькуттскими рынками съ другой; имѣя такую монополию разносочной

Китайская преграждающая стѣна близъ чортена Карпо, Чумби.

торговли, они, понятно, не могли съ восторгомъ смотрѣть на миссію, которая очевидно собиралась учредить прямое торговое сообщеніе съ Фари и съ плоскогорьемъ верхняго Тибета. Большею частью они одѣты, какъ тибетцы въ Дарджилингѣ. Это не чистые тибетцы, а очевидно помѣсь съ бхотанскимъ племенемъ; сами себя они называютъ „томо“, согласно названію долины. Тутъ также есть чистые бхотанцы изъ сосѣдней долины *) на востокѣ.

Къ счастью, наше вступленіе не произвело большой паники; только немногіе бѣжали, захвативъ съ собою женщинъ и имущество; туземцы сразу стали приносить въ лагерь зерна хлѣба, разные съѣстные припасы и т. п., за что мы имъ хорошо платили рупіями. Желая сохранить ихъ расположеніе, генераль, подъ страхомъ самаго суроваго наказанія, отдалъ строгій приказъ солдатамъ никоимъ образомъ не беспо-

*) Ха-па.

коить деревни, потому что, какъ говорить тибетская пословица, „если вы желаете получить молоко и яйца, вы не должны пугать корову и курицу“.

На слѣдующій день (14-го декабря) развѣдочный отрядъ донесъ, что путь свободенъ и мы двинулись къ деревнѣ Чумби, давшей долигѣ названіе, извѣстное европейцамъ, хотя туземцы называютъ ее То-Мо или „страна пшеницы“, очевидно въ противоположность смежному Сиехиму, который тибетцы зовутъ „страной риса“.

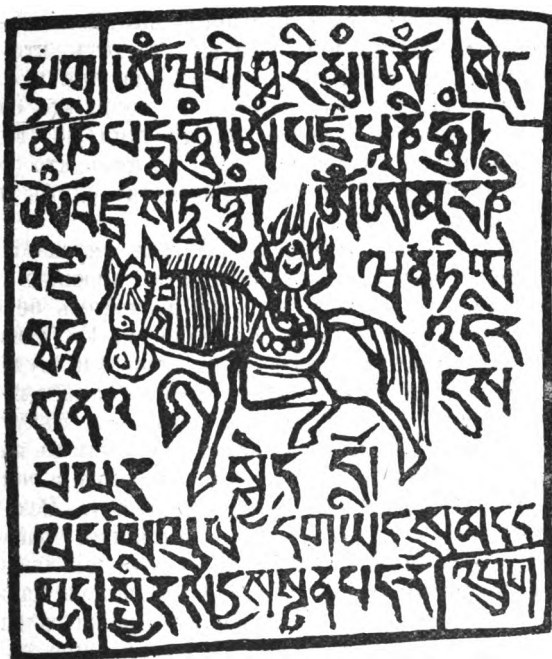
Было восхитительно идти вдоль рѣки по хорошей и почти горизонтальной дорогѣ среди великолѣпныхъ пейзажей. Съ каждымъ поворотомъ появлялись все новыя картины, съ остріями снѣжныхъ вершинъ, которыя поднимались изъ-за разнообразныхъ массъ березъ и сосенъ. Сначала нашъ путь походилъ на сельскую аллею, такъ какъ отъ рѣки насъ отдѣляли купы ивовыхъ деревьевъ, дикія розы и кусты красной смородины. Кристальныя воды Мо то стремились по усѣянному валунами ложу, то образовывали глубокіе зеленые пруды, убѣжище форелей, то пѣнились около большихъ отполированныхъ камней изъ розоваго гранита или гнейса, упавшихъ съ утесовъ наверху, то раздѣлялись на два рукава, окружая островки, заросшіе ольхами и соснами.

За каменными оградами на поляхъ, уже лишенныхъ пшеницы, ячменя, картофеля, рѣпы и т. д., хозяйничали цѣлыя стаи мѣстныхъ воробьевъ и красноногихъ воронъ; въ вышинѣ вились жаворонки, и ихъ веселыя пѣсни вызывали въ насъ воспоминаніе о родинѣ; быстро проносились снѣжные голуби; лай серебристой лисицы на склонахъ горъ вызывалъ мысль о присутствіи фазановъ и другой дичи.

Подъ монастыремъ Карджіу, стоявшемъ на утесѣ, рисуясь на линіи неба на разстояніи мили отъ насъ, наша дорога прошла мимо нѣсколькихъ водяныхъ мельницъ. По ея краямъ возвышалось много „кэрновъ“ или „чортеновъ“ — могучихъ надгробныхъ монументовъ, иногда хранящихъ въ себѣ реликвию умершихъ святыхъ; видѣлись также „мондонги“ *)—короткія стѣнки или четырехугольные столбы, выложенные изваянными камнями съ мистической надписью великаго ламы. „Привѣтъ! Драгоценность въ цвѣтѣхъ лотоса“. Каждый слогъ изреченія былъ окрашенъ въ различный цвѣтъ; подлѣ кэрновъ стояли высокіе шести молитвенныхъ флаговъ, представлявшіе собою любимое мѣсто отдыха горныхъ „рѣполововъ“ и здѣшнихъ ласточекъ. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ поселяне вращали свои молитвенныя колеса и жужжащимъ голосомъ бормотали мистическую формулу, а надъ ними развѣвался молитвенный флагъ.

Эти молитвенные флаги представляютъ талисманы счастья. Они называются „драконы-лошади“ и въ ихъ центрѣ помѣщается конь съ мистической драгоценностью на спинѣ; кругомъ фигуры—заклинанія, въ которыхъ мистицизмъ буддистовъ Индіи комбинируется съ китайскими мѣрами; заклинанія эти привлекаютъ по-

*) Буквально „украшенный надписью Мани“.

Молитвенный флаг.

Тигрь. Привѣтъ! Ваджишюари мѣмъ! *)	Левъ.
Привѣтъ! Драгоценность въ лотосѣ. Хѣнгъ! **)	
Привѣтъ! Держателю Дордже (стрѣлъ грома) Хѣнгъ! ***)	
Привѣтъ! Тому, у кого бриллиантовая душа! ****)	
Привѣтъ! Амаракхидсеюантиайе суахахъ!	
(Это написано по-санскритски; теперь начинается по-тибетски).	
Вотъ! Пусть свыше все собраніе божествъ, которыхъ заклинали, дасть благоденствіе... (здѣсь вставляется годъ рожденія извѣстнаго лица), а также благоденствіе:	
Тѣлу (т. е. спасеть его отъ болѣзни)	
Рѣчи (т. е. дасть побѣду въ спорахъ)	
И уму (т. е. даруетъ исполненіе желаній)	
Принадлежащимъ тому, кто упомянуть въ этомъ годѣ (выше-означенному)	
И пусть доктрина Будды преуспѣваетъ.	
Фениксъ.	Драконъ.

Переводъ молитвеннаго флага.

*) Заклинаніе Манджузри.
 **) Ваджралани.
 ***) Заклинаніе Авалокиты.
 ****) Ваджрасатуа.

мощь самых любимых божеств ламъ на человекѣ, жертвующаго флагъ; его имя или годъ рожденія выставляется на талисманѣ. Призываются слѣдующія божества: 1) тотъ, кто даетъ мудрость (Манджузри), 2) тотъ, кто спасаетъ отъ ада и страха (Авалокита, воплощенный въ далай-ламу), 3) тотъ, кто спасаетъ отъ несчастныхъ стучайностей и ранъ (Ваджрапани), 4) тотъ, кто очищаетъ душу отъ грѣха (Ваджрасатуа) и 5) тотъ, кто даруетъ долгую жизнь (Амитайюсь). Тутъ я воспроизвожу одинъ изъ флаговъ и даю переводъ его.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ скалистый выступъ опускается въ рѣку, поворотъ дорогъ показалъ намъ красивую деревню Байема, что значитъ „песчаная“; она гнѣздится на песчаномъ берегу потока, который несетъ со скалистой возвышенности. Ея дома со стропилами, покрытыми красивой рѣзбой и узорами, художественнѣе всѣхъ остальныхъ во всей долинѣ; за этимъ скалистымъ пунктомъ долина снова расширяется. Тутъ мы встрѣтили цѣлую толпу китайскихъ чиновниковъ и солдатъ; послѣдніе были въ желтыхъ блузахъ, на спинахъ которыхъ виднѣлись три большія черныя китайскія буквы. Всѣ они двигались намъ навстрѣчу. Вскорѣ мы очутились въ ихъ деревнѣ, въ уголкѣ настоящаго Китая, перенесеннаго далеко на западъ. Войдя въ ворота съ китайской табличкой и съ драконами по бокамъ, попадаешь на настоящую китайскую улицу. По обѣимъ ея сторонамъ—лавки съ качающимися вывѣсками; на окнахъ красивые цвѣточные горшки съ ноготками, маргаритками или бальзаминами въ цвѣту; неожиданная роскошь въ серединѣ зимы! Конечно, уходъ китайцевъ за растеніями и за пѣвчими птицами въ клѣткахъ имѣетъ цивилизующее вліяніе на дикихъ тибетцевъ. Въ лавкахъ за конторками сидятъ хозяева магазиновъ въ косахъ и спокойно курятъ свои трубки съ опіумомъ; подлѣ нихъ чашки съ чаемъ и блюдечки. На улицѣ противъ ямыни или зданія суда маленькія дѣти играютъ со своими тибетскими матерями, одѣтыми въ китайскіе костюмы. Нѣсколько фонарныхъ столбовъ возвышаются, какъ голубятни. Даже нездорово-жирныя свиньи на лицо; онѣ рожутся въ объѣдахъ и убѣгаютъ при нашемъ приближеніи.

Многие изъ сыновъ Небесной Имперіи находятъ здѣсь послѣдній пріютъ; за деревней—ворота съ тяжелымъ верхомъ, покрытыя падишиями; они ведутъ къ маленькому кладбищу, полному обѣтныхъ таблетокъ. Говорятъ, этотъ постъ былъ учрежденъ послѣ трактата 1893 г. съ цѣлью блокировать торговое движеніе и отнимать силу договора. У многихъ китайскихъ чиновниковъ очень спокойная важная наружность. Они съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрятъ на тибетцевъ, а на насъ, западныхъ варваровъ, бросаютъ равнодушные взгляды, точно въ нашемъ появленіи нѣтъ ничего необыкновеннаго и точно оно совершенно не касается ихъ.

За деревней горы сдвигаются съ обѣихъ сторонъ и на протяженіи приблизительно мили придаютъ долинѣ обнаженный скалистый видъ. Наконецъ мы огибаемъ утесъ по крѣпкой каменной великолѣпно построенной дамбѣ; тутъ долина снова раскрывается у подножія скалы, поросшей красивымъ лѣсомъ; за изгибомъ утеса вид-

нѣтся старый лѣтній дворець сикхимскаго раджи въ его личныхъ владѣнiяхъ въ Чумби, носящихъ названiе „изгибъ водъ“ и располо женныхъ на амфитеатрѣ удаляющихся горъ.

Этотъ дворець—четыреугольный трехъэтажный каменный домъ, увѣнчанный блестящимъ позолоченнымъ куполомъ; онъ поднимается надъ тѣснящимися къ нему хижинами слугъ раджей. Дворецъ разру шается; онъ заброшенъ съ 1892 г., когда снова пойманному раджѣ вос претили прiѣзжать сюда, чтобы прекратить его тибетскiя интриги, для которыхъ это мѣсто представляло прекрасную почву. Остатки хоро шихъ фресокъ покрываютъ нѣкоторыя изъ его комнатъ, а китайское влiянiе замѣтно въ отдѣлкѣ рамъ, заклеенныхъ бумагой. Въ ма ленькой часовнѣ я нашелъ большое количество тибетскихъ перево довъ *) индiйскихъ буддiйскихъ книгъ (съ сотню объемистыхъ томовъ). Сторожевыя собаки, прикованныя у дверей этого дома, приняли насъ съ яростнымъ лаемъ. Это крупныя тибетскiя двор няжки „мастифы“, о которыхъ Марко Поло говоритъ: „Онѣ велики, какъ осла, и могутъ великолѣпно ловить дикихъ животныхъ“ **).

Генералъ нашелъ, что въ стратегическомъ отношенiи Чумби не годится для пребыванiя главной квартиры; поэтому мы оста новились въ этой деревнѣ только на одинъ день, и развѣдочный отрядъ поѣхалъ вверхъ по долинѣ, разыскивая лучшаго мѣста. Былъ най денъ пунктъ болѣе удобный для оборонительнаго положенiя и на ходившiйся гораздо выше, а именно при соединенiи долины Кхамбу съ долиной Чумби. Новой позици, лежащей на высотѣ 9.780 ф. надъ уровнемъ моря, дали имя: „Новая Чумби“; на слѣдующiй день мы двинулись къ ней, перейдя на лѣвый берегъ рѣки по пре красному разводному мосту съ будочкой часового на одномъ изъ его концовъ. Подъ нашимъ лагеремъ хорошенькая деревня Эузака посреди ивъ и сосенъ; рядомъ съ нею маленькiй монастырь Бак чамъ; стоя на террасѣ надъ рѣкой, онъ возвышается приблизи тельно на 7.000 ф.; надъ нимъ на западъ—проходъ Тагкаръ; послѣ Хужера я первый изъ европейцевъ посѣтилъ его. Недостатокъ этого мѣста, какъ постояннаго лагеря (ему предстоитъ быть главной квартирой гражданскаго чиновника миссиі м-ра Уольша, которому поручена эта вновь занятая или присоединенная область), состоитъ въ томъ, что въ немъ вѣчный вѣтеръ и что оно слишкомъ затѣнено утесами, вслѣдствiе чего зимой въ него проникаетъ слишкомъ мало солнца.

Однако, этотъ новый пунктъ не представлялъ собою цѣли стремленiй генерала Макдональда; онъ хотѣлъ попасть въ фортъ Фарі, который находится на 28 миль выше, на средней точкѣ подковообразнаго бассейна рѣки Мо, на краю большой равнины собственнаго Тибета и господствуетъ надо всѣмъ движенiемъ въ долинѣ Чумби. Для быстрого занятiя форта Фарі подготовили летучую колонну въ 800 ружей и съ четырьмя пушками; она долж на была выступить черезъ два дня, т. е. когда изъ долины Индiи подвезутъ шестидневную провизiю для этого предпрiятiя, потому

*) Кахджіуръ.

***) Изданiе Юле.

что мы жили безъ всякихъ запасовъ и намъ приходилось питаться только тѣмъ, что мы доставали въ данную минуту.

Когда боязливые сикхимскіе кулі, лепчасы и хотіасы услышали, что часть нашихъ силъ вскорѣ двинется къ грозной тибетской крѣпости, на нихъ нашель такой ужасъ, что они почти всѣ бѣжали въ теченіе ночи, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, внукомъ того „неистоваго министра“, который посадилъ въ тюрьму д-ра Хуккера; теперь ему дали возможность возстановить потерю чести его рода, помогая британскому правительству, но онъ оказался безнадежно-невѣрнымъ. Замѣчательно, до чего всѣ эти полудикія пограничныя племена пугаются при одномъ словѣ „тибетцы“. Охваченные глупымъ страхомъ, они воображаютъ, будто мы всѣ будемъ уничтожены тибетцами, хотя многіе изъ этихъ людей дѣлые годы прожили въ Дарджилингѣ и даже бывали въ Калькуттѣ, гдѣ наши силы могли бы произвести на нихъ впечатлѣніе. Но такого впечатлѣнія не получилось. Они такъ теряются, выйдя за предѣлы своихъ границъ, что это заставляетъ насъ взять назадъ слишкомъ благосклонное мнѣніе, которое является въ насъ, когда мы видимъ ихъ въ ихъ собственныхъ лѣсахъ; покинувъ родную джунглу, они сейчасъ же утрачиваютъ всякое мужество. Теперь они оказались безнадежно-недостойными довѣрія; имъ нельзя поручать никакого дѣла, даже на близкомъ разстояніи отъ ихъ собственной узкой полосы лѣсовъ низинъ. Этотъ радикальный недостатокъ мужества и характера заставилъ м-ра Уайта отказаться отъ ихъ помощи для поднятія Сикхима и вмѣсто ихъ для работы ввести трудолюбивыхъ, терпѣливыхъ непальцевъ. Итакъ, если прирожденные буддійскіе уроженцы Сикхима поглощаются въ своей собственной странѣ индусскими переселенцами изъ Непала, они должны порицать только себя и свое нерадѣніе.

Летучая колонна оставила Чумби 18-го декабря, т. е. на второй день послѣ нашего прибытія въ этотъ пунктъ. До сихъ поръ глаза европейца никогда не видѣли верхней части долины Мо, по которой мы теперь тянулись. Она очень живописна, но слишкомъ скалиста и крута для культуры; исключеніе составляютъ береговья плоскости, затѣненные разнообразнымъ лѣсомъ, надъ которымъ на горныхъ пастбищахъ пасутся стада яковъ. На 3-ей милѣ, тамъ, гдѣ почти вертикальный утесъ вышиной футовъ въ тысячу, „Крѣпость коршуна“ (Габъ Джонгъ), падаетъ въ ложе рѣки и заставляеть долину изгибаться подъ прямымъ угломъ, суживая ее до степени тѣснаго ущелья и создавая изъ нея страшное естественное укрѣпленіе, китайцы выстроили вторую стѣну, преградивъ проходъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Можно двигаться только черезъ ворота въ стѣнѣ, и горсть рѣшительныхъ стрѣлковъ на утесахъ могла бы уничтожить всю колонну. На террасѣ, господствуя надъ этой стѣной, стоитъ укрѣпленный постъ китайскихъ солдатъ, и въ немъ помѣщается около сотни воиновъ подъ командой китайскаго полковника; тибетцы же занимають „Фортъ коршуна“. Къ счастью, они заботливо оставили ворота не запертыми. Если бы это мѣсто закрыли, намъ пришлось бы брать его штурмомъ и потерять много людей.

Еще болѣе крутой подъемъ длиною около мили привелъ насъ къ цвѣтущей деревнѣ Галингка (10.800 ф.) на залитой солнцемъ террасѣ, окруженной тучными полями. Староста деревни вышелъ къ намъ навстрѣчу и почтительно привѣтствовалъ генерала, снявъ шляпу, самымъ вѣжливымъ образомъ высунувъ языкъ и подавъ ему церемоніальный шелковой шарфъ*). Отсюда виднѣется не менѣе пяти монастырей **); большей частью они сидятъ, какъ орлиныя гнѣзда, на почти недоступныхъ мѣстахъ, возвышаясь на 1 000 — 4 0 0 ф. надъ рѣкой.

Теперь намъ приходилось извилинами подниматься на откосъ могучаго обвала, который нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ упалъ съ горы слѣва и преградилъ долину; опъ тогда образовалъ плотину

Долина Лингмо, Чумби.

вышиной футовъ въ тысячу; черезъ ея остатки прыгаетъ рѣка, образуя цѣлую серію каскадовъ. Поднимаясь, я такъ и ожидалъ, что увижу равнину, и дѣйствительно она явилась передъ нашими глазами. Громадный обвалъ заградилъ воды верхней долины, образовавъ изъ нихъ большое озеро; съ теченіемъ времени оно засорилось землей и грязью, которую къ нему привосили потоки, впадавшіе въ него; наконецъ изъ него образовался теперешній широкій травянистый лугъ, плоскій, какъ доска бильярда, длиною мили въ три и приблизительно въ полмили шириною; прозрач-

*) Шарфъ имѣетъ около ярда длины и называется „кхатагъ“; ни одинъ, даже самый бѣдный тибетецъ не подумаетъ подойти съ просьбой къ значительному лицу или явиться къ нему съ визитомъ безъ шарфа. Они также употребляются для обертыванія писемъ.

***) Самый значительный изъ нихъ Донгъ-Каръ, „Бѣлый монастырь“.

ная рѣка, замерзающая только по краямъ, тѣмъ шире по теченію, образуя извилины, иногда сужаясь въ бирюзовые пруды—притоки рыбы, гдѣ можно видѣть пятнистую форель даже зимой. На болѣе мелкихъ разливахъ копошатся дикія утки и другія водяныя птицы. Нѣсколько испуганныхъ красныхъ фазановъ и трагопановъ пронеслось въ сосѣдній сосновый лѣсъ, въ которомъ живетъ статный большой чумбійскій олень или „шао“.

Среди спокойной травянистой равнины Лингмо, въ которой красота Альпъ соединяется съ величіемъ Гималаевъ, мы раскинули лагерь на зеленомъ дернѣ, охваченные запахомъ сосенъ окружающаго луга сосноваго лѣса и находясь на высотѣ 11.200 ф. надъ уровнемъ моря; тутъ подъ защитой одѣтыхъ соснами горъ, которыя смѣло поднимаются, переходя въ граціозныя снѣжныя вершины, было гораздо теплѣе, чѣмъ въ Чумби, приблизительно на 2.000 ф. подъ нами. Я сразу почувствовалъ, что прекрасный лугъ въ ближайшемъ будущемъ предназначенъ сдѣлаться обширной санаторіей Бенгаліи. Его восхитительно-свѣжій, сухой и возбуждающій воздухъ и красивыя окрестности способны сдѣлать его индійскимъ Нордрахомъ для леченія воздухомъ чахотки, къ несчастію, такъ сильно возрастающей въ Индіи. Думая объ этомъ, я обошелъ его, избралъ мѣста для отелей и гидронатическихъ заведеній съ постепенными упражненіями въ ходьбѣ и подъемѣ на горы по лѣсу, надъ звенящими рѣчными заливами, среди чуднаго англійскаго воздуха. Красоты его успокоивающихъ лѣсныхъ прогалинъ достойны того, чтобы ихъ идеализировали кисть, перо и шѣсня.

Переходъ слѣдующаго дня былъ наихудшимъ. Намъ пришлось двигаться по громадамъ скалъ съ острыми краями, и это разбило ноги и все тѣло людей и животныхъ, работавшихъ изо всѣхъ силъ. Намъ также пришлось перебираться черезъ скользкія ледяныя глыбы на берегахъ замерзшихъ потоковъ. Долина стала безпощадной и дикой; большіе нависшіе обнаженные утесы почернѣвшаго гранита тянулись непрерывными выступавшими громадами на протяженіи болѣе тысячи футовъ по обѣимъ сторонамъ узкаго ущелья и хмурились, склоняясь другъ къ другу. Деревья, теперь жидко окаймлявшіе дорогу, дѣлались все рѣже и рѣже; наконецъ на высотѣ 13.350 ф. исчезли совсѣмъ; серебристая береза росла выше сосны, а кустистыя рододендроны встрѣчались еще на нѣсколько сотъ футовъ выше березъ; наконецъ мы вышли изъ этихъ волнистыхъ долинъ на широкое, открытое, обнаженное плоскогорье, по которому проносился вѣтеръ; оно было окрашено яркими красными, желтыми, какъ охра, и лиловыми полосами, благодаря шиферной формации тибетскаго плато, которое посылаетъ сюда свои волны. Мы прошли оволо мили по этимъ извилистымъ, поросшимъ густой травой откосамъ и наконецъ достигли холодной замороженной долины До-т'акъ или „Утесистые камни“, длиной въ милю и шириной въ четверть мили; тутъ мы раскинули лагерь посреди обмерзлыхъ стеблей смертельнаго аконита, напротивъ замерзшаго водопада болѣе чѣмъ въ сто футовъ высоту, который царь-морозъ въ одно мгновеніе сдѣлалъ твердымъ сверху до низу.

Въ этой ледяной долинѣ стоялъ невѣроятный холодъ. Солнце

только-что зашло за горы и въ 4 часа пополудни намъ было гораздо холоднѣе, чѣмъ когда-либо днемъ до этого пункта нашей экспедиціи. Термометръ уже показывалъ — 43° Фаренгейта; при ледяномъ вѣтрѣ, налетѣвшемъ на насъ, мы положительно страдали. До сумерекъ наши палатки не явились, а запаса топлива, который мы принесли съ собою, благодаря недостатку носильщиковъ, едва хватило для того, чтобы согрѣть немного пищи; согрѣться самимъ было нельзя. Ужасная сила и пронзительность вѣтра мучили насъ. Въ нашихъ палаткахъ казалось такъ же холодно, какъ снаружи; валенки не согрѣвали нашихъ онѣмѣвшихъ ногъ, и нието изъ насъ, дрожавшихъ въ овчинахъ, не могъ заснуть во всю эту ужасную ночь. Бѣдные оледенѣвшіе солдаты и сопровождающіе тѣснились другъ къ другу въ палаткахъ; кругомъ насъ до разсвѣта раздавался цѣлый хоръ кашля и чиханія. Удивительно, что никто не умеръ (пало нѣсколько муловъ) и что было такъ мало случаевъ отмороженья. Наконецъ въ этой арктической полосѣ занялся день; вѣтеръ ушалъ, и мы начали выходить на солнечный свѣтъ. Комическую картину представляли мы, когда закутанные въ наши шкуры, съ помертвѣлыми синими лицами, мы топали ногами, чтобы согрѣться, а наше дыханіе мадало, превращаясь въ снѣжинки, или замерзало длинными льдинами на нашихъ усахъ и бородахъ, потому что въ этому времени всѣ отростили себѣ бороды или старались отростить ихъ въ видѣ защиты отъ холода.

Лучше всего доказало парализирующую силу холода дѣйствіе, которое онъ произвелъ на нашихъ самыхъ увлекающихся спортсменовъ. Когда на разсвѣтѣ открылось, что морозъ согналъ съ горъ цѣлое стадо дикихъ „голубыхъ“ овецъ и онѣ подошли близко къ нашему лагерю, эта возбуждающая новость не заинтересовала охотниковъ, которые въ обыкновенное время были бы готовы взобраться на крутизну въ 4.000 ф., имѣя слабую надежду увидѣть эту дичь.

Подъ лучами оживляющаго солнца мы вскорѣ забыли страданія, вынесенныя въ теченіе ужасной ночи, сняли лагерь и снова пошли вверхъ по долинѣ. Наслажденія бродячей жизни, повидимому, не особенно восхищали нашихъ азіатскихъ путевыхъ товарищей, хотя они шагали усердно и не жаловались. Намъ остался недолгій подъемъ. Пройдя зигзагами еще мили три по обнаженнымъ горамъ надъ замерзшей рѣчкой, мы наконецъ достигли края равнины Фари, подлѣ брода Кхангбу (Кхангбу-рабъ); отсюда началась очень легкая дорога. Волна, идущая отъ большого Тибета, образуетъ равнину Фари. На травянистомъ открытомъ лугу плоскости шириною мили въ три наша извивавшаяся колонна сгруппировалась въ широкій фронтъ; вѣдящая пѣхота держалась по обоямъ ея фланга мѣ на разстояніи мили отъ нея. Въ такомъ порядкѣ наша маленькая армія двигалась по равнинѣ, ограниченной по обоямъ сторонамъ круглыми обнаженными холмами, надъ которыми въ 12-ти миляхъ отъ насъ высилась бѣлоголовая, цѣломудренная Чумолхари, или „Гора Богини-Владычицы“, ея рогъ вздымается на точкѣ встрѣчи трехъ областей: Тибета,

Бхотана и Чумби. На дугу спокойно паслись газели; ружейный выстрѣлъ могъ бы попасть въ нихъ, но онѣ были въ полной безопасности, потому что намъ не позволялось стрѣлять; на горахъ видѣлись дикіе голубые бараны (бархалы или, какъ тибетцы называютъ ихъ, на-уа). Большая часть этой равнины представляетъ собою торфяное болото, однако, странно сказать, туземцы, которые сильно нуждаются въ топливѣ, не употребляютъ для этой цѣли торфа. Нашъ путь перерѣзывало много широкихъ замерзшихъ потоковъ, стремящихся съ низкихъ холмовъ, и ихъ ледъ былъ настолько толстъ, что выносилъ нашу тяжесть, а также тяжесть нагруженныхъ животныхъ.

Послѣ поворота долины мы за четыре мили увидѣли громаду форта Фари. Казалось, онъ гнѣзвился у самаго подножія величавой бѣлой вершины Чумолхари *); черныя хижины города тѣснились кругомъ него. Съ правой стороны отъ насъ лежалъ низкій проходъ изъ Бхотана, по которому лѣтъ сто или больше тому назадъ путешествовали Богль, Тёрнеръ и Менингъ; слѣдовательно теперь мы вышли на путь, уже пройденный европейцами хотя и очень давно.

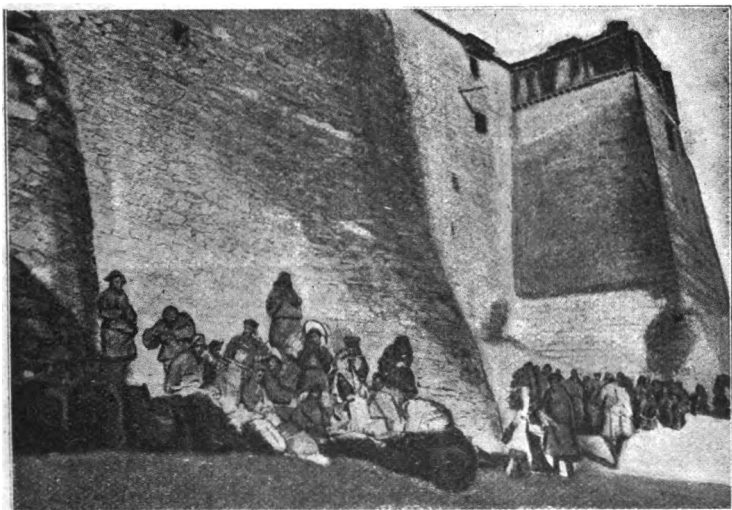
Подходя къ Фари, мы замѣтили, что въ народѣ царило большое волненіе; толпа жужжала кругомъ форта, и генерала Макдональда встрѣтила депутація горожанъ, прося его не вступать въ фортъ и въ городъ. Ни губернаторъ, нашъ ятунгскій другъ депень, ни два градоправителя форта (джонгпены) не вышли; одинъ изъ нихъ извинился болѣзнью, другой отсутствіемъ. Однако, генераль замѣтилъ, что занятіе форта необходимо для военныхъ цѣлей, и послѣ того какъ ѣздящая пѣхота донесла ему, что въ Фари не имѣется тибетскихъ войскъ, два отряда нашихъ гуркховъ вошли въ крѣпость и подняли союзный флагъ на ея верхней башнѣ. Тогда джонгпены замѣчательно быстро выздоровѣли и одинъ изъ нихъ почти сейчасъ же явился въ нашъ лагерь засвидѣтельствовать свое почтеніе генералу, который позволилъ имъ обоемъ продолжать квартировать въ фортѣ и исполнять свои обязанности подъ его покровительствомъ. Успокоенные, они сейчасъ же прислали въ лагерь большое количество корма для животныхъ, топлива, а также немного провизіи вродѣ рѣпы; за все они, разумѣется, получили полную плату. Здѣшній бхотанскій коммерческій агентъ **) казался особенно расположеннымъ къ намъ и придумывалъ всякія ухищренія, чтобы доставлять намъ необходимые запасы. На слѣдующій день, 21-го декабря, депень въ сопровожденіи китайскаго полковника Чао и двухъ градоправителей сдѣлалъ генералу визитъ въ лагерь; генераль объяснилъ, что мы пришли съ цѣлью приготовить дорогу для миссии, и прибавилъ, что пока тибетцы будутъ относиться къ намъ дружески, имъ нечего бояться. Полковникъ Чао сообщилъ, что онъ получилъ письмо отъ амбана, въ которомъ говорилось, что тотъ выѣхалъ изъ Лхассы.

Эта безкровная побѣда генерала Макдональда была большимъ

*) Собственно „Джо-мо-лха-ри“.

**) Ка-тсо Тсонгъ-пёнгъ или „глава-рупецъ“.

успѣхомъ. Однимъ быстрымъ ударомъ онъ сумѣлъ овладѣть большимъ мобилизаціоннымъ центромъ тибетскихъ войскъ со всѣми ихъ тоннами пороха, ядеръ и пуль, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, такъ какъ большой тибетскій гарнизонъ все еще стоялъ въ Кхамба-Джонгѣ, не зная о нашемъ движеніи. Благодаря такимъ быстрымъ дѣйствіямъ мы овладѣли крѣпостью, которая господствуетъ надъ большимъ торговымъ путемъ къ Индіи, и мирно приобрѣли владѣтельство надъ почти непобѣдимыми нижними долинами; между тѣмъ, если бы ихъ заняли тибетцы, дѣйствуя противъ насъ, мы не могли бы захватить ихъ безъ большого кровопролитія съ обѣихъ сторонъ. Итакъ, мысль о нашемъ поражении, которую нашъ уходъ изъ Кхамба-Джонга могъ заронить въ умы тибетцевъ, была болѣе чѣмъ разсѣяна быстрымъ появленіемъ въ

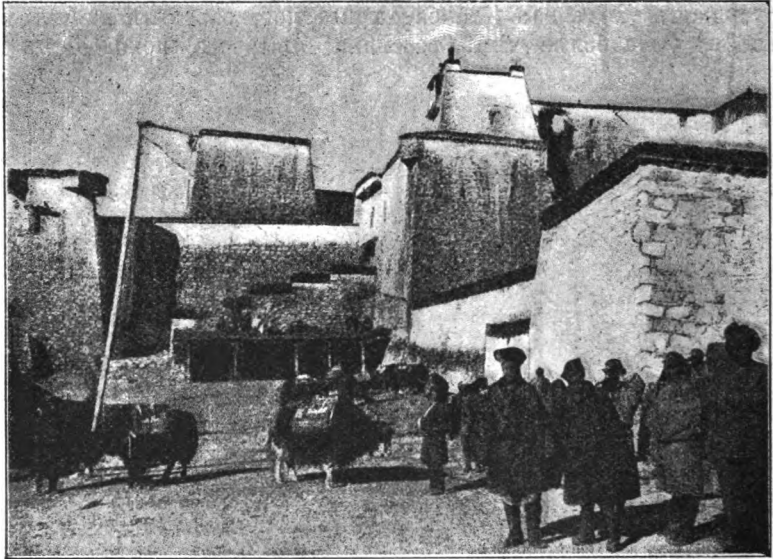
У стѣнъ форта Фари.

Фари гораздо большихъ британскихъ силъ, чѣмъ прежде, причемъ самый фортъ очутился въ нашихъ рукахъ.

Крѣпость Фари похожа на средневѣковой европейскій замокъ. Она стоитъ на скалѣ высотой футовъ въ шестьдесятъ, посреди обнаженной и опоясанной горами равнины. Ея башни поднимаются футовъ на семьдесятъ близъ прохода въ Тибетъ, который она охраняетъ и караулитъ. Фари производитъ впечатлѣніе большой массивности и силы, благодаря толщинѣ своихъ построенныхъ изъ камня стѣнъ, ихъ внутреннимъ пологимъ откосамъ въ египетскомъ стилѣ и малочисленности оконъ, хотя они обильно усѣяны бойницами.

Когда вы входите внутрь, чтобы осмотрѣть крѣпость, она кажется не такъ внушительна. Пройдя черезъ массивныя ворота, вы видите дворъ, усѣянный старьемъ, дѣпочечными панцырями, желѣзными шлемами, копьями, мечами, щитами и вообще всевозможнымъ хламомъ. За главной дверью строенія очарованіе кон-

чается. Чувствуешь, точно попалъ во внутренность темнаго корабельнаго трюма; крутыя косыя лѣстницы изъ грубо вырубленыхъ бревенъ ведутъ вверхъ и внизъ къ лабиринту темныхъ, узкихъ корридоровъ и къ зловоннымъ темнымъ комнаткамъ, кухнямъ, кладовымъ и т. д.; низкія притолоки повсюду напоминаютъ вашей головѣ о недостаточной величинѣ дверей. На полу сложены плитки топлива изъ навоза яковъ и зерна хлѣба; въ среднемъ этажѣ—помѣщенія солдатъ съ запасами пороха и пуль; то и другое было брошено нами въ рѣку. Въ этомъ же этажѣ—часовня съ большимъ количествомъ тибетскихъ буддійскихъ переводовъ священныхъ

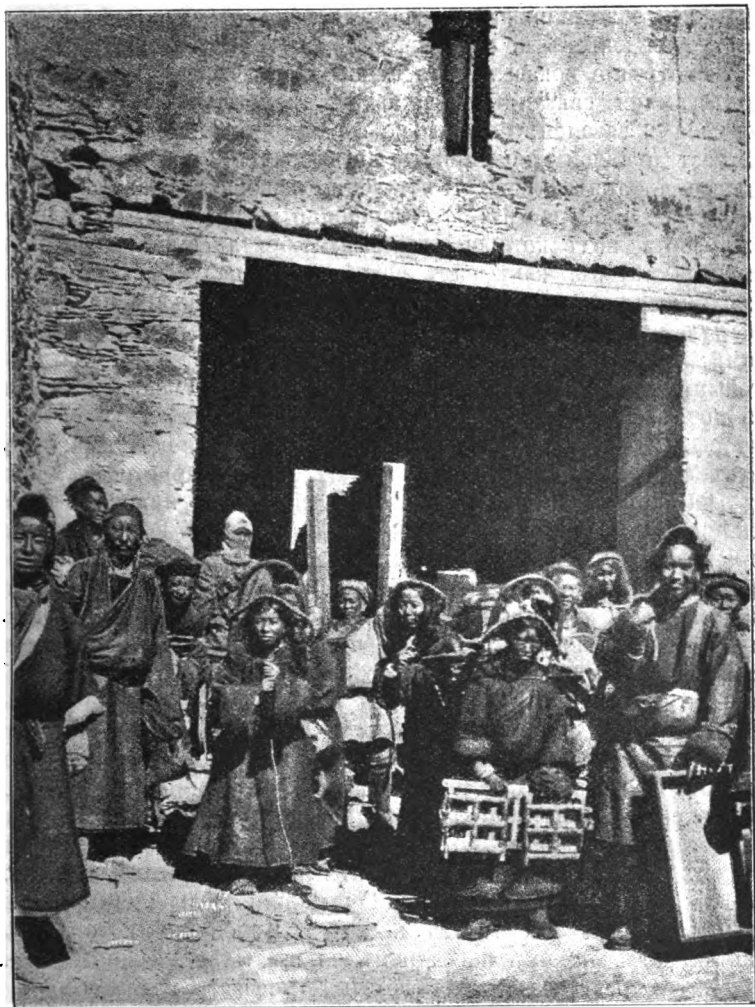
Ворота форта Фарі
(14.700 ф. надъ уровнемъ моря).

книгъ въ количествѣ ста томовъ, копій которыхъ не имѣетъ британскій музей.

Въ самомъ верху помѣщается цитадель съ комнатами двухъ совмѣстныхъ градоправителей, джонгпеновъ *) и помѣщенія ихъ конторъ. Это лучшія комнаты во всемъ строеніи; впоследствии въ нихъ помѣстились офицеры нашего маленькаго гарнизона, занявшаго фортъ, и главный штабъ. Стѣны комнаты джонгпена, въ которой остановился я, украшаютъ грубыя фрески. Но даже эти лучшія изъ всѣхъ комнатъ не способны защищать обитателей отъ арктическаго холода этой мѣстности. Въ нихъ нѣтъ стеклянныхъ оконъ, а имѣются только двери, которыя приходится запираеть, чтобы не давать доступа вѣтру; въ большинствѣ помѣщеній нѣтъ также трубъ. Иногда въ крышѣ устроено дымовое отверстіе, по ѣдкій

*) Одинъ завѣдуетъ восточной частью области, а другой западной.

запахъ отъ навоза яковъ входитъ въ него и наполняетъ всю комнату, нестерпимо раздражая глаза. Даже когда топилась маленькая печка, холодъ въ комнатѣ былъ до того силенъ, что чернила замерзали на перѣ, а варенныя яйца, усыпанныя ледянными блестками,

Очищеніе форта Фарн для британцевъ.
(Обратите вниманіе на головные уборы женщинъ).

трещали на зубахъ; керосинъ же, который я принесъ, превратился въ твердое вещество и мнѣ пришлось его оттаить, раньше чѣмъ налить въ фонарь. На этой большой высотѣ, въ верхней части замка вѣтеръ былъ ужасенъ; онъ, стремясь черезъ проходъ съ плоскогорья и съ ледниковъ Чумолхари, бушевалъ цѣлый день, принося шквалы болѣе сильныя, чѣмъ на морѣ.

Удивительно, как может стоять этот старый фортъ. Многія изъ его верхнихъ комнатъ очень непрочны; ихъ стѣны треснули и даже сильно покосились. Самой неблагонадежной комнатой оказалась столовая; я открылъ, что она — смертельно опасный трапъ, который виситъ на высотѣ 60 ф., опираясь только на тонкую часть внутренняго обветшавшаго и растрескавшагося слоя стѣны; даже вибрація отъ шаговъ по полу могла сбросить насъ внизъ. Дальнѣйшее разсмотрѣніе показало, что стѣны форта выстроены изъ двухъ кладокъ камней, связанныхъ замазкой; промежутокъ между этими двумя слоями заваленъ ничѣмъ не соединенными камнями и мусоромъ. Разъ до такой степени плохо выстроенное и треснувшее зданіе продолжаетъ стоять, ясно, что туземцы говорятъ правду, увѣряя, будто здѣсь землетрясенія *) совершенно неизвѣстны. Съ плоской крыши форта, надъ которой развѣвается британскій флагъ и вѣчно проносится вѣтеръ, какъ надъ подвѣтряной палубой, отерывается великолѣпный видъ, какъ бы съ высоты птичьяго полета, на окрестную равнину, окруженную, какъ кольцомъ, снѣжными вершинами, зубцами „Горы Героевъ“ (Пауори) въ цѣпи Сикхима, снѣговыми горами Вхотана съ юга, группой Чумолхари отъ востока до сѣвера. Внѣшнія балюстрады и балконы замка сдѣланы изъ торфяныхъ плитъ, скрѣпленныхъ деревянными остріями; торфъ избранъ съ цѣлью уменьшать тяжесть этихъ пристроекъ, висящихъ на покосившихся стѣнахъ. Рядъ плитъ лиловаго торфа окаймленъ внизу полосой красной охры, что рѣзко выдѣляетъ ихъ, такъ какъ всѣ остальные части строенія выбѣлены известкой.

Передъ тѣмъ какъ занять комнаты, мы попытались удалить хоть нѣкоторую долю грязи, собравшейся въ нихъ за цѣлые годы, но прошло много времени, раньше чѣмъ армія нѣсколькихъ сотенъ крестьянъ, уносившихъ полныя корзины сора, произвела нѣкоторое улучшение во внѣшнемъ видѣ этихъ помѣщеній.

До сихъ поръ я не могъ съ достовѣрностью опредѣлить времени постройки форта; но онъ былъ расширенъ, если не совершенно перестроенъ, въ 1792 г. по совѣту китайцевъ, въ видѣ защиты противъ британцевъ, когда Китай сталъ увѣрять, будто мы помогали непальцамъ во время ихъ набѣга на Тибетъ. Раньше этого онъ назывался „Побѣдный бѣлый“ **). Потому его стали называть „Фортомъ Великолѣпной Горы“ или „Фагри“ (Фари на шихъ картѣ); этотъ же титулъ носить и Чумолхари, которая возвышается надъ замкомъ на заднемъ планѣ. Лхасса содержитъ замокъ на свои средства, въ виду его стратегическаго положенія.

Грязный городъ Фари состоитъ изъ сотенъ двухъ жалкихъ, низенькихъ хижинъ безъ оконъ, выстроенныхъ изъ черныхъ плитъ торфа, который вырѣзываютъ въ долинѣ; домишки толпятся подъ южной стороной форта и въ нихъ живетъ приблизительно двухтысячное населеніе; городъ отчаянно грязенъ и зловоненъ; очень можетъ быть, что это самый грязный городъ на свѣтѣ. Его туице

*) Въ февралѣ 1904 года произошло землетрясеніе въ Тунѣ, на 18 миль сѣвернѣе Фари.

***) Джіаль-Каръ.

обитатели въ теченіе многихъ и многихъ поколѣній постоянно кидали всякіе отбросы и остатки изъ дверей прямо передъ домомъ, и эта вѣками накопившаяся грязь подняла уровень улицъ такъ высоко, что темныя комнаты домовъ кажутся теперь подземными погребями, въ которые входишь по ступенямъ, продѣланнымъ въ слояхъ мусора. Дѣйствительно, городъ большой курганъ изъ грязи, со всюду проникающимъ отвратительнымъ зловоніемъ, причемъ источникъ запаха часто бываетъ очевиденъ.

Населеніе грязнаго Фари, этого передового поста настоящаго Тибета, по большей части соотвѣтствуетъ той грязи и неопрятности, среди которой оно живетъ. Его жители почти совершенные дикари. Они настолько же ниже своихъ относительно чистыхъ и болѣе красивыхъ сосѣдей-обитателей нижней долины Чумби, насколько ихъ жалкія хижины хуже красивыхъ высокихъ домовъ послѣднихъ; однако, въ оправданіе бѣдности жилищъ фарійцевъ нужно замѣтить, что здѣсь нѣтъ благодатнаго богатаго лѣса, который облегчаетъ постройки въ болѣе низкой области.

Большинство населенія во время нашего прѣзда составляли женщины, безъ сомнѣнія жены солдатъ и милиціонеровъ форта, которые все еще были въ Кхамба-Джонгѣ, стоя противъ, какъ они воображали, нашей миссіи и не зная, что мы быстро перемѣнили фронтъ. Эти женщины больше походили на уродливыхъ гномовъ, нежели на человѣческія существа; мужчины были не лучше. Всѣ они, одѣтые въ засаленные лохмотья и овчины, съ безобразными плоскими лицами, обвѣтряными и заскорузлыми отъ холода, заоптѣлые и почернѣвшіе, какъ трубочисты, съ многолѣтней грязью и дымомъ, глубоко проникшими въ кожу, были почти отталкивающе-отвратительны. Надо сказать, что ни одна изъ „дамъ“ общества Фари, имѣющая какое-нибудь притязаніе на порядочныя манеры, говорятъ, не совершитъ великой нескромности, не вымоетъ лица или рукъ, потому что тогда ее сочли бы не вполне почтенной или назвали бы чѣмъ-нибудь еще худшимъ. Несмотря на этотъ отталкивающий покровъ матеріальной грязи, и мужчины, и женщины увѣшиваютъ себя украшеніями. Замужнія женщины носятъ удивительный головной уборъ, высокую шапку, вродѣ большой короны, напоминающую убранство норвежскихъ невѣстъ; корона эта роскошно осыпается бирюзой, кораллами и т. д. Безъ сомнѣнія, густой слой грязи до извѣстной степени предохраняетъ отъ холода и, право, здѣсь можно оправдать людей, жертвующихъ своей наружностью, чтобы только поменьше страдать отъ мороза въ этомъ самомъ ужасномъ мѣстѣ на землѣ. Черезъ нѣкоторое время даже наши собственные бородатые, потемнѣвшіе офицеры, сидя кругомъ дымнаго горячаго навоза, начали принимать почти тибетскій цвѣтъ кожи. На большомъ разстояніи, которое избавляло отъ разочарованія, женщины города Фари казались довольно живописными, когда онѣ толпой выходили со своими деревянными ведрами за водой или за льдомъ замороженнаго потока и пробѣгали мимо нашего лагеря. Онѣ продѣлывали отверстія въ толстой ледяной корѣ и поднимали вверхъ воду деревянными чашками. Ихъ неуклюжія, нескладныя фигуры появлялись также

въ лагерѣ, гдѣ онѣ въ разность продавали нашимъ солдатамъ рѣпу, сухую рыбу, сыръ, масло и, на что былъ особенный спросъ, цѣлыя корзины плитокъ топлива.

Жители Фари занимаются тѣмъ, что носятъ товаръ (шерсть, соль, буру, золото и т. д.) изъ собственного Тибета сюда, мѣняя эти вещи на привозные предметы изъ Индіи, которые они относятъ обратно въ Тибетъ. Въ Фари предметы вывоза изъ Тибета попадаютъ въ руки перевозчиковъ Чумби, которые вѣзятъ на своихъ мулахъ къ индійскимъ рынкамъ въ Дарджилингъ (109 миль) или Калимпонгъ (87 миль). Въ этомъ холодномъ мѣстѣ не растетъ никакого хлѣба, кромѣ ячменя, да и тотъ не вызрѣваетъ, давая безсѣмянные колосья, такъ что идетъ только на кормъ для скота. Поэтому народонаселенію приходится добывать всю зерновую пищу путемъ обмѣна; немногіе богатые получаютъ рисъ изъ Бхотана на югѣ; ячмень приходитъ изъ нижнихъ частей Тибета, изъ долины Джантсе на сѣверѣ; стада же овецъ и яковъ доставляютъ имъ мясо, одежду и топливо. Фортъ, составляющій одну изъ важнѣйшихъ таможенныхъ заставъ Тибета, главнымъ образомъ получаетъ доходъ, благодаря десятипроцентному налогу на всѣ товары, вывозные и ввозные, идущіе по этой дорогѣ.

Разсуждая съ жителями Фари о жатвахъ, я узналъ мѣстную поговорку, которая гласитъ: „Когда въ Фари вырастетъ рисъ, иностранцы войдутъ въ Лхассу“. Безъ сомнѣнія этой поговоркой желаютъ доказать невозможность событія, и она походитъ на шекспировское упоминаніе о двигающемся лѣсѣ. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ нелѣпо-суевѣрной природы тибетцевъ, я говорилъ, что можно было бы извлечь громадную выгоду изъ этой легенды, оправдавъ въ глазахъ туземцевъ наше движеніе къ Лхассѣ въ исключительный годъ Деревяннаго Дракона, если бы нашъ гарнизонъ вывелъ немного рису, выгнавъ его въ парникѣ, что было вполне возможно.

Когда близъ форта Фари перерѣзали нашу телеграфную проволоку и на городъ наложили штрафъ въ формѣ сухого навоза яаа, получилась интересная иллюстрація къ монетной цѣнности топлива, въ арктической области, гдѣ этотъ единственный мѣстный полезный матеріалъ является жизненной необходимостью.

Городу велѣли заплатить 15 тоннъ плитокъ кизяка, что представляло собою цѣнность приблизительно въ 15 фунтовъ стерлинговъ. Штрафъ, выраженный въ этой мѣстной монетѣ, произвелъ такое сильное дѣйствіе, что жители охотно заплатили половину индійскими рупіями, чтобы только не разставаться съ безцѣннымъ для нихъ веществомъ. Съ тѣхъ поръ проволоку никогда больше не рѣзали. Жизнь въ этой бесплодной части Тибета была бы невозможна безъ драгоцѣннаго топлива. Тѣмъ не менѣе, тибетцы рѣдко согреваются огнемъ, они предоставляютъ тяжелому толстому платью и животной пищѣ возбуждать въ нихъ теплоту и употребляютъ топливо только для кухни. Для пустынныхъ окрестностей Фари—яки настоящій подарокъ боговъ. Владѣльцы никогда не кормятъ яковъ и выпускаютъ ихъ, предоставляя имъ самимъ находить себѣ пропитаніе; между тѣмъ, въ оплату яки работаютъ, какъ вьючныя животныя, даютъ своимъ хозяевамъ молоко для масла и свое соб-

ственное мясо для пищи; а кромѣ того, ежедневно доставляютъ необходимое топливо. Это напоминаетъ распространенное употребленіе того же вещества для той же цѣли въ Индіи. тамъ мало лѣса для топлива, и индусы благодарно называютъ замѣняющее его вещество „даромъ коровы“ (го-баръ).

Наши войска расположились лагеремъ на равнинѣ внѣ форта Фари; два дня и двѣ ночи они вели самое жалкое существованіе подъ ударами рѣзкаго вѣтра, который цѣлый день дулъ порывами, принося бурю ледяной пыли, осколки камешковъ и гравія, которымъ ослѣплялъ глаза. Фари извѣстенъ своими ужасными пыльными бурями. Холодъ былъ немногимъ слабѣе, чѣмъ на нашемъ морозномъ Дотакѣ. даже въ полдень температура стояла ниже точки замерзанія, ночью же она упала до 41° ниже нуля. Отъ этого сухого и ужаснаго холода кожа съезживается, морщится, трескается, ногти лопаются и всѣ члены до такой степени нѣмѣютъ, что почти никто изъ насъ не могъ выходить изъ палатокъ до восхода солнца. Между тѣмъ въ Фари мы находились только на разстояніи двадцати переходовъ отъ Лхассы; курьеры совершаютъ это путешествіе въ два дня съ половиной.

Но хотя Фари въ политическомъ смыслѣ составляетъ часть Тибета, географически онъ внѣ его и лежитъ на индійской или южной сторонѣ Гималаевъ. Наша миссія получила приказанія немедленно двинуться къ большому торговому городу Джантсе въ Тибетъ; поэтому цѣлью генерала Макдональда теперь сдѣлалась ближайшая деревня въ собственномъ Тибетѣ, а именно Туна, расположенная на большомъ плоскогорьѣ въ 18 миляхъ отъ Фари. Однако, для того, чтобы отвести миссію въ Туну, нашей летучей колоннѣ слѣдовало вернуться обратно къ Чумби, для сохраненія драгоценныхъ запасовъ, принесенныхъ съ такими трудностями по линіямъ сообщенія; нужно было также поскорѣе добыть новыя съѣстные припасы съ индійскихъ долинъ для войска, которое пойдетъ въ Туну. Поэтому, оставивъ въ крѣпости маленький гарнизонъ изъ 200 гурховъ, вооруженныхъ ружьями, со всѣмъ запасомъ пищи, принесенной нами, за исключеніемъ однодневной порціи, которую мы взяли съ собой, генералъ велѣлъ намъ выступить на третій день послѣ нашего прибытія въ Фари. Мы сдѣлали переходъ къ Чумби въ два дня. Мы путешествовали налегкѣ и не желали подвергаться мучительному холоду замороженнаго лагеря въ Дота, а потому быстро миновали его; спустились къ полостѣ деревьевъ и вскорѣ зажгли пылающіе костры въ Гаутангъ — „Лугъ довольства“, названіе, которое прекрасновыражаетъ, насколько это мѣсто ласкаетъ глазъ своимъ восхитительнымъ зеленымъ лѣсомъ, какую теплоту и пріятное убѣжище даетъ оно каждому, кто, какъ мы, возвращается изъ жестоко-холодныхъ и негостеприимныхъ нагорныхъ странъ.

Слѣдующее утро уже увидѣло насъ въ Чумби; было странно, до чего за эти нѣсколько дней наши піонеры и саперы исправили путь; ихъ взрывы и теперь грохотали, отдаваясь въ горахъ.

Въ Чумби генералъ и майоръ Брѣзертонъ старались разрѣшить тяжелую проблему о съѣстныхъ припасахъ для нашего движенія,

для гарнизона, оставленнаго въ Фари и на промежуточной дорогѣ, а также для войскъ въ нижней долині. Эта задача оказывалась несравненно труднѣе, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза; дѣло въ томъ, что всю пищу для людей и для животныхъ, за исключеніемъ маленькаго количества корма для животныхъ, было необходимо доставить изъ Индіи, по длинной линіи труднаго пути, теперь достигавшаго протяженія около двадцати переходовъ. Оставивъ въ сторонѣ трудности пути, это было бы сравнительно легкимъ вопросомъ, если бы рѣчь шла только о доставленіи извѣстнаго количества пудовъ съ желѣзной дороги изъ Силигури на горы и о препровожденіи ихъ въ Чумби. Но дѣло обстоитъ совершенно иначе. Каждый изъ куліевъ и каждое изъ обозныхъ животныхъ съѣдаетъ по дорогѣ часть несмаго имъ груза. Такъ: одинъ кулій во время одного перехода въ теченіе мѣсяца съѣсть весь грузъ, который онъ способенъ снести; слѣдовательно тридцать куліевъ къ концу одного перехода доставятъ только 29 тюковъ; такимъ образомъ съ каждымъ переходомъ грузы все уменьшаются; поэтому сравнительно небольшое количество припасовъ доставляются въ Чумби для прокормленія гарнизона; о запасахъ для нашего движенія я уже не говорю. Мулы приносятъ еще большій ущербъ. чѣмъ куліи, потому что одинъ мулъ ѣсть въ четыре раза больше зеренъ, чѣмъ одинъ кулій, а несетъ грузъ только вдвое большій.

Было найдено, что дорога черезъ проходъ Желепъ, даже отдѣланная на всемъ своемъ протяженіи, съ непрерывно тянущейся по ней линіей куліевъ и муловъ, не могла бы доставить въ Чумби достаточныхъ запасовъ для нашего движенія, а потому явилась необходимость найти другой путь для пополненія ихъ. Съ этой цѣлью м-ръ Уайтъ открылъ проходъ Нату (14.250 ф.), козью дорожку на 10 миль сѣвернѣе Желепа и черезъ то же плоскогорье. Это перенесло проѣзжую дорогу выше, въ Гангтокъ, и вскорѣ доставило приблизительно столько же запасовъ, сколько же дорога Желепа; сумма провіанта, приходившаго по обоимъ путямъ, достигла 40.000 фунтовъ въ денг; ихъ съ громадными затрудненіями приносили куліи, мулы и пони по дорогамъ, часто портившимся отъ снѣга, дожда и вившимся по такой высотѣ, на которой всякое напряженіе было почти мукой.

Эти транспортныя затрудненія подчеркиваютъ радикальную ошибку, всегда совершавшуюся при выборѣ проходовъ въ Чумби черезъ Сикхимъ, потому что естественный и легкій путь изъ Индіи въ эту долину лежитъ совсѣмъ не черезъ Сикхимъ, а проходить по смежнымъ съ нею долинамъ, напримѣръ по ведущей къ истокамъ рѣки Торши, причемъ совершенно избѣгаются всѣ проходы. Круговые пути черезъ Сикхимъ, по которымъ путешественникъ бесполезно взбирается болѣе чѣмъ на 14.000 ф. по труднымъ выстроеннымъ съ большими издержками дорогамъ, только для того, чтобы опять опускаться на 5.000 ф. къ цѣли своего странствія, нужно бросить, потерявъ всѣ затраты на нихъ, ради болѣе прямой и лучшей дороги. Настоящій входъ въ долину Чумби былъ впервые указанъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ м-ромъ (впоследствии сэромъ Эшли) Эденомъ; позже его потеряли изъ виду

и продолжали устраивать другіе пути въ неправильномъ направленіи, съ бесполезными восхожденіями и спусками, и тогда люди, обладавшіе достаточными знаніями мѣстности, указывали на необходимость естественной линіи.

Немедленнымъ результатомъ оккупациі форта Фари является шагъ къ осуществленію этого проекта, потому что если Фари представляетъ собою ключъ къ долинѣ Чумби, онъ также господствуетъ и надъ однимъ изъ главныхъ проходовъ изъ Тибета въ Бхотанъ, а именно надъ тѣмъ, по которому путешествовали Богль и Менингъ. Едва мы заняли Фари, а наши военныя силы распространились по долинѣ Чумби, какъ бхотанцы согласились открыть намъ этотъ предполагаемый путь, который идетъ по узкой полосѣ ихъ территоріи, отдѣляющей чумбійскую долину отъ равнинъ Индіи. 27-го декабря 1902 г. внизъ по долинѣ послали одного изъ нашихъ туземныхъ обозрѣвателей къ равнинамъ Индіи въ сопровожденіи британскаго офицера. Ихъ рапорты, между прочимъ, показавшіе, что всѣ существующія карты этого пути очень неточны, выясняютъ, что ниже монастыря Поша рѣка течетъ между крутыми утесами, не перерѣзанными пропастями, и что эти берега могутъ послужить для предполагаемой дороги. Въ то же время былъ намѣченъ другой путь не по долинѣ Чумби или Торши, а бѣгущій отъ желѣзнодорожной станціи у подножія горъ къ востоку отъ Тисты, откуда онъ проходитъ черезъ другую долину, именно черезъ Дичу, и примыкаетъ къ долинѣ Чумби, ведя къ ней черезъ проходъ, лежащій на высотѣ 9.000 ф. Повидимому, странный рокъ тяготѣетъ надъ путями изъ Индіи въ долину Чумби. Дороги одну за другой строятъ съ большими издержками въ неправильномъ направленіи, потомъ неизбежно бросаютъ. Даже теперь отълаживается устройство прямого пути. Во всякомъ случаѣ новый путь черезъ долину Дичу, хотя гораздо лучшій, чѣмъ всѣ существующія линіи, не можетъ быть законченъ въ достаточно скоромъ времени, чтобы настоящая экспедиція могла имъ воспользоваться въ томъ или другомъ смыслѣ.

Проложеніе новаго пути изъ индійскихъ равнинъ къ долинѣ Чумби отложено, что можетъ также заставить отложить неизбежную постройку желѣзной дороги. Между тѣмъ маленькій паровой трамъ, вродѣ ведущаго въ Дарджилингъ, послужилъ бы соединеніемъ съ нашимъ новымъ пограничнымъ постомъ Фари и, вызвавъ оплаченную перевозку шерсти, чая, сукна и другихъ предметовъ ввоза въ Тибетъ и вывоза изъ него, также переносилъ бы пассажировъ или туристовъ отъ Калькутты къ Чумби менѣе чѣмъ въ 24 часа, мимо самыхъ живописныхъ рѣчныхъ пейзажей, въ великолѣпную альпійскую область, гдѣ пріѣзжій не на вершинѣ горъ, какъ въ другихъ гималайскихъ стоянкахъ, а въ долинѣ бродилъ бы среди горныхъ потоковъ, лѣсныхъ прогалинъ, впитывая божественный воздухъ, наслаждаясь обильной рыбной ловлей и охотой или гольфомъ на равнинѣ Лингмо, а затѣмъ съ комфортомъ ѣхалъ бы обратно къ цивилизаціи.

Но вернемся къ настоящему. Мы, къ счастью, безъ кровопролитія заняли долину Чумби съ фортомъ Фари во главѣ, и этимъ ознаменовалась первая стадія движенія нашей миссіи къ Тибету.

ГЛАВА VI.

Движеніе къ Тунѣ по Тибетскому плоскому;ю, черезъ высокій проходъ Тангъ.

„Не достигнешь пѣли стремлений, если не пройдеши до него необходимаго пространства“.

Тибетская пословица.

Энергичскія транспортныя мѣры принесли плоды; къ 4-му января 1904 г. генераль отправилъ въ Фари достаточные запасы, которые могли дать возможность нашей маленькой арміи идти къ Тунѣ, чтобы учредить тамъ миссію за порогомъ собственнаго Тибета. Въ этотъ день миссія въ сопровожденіи генерала и всѣхъ его наличныхъ силъ выступила изъ Чумби къ Тунѣ.

Наши піонеры такъ исправили путь, что большая его часть превратилась въ хорошую тропинку муловъ; въ самыхъ худшихъ мѣстахъ они вырубили свѣжія дорожки. Удивительно, до чего за двѣ недѣли выросли льдины; днемъ по ихъ замерзшей поверхности текли струи воды, опять замерзая ночью, и благодаря этому поверхность ледяныхъ глыбъ поднялась на нѣсколько футовъ, а на дорожкахъ образовались длинныя полосы скользкаго льда.

Когда мы проходили черезъ китайскій фортъ у заставы „Бѣлаго керна“ (чортенъ Карпо), китайскій командиръ войскъ, расположенныхъ въ долинѣ Чумби, полковникъ Чао, пригласилъ къ себѣ генерала Макдональда и его штабъ отдохнуть и закусить. Онъ тунглингъ, чинъ, соответствующій чину полковника въ нашей арміи, и носитъ коралловую шпичку мандарина второй степени. Это очень вѣжливый старый господинъ, который весело болталъ съ нами о различныхъ вещахъ. Между прочимъ онъ могъ рассказать намъ о томъ, что дѣлалъ Дорджіевъ въ Лхассѣ, такъ какъ китайскій курьеръ только-что вернулся изъ этого города, употребивъ на путешествіе туда три дня. Чао сообщилъ, что тибетцы, полагаясь на русскую поддержку, которую имъ обѣщала лама Дорджіевъ, открыто пренебрегаютъ китайцами и говорятъ, что держава, гораздо болѣе сильная, чѣмъ Китай, обѣщала имъ свое покровительство. Я вручилъ ему мою китайскую визитную карточку и между прочимъ упомянулъ въ разговорѣ, что провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ Пекина въ 1900 г.; это повидимому вызвало въ немъ непріятныя воспоминанія о недавнемъ униженіи Китая, и я немедленно переѣхалъ тему. Передъ разставаніемъ Чао замѣтилъ, что его вскорѣ замѣнятъ майоромъ, который пріѣдетъ изъ Лхассы, за то, что онъ впустилъ насъ въ долину Чумби; раздраженный далай-лама за ту же вину заключилъ въ тюрьму четырехъ статсъ-секретарей, „шапе“; старшій изъ нихъ, мой другъ Шата-шапе былъ изгнанъ въ фортъ *) восточнаго Тибета, составляющій тюрьму для политическихъ преступниковъ; Хоу-

*) Сангнакъ-Чо въ Тза-ронгѣ.

хангъ-шапе убился, прыгнувъ въ рѣку Кайи подлѣ Лхассы, услышавъ свой приговоръ, произнесенный тайнымъ трибуналомъ далай-ламы.

Великолѣпный лугъ Лингмо, гдѣ мы снова раскинули лагерь, на этотъ разъ имѣлъ болѣе зимній видъ, благодаря свѣже-выпавшему снѣгу, который сползъ съ окружающихъ сосновыхъ лѣсовъ въ равнину и тамъ лежалъ большими пятнами.

Въ Дотагѣ на этотъ разъ было не такъ ужасно холодно, потому что, на наше счастье, ночью не дулъ жестокой вѣтеръ. Фари же встрѣтилъ насъ, какъ и прежде, нестерпимымъ морозомъ и ледяной пыльной бурей, бушевавшей весь день.

Большія вереницы яковъ, нагруженныхъ нашими запасами, стояли въ долинѣ Фари. Эти косматыя, нестатныя животныя немного напоминаютъ мелкій шотландскій скотъ, но ихъ шерсть гораздо длиннѣе, такъ что почти касается земли. Ихъ обыкновенный цвѣтъ — черный, какъ уголь; у нихъ пушистые бѣлые хвосты и бѣлыя пятна на лбу. Хотя эти животныя кажутся такими неуклюжими, они ловко переходятъ черезъ самые скользкіе замерзшіе потоки, неся тяжелые грузы. Наше транспортное отдѣленіе наняло большую часть яковъ у туземцевъ, и ихъ дикіе тибетскіе погонщики, проходя мимо, искоса поглядывали на насъ, энергично вращали молитвенныя колеса и перебирали бусины четокъ, чтобы отвратить дурныя послѣдствія, которыя могли обрушиться на нихъ за то, что они, нарушивъ приказанія своего священника—бога въ Лхассѣ, работали для насъ, невѣрныхъ чужестранцевъ. У насъ осталось мало яковъ изъ трехтысячной партіи, доставленной намъ непальскимъ раджей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и изъ партіи въ 500 головъ, подаренной намъ этимъ же правителемъ, такъ какъ между животными быстро распространилась скотская чума, въ одинъ день убивавшая ихъ сотнями; вслѣдствіе этого изъ прежнихъ яковъ у насъ теперь имѣлось лишь около 200 штукъ. Упомянутый выше непальскій раджа *) Чандра Шамъ Шеръ-Джангъ, который наслѣдовалъ своему брату послѣ его смерти два года тому назадъ, оказалъ большую помощь нашей экспедиціи: онъ прислалъ нѣсколько сотъ своихъ крестьянъ, въ качествѣ носильщиковъ-кулиевъ, а также отправилъ нѣсколько писемъ къ далай-ламѣ, убѣждая его сговориться съ британцами, доказывая ему,

花
得
樂

Китайская визитная карточка автора.

*) Въ сущности, онъ первый министръ, хотя и носить титулъ магараджи. Наслѣдственный царь съ титуломъ „прирожденный царь“ (Адираджа)—кукла, не принимающая участія въ правленіи.

какую выгоду принесли Непалу его собственные отношенія съ индійскимъ правительствомъ и предостерегая отъ возможныхъ послѣдствій упрямой политики. Такимъ образомъ далай-лама получилъ совѣты и сообщенія изъ нѣсколькихъ вѣднскихъ источниковъ — изъ Непала и Бхотана.

Нѣкоторые высшіе лхасскіе и другіе тибетскіе чиновники пріѣхали въ Фари за нѣсколько дней передъ нашимъ возвращеніемъ и жили въ городѣ. Въ ихъ числѣ находился одинъ изъ двухъ лхасскихъ градоправителей, а именно главный депѣнь, командиръ войскъ, такъ называемый „почетный Телингъ“, одинъ изъ внуковъ того „неистоваго министра“, который посадилъ д-ра Хуккера въ тюрьму; шталмейстеръ великаго Таши-ламы и еще три монаха представители трехъ господствующихъ монастырей ордена „желтыхъ шапокъ“ въ Лхассѣ, а именно Децунгъ, Сера и Гахданъ. Эти представители коллективно называются при помощи соединенія первыхъ слоговъ названій монастырей „Ден-се-гахни“ или „Сен-де-гахъ“.

Правитель Непала, магараджа
Чандра Шагъ Шерь.

Чиновники съ угрозами запретили крестьянамъ Фари продавать намъ зерно кормъ для животныхъ и т. д., а потому капитана О'Коннора послали пригласить ихъ къ генералу для переговоровъ объ этомъ воспрещеніи. Войдя, онъ засталъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ; во главѣ на подушкѣ сидѣлъ лхасскій градоправитель; монахи совѣщались въ сторонкѣ. Когда капитанъ О'Конноръ вошелъ, всѣ поднялись и отвѣтили на его привѣтствіе, кромѣ монаховъ, которые остались сидѣть и мрачно хмурились; три ламы, по видимому люди низкаго происхожденія, отличались грубыми, отталкивающими чертами лица. Въ отвѣтъ на приглашеніе капитана депѣнь Лхассы сказалъ, что онъ не желаетъ разговаривать съ генераломъ Макдональдомъ относительно съѣстныхъ припасовъ, что его и трехъ ламъ послали изъ Лхассы съ цѣлью покончить спорный пограничный вопросъ въ Ятунгѣ, и что онъ могъ сдѣлать это только на мѣстѣ, а не здѣсь, въ Фари. Депѣну около тридцати пяти лѣтъ; онъ высокъ и полонъ, съ очень пріятными, приличными манерами.

Пріѣзжіе тибетцы все еще запрещали крестьянамъ продавать намъ съѣстные припасы, а потому на слѣдующій день генералъ Макдональдъ послалъ имъ ультиматумъ, гласившій, что 1) они должны явиться и переговорить съ нимъ о прекращеніи продажи

сѣстныхъ припасовъ и принести съ собою письменное заявленіе, что они впредь не будутъ болѣе мѣшать этой продажѣ; и что 2) если они этого не сдѣлаютъ, то онъ потребуетъ, чтобы они черезъ три дня удалились изъ Фари. Въ отвѣтъ они отказались явиться или написать что-нибудь; особенно рѣзко, грубо и насмѣшливо отказывались монахи, употребляя непочтительный языкъ; остальные же выражались вѣжливо. На требованіе оставить Фари никто ничего не отвѣтилъ, но, казалось, оно раздосадовало тибетцевъ, которые и не думали повиноваться ему; ихъ рѣшеніе мы скорѣ узнаемъ. Китайскій майоръ Ли пріѣхалъ къ генералу и сообщилъ ему, что ему велѣно замѣстить полковника Чао въ ко-

Тибетскіе чиновники во время совѣщанія.
Справа—маленькій депень.

мандованіи войсками Чумби, такъ какъ послѣдній не сумѣлъ не допустить насъ появиться въ долину.

7-го января мы оставили Фари для Туны и пересѣкли пространство въ 18 миль въ два перехода. Сперва мы прошли всего 4 мили до маленькой деревни Чуджия или „Жемчужно-бѣлая вода“ вдоль серіи замерзшихъ прудовъ и болотъ, блестящихъ бѣлымъ свѣтомъ на солнцѣ у подножія прохода Тангъ. Наша маленькая армія двигалась широкимъ фронтомъ изъ четырехъ колоннъ; за нею слѣдовало 2.000 обозныхъ животныхъ, все вмѣстѣ представляло очень внушительный видъ и, казалось, наполняло долину.

По дорогѣ мы встрѣтили ламу диваго вида, съ пронзительными глазами, съ длинными заплетенными волосами, съ бородой, развѣвавшейся по вѣтру. Онъ ѣхалъ подъ распущеннымъ желтымъ зонтикомъ, въ сопровожденіи одного слуги, бѣжавшаго рядомъ съ

нимъ. Я узналъ въ немъ того самаго монаха, который около десяти дней тому назадъ посѣтилъ нашъ лагерь въ Чумби, назвавъ себя реставраторомъ храмовъ и ракъ *). Изъ-за этой работы онъ много ѣздилъ, собиралъ надписи и часто видалъ далай-ламу, своего личного друга. Онъ согласился дружески переговорить съ далаемъ и постараться уладить наши спорные вопросы съ нимъ. Полковникъ Ионгхэзбендъ, который старался пользоваться каждымъ средствомъ, чтобы уладить дѣло, сообщилъ путешествующему монаху, въ чемъ состоитъ наше недовольство Лхассой, и лама-странникъ сейчасъ же уѣхалъ, обѣщавъ передать все лично далаю. Однако, недѣлю спустя онъ уже ѣхалъ назадъ съ какими-то важными новостями, и его большіе глаза тревожно заблестѣли, когда онъ съ волненіемъ спросилъ меня, гдѣ секретарь миссіи. Я направилъ его къ этому чиновнику; онъ быстро подѣхалъ къ нему и, оглядываясь кругомъ, чтобы видѣть, что никто его не подслушиваетъ, хрипло пропенталь:

— Война! Война! Они хотятъ начать войну.

Немного успокоившись, монахъ объяснилъ, что, направляясь къ Лхассѣ, онъ почти доѣхалъ до Джантсе, но съ каждымъ днемъ пути онъ видѣлъ все яснѣе, что тибетцы повсемѣстно дѣятельно готовятся къ войнѣ; поэтому онъ вернулся, чтобы сообщить намъ обо всемъ, и предупредилъ, что 2.500 тибетскихъ воиновъ собрались въ нѣсколькихъ миляхъ за Туной.

Во время этого же перехода я посѣтилъ монастырь Чатса, на откосѣ Чумолхари, гдѣ 120 лѣтъ тому назадъ останавливался Тёрнеръ изъ миссіи Уаррена Гастингса, а черезъ нѣсколько лѣтъ прошелъ Менингъ. Съ этихъ поръ ни одинъ европеецъ не бывалъ здѣсь. Это вѣтвь большого монастыря Ташилхумпо, но я нашелъ, что его монахи страшно необразованы и, несмотря на ихъ увѣренія, что они принадлежатъ къ сектѣ реформированныхъ ламъ, т. е. къ ордену „желтыхъ шапокъ“, я увидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ ихъ очень популярномъ храмѣ пестро расписанное изображение обоготвореннаго священника-колдуна Ло-Пенъ Ромбоце **), который, какъ я доказалъ, былъ основателемъ первѣйшей формы ламаизма, составляющей скорѣе поклоненіе дьяволу, чѣмъ буддизмъ. Подлѣ этого монастыря я увидѣлъ стадо газелей, которое спокойно паслось на разстояніи ружейнаго выстрѣла, и спугнулъ нѣсколько зайцевъ; но всякая стрѣльба, даже для кушанья, по обыкновенію, была строго воспрещена, ради военныхъ цѣлей. Мы раскинули нашъ лагерь на травянистомъ пространствѣ посреди генціанъ и дикаго ревеня. Ночью здѣсь было страшно холодно; термометръ упалъ до—25° Фаренгейта, или до 57° ниже точки замерзанія; холодный вѣтеръ рѣзалъ еще хуже мороза.

На слѣдующее утро пятимильный подъемъ къ высокому проходу занялъ у насъ пять часовъ, включая и случайныя остановки которые мы дѣлали, чтобы отдышаться, хотя большая часть изъ

*) Шикъ-со-па—титулъ подобныхъ лицъ. Онъ бхотанецъ по имени Юндень-Норбу и называетъ себя воплощеніемъ индускаго отшельника Кара.

**) Иначе Падма Рамбхава, „Рожденный въ лотосѣ“. Его изображеніе помѣщено мною.

насъ уже акклиматизировалась и мало страдала отъ затрудненнаго дыханія. Во время одной изъ такихъ остановокъ открылось, что сильный холодъ такъ заморозилъ масляную смазку ружей, что собачки не могли начать работать, пока мы не растерли ихъ до теплоты. Максимы также не дѣйствовали, пока мы ихъ не оттаили; это было серьезное предостереженіе на случай нападенія въ этомъ мѣстѣ. Но на насъ никто не попалъ и мы не встрѣтили ни одной души.

Высокій проходъ, называемый Тангъ-Ла или „Чистый проходъ“,

Основатель ламанума св. Падма Рамблава.

потому что онъ рѣдко заносится снѣгомъ, былъ (15.200 ф.) самой высокой точкой, по которой прошла наша маленькая армія, и лежалъ приблизительно на высотѣ вершины Монъ-Блана. Онъ представляетъ собою округленную сѣдлообразную впадину въ главной оси Гималаевъ, въ цѣпи высочайшихъ вершинъ, одна изъ которыхъ, Чумолхари, поднимала надъ нами свою снѣжную голову на высотѣ еще 8.000 ф. въ нѣсколькихъ миляхъ справа отъ насъ и казалась, затѣвляла проходъ. Верхняя точка прохода обозначена линіей вѣрновъ,—безъ нихъ было бы трудно судить, когда вы дѣйствительно находитесь на самой вершинѣ прохода, до такой степени мало замѣтенъ его постепенный изгибъ. Наши тибетскіе

слуги и погонщики муловъ остановились подлѣ кэрновъ и, обратившись къ священной Чумолхари или къ горѣ „Богини-Владычицы“, сняли шапки, благочестиво положили камни на кэрны, произнося пронзительнымъ голосомъ:

— Возьми! Возьми (это приношеніе), данное богамъ! Боги побѣдили (затрудненія наши). Дьяволы разбиты (Ки! Ки! Со! Со! Лха-Джіаль-ло! Дудъ-памъ-бо).

Мы чувствовали тоже благодарность за удачный подъемъ, потому что восхождение на такую высоту представляло большое испытаніе выносливости для всѣхъ—для людей и животныхъ и казалось великимъ торжествомъ для нашихъ индійскихъ спутниковъ, уроженцевъ равнинъ.

Отсюда было любопытно видѣть, что нашъ британскій флагъ, пройдя подъ Чумолхари, казалось, отразился на этой горѣ, пласты наслоенія которой издали въ ракурсѣ казались крестообразными.

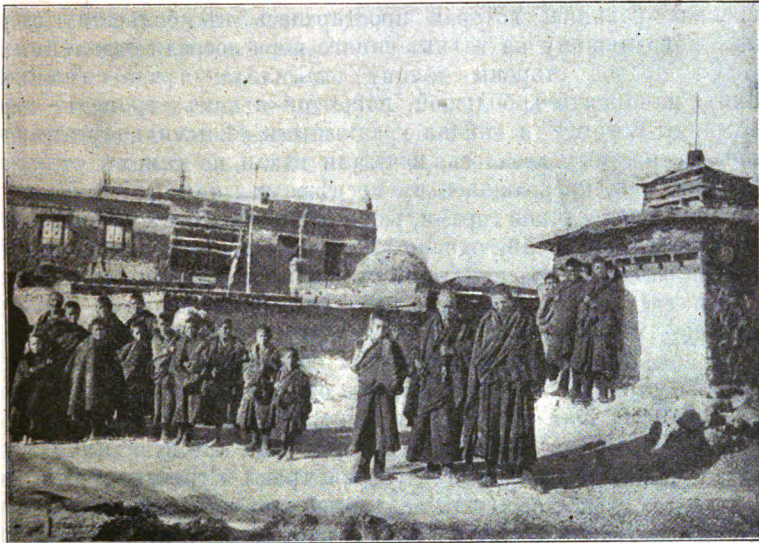
Отвернувшись отъ Чумолхари, мы увидѣли въ немногихъ сотняхъ ярдовъ подъ нами большую тибетскую равнину, разстилающуюся по направлению къ сѣверу, великое гималайское плоскогорье. Итакъ, мы перешли на другую сторону Гималайскихъ горъ!

Индусы примѣняютъ названіе „Гималаи“ или „Обитель снѣга“ вообще ко всему громадному поясу снѣжныхъ горъ, который отдѣляетъ равнины Ганга отъ Тибета. Границы этой горной цѣпи въ томъ и другомъ концѣ не были опредѣлены, да ихъ и трудно опредѣлить, благодаря тому, что на западѣ ея продолженіемъ служатъ горы Афганистана, а на востокѣ горы Китая. Наши географы теперь даютъ имя Гималаевъ только той части этихъ горъ, которая съ одной стороны копчается проходомъ Инда на сѣверо-западѣ, гдѣ горы Каракорумъ, загибаясь, переходятъ въ Гинду-Кушъ, а съ другой, на юго-востокѣ, проходомъ рѣки Тзангъ или Дихонгъ, гдѣ она прорываетъ цѣпь, чтобы войти въ Ассамъ. Однако, геологи включаютъ въ Гималаи параллельный рядъ горъ на востокѣ Тибета, называя его „Тибетской полосой“ Гималайской цѣпи, большая часть которой представляетъ бывшее морское дно, состоящее изъ морскихъ скалъ съ ископаемыми остатками, поднявшея вмѣстѣ съ Гималаями. Собственно „Гималайскими горами“ они называютъ ту часть, на которой мы теперь стояли (такъ какъ и линія самыхъ высокихъ вершинъ тоже ограничена), до внѣшнихъ горъ, перейденныхъ нами и состоящихъ большею частью изъ кристаллическаго кварца, гранита и гнейса въ ихъ высшихъ частяхъ, изъ слоевъ безъ ископаемыхъ остатковъ и изъ наслоеній осадочныхъ породъ, въ нижнихъ. Параллельный рядъ горъ, лежащій у подножія Гималаевъ, на индійскихъ равнинахъ, они называютъ „Подъ-Гималаи“ или „Сіуалики“; горы эти сформированы наносными осадками съ первичныхъ Гималаевъ въ ледяной періодъ, причемъ эти депозиты отодвинулись къ югу и поднялись въ видѣ горъ, благодаря поднятію главной оси къ сѣверу отъ нихъ. Обсыпавшіеся пласты горъ Сіуалика, состоящіе изъ песчаника и конгломератовъ валуновъ, очень богатые ископаемыми остатками мастодонта и другихъ большихъ млекопитающихъ, доказываютъ, что Гималаи поднялись до своей невѣроятной величины не раньше

третичнаго періода геологическихъ эпохъ и что онѣ все еще поднимаются или только-что окончили подниматься*).

На тибетской сторонѣ Гималаевъ можно различить двѣ цѣпи, параллельныя большому хребту; вмѣстѣ съ нимъ онѣ образуютъ три параллельные ряда. Указавъ на это, м-ръ Трелауни Саундерсъ привлекъ всеобщее вниманіе**) на замѣчательную аналогію, существующую между Гималаями и ихъ цѣпью-соперницей въ западномъ полушаріи—Андами. И тѣ, и другія состоятъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей; большія рѣки тѣхъ и другихъ берутъ начало во внутренней цѣпи и прорываются черезъ двѣ внѣшнія.

Итакъ, это великое плоскогорье Тибета! Почему же на плоскогорьѣ такъ много горъ? Таково было мое собственное впечатлѣ-

Монастырь Чатса, Фари.

(Здѣсь въ 1783 г. пошѣщалась миссія капитана Тѣрнера).

ніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ Тибетъ много лѣтъ тому назадъ, и я замѣтилъ, что то же восклицаніе и вопросъ неизмѣнно вырывались изъ устъ большей части лицъ, впервые видѣвшихъ „запретную страну“. Распространенное ошибочное мнѣніе, что Тибетъ гладокъ, какъ громадный бильярдный столъ, я думаю, является слѣдствіемъ отчетовъ о путешествіяхъ по большой пустынной плоской возвышенности на сѣверѣ отъ настоящаго Тибета. Собственно Тибетъ не гладкое, а напротивъ, очень неровное плоскогорье; въ дѣйствительности оно перерѣзывается такимъ количествомъ горныхъ цѣпей, что его можно назвать горной страной съ высочайшими гладкими долинами, шириною во много миль,

*) „Геологія Индіи“ Р. Д. Ольдхама.

**) Маркгамъ.

лежащими между холмами и въ верхнихъ своихъ частяхъ покрытыми скалами

Тибетскій ландшафтъ, на который мы смотрѣли съ высоты прохода Тангъ, лежалъ приблизительно такъ же высоко, какъ самый проходъ, и производилъ впечатлѣнiе громадныхъ песчаныхъ бугровъ, до такой степени были нѣжно округлы контуры большей части его безлѣсныхъ возвышенностей въ сравненiи съ изумительными прямыми остроконечными горами, перерѣзанными глубокими узкими долинами той части Гималаевъ, черезъ которую мы только-что перешли. Его окраска казалась странной, неестественной; каменные обнаженныя горы имѣли огненный или желтый оттѣнокъ съ темно-красными и пепельно-лиловыми полосами и были одѣты снѣгомъ и льдомъ; посреди нихъ танулась плоская обнаженная равнина, которая простиралась къ большому озеру Рхамъ, походившему на заливъ синяго моря посреди отдаленныхъ горъ. Съ правой стороны долину окаймляла ограда снѣжныхъ вершинъ, начиная отъ большой, покрытой льдомъ громады горы „Владычицы-Богини“ и кончая граціозными бѣлыми конусами; но снѣжныя вершины, казалось, исчезали вдали на самомъ отдаленномъ горизонтѣ, превращаясь въ неснѣжныя горы.

На этой, оцоясанной горами, равнинѣ шириною въ 10—12 миль не виднѣлось поселенiй; однако, нашъ проводникъ показалъ на восточный выступъ красной горы съ поднимавшимися отъ долины полосами свѣтлой охры и сказалъ, что у ея подножiя лежитъ Туна, еще невидная отъ насъ. Гора, къ которой мы теперь двинулись по прямой линiи, благодаря обманчиво-ясной атмосферѣ, казалось, отстояла всего мили на три отъ насъ, но выяснилось, что до нея остается еще около 12-ти миль.

Миновавъ отрогъ Чумолхари, мы увидѣли, что повидимому безплодная равнина была усѣяна кустами травы и травянистыхъ растенiй, поднимавшихся между валунами; всю почву густо усѣивали отдѣльные камешки и пространства песчанаго гравiя, придавая плоскости видъ высохшаго дна моря или озера; по этому гравiю и камнямъ было тяжело идти; представлялъ онъ затрудненiе и для транспортныхъ животныхъ, потому что портилъ и тупилъ ихъ подковы.

По рѣдкой травѣ, въ которой заключалось до странности много чертополоховъ, бродили и паслись сотни большихъ дикихъ ословъ, по-тибетски кiанговъ; они держались партiями въ 10, 12, 20 и больше штукъ. Сначала мы приняли ихъ за отрядъ тибетской кавалерiи, за дикихъ наѣздниковъ Чангтанга, потому что они въ вихрѣ пыли понесли къ намъ, сдѣлали великолѣпный поворотъ и вытянулись въ линiю, держась въ правильныхъ промежуткахъ одинъ отъ другого. Наконецъ, ослы снова двинулись къ намъ. Точно по командѣ они сбились въ болѣе тѣсный рядъ и мгновенно остановились. Многие изъ нихъ посакали къ намъ и замерли, съ любопытствомъ глядя на насъ и стоя ярдахъ въ трехстахъ отъ нашихъ рядовъ; нѣкоторые же бѣжали посреди нашихъ багажныхъ муловъ, безъ сомнѣнiя, узнавая въ нихъ своихъ родственниковъ. Это красивыя животныя, больше похожiя на пони, чѣмъ на

ословъ; ихъ движенія очень граціозны. Величиной и формой кіанги напоминаютъ зебръ, но ихъ головы гораздо красивѣе. Обыкновенно они золотисто-коричневаго цвѣта съ черными, какъ уголь, пятнами и полосами. Когда я былъ въ сѣверо-западномъ Тибетѣ и скрывался отъ приграничныхъ сторожей, я видѣлъ, что подъ лучами яркаго солнца эти цвѣта образовали поразительно измѣнчивый калейдоскопъ оттѣнковъ; они горѣли ярко-рыже-желтымъ тономъ, переходили въ почти бѣлый, золотисто-орѣховый и глубоко-черный; стадо кіанговъ тогда походило на караванъ людей въ черномъ платьѣ, двигающихся между свѣтлыми нагруженными животными. Тибетцы увѣряютъ, что этихъ животныхъ нельзя приручить, но мнѣ они не кажутся такими дикими. Я невольно думаю, что здѣсь, на родинѣ большихъ дикихъ ословъ, передъ нами прекрасная арена для разведенія муловъ для индійской арміи, спросъ на которыхъ никогда не бываетъ достаточно удовлетворенъ: вѣдь для того, чтобы пополнить ихъ недостаточное число, намъ приходится ежегодно съ громадными издержками обыскивать весь свѣтъ, отпралять агентовъ въ Персію, Испанію, Италію, Китай, Юннанъ и Америку.

Мы все еще двигались черезъ большую равнину, и ничто не нарушало ея унынія, кромѣ стада бродячихъ кіанговъ и окружающихъ частей горъ. Безконечное пространство, засыпанное гравіемъ, поросшее чахлами кустами поблекшей травы, утомляло зрѣніе; монотонность его угнетала духъ. Вѣтеръ, отъ котораго мы такъ счастливо спаслись въ проходѣ, благодаря раннему часу, теперь поднялся и даже въ полдень про-

Черезъ большую равнину Тунь.

никакъ съвозъ наше платье. Позже онъ упалъ, оставивъ послѣ себя неосязаемую пыль, которая дрожала, вися въ свѣтѣ солнца; она создала миражъ, и намъ показалось, что мы видимъ дома Туны; однако, тусклое видѣніе исчезло отъ пристального взгляда на него.

Уже седьмую милю мы шли по сухому пространству равнины, а между тѣмъ не видѣли никакихъ признаковъ Туны, хотя было уже два часа пополудни; поэтому мы начали предполагать, что нашъ проводникъ ошибся относительно разстоянія, можетъ быть, даже и направленія дороги, и что намъ придется заночевать на сухой каменистой равнинѣ, раньше чѣмъ мы успѣемъ добраться до воды или до мѣста, подходящаго для лагеря. Но на восьмой милѣ мы замѣтили верхушку самаго высокаго выбѣленнаго дома Туны, рисовавшуюся надъ горизонтомъ миляхъ въ четырехъ отъ насъ, точно высокій конецъ мачты въ морѣ; этотъ кусокъ плоской возвышенности былъ такъ абсолютно гладокъ, что, благодаря изгибу земли, мы могли видѣть не дальше, чѣмъ изъ маленькой лодки на морѣ.

Въ деревнѣ Туна *) около тридцати жителей, которые извлекаютъ изъ ея каменистыхъ окрестностей средства для своего жалкаго существованія, и она состоитъ изъ трехъ маленькихъ группъ плохихъ домовъ; всего ихъ около дюжины; эти убогія хижины, расположенныя подлѣ южнаго, залитаго солнцемъ, подножія безлѣсной каменистой горы, стоятъ на высотѣ 15.000 ф., т. е. гораздо выше, чѣмъ Фари. Очевидно, въ прежнія времена деревня помѣщалась на берегу большого озера Рхамъ, которое теперь, какъ это видно съ горы, отошло милю на десять дальше; на бывшемъ днѣ кусты грубой согнутой травы, не особенно пригодной для пастбища. Гора изъ желтаго песчаника съ лиловато-сѣрыми полосами известняка опускается на равнину подъ прямыми углами, къ ея продольной плоскости, и такимъ образомъ преграждаетъ видъ на сѣверъ; чтобы взглянуть въ эту сторону намъ приходится взбираться на гору футовъ въ 200 высоты.

Крестьяне донесли, что тибетскія войска стоятъ по близости, хотя нашимъ развѣдчикамъ не удалось видѣть ихъ; и мы остановились подлѣ источника, миляхъ въ двухъ отъ деревни. Здѣсь ночью холодъ былъ такъ великъ, что ни одинъ изъ нашихъ термометровъ не могъ указать его, такъ какъ наше самое низкое дѣленіе находилось не ниже 25° Фаренгейта или 57° ниже точки замерзанія.

На слѣдующій день, 9-го января, мы пошли въ деревню и заняли тамъ наилучшее оборонительное положеніе, окружили постъ траншеями, укрѣпили и обвели волючей проволокой; тутъ за маленькими стѣнками была помѣщена миссія съ эскортомъ изъ 400 ружей, 2 пушекъ, 2 максимовъ; ее обильно снабдили аммуниціей на случай атаки, а также трехнедѣльнымъ запасомъ пищи и топлива. Развѣдочный отрядъ подъ командой капитана Отлея отерылъ въ теченіе дня на сѣверо-западѣ тибетскій лагерь, стоявшій на разстояніи 5 миль отъ насъ и прикрытый связками хвороста. Ихъ

*) Пишется Ду-сна.

лазутчики отступили, не стрѣляя, завидѣвъ нашъ отрядъ. Наши полагали, что количество тибетскихъ солдатъ достигаетъ тысячъ двухъ; это было подтверждено извѣстіями, принесенными намъ нашимъ другомъ, странствующимъ отшельникомъ ламой. Капитанъ Паръ сообщилъ изъ Фари, что наканунѣ нашего выступленія пятеро тибетскихъ чиновниковъ, включая и трехъ враждебныхъ монаховъ, захотѣли исполнить полученный ими ультиматумъ и собрались уѣхать изъ Фари. Поручикъ Грандъ, бывший дежурнымъ, потребовалъ отсрочки ихъ отъѣзда и свиданія съ нашимъ командиромъ форта; въ отвѣтъ на это одинъ изъ монаховъ крикнулъ своему слугѣ какое-то приказаніе, и тотъ ударомъ камня свалилъ Гранда на землю. Нашъ офицеръ упалъ безъ чувствъ. Тогда тибетецъ бросился, схватилъ ружье ошеломленного офицера, а лхасскій дѣпецъ и всѣ другіе бѣшено унеслись черезъ равнину къ тибетскому лагерю, раньше чѣмъ сторожевые гуржи успѣли остановить ихъ. Такъ начались непріязненные дѣйствія; первые напали тибетцы.

На слѣдующее утро, 10-го января, нѣкоторые изъ насъ, поднявшіеся на гору надъ траншеями, увидѣли, что нѣсколько сотенъ тибетскихъ солдатъ двигается отъ своихъ палатокъ къ сѣверу, къ деревнѣ Гуру; тамъ они заняли позиціи, растянувшись на протяженіе миль пяти поперекъ дороги къ Джіантсе, съ цѣлю, какъ намъ донесли крестьяне, преградить движеніе нашей миссіи къ этому городу. Для миссіи, съ ея маленькимъ эскортомъ, было опасно оставаться такъ близко къ тибетской арміи и такъ далеко отъ нашихъ резервовъ въ долинѣ Чумби. Однако, нашъ маленький гарнизонъ былъ увѣренъ въ своей безопасности, и генералъ Макдональдъ въ тотъ же день выступилъ изъ Туны со своей легкой колонной и пустымъ обозомъ; онъ шелъ въ Чумби, съ цѣлю продвинуть изъ Индіи наибольшее количество съѣстныхъ припасовъ для миссіи, для ея эскорта и для движенія въ Джіантсе. Идя такъ налегкѣ, мы въ одинъ день достигли Фари черезъ проходъ Тангъ.

Когда мы проходили черезъ Тангъ подъ холодной неумолимой Чумолхари, нѣкоторые изъ нашихъ погонщиковъ, сраженные безжалостнымъ ледянымъ вѣтромъ, легли на землю и умерли бы въ морозныхъ объятіяхъ „Богини-Владычицы“, если бы ихъ не подыали и не продолжали поддерживать; несчастные люди шатались, какъ пьяные. У насъ на лицахъ кожа облупилась отъ жестокаго вѣтра; всѣ мы нѣсколько дней страдали полной потерей голоса.

Во время нашей двухдневной остановки въ Фари я поднялся на откосъ Чумолхари, на высоту около 19.000 ф., туда, гдѣ ея южные ледники спускаются къ равнинѣ; въ этой пустынной мѣстности мнѣ удалось застрѣлить трехъ козловъ-газелей съ прекрасными рогами ожно 13 дюймовъ длины, золотистую лисицу (уа-мо), длинношерстаго зайца (ри-гонгъ) и видѣть слѣды снѣжнаго леопарда и мускатнаго оленя (ла-уа). Другой отрядъ, пройдя въ долину Кхамбо, на 12 миль къ западу отъ Фари, достигъ горячихъ источниковъ; ихъ тамъ около двѣнадцати и они славятся своими цѣлебными качествами. Говорятъ, что въ нихъ сѣрнистая вода и до того горячая, что ее нужно охлаждать, разбавляя холодной.

Одинъ солдатъ изъ Лхассы бралъ лечебныя ванны и нѣсколько дней занималъ одну изъ нихъ. Надъ резервуарами сдѣланы крыши, а вкругомъ стѣны, чтобы предохранять купальщиковъ отъ холода. Повидимому, источники похожи на близъ лежащія сѣрные ключи Юмтанга, въ 10 миляхъ къ западу, въ сикхимской долинѣ Лачунгъ, температура которыхъ, какъ я нашелъ, достигла 132° Фаренгейта; ихъ анализъ былъ напечатанъ *).

Помощеніемъ миссіи на большой плоской возвышенности Туны была достигнута вторая стадія нашего движенія въ Тибетъ.

ГЛАВА VII.

Зимовна въ Тибетъ.

„Бшь соотвѣтственно съ величиной твоего мѣшка съ запасомъ, ходи согласно съ шириной твоей тропинки“.

Тибетская пословица.

Нашу зимовку во внѣшней части Тибета вызвали двѣ цѣли: наполненіе „мѣшковъ“ достаточнымъ количествомъ пищи для движенія черезъ сотни миль отъ Фари и Туны къ Джантсе и расширеніе и улучшеніе путей. Она закалила насъ въ борьбѣ съ жестокой тибетской зимой, сопровождавшейся всевозможными неудобствами и положительнымъ страданіемъ. Она же помогла нѣкоторымъ изъ насъ подняться на горы, осмотрѣть ихъ тайники и ледники, въ то время какъ генераль Макдональдъ старался держать открытыми длинныя линія сообщенія; ничего не довѣряя судьбѣ, онъ съ тщательной дальновидностью ограждалъ себя отъ различныхъ случайностей и придумывалъ всевозможныя средства, чтобы доставить изъ индійскихъ равнинъ, посреди леденящихъ вѣтровъ и мятущагося снѣга, „сухожилія войны“, существенныя запасы пищи, этого топлива для созданія энергіи, которую предстояло вывезать нашимъ людямъ въ сердца Тибета ради политическихъ цѣлей.

Къ счастью, стояла исключительная мягкая зима для Тибета, по крайней мѣрѣ, такъ говорили туземцы; въ насъ же ея необычайный холодъ вызывалъ воспоминаніе о Нансенѣ въ его арктической полосѣ, потому что температура часто опускалась до 40° Фаренгейта ниже точки замерзанія. Очень долго не начиналось выпаденіе снѣга, къ великому страху суевѣрныхъ тибетцевъ, ламы которыхъ полагали, что его удерживаютъ дьявольскія чары, бросаемыя нашими гелиографами на вершины горъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ тибетскихъ крестьянъ явились въ нашъ лагерь, умоляя насъ позволить пойти снѣгу, который далъ бы пищу ихъ источникамъ и спасъ бы ихъ жатвы въ будущее лѣто. Сверхъестественная сила, придаваемая тибетцами бѣлолицымъ пришельцамъ, конечно, вселяла лишній страхъ въ ихъ суевѣрные умы.

*) „Въ Гималаяхъ“, мое сочиненіе.

Въ декабрѣ и въ первыхъ числахъ января, до начала жестокихъ вѣтровъ, нижняя часть долины Чумби представляла собой очень пріятное мѣстопребываніе во время большей части дня. Свѣтлое, безоблачное небо, нѣсколько часовъ теплаго солнца, свѣжій бодрящій воздухъ, вливая который мы послѣ окончанія занятій бродили по рѣвѣ и по откосамъ горъ, чтобы снимать фотографіи или набрасывать эскизы, все вмѣстѣ дѣлало жизнь вполне выносимой, хотя каждую ночь мы почти замерзали въ нашихъ палаткахъ.

Между тѣмъ въ Фари и Тунѣ наши мерзли въ мѣхахъ и вели самое жалкое существованіе; ихъ мучилъ дымъ костровъ изъ кизяка, терзалъ холодъ и ледяной вѣтеръ, который почти безъ перерыва дулъ цѣлый день. У тѣхъ, кто переправлялся черезъ высокіе проходы Тангъ и Желепъ, особенно черезъ первый изъ нихъ, кожа на лицѣ облупилась, благодаря ураганамъ, полнымъ ледяной пыли, песка и гравія; ихъ порывы также причиняли потерю голоса и хрипоту, продолжавшуюся много недѣль. Всѣ страдали хрипотой, такъ что голоса офицеровъ при командѣ очень походили на сильные крики стараго моряка посреди шкваловъ.

Живя въ палаткахъ при этой арктической погодѣ, мы придумывали различныя средства не впускать къ себѣ холода, ледяное дыханіе котораго спускалось на насъ съвозъ крышу, проникало въ дверь, въ каждую щель и дырочку. Даже когда всѣ отверстія зашили, холодъ шелъ отъ замерзшаго грунта, вливался въ петли нашихъ суконныхъ стѣнъ, несмотря на ограды изъ дерна или камней, которыя мы выстроили, чтобы защищаться отъ вѣтра. Желая хоть частью избѣжать его ледяного дуновенія, которое было мучительнѣе простаго холода, многіе вырывали глубокіе колодцы въ замерзшей землѣ, внутри своихъ палатокъ. Мы нашли, что, несмотря на тонкость, лучше всего ограждаютъ отъ вѣтра палатки въ формѣ колоколовъ, потому что въ нихъ нѣтъ прямыхъ стѣнъ или острыхъ угловъ, которые захватывали бы воздухъ (то же достоинство у нашихъ „кабулокъ“), онѣ разбиваютъ вѣтеръ и онѣ скользятъ по нимъ. Тибетскій родъ палатокъ, сдѣланныхъ, очевидно, для этой же цѣли съ очень покатыми стѣнками, также хороши.

Никто не могъ прибѣгать къ какимъ бы то ни было искусственнымъ средствамъ согрѣванія, внутри палатки. Печекъ нельзя было привезти, изъ-за ихъ вѣса, если бы даже и нашлось подходящее топливо, а дымъ костра кизяка былъ нестерпимъ. Итакъ, намъ оставалось возбуждать въ себѣ теплоту только лишней теплой одеждой. Даже въ Чумби всѣ ходили въ мѣхахъ, солдаты обувались въ длинныя валенки, надѣвали овчинныя куртки и балаклавскія шапки, согрѣвавшія виски.

Непріятности начинались на разсвѣтѣ, когда бѣдный, дрожащій слуга расшнуровывалъ дверь вашей палатки и, впуская порывъ ледяного воздуха, приносилъ вамъ утреннюю чашку горячаго чая, который онъ съ трудомъ заваривалъ внѣ палатки, на холоду. Вамъ, лежавшему въ мѣшкѣ, высунувъ только кончикъ почти обледенѣлаго носа изъ балаклавки, съ усами, примерзшими къ подушкѣ,

благодаря льдинкамъ замороженнаго дыханія, приходилось употреблять нравственное усиліе, чтобы вынуть руку изъ-подъ байковаго мѣшка и взять чашку сейчасъ же, какъ только ее принесли, потому что, благодаря самому короткому колебанію, вы лишались горячаго чая и вмѣсто него получали только кусокъ коричневаго льда. Зная это по опыту, вы себя подбадривали и вытаскивали руку. Когда горячій напитокъ немного согрѣвалъ васъ, вы быстро вылѣзали изъ мѣшка и наскоро накидывали на себя еще какое-нибудь платье; вмѣстѣ съ очень толстой наружной курткой, шарфомъ и перчатками оно дополняло одѣваніе, потому что нието и не думалъ употреблять воду для туалета, пока солнце не поднималось высоко и замерзшая вода не оттаивала. Солнце не касалось насъ въ Чумби раньше 9 часовъ утра, такъ какъ нашъ лагерь располагался подъ высокимъ выступомъ горы.

Послѣ завтрака, въ 8 часовъ утра, начинались дневныя занятія; въ канцеляріи приходилось писать замерзшими чернилами и оцѣмѣвшими пальцами. Около полудня поднимался пронзительный вѣтеръ и, набираясь силы, почти каждый день приносилъ вихри пыли, которая всюду проникала, покрывала слоемъ пищу, попадала въ глаза, колола лицо и причиняла жестокую боль въ растрескавшихся пальцахъ; такъ продолжалось до захода солнца. Тогда, послѣ ранняго обѣда, наступала минута великаго общественнаго событія; каждый, принося съ собой свой собственный походный стулъ, приходилъ къ большому костру, если лагерь былъ въ полѣ льса; тутъ подъ сіяющими звѣздами закаленные воины, почернѣвшіе и бородатые (такъ какъ уже всѣ давно перестали бриться) проводили пріятные полчаса въ веселой бесѣдѣ и болтовнѣ; лучи огня освѣщали ихъ лица, облупившіяся и растрескавшіяся отъ ледянаго дыханія. Многія изъ застольныхъ компаній выстроили шалаши изъ дерна или камней и зажигали въ нихъ хворостъ, чтобы наслаждаться роскошью огня днемъ; они окрестили ихъ „изумрудная комната“ (не потому чтобы она была зеленой, но въ честь дублинскихъ уроженцевъ, занимавшихъ ее), „жители погребѣ“ и т. д. Но такъ какъ огонь былъ съ одной стороны, подлѣ него могло собираться меньше народа, чѣмъ кругомъ костровъ, заживавшихся на открытомъ воздухѣ. Около девяти часовъ вечера возраставшій холодъ заставлялъ насъ идти въ темнотѣ къ палаткамъ. По дорогѣ обыкновенно раздавался вопросъ часового: „Кто идетъ?“. И отвѣтъ: „Другъ“.

Потомъ восклицаніе: „Проходи, другъ! Все хорошо!“ все еще звучало въ ушахъ подходившаго къ палаткѣ. Здѣсь, сбросивъ на сѣвшій снѣгъ и входя къ себѣ, вы спичкой зажигали огарокъ свѣчи, зашнуровывали дверь и, только перемѣнивъ сапоги на овчинныя карпетки, надвинувъ балаклаву и посмотрѣвъ, открыть ли вашъ спальный мѣшокъ, задували драгоцѣнный огарокъ (которому предстояло служить цѣлую недѣлю) и, дрожа, со стучащими зубами ползли въ мѣшокъ. Даже тотъ, кто не привезъ съ собою мѣшка Легера, устроилъ себѣ его, сшивъ байковыя одѣяла. Мѣшокъ представлялъ собою истинную необходимость, потому что, какъ бы вы ни кутались въ одѣяла, вы не могли избѣжать

маленькихъ щелокъ, а малѣйшее движеніе во снѣ, которое обнажило бы вашу руку, ногу или грудь, влекло бы отмороженіе или воспаленіе легкихъ. Даже посреди одѣяль, въ мѣшкѣ, плотно застегнутомъ до шеи, безо всякихъ щелочекъ гдѣ бы то ни было, иногда бывало невозможно заснуть въ теченіе многихъ часовъ, изъ-за охолодѣвшихъ ногъ. Такова была ежедневная рутина многихъ изъ насъ въ теченіе долгихъ недѣль.

Тишина этого убійственнаго царства мороза казалась унылой. За шумной рѣкой, въ лѣсахъ и на прогалинахъ не доставало говора и плесканія болѣе мелкихъ потоковъ, замолкшихъ подо льдомъ. Базалось, вся природа спала. Не слышалось жужжанія насѣкомыхъ или голосовъ птицъ и животныхъ. Почти не встрѣчалось другихъ птицъ, кромѣ здѣшнихъ веселыхъ красногрудокъ, замѣнившихъ рѣполововъ, щеголеватыхъ красноногихъ галокъ, парящихъ орловъ и блѣдныхъ снѣжныхъ голубей, пролетавшихъ надъ долиной къ своимъ гнѣздамъ въ скалахъ, когда солнце заходило за горы, оставляя быстро мѣняющіеся багровые и опаловые оттѣнки на обвѣтренныхъ камняхъ и окрашивая ихъ въ розовато-лиловые тона, которые посреди холоднаго полусвѣта скоро превращались въ стально-сѣрые.

Причуды короля-мороза придавали своеобразное очарованіе ландшафту. Кругомъ нашихъ палатокъ его войска морозныхъ волшебницъ украшали своими ледяными пальчиками мертвые почернѣвшіе цвѣты, листья, былинки и стебли травъ красивыми новыми цвѣтущими формами, осыпали ихъ сіяющими драгоценностями, которыя показывали граціозные контуры травъ и изгибы листьевъ. Онѣ превращали иглы сосны и можжевельника въ ряды бриллиантовой росы, а стволы шиповника, розовыхъ кустовъ и зарослей рододендроновъ — въ сверкающія перья съ нѣжными кружевами изъ нанизанной жемчужной бахромы и звѣздообразныхъ блестокъ; эти летучія драгоценности мороза измѣняли свои очертанія подъ свѣтомъ солнца, пока вы смотрѣли на нихъ. Когда бѣгущіе потоки, черезъ которые духи мороза не могли пройти, останавливали ихъ, гени холода дѣлали мосты изъ скачущихъ водопадовъ, дун на нихъ, дыханіемъ превращали струи въ ленты благаго льда, которыя повсюду свѣшивались со скалъ и съ горъ кругомъ насъ. Однако, переходя черезъ нѣкоторые изъ болѣе широкихъ замерзшихъ потоковъ, вы все еще слышали журчащій шепотъ сочащейся воды, которая пробиралась, продѣлывая себѣ дорогу.

Долго не шедшій снѣгъ началъ падать только въ концѣ января. Его предвѣстникомъ явился холодный туманъ, который проползъ вверхъ по долинѣ и закрылъ вершины горъ какъ бы покровомъ бурныхъ тучъ. Послѣ грома и молніи началъ падать тяжелый снѣгъ; мы всѣ радостно встрѣтили его, такъ какъ онъ говорилъ о пріятномъ освобожденіи отъ раздражающихъ пыльныхъ бурь. Благодаря ему, также значительно уменьшился холодъ. Снѣгъ образовалъ въ проходахъ слой въ нѣсколько футовъ, покрылъ сосновые лѣса, гдѣ онъ сломилъ много вѣтовъ, распространился до самой глубины долины и обыкновенно смѣшивался здѣсь съ грязью, но все же на нѣсколько дней окутывалъ ландшафтъ бѣ-

лой пеленой. Тѣмъ не менѣе онъ остановилъ движеніе, даже черезъ проходы, не больше чѣмъ на одинъ или на два дня, потому что сбѣняющіеся отряды кулиевъ скидывали его съ дорожекъ или притоптывали его. Въ сущности снѣгъ даже улучшилъ нѣкоторыя части скалистыхъ пространствъ дороги, наполнивъ промежутки между острыми краями камней. Падая на бѣгущую рѣку, онъ, тамъ, гдѣ ея теченіе было небыстро, смерзся въ большія массы и, сплотившись надъ препятствіями, образовалъ крѣпкіе снѣжные мосты или переходы, что, безъ сомнѣнія, составляло первый шагъ къ замерзанію рѣки. Крестьяне сочли выпавшій тяжелый градъ съ очень большими плоскими градинами, достигавшими дюйма въ діаметръ, признакомъ неудовольствія своего демона; снѣгъ же ихъ радовалъ. Я прошелъ черезъ Джелепъ 1-го февраля во время метели, а черезъ Нату (14.300 ф.) во время несильной снѣжной бури, 24-го февраля. На два перехода ниже Нату тающій снѣгъ образовалъ грязную, замерзающую слякоть, поднимающуюся почти до колѣна, по которой оковенѣлые люди и мулы подвигались съ трудомъ. Черезъ нѣсколько дней на грязную, покрытую слякотью дорогу сдѣлали настилку, т. е. положили бревна другъ подлѣ друга по ледянистой грязи, чтобы дать болѣе твердую опору ногамъ. Ближе къ проходу тропинки вдоль пропастей представляли собою полосы льда, на которомъ приходилось дѣлать зазубрины и вырубать ступени топорами.

У насъ, въ долинѣ Чумби, стояла истинно англійская февральская погода съ потоками грязи; въ мартѣ часто шли проливные дожди съ бурями града который страшно бичевалъ налпн палатки. Въ это время у насъ явилось печальное развлеченіе: мы сообщали другъ другу, что стоитъ такая-то температура или была такая-то и такая въ такомъ-то мѣстѣ, или что въ это утро на Джелепѣ выпалъ слой снѣга въ 33 дюйма. Вечеромъ мы съ фонарями въ рукахъ брели по грязному снѣгу къ полевому почтамту, чтобы узнать, пришли ли письма, такъ какъ, благодаря великолѣпному устройству почты подъ начальствомъ м-ра Тьюлока, мы пользовались роскошью: каждый вечеръ получали въ Чумби письма (на слѣдующее утро они достигали Фари), шедшія два съ половиной дня изъ Калькутты, и разъ въ недѣлю—изъ Лондона, приходившія на 18-ый день, несмотря на громадныя физическія трудности пути, по которому почтальоны спѣшили день и ночь, дѣлая 100 миль отъ Силигури по горамъ и переправляясь черезъ проходъ Джелепъ, часто во время метелей или вдоль пропастей въ темнотѣ. Все это принималось за должное, многіе изъ насъ жаловались, если почта запаздывала минутъ на десять. Благодаря м-ру Тѣрингеру, телеграфъ также соединялъ Чумби, Фари и всѣ военные посылы линіи съ Индией, принося намъ вѣсти изъ Калькутты черезъ нѣсколько минутъ, а изъ Лондона черезъ часъ; весной телеграфная линія была продолжена черезъ проходъ Тангъ до Туны, на большой равнинѣ. Заботами м-ра Грина изъ министерства общественныхъ работъ вдоль линіи соединенія построили удобныя хижины для защиты отъ трудностей немилосердной дороги на высокихъ постахъ; онѣ служили госпиталями; воздвигли также и ба-

раки; въ Чумби устроили еще деревянные навѣсы для того, чтобы защищать склады муки и т. д. отъ дождя и снѣга. Нашей благодарности заслуживала также предприимчивая фирма калькуттскихъ купцовъ Маданъ и К°, которые открыли бакалейные склады въ Рангпо, Гнатонгъ и Чумби.

Съ половины марта снѣга стало выпадать меньше, но вверху клубились большія массы облаковъ тумана, которыми закрывали контуры горъ. Когда туманы поднимались, свиваясь точно сѣрая завѣса дыма, или таяли, образуя тонкія тучки, на деревьяхъ и горахъ оказывался свѣжій слой ледяныхъ кристалловъ, образованныхъ замерзшими парами. Иглы льда съ каждымъ днемъ все вырастали подъ покровами проходившихъ облаковъ тумана, напоминая ростъ большого кристалла въ сильномъ растворѣ соли. Наконецъ онѣ стали походять на лезвія ножей, острія копій или на чешую гигантской рыбы. Обыкновенно снѣгъ сходилъ съ болѣе низкихъ горъ съ изумительной быстротой театральнаго эффекта. За ночь являлся тяжелый слой снѣга и на разсвѣтѣ напоминалъ бѣлый незапятнанный покровъ; при восходѣ солнца все скрывалось подъ легкой пеленой тумана, который вскорѣ загибался и катился вверхъ по горамъ и, наконецъ поднимался къ небу, открывая уже не бѣлоснѣжные, а темные контуры горъ безъ пятенъ снѣга; снѣгъ видѣлся только въ долинахъ, хотя за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ все окутывала бѣлая мантия.

Снѣгъ согналъ съ горъ большое количество дичи на болѣе низкій уровень, гдѣ можно было видѣть ее. Какъ говорить тибетская поговорка: „Вы можете судить о толщинѣ слоя снѣга въ проходѣ по крику снѣжнаго пѣтуха внизу“.

Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ изъ насъ подняться въ сосновые лѣса, отыскивая большого тибетскаго оленя „шао“, котораго до тѣхъ поръ никогда не видѣли и не убивали европейцы; мы узнали о его существованіи здѣсь, когда китайскій генералъ Чао въ видѣ отборнаго лакомства прислалъ его мясо и ноги въ подарокъ генералу Макдональду. Съ цѣлью охоты я заручился помощью туземнаго охотника на мускатнаго оленя долины, хорошо знавшаго горныя тропинки и привычки дичи, и, назначивъ одно утро, собрался отправиться съ нимъ. Когда все было готово, мой охотникъ-проводникъ, одѣтый въ косматую мѣховую куртку, прибѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что намъ нельзя идти въ этотъ день. „Потому что,—сказалъ онъ,—едва я вышелъ изъ дому, какъ встрѣтилъ старуху въ лохмотьяхъ, которая несла пустую корзину, а это самая несчастная примѣта“. И онъ попросилъ меня отложить нашу охоту до слѣдующаго дня. Я не торопился, зная по опыту, что примѣты и предвѣстія такъ же вліяютъ на тибетцевъ, какъ они дѣйствовали на суевѣрныхъ мужиковъ Европы въ Средніе вѣка, и что, благодаря дурному признаку, все предпріятіе будетъ испорчено; итакъ, я рѣшилъ согласиться съ нимъ и отложить нашу охоту до болѣе счастливаго дня. Я спросилъ его, почему человекъ съ пустой корзиной дурное предвѣстіе, и онъ нарасспѣвъ перечислилъ хорошія и дурныя примѣты во время пути: „Въ пути обращай вниманіе на всѣ примѣты.

„Если, пустившись въ путь, ты встрѣтишь кого-нибудь, мужчину или женщину, въ хорошемъ платьѣ, съ украшеніями, съ полнымъ сосудомъ съ зерномъ, съ травой, топливомъ, или увидишь человѣка, водружающаго флагъ, играющаго на цимбалахъ, или хорошо одѣтую женщину, несущую ребенка, молоко, творогъ, воду или масло, или женщину, которая встрѣтитъ тебя добрыми словами, или кого-нибудь идущаго верхомъ, или одѣтаго въ новую одежду или несущаго трупъ—это добрая примѣта.

„Но если ты встрѣтишь кого-нибудь въ дурныхъ украшеніяхъ, или въ старомъ платьѣ, или въ изношенныхъ сапогахъ, или съ пустымъ сосудомъ, или съ пустыми ножнами, или идущаго съ пустыми руками или съ пустымъ сѣдломъ, или бѣдняга, или нищаго, или кого-нибудь просящаго милостыню, или требующаго возвращенія долга, или говорящаго невѣжливыя слова, или употребляющаго дурной языкъ, или съ завязанными назадъ руками—это дурныя примѣты.

„Если ты встрѣтишь кого-нибудь несущаго оружіе, или одѣтаго въ броню, или увидишь спорящихъ, дерущихся, или кого-нибудь несущаго факель или кусокъ мяса—это значитъ, тебя ожидаетъ судебный процессъ или споръ.

„Если ты встрѣтишь глухого, слѣплого или хромого, или глухаго—твой больной умретъ.

„Видѣть кого-нибудь, кто печалится, плачетъ или рветъ на себѣ волосы, для тебя дурно, если ты вдовецъ или вдова.

„Встрѣтить врага или дикое животное—дурно.

„Вѣтеръ, снѣгъ или дождь означаютъ потерю пищи и собственности.

„Видѣть безобразнаго мальчика—дурно.

„Если за тобой идетъ священникъ, ты будешь проклятъ и околдованъ злыми духами и ограбленъ разбойниками.

„Видѣть убійство или дикихъ звѣрей, преслѣдуемыхъ собакой, или пройти мимо мертваго тѣла, лежащаго на землѣ,—дурно.

„Встрѣтить кого-нибудь несущаго камни, ведущаго невѣсту или животное подъ ярмомъ, или страдающаго отъ зоба—означаетъ обманъ и потерю; царь дьяволовъ оскорбитъ охраняющаго тебя добраго духа, а потому плюнь на него.

„Если ты встрѣтишь животное, которое идетъ слѣва направо, это хорошая примѣта; если оно идетъ справа налево—это скорѣй нехорошо; если оно покажется въ глубинѣ долины—это дурно.

„Если ворона каркаетъ справа отъ тебя или на стѣнѣ, или на берегу рѣки, или на деревѣ, или въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ сходятся четыре дороги,—твое путешествіе будетъ удачно.

„Если ворона каркаетъ за тобой, когда ты увѣренно идешь по дорогѣ, это хорошо.

„Если она хлопаетъ крыльями и каркаетъ, тебя ждетъ большая опасность.

„Если она чиститъ перья и каркаетъ—это признакъ смерти.

„Если она влѣкаетъ пищу и каркаетъ, ты получишь на дорогѣ пищу.

„Если она каркаетъ съ волючаго куста, твои враги замышляютъ зло.

„Если она каркаетъ съ хорошаго дома, ты найдешь хорошее помѣщеніе.

„Если она смотритъ на дверь и каркаетъ, съ тобой случится бѣда.

„Если она сидитъ на плугѣ и каркаетъ—это признакъ смерти.

„Если она каркаетъ съ вершины дома, съ бѣлой ниткой во рту—домъ сгоритъ.

„Множество воронъ, собирающихся рано утромъ, предвѣщаютъ вѣтеръ.

„Если ворона каркаетъ на восходѣ, твои желанія исполнятся“.

Значеніе предвѣстій измѣняется съ теченіемъ пути.

„Хорошее предвѣстіе лучше въ началѣ путешествія; оно менѣе хорошо, хотя не дурно въ серединѣ, лучше въ концѣ.

„Дурное предвѣстіе, встрѣченное въ началѣ пути, ослабляетъ удачу, но неудачъ могутъ позже воспротиводѣйствовать хорошія примѣты или помощь священника.

„Въ пути обращай вниманіе на всѣ примѣты“.

На слѣдующій день примѣты оказались благопріятнѣе, и мы отравились на охоту, но, проходя по большой дорогѣ, старались избѣгать встрѣчи съ какими-нибудь изъ упомянутыхъ выше недобрыхъ предвѣстій. Мы вскорѣ сошли съ большого тракта, пересѣкли замороженный потокъ, свернули на узкую повышавшуюся долину, погрузились въ уединеніе темнаго сосноваго лѣса и стали карабкаться по крутымъ откосамъ горы, хватаясь за узловатые корни и вьющіяся растенія. Во время подъема мы увидѣли многочисленныя слѣды большого оленя, тамъ, гдѣ онъ сходилъ на водопой къ рѣкѣ; нѣкоторые изъ нихъ были совсѣмъ свѣжи. Потомъ мы спугнули нѣсколько синихъ фазановъ, которые понесли внизъ съ веселымъ крикомъ, а также множество кровавыхъ фазановъ и видѣли поставленные для нихъ горцами силки. Силки эти состояли изъ низкихъ загородей, сдѣланныхъ изъ гладкихъ палочекъ, преграждавшихъ тѣ мѣста, гдѣ пробѣгаютъ фазаны, и встрѣчавшихся подъ угломъ; тутъ было свободное пространство, а въ немъ помѣщалось много петель, въ которыхъ птицы душили себя или, пробѣгая, запутывались ногами. На высотѣ около 13.000 ф., т. е. на 2.000 ф. выше того мѣста, съ котораго начался нашъ путь, крутой подъемъ окончился, и мы, какъ Джекъ, влѣзшій на стебель боба, очутились въ новой странѣ, въ великолѣпномъ альпійскомъ мѣрѣ съ открытымъ волнующимся лѣсомъ березъ, рододендроновъ, можжевельника и сосенъ, иногда прерывавшимся полосами травянистыхъ лужковъ и пастбищъ съ замерзшими остатками дикихъ лѣтвовъ, которые лѣтомъ какъ ковромъ усѣиваютъ поляны. Со всѣхъ сторонъ открывались виды на случайныя маленькія прудки, теперь покрытыя льдомъ, а надъ крутыми, одѣтыми соснами утесами величественно высились чистыя вершины въ свѣжыхъ шапкахъ. Таковъ былъ великолѣпный пріютъ „шао“. Въ долинахъ, свободныхъ отъ перепутаннаго лѣса, пасутся эти большія рогатыя животныя. Мы пошли по свѣжему слѣду шао, то поднимаясь, то спускаясь, посреди зарослей любимой пищи этого оленя, т. е. граціозной, перистой карликовой бамбукообраз-

ной травы, носящей названіе рингаль (*Dendrocalamus hamiltonii*). Тутъ надо сказать, что на эту тростниковую, перистообразную былинку имѣется большой спросъ, такъ какъ ламы дѣлаютъ изъ нея ручки для перьевъ. На этотъ разъ намъ не посчастливилось увидѣть хоть одного шао. Очевидно, стадо ушло къ лугу Лингмо, лежащему въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, потому что тамъ черезъ нѣсколько дней майоръ Уалласъ Денлошъ изъ отряда пионеровъ застрѣлилъ прекраснаго оленя, сдѣлавшись первымъ европейцемъ, убившимъ это животное, такъ какъ прежде шао убивали только мѣстные охотники. Черезъ нѣсколько недѣль въ лагерь нашей верховой инфантеріи, въ Лингмо, пришло цѣлое стадо шао, и двухъ изъ нихъ поймали. Этотъ великолѣпный олень, вышиной въ 12 локтей, немного похожъ на кашмирскія породы, но его рога лучше и больше; они достигаютъ болѣе 4 футовъ и ихъ немного распущенные стволы до извѣстной степени сближаютъ шао съ лосемъ и вапити. Хотя шао называли „сикхимскимъ оленемъ“, онъ не встрѣчается въ Сикхимѣ и ошибочнымъ образомъ получилъ это названіе только потому, что тамъ иногда доставали его рога. Его западная граница долина Чумби; отсюда онъ распространяется на востокъ черезъ верхнія долины Бхотала до тибетскихъ границъ Китая, гдѣ аббатъ Дегоденъ упоминалъ о немъ, говоря, что шао встрѣчали близъ Дарчендо (Тачиенлу китайцевъ). Говорятъ, въ долину Чумби у него въ апрѣлѣ рождаются маленькіе.

Спускаясь къ лагерю, я застрѣлилъ нѣсколько кровавыхъ фазановъ, очень обыкновенныхъ въ полосѣ 11.000 и 12.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Они получили свое названіе отъ того, что у самца на груди разсыяны большія кроваво-красныя пятна по нѣжному свѣтло-зеленому фону. Эти цвѣта необыкновенно разсчитаны на то, чтобы помогать птицѣ скрываться посреди ея любимыхъ мѣстъ жительства, а именно въ гранитныхъ скалахъ, поросшихъ свѣтло-зелеными лишаями, которые чередуются съ порослями темно-краснаго гриба. Они рѣдко летаютъ, чаще быстро бѣгаютъ и прячутся въ камняхъ. Ниже, подлѣ берега рѣки, я застрѣлилъ хохлатаго коричневаго фазана съ бѣлыми пятнышками или трагопана, котораго тибетцы называютъ бапъ. Это птица джунглы, здѣсь встрѣчается рѣжѣ, чѣмъ въ Сикхимѣ.

Въ концѣ февраля надъ долиною Чумби стали пролетать утки, гуси и другія водяныя птицы, переселявшіяся изъ долинъ Индіи въ Тибетъ для вывода птенцовъ. Онѣ опускались на заводи, на рѣку и на долину Лингмо, показывая намъ, что зима подходитъ къ концу, хотя 11-го марта въ Чумби и въ Фари термометръ все еще показывалъ въ первомъ 31°, во второмъ 45° Фаренгейта ниже нуля.

Въ теченіе зимы самая низкая температура была въ Чуджи, близъ прохода Тангъ, гдѣ въ ночь на 7-е января термометръ показалъ 26° Фаренгейта или 58° мороза, въ Тунѣ на слѣдующую ночь, гдѣ было записано 17°, и въ Фарѣ 15°. Такая очень низкая температура, какъ и на сѣверѣ Китая, была совершенно выносима безъ вѣтра, когда же онъ начиналъ дуть, страданіе отъ холода становилось ужаснымъ, хотя термометръ слегка поднимался. Въ-

роятно, это зависѣло оттого, что живое тѣло въ тихую погоду окружаетъ себя защитительнымъ слоемъ или оболочкой теплаго воздуха, который, когда налетаетъ вѣтеръ, уносится, причемъ холодъ прямо поражаетъ тѣло и доставляетъ ему жестокое страданіе.

Несмотря на постоянный большой зимній холодъ и на разреженный воздухъ высотъ отъ 10.000 до 15.000 и больше футовъ надъ уровнемъ моря, общее здоровье сохранилось замѣчательно хорошо. Понятно, для этой экспедиціи были выбраны подходящіе люди, такъ какъ непригодныхъ удалили послѣ медицинскаго осмотра передъ выступленіемъ изъ Индіи, а затѣмъ, въ силу процесса естественнаго выбора, наиболѣе слабыя вскорѣ отпали, а слѣдовательно выдержавшіе представляли собой самыхъ пригодныхъ изъ пригодныхъ, оставшихся въ живыхъ.

Когда мы впервые поднялись изъ долинъ на эти холодныя вы-

соты, солдаты, большая часть которыхъ никогда не испытывала мороза, нѣсколько дней дрожали и были полупарализованы. Вскорѣ тѣ изъ нихъ, которые не замучились, совершенно закалились. Продолжая все еще чувствовать холодъ, они дѣлали свое дѣло и героически выносили страданія. Транспортщики и ихъ эскорты ежедневно совершали большіе переходы черезъ горы, надъ которыми бушевалъ вѣтеръ; мадрасскіе и бенгальскіе саперы и минеры, — „минеры страдальцы“, какъ они называли себя, — ежедневно скидывали на плечи мотыги и лопаты и отправлялись строить дороги и мосты въ сопровожденіи сикхимскихъ пионеровъ; часовые и пикеты исполняли свои обязанности подъ непогодой, въ теченіе цѣлой ужасной ночи, но ни изъ однихъ устъ не вырывалось ропота.

Результатами постоянного холода и пребыванія на высотахъ главнымъ образомъ являлись воспаленіе легкихъ, отмороженія и горная болѣзнь. Воспаленіе легкихъ большею частью и наиболѣе роковымъ образомъ поражало людей, которымъ приходилось исполнять обязанности часовыхъ и стоять въ пикетахъ ночью, когда морозъ бывалъ

особенно силенъ. Хотя разряженный воздухъ высокихъ областей предрасполагаетъ къ этой болѣзни, такъ какъ уменьшенное атмосферическое давленіе позволяло крови приливать къ поверхности легкихъ и такимъ образомъ способствовало наполненію ихъ кровью, въ то время какъ имъ приходилось работать быстрѣе, вслѣдствіе недостатка кислорода въ извѣстномъ количествѣ воздуха, однако, было найдено, что пребываніе на холодѣ не составляло главнѣйшаго фактора этой болѣзни. Такъ какъ лицо, пораженное воспаленіемъ легкихъ, по большей части, умираетъ отъ недостатка кислорода, изъ Индіи прислали цилиндры съ этимъ газомъ для леченія заболѣвшихъ. Отмороженія были не такъ часты и не такъ сильны, какъ мы ожидали. Обыкновенно отмораживались пальцы и ноги, но несильно; главнымъ образомъ этимъ страдали транспортщики, пренебрегавшіе медицинскими средствами для предупрежденія бѣды. Роковой исходъ имѣли только два отмороженія; въ одномъ случаѣ почтовый чиновникъ, цѣлый день сидѣвшій за конторкой, своей позой совсѣмъ пресѣкъ движеніе крови и умеръ отъ гангрены ногъ. Какъ это ни кажется парадоксально, но большая часть случаевъ отмороженія являлась слѣдствіемъ обжоговъ, когда замерзшіе члены пододвигались слишкомъ близко къ огню. Снѣжная слѣпота причинила намъ очень мало хлопотъ, потому что у всѣхъ были зеленые и дымчатые очки. Такъ какъ эта болѣзнь происходитъ вслѣдствіе прилива крови къ соединительной оболочкѣ, покрывающей глазное яблоко, слѣдуетъ упомянуть о средствѣ, которое въ этомъ случаѣ примѣнялъ капитанъ Келли, членъ индійскаго медицинскаго управленія, а именно, онъ употреблялъ адреналинъ, такое вязущее средство, которое сразу очищаетъ всякую наполненную кровью поверхность. Хрипотю и болью горла въ большей или меньшей степени страдали всѣ. Обыкновенно эта болѣзнь скоро проходила, но у лицъ, подвергавшихся холоду высокихъ проходовъ и дышавшихъ ѣдимымъ дымомъ визяковыхъ костровъ, хрипота затягивалась на нѣсколько недѣль даже послѣ того, какъ они переходили въ другое мѣсто. Почти каждый въ большей или меньшей степени испыталъ горную болѣзнь на высотахъ, въ формѣ головной боли и тошноты, иногда со рвотой. Физиологическіе опыты въ лабораторіи показали, что механическія послѣдствія уменьшеннаго атмосферическаго давленія на живое тѣло состоятъ только въ измѣненіи количества газовъ, заключающихся въ крови, и самымъ незначительнымъ образомъ нарушаютъ дыханіе и кровообращеніе, если данное лицо находится въ покоѣ *). Поэтому головную боль и ощущеніе мускульной усталости на большихъ высотахъ, вѣроятно, производили пониженія температуры атмосферы и крайнее напряженіе силъ въ разряженномъ воздухѣ. Чтобы видѣть, насколько отъ подъемовъ расширяется

*) Нѣсколько разъ производились опыты надъ людьми и животными и показали, что быстрое измѣненіе атмосферическаго давленія отъ 760 мм. до 400 мм. или даже 300 мм. (что приблизительно равняется паденію барометра на 14,18 дюймовъ и 13,12 дюймовъ), когда человекъ находится въ покоѣ, производятъ очень мало перемѣнъ въ дыхательномъ и циркулятивномъ механизмѣ и не сопровождается никакими симптомами.

грудь, дѣлали серіи измѣреній жителей долинъ до поднятія на горы и послѣ. Горная болѣзнь, безъ сомнѣнія, причиняется несвареніемъ желудка, отеуда, вѣроятно, явился обычай горцевъ жевать гвоздику или имбирь на высокихъ проходахъ. Мы нашли, что самымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ былъ фенацетинъ въ водкѣ и слабительныя; въ наиболѣе упорныхъ случаяхъ больному слѣдовало поскорѣ спуститься ниже. Частые случаи несваренія желудка, главнымъ образомъ, происходили отъ плохой кухни, причиной которой частью служила поспѣшность, главнымъ же образомъ, недостаточность топлива и пониженная точка кипѣнія воды; падая приблизительно на 2 дѣленія съ каждой тысячею футовъ, она иногда достигала 180° Фаренгейта, а это недостаточная температура для того, чтобы заставить лопнуть крахмальныя зерна риса,

Весна въ долині Чумби.

картофеля и гороха. Даже мясо должно было долго вариться, чтобы его фибры размягчились, но это часто оказывалось невозможнымъ, и тогда оно заслуживало своего титула „сухожилій войны“. Слуцаевъ цынги не было совсѣмъ, хотя порой было невозможно достать свѣжей растительной пищи, а отъ сока лимона или апельсина, выдававшагося солдатамъ, они постоянно отказывались, прося вмѣсто того рома. Отсутствие цынги при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, зависѣло отъ того, что свѣжее мясо раздавалось въ теченіе всей кампаніи. Безъ сомнѣнія, организмъ требовалъ больше сахара и жира въ формѣ масла; поэтому въ самыхъ холодныхъ постахъ, на медицинскихъ основаніяхъ, пришлось увеличить обыкновенныя порціи этихъ веществъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ изъ любопытныхъ результатовъ холода, а именно о его вліяніи на рѣчь людей. Особенность языка тибетцевъ, также какъ русскихъ и другихъ сѣверныхъ націй, состоитъ въ замѣчательно маломъ количествѣ гласныхъ

и въ необыкновенно большомъ количествѣ согласныхъ; примѣръ тибетское названіе Сикхима „Хбраслджонгс“. Тибетскія слова до того наполнены согласными, что ихъ можно произносить съ полукрытымъ ртомъ, очевидно вслѣдствіе вынужденной необходимости, по возможности, закрывать губы при разговорѣ, защищаясь съ рѣжущаго холода *).

Суровость зимы начала уменьшаться съ началомъ тибетскаго новаго года, который гораздо больше нашего совпадаетъ съ естественнымъ раздѣленіемъ календаря. Ихъ новый годъ начинается съ началомъ весны, когда природа просыпается къ новой жизни послѣ долгаго зимняго сна. Въ этомъ году онъ пришелся на половину февраля, и новогоднія празднества продолжались десять дней. Его наступленіе послужило поводомъ для большого веселья, цѣлаго карнавала яркихъ цвѣтовъ и развлеченій, которыя привлекли жителей изъ всѣхъ деревень; одѣтые въ лучшее платье, они долго танцевали, пѣли и пили. Нѣкоторыя женщины по случаю весны вымыли лица, и тогда открылось, что у большей части изъ нихъ розовыя щеки. Поставили новые молитвенные флаги на шестахъ, увѣнчанныхъ верхушками елоевъ, хвостами яковъ, окрашенными въ красный цвѣтъ, и шерстью. Съ большой ловкостью упражнялись въ стрѣльбѣ изъ длиннаго лука въ цѣль, поставленную за 50—80 ярдовъ. На эти ярмарки пришли также окрашенные въ черную краску бродячіе пастухи „догна“ или „другпа“; ихъ большія палатки изъ сукна шерсти яковъ помѣщали въ себѣ отъ двадцати до тридцати человекъ, внутри были разставлены ихъ лари, въ центрѣ на подставкѣ красовался маленький шафчикъ съ изображеніями божествъ.

Почти сейчасъ же послѣ прекращенія празднествъ погода смягчилась, стала весенней, и въ долинѣ Чумби народъ началъ пахать и засѣвать поля, хотя по временамъ перепадаетъ легкій снѣгъ. Этотъ поворотъ къ веснѣ сопровождался сильными грозами; во время одной изъ нихъ молнія убила двухъ изъ нашихъ людей, подлѣ прохода Джелепъ, во время другой загорѣлся лѣсъ и спалилъ одинъ изъ большихъ сараевъ съ большимъ количествомъ нашихъ драгоценныхъ запасовъ.

Въ половинѣ марта кусты и деревья долины Лингмо выкинули почки и бутоны, но измѣненіе совершалось такъ постепенно, что было еле замѣтно; какъ говорятъ тибетцы: „Лѣто подходит нѣжно, точно мать; зима является бѣшено, какъ врагъ“.

Весна вскорѣ заставила насъ забыть тяжести, перенесенныя нами, и поздравить другъ друга съ выносливостью нашихъ войскъ. Большая часть этихъ людей родилась въ знойныхъ долинахъ Индіи и до сихъ поръ никогда въ жизни не испытывала снѣга. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, индусы поднимались на высочайшія горы въ свѣтѣ, въ вѣтеръ, снѣгъ и слякоть; принужденные останавливаться черезъ нѣсколько ярдовъ, съ лиловыми лицами,

*) Нѣкоторыя изъ первичныхъ согласныхъ другого происхожденія: онѣ служатъ для распознаванія однозвучныхъ, но различныхъ по значенію корней и для указанія оттѣнковъ тона.

широко раскрывъ рты, чтобы перевести дыханіе. они съ рѣшительными взглядами въ глазахъ продолжали идти впередъ, сражаясь съ духами холода и высоты; сипаи, составлявшіе конвой носильщиковъ, дѣлали переходы день-изо-дня, въ то время какъ горныя дороги, по которымъ они шли, усѣивались трупами обозныхъ животныхъ, не вынесшихъ трудностей пути. Какъ часто застигнутые ночью надъ полосой лѣса и въ слишкомъ большой морозъ, чтобы среди его дыханія сготовить себѣ что-нибудь на немногихъ связкахъ топлива, эти бѣдные индусы безъ ужина ползли въ голокъ своей ледяной палатки и проводили бессонную ночь въ самомъ жалкомъ состояніи. Но теперь, заплативъ нѣкоторую дань неумолимому царю—морозу, они вырвались изъ его когтей и, перейдя зимой черезъ высочайшіе проходы Гималаевъ, проскользнувъ между глыбами снѣжныхъ буръ, они оставили позади себя опоясанныя льдомъ области и очутились по другую сторону страшной горной преграды.

Послѣ такой безкровной побѣды надъ физическими опасностями, несравнимыми ни съ чѣмъ въ исторіи войнъ, обеспеченные упорной выносливостью и настойчивостью нашего войска, мы должны признать за нашими воинами, принимавшими въ ней участіе, славу, равную самымъ блестящимъ успѣхамъ британской арміи.

Побѣдивъ арктической холодъ, вѣтеръ и ледяныя высоты, до сихъ поръ служившія лучшей обороной Тибета, мы двинулись въ мѣсто защищенныхъ части этой замкнутой страны.

ГЛАВА VIII.

Къ Гуру; битва у „кристальныхъ источниковъ“.

„Берегись затѣвать ссору, но начавъ ее, старайся, чтобы твой противникъ боялся тебя“

Полоній, *Шекспиръ*.

Наконецъ, послѣ скучнаго почти трехмѣсячнаго ожиданія и тяжелой суровой зимы во внѣшней части Тибета, генераль Макдональдъ въ концѣ марта далъ намъ пріятное приказаніе двинуться къ Джантсе, къ большому торговому городу внутри страны.

Къ этому времени выяснилось, что наша оккупанція долины Чумби и поста Туны, на большомъ плоскогорьѣ за Гималаями, нисколько не повліяла на лхасскихъ монаховъ и не вызвала въ нихъ желанія уладить дѣло; наоборотъ, они не отозвались на обращеніе къ нимъ полковника Йонгхѣзбенда, просившаго свиданія съ ихъ представителями. Въмѣсто отвѣта Лхасса придвинула большую армію къ Гуру, деревнѣ, находившейся на растояніи немногихъ миль отъ лагеря миссіи въ Тунѣ, и войско тибетцевъ грозило нападеніемъ, если миссія не отступитъ къ Ятунгу. Каждую недѣлю тибетскій лагерь усиливался новыми отрядами вооруженныхъ людей; наконецъ въ мартѣ тибетскія силы насчитывали около 5-ти

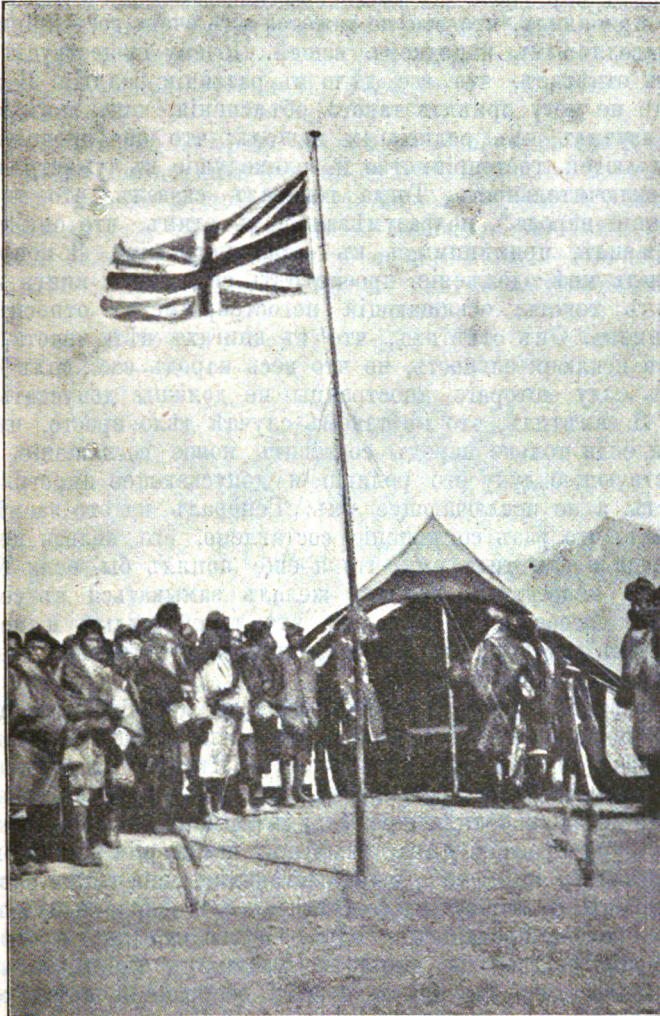
тысячъ воиновъ; половина войска перерѣзала дорогу къ Джантсе, другая, на разстояніи нѣсколькихъ миль, путь къ Лхассѣ.

Поведеніе ламъ съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ. 12-го января лхасскій генераль, „главный“ депенъ, попросилъ свиданія съ британцами, но отказался явиться въ нашъ лагерь, такъ какъ, по его словамъ, онъ не довѣрялъ намъ; поэтому ему навстрѣчу выѣхалъ одинъ офицеръ, но депенъ сказалъ только: „Отступите къ Ятунгу“. Ему сообщили, что это совершенно невозможно и что коммиссіонеръ требуетъ, чтобы съ тибетской стороны въ качествѣ представителей явились амбанъ и одинъ изъ министровъ лхасскаго совѣта. Этотъ тибетскій генераль и его спутники занимали такой низкій рангъ, что мелкій глава Бхотана, пріѣхавшій въ это время въ Туну за ежегодной субсидіей для своего раджи, не навѣстилъ ихъ, а потребовалъ къ себѣ, и они сейчасъ же исполнили его приказаніе.

Несмотря на все это, полковникъ Ионгхѣзбендъ, полагая, что можно добиться чего-либо, объяснивъ тибетцамъ положеніе вещей, 13-го января, подвергая себя опасности, поѣхалъ къ тибетскому лагерю съ очень маленькимъ эскортомъ. Его приняли лхасскій генераль и шигатсе, а также три монаха изъ столицы. Тибетскіе воины были привѣтливы, веселы, любезны и вѣжливы; монахи же „угрюмы, злобны, какъ только можно себя представить“; они держались со холодностью, граничившей съ дерзостью. „Назадъ въ Ятунгъ!“ былъ ихъ постоянный крикъ, когда упоминалось о переговорахъ или о трактатахъ. „Они увѣряли, что не имѣютъ никакихъ дѣлъ съ русскими, что въ настоящее время въ Лхассѣ нѣтъ русскихъ, что Дорджіевъ монголъ, и что обычай монгольцевъ дѣлать подарки монастырямъ, и что они просятъ не быть подозрительными“. Наконецъ споръ обострился, и положеніе британскихъ офицеровъ сдѣлалось безспорно опаснымъ.

„До тѣхъ поръ,—говоритъ полковникъ Ионгхѣзбендъ въ своемъ рапортѣ,—несмотря на нѣкоторыя вспышки монаховъ, разговоръ шель очень добродушно; но когда я всталъ, чтобы уйти, и высказалъ надежду, что они пріѣдутъ повидаться со мной въ Тунѣ, тонъ тибетцевъ внезапно измѣнился; они опять повторили, что мы должны уйти въ Ятунгъ. Одинъ изъ генераловъ, хотя и въ вѣжливой формѣ, замѣтилъ, что мы нарушили пограничныя правила, приѣвъ въ ихъ страну, что, занявъ фортъ Фари, мы поступили, какъ воры и разбойники. Монахи, употребляя формы рѣчи, обыкновенно обращаемыя къ подчиненнымъ, громко требовали, чтобы я назначилъ день нашего отступленія изъ Туны, раньше чѣмъ я иду изъ комнаты; атмосфера насытилась электричествомъ; у всѣхъ на лицахъ появилось выраженіе напряженія. Одинъ генераль ушелъ; снаружи загремѣли трубы, и насъ окружили приближенные тибетскихъ начальниковъ. При такихъ обстоятельствахъ было необходимо полное спокойствіе. Я сказалъ, что долженъ повиноваться приказаніямъ, полученнымъ отъ моего правительства, такъ же, какъ они обязаны исполнять распоряженія своего, что я прошу ихъ донести лхасскимъ властямъ все, что я сказалъ, а самъ передамъ моему правительству все, что сказали они, и что больше этого въ настоя-

щую минуту ничего сдѣлать невозможно. Монахи продолжали требовать, чтобы я назначилъ день отступленія, но генераль разрешилъ вопросъ: онъ предложилъ послать со мной къ Тунѣ тибетскаго гонца, который выслушалъ бы тамъ мой отвѣтъ. Остальные

Миссія принимаетъ старость.

генералы приняли его предложеніе, и этимъ окончилось натянутое ожиданіе“.

Въ теченіе слѣдующей недѣли всегда казавшійся расположеннымъ къ намъ лхасскій генераль навѣстилъ въ Тунѣ комиссіонера: послѣ неизбежнаго припѣва: „Идите въ Ятунгъ!“ разговоръ сдѣлался общимъ, по временамъ даже занимательнымъ.

„Я спросилъ его,—пишетъ полковникъ Ионгхэзбендъ,—почему тибетцы ѣздятъ въ Индію, безпрепятственно путешествуютъ по ней такъ долго и такъ далеко, какъ имъ нравится, остаются въ ней на жительство, посѣщаютъ свои священныя мѣста, которыя мы уважаемъ и охраняемъ, какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ ни одному англичанину или уроженцу Индіи не позволено бывать въ Ти бетѣ. Я прибавилъ, что это не кажется мнѣ очень гостепримнымъ или справедливымъ порядкомъ вещей. Почему существуетъ онъ? Генераль отвѣтилъ, что все дѣло въ различіи религій. Я возра зилъ, что не могу принять такого объясненія, такъ какъ внима тельно изучилъ ихъ религію и нашелъ, что она проповѣдуетъ братство людей, гостепримство и великодушіе къ чужестранцамъ, а не исключительность. Тогда генераль сказалъ, что тибетцы „внутренній народъ“, подразумѣвая подъ этимъ, что они стоятъ выше правилъ, примѣнимыхъ къ остальному міру. Я попросилъ его сдѣлать мнѣ одолженіе просмотрѣть священныя книги и при слать мнѣ текстъ, освящающій негостепримство относительно иностранцевъ. Онъ отвѣтилъ, что въ книгахъ нѣтъ текста, освя щающаго исключительность, но что весь народъ составилъ согла шеніе, въ силу котораго иностранцы не должны допускаться въ Тибетъ. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣло просто, что все уладится, если только народъ составитъ новое соглашеніе, болѣе соответствующее духу его религіи и допускающее иностранцевъ въ Тибетъ, а не исключющее ихъ. Генераль на это засмѣялся, но сказалъ, что разъ соглашеніе составлено, его нельзя перемѣ нять. Тогда я замѣтилъ ему, что я еще понялъ бы, если бы ка кой-нибудь непріятный народъ желалъ замыкаться въ себѣ, и что намъ особенно досадно то, что такой милый и веселый народъ, какъ тибетцы, желаетъ лишить весь остальной міръ на слажденія ихъ обществомъ“.

7-го февраля главы тибетцевъ послали дерзкій запросъ, же лаетъ ли полковникъ Ионгхэзбендъ мира или войны; если онъ же лаетъ мира, то долженъ вернуться въ Ятунгъ. Въ отвѣтъ пол ковникъ отправилъ къ нимъ письмо, но тибетцы отказались при нять его и дерзко отвѣтили черезъ двухъ сержантовъ, что ихъ коман деры въ Гуру просили у лхассскихъ ламъ позволенія начать битву. Въ ночь на 2-ое марта тибетцы приготовились напасть на нашъ ла геръ въ Тунгъ, но атака не состоялась, благодаря какимъ-то не добрымъ предзнаменованиямъ. Черезъ нѣсколько дней протрубили тревогу; однако, длинная линія наступавшихъ тибетцевъ повер нула; оказалось, что это только отрядъ оборванной арміи, ходив шій по долинамъ, отыскивая топливо. 16-го марта послали цѣлую партію ламъ, чтобы они, какъ Валаамъ, прокляли нашу армію, и цѣлыхъ три дня монахи торжественно проклинали британскую миссію, предавая ее всѣмъ дьяволамъ.

Къ этому времени генераль Макдональдъ заготовилъ въ Чумби достаточное количество съѣстныхъ припасовъ для движенія, а также достаточно транспортныхъ средствъ для доставленія ихъ въ Джіантсе, такъ какъ, придумывая новую систему транспортированія грузовъ, онъ напалъ на счастливую идею привезти лошадиныя

телѣжки или „эчки“ и воспользоваться ими на плоскогоріи Фари и далѣе; такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ возможнымъ быстрое передвиженіе запасовъ. Эти телѣжки, которыя пришлось выписать изъ Индіи, потому что въ Тибетѣ не существуетъ колесныхъ экипажей, были въ разобранномъ видѣ перенесены черезъ горы на спинахъ и плечахъ кулиевъ, вдоль узкихъ, окаймленныхъ пропастями путей, надъ Гангтокомъ за озеромъ Чангу (12.000 ф.), а также черезъ проходъ Нату (14.300 ф.). Въ Чумби ихъ собрали, къ большому изумленію туземцевъ, никогда не видавшихъ раньше телѣжки.

24-го марта мы во время легкой снѣжной бури выступили изъ Чумби. Когда мы поднимались по долинѣ, снѣгъ на нашей дорогѣ таялъ отъ солнца и тысячи ногъ нашихъ людей и животныхъ притоптывали его; онъ образовалъ замерзающую грязь, которая въ теченіе большей части пути до нашего перваго лагеря въ сосновомъ лѣсу Гаутъ Анга, за лугомъ Лингмо, поднималась до щи-

DUX . IN : ECKA : JEDEN , IN : TERRAM : DE : TARTARIE : INCURSIONEM
FACET

Y^e . GENERAYLE : CAUSES : MANIE : CHAORTS : TOE : BE : BVILDED :
AND : ADVANCES . TOWARDES : Y^e : CASTEL : OF : Y^e : KYNGE . OF
TARTARIE

колотеи... Въ указанномъ выше красивомъ мѣстѣ мы остановились чтобы, въ видѣ лѣнча, пожевать сухихъ сухарей, но насъ привлекло желаніе наловить рыбы въ мелкихъ заводяхъ, и дѣйствительно, превративъ турбанъ одного изъ нашихъ слугъ въ сѣтъ, мы захватили много форелей, которыя составили превосходное блюдо, измѣнившее весь нашъ скудный обѣдъ.

На слѣдующее утро грязь замерзла, сдѣлалась жесткой, какъ желѣзо, и благодаря этому намъ сперва стало легче идти; однако, выше, тамъ, гдѣ путь лежалъ черезъ полосы льда, пришлось дѣлать на немъ зарубки и посыпать его гравіемъ; муловъ же по скользкимъ мѣстамъ переводили подъ уздцы. На этотъ разъ мы быстро миновали морозный лугъ Дотака, о которомъ сохранили неприятное воспоминаніе, и остановились у брода Кхангбу, на краю долины Фари, посреди снѣжныхъ сугробовъ; теперь это мѣсто очень напоминало конечный пунктъ желѣзной дороги, благодаря рядамъ телѣжекъ или „эчекъ“, которыя были выстроены въ линію, ожидая грузовъ, приносимыхъ куліями. Мы назвали это мѣсто

„лагеремъ мерзлыхъ вахней“, потому что намъ на завтракъ подавались совсѣмъ замороженныя вахни, хотя ихъ приносили всего нѣсколько ярдовъ отъ огня, гдѣ онѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ были раскаленными. Ихъ по три раза посылали разогрѣвать и все съ такимъ же результатомъ. Наконецъ онѣ появлялись на столѣ въ видѣ твердыхъ кусковъ льда; въ то же время мы ѣли замерзшій хлѣбъ съ заваломъ, недостаточно пропеченный, вслѣдствіе малаго количества топлива, и намъ казалось, будто передъ нами на столѣ пушечное ядро, которое мы жуемъ.

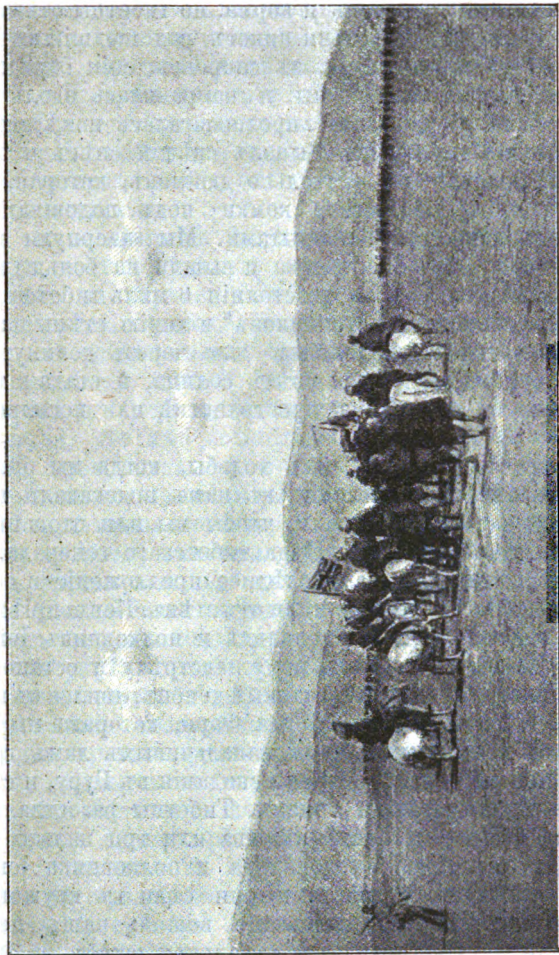
На слѣдующій день наше войско направилось къ Фари по старой дорогѣ черезъ равнину, а я пошелъ въ лѣвую долину за газелями для обѣда. Миляхъ въ десяти отъ начала долины я натѣнулся на линію тибетскихъ часовыхъ, наблюдавшихъ съ горъ, потому что этотъ путь могъ послужить намъ для обходнаго движенія въ тылъ тибетскаго лагеря въ Гуру. Увидѣвъ ихъ на разстояніи около полумили, я перешелъ черезъ возвышенность въ 2.000 ф. къ Фари, спустился по снѣжнымъ сугробамъ къ равнинѣ, а оттуда направился черезъ болота, на которыхъ сидѣли на гнѣздахъ красныя браманскія утки.

28-го марта мы ушли изъ Фари; солнце свѣтило ярко; на всѣхъ крышахъ города толпились возбужденные тибетцы, наблюдая за движеніемъ нашей маленькой арміи, которая со своей верховой инфантеріей по обоямъ флангамъ, съ транспортными животными въ количествѣ около 6.000 и съ телѣжками, казалось, заполняла равнину и представляла собой великолѣпное зрѣлище. На ночь мы остановились въ защищенной впадинѣ близъ высокаго прохода Тангъ, на высотѣ около 15.100 ф. (капитанъ Райдеръ опредѣлилъ высоту прохода въ 15.200 ф.). Отсюда я взобрался на откосъ Чумолхари, приблизительно на высоту 18.000 ф., насладился великолѣпнымъ видомъ на ея ледники, на долину Туны съ окружающими ее горами и застрѣлил двухъ газелей и нѣсколько снѣжныхъ голубей.

На слѣдующее утро нашъ отрядъ прошелъ черезъ проходъ Тангъ, и въ первый разъ газетный корреспондентъ сдѣлалъ этотъ переходъ вмѣстѣ съ нами. Стоялъ такой густой туманъ, что четыре колонны, шедшія рядомъ на разстояніи 100 ярдовъ одна отъ другой, не видѣли другъ друга; такъ продолжалось, пока мы не очутились на большой равнинѣ; послѣ этого туманъ собрался кругомъ величавой Чумолхари и повисъ на ней, скрывая ее отъ нашихъ глазъ, точно эта цѣломудренная дѣвственная богиня, охранительница большой плоской возвышенности, хотѣла скрыть отъ своего зрѣнія наше нашествіе. Телеграфъ уже перешелъ черезъ проходъ и тянулся черезъ многочисленную равнину, прямо, какъ стрѣла, и служилъ прекраснымъ указаніемъ пути къ деревнѣ Туна. Когда мы подошли къ этому посту, полковникъ Іенгхэбендъ со своимъ штабомъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу, очевидно, радуясь окончанію своего суроваго и долгаго, почти трехмѣсячнаго заключенія. Хотя зима уже миновала, ночью термометръ отмѣтилъ 24° Фаренгейта.

На завтра, 30 го марта, мы сдѣлали остановку въ Тунѣ; наши изыскатели теперь доказали, что эта деревня стоитъ ниже,

чѣмъ предполагалось прежде, а именно на высотѣ 14.700 ф. Я поднялся на каменистый холмъ надъ нашимъ постомъ, чтобы по-смотреть на тибетскій лагерь подлѣ Гуру, и, укрываясь отъ рѣзкаго вѣтра за кѣрномъ, невооруженными глазами видѣлъ, какъ двигались тибетцы; въ бинокль же я разглядѣлъ каменные укрѣпленія (сангары, какъ ихъ называютъ въ Индіи) миляхъ въ 16-ти отъ

Вызвъ Гуру. Передъ битвой.

меня; тибетцы выстроили эту преграду на равнинѣ поперекъ большой дороги къ Джантсе, близъ источниковъ, другую же выше на горахъ; и первая, и вторая стѣны должны были помѣшать намъ двигаться. Я также могъ различить ихъ ряды, ходившіе между этими пунктами, и отряды, которые направлялись къ такой же позиціи справа, гдѣ она блокировала короткую дорогу къ Лхасѣ, бѣжавшую вдоль берега большого озера Рхамъ, которое при лучахъ солнца синѣло, какъ Неаполитанскій заливъ.

Деревня Лхегу, стоявшая сейчас же противъ Туны, на старой моренѣ на откосѣ Чумолхари, все еще находилась въ рукахъ тибетскихъ солдатъ и грозила прервать нашу линію сообщеній, а потому былъ посланъ отрядъ нашей верховой инфантеріи съ приказаніемъ велѣть имъ уйти, что они исполнили очень неохотно. Въ то же время тибетцевъ, засѣвшихъ въ Гуру, извѣстили, что генераль Макдональдъ на слѣдующее утро устроить тамъ складъ для нашихъ съѣстныхъ припасовъ и корма; но тибетцы отказались принять письмо и осыпали угрозами пикетъ, подошедшій къ ихъ стѣнѣ.

Утромъ 31-го марта миссія, въ сопровожденіи отряда генерала Макдональда, вышла изъ Туны и направилась вдоль дороги къ Джайантсе; вмѣстѣ съ запасами предполагалась помѣстить въ Гуру депо и маленькій гарнизонъ. Выпалъ свѣжій снѣгъ и одѣлъ равнину бѣлой пеленой въ нѣсколько дюймовъ, которая, смягчаясь отъ лучей солнца, образовала комки подъ подошвами нашихъ сапогъ и подъ лошадиными копытами. Мы завернули за тунскую обнаженную гору изъ песчаника и вышли на большую равнину; отсюда мы ясно увидѣли на разстояніи 6 миль тибетскія укрѣпленія подлѣ „кристалльныхъ источниковъ“ и линію стѣны на высотахъ. Наше войско четырьмя колоннами шло черезъ долину; снѣгъ испарился въ сухомъ воздухѣ и свѣтъ солнца, и стада кіанговъ спокойно паслись на открытомъ пространствѣ или носились взадъ и впередъ.

Приблизительно черезъ часъ ходьбы, когда мы были миляхъ въ трехъ отъ тибетской позиціи, къ намъ подскакали три майора лхасскаго войска и потребовали, чтобы мы или отошли къ Тунѣ, или остановились и ждали пріѣзда тибетскаго генерала. Генераль Макдональдъ согласился на послѣднее предложеніе и остановился приблизительно на разстояніи мили отъ стѣны. Когда пріѣхалъ лхасскій генераль, генераль Макдональдъ и полковникъ Іонгхѣзбендъ со своими штабами выѣхали къ нему навстрѣчу и остановились для совѣщанія. Лхасскій генераль, главный депѣнъ, явился съ генераломъ Намзелинга, съ генераломъ форта Фари, котораго мы встрѣтили въ Ятунгѣ, съ однимъ изъ трехъ запальчивыхъ ламъ, грозившихъ полковнику Іонгхѣзбенду во время свиданія въ Гуру, и съ нѣсколькими менѣе значительными лицами. Тибетцы разостлали на землѣ циновку для своихъ сановниковъ; два или три пальто послужили ковромъ для генерала Макдональда и полковника Іонгхѣзбенга; вмѣстѣ съ тибетскими властями они сѣли въ кружокъ посреди равнины, чтобы обсудить положеніе вещей; нашъ переводчикъ стоялъ позади двухъ англичанъ; остальной штабъ на маленькомъ разстояніи наблюдалъ за происходившимъ. Въ числѣ странной свиты тибетцевъ были три ординарца со сдѣланными въ Россіи ружьями съ императорскими штемпелями.

Тибетскіе начальники не сдѣлали никакихъ новыхъ предложеній, но только съ характеристической настойчивостью повторяли свое старое требованіе: „Вернитесь въ Ятунгъ“.

Полковникъ Іонгхѣзбендъ снова объяснилъ имъ положеніе вещей и сказалъ:

— Мы вели переговоры съ Тибетомъ 15 лѣтъ. Я лично без-

плодно провелъ восемь мѣсяцевъ, стараясь повидаться съ отвѣтственными лицами изъ Лхассы, и три мѣсяца ожидалъ этого здѣсь, въ Тунѣ, но все напрасно. Мы не можемъ теперь вернуться назадъ, мы идемъ въ Джіантсе. Дратся мы не хотимъ, но если ваши войска будутъ преграждать намъ путь, я попрошу генерала Макдональда удалить ихъ, а потому вы сдѣлаете лучше, если прикажете вашимъ солдатамъ отступить.

Очевидно, этотъ отвѣтъ не понравился лхасскому генералу, который замѣтилъ, что онъ тоже не желаетъ драться, но что, если мы непременно захотимъ идти дальше, произойдутъ осложненія. Говоря это съ напряженнымъ рѣшительнымъ взглядомъ, онъ поднялся и возбужденно ускскалъ вмѣстѣ со своими товарищами къ войскамъ подлѣ тибетскихъ укрѣпленій. Вскорѣ отряды тибетцевъ устремились вверхъ, чтобы заполнить каменные стѣны или сангары съ бойницами.

Послѣ этого генералъ Макдональдъ, по просьбѣ полковника Юнгхѣзбенда, велѣлъ удалить тибетцевъ изъ ихъ укрѣпленій, если возможно, не стрѣлая. Онъ послалъ пионеровъ на обнаженныя горы, приказавъ имъ обойти слѣва тибетскія возвышенныя позиціи, которыя растагивались приблизительно на милю надъ нижней преграждающей стѣной; въ то же время нашъ главный корпусъ двинулся къ укрѣпленіямъ на равнинѣ. Бѣольшая часть тибетцевъ, видя, что ихъ позиція на горахъ обойдена, спустились къ нижней преграждающей стѣнѣ, хотя многіе свратились за своими верхними сангарами. Наши сипаи вытаскивали ихъ оттуда, и тибетцы мрачно отступали маленькими группами и старались скрыться между камнями; наконецъ линія нашихъ пионеровъ и гуркховъ растянулась по склону горы и отгѣснила тибетцевъ внизъ. Не послѣдовало ни одного выстрѣла. Можно похвалить сдержанность нашихъ солдатъ, которые безъ одного выстрѣла подвигались къ укрѣпленіямъ вооруженныхъ тибетцевъ и силой вытаскивали ихъ изъ-за стѣны, не прибѣгая къ оружію. Это походило на разсѣяніе вооруженной черни послѣ не оказавшаго дѣйствія чтенія приказа разойтись. До извѣстной степени этотъ случай напомнилъ, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ „Таймса“, поле Фонтенуа, когда съ обѣихъ сторонъ прозвучала фраза: „Господа враги, стрѣляйте первые!“

Когда мы подошли къ стѣнѣ, выѣхалъ дѣлѣнъ и сказалъ, что его людямъ не приказано стрѣлять, и что генералъ и миссія могутъ подойти къ стѣнамъ. Наши солдаты спокойно подвигались къ укрѣпленію и обошли его. Съ нашей стороны этой недавно протянутой черезъ дорогу, наполненной бойницами, грубой каменной постройки теперь стояли солдаты въ хаки, а съ внутренней стороны, за бойницами, дикіе тибетцы въ сѣрыхъ шерстяныхъ домашнихъ тканяхъ; болѣе чѣмъ тысячная толпа тибетцевъ толпилась, какъ рой пчель, близъ преграды и сновала посреди палатокъ. Члены миссіи, генералъ и его штабъ подѣхали къ стѣнѣ, чтобы посмотреть на это странное зрѣлище, и спѣшились. Вооруженные тибетскіе воины образовали густую тѣсную массу, съ гнѣвомъ смотрѣли на бѣлолицыхъ пришельцевъ, на-

ходившихся въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нихъ, и на нашихъ солдатовъ, окружавшихъ ихъ съ трехъ сторонъ; мы стояли насторожѣ, но не подозрѣвая готовившейся трагедіи: нѣкоторые изъ насъ снимали фотографіи или дѣлали наброски, другіе жевали сандвичи.

Увидѣвъ, что многіе тибетцы грозно поднимаютъ свои мушкеты, генераль Макдональдъ нашелъ необходимымъ для безопасности миссіи обезоружить ихъ и далъ соответствующее приказаніе. Тогда подрѣзавшіе изъ сипаевъ, которымъ онъ велѣлъ двинуться вверхъ, поднялись къ стѣнѣ со штыками наперевѣсъ и принялись обезоруживать тибетцевъ, которые прятались за укрѣпленіями. Тибетскіе солдаты боролись, не отдавали оружія; начальники побуждали ихъ противиться, и ихъ ружья были готовы выстрѣлить; дѣло приняло угрожающій характеръ. Увидѣвъ это изъ-за внутренней стороны стѣны, куда я прошелъ, чтобы посмотрѣть на палатки и одежды тибетцевъ, я вернулся на нашу сторону. Какъ разъ въ то мгновеніе, когда я очутился среди своихъ, раздался звукъ выстрѣла, и я, оглянувшись, увидѣлъ, что взбѣшенный лхасскій депѣтъ и нѣкоторые изъ его людей вступили въ рукопашную борьбу съ сикскими сипаями на разстояніи приблизительно ярдовъ 15 отъ меня. Оказалось, что сикки хватали заряженные мушкеты, стараясь вырвать ихъ изъ рукъ тибетскихъ солдатъ, а тѣ отчаянно боролись; при помощи своихъ товарищей они оттолкнули сипаевъ и осыпали ихъ камнями. Лхасскій генераль бросился впередъ, выхватилъ ружье изъ рукъ одного сикха, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и снесъ ему челюсть. Этотъ выстрѣлъ какъ бы послужилъ сигналомъ: тибетцы съ дикимъ боевымъ крикомъ дали въ насъ залпъ, почти въ упоръ, и потомъ въ громадномъ количествѣ бросились къ намъ, обнаживъ свои большіе мечи. Послѣдовала рукопашная схватка. Наши офицеры, защищая свою жизнь, стрѣляли изъ револьверовъ въ надвигавшуюся на нихъ массу. Въ числѣ первыхъ жертвъ съ нашей стороны былъ майоръ Уалласъ Денлонъ, свалившійся съ нѣсколькими отрубленными пальцами, м-ръ Кандлеръ, газетный корреспондентъ, упавшій съ разрубленной, исполосованной головой и руками. Ихъ обоихъ спасли отъ немедленной смерти револьверы окружавшихъ ихъ офицеровъ, которые стрѣляли въ нападающихъ.

Внезапность нападенія на такомъ близкомъ разстояніи поразила насъ, но черезъ нѣсколько секундъ сипаи уже отплатили нашимъ врагамъ. Подъ прикрытіемъ стѣны они открыли убійственный огонь по неприятелю и съ помощью быстро стрѣляющихъ максимумовъ съ ужасающей скоростью скосили множество тибетцевъ. Выскочившіе изъ-за укрѣпленій были убиты всѣ; оставшіеся находились въ такомъ смятеніи и такъ толпились, что не могли пустить въ дѣло ни своихъ мечей, ни пушекъ. Эта чернь, не имѣвшая возможности устоять противъ сосредоточеннаго огня нашего войска, черезъ нѣсколько секундъ отошла, побросала оружіе и бросилась бѣжать какъ можно скорѣе, но, конечно, не очень быстро, благодаря крутизнѣ. Большая часть тибетцевъ, пробѣгая подъ нашимъ огнемъ, падала; на нихъ сыпался градъ на-

Тибетская стѣна подлѣ Гуру за минуту до боя.

Наши сапаны стоятъ вдоль стѣны снаружн; лѣвая сторона загражденн служила для многихъ нѣтъ насъ прикрятіемъ отъ тибетскихъ пуль и была перевязочнымъ пунктомъ во время боя.

шихъ пуль и шрапнели горныхъ батарей, которыя разрывались вверху; они погибли почти всѣ до одного человѣка. Между тѣмъ, наша вѣдущая пѣхота безжалостно преслѣдовала толпу разсѣянныхъ и безпорядочно спѣшившихъ бѣглецовъ, изъ числа тѣхъ тибетцевъ, которые находились на болѣе далекомъ разстояніи; ихъ тѣла усѣяли дорогу на протяженіи нѣсколькихъ миль.

Все окончилось приблизительно черезъ десять минутъ, но въ этотъ промежутокъ времени погибъ цѣлъ лхасской арміи. Когда прекратился трескъ нашего ружейнаго огня, мы увидѣли, что добрая половина тибетскихъ воиновъ осталась на полѣ сраженія. Между убитыми былъ бѣдный лхасскій генераль, заплатившій за свою рѣзкость, Шигата-децѣнъ и запальчивый, всѣхъ смущавшій лама въ желтомъ платьѣ. Я съ сожалѣніемъ увидѣлъ нашего стараго ятунгскаго знакомаго, децѣна Фари, въ числѣ раненныхъ и приказаль отнести его въ палатку. Въ общемъ тибетцы потеряли около 300 убитыхъ, 200 раненныхъ и 20 плѣнниковъ. У насъ было ранено 13 человѣкъ, потому что нашихъ солдатъ прикрывала стѣна.

Угрюмое поле сраженія на „Крышѣ Міра“, на высотѣ 15.000 ф. надъ уровнемъ моря, глубоко начерталось въ памяти всѣхъ видѣвшихъ его; нельзя было забыть этого запачканнаго кровью плоскогорья на берегахъ чистаго озера Рхамъ, подъ сѣнью цѣломудренной Чумолхари и ея свиты ослѣпляющихъ свѣжныхъ вершинъ. Это было мрачное зрѣлище, казавшееся еще ужаснѣе въ такихъ чудныхъ окрестностяхъ. Тибетцы были врагами не только нашими, но, благодаря своей дикости и суевѣрію, въ нѣкоторомъ смыслѣ врагами цѣлой человѣческой расы, тѣмъ не менѣе, они заслуживаютъ славы храбрыхъ людей, защищавшихъ свою родину отъ пришельцевъ. Можетъ быть, и они сами считали довольно завидной долей смерть подлѣ входа въ ихъ страну, у ихъ тибетскихъ Термопилъ, тамъ, гдѣ чудныя горы, ихъ защитницы въ теченіе жизни, будутъ продолжать сторожить ихъ послѣ смерти.

Подлѣ стѣны, ярдахъ въ 20 — 30 отъ нея, лежали груды мертвыхъ и умиравшихъ, посреди разбросаннаго оружія; длинная полоса тѣлъ обозначала линію бѣгства на протяженіи полмили или больше; подъ каждымъ утесомъ ютились раненые, которые проползли туда, чтобы укрыться. Земля была усѣяна мечами, мушкетами и ружьями, большей частью лхасской мануфактуры, а также и русскаго издѣлія. Многіе изъ убитыхъ, казалось, спокойно спали близъ своего оружія.

Особенно жаль было видѣть, какъ раненые тибетцы ждали, что мы убьемъ ихъ, что, по ихъ откровенному заявленію, они сдѣлали бы съ нами; несчастные кивали головами, высунувъ языки, представляли большіе пальцы въ нѣмомъ воззваніи къ нашему милосердію и пресмыкались въ пыли передъ каждымъ изъ самыхъ скромныхъ нашихъ куліевъ, проходившихъ мимо. Движеніе пальцевъ напоминало употребленіе большого пальца римлянами, когда побѣжденные гладиаторы лежали на аренѣ послѣ кровавой борьбы.

Какъ только медицинскій персоналъ помогъ нашимъ раненымъ, онъ отправился на поле битвы подбирать вражескихъ раненыхъ и умиравшихъ, облегчая ихъ муки и страданія. Многимъ изъ умирающихъ дали воды или водки, притушили ихъ страданіе морфіемъ, остановили ихъ кровотеченіе, перевязали ихъ раны полевыми одедами нашихъ людей. Я приказалъ разорвать многія изъ самыхъ чистыхъ тибетскихъ палатокъ на бинты и перевязки для раненыхъ; шесты же, ножи и ружья превратились въ носилки. Позже раненыхъ тибетцевъ, въ числѣ около двухсотъ, перенесли на нашихъ амбулаторныхъ носилкахъ и на спинахъ плѣнниковъ въ Туну и Гуру. Многіе были ранены въ спину во время бѣгства.

Тибетцы, просящіе лошады.

но многіе также до конца держались на своихъ позиціяхъ, выказывая большую личную храбрость.

Давшіе имя этому мѣсту источники туземцы называютъ „Источники кристальнаго глаза“*). Это тѣ же ключи, которые Тернеръ назвалъ горячими, хотя во время нашего посѣщенія они не были теплы; не открыли мы также никакихъ слѣдовъ того, чтобы они когда-либо были кипучими; однако, во время зимы вода въ нихъ никогда не замерзаетъ.

Послѣ приблизительно четвертичасовой остановки у этой роковой стѣны наше войско выстроились и посреди грудъ мертвыхъ направилось къ деревнѣ, занятой врагомъ и отстоявшей отъ насъ мили на три. Наша артиллерія осыпала снарядами эту позицію, и мы взяли ее при помощи штыковъ, захвативъ около 100 человекъ

*) Шель-го Чу-микъ.

плѣнниковъ. Въ числѣ ихъ былъ семидесятитрехлѣтній старикъ, майоръ или рупѣнъ лхасской арміи, который только-что пришелъ изъ столицы съ двумя отрядами своихъ наемниковъ; онъ привелъ ихъ самъ, такъ какъ его сынъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы командовать ими. Рупѣна слегка ранили. Мы нашли громадныя запасы пороха; цѣлыя тонны этого вещества хранились въ домахъ, и оно причинило много вреда нашимъ солдатамъ. Нѣкоторые дома загорѣлись отъ нашихъ снарядовъ, и теперь въ различныхъ частяхъ деревни раздавались взрывы. Мнѣ сказали, что въ домѣ старосты много тибетскихъ книгъ; я побѣжалъ за ними по лабиринту темныхъ корридоровъ, заваленныхъ кожаными тюками съ порохомъ, нашелъ нѣсколько книгъ и быстро вынесъ ихъ, такъ какъ сосѣдній домъ горѣлъ, и мнѣ слѣдовало бѣжать, чтобы не пострадать отъ взрыва. Дѣйствительно, домъ старосты вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ. Многіе изъ сипаевъ, уничтожавшихъ тюки пороха, были убиты, многіе также получили жестокіе ожоги; такимъ образомъ, какъ было справедливо замѣчено, порохъ, брошенный тибетцами, оказался опаснѣе того, которымъ они стрѣляли въ насъ изъ своихъ мушкетовъ.

Въ Гуру учредили маленькій постъ со съѣстнымъ запасомъ; остальная часть летучей колонны, пережившей долгій тяжелый день, двинулась обратно черезъ морозную долину и прошла еще восемь трудныхъ миль черезъ поле сраженія къ Тунгъ; мы вернулись туда во мракѣ вечера святой пятницы.

На слѣдующее утро развѣдки въ сторонѣ тибетскаго лагеря, охранявшаго сократительную дорогу къ Лхассѣ, по другую сторону равнины на востокъ, открыли, что солдаты изъ Джантсе, занимавшіе въ количествѣ 2.000 человекъ каменный блокгаузъ, бросили его ночью, узнавъ объ исходѣ битвы подлѣ Гуру.

Какъ ни грустно, что намъ пришлось пролить кровь во время этой экспедиціи, столкновеніе являлось неизбежною. Рано или поздно оно должно было произойти. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда строгія мѣры оказываются истиннымъ милосердіемъ и внушаютъ надежду, что жестокій урокъ сдѣлаетъ ненужнымъ дальнѣйшее кровопролитіе. Вѣроятно, тибетцы безумно рѣшились противиться нашему движенію въ силу своего самонадѣяннаго невѣжества и неспособности понять превосходство нашего современнаго огнестрѣльнаго оружія; это же, конечно, послужило причиной, повидимому, безстрашнаго мужества, съ которымъ они шли впередъ, несмотря на нашъ убійственный ружейный огонь, часто получая по нѣскольку ранъ. Обѣщаніе Дорджіева, что Россія поможетъ имъ, безъ сомнѣнія, также внушило тибетцамъ ихъ жалкое самооправданіе. Зная всегдашнее вѣроломство тибетцевъ и разсматривая обстоятельства, при которыхъ нашимъ офицерамъ предложили подойти къ стѣнѣ подлѣ „Кристалльныхъ источниковъ“, можно предполагать, что они хотѣли предательски заманить начальниковъ миссіи и потомъ внезапнымъ натискомъ обезсилить ихъ. Если дѣйствительно было такъ, ихъ надежда, къ счастью, не удалась.

Немедленнымъ практическимъ результатомъ этого нежеланнаго

нами боя явилось слѣдующее: едва вѣсти о поражениі тибетцевъ достигли Лхассы, китайскій амбанъ Ю-Тай послалъ курьера съ нотой, въ которой говорилось, что онъ выѣзжаетъ въ Джіантсе и въ искоромъ времени будетъ тамъ привѣтствовать полковника Іонгхѣзбенда; что онъ пріѣхалъ бы и раньше, если бы далай-лама не лишилъ его возможности передвиженія; что теперь онъ внушилъ далаю болѣе благоразумные взгляды; что великій лама и тибетскій народъ глубоко благодарны намъ за наше „состраданіе“, которое заставило насъ оказывать медицинскую помощь раненымъ тибетцамъ и пролить неисчислимыя благодѣянія на Тибетъ; въ заключеніе письма онъ говорилъ: „Теперь я веду къ вамъ тибетцевъ съ благодарственными молитвами“.

Повидимому, ни амбанъ, ни тибетцы не ждали, что подъ мягкой перчаткой мирной коммерческой миссіи они найдутъ сильную руку британскаго могущества.

ГЛАВА ІХ.

Тибетская армія и ея вожаки.

Ножны моей синей стали (копья)
Составляетъ печень моего врага.

Мысль о смерти не живетъ ни въ одномъ уголкѣ моего ума!
Я несу красную жизнь на кончикахъ моихъ пальцевъ!
Я принялъ обѣтъ героя!

Тибетская военная пѣсня.

Отъ раненыхъ и плѣнниковъ, захваченныхъ нами въ Гуру, я получилъ много свѣдѣній о тибетской арміи, которая дополнила сообщенія, собранныя мромъ Рокхилемъ изъ китайскихъ источниковъ; теперь желательно перечислить ихъ для объясненія титуловъ и ранговъ различныхъ должностныхъ лицъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, а также выяснитъ внутреннюю экономію силъ врага, такъ какъ съ этихъ поръ тибетская армія приобрѣла для насъ большой интересъ.

Дикій военный духъ варварскихъ тибетцевъ ранней эпохи, выраженный въ приведенной выше народной пѣснѣ, все еще до извѣстной степени сохраняется въ ихъ преемникахъ, несмотря на усилія китайцевъ смягчить ихъ ученіемъ Будды и другими средствами и несмотря на жестокую подавляющую тиранію священниковъ-ламъ. Въ тибетцахъ, живущихъ въ странѣ, гдѣ имъ постоянно приходится бороться съ физическими трудностями, невольно развивается физическое мужество и презрѣніе къ такимъ тяжелымъ условіямъ, которыя испугали бы болѣе цивилизованныхъ людей. Въ восточной провинціи Кхамъ жители—кровожадные дигари, которые удовлетворяютъ свои хищническіе инстинкты разбоемъ; ихъ храбрыцы—наиболѣе страшные воины тибетской арміи. Тибетцы обладаютъ существеннымъ мужествомъ: они не боятся смерти, хотя ихъ спартанское презрѣніе къ смерти еще не при-

несло имъ награды, обѣщанной западнымъ философамъ: „Презирай собственную жизнь, и ты будешь господиномъ другихъ жизней“, (справедливость чего, безъ сомнѣнія, доказана японцами). Въ концѣ концовъ нужно вспомнить, что тибетецъ — татаринъ, а смѣлость татаръ вошла въ пословицу.

Въ Тибетѣ есть своего рода регулярная армія; главу ея составляетъ старшій китайскій амбанъ въ Лхассѣ, носящій званіе „военнаго депутата вице-губернатора“. Онъ раздаетъ тибетскимъ офицерамъ, стоящимъ ниже его, китайскія головныя шинечки разныхъ цвѣтовъ, согласно ихъ рангамъ (см. слѣдующую страницу).

Амбановъ два, старшій и младшій, и ихъ назначаетъ Пекинъ на трехгодичный срокъ. Они манджуры, т. е. члены теперешней царствующей династіи Китая, которая принадлежитъ къ воинственной расѣ, покорившей Китай въ 1651 г. Хотя амбаны уже не настоящіе воины, любящіе битву ради битвы, они все же по профессіи военные и имѣютъ понятія о начальныхъ правилахъ военныхъ обязанностей. Амбанъ учитъ тибетцевъ, указываетъ имъ наилучшія защитныя позиціи, наблюдаетъ за воспитаніемъ арміи и принимаетъ мѣры для обезпеченія успѣшности обученія войска, дѣлаетъ экзамены и примѣрные бои.

Войска главнымъ образомъ состоятъ изъ тибетцевъ, хотя въ Лхассѣ, въ долинѣ Чумби и въ большихъ городахъ имѣется много китайскихъ солдатъ, подъ начальствомъ китайскихъ офицеровъ, высше изъ которыхъ называются „тенглингами“ или ко мандирами, а низшіе „та-лаойехъ“ или почетными офицерами*). По они скорѣе полиція, чѣмъ настоящіе воины, и ихъ служба очень плохо оплачивается. По дорогѣ отъ Лхассы къ Пекину м-ръ Рокхиль замѣтилъ, что этимъ китайскимъ солдатамъ никогда не платятъ денегъ, а даютъ только кирпичный чай, цѣнность котораго опредѣляется казначеемъ, самымъ жестокимъ образомъ обманывающимъ бѣдняковъ. Въ Чумби и Джантсе — полковникъ и поручикъ; каждый изъ нихъ командуетъ полсотней солдатъ.

Тибетская армія номинально состоитъ изъ 6.000 человекъ регулярнаго войска; съ милиціей же и рекрутами армія въ теоріи достигаетъ до 60.000 человекъ инфантеріи и 14.000 кавалеріи; однако, въ дѣйствительности тибетская кавалерія гораздо малочисленнѣе этой цифры.

По 1.000 солдатъ регулярнаго войска стоитъ въ каждомъ изъ трехъ большихъ городовъ — въ Лхассѣ, Шигатсе и Джантсе; остальные меньшими количествами размѣщены въ меньшихъ фортахъ, разсѣянныхъ по странѣ, и вдоль границъ. Рекруты набираются феодальнымъ образомъ. Мелкіе нобили и сельскіе старосты доставляютъ по пяти, десяти или больше всадниковъ, согласно съ густотой населенія той или другой мѣстности. Для вне-

*) Китайскія названія этихъ офицеровъ слѣдующія: чентай или генералъ; фу-чангъ или полковникъ; ючи — майоръ; ту-су — капитанъ; шоу-пей — второй капитанъ; чень-тзунгъ — поручикъ; патзунгъ — сержантъ; уай-уай — капралъ.

запнаго быстрого набора повсюду посылается флагъ, состоящій изъ бѣлаго шарфа, привязаннаго къ стрѣлѣ, что напоминаетъ пламенный крестъ горныхъ шотландскихъ клановъ.

Подъ начальствомъ амбановъ—6 бригадныхъ генераловъ или „господъ стрѣлы“ (дахпѣновъ, которые также называются депѣнами, такъ какъ они въ то же время гражданскіе губернаторы), старшій изъ нихъ главнокомандующій (магпѣнъ-ченпо). Подъ начальствомъ „господина стрѣлы“ 1.000 солдатъ регулярнаго войска, кромѣ того, отрядъ кавалеріи и милиціи. Два изъ нихъ живутъ въ Лхасѣ, три въ западномъ Тибетѣ, а именно: одинъ въ Шигатсе, другой въ Джантсе, третій въ Дингри; шестой подлѣ озера Тенгри, для охраны отъ чужестранцевъ съ сѣвера. Ниже

Офицеръ тибетской арміи и пѣхотный солдатъ.

этихъ депѣновъ стоятъ командиры отрядовъ въ 2.000 человекъ, называющіеся „господами знаменъ“, рупѣнами; ихъ можно считать майорами. Ниже ихъ центуріоны или капитаны (джіапены) надъ каждымъ ста солдатами „средніе господа“; (дингпѣны или лейтенанты) командуютъ 50-ью солдатами, сержанты (чупѣны) 10-ью солдатами.

Костюмъ регулярныхъ войскъ почти непохожъ на форму, потому что основаніемъ для него служитъ сѣрая матерія домашняго издѣлія различныхъ оттѣнковъ, доставленная самими солдатами. Предполагается, что мушкетеры носятъ красповатую куртку, меченосцы — буртку съ краснымъ бортомъ, а лучники — бѣлую; у всѣхъ шерстяные напульсники. Костюмъ офицеровъ уже былъ описанъ. Резервисты носятъ собственное платье и не имѣютъ формы. Поручикъ

ТАБЕЛЬ О РАНГАХЪ ТИБЕТСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Р а н г ы *).

2-ой классъ—боралловыя
пуговица }3-ий классъ—прозрачныя
синяя пуговица. }4-ый классъ—непрозрач-
ная синяя пуговица. }5-ый классъ—стеклянная
пуговица. }6-ой классъ—непрозрач-
ная бѣлая пуговица. }7-ой классъ—мѣдная пу-
говица. }

Д а л а й - л а м а .

Первый министр, регентъ или „даръ“ (дери или джялыло) и китайскіе амбаны.

Собрать министровъ (шале или кхалонгъ) 4; изъ нихъ 3 свѣтскіе—1 лама.

Гражданскія должностныя лица.

4 главнѣхъ секретаря (тудумкѣ ченпо).
4 секретаря финансовъ.4 провинціальныя губернатора. { 1 гарпѣна въ Гартонгъ.
1 теджи въ Кхамъ.
1 чиджялѣнъ въ Нгаронгъ.2 чиновныя казначейства (чагъ-дсе-па).
2 чиновн. казнач., надсмотрщики за зерномъ (ньеръ-дзангъ-па).
2 чиновника дорожной полиціи (дамъ-сангъ-шагъ).2 свѣтскіихъ судьи (шагъ-лѣнъ).
2 духовныхъ судьи (шагъ-деба).
54 областныхъ градоуправителей (джонглѣнъ).
73 клерикальныхъ градоупр. и лхасскихъ клерковъ (тзелунгъ).3 свѣтскихъ главнѣхъ клерка (друнгъ-йиеръ).
3 духовныхъ клерка (дронгъ-йиеръ).
3 штабмейстера (та-лѣнъ).2 инспектора пиши (тзампо-депѣнъ).
3 медицинскіихъ инспектора (мань-деба).
1 инспекторъ травъ (тза-деба).
2 льсныхъ инспектора (шингъ-деба).
2 инспектора вина (чонгъ-деба).
3 инспектора скота (чагъ-деба).

Областные казначен и счетчики (найеръ-па).

Военныя должностныя лица.

{ 1 генераль (марглѣнъ-ченпо).
16 бригадирозъ (дахилѣнъ или депѣнъ).{ 12 командировъ частей (рулѣнъ).
54 начальниязъ фортозъ (джонглѣнъ).
(также и гражданскихъ).

24 капитана (джялѣнъ).

{ 54 (?) поручика (лингпѣнъ).
120 (?) сержантозъ (чу-лѣнъ).

*) Ламы-должностныя лица не носятъ пишичезъ или пуговицъ. Честъ ѣздить въ паланкинь принадлежитьъ 2-мъ высшимъ классамъ, а именно далай-лама, его 1-му министру и китайскимъ амбанамъ.

Девисъ, членъ индійскаго медицинскаго управленія, который въ Гуру заботился о раненныхъ тибетцахъ, описалъ формы тибетскихъ солдатъ регулярныхъ полковъ:

1-й Лхасскій полкъ—сѣрая куртка. Воротникъ шириной 5 дюймовъ съ красными и синими четырехугольниками и бѣлыми треугольниками

Кавалерійскій солдатъ въ кольчугѣ.

2-ой Лхасскій полкъ—какъ выше, но воротникъ 2 дюйма.

3-й полкъ—синяя куртка, воротникъ какъ во 2-мъ.

4-й полкъ—куртка синяя, воротникъ синій; красные четырехугольники.

Всѣ солдаты заплетаютъ волосы въ косы и бреютъ лбы, какъ китайцы; въ видѣ головного убора они надѣваютъ обыкновенныя тибетскія шапочки, съ загнутыми вверхъ полями. Нѣкоторые еще

носить желѣзные шлемы и кирасы типа, знакомаго намъ по средневѣковой литературѣ; кольчуги состоятъ изъ маленькихъ узенькихъ пластинокъ, похожихъ на листики ивы, около 1¹/₂ дюйма длины и соединенныхъ кожаной основой. Нѣкоторые также надѣваютъ кольчуги изъ цѣпей Кавалерійскій желѣзный шлемъ отличается отъ пѣхотнаго, на которомъ красуется пѣтушиное перо либо красная кисть, или павлиньи перья. Высше офицеры иногда одѣваютъ своихъ лошадей броней; мы захватили цѣлый новый лошадиный уборъ. Тибетскія кожаныя сѣдла и другія принадлежности блистаютъ яркими цвѣтами; прекрасные ковровые чепраки, шейныя кисти, массивныя пряжки и стремена, выложенныя серебромъ и золотомъ и сдѣланныя большею частью въ Держде, въ восточномъ Тибетѣ, очень хороши. На лошадахъ солдаты часто встрѣчаются некрѣпкія подпруги и узды, связанные струной. Палатки большею частью дѣлаются изъ непрочной бѣлой манчестерской бумажной матеріи, полученной черезъ Калькутту; на ней тамъ и сямъ виднѣется имя фабриканта и счастливыя діаграммы изъ сянго сукна.

Оружіе тибетскаго воина многочисленно и живописно. За его спиной виситъ мушкетъ или современное ружье: рукой онъ сжимаетъ длинное копье; съ его пояса свѣшивается безобразный длинный односторонній мечъ съ прямымъ тяжелымъ лезвиемъ. Когда огнестрѣлаго оружія не хватаетъ на весь полкъ, остальные солдаты несутъ луки и стрѣлы (последнія сдѣланы изъ бамбука съ оперенными желѣзными остриями въ 3 дюйма длины), а также пращи и тяжелые деревянные, плетеные или покрытые желѣзными выпуклостями щиты. Ихъ флаги или знамена треугольной формы; на древкахъ связки шерсти яковъ, выкрашенной въ пунцовый или синій цвѣтъ. Кавалеристы номинально вооружены мушкетами, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ вдобавокъ луки и стрѣлы. Они хорошо стрѣляютъ изъ луковъ. Лукъ составлялъ любимое оружіе тибетцевъ, и ихъ генералы, какъ я уже указалъ, все еще называются „господами стрѣлъ“. Они, какъ и подчиненные имъ офицеры, носятъ толстое кольцо изъ слоновой или простой кости на лѣвомъ большомъ пальцѣ въ защиту отъ тетевы. Когда мушкеты замѣнили луки, тибетцы продолжали называть ружья—огненными луками (мендахъ), такимъ образомъ сохраняя названіе своего стараго оружія. Ихъ мушкеты—длинные и тяжелыя желѣзныя ружья съ вилкой въ концѣ дула, для того, чтобы во время выстрѣла утверждать его на землѣ. У самыхъ большихъ мушкетовъ этой вилки нѣтъ; они поддерживаются плечомъ второго солдата, стоящаго спиной къ стрѣляющему. Джингали—маленькія продолговатыя пушечки, основаны на томъ же принципѣ. Выѣстилица пороха для мушкетовъ дѣлаются изъ маленькихъ бумажныхъ оболочекъ или изъ маленькихъ же закупоренныхъ костяныхъ бутылочекъ; однако, мушкетеры часто насыпаютъ порохъ прямо въ дуло своихъ длинныхъ ружей.

Въ Гуру мы нашли много современныхъ ружей лхасскаго издѣлія. Они сдѣланы по старому образцу Мартини и изготовлены въ Лхассѣ двумя магометанскими рабочими изъ Индіи, которые болѣе 10 лѣтъ тому назадъ были приглашены въ аресталь свя-

ценнаго города. Повидимому, эти магометане періодически посѣщали Калькутту и уносили съ собою необходимый матерьяль. Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ ими ружей отлично закончены и ихъ пули летятъ на три четверти мили или даже больше. Патронная часть ружей сдѣлана изъ спирально закрученной мѣдной проволоки. Вообще эти ружья вполне современнаго образца и ихъ нельзя презирать

Тибетскій порохъ главнѣйшимъ образомъ выдѣлывается въ Челхак-ангѣ, въ области Конгбу, въ нижней долиинѣ Тсангпо, откуда онъ вывозится въ громадномъ количествѣ. Говорятъ, что значительная часть селитры для этого вещества получается искусственнымъ путемъ. Почти весь свинець для пуль привозится

Вооруженіе тибетцевъ.

изъ Китая, изъ провинціи Сечуанъ, хотя говорятъ, что его также доставляютъ и изъ Непала. Пули иногда отливаются; мы нашли металлическія формы британскаго образца, однако много пуль въ сумкахъ плѣнниковъ были, очевидно, сдѣланы изъ металла, налитаго въ дырочки въ землѣ, а затѣмъ выкованнаго, для приданія имъ круглой формы. Во многихъ изъ пуль также заключались маленькіе камешки, которые дѣлаютъ ихъ разрывными, вродѣ „думъ-думъ“.

Солдатъ обучаютъ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ, заставляютъ производить примѣрные бои подѣ присмотромъ депёновъ; китайскіе амбаны періодически дѣлаютъ имъ смотры, испытывая ихъ успѣхи, особенно въ первый и второй мѣсяцъ; имъ раздають награды за успѣхи въ видѣ денегъ и подарковъ, или наказываютъ за недостатокъ искусства; на четвертый мѣсяцъ многие изъ нихъ посылаются охранять проходы; въ то же время они пасутъ тамъ свои стада.

Официальный рапортъ амбана о его инспекціи тибетскихъ войскъ очень интересенъ. Въ 1885 г. онъ написалъ, что произвелъ смотръ войскамъ и долженъ донести, что „три гарнизона въ Джантсе, Шигатсе и Тигри, состоящіе изъ китайскихъ и тибетскихъ солдатъ, хорошо исполнили различныя эволюціи и хотя не всѣ стрѣляли превосходно, но употребляли хорошіе приемы. Выказавшимъ особенные успѣхи были розданы щедрія награды; ихъ имена записали для повышенія и занятія свободныхъ ваканцій. Заслужившіе меньшія награды получили шелкъ, атласъ, сумки, ножи, чай и т. д.; неискусныхъ публично били на площадеѣ парада“. „Пекинская Газета“, 24-го января 1886 г.

Спеціальныи военныи совѣтникъ, амбанъ, показываетъ стратегическіе пункты для защиты страны.

Въ видѣ примѣра уроковъ приводимъ слѣдующее:

„Это мѣсто въ 60 ли (т. е. въ 20 миляхъ) отъ Ташилхумпо и представляетъ собою прекрасный пунктъ засады... послѣдніи три мѣста отличныя преграды для него... Къ сѣверу отъ Фари, въ четырехъ переходахъ отъ форта, находится фортъ Джантсе; по дорогѣ туда много стратегическихъ пунктовъ. Отъ Джантсе до Кангмара и его окрестностей—цѣлая серія перерѣзанныхъ горъ, а отъ Кангмара къ югу (до Туны) есть ущелье. На прямой дорогѣ между Лхассой и Шигатсе важныя пункты находятся въ Гушугѣ, Патсе, и Гуйдуе (Чунтун), всѣ къ сѣверу отъ Джантсе. Къ востоку отъ Джантсе-Тсома и Кунгпо важныя проходы на южной границѣ западнаго Тибета. Есть еще сѣверная дорога между Лхассой и Ташилхумпо, идущая на сѣверо-западъ отъ послѣдняго мѣста, по сѣверному краю Санпо и черезъ степь Ингначена; она занимаетъ всего десять переходовъ къ Лхассѣ. Важныя пункты этой дороги составляютъ: ущелье къ востоку отъ Дечинга, широкая гора Пабуле, Марджангъ и Латангъ, всѣ имѣютъ стратегическое значеніе“ *).

Тибетская армія нуждается въ очень небольшомъ комиссариатѣ. Каждый солдатъ можетъ самъ для себя нести двухнедѣльный запасъ ячменной муки, составляющей основную его пищу; если онъ ѣдетъ верхомъ, онъ можетъ везти этотъ запасъ безъ всякаго неудобства. Во время переходовъ онъ, какъ и всѣ другіе азіаты, живетъ на счетъ той страны, по которой идетъ. Рекруты должны приносить съ собою мѣсячный запасъ пищи, приобретенный на ихъ собственный счетъ. Когда тибетецъ въ пути, его пищу составляетъ горсть подсушенной ячменной муки, разведенной водой до степени густого тѣста; къ этому прибавляется щепотка соли и селитры, и тибетецъ ѣстъ массу въ сыромъ видѣ. Вечеромъ онъ ѣстъ мясо, если можно достать его. Мясо всегда варятъ, никогда не жарятъ и ѣдятъ съ топленнымъ масломъ; воду, въ которой оно варится, обыкновенно выкидываютъ, хотя иногда къ ней прибавляется мука, чтобы сгустить ее; тогда ее ѣдятъ, какъ супъ. Замѣчательно, что тибетцы никогда не пьютъ свѣжаго молока и не ѣдятъ жаренаго мяса, такъ какъ, по ихъ словамъ, это мѣшаетъ дыханію. Ихъ главную мясную пищу составляетъ сушеная баранина и, въ

*) Переведено У. Ровхилемъ.

меньшемъ количествѣ, сушеное мясо яковъ, полугнилое и очень жилистое; для того, чтобы ѣсть его, нужны сильныя челюсти и хорошее пищевареніе.

Главные офицеры, дзе́ны, получаютъ жалованье съ деревень, назначенныхъ имъ для этой цѣли; за свои же гражданскія обязанности они сами вознаграждаютъ себя изъ налоговъ на ввѣренныя имъ области. Менѣе важнымъ офицерамъ, начиная отъ

Тибетскіе пѣхотинцы въ кольчугахъ.

рупёновъ, платятъ маленькое жалованье, фунтовъ по семи, по три въ годъ; китайскія должностныя лица получаютъ разъ въ шесть больше, чѣмъ тибетцы. Солдатъ обыкновенно голодаетъ и не получаетъ ничего. Ему два раза въ годъ даютъ известное количество пакетовъ ячменя, а въ походъ ежедневную порцію ячменной муки и мяса; но денегъ онъ почти никогда не видитъ. Обыкновенная мѣсячная порція на человѣка состоитъ изъ 20 фунтовъ ячменной муки, 1 ф. соли и иногда немного мяса яковъ или баранины, бараній пузырь съ масломъ и поль-плитки чая.

Не одни дерзкіе ламы, полагаясь на силу своей, по ихъ мнѣнію, прекрасно организованной арміи, на ружья, сдѣланныя въ Лхассѣ, и на новую систему обученія войска, считали, что они сильнѣе британцевъ; весь народъ былъ подавленъ совершенствами тибетцевъ: лепчасы и другія маленькія племена до того боялись ихъ, что многіе транспортники дезертировали, предполагая, что непобѣдимые тибетцы уничтожатъ наши силы. Дѣйствительно, при Гуру тибетцы оказались не трусами. Тѣ изъ нихъ, которые рѣ-

Талисманъ противъ пуль.

пились выйти изъ-за прегражденій подъ градъ пуль, а также мечники, рубившіе, принося вѣрную смерть, выказали не менѣе дикій и неукротимый духъ, нежели афганцы. У нихъ есть воинское мужество и, конечно, послѣ хорошаго обученія они могли бы сдѣлаться надежной приграничной силой обороны.

Заставляя этихъ бѣдныхъ обманутыхъ крестьянъ-солдатъ драться, ламы дѣйствовали на ихъ вѣру въ заклинанія и дали каждому изъ нихъ по талисману противъ пуль *), говоря, что наши пули не

*) Талисманъ состоитъ изъ мистической буквы, написанной на бумагѣ особенными зачарованными матерьялами; буква окружена листьями лотоса и

принесутъ имъ никакого вреда. Поэтому у всѣхъ воиновъ, которые противились намъ въ Гуру, на шеѣ, въ амулетныхъ ладонкахъ, висѣли заклинанія, потерпѣвшія жалкую неудачу. Ни хоръ проклятій ламъ, ни ихъ талисманы не произвели ни малѣйшаго дѣйствія. Напротивъ, точно въ силу горькой ироніи судьбы, многие изъ тибетцевъ получили при Гуру смертельныя раны отъ пуль, пробившихъ ихъ амулеты. Впослѣдствіи ламы оправдывались, говоря, что они дали талисманы противъ свинцовыхъ пуль, тогда какъ въ нашихъ была примѣсь серебра, а потому заклинанія оказались недѣйствительными; они обѣщались исправить этотъ недостатокъ и впослѣдствіи дать имъ вполне непогрѣшимыя заклинанія.

ГЛАВА X.

Движеніе къ Джіантсе, мимо озеръ Рхамъ и Кала; битва въ ущельѣ „Краснаго Идола“.

„Безроговому яку — самая жалкая веревка;
беззащитному народу задняя дверь“.

„Мышь съ сильнымъ сердцемъ можетъ
поднять слона“.

Тибетскія пословицы.

Покинувъ несчастную деревню Гуру, наша армія продолжала двигаться по открывшейся дорогѣ къ большому торговому городу Джіантсе, который находился миль на 80 дальше. Хотя миссія теперь приняла характеръ военной экспедиціи, она не хотѣла дѣйствовать въ карательномъ духѣ, намѣреваясь только разсѣивать силы, которыя вздумали бы преграждать ей путь или нападать на ея лагерь: мы положительно не чувствовали ни тѣни злопамятства, и не ссорились съ народомъ.

Въ прекрасное весеннее утро, 5-го апрѣля, мы безъ сожалѣній покинули негостеприимную деревню Гуру и двинулись къ сѣверу, подъ низкими коричневыми холмами, по травянистому западному берегу большого озера Рхамъ, вдоль его обширной пелены синей воды, походящей на море и занимающей около 15-ти миль въ длину и около 4-хъ или 5-ти миль въ ширину. Наиболѣе удаленный берегъ озера представляетъ горную страну, которая поднимается къ обнаженнымъ снѣжнымъ вершинамъ и ледникамъ цѣпи Чумолхари. На этомъ самомъ озерѣ въ ноябрѣ 1783 г. капитанъ Тернеръ катался на конькахъ. Хотя ледъ еще покрывалъ края Рхама, на его отмеляхъ и открытыхъ заводяхъ уже толпилось много

концентрическими кругами, въ которыхъ помѣщены тексты изъ буддійскихъ книгъ; посреди огней въ верхнихъ углахъ находятся: мечъ и скипетръ молніи или дордже; въ нижнихъ углахъ — драгоцѣнность, символъ заклинанія великаго ламы, и божественный лотосъ. Центральная мистическая буква въ той копѣ, которая есть у меня, звучитъ, какъ „дзамъ“, что, вѣроятно, должно подражать жужжащему звуку пули, по гомеопатической системѣ магіи древнихъ.

разнообразныхъ водяныхъ птицъ, дикихъ утокъ и гусей, чирковъ, чаекъ и журавлей, а также нѣсколько разновидностей нашего пѣвчаго дрозда; очевидно птицы выводили дѣтей За сапфировой полосой воды виднѣются черныя хижины пастушеской лѣтней стоянки Рхамъ, которая и дала названіе озеру. Мимо нея вѣтса сократительная дорога къ Лхассѣ, однако рѣдко служащая путемъ сообщенія, потому что она дважды поднимается къ высокимъ проходамъ и на ней нѣтъ постоянныхъ деревень, которыя служили бы пріютомъ или доставляли бы пищу; по этой дорогѣ въ теченіе недолгихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ кочуютъ только бродячіе пастухи со своими стадами. На сѣверномъ концѣ озера блеститъ, какъ бѣлое пятно, на скалистомъ откосѣ маленькій монастырь Лапчи, составляющій отдѣленіе монастыря на горѣ Эверестъ, которая находится миляхъ въ 150-ти къ западу и совершенно не видна отсюда.

Вниманіе часто отвлекалось отъ прекрасныхъ картинъ природы напоминаніями о плачевныхъ обстоятельствахъ нашего движенія, такъ какъ на протяженіи многихъ миль лежали разлагавшіяся груды труновъ обжавшихъ тибетцевъ, которыхъ пять дней тому назадъ преслѣдовала ѣдящая пѣхота.

По дорогѣ мы встрѣтили нашихъ изыскателей съ ихъ теодолимами и чертежами; они снимали планы подъ руководствомъ капитана Райдера. Приблизительно на шестой милѣ послѣ соленыхъ источниковъ съ накипью, употребляющейся въ видѣ мыла, мы попали въ свѣжіе зеленые луга подлѣ деревни До-Чень (или Большой лугъ); отсюда отходить дорога вверхъ по боковой долинь, черезъ холмы къ Кхамба Джонгу. Въ этомъ мѣстѣ грубая жесткая трава верхней части долины уступила мѣсто зеленой бархатистой травѣ, которую съ жадностью сосали наши бѣдные голодные яки *); срывать ее они не могли, такъ какъ она была слишкомъ коротка. Мы сочли хорошимъ признакомъ, что никто изъ крестьянъ не заперся. Всѣ они были налицо со своими женщинами, пскачивали головами и съ удивленіемъ смотрѣли на процессію нашихъ телѣгъ, проѣзжавшихъ мимо.

Мы увидѣли китайскаго мандарина подъ краснымъ зонтикомъ и въ сопровожденіи свиты; китаецъ заявилъ намъ, что онъ генералъ Ма, посланный амбаномъ, чтобы присутствовать при переговорахъ Капитанъ Паръ изъ Ятунга, аккредитованный представитель Китая, сопровождавшій насъ, сказалъ, что Ма только майоръ, но, согласно старому китайскому обычаю, получилъ временный дипломъ на болѣе высокій рангъ въ благодарность за то, что онъ перѣхалъ границы въ страну варваровъ. Это былъ толстый, улыбающійся человекъ среднихъ лѣтъ, старавшійся произвести хорошее

*) Наши транспортные яки, которымъ приходилось жалкимъ образомъ самимъ добывать себѣ пищу, принадлежали къ тремъ разрядамъ: а) собственно яку, большой крупный быкъ; б) дримо, или корова яка; в) джобо, или помѣсь яка съ индійской или гималайской коровой. Каждое изъ этихъ животныхъ несетъ грузъ въ 160 ф. на протяженіи 6-ти миль, но, благодаря продолжительности нашихъ переходовъ и слабости животныхъ, этотъ грузъ раздѣляли на двухъ яковъ. Было найдено, что яки джобо выносливѣе, покорнѣе и менѣе склонны къ заболѣванію, чѣмъ настоящіе яки.

впечатлѣніе. Ма уговаривалъ генерала и полковника Іонгхѣ-бенда не ѣхать въ Джіантсе, который, по его словамъ, представлялъ собою такое же холодное и негостепріимное мѣсто, какъ Туна; однако, онъ соглашался, что Лхасса прекрасный городъ, съ деревьями и съ роскошью Китая. Между прочимъ Ма сказалъ, что онъ только-что былъ въ Джіантсе и по дорогѣ встрѣтилъ много бѣглецовъ. Съ нашей арміей онъ снова двинулся къ Джіантсе.

Между тѣмъ, небо покрылось облаками, налетѣлъ порывъ вѣтра и поднялъ воды озера въ большія волны, которыя разломали ледъ, окаймлявшій берега, смѣшали его съ полурастаявшимъ снѣгомъ и образовали изъ всего бѣдую пѣну. Когда мы были въ концѣ озера, пошелъ полуталый снѣгъ. Тутъ Рхамъ входитъ въ узкое

Овцы сѣвернаго Тибета въ долинѣ озера Рхамъ.

ущелье и затѣмъ снова расширяется, образуя меньшее озеро Кала, на нѣсколько миль ниже; мы раскинули лагерь на открытомъ, пустынномъ, печальномъ и негостепріимномъ берегу подъ холоднымъ мятущимся снѣгомъ и съ большимъ трудомъ развели огонь для приготовления кушанья. Понятно, невозможно было найти топлива на мѣстѣ и намъ пришлось принести его съ собой, что крайне увеличило наши транспортныя затрудненія. Это озеро, какъ мнѣ сказали, замерзаетъ въ половинѣ октября, и съ ноября до половины февраля, когда оно начинаетъ таять, изъ него не вытекаетъ воды. Здѣсь дорога отъ Джіантсе соединяется съ тунско-лхасской дорогой, создавая изъ этого пункта до извѣстной степени важную стратегическую позицію, открытую для нападений съ двухъ сторонъ. Мы встрѣтили раненаго тибетца изъ Гуру и перевязали ему раны. Когда снѣгъ прекратился, нѣкоторые изъ нашихъ самыхъ жаркихъ охотниковъ, не боясь рѣзкаго вѣтра, отправились на охоту и застрѣ-

лили нѣсколько утокъ на обѣдъ. И убилъ чайекъ двухъ породъ, какъ примѣръ экземплярвъ, но мнѣ было очень трудно достать ихъ, потому что онѣ упали въ воду посреди плававшихъ ледяныхъ глыбъ. Когда метель прекратилась, снѣгъ скоро растаялъ, и передъ нами явились великолѣпные облачные эффекты надъ свѣжыми цѣпями.

На слѣдующій день, 6-го апрѣля, дорога повела насъ внизъ по ущелью; въ этомъ мѣстѣ озеро прорывается сквозъ узкую щель въ грядѣ скаль, стоящихъ въ концѣ тѣснаго прохода, и въ видѣ шумнаго потока несется по каменистой долинѣ въ озеро Кала, которое лежитъ на 4 мили ниже Рхама. На картахъ и въ перечняхъ нашихъ туземныхъ изслѣдователей нѣтъ и признака этого прохода. Мы миновали деревню Тзалу (Чалу-картъ), стоящую среди расположенныхъ террасами полей ячменя, которыя орошаются ирригаціонными каналами, берущими воду изъ потока, и съ большимъ удовольствіемъ вступили въ полосу воздѣланныхъ полей, хотя окружающія горы были попрежнему унылы, каменисты и обнажены, безъ одинаго дерева или куста гдѣ бы то ни было; мы невольно восхищались смѣлыми, настойчивыми горцами, которые устроили себѣ жилища на такой высотѣ, посреди такихъ негостепримныхъ горъ. Ихъ дома пестрѣли заклинаніями отъ дьяволовъ бурь и дурного глаза. На крышахъ виднѣлись красноватая курчавая или „браманскія“ утки; онѣ сидѣли или расхаживали, какъ дома, точно ручные голуби, и подпускали насъ къ себѣ на разстояніе немногихъ ярдовъ. Даже когда нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ стали бросать въ нихъ камнями, онѣ не хотѣли улетать Своихъ птенцовъ онѣ выводятъ въ тростниковыхъ заросляхъ на берегу рѣки; тибетцы не беспокоятъ этихъ птицъ, такъ какъ считаютъ ихъ особенно священными, потому что онѣ одѣты желтымъ цвѣтомъ рясы буддійскаго монаха, то же заставляетъ индусовъ называть ихъ „браманскими“ утками, когда онѣ зимой посѣщаютъ долины Индіи.

Я снова навелъ справки о предполагаемомъ пребываніи въ этой мѣстности знаменитаго китайскаго буддійскаго пилигрима Хьюень-Тсианга, который въ VII столѣтіи посѣтилъ Индію и оставилъ удивительно подробныя и точныя записки о своихъ путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ, служащія для насъ лучшимъ и поистинѣ единственнымъ точнымъ отчетомъ о географіи древней Индіи. Одинъ китайскій комментаторъ *) говоритъ, что Хьюень-Тсиангъ вернулся изъ Индіи въ Китай черезъ Тибетъ, и въ деревнѣ Тсаили, „въ честь ея фермы Као-Лао (или Као-Лао Чуангъ), гдѣ, какъ предполагается, прошелъ господинъ вѣры, творятся добрыя дѣла“. Рокхиль, который перевелъ предыдущую замѣтку, говоритъ, что, по словамъ тибетцевъ, эта деревня Тсаили или „Тса Ли“ находится приблизительно на разстояніи трехдневнаго пути на юго-востокъ отъ Ташильхумпо, по дорогѣ въ Индію. Главная дорога къ Индіи идетъ изъ Ташильхумпо въ юго-восточномъ направленіи, и деревня Тзалу

*) Рокхиль въ «Журн. Азіатск. Общ.». Клапротъ говоритъ, что другое названіе Тса-ли было—«Бегони-сангъ», но такое названіе неизвѣстно въ Тзалу или въ Шалу, мѣстѣ, лежащемъ ниже, въ долинѣ Кунтмаръ.

лежитъ на разстояніи трехдневнаго пути отъ этого города. Ферма „Као-Лау“ или „Као Лао Чуангъ“ повидимому обозначаетъ ферму Тзалу подлѣ Кала или Кала-Тсо, потому что китайскія формы на званій мѣстъ всегда слегка отличаются отъ тибетскихъ. Но здѣшніе жители не сохранили никакихъ мѣстныхъ традицій объ этомъ событіи, и я думаю, что нѣтъ особенныхъ основаній отыскивать здѣсь слѣды пребыванія пилигрима, потому что, согласно собственнымъ замѣткамъ Хьюенъ-Тсианга, онъ не входилъ въ Тибетъ, а изъ Китая и въ Китай шелъ по туркестанскій дорогѣ.

Мы миновали много совершенно разрушенныхъ брошенныхъ деревень. Повидимому, это тѣ самыя поселенія, которые видѣлъ Богль больше ста лѣтъ тому назадъ и узналъ, что они были уничтожены набѣгами бхотанцевъ за нѣсколько лѣтъ до его посѣщенія. На четвертой милѣ узкое ущелье открылось въ широкую, доступную вѣтрамъ долину Кала, съ ея озеромъ, которое, не будучи такъ широко, какъ Рхамъ, все же представляетъ собою прекрасную пелену синей воды въ 5 или 8 милъ длины и въ 2—3 ширины.

Озеро Кала занимаетъ широкую окруженную отмелями впадину между песчаниковыми горами высотой отъ 500 до 1.000 ф. надъ его уровнемъ; только въ восточномъ концѣ берегъ озера покато поднимается на высоту около 100 ф. или больше, образуя большую долину милъ въ 10 длины и въ 5 ширины. У подножія горъ расположена деревня изъ двухъ частей. вмѣщающая семьдесятъ двадцать; она находится на разстояніи мили отъ т-перешней границы воды; очевидно, озеро отступило отъ нея сравнительно въ недавнее время, какъ и озеро Рхамъ отъ Туны, и оставило низкій печальный берегъ, бывшій его дномъ; вода простиралась до деревни не въ очень древнія времена, хотя крестьяне не сохранили опредѣленныхъ преданій относительно этого и только увѣряли насъ, что озеро отходитъ отъ нихъ. На этихъ мелкихъ отступающихъ озерахъ мы видимъ примѣръ того, какъ образовывались такъ называемыя „плоскости“ Тибета. Уровень воды озера Кала, которое, какъ говорятъ, не имѣетъ выхода, сильно измѣняется: въ дождливое время года онъ становится выше, и озеро увеличивается на четверть мили или около того. Берегъ Кала покрытъ слоемъ черной слизистой тины, полной мелкихъ раковинокъ, ихъ осколковъ и изобилуетъ животной жизнью и полусгнившими органическими веществами. Вода въ немъ, хотя прозрачная, слегка темноватаго цвѣта, берегъ покрытъ бѣлой соленой коркой, которая подтверждаетъ мѣстныя утверженія, что у озера нѣтъ выхода, хотя на картахъ нашихъ туземныхъ исследователей и въ отчетѣ Богля показано, что оно на востокѣ сливается съ рѣкой Джіантсе. Въ немъ было много рыбы, и водяныя птицы охотились за ней; тутъ были тысячи гусей, утокъ *), дикихъ цирковъ, а также курчавыхъ утокъ, разныхъ породъ чаекъ, тибетскихъ рѣнолововъ, пинголицъ и т. д.; почти всѣ онѣ держались парами и, очевидно, выводили здѣсь птенцовъ. Мы застрѣлили нѣсколько сѣрыхъ гусей, селезня, плутоноса и прибрежнаго орла.

*) Тибетцы называютъ ихъ „тинными птицами“ или „дамъ-ча“.

Рыбъ было необыкновенно много, очень хорошихъ на вкусъ; нѣкоторыя вѣсили отъ одного до трехъ фунтовъ и даже больше. Большинство изъ нихъ покрывала очень мелкая чешуя и почти всѣ обладали парой усиковъ-щупальцевъ. Здѣсь тибетцы ловятъ рыбу, заходя далеко въ бродъ по озеру; тамъ они забрасываютъ сѣть и и четверомъ тащатъ ее на берегъ. Для ловли также выѣзжаютъ лодки; нѣкоторые удятъ рыбу удочкой, насаживая на крючекъ гѣсто изъ ячменной муки. Рыбъ приготавливаютъ для соленія, распластывая ихъ, какъ селедокъ, вычищаютъ, сушатъ на солнцѣ и потомъ складываютъ въ запасы или посылаютъ въ Фари, или въ иное мѣсто для соленія и промѣна. Въ каждомъ домѣ деревни имѣлся большой запасъ вяленой рыбы, сложенной въ груды, а потому повсюду стоялъ сильный рыбный запахъ. Вдоль берега рѣки тянулось много полей и ихъ орошала вода потока, также какъ и травянистые луга (панки).

Говорятъ, что въ окружающихъ горахъ много дичи и встрѣчается гигантскій баранъ или „ниант“ (*Ovis ammon*), а также антилопа и газель; но ни у кого изъ крестьянъ не было ни кожь, ни рогъ гигантскаго барана; мы же видѣли только газелей.

Въ деревнѣ нашелся только одинъ правоспособный человекъ, староста, который сказалъ, что всѣхъ остальныхъ мужчинъ и юношей увели въ Джантсе, чтобы драться противъ насъ.

Я осмотрѣлъ озеро довольно подробно, имѣя въ виду формацию плоскостей Тибета, изъ которыхъ каждая, очевидно, когда-то составляла дно какого-нибудь мелкаго озера въ типѣ озеръ Кала и Рхамъ. Всѣ они произошли благодаря запрудамъ, загородившимъ истеченія водъ изъ центральной долины, но какая причина образовала эти преграды—до сихъ поръ спорный вопросъ и, можетъ быть, мѣстныя изслѣдованія озеръ прольютъ на него извѣстный свѣтъ. Гряда, создавшая озеро, а потомъ озерную плоскость Лингмо, несомнѣнно, наноски съ горъ нижней части долины или обвалы, упавшіе въ томъ же мѣстѣ. Скалистыя преграды въ нижнихъ концахъ озерныхъ долинъ Кала и Рхамъ могли вначалѣ составлять внѣшнія границы впадинъ, образующихъ эти озера, можетъ быть также, онѣ поднялись въ позднѣйшій періодъ, во время поднятія цѣпи. Вѣдь вся чудовищно-большая горная цѣпь Гималаевъ первоначально поднялась оттого, что земная кора въ данномъ мѣстѣ сжалась, треснула, причемъ одинъ изъ краевъ трещины долженъ былъ подняться и все продолжать подниматься въ теченіе долгаго періода, благодаря дѣйствию вулканическихъ или иныхъ причинъ; и онъ поднимался неравномѣрно: однѣ части поверхности вздымались больше, другія меньше, третьи же осѣдали. Благодаря тому, что нижній конецъ существующей долины поднимался, или въ силу того, что ея верхній конецъ осѣдалъ, впадина озера осталась за преградой, которая пресѣкла истеченіе изъ нея воды.

На песчаниковыхъ обнаженныхъ утесистыхъ горахъ кругомъ озера Кала виднѣлись глубокія борозды, прорытыя водой; казалось, страшные ливни избородили и обнажили ихъ. Въ западномъ концѣ озера откосы горъ усѣивали карликовые можжевельники, занимающая полосу шириной приблизительно 100 ф. отъ берега.

На слѣдующій день, 7-го апрѣля, мы двинулись по песчаной плоскости, составлявшей прежде дно отступившаго озера, къ восточному выходу изъ долины. На протяженіи миль восьми она была совершенно горизонтальной, потомъ поднялась футовъ на 200 или больше по вѣерообразному склону гравія и мелкихъ валуновъ, смытому изъ смежной долины справа отъ насъ. Эта пампвная песчаная дамба отрѣзала озерную долину отъ широкой центральной равнины, тянувшейся передъ нами, по которой быстро неслась рѣка Джіантсе или Ніангъ-чу, вытекавшая изъ ледниковъ сѣвернаго отрога дѣли Чумолхари; въ этомъ мѣстѣ дѣль „Богини-Владычицы“ тянется вверхъ, поднимается дѣломудренно-снѣжными вершинами, носящими имя: „Девять монахинь“ (Ани Гумо). Воды озера Кала, очевидно, когда-то имѣли здѣсь выходъ и ихъ старое глубоко прорѣзанное ложе еще сохраняется со своими почти вертикальными стѣнами въ 50 ф. глубины. Очень интересно слѣдующее. Богль замѣчаетъ, что въ эпоху его посѣщенія, 130 лѣтъ тому назадъ, изъ озера вытекала рѣка:

„Изъ него (озера Кала) къ сѣверу течетъ потокъ. Мы нѣскольکو дней шли по нему; онъ впадаетъ въ Тзанпу подлѣ Шигатсе“.

Слѣдовательно, это была рѣка Ніангъ, теперь отдѣленная отъ озера Кала высокой естественной дамбой изъ гравія, на которой стояли мы. Если это наблюденіе истина, оно доказываетъ, что за послѣднія 130 лѣтъ уровень озера Кала упалъ на 200 ф., и его вода отошла на 16 миль или больше. Уменьшеніе ледниковъ позволяетъ температурѣ воздуха сильно подниматься и, безъ сомнѣнія, способствуетъ высыханію озера, разъ оно дѣлается ниже уровня своего выводного рукава. Въ настоящее время водная поверхность Кала ниже уровня рѣки, которая течетъ за его восточной преградой.

Такое запруженіе центральныхъ равнинъ вѣерообразными спусками гравія, оползающими съ окрестныхъ высокихъ долинъ, очевидно, сыграло главную роль въ созданіи сливающихся или почти слившихся вмѣстѣ озеръ, густо разсѣянныхъ по долинамъ Тибета, причемъ, высохнувъ, они образуютъ плоскости. Абсолютно горизонтальная поверхность равнинъ показываетъ, что ихъ созидало не теченіе рѣкъ, а уравнивающее дѣйствіе озеръ. Наблюдая озера Кала и Рхамъ, мы видѣли процессъ формировація равнинъ. Безъ сомнѣнія, запруживаніе рѣкъ, которыя при этомъ образовывали озера, совершалось съ болѣею силой въ ледниковый періодъ: тогда скалы дробились на части, благодаря движенію льда и силѣ мороза, а вода могла передвигать огромные обломки на значительныя разстоянія. Равнины, сформированныя изъ бывшихъ озеръ, такимъ образомъ, представляютъ недавнія образованія; рѣки глубоко прорѣзали ихъ на 10—100 футовъ глубины или больше, разрывая мягкіе слои, которые въ ранній періодъ осѣли въ этихъ озерахъ.

Ландшафтъ претерпѣлъ одну изъ тѣхъ внезапныхъ переиѣнъ, къ которымъ мы уже привыкли. Мы достигли вершины запруды озера, вышли изъ унылой бесплодной каменистой мѣст-

ности и, послѣ еле замѣтнаго спуска, очутились снова въ полосѣ деревьевъ, въ прекрасной обширной зеленой долинѣ, усѣянной селами; по ея зеленѣющимъ лугамъ неслась шумная рѣка.

Мы раскинули лагерь на старомъ озерномъ ложѣ, вѣроятно нѣкогда бывшемъ восточнымъ концомъ большого озера центральной равнины, западный заливъ котораго составляло озеро Кала. Рѣка этой центральной долины шумно неслась на сто футовъ ниже насъ по широкому руслу, съ очень высокими берегами и прорѣзанному въ бывшемъ днѣ озера. Это— „рѣка Радости“ (Ніангъ), текущая мимо Джіантсе, и мы привѣтствовали ея блѣдно голубяя воды, спѣшившія черезъ зеленый дернъ у нашихъ ногъ, какъ первое положительное доказательство того, что мы дѣйствительно перешли черезъ высокій водораздѣлъ Гималаевъ; мы знали, что шумныя воды, на которыя мы смотрѣли сверху, спѣшили миновать Джіантсе и Шигатсе, влиться въ большую рѣку Тибета, Тсангпо, потомъ въ Ассамъ, въ Индію, соединиться съ Браманпутрой. Крестьяне деревушки Шалу, состоявшей изъ дюжины жалкихъ каменныхъ хижинъ, пришли къ намъ въ лагерь, продавая топливо, состоявшее по большей части изъ корней сухой крапивы, въ большомъ изобиліи покрывающей равнину. Имѣя въ виду названіе деревни, я освѣдомился о великомъ пилигримѣ Хьюэнъ-Тсиангъ, но безъ результата.

Тутъ приблизительно на уровнѣ 14.000 ф. мы снова попали въ полосу кустовъ. Въ западной части долины карликовый красный можжевельникъ, отъ 6 до 10 ф. высоты, густыми зарослями покрывалъ горы до самыхъ ихъ вершинъ, очевидно представляя собой остаткі лѣса, который въ прежніе годы одѣвалъ всѣ горные склоны и пережилъ нападеніе человѣка; деревья стоятъ на самыхъ недоступныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ крестьяне не могли легко добыть ихъ для топлива. Присутствіе деревьевъ въ верхней части озера Кала внушаетъ мысль, что здѣшнія горы, вѣроятно, глубоко изрыты и такъ обнажены благодаря тому, что населеніе уничтожило охраняющія чаши.

Днемъ пришли вѣсти, которыя показали, что, несмотря на жестокий кровавый урокъ, полученный ими при Гуру, лхасскіе ламы намѣревались продолжать противиться нашему движенію. Пикетъ высланный нами, нашелъ, что тибетцы заняли укрѣпленную стѣну въ 10-ти миляхъ отъ насъ, на равнинѣ, и что деревня Самада была укрѣплена и находилась въ рукахъ тибетцевъ и красныхъ ламъ; они знаками подозвали къ себѣ нашихъ солдатъ. Когда пикетъ приблизился на 150 ярдовъ, тибетцы открыли по немъ внезапный огонь и ранили одного человѣка. Послѣ такого предательства нашъ отрядъ отступилъ подъ прикрытіе и затѣмъ сталъ стрѣлять, рана и убивая многихъ. Наша ѣздающая пѣхота уже оказала намъ безцѣнные услуги, неся развѣдочную службу, узнавая о присутствіи и намѣреніяхъ непріятеля и преслѣдую его во время отступленія. Хотя Тибетъ слишкомъ горная страна для кавалеріи, маленькія косматыя лошадки, по большей части изъ тибетскихъ табуновъ, свободно несли своихъ всадниковъ: сипаевъ, патанцевъ, гуркховъ и сикховъ, расѣивались по равнинѣ и безъ

труда поднимались съ ними на откосы горъ или спускались по крутымъ склонамъ.

На слѣдующее утро мы двинулись по широкому лугу рѣки Нангъ къ Самадѣ; оказалось, что непріятель ушелъ, оставивъ четырехъ убитыхъ. Вся деревня также была пуста; женщины и дѣти спрятались въ монастырѣ, стоявшемъ подъ горой, въ поляхъ. Теперь мы пришли къ ивовымъ зарослямъ, посреди которыхъ прыгало множество большихъ тибетскихъ сорокъ съ черными и бѣлыми перьями и съ длинными, блестящими темно зелеными хвостами. По мѣрѣ того, какъ мы шли, деревни дѣлались многочисленнѣе, и вблизи каждой изъ нихъ находился паразитный монастырь со своими лѣнливыми священниками. Надъ большей частью этихъ монастырей, на откосахъ стояли тексты, составленные изъ бѣлыхъ кварцевъ. Каждая ихъ буква была длиною въ 15—20 ф., такъ что изреченіе бросалось въ глаза на разстояніи нѣсколькихъ миль. Послѣ „Омъ мани“ самымъ обыкновѣннымъ текстомъ былъ: „Привѣтъ всевѣдущему великому ламѣ“. Все возроставшую прелесть веселаго пейзажа омрачали многочисленные разрушенныя и заброшенныя деревни, мимо которыхъ мы проходили—ихъ было больше, чѣмъ жилыхъ. Судя по этому, казалось, что нѣкогда здѣсь жило гораздо болѣе густое населеніе. Крестьяне говорили, что покинутыя деревни были болѣе частью разорены сунгарскими татарами около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, въ то время какъ другія ихъ орды грабили Лхассу*); нѣкоторыя же изъ деревень опустошили дьяволы оспы и другія повальныя болѣзни.

Долина сузилась въ ущелье, черезъ которое рѣка быстро неслась къ другому сухому бассейну озера, гдѣ было гораздо больше деревьевъ; противъ сильно укрѣпленнаго монастыря, напоминавшаго средневѣковый замокъ, стояла настоящая густая роща изъ березъ, тополей и ивъ, причемъ нѣкоторыя деревья были около 20-ти ф. высоты. Кругомъ повидимому зажиточной деревни виднѣлись остатки костровъ, на которыхъ непріятель готовилъ кушанье за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Сельскій староста сказалъ намъ, что здѣсь прошло около 100 человѣкъ солдатъ изъ Джіантсе, собираясь выступить противъ насъ въ ущельѣ между двумя озерами близъ Кала; однако, тибетцы испугались, вернулись и теперь заняли стѣну, преграждавшую дорогу у Кангмара. Эту неприятную новость подтвердили и наши развѣдчики; приглашенный ими вѣстовой сказалъ, что они видѣли тибетцевъ, занявшихъ ущелье за укрѣпленной стѣной съ бойницами, которая поднималась на откосъ горы, футовъ на тысячу надъ рѣкой. Поэтому мы остановились въ двухъ миляхъ отъ укрѣпленія тибетцевъ, близъ стариннаго разрушеннаго замка (гдѣ мы спугнули нѣсколько косматыхъ зайцевъ и тибетскихъ куропатокъ, полетѣвшихъ на горы)

*) Это—племя айлейтскихъ монголовъ, называемыхъ восточными или сунгарскими татарами, живущее вдоль восточнаго склона Гиндукуша; они разграбили Лхассу въ 1710 г., и манжурская династія нашла нужнымъ сломить ихъ дерзкую силу.

и по обыкновенію, на случай ночного нападенія, окружили нашъ лагерь оградой колючей проволоки.

На слѣдующее утро генераль осторожно двинулъ свои силы и, увидѣвъ большую стѣну, послалъ отрядъ обойти ее. Когда наши поднялись къ позиціи, оказалось, что врагъ бѣжалъ, оставивъ нѣсколькихъ убитыхъ во время вчерашней схватки съ бѣдащей пѣхотой. Одинъ плѣнникъ, котораго мы захватили, сказалъ, что тибетцы потеряли шесть убитыхъ и трехъ раненныхъ. Стѣна, выстроенная за недѣлю передъ тѣмъ, представляла собой замѣчательно крѣпкую постройку съ хорошо сдѣланными бойницами и разумно протянутую черезъ ущелье тамъ, гдѣ рѣка Нянгъ прорывается между утесами изъ краснаго песчаника. Такъ какъ она могла представлять собою прикрытіе для непріятели и затруднять наше движеніе, генераль приказалъ своей арміи остановиться и разрушить ее.

Цѣлая серія крутыхъ скалистыхъ отроговъ изъ краснаго песчаника, входящихъ здѣсь въ долину, точно гигантскіе пальцы, вѣроятно, придали названіе этому мѣсту. Его называютъ: „Красная нога“ (Кангмаръ)*).

Большое село Кангмаръ стояло какъ разъ за стѣной при входѣ въ травянистую боковую долину, которая, поднимаясь, поворачивала вправо; отсюда по ней шла вѣтвь торговой дороги къ Лхассѣ, сокращавшая, сравнительно съ дорогой черезъ Джантсе, путь на нѣсколько переходовъ. Лхасскія власти считаютъ ее настолько важной въ стратегическомъ отношеніи, что сами завѣдуютъ ею, хотя она и принадлежитъ къ западной провинціи. Еще Боуль упоминаетъ, что такъ было и въ его время. На разстояніи приблизительно полумили отъ деревни былъ горячій источникъ, вода котораго при посѣщеніи Тернера въ 1793 г. имѣла 88° Фар, при температурѣ воздуха въ 44°. Я нашелъ, что вода имѣла все тѣ же 87° Фар. при температурѣ воздуха въ 56°. Въ парѣ не чувствовалось запаха сѣрнистаго водорода, вѣроятно, потому, что дорога съ милою тянулася по пористой, похожей на пепель навиши (туфу), очевидно, известковой фармаціи и была обильно посыпана свѣтловиднымъ осадкомъ. Развѣдчики сообщили, что врагъ основался при выходѣ изъ большого ущелья „Краснаго Исла“, въ Зандангъ, мили на 3 отъ насъ, и поставилъ тамъ пушки (джингали); вслѣдствіе того мы расположились на ночь при входѣ въ это ущелье въ хорошенькой маленькой деревенькѣ, окруженной красивыми ивами и березами, напоминавшими садъ пригородной лондонской виллы. Раньше чѣмъ мы успѣли разбить палатки, снова пошелъ мокрый снѣгъ.

На слѣдующее утро, 10-го апрѣля, мы въ 8 часовъ въ боевомъ порядкѣ тронулись въ путь. Поднялись мы по обыкновенію въ 5 часовъ утра, наскоро позавтракали въ морозномъ воздухѣ и, сложивъ наши палатки, приготовились къ выступленію,

*) Одинъ тоже мѣстный житель иначе писалъ это слово, и тогда оно обозначало „Красный домъ“, хотя въ деревнѣ не было краснаго дома, по крайней мѣрѣ, въ наше время.

собирался силой прорваться черезъ проходъ; всѣ обозныя вещи, уже упакованныя и готовыя явиться по сигналу, остались позади насъ въ лагерѣ. По обѣимъ сторонамъ ущелья по возвышенностямъ ѣхали развѣдчики; часть ѣздящей пѣхоты и передовыя колонны растяннулись по глубокой впадинѣ; свади ѣхалъ генералъ со своимъ штабомъ, затѣмъ двигались батареи, главный корпусъ и резервные отряды.

Теперь мы вошли въ большой мрачный ровъ, по которому рѣка прорывалась черезъ высокій рядъ центрально-гималайской цѣпи Саундерсовъ, поднимавшейся крутыми утесами по обѣимъ сторонамъ нашего пути на 2.000 ф. или больше и въ общемъ достигавшей высоты въ 16.000 или 17.000 ф. Наша дорога лежала по уз-

Губернаторъ (джонгпѣнъ) форта Джіантсе.

кому берегу у подножія почти вертикальныхъ стѣнъ. Нельзя было себѣ представить менѣе пригодной мѣстности для того, чтобы маленькая армія могла прорваться сквозь позиціи, занятыя непріятелемъ, и если бы небольшой отрядъ афганцевъ охранялъ проходъ, нельзя было бы даже рѣшиться на это предпріятіе безъ силъ въ шесть разъ большихъ, чѣмъ наши.

Оказалось, что тибетцы заняли гряду съ лѣвой стороны отъ насъ, на противоположномъ берегу рѣки, на высотѣ 1.000—2.000 ф. надъ дорогой, тамъ, гдѣ ущелье поворачивало почти подъ прямымъ угломъ. Едва мы показались, непріятель открылъ продолжительный огонь изъ дюжины своихъ джингалей или маленькихъ пушекъ, которыя онъ поставилъ за укрѣпленіями; но, такъ какъ мы все еще находились на разстояніи мили отъ тибетцевъ, ихъ снаряды не долетали до насъ. Желая вытѣснить ихъ изъ этой коман-

дующей позиціи, генераль Макдональдъ послалъ четыре отряда гуркховъ и велѣлъ имъ взобраться на высоты; мы же всѣ остались внизу, и наши полевые бинокли прямо приклеились къ глазамъ. Мы смотрѣли, какъ гуркхи усердно карабкаются посреди утесовъ и взбираются на головокружительныя высоты; также наблюдали мы и за дѣйствіемъ шрапнели, которую послали наши двѣ десятифунтовые пушки, стоявшія на бугрѣ, справа отъ насъ, откуда онѣ осыпали выстрѣлами непріятеля на разстояніи приблизительно 2.000 ярдовъ. Въ это время началась метель и болѣе часа закрывала отъ насъ и гуркховъ, и враговъ; тибетцы, хотя и не могли видѣть какой-нибудь предметъ на разстояніи 200 ярдовъ, продолжали бомбардировку, вѣроятно, съ цѣлью заставить насъ отложить намѣреніе невидимо подойти къ нимъ подъ прикрытіемъ падающаго снѣга. Было такъ холодно, что солдаты нашей арміи, стоявшей внизу, желая согрѣться зажгли костры за скалами.

Когда снѣжныя облака разсѣялись, мы увидѣли, что гуркхи за три часа взобрались футовъ на 2.000 надъ нами, поднявшись почти на высоту въ 16.000 ф., но все еще находились на разстояніи около мили отъ укрѣпленій врага. Непріятельскія джингали до сихъ поръ оказывались безвредными для насъ, а потому генераль послалъ развѣдчиковъ осмотрѣть ущелье дальше; они донесли, что тибетцы занимали вторую позицію въ проходѣ на нашемъ берегу рѣки. Къ этому времени гуркхи открыли усиленный ружейный огонь противъ лагеря тибетцевъ на горной площадкѣ, гдѣ наши орудія заставили смоленуть многія джингали, сикхи же и главный корпусъ двинулись по ущелью, чтобы напасть на вторую позицію. Когда мы повернули, тибетцы спрятались за скалами, испустили военный крикъ, дали бѣшенный залпъ и съ краевъ свалъ сбросили цѣлый обвалъ камней. Однако, сикхи ихъ обошли, вытѣснили, многихъ убили, многихъ, прятавшихся между скалами, взяли въ плѣнъ. Между тѣмъ, генераль выпустилъ ѣздящую пѣхоту впередъ, и она понеслась преслѣдовать выбѣжавшихъ на долину тибетцевъ, изъ которыхъ многіе были убиты, а еще большее количество взято въ плѣнъ.

Это была самая дикая часть рва. Онъ сужался здѣсь въ щель между большими крутыми утесами, которые высились почти перпендикулярно надъ нашими головами; между ними шумно неслась рѣка, налетала на громадныя скалы, упавшія съ утесовъ наверху, и прыгала по нимъ. Тамъ, гдѣ изъ края воды отвѣсно поднимались острые камни посреди громадныхъ наваленныхъ свободныхъ глыбъ, какъ бы на часахъ стоялъ большой идолъ, дающій свое названіе этому проходу и окруженный огнистой массой краснолистныхъ барбарисовыхъ кустовъ. Это — грубое, отталкивающее изображеніе колдуна-священника, основавшаго орденъ ламъ; подлѣ него виднѣлось такое же большое, написанное красной краской изображеніе буддійскаго бога, который, какъ предполагается, воплощенъ въ великаго ламу Ташильхумпо.

Мы прошли по большимъ упавшимъ скаламъ и свободнымъ глыбамъ около полумили и, наконецъ, очутились на красивомъ лугу;

тутъ открылась долина при слияніи рѣки Ніангъ съ другимъ большимъ потокомъ, а среди березовой чащи стоялъ деревенскій домъ одного лхасскаго магната. Въ этомъ мѣстѣ мы сдѣлали часовыя привалы и посреди мертвыхъ, лежавшихъ на краю дороги, нашли нѣсколько раненыхъ; наши медики перевязали ихъ и передали деревенскому населенію, которое состояло изъ женщинъ и немногихъ дряхлыхъ стариковъ, оставшихся дома потому, что они не могли бѣжать.

Осыпавшій высоты огонь нашихъ солдатъ прекратился, и мы могли разсмотрѣть ихъ на линіи неба и наблюдать, какъ они спускались къ намъ, прыгая со скалъ. Они привели съ собою около 20 плѣнниковъ, принесли нѣсколько лхасскихъ ружей и сказали, что дѣйствіе шрапнели на одну изъ тибетскихъ пушечекъ оказалось роковымъ: произошелъ взрывъ джिंगали, и кругомъ этого орудія осталось около 9 убитыхъ враговъ. Плѣннымъ тибетцамъ велѣли сломать мушкеты, и они съ очевиднымъ наслажденіемъ исполнили это приказаніе, охотно бросившись на свое оружіе. Плѣнники говорили, что ламы принудили ихъ драться подъ угрозой сжечь ихъ дома и отнять отъ нихъ ихъ семьи. Въ этотъ день потери непріятеля состояли изъ 150 убитыхъ и раненыхъ и болѣе 100 плѣнниковъ; въ числѣ послѣднихъ было много ламъ; оказалось, что въ отрядѣ противника находилось около 100 монаховъ изъ монастыря въ Джіантсе. У насъ ранили только трехъ человѣкъ и никого не убили.

Очевидно, ламы вполне рѣшились держаться враждебно, потому что на этотъ разъ тибетскія войска дрались обдуманно съ начала до конца. Плѣнники сказали, что въ отрядѣ, только-что сражавшемся съ нами, насчитывалось около 1.500 человѣкъ и что эти солдаты пришли изъ Джіантсе и Шигатсе. Сами они, безоружные, жались другъ къ другу подъ взглядами нашихъ часовыхъ и, завернутые въ засаленныя шеуры и въ грубыя байковыя одѣяла, казались нескладной дикой толпой, „только-что захваченнымъ, мрачнымъ народомъ, полудьяволомъ, полуробенкомъ“.

Мы снова двинулись по долинѣ, которая теперь повернула направо и скоро расширилась, образуя плоскіе прирѣчные луга, иногда поля. Поднимаясь къ травянистой возвышенности Сао-Гангъ, мы тамъ и сямъ находили мушкеты, мечи, сапоги, куски одеждъ, брошенные отступавшими тибетцами. На этомъ холмѣ мы заночевали подлѣ стараго форта съ нѣсколькими разрушенными кѣрнами. На скалахъ подлѣ берега рѣки видѣлись пестрыя изображенія буддійскихъ божествъ, выглядывавшія изъ зарослей дикой малины.

Богъ, воплощенный въ Таші-ламу.

За этимъ пунктомъ долина перешла въ маленькій замкнутый дугъ, на которомъ посреди нѣсколькихъ старыхъ шишковатыхъ ветлѣ стоялъ монастырь „Стариннаго уха“ (На-Ніангъ, Наини географическихъ картъ). Этотъ монастырь въ сущности крѣпость съ чудовищно толстыми стѣнами. И монастырь, и окружающіе его дома, столпившіеся подъ горой, были окрашены вертикальными широкими, чередующимися красными, бѣлыми и синими полосами, которыя придавали строеніямъ видъ палатокъ, сдѣланныхъ изъ полосъ цвѣтнаго полотна.

Скалистыя ущелья остались за нами, и мы вступили въ богатую полосу прирѣчныхъ плоскостей съ цвѣтущими деревьями. На одной изъ самыхъ большихъ равнинъ, по которой проходила наша дорога, подлѣ китайской станціи (Тарджамъ) къ намъ навстрѣчу вышелъ сельскій староста, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе генералу. На его головѣ сидѣла желтая шерстяная шапочка съ мягкимъ пухлымъ дномъ, которую долженъ надѣвать каждый мірянинъ, посѣщающій ламу или высоее должностное лицо; поклонившись съ высунутымъ языкомъ, онъ поднесъ разставленными руками шелковый церемониальный шарфъ (Кхатагъ), который набросилъ на шею генерала, какъ священническую эпитрахиль. Этотъ шарфъ неизмѣнно подносится почтенными тибетцами, когда они дѣлаютъ официальные визиты или когда желаютъ просить милости. Вдобавокъ, староста въ видѣ мирнаго приношенія принесъ ободранный и высушенный скелетъ овцы, согнутый такъ, что онъ сидѣлъ на своихъ заднихъ ногахъ, точно кошка. Мрачная поза для добродушной овцы! Староста сообщилъ, что въ ночь нашей битвы въ ущельѣ черезъ эту деревню пробѣжало около 500 тибетскихъ солдатъ, которые, по его словамъ, теперь ожидали насъ въ Джіантсе.

Мы находились въ открытомъ загибѣ богатой равнины Джіантсе, которая простиралась въ обѣ стороны отъ насъ приблизительно на 2 мили, хотя городъ и его фортъ еще оставались скрытыми.

Наша дорога покинула берегъ рѣки и побѣжала между свѣже вспаханнми полями, часто опускаясь ниже ихъ на нѣсколько футовъ; очевидно, она служила стокомъ воды въ дождливое время, когда горные потоки проносятся по равнинѣ и лишаютъ поля большей части ихъ богатой почвы, заваливая ихъ взаимнѣ лишь бесполезными камешками и пескомъ.

За выступомъ отрога горы передъ нами появилась вся широкая площадь плодородной долины Джіантсе, усѣянной чистыми хорошенькими выбѣленными известкой фермами, вилами, окруженными чащами деревьевъ и хорошо обработанными полями: дальше, приблизительно на серединѣ равнины, блестящій бѣлый фортъ поднимался смѣлыми линиями на темной скалѣ. Онъ казался совершенно недоступнымъ. Тутъ наши глаза заставили насъ отбросить ошибочное мнѣніе, будто Тибетъ—обширная обнаженная страна безъ деревьевъ, населенная бродячими пастушескими племенами, такъ какъ мы увидѣли прекрасную лѣсистую равнину съ осѣдлыми крестьянами, занимавшимися земледѣліемъ.

Когда мы подошли ближе, то замѣтили, что бѣлые дома го-

рода тѣснились въ подножію скалы. Удобнаго открытаго мѣста для стоянки не было на нашемъ берегу рѣки, а развѣдчики донесли, что мостъ черезъ нее находится въ трехъ четвертяхъ мили отъ форта, слѣдовательно въ предѣлахъ вражескаго огня, поэтому генераль перешелъ рѣку въ бродъ тамъ, гдѣ мы были, т. е. на разстояніи около 3 миль отъ города, послѣ чего мы раскинули лагерь на правомъ берегу, въ двухъ миляхъ отъ большого форта или джонга Джіантсе.

ГЛАВА XI.

Джіантсе—крѣпость и городъ.

„Джонгъ на подходящей для него горѣ; поле на подходящей равнинѣ“.

Тибетская пословица.

Джіантсе или „Господствующая вершина“ пользуется всѣми выгодами идеальнаго тибетскаго города; онъ обладаетъ высокимъ джонгомъ или форгомъ на крутой скалѣ для защиты города съ его плодородными полями, лежащими въ хорошо орошенной долинѣ. Поэтому онъ и представлялъ собой одно изъ самыхъ раннихъ поселеній тибетцевъ и крѣпость мелкихъ царей, жившихъ въ замкѣ на скалѣ, которая дала свое имя городу, тогда какъ его богатая долина, простирающаяся до самаго Шигатсе, называлась „Пріятная провинція“ или Ніангъ *), названіе все еще сохраняемое рѣкой.

Цвѣтущій большой городъ, отстоящій на 213 миль отъ нашего базиса въ Силигури и на 140 миль отъ Лхассы, имѣетъ большое коммерческое значеніе. Его центральное положеніе въ пунктѣ соединенія дорогъ изъ Индіи и Бхотана съ путями изъ Ладава и центральной Азіи, ведущими къ Лхассѣ, даетъ ему возможность быть торговымъ центромъ. Большой рынокъ Джіантсе занимаетъ третье мѣсто въ Тибетѣ, слѣдуя сейчасъ же послѣ Лхассы и Шигатсе, и особенно славится сукномъ и коврами издѣліями. Много непальскихъ и китайскихъ купцовъ живетъ въ немъ.

Поразительно живописный фортъ или джонгъ увѣнчиваетъ смѣлый обрывистый скалистый холмъ **), который поднимается почти перпендикулярными утесами надъ рѣкой на высоту въ 500 ф. Онъ до извѣстной степени напоминаетъ эдинбургскій замокъ и съ извѣстной точки зрѣнія гору Сентъ-Мишель, хотя меньше ихъ. Однако, странно сказать, ни одинъ изъ трехъ англичанъ, которые проходили мимо джонга: Богль въ 1774 г., Тёрнеръ съ 1783 г. по дорогѣ къ Шигатсе и Менингъ въ 1811 по дорогѣ въ Лхассу, не нашли его достойнымъ подробнаго описанія. Впервые о немъ говорить

*) Въ мѣстной надписи Джіантсе называется „Верхній Ніангъ, въ которомъ немедленно исполняются всѣ желанія“.

**) Его названіе—„Джіаль-Каръ-Тсе-мо“ или „Господствующая вершина“; его сокращенное названіе Джіантсе было дано всему городу.

ислѣдователь пундиръ Ненъ-Сингъ въ 1866 г. и лама Уджіенъ Джіатшо въ 1883 г., отчеты которыхъ воспроизвелъ бабу Саратъ Дасъ; однако, они не даютъ представленія объ этомъ мѣстѣ. Джонгъ Джіантсе официальная резиденція одного изъ двухъ депёновъ или губернаторовъ западнаго Тибета съ ихъ помощниками двумя джонгпёнами или областными правителями. Обыкновенно гарнизонъ форта состоитъ изъ 50 китайскихъ солдатъ подъ командой поручика или кіенъ-зунга и изъ 500 тибетскихъ воиновъ, подъ командой двухъ майоровъ или рупёновъ съ подчиненными имъ офицерами.

Скала замка соединяется сѣдлообразной возвышенностью съ другимъ скалистымъ отрогомъ горы, находящейся на полмили къ востоку, на южномъ склонѣ которой раскинутъ сильно укрѣпленный ламайскій монастырь, вѣщающій священниками въ красныхъ одеждахъ. Между этими двумя скалистыми холмами по обѣ стороны сѣдловины расположенъ городъ, состоящій приблизительно изъ 1.900 хорошо построенныхъ бѣлыхъ домовъ; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ къ югу отъ форта, подъ его стѣнами.

Едва мы пришли (11-го апрѣля) къ мѣсту, назначенному въ поляхъ для нашего лагеря, приблизительно въ двухмильномъ разстояніи отъ крѣпости, генераль Макдональдъ послалъ губернатору ноту, требуя сдачи джонга, а какъ только былъ раскинутъ нашъ лагерь, мы увидѣли маленькую толпу чиновниковъ, двигавшуюся къ намъ въ сопровожденіи яркаго пунцоваго зонтика. Оказалось, что это нашъ старый знакомый генераль Ма, одинъ изъ джонгпёновъ, толстый добродушный старикъ, съ непрозрачной синей пуговицей на шапочкѣ и съ необыкновенно длинной бирюзовой серьгой въ ухѣ, и его свита. Они сказали, что въ это утро почти всѣ тибетскіе солдаты ушли изъ форта, но что они не могутъ согласиться позволить намъ занять джонгъ. Генераль Макдональдъ возразилъ, что намъ необходимо занять его и что если его не передадутъ намъ къ 8-ми часамъ слѣдующаго утра, мы возьмемъ его силой. Послѣ этого они удалились, обѣщавъ прислать отвѣтъ.

На слѣдующее утро отвѣтъ не пришелъ, и генераль Макдональдъ осторожно двинулся впередъ въ боевомъ порядкѣ и остановился на милю отъ крѣпости; наши пушки приготовились штурмовать ее. Какъ разъ когда мы остановились, изъ форта показалось нѣсколько должностныхъ лицъ съ генераломъ Ма, прикрытымъ своимъ пунцовымъ зонтикомъ, во главѣ; далѣе шли джонгпёнъ и меньшіе чиновники. Китайскій генераль донесъ, что всѣ тибетскія войска удалены. Однако, нашъ генераль опасался заговора и велѣлъ отряду пионеровъ со штыками наперевѣсъ занять фортъ подъ прикрытіемъ нашихъ пушекъ; китайскихъ же и тибетскихъ саловниковъ онъ оставилъ заложниками. Вскорѣ мы увидѣли, какъ турбаны и хаки нашихъ солдатъ вливались въ ворота и поднимались по крутымъ тропинкамъ за стѣнами; затѣмъ сигналъ возвѣстилъ, что все въ порядкѣ и надъ самой верхней башней замка взвился британскій флагъ. Такимъ образомъ, фортъ былъ занятъ безъ сопротивленія, и китайскій генераль, очень интересовавшійся работой гелиографа, получилъ свободу.

Генераль Макдональдъ съ нѣсколькими офицерами и большимъ эскортомъ въѣхалъ въ городъ, по дорогѣ посѣтивъ монастырь; тутъ онъ объяснилъ настоятелю, вышедшему ему навстрѣчу съ толпой своихъ красныхъ священниковъ, насколько онъ былъ недоволенъ, найдя сотню ихъ товарищей въ отрядѣ, напавшемъ на насъ въ Красномъ ущельѣ. Въ извиненіе аббатъ сказалъ, что приказанія изъ Лхассы противъ воли принудили ихъ къ этому и что теперь они просятъ прощенія. Генераль возразилъ, что ихъ вина очень велика, что, принимая участіе въ битвѣ, всякій буддистъ грѣшитъ противъ буддійскихъ принциповъ, въ особенности же монаховъ; что въ будущемъ они должны ограничиваться только своими религиозными обязанностями, но что, если они подчинятся этому, никто не будетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла; съ монахами, пойманными съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ поступать, какъ съ враждебными намъ мірянами.

Когда мы проѣзжали чередъ городъ, онъ былъ полонъ народа: мужчинъ, женщинъ и дѣтей; это служило хорошимъ признакомъ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ мужчинъ были невооруженные солдаты, спрятавшие оружіе въ домахъ. Очевидно, въ городѣ паники не произошло, хотя намъ сказали, что еще пять дней тому назадъ многіе изъ богатыхъ купцовъ отправили грузы своихъ сокровищъ въ Шитатсе; другіе по совѣту колдуновъ спрятали товары въ горахъ.

На слѣдующій день наши отряды осмотрѣли фортъ, надѣясь найти въ немъ запасы пищи и аммуниці; при ближайшемъ разсмотрѣніи его внушительные рavelины, бастіоны и башни, соединенные между собою стѣнами и лѣстницами, оказались въ очень разрушенномъ состояніи; они представляли собой спутанную серію построекъ съ подземными комнатами, внушавшими мысль о гигантскихъ залахъ пѣтокъ.

Проѣхавъ по узкому переулку, окаймленному бѣлыми домами китайскаго квартала, обогнувъ съ юго востока утесистый холмъ (какъ мы теперь увидѣли, состоявшій изъ прекраснаго песчаника съ вкрапленіями бѣлаго кварца, которыя еще усиливали впечатлѣніе прочности утесовъ), мы поднялись къ воротамъ крѣпости по грубой каменной мостовой, вившейся по склону почти перпендикулярной скалы, надъ которой возвышалось зданіе съ башней. Съ потолка портика массивныхъ воротъ (достигавшаго 15 ф. высоты и лежавшаго на массивныхъ деревянныхъ стропилахъ въ духѣ тибетцевъ, которымъ арха неизвѣстна) свѣшивались набитыя кожи четырехъ страшныхъ дикихъ яковъ со своими большими рогами, высунутыми языками и горящими нарисованными глазами. Дикій якъ, бывающій ростомъ съ лошадь, самое ужасное животное, извѣстное тибетцамъ, и вслѣдствіе невозможности достать живые экземпляры, они помѣстили здѣсь чучела мертвыхъ яковъ, чтобы защищать дверь и отгонять нежеланныхъ посѣтителей. Призывались также и души этихъ мертвыхъ животныхъ для устрашенія недобрыхъ дьяволовъ. Бѣдные яки были не въ хорошемъ видѣ: ихъ покрывала густая пыль, а соломенная набивка тамъ и сямъ высывалась изъ зіяющихъ швовъ.

Отъ воротъ, теперь охранявшихся нашими сипаями, бѣжала длин-

ная извилистая тропинка, поднимаясь на высоту приблизительно 100 футовъ подъ прикрытіемъ укрѣпленной стѣны и минуя нѣсколько полуразрушенныхъ домовъ; она шла къ большому недавно выстроенному бараку, гдѣ наши солдаты нашли много тоннъ пороха, много фитилей и другихъ военныхъ припасовъ. Отсюда начинался проходъ къ воротамъ города и монастыря. Мы двинулись дальше и наконецъ увидѣли маленькій вымощенный дворъ, на которомъ стояла часовня съ желтыми стѣнами. Кругомъ этого двора тянул ся рядъ шиферныхъ вдѣланныхъ въ ограду плитъ съ высѣченными на нихъ и написанными красками Буддами, а въ одномъ его концѣ находился камень съ прекрасной надписью *), которая перечисляла добродѣтели начальника, поправившаго фортъ и воздвигнуваго эти изваянія ради счастья своей жены.

Ворота часовни стояли открытыми и, когда мы вошли въ нихъ, дежурный священникъ провелъ насъ черезъ маленький дворъ, мимо нѣсколькихъ складовъ и жилыхъ помѣщеній служащихъ, скрашенныхъ левкоями и астрами въ горшкахъ, къ дверямъ храма; онъ ихъ отомкнулъ и распахнулъ. Во мракѣ маленькой темной комнаты, прямо противъ насъ на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ, на низкомъ алтарѣ возвышалась обыкновенная колоссальная позолоченная статуя Будды, сидѣвшая въ условной позѣ съ перекрещенными ногами; Будда составлялъ поразительный контрастъ съ покрытыми драгоцѣнностями другими изображеніями, такъ какъ на немъ не было никакихъ убранствъ, кромѣ бѣлаго шелкового церемональнаго шарфа, который драпировалъ его плечи, и единственной бирюзы, талисмана счастья, между его бровями. Это изображеніе носило первоначальный индійскій типъ, не обезображенный шишками мудрости, и очень отличалось отъ тонконогихъ, тонкорукихъ и косоглазыхъ японскихъ формъ великаго учителя въ Камакурѣ и другихъ мѣстахъ. На алтарѣ (Чезамѣ) противъ большого идола видѣлись простые, нечekanые мѣдные кубки, съ надушенной водой, неугасимая, питаемая масломъ лампада, распространенная тусклый „религіозный“ свѣтъ, и нѣсколько искусственныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, обѣтныхъ приношеній пилигримовъ (вилеборъ).

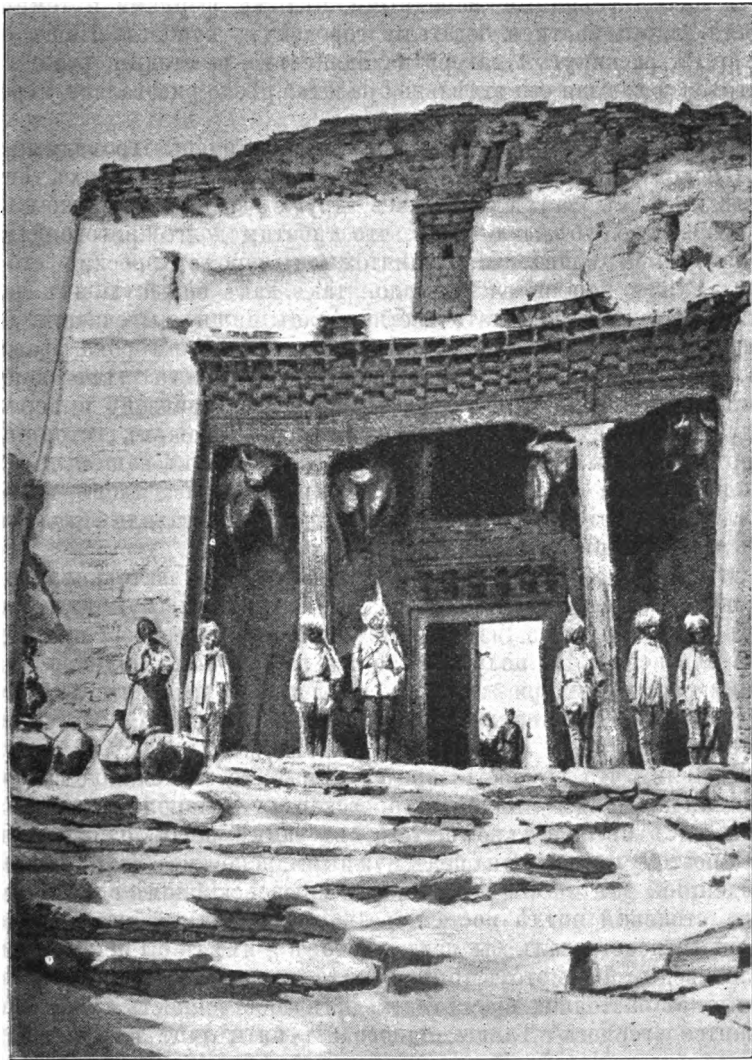
Тутъ же былъ массивный чортенъ изъ бѣлаго металла, съ выпуклыми украшениями, осыпанный бирюзой; на полкахъ лежало нѣсколько книгъ; нѣсколько свитковъ, украшенныхъ разрисованными фигурами святыхъ, висѣло, какъ кавамоносы, на расписанныхъ столбахъ и на стѣнахъ; больше я не отыскалъ ничего замѣчательнаго.

За этимъ храмомъ мы миновали много другихъ строеній, высившихся на краю обрывистыхъ скалъ; но большая ихъ часть представляла собой только стѣны съ упавшими внутрь крышами, съ зияющими трещинами и въ такомъ ветхомъ, шатающемся состояніи, что мы слѣшили мимо нихъ, боясь, чтобы онѣ не зада-

*) Я взялъ эту плиту шифера съ выпуклыми высѣченными буквами для вальюттскаго музея въ видѣ историческаго документа и въ видѣ образца прекрасной рѣзбы. Надпись начинается: „Религіозный царь, мудрецъ, жилъ въ этомъ дворцѣ „Господствующей вершины“ (Джантсе), выстроенномъ изъ камня и прелестномъ, какъ бирюзовая ваза“.

вили насъ. Еще выше, близъ гребня, тамъ, гдѣ британскій флагъ шумно извивался отъ вѣтра, были еще жилища помѣщенія и темные погреба, полные зерномъ.

Съ самаго высокаго укрѣпленія замка открывается великолѣп-

Ворота форта Джіантсе.

ный видъ съ высоты птичьего полета на широкую долину и окружающія ее горы. Далекo подъ нами лежитъ городъ съ населеніемъ, похожимъ на толпящихся черныхъ муравьевъ; вблизи высится большой монастырь, обнесенный красными стѣнами и похожий на соперницу-крѣпость; за его оградой блестящая пагода съ золотымъ

куподомъ; за зеленой равниной, миляхъ въ пяти, стоитъ темный холмъ Тсе-Ченъ, усѣянный бѣлыми кельями монаховъ, которыя представляютъ собою отдѣльный городъ. Вѣроятно, изъ этого высокаго гнѣзда старинный воинъ-царь часто съ гордостью смотрѣлъ на свой благоденствующій городъ и на далеко раскинувшіяся поля, усѣянные нарядными бѣлыми фермами и темными кучами садовъ знати и богатыхъ городскихъ купцовъ. Нашъ собственный раскинутый лагерь находился на разстоянн ружейнаго выстрѣла и каждая его отдѣльная палатка рѣзко рисовалась передъ глазами.

Послѣ осмотра форта въ немъ были найдены громадныя запасы пороха, количество котораго достигало нѣсколькихъ тоннъ; кромѣ того, въ замкѣ оказались другіе военные припасы; все вмѣстѣ взятое убѣждало насъ, что тибетцы долго приготавливались къ ожидаемой войнѣ. Мы уничтожили порохъ, бросивъ его въ рѣку. Ружей нашли очень мало, такъ какъ большую ихъ часть увезли. Въ виду недостаточности у насъ пищи мы считали найденное зерно, около 100 тоннъ ячменя, муки и гороха, важнѣе мѣстнаго пороха. Очевидно тибетцы нѣсколько лѣтъ копили съѣстные припасы, чтобы дать возможность гарнизону выдержать осаду. Такъ какъ все съѣстное оказалось въ хорошемъ состоянн, то вскорѣ вереницы муловъ и кулиевъ понесли тюки къ нашему лагерю. Нашлись также склады сушеной баранины и мяса яковъ, и наши непальскіе и тибетскіе кули съ жадностью схватили ихъ, такъ какъ они страшно любятъ говядину.

Отыскивая складъ съѣстныхъ припасовъ, мы натолкнулись на ужасную комнату, полную отрѣзанныхъ головъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Одна изъ мужскихъ головъ, казалось, принадлежала европейцу. По полуистлѣвшимъ шеямъ было видно, что эти головы отрублены при жизни, и это показало намъ, что ламайскій буддизмъ мало останавливаетъ ламъ отъ ужаснаго преступленія убійства.

Рѣшили, что крѣпость представляетъ собою слишкомъ большую площадь для маленькаго эскорта, которому предстояло остаться съ миссіей; кромѣ того, въ замкѣ не было подъ рукой воды; поэтому генералъ нацѣлъ нужнымъ, испортивъ фортъ, избрать резиденціей для миссии и ея эскорта деревянскій домъ одного вельможи, стоявшій подлѣ моста черезъ рѣку; такимъ образомъ, постъ миссии господствовалъ бы надъ мостомъ и имѣлъ бы неистощимый запасъ воды. Домъ этотъ, бывшее лѣтнее помѣщеніе и ферма рода Чангло, въ настоящее время составлялъ собственность губернатора Джангсе „герцога“ Тапши, одного изъ пяти лицъ въ Тибетъ, носящихъ этотъ китайскій титулъ, по большей части дающійся братьямъ правящаго и бывшаго далай-ламы и ихъ преемникамъ. Благодаря такому рѣшенію, нашъ лагерь двинулся къ дому „герцога“, находившемуся приблизительно на 1.100 ярдовъ южнѣе форта и стоявшему напротивъ таковаго же лѣтняго дома Фала, несчастныхъ друзей Саратъ Даса. Надъ второй усадьбой возвышался холмъ, и потому она не могла служить мѣстопребываніемъ миссии. Лѣса Чангло до извѣстной степени защищали насъ отъ вихрей пыли,

каждый день проносившихся черезъ нашъ лагерь и въ значительной степени зависѣвшихъ отъ того обстоятельства, что намъ пришлось спустить воду изъ ирригаціонныхъ каналовъ, окружающихъ поля; они вскорѣ высохли въ сухомъ воздухѣ и, когда дулъ вѣтеръ, заносили насъ пылью. Теперь вѣтеръ не былъ холоденъ, но намъ говорили, что въ январѣ онъ дуетъ съ такой силой и бываетъ такимъ ледянымъ, что заставляетъ жителей большую часть дня проводить въ домахъ.

Къ намъ явился интересный посѣтитель въ лицѣ старшаго сына сикхимскаго раджи, который долженъ былъ быть наслѣдникомъ своего отца; однако, вслѣдствіе тибетскихъ интригъ въ Сикхимѣ, дамы 16 лѣтъ тому назаль увезли его въ Тибетъ, и такъ какъ онъ отказался вернуться, наше правительство лишило его наслѣдства, замѣнивъ его младшимъ братомъ; онъ женился на тибетянкѣ, и лхасское правительство подарило ему деревенскій домъ и маленькое имѣніе, приблизительно въ 10-ти миляхъ отъ Джіантсе. Это высокій и повидимому разумный молодой человекъ лѣтъ 27-ми, съ очень хорошими манерами. Бѣдующая пѣхота захватила его въ качествѣ плѣнника, но когда выяснили его личность, онъ былъ освобожденъ послѣ завтрака въ нашемъ лагерьѣ.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія для защиты поста Чангло и помѣстивъ въ него миссію съ шестьюстами ружей, съ двумя механическими максимами и двумя семифунтовыми орудіями подъ командой подполковника Брандера, а также снабдивъ эскортъ и миссію трехнедѣльными запасами провизіи и амуниціи, генераль Макдональдъ обезоружилъ фортъ, взорвавъ его ворота, а затѣмъ 19-го апрѣля повинулъ Джіантсе и вмѣстѣ съ остальными своими силами выступилъ въ Чумби. Это было сдѣлано для того, чтобы доставить еще большее количество запасовъ, амуниціи и подкрѣпленій изъ Индіи и учредить вооруженные посты вдоль дороги для безопасности транспортныхъ каравановъ, которымъ предстояло проходить взадъ и впередъ по этой трудной и опасной линіи сообщеній, неся необходимыя припасы для существованія выдвинутыхъ военныхъ пунктовъ*); безъ британскихъ укрѣпленій транспортники подвергались бы возможности нападеній въ многочисленныхъ ущельяхъ и горныхъ проходахъ, и это очень тревожило генерала Макдональда.

Домъ Чангло съ его фермами и постройками на берегу рѣки вскорѣ превратился въ укрѣпленный оборонительный постъ; маленькая стѣна съ бойницами окружила зданіе и небольшое пространство ярдовъ въ 300; всѣ строенія за стѣной были снесены. Строенія въ предѣлахъ стѣны приспособили для жизни; подлѣ нихъ раскинули палатки для гарнизона. Миссію заняла лучшія части помѣщеній въ самомъ слабомъ углу; остальные постройки заняли комиссаріатскіе и госпитальные склады. Войска расположились во

*) Вотъ примѣръ того, до какой степени по дорогѣ уменьшались запасы, служившіе пищей для постовъ и для нашихъ носильщиковъ-кулиевъ: изъ 360 тюковъ, отправленныхъ изъ Синлигури, до Джіантсе доходило только 45.

дворахъ; офицеры обратили часовню въ столовую, но я предварительно взялъ изъ ея библіотеки тибетскія книги въ количествѣ приблизительно 450 томовъ для британскаго музея. Мнѣ лично дали хорошенькую комнату близъ дома миссиі, а именно спальню „герцога“. Роскошно раскрашенныя фрески, изображавшія ламайскихъ святыхъ, украшали ея стѣны; колонки покрывали очень тонкая рѣзба и живопись; полъ представлялъ собою мозаику изъ маленькихъ камешковъ, соединенныхъ замазкою и отполированныхъ, какъ мраморъ. Одинъ офицеръ устроилъ красивую удобную комнату въ облочкѣ большого двигавшагося водою молитвеннаго колеса; когда воду выкачали, большой раскрашенный боченокъ молитвъ, высотой въ пять футовъ и вращавшійся на оси при малѣйшемъ прикосновеніи, превратился въ удобную вѣшалку; въ него вбили нѣсколько гвоздей и укрѣпили на немъ одну или двѣ полочки.

Въ погребкахъ и въ сараяхъ нашли громадный запасъ топлива, по крайней мѣрѣ до 30 тоннъ большихъ обрубковъ. Впрочемъ, кругомъ и безъ того было довольно лѣса, потому что густая роща, съ полмили длиною и состоявшая изъ крупныхъ ивъ и другихъ деревьевъ, бѣжала по берегу рѣки до самыхъ нашихъ стѣнъ. Это служило однимъ изъ самыхъ очевидныхъ стратегическихъ неудобствъ нашей позиціи, такъ какъ могло составлять прикрытіе для врага.

Поэтому подлѣ нашего поста рощу слегка прорѣдили, тѣмъ болѣе, что требовалось дерево для построекъ, хотя срубить такіе большіе стволы было далеко нелегко. Всѣ ненужныя строенія внѣ стѣнъ снесли, чтобы открыть по возможности большее пространство передъ резиденціей миссиі. Подлѣ нашей укрѣпленной ограды выбрали одну ничѣмъ не занятую площадку подъ большими деревьями, обнесли ее заборомъ и устроили на ней огородъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что миссиі придется остаться въ Джантсе на нѣсколько мѣсяцевъ, а генераль Макдональдъ не вернется съ провизіей и подкрѣпленіями раньше чѣмъ черезъ два мѣсяца, чтобы продолжать идти къ Лхассѣ, если это движеніе сдѣлается неизбѣжнымъ; устройство огорода облегчилось тѣмъ, что одинъ изъ членовъ миссиі съ замѣчательной предусмотрительностью привезъ съ собою ящикъ съ сѣтенскими сѣменами.

Въ качествѣ садовниковъ пригласили одну веселую тибетскую даму и одного изъ ея супруговъ (такъ какъ у этихъ полиандрическихъ лѣди бываетъ по многу мужей). Они принесли изъ лѣсу богатый черноземъ и сдѣлали изъ него грядки, между которыми проложили дорожки, посыпанныя гравіемъ; посѣявъ сѣмена, они заботливо поливали ихъ ведрами воды, которую черпали изъ рѣки. И вотъ у насъ вскорѣ появились ростки молодого крессъ-салата, и благодаря ему, а также баранинѣ, молочнымъ продуктамъ отъ коровъ-яковъ смѣшанной породы, многочисленнымъ яйцамъ, птицамъ, картофелю, рѣпамъ, сушенымъ абрикосамъ и другимъ свѣжимъ съѣстнымъ припасамъ изъ города, мы жили положительно роскошно послѣ нашего скуднаго питанія и тягостей долгой зимы и переходовъ.

Всемогущія рупіи произвели чудесное дѣйствіе на народонаселеніе. Черезъ нѣсколько дней обитатели города и окрестныхъ де-

ревень, мужчины, женщины и дѣти, цѣлыми десятками побѣжали къ нашему лагерю, неся на продажу всевозможныя вещи, нагруженные на ихъ собственныхъ спины или на вереницы яковъ и ословъ. Ламы, также познавшіе щедроты британской арміи, прибрели къ намъ съ мѣшками хлѣба или со связками корма для животныхъ; и вотъ сейчасъ же за воротами нашего поста образовался большой базаръ или рынокъ.

Тутъ зажиточныя хозяйки, сплошь покрытыя варварскими украшениями, съ широкими улыбающимися лицами, отвратительно замазанными пятнами коричневаго пигмента, раскладывали свои товары на землѣ или на лоткахъ; мужчины въ косахъ, въ длинныхъ халатахъ изъ вишнево-красной домашней матеріи, въ синихъ

Монахиня и служанки.

поясахъ на талии и обутыя въ особенные яркіе длинныя суконныя сапоги, помогали имъ торговать. Ихъ покупателями являлись не только провіантскіе чиновники, которые приобрѣтали зерно и кормъ, — цѣлыя толпы нашихъ солдатъ и носильщиковъ торговали у нихъ яйца, птицу, масло и т. д., все до смѣшного дешевое. Офицеры, желая посмотрѣть на курьезы, тоже бродили между лотками. Не было ничего, что народъ не согласился бы продать въ обмѣнъ на рупіи. Всѣ снимали бирюзовые серьги и другія украшения, драгоценныя амулеты съ заклинаніями и настойчиво предлагали ихъ намъ. Даже художавыя ламы приносили священные свитки, книги и изображенія и отдавали ихъ за деньги. Тибетцы казались необыкновенно довольными, такъ какъ у нихъ никогда въ жизни еще не бывало столько денегъ. Для ихъ больныхъ открыли бесплатный госпиталь, и капитанъ Уальтонъ, членъ медицинскаго

индійскаго управленія, началъ тамъ исправлять ихъ заячьи губы, снимать катаракты со слѣзныхъ глазъ и излечивать отъ другихъ болѣзней, за что народъ казался очень благодарнымъ ему. Многіе изъ тибетцевъ предлагали намъ свои услуги въ качествѣ земледѣльцевъ, плотниковъ и т. д. Повсюду въ поляхъ земледѣльцы мирно пахали и сѣяли. Даже ламы монастыря, заплатившіе зерномъ маленькой штрафъ, наложенный на нихъ за то, что они бились съ нами въ Красномъ ущельѣ (часть пени была сложена по ходатайству великаго ламы Таши), всячески выражали намъ дружескія чувства.

Благодаря такому, повидимому, мирному положенію, мы начали расхаживать по окрестностямъ, осматривать городъ, монастыри и убѣжища отшельниковъ; бродили по долинамъ и по горамъ за дичью, ловили рыбу, собирали коллекціи изъ птицъ и бабочекъ, въ то время какъ партіи изслѣдователей съ маленькими эскортами отправлялись далеко за горы. Ни съ кѣмъ не бывало неприятныхъ приключеній. Населеніе повсюду встрѣчало насъ до крайности вѣжливо, хотя большая часть ламъ вопросительно смотрѣла на насъ.

Мы всегда съ удовольствіемъ выходили изъ-за стѣнъ нашего укрѣпленнаго поста, чтобы, вдыхая воздухъ весенняго утра, побродить вдоль тѣнистыхъ береговъ рѣки, гдѣ птицы съ веселымъ пѣніемъ вили гнѣзда, или по заводямъ, гдѣ еще ненапуганные гологоловые гуси и утки возились на отмеляхъ; потомъ мы поворачивали къ городу, къ храмамъ или къ горамъ. Вѣчно измѣняющіеся виды на фортъ являлись передъ нами, когда мы проходили по прекрасно обработанной долинѣ, усѣянной красивыми, нарядными, выбѣленными известкой фермами, гнѣздившимися въ группахъ большихъ деревьевъ; кругомъ нихъ развѣвались молитвенные флаги, которые благочестивыя руки поселянъ развѣшивали между стволами. На тропинкахъ вдоль ручьевъ, окаймленныхъ оградами изъ стриженныхъ ивъ и высокихъ тополей, встрѣчались двувѣтные лоскутки, исписанные молитвами къ духамъ воды; они свѣшивались съ вѣтвей кустовъ, склонявшихся къ струямъ. Каждый домъ, казалось, былъ готовъ лопнуть отъ мѣшковъ муки и другихъ съѣстныхъ припасовъ; а коровы и сотни овецъ паслись на откосахъ горъ надъ равниной. Все это больше напоминало какое-нибудь процвѣтающее мѣсто континентальной Европы, нежели холодныя обнаженныя условныя картины безлѣснаго Тибета, которыя фигурируютъ въ отчетахъ прежнихъ путешественниковъ.

Городской базаръ имѣлъ особенную привлекательность для многихъ изъ насъ, какъ центръ предпріятій и коммерціи, въ видахъ цѣлей миссіи, желавшей уничтожить преграды, нагроможденныя враждебными ламами для торговли Тибета съ нами, и ея намѣреній отвлечь къ Индіи теченіе коммерціи, которая теперь направлялась въ мануфактурныя области Китая, отстоящаго отъ Тибета на много сотенъ миль дальше, чѣмъ Индія.

Дорога къ рынку идетъ подъ скалой высокаго джонга, мимо нѣсколькихъ глубокихъ старыхъ володцевъ, вырытыхъ на случай осады, мимо кэрновъ и крошечныхъ часовенокъ, воздвигнутыхъ

въ честь божествъ, охраняющихъ скалу. Многія изъ этихъ часовенокъ въ очень запущенномъ состояніи и какъ бы говорятъ, что здѣсь пренебрегаютъ религіей. Превыше всѣхъ остальныхъ боговъ, превыше безконечныхъ повтореній заклинанія великаго ламы, „привѣтъ, драгоценность въ цвѣтѣхъ лотоса“ (составляющаго панацею отъ всѣхъ золъ и повсюду покрывающую камни высѣченными буквами), стоитъ „госпожа милосердія“; она нѣчто вродѣ Дѣвы Маріи, спасительница находящихся въ опасности въ горахъ, а также моряковъ въ морѣ. Она—одно изъ самыхъ популярныхъ буддійскихъ божествъ и служитъ специальной покровительницей женщинъ, среди которыхъ ея имя Дельма (индійская Тара) такъ же обыкновенно, какъ имя Маріи у насъ, христіанъ. Слѣдующее высокое мѣсто отдается четверорукому живописному изображенію блага великаго ламы, нѣсколько ниже его считается лама св. Падма, со своими двумя женами. Всѣ эти часовенки открыты спереди и завѣшены для сохраненія фресокъ отъ дождя. Кромѣ того, существуетъ много нишъ, въ которыхъ помѣщаются каменные плиты и штупатурные столбики, исписанные благочестивыми изреченіями, и тексты, изображенные орнаментальными тибетскими буквами для исправленія душъ прохожихъ; все это дары благочестивыхъ мірянъ не ламъ, такъ какъ послѣдніе совсѣмъ не проповѣдуютъ народу и не учатъ его, а хранятъ всѣ знанія про себя. Это большею частью истины моральнаго *) рода; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются такія красоты:

Придорожныя изреченія.

„Великій царь Сронгставъ Гампо сказалъ: „Пусть рѣчь выливается свободно, какъ птица въ небѣ, и одѣвается въ очаровательное платье, какъ богиня. Пусть въ самомъ началѣ ея тема станетъ ясной, какъ безоблачное небо; затѣмъ она должна уподобиться вырыванію сокровищъ, а ея доводы быстрому оленю, гонимому свѣжими собаками, и пусть она течетъ безъ колебанія или остановки. Слѣдуетъ хорошо закончить рѣчь, иначе ея дѣйствіе пропадетъ“.

„*Пять качествъ рѣчи.* Рѣчь должна быть отважна, какъ левъ, мягка, какъ кроткій заяцъ, сильна, какъ змѣя, остра, какъ стрѣла; пусть она колеблется ровно, какъ скипетръ, который держатъ посрединѣ.

„*Десять недостатковъ.* Недостатокъ вѣры въ религіозныя книги, неуваженіе къ учителямъ, непріятное поведеніе, жадность, слишкомъ большая болтливость, насмѣшки надъ несчастіями другихъ, оскорбительный языкъ, гнѣвъ на старыхъ людей, разбой и кража.

„*Восемь дѣяній низкорожденныхъ людей.* Непредусмотрительность, употребленіе грубыхъ словъ, неуваженіе, хвастовство, привычка „таращить глаза“ или пристально смотрѣть, распущенное поведеніе, грубыя манеры, воровство.

*) Нѣкоторыя изреченія взяты изъ руководства древнихъ изреченій, называемаго „Драгоценныя четки глубокихъ вопросовъ“.

„*Девять безумій.* Самохвальство, желаніе пріобрѣсти чужую жену, неимѣніе жены, передача власти женѣ, проклятіе доброжелателя, привычка занимать вещи, которыхъ не можешь отдать, нелюбовь къ своимъ братьямъ, невѣдѣніе, что хорошо, что дурно, желаніе пріобрѣсти имущество другихъ.

„Говорить о религіи или о причинахъ и послѣдствіяхъ различныхъ поступковъ можно только въ уши умныхъ монаховъ; рассказы о мірскихъ радостяхъ должны слышать только уши родныхъ и друзей.

„Корней ссоръ три, а именно: Да! (утвержденіе), Какъ? (сарказмъ сомнѣнія) и Вы! (оскорбленіе). Коршунъ ссорится и дерется съ другими животными; лошадь ссорится съ якомъ, ластка со змѣей, воронъ съ совой, потому что они враги, благодаря ихъ поступкамъ въ предыдущей жизни“.

Мы минуемъ пригородные дома лучшаго класса со стѣнами, покрытыми длинными широкими полосами, краснаго, бѣлаго и синяго цвѣта, которыя въ отдаленіи походятъ на ограды съ разноцвѣтными столбами или на заборы, увѣшанные тибетскими, тоже полосатыми коврами. Садики и дворы этихъ домовъ обыкновенно обнесены низкими, тоже полосатыми глиняными стѣнами или выстроенными изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, которые орнаментально складываются, оставляя пространства въ формѣ четырехугольниковъ, брилліантовъ или крестовъ; за оградами горшки съ заботливо выводимыми левкоями и остролистами, которые въ такое раннее время весны уже ярво горятъ въ полуденномъ солнцѣ.

Близъ города, не обнесеннаго стѣнами, какъ утверждалось въ нѣкоторыхъ туземныхъ рапортахъ, насъ встрѣчаютъ толпы здоровыхъ нищихъ, всякаго возраста и вида, грубыхъ, оборванныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые при малѣйшей неосторожности обкрадываютъ всѣхъ, въ особенности только-что пріѣхавшихъ или иностранцевъ; прогонять ихъ нелегко. Не получивъ милостыни при помощи жалобъ и стога, они начинаютъ напѣвать пѣсни и кувыркаться, пытаясь заслужить успѣхъ противоположной тактикой.

Въ узкихъ улицахъ мы видимъ народъ двигающійся къ рынку или возвращающійся обратно; мужчины въ развѣвающихся вишневыхъ одеждахъ ѣдутъ на худыхъ лошаденкахъ, погоняя ихъ хлыстами; вереницы нагруженныхъ зерномъ или сѣномъ ословъ шагаютъ, вытянувшись въ одну линію; неряшливо одѣтыя женщины тащатъ на спинахъ дѣтей или корзины. Собаки очень трусливы; онѣ убѣгаютъ при нашемъ приближеніи и рѣдко ворчатъ или лаютъ, если не привязаны на веревку. Джіантсе тѣсный городъ, полный каменныхъ домовъ, по большей части двухъэтажныхъ, съ деревянными балконами, выходящими на извилистую главную улицу; отъ нея отходятъ узкіе переулки, ведущіе къ непривлекательнымъ трущобамъ. Въ лучшихъ домахъ китайскія бумажныя окна, и на ихъ дверяхъ и стѣнахъ прикрѣплены тексты и заклинанія. Всѣ они

выбѣлены известкой, а ихъ двери и оконныя рамы выкрашены въ темно-красный цвѣтъ, что придаетъ ихъ внѣшности художественный видъ; но открытыя двери показываютъ внутреннюю грязь. Воздухъ повсюду насыщенъ „запахами Востока“, потому что понятія тибетцевъ о санитарныхъ условіяхъ крайне ограничены.

Въ городѣ, кромѣ нѣсколькихъ закусовыхъ китайскаго квартала, нѣтъ настоящихъ лавокъ, въ которыхъ раскладываются предметы продажи, поэтому всякій желающій продать что-нибудь несетъ свои вещи на базаръ, занимающій широкую четырехугольную площадку подлѣ входа въ большую пагоду монастыря, который служитъ знаменитой цѣлью паломничества. Такимъ образомъ, базаръ встрѣчаетъ пилигримовъ; это имъ удобно, такъ какъ они обыкновенно являются съ тѣмъ, чтобы соединить кое-какія дѣла съ благочестивымъ путешествіемъ. Рыночная площадь принадлежитъ монастырю, который получаетъ большой доходъ съ нея и съ налога на окружающіе дома.

Торговый сезонъ—зимніе мѣсяцы, начиная съ конца ноября; въ это время оканчиваются дожди, жатвы бывають собраны, провізія заготовлена, и черезъ всѣ рѣки легко переправляться иль бродъ или по льду; тогда караваны изъ Непала, Ладаки и верхняго Тибета приносятъ золото, буру, соль, шерсть, мускусъ и мѣха, чтобы вымѣнивать ихъ на чай, табакъ, сахаръ, бумажныя издѣлія, тонкое сукно и желѣзные товары. Но даже и теперь, въ апрѣлѣ, когда нѣтъ настоящаго торговаго сезона, мы, подходя къ базару, слышимъ гулъ пестрой толпы, занимающейся мелочной торговлей. Купцы раскладываютъ свои товары въ балаганахъ или просто на краю дороги и сидятъ рядомъ съ грудями вещей, ожидая возможности продать или обмѣнять ихъ; въ числѣ другихъ предметовъ они предлагаютъ: чай, табакъ, сахаръ, бумажныя издѣлія, коричневое и желтое сукно, темныя кожи, бумажныя бѣлыя и красныя нитки, спички, трубки, эмалированныя желѣзные кубки, керосинъ съ русской маркой, но привезенный черезъ Дарджилингъ, множество тибетскихъ бездѣлушекъ, лекарствъ, свѣжихъ овощей, мяса, вельчая свинину, и, наконецъ, мѣстное ячменное пиво. Привлекательнѣе всего для насъ ковры и чепраки мѣстнаго производства, которыми славится Джіантсе. Хотя эти издѣлія изобилуютъ нѣжными искусственными оттѣнками—валорозовымъ, голубымъ и золотистымъ, доказывая, что чувство цвѣта развито въ тибетцахъ, у ткачей нѣтъ отдѣльныхъ названій для какихъ-нибудь тоновъ, кромѣ элементарныхъ. Такимъ образомъ, тибетецъ скажетъ: „Осѣдай мнѣ красную лошадь“, подразумевая лошадь темно-гнѣдой масти. Этотъ народъ снова опровергаетъ мнѣніе Гладстона, говорившаго, что древніе греки вѣка Гомера или совершенно не видѣли разницы тоновъ, или не умѣли хорошенъко различать многихъ оттѣнковъ, такъ какъ не давали названій вторичнымъ и третичнымъ тѣнямъ,—между тѣмъ они могли, подобно тибетцамъ, только не имѣть достаточной терминологіи.

Мелочные разносчики и остальные купцы большей частью тибетцы. Эти худощавые восоглазые люди съ хорошо сформирован-

нымъ носомъ украшаютъ свои обвѣтренныя широкія немытыя лица бирюзовыми серьгами; на ихъ заплетенныхъ волосахъ сидятъ обшитыя мѣхомъ зимнія шапки съ поднятыми наушниками или обыкновенныя мягкія китайскія войлочныя шляпы съ загнутыми сверху полями. Обуты они въ яркіе суконные сапоги; ихъ засаженные темноватые кафтаны подвязаны на тали, какъ халаты, причеиъ верхнія полы вытаскиваются спереди, образуя вмѣстительный грудной карманъ, изъ котораго они одной рукой вынимаютъ на продажу всевозможныя вещи, а другой набожно перебираютъ бусины четокъ. Женщины по большей части походятъ на своихъ сестеръ въ Фари, хотя въ общемъ не такъ неопрятны; онѣ носятъ такіе же головныя уборы, за исключеніемъ немногихъ, очевидно гораздо болѣе чистыхъ и прѣхавшихъ изъ Лхассы, которыя надѣваютъ на приглаженные, черныя, раздѣленные проборомъ волосы красныя шерстяныя сѣтки, похожія на тиры (патуэ) и усѣянныя кораллами, бирюзой и янтаремъ. У всѣхъ большіе передники изъ полосатой домашней матеріи; на правыхъ рукахъ замужнихъ женщинъ обыкновенно красуется по массивному браслету изъ бѣлой раковины. Почти всѣ онѣ, включая и сморщенную старую даму, сидящую за грудой разложенныхъ товаровъ, вертятъ молитвенныя колеса и постоянно бормочутъ мистическое заклинаніе: „Омъ мани“.

Непальцевъ или, вѣрнѣе, ньюарисовъ изъ Непала здѣсь всего шесть или семь. Они буддисты и женились на тибетянахъ. Одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ, что тибетцы пригрозили убить ихъ, услышавъ, что гуркхи помогаютъ нашей арміи. Они носятъ тюрбаны пирогомъ — головной уборъ своей родной страны, и болѣе длинныя и узкія одежды, чѣмъ тибетцы.

Китайцевъ купцовъ очень мало; большая ихъ часть чиновники; они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ города, къ югу отъ джонга, и кичатся передъ тибетцами; даже самый мелкій изъ нихъ никогда не кланяется знатнымъ тибетцамъ. На рынкѣ тоже очень много смѣшанныхъ жителей, которыхъ зовутъ „коко“; они потомки китайцевъ, женившихся на тибетянахъ. Въ базарной толпѣ виднѣются бритые ламы, которые перебираютъ пальцами различныя вещи и, очевидно, стараются обойтись безъ платы. На краю площади нѣсколько преступниковъ съ шеями, заключенными въ большія четырехугольныя деревянныя колодки (тзе-го), китайскій кангуе, способъ наказанія, съ помощью котораго тибетское правительство избавляетъ себя отъ необходимости прокармливать преступниковъ и давать имъ помѣщеніе, предоставляя имъ самимъ заботиться о себѣ. Занимательно видѣть, какъ нѣкоторые изъ нашихъ тибетскихъ куліевъ, нанятыхъ въ Дарджилингъ въ качествѣ госпитальныхъ носильщиковъ и по дорогѣ боявшихся, чтобы ихъ соотечественники не разбили насъ, теперь расхаживаютъ по базару и городу съ важнымъ видомъ, точно составляя часть арміи завоевателей.

Очень многіе тибетцы обезображены оспой; нѣкоторые изъ нихъ только-что поправились отъ этой болѣзни, которая, какъ извѣстно, часто опустошаетъ Тибетъ, и потому мы изъ предосто-

рожности снова сдѣлали себѣ прививки и рѣшительно всѣ избѣжали заразы.

Погода быстро смягчалась, и воздухъ дѣлался все болѣе и болѣе весеннимъ, а потому мы рѣшились отправиться глубже въ страну, чтобы посмотрѣть ковровую фабрику въ Гобши и нѣкоторые изъ знаменитыхъ храмовъ и убѣжищъ въ горахъ.

ГЛАВА XII.

Храмы, священники и монастыри Джіантсе и окрестностей; посѣщеніе подземелій похоронившихъ себя отшельниковъ.

„Безъ ламы нѣтъ приближенія къ Богу“.

Пословица ламъ.

Осмотрѣвъ много различныхъ мѣстъ, мы нашли, что храмы Джіантсе и его окрестностей были красивѣе и многочисленнѣе всѣхъ остальныхъ. Разсѣянные по тучной долиноѣ толпы толстыхъ священниковъ, ламъ, праздно живущихъ трудами мірянъ, собрались въ этомъ цвѣтущемъ городѣ, въ его замѣтнѣе и въ окрестностяхъ и увѣрили крестьянъ, что буддизмъ состоитъ въ жертвоприношеніяхъ идоламъ. Такимъ путемъ они заставили народъ тратить все свое имущество на постройку и украшеніе множества храмовъ и на снабженіе ихъ статуями. Предполагается, что священники, въ качествѣ единственныхъ посредниковъ между богомъ и человекомъ, одни способны отгонять орды злыхъ духовъ, которые постоянно стоятъ насторожѣ, чтобы навлечь на бѣднаго тибетца и его семью болѣзнь, неприятность или несчастье; злобное вліяніе демоновъ не только на каждомъ шагѣ преслѣдуетъ его въ повседневной жизни, но и въ загробномъ существованіи.

Благодаря тяжелымъ поборамъ, которые платятся съ униженнымъ и жалкимъ подобострастіемъ многие изъ наиболѣе роскошныхъ храмовъ приобрѣли большой архитектурный интересъ и заключаютъ въ себѣ драгоценныя сокровища искусства, обѣтныя приношенія богатыхъ богомольцевъ.

Особенно хороши храмы большого укрѣпленнаго монастыря въ Джіантсе. Этотъ монастырь, съ помѣщеніями для 600 монаховъ и со своими многочисленными равами, самъ по себѣ цѣлый городъ. Онъ покрываетъ весь, имѣющій форму полумѣсяца, южный откосъ волнистаго холма, который поднимается приблизительно на 250 ф. надъ долиной и городомъ и стоитъ на разстояніи трети мили къ сѣверу отъ крутого утеса, увѣчаннаго джонгомъ. Монастырскія строенія, расположенныя на различныхъ террасахъ, образуютъ какъ бы громадный амфитеатръ и окружаютъ у своего базиса большую пагоду, которая высится на краю долины и служитъ знаменитой цѣлью паломничества. Ея похожая на минаретъ башенка, съ крышей изъ массивныхъ листовъ темнаго золота, поднимается приблизительно на высоту 100 ф. и служитъ сіяющимъ маякомъ для окрестностей. Все обнесено большой укрѣпленной стѣной съ бой-

ницами, футовъ въ 20 высоты, которая изгибается по контуру холма, точно гигантская подкова изъ строеній и башенъ, и представляетъ собою могучее укрѣпленіе. На вопросъ, почему монастырь такъ сильно укрѣпленъ, мнѣ сказали, что стѣна должна была защищать его отъ его соперника, джонга, въ тѣ времена, когда настоятель монастыря оспаривалъ свѣтскую власть у царившаго тогда главы, замокъ котораго составлялъ фортъ. Если мнѣ сказали правду, то это очень курьезно, потому что устройство монастыря приписывается Рабтану, религиозному царю, который выстроилъ джонгъ около 600 лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ все это доказываетъ воинственный духъ ламъ.

Монастырь называется „Блестящій Кругъ“ (пилигримовъ) или „Паль ко'ръ“, названіе намекающее на обнесенную оградой пагоду;

Большой храмъ и пагода въ Джіантсе.

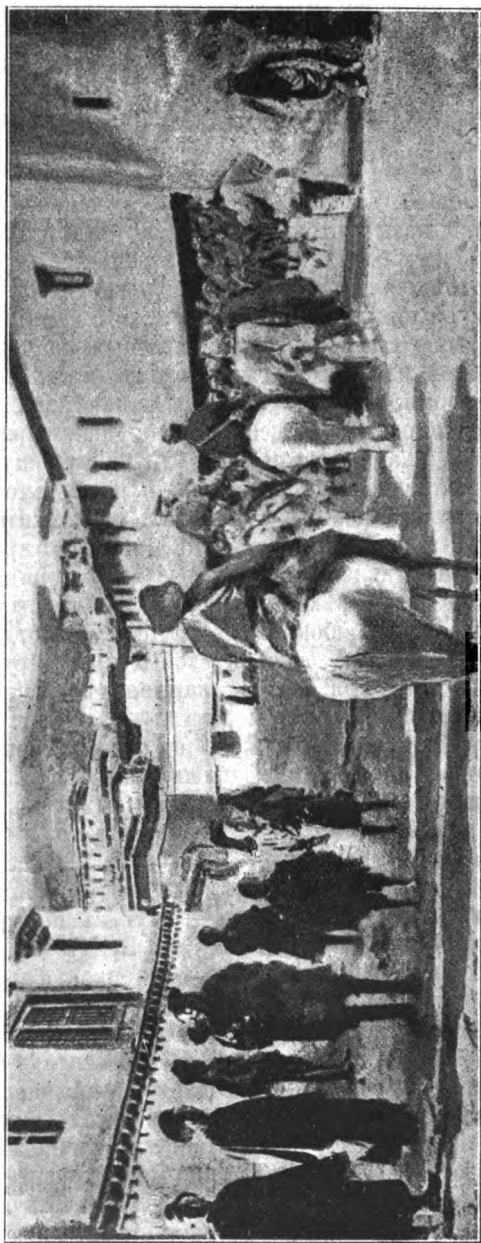
онъ стоитъ такъ близко къ городу, къ озабоченнымъ, дѣловымъ людямъ, что о немъ говорятъ не какъ объ убѣжищѣ или „гомпа“, а какъ о „стражѣ религіи и резиденціи“ (чо-де)

Копыта нашихъ лошадей застучали по вымощенной улицѣ, идущей отъ рынка, и передъ большими воротами насъ окружили кричавшіе пищѣ, которые стояли подлѣ молитвенныхъ боченковъ; въ ихъ числѣ я замѣтилъ проваженнаго. Бросивъ имъ нѣсколько монетъ, мы въѣхали подъ деревянный портикъ съ балкономъ, который покоился на стропилахъ и, какъ и всѣ остальные части воротъ, напоминалъ входы въ буддійскіе средневѣковые подземные храмы Индіи, изображенные Фергюсономъ. Этотъ портикъ доказалъ, что тибетцы совершенно не знаютъ свода.

По обѣимъ сторонамъ воротъ расположены колоссальныя улыбающіяся фигуры четырехъ мифологическихъ царей, охранителей странъ свѣта. Они одѣты въ кольчуги китайскаго образца и каждый

изъ нихъ держить отдѣльную эмблему и окрашены въ свой цвѣтъ. Кожа охранителя востока, страны восходящаго солнца, бѣла, какъ заря; кожа охранителя запада пылаетъ краснымъ цвѣтомъ, напоминая заходящее солнце; южный охранитель, въ качествѣ царя геніевъ богатства, — золотой, а сѣверный, какъ владыка странъ льда, имѣетъ холодно-зеленый цвѣтъ. За этими гигантами стоятъ два большіе темносиніе, злобные дьявола, такіе же, какихъ мы видимъ при входахъ въ японскіе буддійскіе храмы; предполагается, что они должны устрашать и прогонять всѣхъ враждебныхъ пришельцевъ, какъ изъ міра людей, такъ и изъ міра духовъ. Подобно воплощенію смерти Мильтона: „Черные, какъ ночь, они стоятъ, яростные, какъ десять фурій, ужасные, какъ адъ, и потрясаютъ жаломъ“.

Проѣхавъ въ ворота, массивныя деревянныя двери которыхъ, приблизительно въ 10 ф. вышиною и украшенныя желѣзными выпуклостями и большими петлями, днемъ всегда открыты, мы очутились во внутреннемъ преддверіи съ надписями по-тибетски и по-китайски, и со столбомъ, исписаннымъ правилами для поведенія монаховъ. Дальше на мощенномъ дворѣ, который идетъ къ большой пагодѣ и къ главному храму, насъ встрѣтили настоятель и нѣсколько монаховъ,

Во дворѣ монастыря.

чтобы проводить насъ; тутъ мы слѣзли съ лошадей. Настоятель, человекъ среднихъ лѣтъ, съ лицомъ, полнымъ достоинства, отличался большимъ умомъ, но такъ какъ этотъ лама недавно пріѣхалъ въ монастырь и еще не ознакомился съ нимъ и его исторіей, онъ предложилъ мнѣ взять въ качествѣ проводника одного изъ мѣстныхъ монаховъ. Лица бритыхъ ламъ въ темно-красныхъ одеждахъ, окружившихъ насъ, не имѣли ничего аскетическаго или интеллектуальнаго. Всѣ они, очевидно, были мало знакомы съ водой, точно чистота души не можетъ совмѣщаться съ опрятностью тѣла. Въ строгомъ смыслѣ слова только настоятель имѣетъ право на титулъ ламы, означающій „высшій“; остальные монахи называются „тапа“ или учащіеся и студенты, хотя народъ даетъ имъ болѣе почетное названіе.

Этотъ монастырь замѣчательнъ тѣмъ, что онъ, какъ у католиковъ, содержится различными орденами. Онъ представлялъ собой твердню сакійской секты „красныхъ шапокъ“, когда она обладала свѣтской властью надъ Тибетомъ, и эта секта, точно также какъ неререформированная „красная шапка“, „наингма“, получила позволеніе сохранять за собою честь монастыря, когда „желтая шапка“ свергли владѣтельство Сакія. Такую уступку сдѣлали, вѣроятно, въ силу политическихъ соображеній, потому что этотъ монастырь и окружающія его долины составляли мѣстожительства людей, „нашедшихъ“ популярныя апокалипсическія откровенія о необходимости почитанія дьяволовъ, которое явно принимается и практикуется желтой сектой, хотя вначалѣ она отвергала его. Эти различныя секты живутъ бокъ-о-бокъ, точно въ отдѣльныхъ коллегіяхъ за одной стѣной. У каждой свои храмы и строенія для жилья, дортуары, кладовыя и т. д.; каждая дѣйствуетъ согласно своимъ собственнымъ обычаямъ и ритуалу и смѣшивается съ другими только во время великаго служенія въ общей сборной залѣ большого храма. По этому случаю всѣ должны надѣвать желтыя шапки въ знакъ признанія господства ордена желтыхъ. Въ монастырѣ номинально 500 монаховъ, но въ наличности тамъ не было и половины этого числа.

Миновавъ дворъ, въ этомъ мѣстѣ обнесенный строеніями, обитыми рядами каменныхъ плитъ съ пестро расписанными и выгравированными изображеніями Буддъ и святыхъ, ниже которыхъ тянулись ряды молитвенныхъ боченковъ, чтобы ихъ могли вращать руки вѣрныхъ, мы остановились передъ большимъ храмомъ съ возвышавшейся за нимъ пагодой.

Большой храмъ или домъ боговъ (лха-кангъ) по постройкѣ кажется египетскимъ, благодаря своей массивности и стилю стѣнъ съ откосами. Его трехъэтажный фасадъ, прекрасный образецъ деревянной архитектуры, украшенъ такими же изображеніями, какія красуются у внѣшнихъ воротъ, но гораздо болѣе великолѣпными, горящими пурпуромъ, зеленымъ цвѣтомъ и золотомъ. Надъ портикомъ, доходящимъ до второго этажа, висятъ тяжелыя коричневыя шерстяныя занавѣси для защиты отъ солнца, а на темной терракотовой стѣнѣ верхняго этажа съ обѣихъ сторонъ центральнаго окна блеститъ громадная позолоченная монограмма мистическаго

„Омъ мани“, точно геральдическій щитъ герба. На каждомъ изъ четырехъ угловъ крыши поднимается по маленькой башенкѣ, сдѣланной изъ чернаго сукна шерсти яковъ, съ нашитымъ бѣлымъ крестомъ изъ коленкора; сукно натянуто на сквозную раму приблизительно шести футовъ высоты; это такъ называемыя знамена побѣды (джіаль-тшань). Такія круглыя знамена также помѣщаются на счастье на крышахъ дворцовъ, домовъ знати и старостъ; надъ нѣкоторыми изъ нихъ еще возвышается на короткомъ шестѣ тризубецъ съ шелковыми лентами (чабъ-даръ), служащій символомъ

Лха-тсунъ чемпио—нашедшій „книги открытія“. Правой рукой держитъ трубу изъ берцовой кости чело-
вѣка, лѣвой—чашу изъ черепа.

буддѣйской троицы. Близъ центра крыши, надъ мѣстомъ большого алтаря съ главнымъ изображеніемъ Будды, устроенъ сдѣланный по китайскому образцу павильонъ съ позолоченной крышей. Его увѣнчиваетъ большая позолоченная же ваза, верхнее украшеніе столькихъ индійскихъ буддѣйскихъ монументовъ.

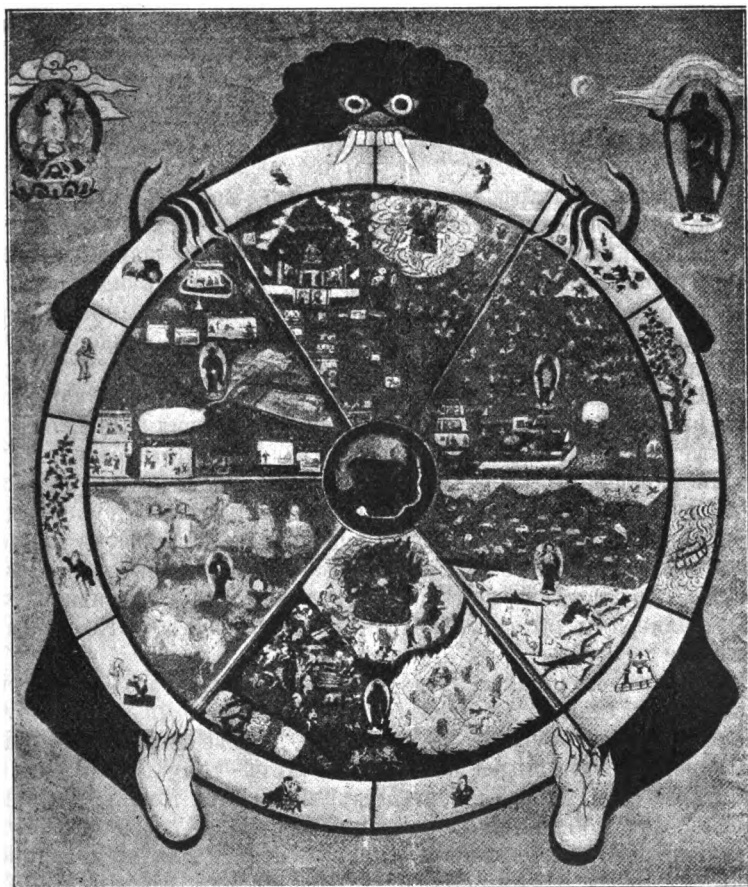
Мы поднимались по широкой лѣстницѣ; пройдя пунцовые пилястры веранды, я увидѣлъ одну замѣчательную вещь: между изображеніями за рѣшеткой стоялъ желтый царь геніевъ богатства, которому обыкновенно сопутствуетъ геній, похожій на Калибаа и напоминающій невольника лампы Аладина, который держалъ въ рукѣ хорька, какъ Вулканъ въ Мемфисѣ крысу. Отсюда мы вошли въ священ-

ный порталъ большого входа, обращеннаго къ западу, и очутились во внутреннемъ вестибюлѣ, покрытымъ пестрыми фресками. Съ обѣихъ сторонъ бѣжали лѣстницы, которыя вели въ верхній этажъ; прямо передъ нами была дверь въ большой храмъ или въ залу собранія, по обѣ ея стороны висѣли набитыя кожи двухъ черныхъ сторожевыхъ собакъ, напоминавшихъ старинныя дверныя надписи римлянъ: „save sapem“.

Когда я вошелъ, два монаха справа отъ двери смотрѣли на картину, которую я назвалъ „колесомъ жизни“, впервые открывъ ее на фрескѣ въ старинныхъ подземныхъ храмахъ Алжанти въ Индіи и обративъ на нее вниманіе западныхъ читателей. Съ тѣхъ поръ фреску популяризировалъ Киплингъ въ своемъ „Кимѣ“, превративъ ее въ открытіе стараго ламы. Она похожа на большое блюдо со спицами, которое держитъ чудовище; на борту круга въ конкретныхъ символическихъ формахъ изображается цѣлая цѣпь отвлеченныхъ представленій, на которыхъ Будда основалъ свою доктрину объ освобожденіи души отъ цикла новыхъ рожденій и всѣхъ несчастій, сопряженныхъ съ ними. Между спицами представлены несчастія души во всѣхъ различныхъ стадіяхъ ея переселеній, начиная отъ небесъ боговъ, гдѣ Зевесъ изображенъ со своими молніями сидящимъ на золотомъ холмѣ Олимпа, и кончая мученіями ада (потому что очень многія старинныя западныя сுவѣрія нашли себѣ мѣсто въ мифологіи Тибета), ужасными, вродѣ терзаній въ дантовомъ Inferno; это должно служить предупрежденіемъ для творящихъ зло. Однако, этическое значеніе такой доктрины возмездія или закона Карма въ сильной степени уменьшается благочестивой уловкой, давшей высокое значеніе услугамъ звященниковъ-ламъ, которые, по тибетскимъ вѣрованіямъ, могутъ улучшать судьбу грѣшниковъ, даже попавшихъ въ адъ, если только ихъ родственники на землѣ поднесутъ ламамъ дары и попросятъ ихъ совершать нужные обряды. Поэтому во всѣхъ различныхъ мірахъ, по которымъ, согласно буддѣйской метафизикѣ, странствуютъ души, ламы рисуются идущими, подобно Анхизу, проводнику Энея, въ адскихъ областяхъ. Въ адахъ они вертятъ свои молитвенныя колеса и бормочутъ заклинанія въ пользу мучимыхъ душъ, родственники которыхъ дѣлаютъ грѣшниковъ достойными заступничества священниковъ. Неразъ грустный тибетецъ говорилъ мнѣ, что онъ печалится такъ какъ лама сказалъ, что онъ уже провелъ умершую жену бѣдняка или его ребенка до половины того-то или другого ада, но что, если онъ не заплатитъ еще гораздо большую сумму денегъ для совершенія того или другого обряда, несчастная душа не только подвергнется гораздо большимъ мукамъ, но, можетъ быть, даже сдѣлается злобнымъ привидѣніемъ, будетъ возвращаться на землю и посѣщать своихъ живыхъ родственниковъ, что составляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ каръ. „Колесо“ въ Джіантсе имѣло около 5-ти съ половиной фут. въ діаметрѣ, но не было такъ выработано или такъ хорошо написано, какъ то, образецъ котораго я напечаталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ центрѣ ада—безжалостный царь мертвыхъ; онъ судитъ умершихъ, взвѣсивая на вѣсахъ ихъ души, противовѣсомъ которыхъ служатъ добрыя дѣла;

черные камни изображают души, бѣлые—ихъ благія дѣянiя. Въ небесныхъ обителяхъ помѣщено желанное дерево раи, производящее на своихъ вѣтвяхъ всѣ предметы, которыхъ пожелаетъ праведникъ,— широко распространенный мнѣ стараго свѣта и прототипъ нашей рождественской елки.

Сборная зала или церковь (ду-к-ангъ), въ которой ламы собира-

Буддiйское колесо жизни.
Съ тибетской фрески.

ются для высшаго служенiя, помѣщается, какъ обыкновенно, въ наземномъ этажѣ; въ ея противоположномъ концѣ, противъ дверей, черезъ перспективу окаймленной колоннами средней части церкви и крыльевъ, видна маленькая капелла съ высокимъ алтаремъ, на которомъ передъ главнымъ идоломъ вѣчно горятъ священнымъ огнемъ большiя масляныя лампы. Питанiе этихъ и другихъ лампъ храма истребляетъ столько коровьяго масла, что настоятель выставилъ необходимость поддерживать священные огни причиной, по которой

просилъ сложить штрафъ изъ масла съ монаховъ за то, что они принимали участіе въ бою противъ насъ въ Красномъ ущельѣ. Сама зала представляетъ собою большую темную комнату, ядровъ въ 20 въ длину и ширину и футовъ 15 въ высоту; ее слабо освѣщаютъ входная дверь и маленькія окошки на крышѣ, пропускающія тусклый религіозный свѣтъ.

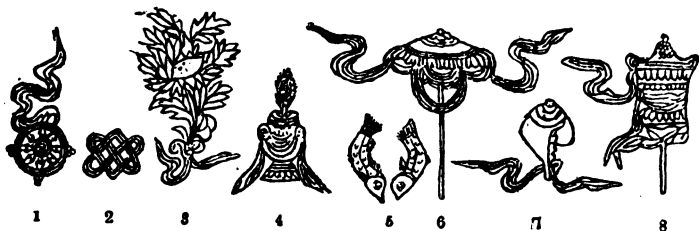
Когда наши глаза привыкли къ сумраку, мы замѣтили, что всѣ ея стѣны были покрыты яркими и позолоченными фресками, изображавшими буддъ, канонизированныхъ святыхъ, государственныхъ боговъ и смѣшныхъ дьяволовъ; надъ картинками и на красныхъ колоннахъ висѣли такого же рода рисунки на сукнѣ и отдѣланные въ бронзовыя рамки, то по японскіе какемоноу.

На высомомъ алтарѣ, тамъ, гдѣ сидѣлъ колоссальный Будда, спокойно смотря внизъ и окруженный множествомъ сателитовъ, было много приношеній богомольцевъ. Шелковые шарфы въ нѣсколько рядовъ обвивали шею наиболѣе любимыхъ идоловъ. За темнымъ рядомъ приношеній—кексовъ (торма), убранныхъ прихотливыми украшениями изъ окрашеннаго масла (точно причудливые сахарные пироги нашихъ кондитеровъ), которыя обновляются только разъ въ годъ, я замѣтилъ нѣсколько кубковъ изъ старой мингской эмали; на одномъ краю алтаря виднѣлись цвѣты, воткнутые въ англійскую пивную бутылку съ ея этикеткой. Тутъ же были украшенныя лентами 8 славныхъ эмблемъ *) или счастливыхъ значковъ, которые изображаются на слѣдахъ ногъ Будды, вышиваются и рисуются на безчисленномъ количествѣ вещей и украшеній свѣтскихъ и духовныхъ. Этотъ алтарь съ его священными предметами помѣщался въ серединѣ маленькой капеллы; пилигримы обходятъ кругомъ него въ видѣ благочестиваго упражненія

По обѣимъ сторонамъ входа въ капеллу главнаго алтаря на полкахъ, сдѣланныхъ въ стѣнѣ, лежали священныя книги—буддѣйское священное писаніе кахджалеръ, — переведенныя съ индѣйскаго санскритскаго языка около 1.000 лѣтъ тому назадъ, и ихъ комментарий (тенджайеръ), первый въ числѣ 100 томовъ, а вторыя въ количествѣ 250. Каждый томъ представлялъ собою тяжелую, трудно переносимую, неудобную связку, около двухъ съ половиной футовъ длины и 8 дюймовъ ширины, и вѣсилъ отъ 10 до 30 и больше фунтовъ, содержа въ себѣ нѣсколько сотенъ отдѣльныхъ листовъ, обернутыхъ полотномъ и отдѣланныхъ въ тяжелое дерево съ ярлыкомъ на одномъ концѣ. Большая ихъ часть,—рукописи; нѣкоторые изъ наиболѣе любимыхъ томовъ, напри- мѣръ, фантастическое ученіе о трансцендентальномъ знаніи —

*) Ашта Мангала, по-тибетски Танни-Таджѣ. Вотъ они: 1) побѣдное колесо имперіи, въ которой не заходитъ солнце; 2) счастливая діаграмма, называемая тибетцами „Книжки Будды“, но въ сущности символъ безконечныхъ возрожденій въ мірской юдоли; 3) цвѣтокъ лотоса небеснаго рожденія; 4) ваза божественной амброзій вѣчной жизни; 5) двѣ золотыя рыбы счастья, талисманы изъ озера Яндокъ; 6) бѣлый зонтикъ верховной власти; 7) раковинная труба побѣды; 8) знамя побѣды.

праджна-парамита—написаны золотыми и позолоченными буквами и иллюминированы такъ, что восхитили бы сердце Уильяма Мориса. Хотя изготовленіе большей части этихъ книгъ заняло много лѣтъ труда, но немногія изъ нихъ въ послѣдствіи читались; онѣ просто сохраняются подлѣ алтаря или на алтарѣ, перевязанныя въ своихъ деревянныхъ оберткахъ, нерѣдко покрытыхъ рѣзными изображеніями Буддъ. Чаще всего читаютъ маленькіе томики, полные болѣе или менѣе непонятныхъ заклинаній, которыя служатъ для излеченія отъ болѣзней и для дарованія счастья. Однако, въ этихъ толстыхъ томахъ, съ ихъ поблѣднѣвшими обертками, по мнѣнію ламъ, вмѣщаются всѣ знанія, все, что стоитъ знать; словомъ, они играютъ роль средневѣковыхъ сочиненій западной схоластической философіи, все еще заполняющихъ библиотеки Европы. Эти книги считаются безусловно священными. Когда ихъ вынимаютъ или относятъ на мѣсто, ихъ всегда берутъ на голову; во время весеннихъ процессій ихъ обносятъ кругомъ полей для удаленія злыхъ духовъ и около домовъ и кроватей больныхъ; кромѣ того, надъ ними влянутся, какъ надъ нашей Библіей. Такъ на-

Восемь счастливыхъ знаковъ или славныхъ эмблемъ.
(Описаніе въ прилѣчаніи на стр. 170).

зываемыя тибетскія буквы состоятъ изъ индійскаго алфавита (въ свою очередь полученнаго съ запада, изъ Финикіи), потому что онъ былъ распространенъ въ VII столѣтіи, какъ разъ въ то время, когда Тибетъ получилъ свой буддизмъ изъ Индіи и когда индійскіе монахи дали письменность этой странѣ; но въ общемъ тибетскій языкъ близокъ къ китайскому и бирманскому. Почти всѣ книги написаны на бумагѣ, сдѣланной изъ коры гималайскаго лавра или изъ корневыхъ волоконъ мѣстнаго растенія, похожего на ленъ. На многихъ изъ листовъ я замѣтилъ двѣ круглыя мѣтки—имитация отверстій, при помощи которыхъ соединялись нитями индійскіе пальмовые листья и древніе манускрипты на березовой корѣ. Отъ гніенія и насквожныхъ бумагу предохраняютъ, обливая ее мышьакомъ.

Начиналась служба, очевидно, ради какаго-то больного, потому что „святые помогаютъ, когда ихъ призываютъ люди“, при помощи ламъ. Вошло около 100 монаховъ въ красныхъ одѣянιάхъ; всѣ они сѣли на подушки, разложенныя вдоль средней части храма; главный священникъ, въ желтой шапкѣ (остальные были съ открытыми головами), занялъ болѣе высокую подушку во главѣ ряда, съ лѣвой стороны, подлѣ алтаря; служки зажгли пѣ-

сколько сотъ добавочныхъ маленькихъ лампъ. Когда все было готово, монахи заѣли гимнъ, который очень напоминалъ католическую службу у насъ. Глубокій, похожій на органъ басъ пѣвцовъ, усиленіе и паденіе звука, серебряные колокольчики, время отъ времени глухой грохотъ барабановъ во второмъ ряду,—все вмѣстѣ придавало величественный и священный характеръ службъ. Огни дрожали; фигуры священниковъ выходили изъ тьмы и, закрытыя тонкими облаками дыма ладана, казались тѣнями живыми, но туманными и производили сильное впечатлѣніе. Католическіе миссіонеры ранней эпохи, также какъ и Хукъ, замѣтили поразительное сходство многихъ ламайскихъ обрядовъ со службой римской церкви; Хукъ даже воскликнулъ, что дьяволъ въ своей злобѣ на христіанство предупредилъ его появленіе.

Издали казалось, будто массивныя деревянныя колонны залы были покрыты канелюрами, но послѣ ближайшаго разсмотрѣнія мы нашли, что каждая изъ нихъ состояла изъ пучка тонкихъ устоевъ, связанныхъ вмѣстѣ желѣзными скобками. На шлястрѣ подлѣ двери, тамъ, гдѣ сидитъ прокторъ, висѣлъ хлыстъ и окованный желѣзомъ пруть для тѣлеснаго наказанія молодыхъ провинившихся ламъ и для поддержания дисциплины.

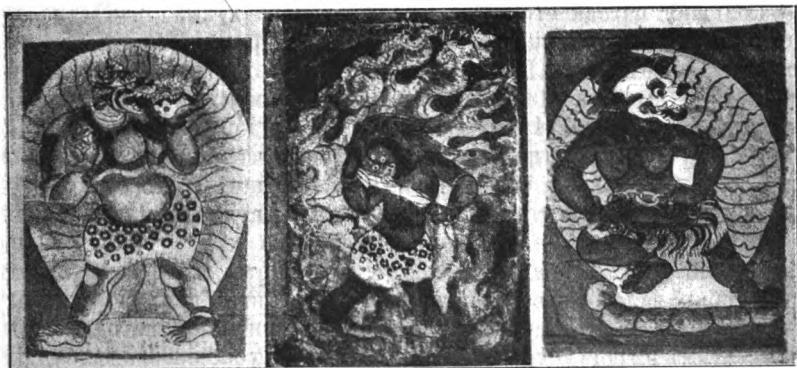
Вторая бібліотека изъ нѣсколькихъ сотъ томовъ, сложенныхъ въ стѣнныхъ полкахъ большой боковой часовни слѣва, представляла для меня больше интереса, нежели хорошо знакомыя мнѣ писанія буддистовъ и собраніе комментариевъ въ главномъ зданіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь я могъ надѣяться найти сочиненія, до сихъ поръ незнакомыя ученымъ; однако, монахи сказали, что въ монастырѣ нѣтъ каталога; даже самыя старшіе и образованные изъ нихъ выказали полнѣйшее невѣдѣніе относительно своей бібліотеки; можетъ быть, они сказали правду; книги покрывала пыль вѣковъ. Только на немногихъ томахъ видѣлись ярлыки, и тѣ сочиненія, въ которыя мнѣ удалось заглянуть, принадлежали къ историческому разряду; это были хроники монастырей, біографіи царей и настоятелей различныхъ сектъ. Я особенно искалъ слѣдовъ индійскихъ манускриптовъ, но нигдѣ не нашелъ ихъ. Настоятель обѣщалъ сдѣлать для меня каталогъ всѣхъ книгъ монастыря, но не сдержалъ обѣщанія. Я съ удивленіемъ увидѣлъ невѣжество монаховъ этого „великаго храма науки“, какъ его называетъ достойный Бабу. Изъ двадцати человѣкъ или больше ни одинъ не могъ писать и только два или три изъ сотни обладали кое-какимъ развитіемъ. Даже настоятель зналъ очень мало объ исторіи своей собственной религіи и страны. Послѣ многихъ посѣщеній монастыря и разговоровъ съ ламами я нашелъ нелѣпой его славу ученаго учрежденія, которое раздаетъ богословскія степени, цѣнящіяся во всемъ Тибетѣ. Въ немъ учатъ только заклинаніямъ, глушымъ мистическимъ обрядамъ, всякимъ пустякамъ, и весь монастырь заключаетъ въ себѣ очень мало чего-либо интеллектуальнаго*) Его монахи отличаются очень низкой степенью

*) „Того, кто учитъ скомороховъ танцу черной шляпы, зовутъ „Глава Колдуновъ“ (Нгакъ-ратъ-па)“.

развитія; они гораздо невѣжественнѣе мірянъ, вѣроятно, благодаря большой снисходительности къ себѣ; ихъ дисциплина очень нестрога: во время промежутковъ службы они высыпали наружу и довольно неприлично играли между собой; кромѣ того, многіе изъ нихъ отказались повиноваться приказаніямъ настоятеля, когда тотъ велѣлъ имъ выйти изъ монастыря, чтобы я могъ снять ихъ фотографіи, хотя сама я очень охотно сдѣлала это.

Вверху плоская крыша вымощена и представляетъ собою какъ бы дворъ на открытомъ воздухѣ, обнесенный многочисленными маленькими часовнями, которыя посвящены различнымъ святымъ, а также пріемными комнатами, включая въ ихъ число и тронную комнату великаго Таши-ламы, и маленькія келіи для служекъ. Въ главной часовнѣ на крышѣ,—рака колдуна-священника, св. Падма, основателя ламаизма, котораго большинство ламъ ставятъ выше самого Будды.

Въ этихъ болѣе свѣтлыхъ помѣщеніяхъ мы лучше увидѣли

Дьяволы-людодѣды.

Мѣстные бонскіе демоны; ламы заклинають ихъ текстами изъ буддійскихъ книгъ.

роскошь и богатство монастыря, выразившееся въ нѣжности фресокъ и разрисованныхъ свитковъ, въ выработанной орнаментациі и великолѣпнѣи отдѣлки кадильницъ, церковной утвари и занавѣсокъ. Многія изъ послѣднихъ были сдѣланы изъ китайскаго брокера, съ вышитыми изображеніями яростнаго императорскаго дракона съ пятью когтями; очевидно, онѣ составляли подарокъ изъ Пекина.

Одна изъ комнатъ называется „дьявольской залой ужасовъ“ (гонъ-вангъ) и кажется чѣмъ-то вродѣ сатанинской пещеры Аладина во тьмѣ, устроенной, чтобы устрашать суевѣрныхъ пилигримовъ и производить на нихъ сильное впечатлѣніе. Въ ней собраны отвратительныя колоссальныя изображенія всѣхъ демоновъ, наполняющихъ міръ и угнетающихъ бѣдныхъ тибетцевъ. У нихъ человѣческія тѣла, а головы людодѣдовъ или чудовищныхъ животныхъ; это страшныя созданія кошмара, и всѣ они ѣдятъ тѣла людей и окружены различнымъ оружіемъ. Большею частью они принадлежатъ къ до-буддійскому мѣстному пантеону бонской религіи. Имъ поклоняются, принося въ жертву кровь и духъ, всѣ

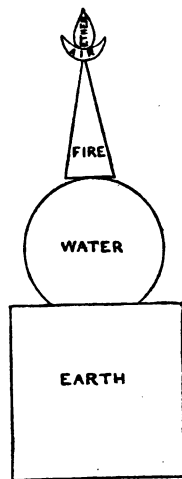
зерна, которые есть человекъ, а также табакъ и яды. Здѣсь же висятъ маски людобовъ, которые употребляются во время дьявольскихъ танцевъ. Джантсе славится своими дьявольскими плясками, центральную фигуру которыхъ составляетъ священникъ въ черной шапѣ — остатокъ до-буддйской религи бонъ. Его называютъ „Главой колдуновъ“ и онъ носитъ комическую черную шапку, напоминающую формой старинный уборъ валлійскихъ дамъ. Ея поля окружены широкой полосой грубаго бархата, а на ея вершинѣ геометрически расположены цвѣтныя нити, на которыхъ сидитъ мертвая голова, обвязанная черными лентами, скрѣпленными драгоценностью, раздѣленной на три части; въ видѣ боковыхъ крыльевъ между полями и тулей поднимаются двѣ красныя змѣи или драконы, и какъ бы жалатъ круглый черепъ. Колдунъ съ бѣшенствомъ танцуетъ подъ звуки быстрой музыки и вертится въ клубахъ ладана, который распространяется изъ большихъ качающихся кадильницъ; приношеніе хлѣбныхъ кексовъ (торма) или изображенія челоуѣческаго тѣла на треножникѣ заканчиваетъ церемонію.

Большая пагода стоящая подлѣ главнаго храма, известна туземцамъ подъ названіемъ „гандхола“ старинное индйское имя большой пагоды въ „Гайѣ“, въ Инди воздвигнутой въ центрѣ буддйской вселенной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мудрый Сакія достигъ своего высшаго просвѣтленія и сдѣлался Буддой; монахи, охраняющіе пагоду Джантсе, повторяютъ преданіе, что ихъ строеніе — снимокъ съ индйскаго святилища. Если преданіе говоритъ правду, это поможетъ намъ увидѣть, чѣмъ былъ оригиналъ или, по крайней мѣрѣ, какова была средневѣковая форма храма Гайи, раньше чѣмъ бенгальское правительство съ четверть вѣка тому назадъ „реставрировало“ его развалины, допустивъ большую свободу относительно архитектурной внѣшности священной пагоды и вызвавъ этимъ строгую критику. Такъ какъ я хорошо зналъ буддйскую пагоду въ Гайѣ, я до известной степени могъ судить объ истинѣ или ложности традиціи, касающейся пагоды въ Джантсе.

Съ перваго взгляда находишь мало сходства между двумя перешпными строеніями, за исключеніемъ того, что они оба довольно солидны, имѣютъ коническую форму, увѣнчаны куполами приблизительно на той же высотѣ и заключаютъ въ себѣ по большой раѣ Будды въ центрѣ своего базиса, такъ называемаго „Вихара-чай-тайя“ индусовъ. Въ обѣихъ пагодахъ входная дверь и главное изображеніе обращены къ западу, и въ Джантсе маленькое дерево растетъ близъ восточнаго фасада, занимая положеніе большого дерева Годхи близъ пагоды Гайи. Сопоставивъ штукатурный фасадъ пагоды Джантсе со скульптурными камнями фасада ея такъ называемаго оригинала и допустивъ, что это несогласіе могло быть плодомъ измѣненій, вкрившихся во время частыхъ и долгихъ обновленій пагоды Гайи, я нахожу, что сходство между ними несомнѣнно имѣется, и полагаю, что храмъ Джантсе былъ дѣйствительно сдѣланъ по образцу индйской пагоды и такимъ образомъ теперь можетъ дать намъ указанія для реставраціи нѣкоторыхъ подробностей пагоды въ Гайѣ.

Пагода Джантсе достигаетъ 100 ф. высоты; площадь ея базиса

занимаетъ около 200 ярдовъ и имѣетъ обыкновенную форму уже хорошо знакомыхъ намъ чортеновъ или рельефныхъ могилъ, символизирующихъ пять элементовъ, на которые распадаются тѣла послѣ смерти. Внизу—расположенное террасами подножіе, какъ бы доколь; на немъ стоитъ барабанообразный коршусъ, увѣнчанный конусомъ изъ большихъ позолоченныхъ колецъ и зонтикообразной вышвы. Пагода имѣетъ восемь этажей; нижніе пять образуютъ ступени цоколя шестой—громадный барабанъ, седьмой—золотую вышву и ея базисъ. Кругомъ каждаго изъ этихъ этажей; обжитъ внѣшняя балюстрада, на которую можно выйти по внутренней лѣстницѣ; пилигримы кружатъ по этимъ площадкамъ, посѣщая часовни. Гандхолу можно считать восьмиугольной постройкой; на четырехъ площадяхъ, ея восьмиугольника, слѣдовательно черезъ одну, сдѣлано по вырѣзу, составляющему двойную нишу. Такое устройство придаетъ каждому этажу форму многоугольной звѣзды съ двѣнадцатью фасадами; по всѣмъ краямъ строенія тянутся ребра. Въ 12 фасадахъ по маленькой часовнѣ, посвященной одному изъ различныхъ буддійскихъ божествъ; ихъ многорукія изображенія совершенно походятъ на божества въ домѣ индусскаго охранителя буддійской пагоды Гайи, Моганта. Въ верхніе этажи можно попадать по боковымъ лѣстницамъ, отходящимъ вправо и влѣво отъ главной часовни, которая стоитъ противъ входа. Въ самомъ верхнемъ этажѣ, подъ большой позолоченной крышей, три магическія кольца совершенное повтореніе двухъ большихъ кольцеобразныхъ черныхъ камней съ высѣченными фигурами, лежащихъ подъ кольцомъ молній въ Гайѣ, которыя я разсматривалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, доказавъ, что они волшебныя кольца для заклинанія злыхъ духовъ. Тутъ также есть фреска мѣстнаго главы Рабтана, знаменитый мечъ котораго сохраняется въ пагодѣ и касается головъ пилигримовъ. Тринадцать колецъ, образующихъ вышву надъ барабаномъ, сдѣланы изъ сильно позолоченной мѣди и изображаютъ небеса индійскихъ буддистовъ. Они увѣнчаны широкимъ позолоченнымъ зонтикомъ царственности, съ краевъ котораго виситъ густая бахрома колокольчиковъ съ широкими листообразными язычками, звенящими въ вѣтрѣ, какъ на пагодахъ въ Бирмане. Если смотришь на пагоду снизу, она представляется въ укороченномъ видѣ и кажется нагроможденіемъ расположенныхъ террасами угловъ, увѣнчанныхъ грибообразной верхушкой барабана и ея зонтикомъ. Замѣчательно, что въ пагодѣ Джіантсе нѣтъ четырехъ угловыхъ башенъ на крышѣ перваго этажа, составляющихъ такую рѣзкую черту реставрированнаго индійскаго строенія. Если онѣ были въ оригиналѣ, то, вѣроятно, исчезли съ развалины въ то время, когда ее приняли за оригиналъ для постройки „гандхолы“ въ Джіантсе. Словесное преданіе говоритъ, что пагода гораздо старше, чѣмъ самый храмъ.

Чортень съ символами стихій.

Ея стѣны и внѣшніе карнизы украшены живописными изображеніями и орнаментами на штукатуркѣ; рѣзныхъ камней очень немного, и всѣ они грубой мѣстной работы. Ни въ этомъ строеніи ни въ другихъ, которыя я посѣщалъ, я не нашелъ старинныхъ каменныхъ или мѣдныхъ изображеній Индіи и даже не слыхалъ о такихъ*).

Я посѣтилъ много другихъ меньшихъ храмовъ; всѣ они были построены по плану болѣе обширныхъ, также какъ дортуары и помѣщенія настоятеля. Онъ извинился за беспорядокъ въ своихъ комнатахъ, говоря, что упаковалъ ковры и другія вещи, желая отдѣлать палатку амбана, когда тотъ прійдетъ, чтобы посѣтить нашу миссію. Подлѣ входа въ страшную и непривлекательную комнату ужасовъ, находившуюся въ связи съ помѣщеніемъ настоятеля, съ потолка висѣла коллекція „охранителей“ — набитыхъ шкуръ сторожевыхъ собакъ.

На холмѣ надъ этимъ монастыремъ, приблизительно мили на три выше его, было убѣжище (ри-тѣ), состоявшее изъ 20 убѣженныхъ келій, въ которыя монахи удаляются на извѣстный періодъ времени для размысленія. Въ сосѣдней долинѣ стоялъ монастырь на 30 монахинь ордена „желтыхъ шапокъ“. Всѣ инокини были выбриты; однѣ носили обыкновенныя монашескія коническія желтыя шапки, головы же другихъ покрывали громадные пушистыя парики изъ завитой шерсти и придавали имъ сходство съ лохматыми, растрепанными островитянами Южнаго океана, которые напоминаютъ болонокъ. Эти монахини, очень некрасивыя, грязныя и невѣжественныя, обыкновенно расхаживаютъ по городу и по деревнямъ, прося милостыню. Въ окрестностяхъ было еще два женскихъ монастыря. Въ одномъ изъ нихъ я видѣлъ учителя отшельницъ, монаха жалкаго вида, среднихъ лѣтъ, который ежедневно приходилъ ихъ наставлять въ совершеніи обрядовъ. Только одна изъ монахинь умѣла писать. Всѣ ихъ книги представляли собой руководства къ богослуженію или сборники заклинаній во время священныхъ обрядовъ. Я думаю, что, вслѣдствіе очень распространенной полиандріи и множества мужскихъ монастырей, влекущихъ обѣты безбрачія, въ силу чего столько женщинъ не выходитъ замужъ, многія тибетянки идутъ въ монастыри.

На холмѣ, ниже верхняго монастыря, находится туземная Голгова—мѣсто, куда бросаютъ мертвыя тѣла на съѣденіе собакамъ, коршунамъ, воронамъ и другимъ животнымъ, пожирающимъ падаль. Такое возмутительное обращеніе съ умершими, безъ сомнѣнія, отчасти вызвано, какъ говорить Богль, недостаткомъ лѣса для сожженія и трудностью вырывать могилы въ промерзлой землѣ. Только тѣла ламъ и людей, умершихъ отъ оспы и другихъ заразныхъ болѣзней, сжигаются. Невдалекѣ расположено китайское кладбище—у подножія обнаженной горы; сотни сплоченныхъ могилъ,

* В одной часовнѣ былъ слѣдъ индійскаго монаха Зрасть Гуро-че-уангъ изъ чернаго базальта съ прекрасно изваяннымъ отпечаткомъ ступни въ натуральную величину.

напоминающихъ лагерь изъ палатокъ, обозначаютъ мѣсто, на которомъ покинувшіе отечество сыны Небесной имперіи спятъ въ чужой странѣ.

Еще большій монастырь Тсе-Чень, съ помѣщеніемъ на 2.000 монаховъ желтаго ордена, раскидывается по склону холма, на другой сторонѣ долины, миляхъ въ пяти отъ Джіантсе; говорятъ, что его основажи болѣе 800 лѣтъ тому назадъ и что его посѣщаль основатель ордена „желтыхъ шапокъ“ Тсонгъ-Кхапа. Однако, онъ не представляетъ никакого спеціальнаго интереса; занимательны только его таинственные подземные переходы; на одномъ его краю; подлѣ ковровой мануфактуры Гобши стоитъ красный домъ колдуна-волшебника, одного изъ оракуловъ.

Тибетцы казались дружески расположенными къ намъ; наши раз-

Тибетянка и ея служанки.

вѣдки доносили, что около Джіантсе все спокойно, на разстояніи дневного пути съ обѣихъ сторонъ города, и потому мы рѣшили поѣхать немного подальше. Въ числѣ первыхъ мѣстъ, которыя мы задумали осмотрѣть, было маленькое убѣжище анахоретовъ, какъ мы слышали, стоявшее между горами приблизительно на разстояніи 14 миль по дорогѣ къ Шигатсе; тамъ, говорили намъ, отшельники запечатываются въ темныхъ погребахъ, похожихъ на склепы, и остаются въ нихъ до смерти, никогда не видя свѣта или чело-вѣческаго лица, „съ разрушеннымъ тѣломъ и омраченной душой“.

30-го апрѣля (1904) четверо изъ насъ рѣшили отправиться и посмотреть странную общину отшельниковъ въ ихъ могилахъ. Послѣ ранняго завтрака мы тронулись въ путь на косматыхъ маленькихъ тибетскихъ лошадакахъ въ сопровожденіи проводника и четырехъ сикховъ, которые должны были держать нашихъ лошадей и помогать

намъ защищаться въ случаѣ (повидимому, вполне невѣроятномъ) нападенія.

Дорога вышла изъ нашего маленькаго укрѣпленнаго поста и провела насъ мимо города Джіантсе, увѣнчаннаго замкомъ, который издали блестѣлъ въ раннемъ утреннемъ свѣтѣ, точно драгоценность на лонѣ долины. Потомъ черезъ зажиточныя предмѣстья мы выѣхали на открытую равнину, тамъ, гдѣ, развѣтвляющаяся рѣка Ніангъ извивается гибкими петлями по луку, шириною въ четыре мили и усѣянному красивыми деревенскими домами, которые гнѣздятся въ кущахъ изъ ивъ и тополей. Тутъ мы поѣхали шагомъ, чтобы наслаждаться видами и впитать живительный бодрящій воздухъ. Блестящіе бѣлые монастыри, рассыпанные по откосамъ лиловыхъ горъ этой лишенной священниковъ страны, отвлекали наши глаза отъ луга, направляя ихъ къ угрюмымъ вершинамъ, смягченнымъ свѣже-выпавшимъ снѣгомъ и рисовавшимся на сапфировомъ небѣ.

Стояло вполне весеннее утро. Вся природа трепетала отъ радости вновь найденной жизни. Промерзлая земля оттаяла подъ лучами благодатнаго солнца, свѣтившаго нѣсколько недѣль, и изъ мягкой почвы подлѣ дороги и на краяхъ полей поднимались свѣжіе зеленые побѣги, рисуясь на темной зелени восхитительныхъ свѣтло-синихъ ирисовъ и уже украшавшихъ землю зарослей низкорослыхъ розовыхъ примуль, веселыхъ саксифрагій и кустовъ золотистаго вереска. Изъ каждой деревни поселане вышли на поля и хлопотливо пахали или сѣяли; облитые сіяющимъ свѣтомъ солнца, они образовали красивыя цвѣтныя пятна. Мужчины пахали на волахъ, пестро покрытыхъ шерстяными плюмажами, выкрашенными въ яркій красный или синій цвѣтъ, и украшенныхъ длинными шейными кистями изъ хвостовъ яка и сбруями изъ звенящихъ колокольчиковъ, а вслѣдъ за пахарями шли пестро одѣтыя женщины въ качествѣ сѣятелей и широко разбрасывали зерна изъ своихъ корзинъ. Многие изъ мужчинъ и женщинъ напѣвали отрывки пѣсенъ въ порывѣ веселья или въ пріятномъ предвидѣніи новыхъ жатвъ. Посреди высокихъ тополей, затѣнявшихъ усадьбы, красиво расписанныя красной охрой и выбѣленные известкой, посреди узловатыхъ ивъ, окаймлявшихъ ирригаціонные каналы, порхали розовые чижи, овсянки, коричневые воробьи, пугливыя голубки, варакушки, пѣвчіе дрозды и тибетскія ласточки; всѣ птицы держались парочками и, очевидно, строили гнѣзда, а рядомъ надъ полями пѣли настоящіе англійскіе жаворонки въ небесахъ, внизу же расаживали красноногія вороны. По временамъ мимо насъ слѣзили дикіе гуси и утки; мы спугивали изъ убѣжищъ зайцевъ, куропатокъ или тибетскихъ чаекъ, ловившихъ форелей; при этомъ птицы съ шумомъ неслись къ зарослямъ тростника, которыя обрамляли бирюзовыя заводи рѣки, представлявшія хорошія мѣста для выводовъ.

На тринадцатой милѣ нашъ проводникъ заставилъ насъ свернуть съ этой веселой долины, трепетавшей жизнью, на маленькую затѣненную прогалину, и картина сразу перемѣнилась. Передъ нами поднималась обнаженная, усѣянная камнями долина и вела

къ дикимъ, угрюмымъ горамъ; въ ея зѣвѣ, тамъ, гдѣ она сужалась въ настоящій скалистый ровъ, мы разсмотрѣли на разстояніи мили жилища отшельниковъ. Маленькій ручей долины тихо журчалъ, перерѣзанный камнями, упавшими съ горъ, и тѣмъ, что казалось мореной бывшаго ледника. Утесы съ лѣвой стороны были усыяны темными кельями похороненныхъ анахоретовъ, и дымъ отъ огней, на которыхъ готовилось кушанье, мрачно висѣлъ надо всѣмъ, какъ парная пелена. Внизу, среди кустовъ дикихъ розъ, казалось, побитыхъ морозомъ, потому что ихъ сухіе прошлогодніе листья еще не опали, персиковыя деревья, точно въ насмѣшку, покрылись роскошными розовыми цвѣтами, а вверху серебристое ивовое дерево одиноко караулило могилы заживо погребенныхъ.

Отшельникъ св. Мнла.

Отшельники, потревоженные стукомъ копытъ нашихъ лошадей вышли къ намъ навстрѣчу. Они не походили на обыкновенныхъ тибетскихъ монаховъ и были одѣты не въ монашескія рясы, а въ толстое платье, больше напоминавшее одѣяніе свѣтскихъ людей. На небритыхъ головахъ отшельниковъ не видѣлось тонзуръ, ихъ волосы падали на плечи длинными неблестящими прядями, придавая имъ косматый, дикій видъ; у нѣкоторыхъ же они были подняты въ свободные пучки на макушкѣ, какъ у индійскихъ аскетовъ, джоджисовъ или факировъ; никто не носилъ косъ, какъ міряне. Они только-что перенесли заключеніе въ могилѣ на первую или вторую степень святости, т. е. оставались тамъ шесть мѣсяцевъ или три года три мѣсяца и три дня, и до сихъ поръ еще не приняли обѣта на третью или окончательную степень—пожизненное замуравливаніе. До поры до времени они ухаживали

за своими болѣе святыми братьями и приносили пищу замуравленнымъ на всю жизнь. Я попросилъ одного отшельника написать въ моей записной книжкѣ названіе ихъ уединенной обители и нашелъ, что они дали ей имя „Пещера счастливаго размышленія о несчастіи“, — „Ніанг-те-ки-пу“.

Потомъ насъ повели по узкой вьющейся тропинкѣ, черезъ вымощенный плитами дворъ, къ маленькой часовнѣ. Съ крыши входа надъ дверью висѣли двѣ набитыя медвѣжьей шкуры, и монахи объяснили мнѣ, что это ихъ символъ или, такъ сказать, гербъ, какъ жителей пещеръ. Внутри часовни, бывшей обыкновенной формы, на стѣнной фрескѣ надъ алтаремъ, изображавшей полуобнаженныхъ и похожихъ на индусовъ аскетовъ, первое мѣсто занималъ святой ихъ ордена, тибетскій отшельникъ святой Мила. Этотъ отшельникъ былъ своего рода колдуномъ-поэтомъ, онъ написалъ много народныхъ пѣсенъ, жилъ въ XI столѣтіи и, принявъ за образецъ индійскій аскетизмъ, устроилъ себѣ главное убѣжище на отвесахъ горы Эверестъ, на 150 миль къ западу отсюда. Второе мѣсто во фрескѣ было отдано индійскому колдуну, по имени Сараха, который, говорятъ, 600 лѣтъ тому назадъ основалъ именно это убѣжище.

По нашей усиленной просьбѣ насъ проводили къ пещерамъ. Ихъ около двадцати и онѣ неправильно разбросаны по утесистому склону холма. Входы въ нихъ выстроены изъ камней и замазки; дверь на замкѣ. Единственными отверстіями, кромѣ двери и маленькаго темнаго стока, служить крошечная отдушина, похожая на входъ въ нору кролика; ея площадь занимаетъ 6 квадратныхъ дюймовъ и она еле-еле достаточно просторна для того, чтобы отшельникъ могъ просунуть въ нее руку за своей дневной долей пищи изъ толченаго зерна и воды. Зерно завязывается въ салфеточку, которую кладутъ на узкій выѣшній выступъ окна; воду вливаютъ туда же въ небольшое углубленіе въ формѣ блюдечка; оттуда она стекаетъ внутрь.

Съ того мгновенія, какъ запирается дверь, отшельникъ остается въ полной темнотѣ въ теченіе всего своего добровольнаго заключенія на первую или вторую степень святости или на всю жизнь. Онъ не можетъ различать дня, ночи или теченія времени. Его единственное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ состоитъ въ томъ, что ему ежедневно ставятъ пищу на выступъ окна; въ силу обѣта онъ не имѣетъ права впускать къ себѣ свѣтъ или выглядывать наружу. Въ теченіе всего заключенія онъ не смѣетъ ничего видѣть, ни съ кѣмъ говорить.

Въ первой кельѣ, къ которой насъ привели, былъ замуравленъ старый отшельникъ, не видавшій свѣта, никому не показывавшійся и ни съ кѣмъ не говорившій болѣе двадцати одного года. Мы стояли и сожалѣли бѣдняка, который добровольно посадилъ себя въ эту тюрьму, а одинъ изъ насъ попросилъ доказать его присутствіе въ кельѣ. Въ отвѣтъ на это монахъ подалъ знакъ, который служитъ для отшельника сигналомъ, что пищу поставили на выступъ окна. Онъ три раза ударилъ по подоконнику, такъ нѣжно, что мы еле уловили этотъ стукъ; въ ожиданіи мы еле дышали; и

вотъ черезъ десять-двѣнадцать секундъ среди почти могильной тишины маленькая дверка во входѣ кроличьей норы слегка дрогнула, двинулась и, наконецъ, открылась на три или четыре дюйма; изъ мрака медленно, неувѣренно, показалась рука въ перчаткѣ. Это было все! Только рука въ перчаткѣ! Она высунулась наружу дюйма на четыре и медленно ощупывала каменный подоконникъ въ теченіе двухъ-трехъ секундъ, но, не найдя ничего, исчезла, дрожа точно отъ озноба; дверка снова закрылась, напоминая исчезновеніе улитки въ раковинѣ; ничто не нарушало мучительной тишины, только мнѣ почудился подавленный стонъ. Все это совершилось тихо, точно въ грѣзѣ, медленно, украдкой, молчаливо, нерѣшительно, осторожно. При свѣтѣ дни явленіе руки казалось сверхъестественнымъ и ужаснымъ. Только рука въ перчаткѣ! Итакъ, значить рукъ несчастнаго бѣдняка было отрезано даже въ живительной силѣ свѣта: еще лишняя капля въ чашѣ его страданій. Было трудно понять, чтобы человѣческое существо могло добровольно осудить себя на такое заключеніе, гонимое развѣ для дивихъ звѣрей.

Послѣ этой пещеры мы видѣли еще четыре или пять замуравленныхъ келій; повсюду повторялось то же тягостное зрѣлище, и замѣчательно, что руки молодыхъ людей дрожали почти такъ же, какъ и у стариковъ.

Въ послѣднемъ погребѣ, у котораго мы остановились, наканунѣ умеръ старикъ лѣтъ шестидесяти, пробывшій въ заключеніи болѣе двадцати двухъ лѣтъ. Уже нѣсколько дней онъ не дотрогивался до пищи; въ это утро главный изъ свободныхъ монаховъ, не получивъ отвѣта на свои вопросительныя постукиванія, открылъ дверь подземелья и увидѣлъ, что бѣдный узникъ умеръ. Мы попросили позволенія взглянуть на тѣло, но намъ отказали въ этомъ желаніи, потому что, по словамъ монаховъ, никто, даже отшельники, за исключеніемъ старшаго, не имѣли права смотрѣть на священное тѣло. Подлѣ двери стояло погребальное знамя, а ради души умершаго горѣли лампы.

Многіе изъ молодыхъ отшельниковъ, сопровождавшіе насъ во время осмотра, мальчики отъ 12 до 18 лѣтъ, уже перенесли первую и вторую степень замуравливанія и многіе изъ нихъ желали послѣдовать примѣру несчастнаго старика, измученная душа котораго только-что освободилась, потому что его поведение считалось образцомъ, достойнымъ подражанія; одинъ изъ бѣдныхъ мальчиковъ казался почти идиотомъ, и неудивительно. Напротивъ, можно удивляться, что кто-нибудь остается здоровымъ послѣ ужасной пытки, хотя бы только шестимѣсячной.

Намъ сказали, что еще болѣе знаменитая община отшельниковъ того же ордена находится въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, въ Шалу, и славится черной магіей. Тамъ есть подземелье, въ

Отшельникъ съ чашей изъ черепа.

которое человекъ запираютъ на 12 лѣтъ; въ это время онъ старается приобрести волшебныя силы при помощи пѣнія индійскихъ заклинаній и волшебныхъ словъ. Серьезно передаются глупые рассказы о случающихся тамъ чудесахъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ анахоретъ выражаетъ желаніе вернуться къ внѣшнему міру и начинаетъ дуть въ трубу изъ человѣческой берцовой кости. При первомъ порывѣдыханія все, что ему принадлежитъ, чудеснымъ образомъ вылетаетъ на поверхность сквозь маленькое отверстіе не просторнѣе замочной скважины. При второмъ—наружу выходитъ онъ самъ, черезъ такую же маленькую дырочку, сидя въ хорошо извѣстной позѣ Будды, со скрещенными ногами. Тогда его испытываютъ, чтобы посмотрѣть; приобрѣлъ ли онъ магическую силу не бросать тѣни, сидѣть на вершинѣ пирамиды изъ ячменя, не потревоживъ ни одного зерна, летать по воздуху и т. д. „Но, — прибавили съ грустью рассказчики, — очень немногіе выдерживали это испытаніе, хотя многіе подвергались ему“.

Что же вызываетъ это ужасное самозаключеніе? Почему эти бѣдные люди, невѣжественные крестьяне, добровольно лишаются свободы, дома, всего, что украшаетъ жизнь, и страшнымъ образомъ жертвуютъ собой?

Эволюція такой отталкивающей формы религіознаго чувства, представляетъ, какъ мнѣ кажется, новый примѣръ того, до какой степени ошибочно и механически полудикіе, погруженные въ глубину невѣжества тибетцы стараются подражать обрядамъ и проявленіямъ индійскаго буддизма, который представляетъ для нихъ великій образецъ правовѣрія, но такъ плохо понимается громаднымъ большинствомъ ихъ священниковъ.

Средній тибетецъ, а въ особенности священникъ или лама, стоитъ на необычайно низкой степени развитія; ни тотъ, ни другой почти неспособенъ усвоить какую-либо новую отвлеченную или рациональную идею, если это требуетъ умственнаго напряженія. Такимъ образомъ, ламы, стараясь копировать дѣйствія буддистовъ, часто схватываютъ только внѣшнія и совершенно случайныя черты доктрины, истолковываютъ ихъ въ грубо-материалистическомъ смыслѣ и превращаютъ въ цѣль и въ объектъ. Такое поверхностное подражаніе довело ламаистовъ до нелѣпаго искаженія оригинала и до „измѣненія эпитафій“, какъ я показатъ въ моемъ „Буддизмъ Тибета“. То же я думаю было и съ этими бѣдными отшельниками.

Безъ сомнѣнія, не только Будда, но и другіе проповѣдники совѣтовали временное одиночество для моральной и религіозной дисциплины. Цѣль его—частію предоставленіе анахорету возможности избѣгать мірскихъ соблазновъ, отходить отъ суетной толпы своихъ товарищей, людей, но главнымъ образомъ, и въ особенности въ буддійской системѣ, желаніе дать ему время для самоуглубленія и совидательнаго мышленія во имя его личнаго блага, а также и для поученія остальныхъ.

Такъ, удаляясь на короткое время въ уединеніе, самъ Будда развилъ свою доктрину объ „истинномъ пути къ спасенію“ и формулировалъ основы, на которыхъ она покоится; подобнымъ же

образомъ святой патронъ этого отшельническаго монастыря, св. Мила, составилъ въ горномъ погребѣ много неотдѣланныхъ религіозныхъ гимновъ, до сихъ поръ популярныхъ во всемъ западномъ Тибетѣ.

Но несчастные люди, съ которыми мы теперь столкнулись, не одаренные ни интеллектуальной, ни моральной силой, способной поддерживать ихъ, могутъ выполнить только физическую часть монашескаго заключенія, и въ этомъ смыслѣ ихъ усердіе, конечно, превосходить усилія величайшихъ святыхъ и философовъ, такъ какъ они остаются въ уединеніи не короткое время, а всю жизнь. Это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно! Безцѣльное заключеніе, конечно, не можетъ возвышать ихъ, напротивъ, губить и притупляетъ ихъ умъ и нравственное чувство; дѣйствительно, бѣлая часть людей, перенесшихъ заключеніе первой и второй степени, въ умственномъ отношеніи стояли еще ниже всѣхъ остальныхъ тибетцевъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ типу прирожденныхъ преступниковъ другой былъ совершеннымъ идиотомъ. Но не всѣ изъ нихъ оказались безумцами; толстый, старый главный изъ монаховъ на мой вопросъ, когда онъ подвергнется окончательному заключенію, отвѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ перенесъ второе замуравливаніе, прошло больше 20 лѣтъ „и, — прибавилъ онъ, ослабившись и пожавъ плечами, — еще неизвѣстно подвергнется ли онъ заключенію окончательному“. Разумный человекъ!

Счастлирое раздумье о несчастіи.

Причина, заставляющая монаховъ подвергать себя такой возмутительной формѣ отшельничества, повидимому, заключается въ томъ, что тибетцы записываютъ въ члены этой общины своихъ десяти, двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, врядъ ли сознающихъ, на что обрекаютъ ихъ родители, а разъ попавъ въ когти ордена, они уже не могутъ вырваться изъ нихъ и отказаться отъ своихъ обязанностей. Такимъ образомъ замуравливаніе далеко не религіозная манія. Когда отшельника заживо хоронятъ, ему даютъ мрачныя дополненія для занятій и пищи: четки съ бусинами, сдѣланными изъ человѣческихъ костей, трубу изъ человѣческой берцовой кости, чашку изъ макушки человѣческаго черепа для пищи. Задачи, предписанныя отшельнику, состоятъ главнымъ образомъ въ миліоны разъ повторяющемся бормотаніи заклинаній на безцѣльномъ санскритскомъ жаргонѣ, а также въ извѣстныхъ жестахъ и складываніи пальцевъ рукъ и ногъ для подчиненія себѣ дьявола. Во время различныхъ стадій заклинаній замуравленный долженъ мысленно вызвать самаго злобнаго дьявола, одного изъ тѣхъ отталкивающихъ чудовищъ, которыя безобразяютъ стѣны ламайскихъ храмовъ; позже ему необходимо чарами побѣдить его. Вызывать дьявола, вѣроятно, не очень трудно для довѣрчивыхъ тибетцевъ,

еще не переступивших за предѣлы того умственного развитія, при которомъ человѣкъ видитъ видѣнія и грѣзы наяву и думаетъ, что онъ живетъ въ мірѣ, полномъ демоновъ, стремящихся повредить ему, причѣмъ постоянное заклинаніе злыхъ духовъ составляетъ богатый источникъ доходовъ деревенскихъ священниковъ; однако, намъ нужно вспомнить дневной кошмаръ Мартина Лютера, бросившаго въ дьявола чернильницу. Замуравленному отшельнику, который закликаетъ демоновъ, это занятіе приноситъ то благодѣяніе, что онъ воображаетъ, будто такимъ путемъ заслужитъ небесное одобреніе и при слѣдующемъ рожденіи приблизится къ раю.

Грустно видѣть, до какихъ злоупотребленій, до какой безцѣльной траты жизни доводитъ свои жертвы эта чудовищная теорія! Несчастные набожные люди съ извращеннымъ и невѣрно направленнымъ религіознымъ чувствомъ и ошибочными понятіями о долгѣ бросаютъ сферу человѣческихъ удовольствій и обязанностей, превращаются въ призрачныхъ обитателей подземнаго міра и тамъ, въ его сырой, нездоровой атмосферѣ, ихъ слабый интеллектъ, еще болѣе ослабленный и притупленный жалкимъ образомъ, погружается въ летаргію возрастающаго, полнаго бреда, идиотизма.

Я съ удовольствіемъ уѣхалъ отъ „пещеры счастливаго раздумья“ съ ея печальными заключенными въ могилы и бесцѣльными узниками, снова очутился среди безцѣнной свободы воздуха и солнечнаго свѣта великолѣпной Божьей земли и благополучно добрался домой черезъ милую долину Джіантсе. Намъ поистинѣ можно было поздравить съ тѣмъ, что мы благополучно вернулись домой, такъ какъ черезъ три дня вся долина, по которой мы ѣздили, подняла оружіе противъ насъ и наполнилась нѣсколькими тысячами тибетскихъ солдатъ изъ Шигатсе, которые спѣшили напасть на нашъ маленькій лагерь, что они и сдѣлали на четвертую ночь послѣ нашего возвращенія съ далеко небуддійской яростью.

ГЛАВА XIII.

Осаждены въ Дміантсе.

„Убіство—хуже всѣхъ грѣховъ“.

Пословица ламъ.

Непріятныя происшествія, послѣдовавшія теперь, доказали, до чего ламы искусны въ дипломатическомъ притворствѣ. Они выказывали намъ дружелюбіе; побуждаемые деньгами и угрозами, приносили въ нашъ лагерь различные запасы, а въ то же время совсѣмъ не собирались завязывать съ нами отношенія и тайно подготавливали планы перерѣзать насъ, хотя ихъ собственный религіозный законъ строго воспрещаетъ имъ убивать какое-либо живое существо, не только человѣка, но даже и животное. Ихъ обращеніе до того обмануло нашихъ политическихъ представителей, что полковникъ Іонтхѣзбендъ заявилъ въ своей обнародованной депешѣ, что „12-го апрѣля всякое сопротивленіе прекратилось въ

этой части Тибета", и прибавилъ, что „ни генераль, ни солдаты, ни народъ не пожелали сражаться“.

Такое сангвиническое довѣріе вскорѣ было разбито. До сихъ поръ ламы просто преграждали намъ путь; теперь они рѣшили перейти къ наступательному движенію и въ подавляющемъ большинствѣ напасть на насъ. Услышавъ, что нашъ маленькій постъ Чангло 3-го мая необычайно ослабѣлъ, такъ какъ двѣ трети эскорта миссіи ушли, чтобы занять позицію, находившуюся въ рукахъ тибетцевъ въ проходѣ Кхаро, на разстояніи четырехдневнаго пути отъ Джіантсе на дорогѣ къ Лхассѣ, тибетцы рѣшили, что настало удобное время для осуществленія ихъ плановъ.

Вѣроятно, развѣдочное отдѣленіе ламъ великолѣпно работало, потому что едва отрядъ двинулся къ проходу Кхаро, какъ верховые курьеры полетѣли къ Шигатсе, отстоявшему на 50 миль, съ извѣстіями о нашемъ ослабленіи; въ тотъ же вечеръ армія въ 1.600 воиновъ двинулась изъ Шигатсе, чтобы напасть на насъ; они шли всю ночь и весь слѣдующій день, стремясь поскорѣе воспользоваться нашимъ, какъ полагали ламы, безнадежно беззащитнымъ положеніемъ.

Къ счастью, накануне явились нѣкоторые признаки будущаго нападенія: почти всѣ тибетскіе пациенты изъ госпиталя, открытаго д-ромъ Уальтономъ внѣ стѣнъ поста, ушли вмѣстѣ съ госпитальными слугами-туземцами, которые передъ уходомъ сказали нашимъ другимъ тибетскимъ слугамъ, что они бѣгутъ, такъ какъ не желаютъ, чтобы на слѣдующій день ихъ зарѣзали вмѣстѣ съ нами. Эти предостереженія показали полковнику Юнгхѣзбенду основательными, и онъ послалъ за губернаторомъ города и въ качествѣ заложника задержалъ его въ нашемъ лагерѣ. Лично я помню, что въ этотъ вечеръ, глядя снаружи на нашъ опустѣвшій постъ, я замѣтилъ, какими онъ казался покинутымъ и удобнымъ для нападенія. Передъ уходомъ на ночь я сказалъ часовому о полученномъ рапортѣ, хотя никто изъ насъ не отнесся серьезно къ этому слуху.

Между тѣмъ на насъ напали именно въ эту ночь или, вѣрнѣе, рано утромъ. Какъ разъ передъ разсвѣтомъ, послѣ половины пятаго, 5-го мая, мы внезапно проснулись отъ громкаго военнаго крика тибетцевъ *), пронзительнаго лающаго вопля: „Ки-ху-ху-у-у! Ки-ху-ху-у-у!“ , который хрипло вырвался изъ нѣсколькихъ стѣнныхъ тротвъ и прозвучалъ въ нѣсколькихъ ярдахъ за нашей стѣной. Почти немедленно послышался трескъ сотенъ мушкетовъ, жужжаніе пуль и продолжительный выстрѣлъ ревущаго пушечнаго огня.

Неожиданность была такъ велика, что, кажется, прошло нѣсколько минутъ раньше, чѣмъ наши часовые приняли боевую позицію и стали отвѣчать. Между тѣмъ слѣдовало сейчасъ же начать бороться: раньше чѣмъ я успѣлъ достать мой заряженный револьверъ изъ-подъ подушки, схватить ружье, патронный мѣшокъ и сумку съ перевязочными предметами, пули пробили бумагу моего верхняго окна. Когда я выбѣжалъ на внѣшнюю галерею, меня

*) Это также любимый крикъ тибетскихъ разбойниковъ; они кричатъ такъ, потрясая ножами и бросаясь на караваны.

встрѣтила толпа безоружныхъ слугъ, которые въ ужасѣ и толкая одинъ другого сбились въ уголъ и кричали, что тибетцы перебрались черезъ стѣну и напали на нихъ. Какъ разъ въ эту минуту ко мнѣ подбѣжалъ сипай-сикхъ въ сопровожденіи капитана Райдера, безъ башмаковъ и куртки, какъ, впрочемъ, были и всѣ мы. Въ длинной узкой комнатѣ на верху лѣстницы, съ окномъ, выходящимъ во дворъ внизу, мы рѣшились отстрѣливаться, такъ какъ были отрѣзаны отъ всѣхъ остальныхъ и знали, что плѣнъ означаетъ самую мучительную, жестокую смерть. Къ этому времени почти разсвѣло, и хотя огонь не ослабѣлъ, мы не замѣтили ни одного тибетца на полосѣ земли приблизительно въ 30 ярдовъ, отдѣлявшей насъ отъ большого центрального дома, заключавшаго въ себѣ нашъ главный корпусъ и прозваннаго генераломъ „цитаделью“. Вспомнивъ его прощальный совѣтъ: „Въ случаѣ нападенія—идите въ цитадели“, я предложилъ попытаться пробѣжать въ главный домъ. Капитанъ Райдеръ бросился черезъ открытое пространство подъ неприятельскимъ огнемъ и не былъ раненъ. Я послѣдовалъ за нимъ, тоже счастливо спасся и съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что полковникъ Йонгхѣзбендъ и всѣ остальные были уже въ цитадели, такъ какъ постигли къ ней, услышавъ первый выстрѣлъ. Совсѣмъ разсвѣло, и мы увидѣли много сотенъ вооруженныхъ тибетцевъ; они стрѣляли въ нашъ постъ изъ-за стѣны и выглядывали изъ-за всѣхъ окрестныхъ деревьевъ. Многіе настойчиво держали дула ружей напихъ солдатъ, выставлявшіяся изъ бойницъ, и силились вытащить ихъ наружу. Наши лучшіе стрѣлки стрѣляли съ крыши цитадели и положили многихъ нападающихъ; минутъ черезъ двадцать оставшіеся дрогнули и бросились къ городу и форту; майоръ Мурей со своими гурекхами бросился впередъ и преслѣдовалъ бѣглецовъ около полумили, посреди легкой метели; онъ убилъ многихъ, но наконецъ ружейный огонь, открытый изъ форта, занятого теперь силами непріятели, заставилъ его вернуться.

Мы насчитали около 120 убитыхъ тибетцевъ подлѣ нашей стѣны (нѣкоторые лежали въ предѣлахъ поста) и 40 раненыхъ; послѣднихъ отнесли въ сосѣдній домикъ для леченія; захватили 12 плѣнниковъ; у каждаго изъ этихъ тибетскихъ солдатъ, мертвыхъ, раненыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, было по сѣтчатоу мѣшку; въ нихъ они предполагали унести богатую добычу изъ лагеря чужеземцевъ, такъ какъ были вполне увѣрены, что осилить насъ. Плѣнники сказали, что они получили инструкціи убить насъ всѣхъ, начиная отъ главы миссіи до послѣдняго транспортника, и выразили намъ удивленіе и благодарность за то, что мы не мучимъ и не убиваемъ ихъ теперь, когда они попали въ наши руки.

Они также сказали намъ, что ихъ армія состоитъ изъ 1.600 регулярныхъ солдатъ гарнизоновъ Шигатсе и Джіаптсе, подкрѣпленныхъ милиціей; что 800 человекъ выступило изъ Шигатсе и двинулось день и ночь подъ предводительствомъ лхасскаго ламы, совершивъ 50-ти-мильный переходъ въ дѣь ночи и одинъ день; что они пришли къ нашему посту около полуночи, подползли къ стѣнѣ и, незамѣченные часовыми, лежали до приближенія зари, когда получили сигналъ атаки. Если бы у нихъ были хорошіе,

рѣшительные вожаки, которые заставили бы ихъ броситься въ нашъ лагерь, насъ всѣхъ перерѣзали бы, потому что они могли спокойно и безъ труда перелѣзть черезъ нашу низкую стѣну. Ихъ военный крикъ передъ нападеніемъ значительно помогъ намъ, такъ какъ разбудилъ всѣхъ. Тибетцы направили главную атаку на внѣшнюю сторону ограды, представлявшую наименѣе укрѣпленную часть нашей позиціи, которую миссія выбрала для своей резиденціи, и, конечно, благодаря тому, что тамъ развѣвался флагъ, ламы надѣялись захватить въ этомъ мѣстѣ главу миссіи. Нашъ маленький гарнизонъ въ 125 ружей потерялъ только одного убитого и троихъ раненыхъ, двухъ смертельно, кромѣ того, трехъ слугъ капитана Пара изъ китайской комиссіи; всѣ они были убиты въ его городскомъ домѣ; самъ капитанъ Паръ избѣжалъ этой участи, такъ какъ уѣхалъ съ отрядомъ; двинувшимся къ проходу Кхаро. Иллюстраціей характера китайцевъ и ихъ враждебности можетъ служить то обстоятельство, что генераль Ма умышленно скрылъ отъ насъ тибетскій замыселъ напасть на насъ. Наши потери были такъ малы благодаря тому, что тибетцы, просунувъ свои мушкеты и современные ружья въ бойницы, стрѣляли наудачу, не имѣя возможности цѣлиться. Многие изъ ихъ солдатъ были вооружены сдѣланными въ Лхассѣ ружьями Мартини, дѣйствительными на разстояніи болѣе 1.200 ярдовъ; это выяснилось, такъ какъ одинъ изъ нашихъ солдатъ немного позже, днемъ, получилъ смертельную рану отъ пули изъ ружья Мартини, которыми стрѣляли съ форта. Весь джонгъ кишѣлъ теперь черноголовыми тибетскими солдатами и они начали бомбардировать насъ снарядами, вѣсившими отъ 3-хъ унцій до 1-го фунта и вылетавшими изъ маленькихъ пушекъ, такъ называемыхъ индійскихъ джиггалей.

Было необходимо сообщить подполковнику Брандеру, что постъ окруженъ, а между тѣмъ мы не могли отправить никого изъ нашего и безъ того уже опасно-маленькаго гарнизона; никто изъ туземцевъ не вызвался отнести письмо, а потому нашему заложнику джонгпѣну велѣли послать его слугу съ этимъ порученіемъ, сказавъ, что если тотъ не исполнитъ даннаго ему приказанія, губернатора лишатъ жизни. Слѣдуетъ замѣтить, что подъ этой угрозой письмо не только было отвезено за 50 миль или около того, но и отвѣтъ, говорившій, что нашъ отрядъ спѣшитъ вернуться, получился черезъ 36 часовъ! Самъ бѣдный джонгпѣнъ совершенно потерялся отъ страха и сидѣлъ въ уголѣ, комически скорчившись и спрятавъ голову въ большой чугунный горшокъ; нѣсколько дней его тщетно уговаривали оставить этотъ смѣшной головной уборъ.

Весь день фортъ кишѣлъ тибетскими войсками, очевидно, получившими подкрѣпленіе. Солдаты озабоченно роились, точно пчелы, и, когда мы смотрѣли на нихъ въ биноули, казалось не крупнѣе пчелъ. Мы видѣли, какъ подъ прикрытіемъ частаго огня тибетцы дѣятельно строили новыя укрѣпленія и поправляли старыя. Ихъ воины наполняли тоже и монастырь; теперь мы уже не могли сомнѣваться въ нерасположеніи къ намъ монаховъ. Во время утренняго огня съ форта, когда преслѣдующіе сипаи были принуждены вернуться, красные ламы столпились, смотря на дѣйствіе

тибетскихъ выстрѣловъ, и побуждали своимъ солдатъ къ дальнѣйшему кровопролитію. Теперь эти группы воинственныхъ ламъ и густыя линіи многочисленныхъ строителей представляли бы прекрасную цѣль для нашихъ максимумъ и горныхъ пушекъ, но отрядъ, ушедшій къ Кхаро, увезъ ихъ всѣхъ.

Между тѣмъ капитанъ Райдеръ тоже усиливалъ наши укрѣпленія; онъ импровизировалъ на крышѣ брустверки и стѣны для нашихъ часовыхъ, наваливъ съ этой цѣлью мѣшки съ землей, камни и тѣки канатовъ, устроилъ башенки, изъ которыхъ можно было обстрѣливать линію тайныхъ убійць, углубилъ окружающій ровъ, срубилъ нѣкоторые изъ ближайшихъ деревьявъ въ рощахъ, которыя прикрывали непріятели. Все это дѣлалось подъ непрестанной бомбардировкой изъ джонга; однако, она принесла замѣчательно мало вреда. Периметръ нашего поста уменьшили болѣе чѣмъ на половину, потому что наши малыя силы въ 120 ружей не могли охранять большей площади. Нечего и говорить, что, перенеся наши границы, мы оставили за ними тотъ опасный уголъ, въ которомъ насъ отрѣзали утромъ; всѣ мы переселились въ цитадель.

Послѣ полудня жена нашего заложника джонгпѣна пришла къ намъ подъ парламентерскимъ флагомъ и принесла своему мужу кушанье. Эта воспитанная, красивая женщина среднихъ лѣтъ сказала намъ, что изъ Шигатсе явилось подкрѣпленіе въ 300 человекъ, что, слѣдовательно, число нашихъ противниковъ возросло до 2.000 и что каждый день ожидались дальнѣйшія подкрѣпленія. Тибетскій командиръ, который съ 12 офицерами расположился въ монастырѣ, по ея словамъ, былъ почетный телингъ, называвшійся такъ по имени своего имѣнія подлѣ Кхамба-джонгъ. Онъ сынъ стараго безумнаго министра Сякхима, который долго интриговалъ противъ насъ и схватилъ и бросилъ въ тюрьму д-ра Хукера. Восемь или девять мѣсяцевъ тому назадъ онъ постоянно пріѣзжалъ въ лагерь миссии въ Кхамба-джонгъ, и между прочимъ тамъ ему показали наши ружья и стрѣльбу изъ максимумъ; въ то время онъ былъ полнымъ, очень разговорчивымъ молодымъ человекомъ лѣтъ около тридцати, съ пріятнымъ лицомъ и манерами, увѣрялъ, что досадуетъ на упорство лхасскаго правительства, что съ удовольствіемъ видить англичанъ въ своей странѣ, и выражалъ надежду, что теперь Тибетъ откроется для свободной торговли ко всеобщей выгодѣ. Можно сомнѣваться въ его искренности въ виду того, что черезъ такой короткій промежутокъ времени онъ оказался въ числѣ нашихъ враговъ.

Жена джонгпѣна сообщила намъ еще, что городской домъ капитана Пара срыли до основанія, уничтожили всѣ его бумаги, а его слугъ изрубили на куски совершенно такъ же, какъ въ это утро передъ нашей стѣной искрошили одного изъ нашихъ транспортчиковъ, гуркха, обезобразивъ и разрѣзавъ его на части. До сихъ поръ многіе думали, что тибетцы пропитаны буддійскими принципами, воспрещающими отнимать чью-нибудь жизнь, а еще менѣе мучить кого-нибудь; между тѣмъ мы теперь узнали, что въ сердцѣ они настоящіе варвары, какъ и бирманцы, исповѣдующіе буддизмъ болѣе чистаго типа, но оказавшіеся безчеловѣчными чу-

довищами жестокости относительно своихъ плѣнниковъ и политическихъ противниковъ во дни Тебао, немного лѣтъ тому назадъ

При закатѣ солнца, когда наша вечерняя труба прозвучала послѣднюю смѣну, тибетскій фортъ отвѣтилъ громкими звуками широкихъ раковинныхъ трубъ, точно бросая намъ вызовъ; намъ почудилось, что они собираются снова напасть на насъ подъ покровомъ тьмы.

Всю эту ночь мы не спали. Насъ было такъ мало, что приблизительно приходилось по одному человѣку на 20 неприятелей; мы всѣ лежали или стояли наготовѣ; каждый былъ на своемъ посту, ожидая нападенія тибетцевъ. При такомъ бдѣннн часу поляли нестерпимо медленно. Много разъ въ теченіе ночи я взбирался на крышу и, напрягая зрѣніе, старался при свѣтѣ звѣздъ осмотрѣть усѣянныя убитыми поля и черныя группы деревьевъ, вглядывался также и по направленію джонга, который стоялъ темный и облеченный трагическимъ молчаніемъ. Наконецъ, около двухъ часовъ, вошла убывавшая луна и принесла намъ нѣкоторое облегченіе, потому что теперь мы видѣли немного дальше въ темнотѣ, хотя въ глубокомъ мракѣ лѣса, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ опушки могли скрываться тысячи тибетцевъ.

Когда красное сіяніе на востокѣ разлило первый свѣтъ зари, мы стали прислушиваться еще усиленнѣе, зная, что тибетцы считаютъ это время „третьимъ крикомъ нѣтуха“, особенно счастливымъ для нападеній; но черныя контуры горъ вырисовывались яснѣе, мягкой дневной свѣтъ скользнулъ по окрестностямъ и проникъ во мракъ лѣсовъ, а ни военные вопли, ни выстрѣлы не нарушили тишины. Позже, при яркомъ свѣтѣ вспыхнулъ пушечный выстрѣлъ, и всѣ бросились по мѣстамъ, но вскорѣ оказалось, что выстрѣлили съ форта, начиная дневную бомбардировку. Когда нашъ пикетъ донесъ, что лѣсъ свободенъ отъ неприятелей, многіе изъ насъ рѣшили воспользоваться короткимъ сномъ.

Очевидно, потери, повнесенныя нашими противниками въ предыдущее утро, отвлекли ихъ отъ желанія сейчасъ же предпринять новое нападеніе. Можетъ быть также, имъ помѣшала какая-нибудь несчастливая примѣта, или они нашли, что для нихъ важнѣе укрѣпиться; и дѣйствительно, осмотръ форта показалъ, что они ночью начали строить высокія каменныя стѣны съ бойницами, которыя почти совершенно закрывали отъ насъ воиновъ и ихъ джнганги. Теперь выяснилось, до чего умно ихъ командиръ пользовался отсутствіемъ нашихъ солдатъ и пушекъ, ушедшихъ съ колонной въ Кхаро. Если бы у насъ были весь гарнизонъ и всѣ пушки, оставленныя для нашей защиты генераломъ Макдональдомъ, мы безъ труда вытѣснили бы тибетцевъ изъ форта и не дали бы имъ времени окопаться. Даже теперь можно было бы выбить неприятелей изъ ихъ позиціи съ помощью семифунтовыхъ пушекъ и максимумъ, но всѣ наши орудія были въ Кхаро. Теперь же нашъ маленький гарнизонъ, вооруженный только ружьями, былъ слишкомъ слабъ, чтобы рѣшиться напасть на тибетцевъ; кромѣ того, намъ слѣдовало сохранять энергію нашихъ солдатъ для тяжелыхъ ночныхъ карауловъ. Итакъ, намъ оставалось только держаться обо-

роны и усиливать наши укрѣпленія. Послѣднимъ дѣломъ съ утра до вечера занимался капитанъ Райдеръ: онъ поднималъ стѣну, строилъ горнверки и бастіоны, углублялъ окружающіе рвы, проводилъ траншеи и т. д. Мы съ удовольствіемъ видѣли, что лѣтній домъ Чаггло, также какъ и другіе помѣщичьи дома знати и богатыхъ купцовъ, былъ приспособленъ для укрѣпленія, такъ какъ первоначально всѣ эти строенія возводились съ сильными стѣнами, походя на маленькіе форты для защиты отъ дождей бурныхъ періодовъ и отъ нападеній разбойниковъ.

Нѣкоторые изъ раненыхъ тибетцевъ, помѣщавшихся въ госпиталѣ за стѣной, которыхъ ночью навѣстили друзья изъ города, днемъ распространили слухъ, что астрологи объявили полночь наступающей ночи счастливымъ часомъ для нападенія на насъ. Въ полночь еще бывало вполнѣ темно (луна вставала только послѣ двухъ часовъ), и потому мы безъ особеннаго удовольствія ожидали атаки. Вдобавокъ ко всѣмъ неприяностямъ въ началѣ ночи наша цитадель загорѣлась, благодаря глупости повара, который нечаянно зажегъ строила. Если бы мы лишились этой защиты во время смертельной канонады нашихъ враговъ и натиска преобладающихъ силъ извнѣ, наше положеніе дѣйствительно сдѣлалось бы почти безнадежнымъ. Однако, мы остановили пожаръ, разрушивъ горѣвшую часть строенія и затоптавъ и заливъ пламя.

Мы провели еще одну тревожную бессонную ночь на укрѣпленіяхъ, но полночь прошла безъ атаки, и безконечный мракъ разсѣялся и превратился въ день, а вражескаго нападенія не послѣдовало. Послѣ еще двухъ хлопотливыхъ дней на укрѣпленіи и еще двухъ напряженныхъ ночей ожиданія (удивительно тихихъ и безъ дальнѣйшихъ атакъ) мы, наконецъ, были освобождены, благодаря возвращенію кхарскаго отряда, 9-го мая; эта колонна довела число нашихъ ружей до 500 и, вернувъ наши пушки, вселила въ насъ сознаніе, что мы теперь можемъ постоять за себя—(хотя мы не были достаточно сильны, чтобы предпринять наступательныя дѣйствія), такъ какъ наши укрѣпленія очень увеличились и мы знали, что намъ хватитъ запасовъ на 3 мѣсяца, а наша вода не истощится.

Мы узнали подробности о боѣ при проходѣ Кхаро. Этотъ высочайшій проходъ, лежащій на уровнѣ приблизительно 16.500 ф., находится на дорогѣ къ Лхассѣ, въ 45 миляхъ отъ нашего поста. Когда открылось, что онъ въ рукахъ большого отряда тибетцевъ, полковникъ Брандеръ, который былъ оставленъ командиромъ въ Джантсе, рѣшился напасть на Кхаро, хотя этотъ проходъ былъ внѣ нашей линіи сообщеній и его силы прямымъ образомъ не угрожали имъ. Колонна Брандера состояла изъ 400 ружей съ пушками и верховой инфантеріи; по дорогѣ она слышала отъ крестьянъ, что въ Кхаро нѣтъ войскъ, но на мѣстѣ наши увидѣли около 3.000 тибетцевъ въ сильно укрѣпленной позиціи, окаймленной пронастями; еще 500 тибетцевъ двигалось къ нимъ въ видѣ подрѣпленія. Они, почти исключительно сильные яростные воины изъ Кхама или восточнаго Тибета, настойчиво дрались въ

теченіе шести часовъ и большая часть ихъ была вооружена лхасскими ружьями и шести-футовыми копьями. Въ теченіе этой мрачной битвы на ужасной ледяной высотѣ, окаймленной ледниками, почти все время шелъ снѣгъ. Гурьхи подъ начальствомъ майора Роу и сикхи, которые вскарабкались по пропасти и обошли позицію, вытѣснили непріятеля; тогда онъ бѣжалъ внизъ съ другой стороны, потерявъ болѣе ста человекъ. Мы потеряли капитана Ветѣна, четырехъ человекъ убитыхъ и 14 раненыхъ.

Въ числѣ тибетскихъ вожаковъ было много ламъ. Въ непріятельскомъ лагерьѣ нашли интересный документъ, который показываетъ, какъ вербуютъ рекрутовъ, и почему они такъ рѣшительно противятся намъ. Въ немъ говорилось:

Соглашеніе трехъ храврецовъ.

„Англичане, дѣйствуя дерзко и жадно, вошли въ нашу страну. Нужно двинуть солдатъ на битву, и правительство дало приказаніе благородному Кайму идти во главѣ арміи, занявъ мѣсто умершаго (лхасскаго генерала) главнаго депѣна. Съ нимъ идемъ мы, отвѣтственные храврецы. Мы посоветовались между собой и составили соглашеніе, не думая о нашихъ жизняхъ и желая биться только ради чести. Мы связали себя обѣщаніемъ не ссориться съ нашими солдатами, не пить вина, не играть, не лгать, не красть; если мы сдѣлаемъ что-либо изъ вышеозначеннаго, мы готовы вынести всякое наказаніе, наложенное на насъ Господиномъ. Если мы будемъ дѣйствовать хорошо, Господинъ хорошо наградитъ насъ. Каждый изъ насъ получитъ ежегодную награду въ 30 унцій серебра; если же мы малѣйшимъ образомъ нарушимъ данныя нами обѣщанія, мы заплатимъ штрафъ въ 3 унціи золота“.

Далѣе слѣдовали имена и печати. Нѣкоторые изъ захваченныхъ воиновъ, пришедшихъ изъ восточнаго Тибета (Кхамъ), говорили, что каждый изъ нихъ долженъ былъ пріобрѣсти на свой собственный счетъ мѣсячное пропитаніе и принести его на своей собственной спинѣ, а также запастись собственнымъ ружьемъ, мечомъ и кошемъ.

Хотя теперь мы окрѣпли, благодаря желанному возвращенію остальной части нашего гарнизона, было рѣшено, что стараться снова овладѣть укрѣпленнымъ джонгомъ безуміе, особенно въ виду большого количества непріятелей въ Джіантсе и кругомъ него. Послѣднія сообщенія, полученныя отъ плѣнниковъ, сказали намъ, что количество враговъ достигаетъ 8.500 и что войска распределены слѣдующимъ образомъ:

Джіантсе—2.500.

Долина Ронгъ—1.500 (по свѣдѣніямъ двинулись къ Джіантсе).

Нагардее—2.500 (отбитые отъ прохода Кхаро).

Ралунгъ—1.000.

Шигатсе—1.500.

Кромѣ того, какъ намъ сказали, изъ Лхассы двигались подкрѣпленія, и вся страна подняла противъ насъ оружіе, такъ какъ ламы переходили изъ долины въ долину, проповѣдуя „священную войну“, какъ фанатическіе муллы и матхисы магометанъ, и воз-

буждая народъ. Мы также слышали, что толпы всадниковъ спѣшили изъ степей Монголіи въ Тибетъ для защиты священнаго города. Теперь вполнѣ выяснилось, что великій лама упорно противится намъ, и потому намъ пришлось признать, что мы ведемъ войну съ Тибетомъ и что мирная миссія превратилась въ военную экспедицію, которая влекла за собой еще болѣе широкія операціи. Во что бы то ни стало слѣдовало взять штурмомъ фортъ Джіантсе и очистить городъ отъ вражескихъ войскъ; движеніе къ Лхассѣ считалось также безусловно необходимымъ.

Поэтому генераль Магдональдъ принялъ всѣ мѣры, чтобы быстро прислать къ намъ достаточныя добавочныя силы изъ Индіи. Пока, въ видѣ немедленнаго подкрѣпленія, онъ доставилъ намъ 200 человекъ вооруженныхъ ружьями, 2 десятифунтовыя орудія, отрядъ саперовъ, и далъ полковнику Брандеру инструкцію дѣятельно отвлекать вниманіе непріятеля, пока онъ, генераль, не подвезетъ съѣстныхъ припасовъ для снабженія постовъ *) вдоль линіи, что дастъ намъ возможность сдѣлать сильное нападеніе съ надеждой на успѣхъ.

Вслѣдствіе этихъ приказаній полковникъ Брандеръ разставилъ многочисленныя посты стрѣлковъ, съ цѣлью прекратить непрерывную бомбардировку и вражескій оружейный огонь, и предпринялъ цѣлую серію вылазокъ противъ деревень, которыя подозрѣвались въ томъ, что онѣ давали пріютъ врагу; нѣсколько разъ у него происходили стычки съ тибетцами и онъ выгналъ ихъ изъ сосѣдняго строенія, которое они осмѣлились занять, намѣреваясь открыть по нашему лагерю канонаду. Когда, 24-го мая, пришло маленькое подкрѣпленіе съ пушками и санерами, полковникъ рѣшилъ расширить свои дѣйствія для изгнанія врага изъ сосѣдней съ нами виллы Фала, которую тотъ занялъ, задумавъ открыть смертельный перекрестный огонь по открытой для ихъ выстрѣловъ юго-восточной части нашего лагеря.

Этотъ прекрасный деревенскій домъ, ферма и деревня принадлежали несчастной фамиліи Фала, погибшей, какъ мы уже видѣли, благодаря тому, что она пріютила Сарата Чандра Даса; въ силу странной ироніи судьбы, вилла, имѣвшая особенное право на нашу защиту, была осуждена на гибель отъ нашихъ рукъ, такъ какъ ея разрушеніе являлось необходимою для нашего поста въ Джіантсе. Она уже давно сдѣлалась пріютомъ непріятеля. Наканунѣ нападенія на нашъ лагерь я отправился туда одинъ съ невсоруженнымъ спутникомъ, чтобы осмотрѣть прекрасныя фрески, о которыхъ мнѣ рассказывали, и сильно удивился, увидѣвъ людей, которые украдкой смотрѣли изъ оконъ во внутреннемъ дворѣ; на мой вопросъ, кто эти люди, управляющій свазалъ, что въ усадьбѣ нѣтъ никого, и ударилъ стоявшую подлѣ него служанку, которая пустилась было въ какія-то объясненія. Въ то время я нашелъ это обстоятельство крайне подозрительнымъ и, когда на слѣдующій день на насъ напали, вспомнилъ о немъ.

*) Для этого требовалось 11.000 корзинъ припасовъ, 6.900 корзинъ зерна, 9.500 корзинъ орма.

Несомнѣнно, во время моего посѣщенія въ предыдущій вечеръ въ домѣ скрывалось много вооруженныхъ людей, составлявшихъ передовую отрядъ войска изъ Шигатсе, и, конечно тибетцы не напали на меня только потому, что ихъ главный корпусъ еще не пришелъ. Однако я думаю, что тибетскіе солдаты могли ворваться въ домъ противъ желаній управляющаго и несмотря на его протестъ, какъ онъ и говорилъ, защищаясь, когда мы черезъ нѣсколько дней захватили его въ плѣнъ.

Крѣпко выстроенная усадьба Фала почти маленькій фортъ, отстоятъ на 900 ярдовъ вправо и на востокъ отъ нашего укрѣпленнаго лагеря Чангло, расположившись у подножія горъ, и находится въ девятистахъ ярдахъ отъ джонга или форта. Неприятель занялъ виллу и сосѣднюю съ нею деревню около 20-го мая, желая обойти нашу позицію, но мы выгнали его, разрушивъ часть строеній. Тибетцы снова заняли виллу, построили на ея крышѣ стѣны съ бойницами и принялись соединять усадьбу съ фортомъ при посредствѣ длинной, высокой стѣны вдоль глубокого вырытаго прохода. Утромъ 26-го мая, до зари, наши войска напали на виллу Фала и, послѣ отчаянной битвы, длившейся 11 часовъ, вытѣснили оттуда враговъ, убивъ около 150 тибетцевъ и захвативъ 37 плѣнниковъ. Капитанъ Шенхердъ и майоръ Петерсонъ завѣдывали минными отрядами и разрушили и взорвали всю деревню отъ одного конца до другого, потому что враги переходили изъ дома въ домъ. У насъ во время отчаянныхъ рукопашныхъ схватокъ въ темныхъ комнатахъ убили поручика Герстина и трехъ солдатъ. Рѣшительность, средства обороны и храбрость тибетцевъ во время этой битвы не были неожиданностью для тѣхъ, кто видѣлъ ихъ во время нападенія на нашъ постъ, и должны были бы разъ навсегда разсѣять нелѣпое заблужденіе, говорящее, будто тибетцы не могутъ биться. Ихъ отвага великолѣпна. Хотя они по большей части неуклюже вооружены устарѣлымъ оружіемъ, у нихъ есть также и современные огнестрѣльные ружья и они умѣютъ обращаться съ ними. Они хорошо дерутся за укрѣпленіями и пользуются выгодами прикрытія; нападать они также умѣютъ. Нельзя вообразить большей личной храбрости, чѣмъ та, которую проявили тибетскіе воины, когда они, въ количествѣ 15 человекъ, сидя на черныхъ мулахъ и въ сопровожденіи 40 пѣхотныхъ солдатъ, бросились изъ форта на выручку своихъ товарищей въ виллѣ Фала и, встрѣтивъ градъ пуль, погибли почти всѣ до одного.

Мы грустно похоронили бѣднаго молодого Герстина, который пріѣхалъ изъ Чумби всего за два дня до смерти. Могилу выкопали въ тѣни ивы на берегу рѣки, внѣ стѣнъ нашего поста и въ виду джонга. Здѣсь на слѣдующій день, въ темнотѣ, когда джонгъ пересталъ стрѣлять и наши трубы прозвучали „последнюю смѣну“, его тѣло опустили въ могилу посреди зарослей дивихъ синихъ рисовъ; мы сорвали нѣсколько этихъ цвѣтовъ и положили ихъ на его гробъ.

Фала имѣла для насъ большое значеніе и одно изъ ея строеній было сильно укрѣплено, а потому нашъ отрядъ изъ 50-ти

человѣкъ подъ командой туземнаго офицера занялъ виллу; устроенная ночью траншейная дорога вела оттуда къ нашему посту, представляя собой удобный способъ сообщенія черезъ пространство, бывшее подъ огнемъ. А все же многіе изъ проходившихъ по ней получили раны, нѣкоторые смертельныя, хотя путь лежалъ на 6 футовъ ниже поверхности полей. Тѣмъ не менѣе, при осторожности и ныряя мѣстами, можно было ходить по траншеѣ безъ особенной опасности. Узнавъ объ этомъ, непріятель ночью послалъ туда отрядъ, который отвелъ потокъ и залилъ дорогу, что сдѣлало ее непроходимой на нѣсколько дней. Послѣ этого по ночамъ оставались пикеты для охраны пути, потока и въ предупрежденіе этой неудобной для насъ тактики; между тѣмъ, нашъ командиръ отплатилъ тибетцамъ тѣмъ, что отрѣзалъ воду для форта и города.

Тибетскій генералъ выказалъ очень хорошія понятія о стратегіи. Онъ не только продолжалъ непрерывно бомбардировать насъ, но многократно старался обойти нашу позицію и стѣснить насъ больше презяго, захвативъ въ свои руки многіе дома близъ Чангло. Потомъ, увидѣвъ, что это не дѣйствуетъ, онъ сконцентрировалъ своихъ воиновъ въ фортъ, по ночамъ посылалъ отряды къ нашему лагерю, приказывая имъ открывать слабыя мѣста нашихъ укрѣпленій. Наконецъ тибетцы понесли такія тяжелыя потери, вслѣдствіе этой тактики, что стали скрываться въ темнотѣ и издали стрѣлять въ насъ; наши часовые всегда стояли спокойно на постахъ и не тратили военныхъ припасовъ на отвѣты, пока непріятель не подходилъ настолько близко, чтобы пули могли попадать въ его ряды. Тибетцы старались подражать тому разрушенію, которое причинялъ динамитъ нашихъ саперовъ: они храбро кляли мѣши съ порохомъ (составлявшимъ ихъ единственное взрывчатое вещество) подлѣ нашихъ стѣнъ и поджигали его въ виду нашихъ часовыхъ, очевидно не зная о безсиліи пороха въ сравненіи съ динамитомъ.

Странная вещь, они подумали напасть на нашу линію сообщеній, составлявшую нашу самую слабую сторону, только черезъ двѣ недѣли и даже тогда сдѣлали это неправильнымъ образомъ, не закрывъ ея вполнѣ, такъ какъ наши продолжали прорываться съвозъ ихъ цѣпъ и мы почти постоянно получали письма подъ большимъ эскортомъ верховой инфантеріи. Хотя отрядамъ часто приходилось силой пробивать себѣ дорогу, наши солдаты эскорта только разъ потерпѣли настоящую неудачу, попавъ въ засаду, потерявъ письма и жизнь. Ихъ выстрѣлы привлекли помощь изъ нашего поста, но когда она явилась, тибетцы уже начали обезображивать тѣла убитыхъ сипаевъ, почему-то уродуя ихъ, какъ разбойниковъ, а именно, они отрѣзали у труповъ правую руку и выкалывали правый глазъ.

Монастырь Нанайингъ представлялъ собою главный пріютъ для отрядовъ, которые прерывали нашу линію сообщеній, а потому туда отправили отрядъ сикховъ, чтобы разорить его. 7-го іюня была сдѣлана еще болѣе смѣлая попытка отрѣзать намъ сообщеніе при помощи атаки поста Конгмара; ее предприняли 700 воиновъ изъ Кхама, однако они были отбиты и потеряли приблизительно 116 убитыхъ и столько же раненыхъ, такъ какъ, благодаря тому,

что Конгмаръ занималъ важный стратегическій пунктъ, тамъ, гдѣ отходитъ сократительная дорога къ Лхассѣ, генераль Макдональдъ особенно сильно укрѣпилъ его.

Подковникъ Іонгхэбендъ снова попытался открыть переговоры, но безъ результата. 1-го іюня онъ черезъ плѣнника послалъ въ фортъ письмо тибетскому генералу съ просьбой препроводить его въ Лхассу. Въ письмѣ говорилось, что 26-е іюня послѣдній срокъ, въ который глава миссіи ожидаетъ встрѣтить подлѣ Джіантсе амбана и тибетскихъ делегатовъ. Но это письмо на слѣдующее утро принесли назадъ; съ нимъ явились два тибетскіе воина подъ бѣлыми флагомъ и на словахъ передали отвѣтъ тибетскаго генерала, который говорилъ, что онъ не смѣетъ отослать письма, но что мы можемъ отправить его черезъ китайцевъ. Опять на сцену выступилъ предлогъ вассальнаго подчиненія Китаю (что прямымъ образомъ противорѣчило цѣли миссіи), хотя китайцы до извѣстной степени признали независимость Тибета въ объявленіи, которое они расклеили въ предмѣстьѣ Джіантсе и въ деревняхъ вдоль нашей линіи сообщенія, говоря, что „Тибетъ и Англія ведутъ войну; Китай другъ обѣихъ странъ“. Монгольская дерзость снова сказала въ томъ, что Тибетъ былъ помѣщенъ раньше Англіи; мы попросили китайцевъ измѣнить это объявленіе.

Въ теченіе долгихъ недѣль осады нашего поста фортъ постоянно стрѣлялъ и цѣлый день осыпалъ насъ ядрами. Непріятельскіе наводчики съ замѣчательной точностью находили мѣсто каждаго строенія лагеря, и едва кто-либо показывался изъ-подъ прикрытія, немедленно стрѣляли. Всѣ мы, не желая дѣлаться цѣлью, вскорѣ великолѣпно научились прятать головы, едва со стороны форта показывался клубъ дыма или мы слышали предостерегающій крикъ нашихъ часовыхъ; наконецъ, привычка „нырять“ сдѣлалась инстинктивной. Было смѣшно видѣть, какъ маленькая группа офицеровъ на крышѣ разсуждаетъ о той или другой возможности или указываетъ другъ другу на какія-нибудь новыя укрѣпленія врага и вдругъ разсыпается и прячется для сохраненія жизни, пока снарядъ не просвиститъ мимо, а потомъ со смѣхомъ продолжаетъ разговоръ, черезъ нѣсколько минутъ снова прерывающійся. Весь нашъ лагерь превратился въ сѣтъ закрытыхъ переходовъ, вродѣ кроличьей норы: во всѣхъ направленіяхъ были прорыты траншеи, устроены стѣны и т. п. Только самое незначительное число тропинокъ осталось безъ прикрытія, и по нимъ намъ приходилось бѣгать подъ градомъ снарядовъ и пуль, которые жгли намъ главнымъ образомъ, ломая вѣтви деревьевъ надъ головой; впрочемъ, почти каждый день былъ раненъ кто-нибудь; нѣсколько лошадей и муловъ были убиты.

Пушки, выставляемыя тибетцами, дѣлались все крупнѣе и многочисленнѣе. Наконецъ мы насчитали 20 орудій; 13-го іюня тибетцы поставили вновь привезенную изъ Лхассы пушку, которая бросала снаряды вѣсомъ въ 4 фунта; они замѣняли бомбы, потому что въ большинствѣ изъ нихъ въ серединѣ помѣщался камень или деревянная сердцевина со свинцовой или мѣдной оболочкой, и, ударивъ въ какой-либо предметъ, ядро превращалось въ разрывной

снарядъ. Сначала маленькія пушечки тибетцевъ презрительно назывались у насъ „глупый Биля“, большія „большой Биля“, но послѣдняя представляла собой такое серьезное прибавленіе, что получила почтительное наименованіе „Уильямъ“, — титуль „Кайзеръ“ сохраняли для еще болѣе крупнаго орудія, если оно появится. Прибытіе большой пушки въ фортъ возвѣстили громкіе крики тибетцевъ, трубные звуки и барабанный грохотъ. Одинъ изъ ея первыхъ снарядовъ сдѣлалъ большую впадину въ каменной стѣнѣ моей комнаты; ядро величиной съ мячъ крикета вошло на 1½ фута и почти пробило стѣну. Многіе изъ нашихъ лучшихъ стрѣлковъ были поставлены для того, чтобы наблюдать за отверстіемъ пушки, которое охранялось запирающеюся дверью, какъ исчезающее орудіе; устремивъ бинокль на это мѣсто, часовой внимательно слѣдилъ за дверью. При словахъ: „Уильямъ открылся“, всѣ скрывались подъ защиту, стрѣлки стрѣляли въ отверстіе, сейчасъ же ныряли и не показывались, пока не умолкалъ грохотъ, и самъ снарядъ не пролеталъ мимо или не сносилъ части зданія или дерева вблизи. Впослѣдствіи мы узнали, что тибетцы называли эту пушку „Путти“ (ротъ*) или „Пагъ“; еще болѣе крупная пушка въ Лхассѣ называется „Дуракъ“ (Шукъ-па).

Наши люди наконецъ такъ привыкли къ свисту и жуужанію пуль, что, уклоняясь отъ нихъ, съ насмѣшкой подражали пѣвучимъ нотамъ самыхъ музыкальныхъ изъ нихъ, которыя скрипѣли съ тройнымъ звукомъ или издавали глубокий басъ. Когда снаряды бороздили часть огорода, нашъ почетный садовникъ выходилъ, чтобы посмотреть на потери, и возвращался съ печальнымъ лицомъ, говоря: „Убито еще три редиски“.

Мы около двухъ мѣсяцевъ вели монотонную жизнь въ блокированномъ лагерѣ, переносили досадную канонаду пушекъ и пуль въ теченіе цѣлаго дня, терпѣли много лишеній относительно пищи и потому напряженно ждали освобожденія отъ нашего долгаго и скучнаго заключенія.

ГЛАВА XIV.

Освобожденіе и штурмъ форта.

„Не стоитъ стараться тянуть (непреодолимый) ледникъ назадъ“.

Тибетская пословица.

Наступило время, когда можно было принять мѣры для освобожденія осажденнаго лагеря подлѣ Джіантсе и для дальнѣйшаго движенія миссіи. Поэтому генераль Макдональдъ быстро выкинулъ впередъ цѣпь подвоза и 26-го іюня явился самъ съ большими подкрѣпленіями, достаточными для штурма джонга и очищенія страны отъ вооруженныхъ тибетскихъ силъ, стоявшихъ

*) Одна изъ захваченныхъ при Джелепѣ въ 1888 г. и теперь находящаяся въ Гантокѣ, называлась Ладаки, такъ какъ была взята въ Ладакѣ.

передъ нимъ, а также для движенія къ Лхассѣ, которое сдѣлалось необходимымъ въ видахъ открытаго, незамаскированнаго сопротивленія Тибета. Стало очевиднымъ, что далай-лама совершенно отталкиваетъ нашу миссію и не желаетъ слышать никакихъ миролюбивыхъ предложеній. Ужасныя наказанія, постигшія тибетцевъ при Гуру, во время атаки на нашу постъ, въ проходѣ Кхаро и въ виллѣ Фала, не произвели на него никакого впечатлѣнія; наша оккупация Джіантсе вызвала только еще большее противодѣйствіе въ народѣ; наша же угроза двинуться къ столицѣ, вышедшая изъ осажденнаго лагеря, была принята съ насмѣшкой. Во всѣхъ частяхъ страны производились наборы, и большая часть рекрутовъ собиралась въ Джіантсе и въ его окрестностяхъ; очевидно, тибетцы сосредоточивали въ этомъ городѣ свои главныя силы, привлеченныя малыми размѣрами нашего лагеря. По самымъ вѣрнымъ источникамъ, ихъ силы достигали 16.000 человекъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Въ фортѣ Джіантсе.	8.000	600 регулярныхъ солдатъ изъ Лхассы, 1.500 изъ Джіантсе и Шитатсе, 1.500 изъ Кхама; остальные—крестьянская милиція и рекруты.
Въ монастырѣ Тсечень	1.200	
Въ монастырѣ Наини.	800	
Въ Гобцхи.	1.200	
Въ Нейру	800	
Въ Донгтсе.	2.500	(изъ которыхъ только 100 регулярныхъ).
Въ Кхаро-Ла.	1.500	(большую часть изъ Кхама).

Наши фронтовые поддержанія состояли болѣе чѣмъ изъ 2.000 солдатъ *) вмѣстѣ съ гарнизономъ, занимавшимъ лагерь Джіантсе, довели наши силы приблизительно до 3.000 ружей.

По пути были разсѣяны войска Нейру и Наини: первая на лхасской дорогѣ близъ Кангмара, вторыя близъ монастыря Джіантсе, который постоянно угрожалъ нашимъ линіямъ сообщенія, стрѣляя въ транспорты, а за послѣднее время далъ пріютъ гарнизону кхамскихъ воиновъ, поправившихъ бреши въ стѣнѣ, сдѣланныя нашими войсками въ наказаніе ламамъ. Монастырь готовился задержать движеніе нашего генерала, и послѣ четырехчасового ожесточеннаго сраженія былъ взятъ; гарнизонъ Джіантсе дѣйствовалъ заодно съ силами генерала и отрѣзалъ тибетцамъ отступленіе на сѣверъ. У насъ ранили одного офицера и шесть солдатъ; убили пятерыхъ солдатъ. Непріятель понесъ тяжелыя потери, и мы нашли много ружей лхасскаго издѣлія.

Армія раскинула лагерь приблизительно въ милѣ отъ нашего поста, чтобы находиться въ двухъ миляхъ отъ джонга и не подѣ выстрѣлами его джингадей. Генераль посѣтилъ нашъ постъ, пройдя къ нему по траншейной дорогѣ, и съ брустверковъ нашей крыши подробно осмотрѣлъ въ телескопъ новыя фортификаціи джонга, желая дополнить планъ нападенія.

*) Королевскіе стрѣлки (1 бат.).
40-ой Патанскій (2 бат.).
2 Отд. бригадскихъ горн. батарей.
1 бат. 7 фунтов. орудій.
1 рота ѣздащей пѣхоты.

Послѣ однодневнаго, очень необходимаго для войскъ отдыха генераль началъ готовиться къ занятію форта; онъ хотѣлъ сдѣлать широкое движеніе вдоль долины, очистить отъ врага 12 деревень на сѣверъ и западъ отъ джонга, включая и ковровую фабрику Гошпи, занятую неприятелями слѣва отъ рѣки, и большой монастырь Тсечень, стоявшій въ концѣ сильно укрѣпленнаго отрога горы, которая разрѣзала равнину въ 5 миляхъ отъ насъ на дорогѣ къ Шигатсе. Хотя операціямъ мѣшала сильный дождь, заливавшій низкія поля и сѣтъ ихъ ирригаціонныхъ каналовъ и превратившій все въ болото, перерѣзанное глубокими потоками, очень трудно проходимое, деревни были очищены отъ солдатъ безъ большого сопротивленія; но монастырь, который занималъ очень сильную естественную позицію, охранялся отрядомъ изъ 1.200 солдатъ. Тибетцы отчаянно противились, яростно стрѣляли и бросали на нашихъ солдатъ тяжелый градъ камней и обломковъ скалъ. Послѣ битвы, продолжавшейся цѣлый день, тибетцы были вытѣснены патанцами, сдѣлавшими внизу храбрый приступъ, гуркхами, которые взобрались на острый гребень, а также и другими движеніями. Непріатели, въ числѣ которыхъ было нѣсколько вооруженныхъ ламъ, потерпѣли тяжелыя потери. У насъ убили одного офицера (капитана Крастера) и двухъ ранили, а также ранили пять солдатъ. Небольшое количество нашихъ потерь въ сильной степени зависѣло отъ дождя, мѣшавшаго вспыхивать выстрѣламъ тибетскихъ ружей стараго типа, а также отъ сильнаго угла, подъ которымъ имъ приходилось стрѣлать, до такой степени наклоня дула, что ихъ пули нерѣдко падали раньше, чѣмъ ружья успѣвали выстрѣлить. Захваченные въ плѣнъ сообщили намъ, что ламы замѣтили бездѣйствіе своихъ чаръ, такъ какъ многіе изъ носившихъ ихъ ладонки были ранены или убиты, и теперь выпустили новые талисманы, позолотивъ ихъ обѣщаніемъ, говорившимъ, что если закалианія не останавливать роговыхъ пулъ, убитые воины непременно воскреснутъ черезъ четыре дня. Несчастные люди вполнѣ повѣрили утѣшительному обѣщанію и только потому рѣшались идти навстрѣчу нашимъ пулямъ. Ламы же, конечно, опираясь на теорію переселеній душъ, собирались указать на новорожденныхъ этой мѣстности, сказавъ, что они-то и представляютъ собой перевоплощенныхъ павшихъ воиновъ. Плѣнники также сообщили, что ни одинъ изъ тибетцевъ уже подвергавшихся нашему огню, не пойдетъ ему навстрѣчу, пока его не подбодрятъ новые горячіе воины, еще не знающіе, какъ на близкомъ разстояніи дѣйствуютъ наши ружья, заряжающіяся съ казенной части.

Въ результатѣ генераль Макдональдъ протянулъ кордонъ съ трехъ сторонъ форта, захватилъ обѣ дороги—и въ Лхассу, и въ Шигатсе, и окончательно отрѣзалъ воду для форта и города. Наши силы такъ стѣснили Джантсе, что никто не удивился, когда на слѣдующее утро лама подъ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ и въ сопровожденіи тибетскаго воина пришелъ въ нашъ лагерь просить перемирія. Въ объясненіе этой просьбы говорилось, что изъ Лхассы ждали двухъ высшихъ сановниковъ для переговоровъ. Перемиріе заключили на одинъ день, за что всѣ были очень благодарны, такъ какъ и мы, и тибетцы пережили жестокую недѣлю,

полную тяжелой работы и борьбы. Такъ приятно было снова побродить внѣ лагеря, подлѣ джонга, не подвергаясь выстрѣламъ. Тибетцы тоже наслаждались затишьемъ: мы видѣли, какъ сотни ихъ солдатъ, одѣтыхъ въ сѣрые домашнія шерстяныя куртки, которыя подходили къ цвѣту скалъ, сидѣли на стѣнахъ форта и близъ города, купаясь въ лучахъ солнца.

Срокъ перемирія истекалъ въ полночь на 30-е іюня, и если бы къ этому времени не пріѣхали мирные делегаты, генераль Магдональдъ считалъ бы себя въ правѣ начать операціи противъ джонга, такъ какъ военныя соображенія стояли на первомъ планѣ. Они не пріѣхали даже до половины дня 1-го іюля, а потому мы выпустили

Глава Бхотана Оффенъ Уангъ Ченгъ, Пенлопъ
Рядомъ съ нимъ стоятъ джонгпѣны или командиры фортвъ въ вышитыхъ шляпахъ.

нѣсколько выстрѣловъ, чтобы показать окончаніе перемирія. Тибетцы не отвѣтили, и вечеромъ подлѣ парламентарскимъ флагомъ пришло извѣстіе, что пріѣхали делегаты и попросили генерала назначить часъ, въ который они могли бы утромъ явиться къ намъ. Это составляло очень важный шагъ, такъ какъ еще въ первый разъ высшіе представители тибетскаго правительства вошли въ сношенія съ нашей миссіей.

Мирныхъ делегатовъ приняли надлежащимъ образомъ, со всѣми подобающими имъ военными почестями за предѣлами поста и въ присутствіи всѣхъ офицеровъ. Генераль сѣлъ по одну сторону полковника Лонгхэбенда, правящій министръ Бхотана, Тонгса Пенлопъ *),—по другую.

*) Тзонга Пенлопъ или министръ области Тзонга въ Бхотанѣ носить еще духовное званіе „господинъ учитель“. Его официальное званіе: „Всеобщем-

Пенлопъ явился въ качествѣ посредника между далай-ламой и британскимъ повѣреннымъ. Онъ принцъ восточнаго Бхотана, но въ настоящее время пользуется высшей свѣтской властью надо всѣмъ Бхотаномъ въ качествѣ регента на время несовершеннолѣтія наслѣдственнаго правителя раджи Дебъ. Онъ умный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ очень сильнымъ характеромъ. Конечно, его сперва встревожило появленіе нашей военной силы въ долину Чумби и оккупация Фари, и хотя онъ согласился на нашу просьбу позволить намъ проложить желѣзный путь черезъ полосу Бхотана, отдѣляющую равнины Бенгаліи отъ долины Чумби,

Глава Бхотана Тонгса
Пенлопъ.

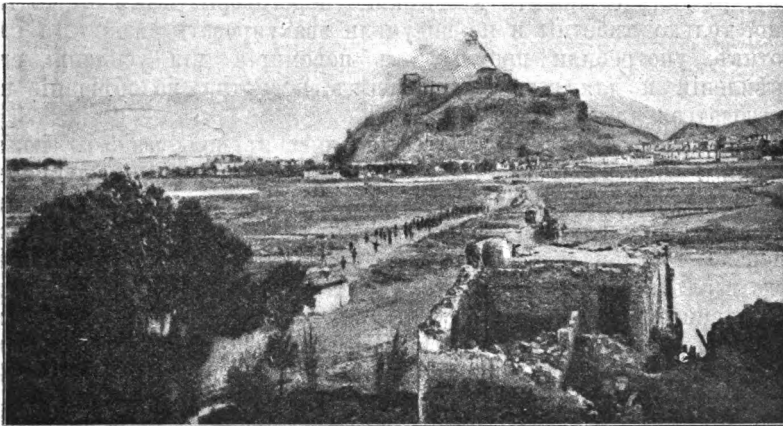
но долго старался отдалить вопросъ объ этомъ, безъ сомнѣнія, опасаясь, чтобы мы не стали вмѣшиваться въ дѣла Бхотана и Тибета. Но съ теченіемъ времени онъ успокоился и побывалъ въ нашемъ лагерѣ; генераль Макдональдъ своевременно просилъ его употребить свое вліяніе на далай-ламу и постараться устроить миролюбивое соглашеніе. Онъ сразу обѣщавъ сдѣлать все, что возможно для этой цѣли. Часто посѣщая Лхассу въ качествѣ пилигрима, Пенлопъ былъ личнымъ другомъ духовнаго главы этого города, великаго ламы, и рѣшился послать ему письмо, говорившее о нашихъ желаніяхъ. Далай-лама прислалъ ему отвѣтъ съ тибетской версіей положенія дѣлъ, увѣрялъ, что онъ будетъ доволенъ, если Тонгса Пенлопъ поможетъ устроить соглашеніе съ нами, и называлъ имена мирныхъ делегатовъ, двухъ изъ четырехъ главныхъ министровъ, составляющихъ лхасскій совѣтъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ фортѣ, а именно главный лама, министр лхасскаго совѣта, по тибетскому названію Та-лама. Другой, новый главный министръ, Ютокъ-шапе, какъ говорилось, все еще находился въ Нартсе, въ пяти дняхъ пути по лхасской дорогѣ, проходомъ Кхаро. Тонгса Пенлопъ показавъ это письмо полковнику Ионгхѣзбенду. Псмощь и присутствіе министра Бхотана были встрѣчены очень доброжелательно, и его благородная фигура и бѣлая европейская шляпа въ теченіе двухъ дней часто видѣлись въ нашемъ лагерѣ.

Мирные делегаты явились въ блестящихъ желтыхъ шелковыхъ одеждахъ, одѣланныхъ янтаремъ и старымъ золотомъ; во главѣ ихъ стоялъ Та-лама, добродушный старикъ съ выдававшимися зубами и болѣе похожій на фермера, чѣмъ на священника. Въ ихъ

лющій покровитель Бхотана“ (Дукъ-Спаи-Кайабъ). Первая часть этого титула дается губернаторомъ, и также была дана главѣ нашей миссіи полковнику Ионгхѣзбенду, котораго звали „Великій всеобъемлющій покровитель“ (Спаи-Кайабъ-Чембо).

числѣ были также главный секретарь великаго ламы или тунгъ-янгъ-чембо, по имени Лопу Тзангъ, хитрый и властный монахъ, и три представителя трехъ главныхъ лхасскихъ монастырей ордена „желтыхъ шапокъ“, играющихъ важную роль въ управленіи страной, троица „Сенъ-Де-Ге“, сокращеніе названій Сера, Децѣнгъ, и Гахлданъ. Ихъ приняли въ отдѣльной прекрасными фресками приемной залѣ дома Чангло, и вмѣстѣ со своей многочисленной свитой они образовали живописную группу.

Когда послѣ короткаго спича полковника Ионгхѣзбенда начались пренія, оказалось, что у делегатовъ нѣтъ ни кредитивныхъ грамматъ, ни полномочій составлять какія бы то ни было соглашенія, а также, что они даже не вполне знаютъ данныя имъ приказанія. Однако, несмотря на недостатокъ формальностей и правъ, полковникъ Ионгхѣзбендъ потребовалъ, въ видѣ залога искренности

Штурмъ джонга Джіантсе изъ Фалы.

и добрыхъ желаній тибетскихъ повѣренныхъ, эвакуаціи форта въ назначенному времени, тѣмъ болѣе, что генераль Макдональдъ поставилъ это первымъ условіемъ. Тибетскій посланный не отказалъ ни въ чемъ но и не далъ никакихъ обѣщаній; онъ только заявилъ, что далай-лама его обезглавитъ, если онъ дастъ приказаніе очистить фортъ. Во время преній хитрый и надменный священникъ, главный секретарь, постоянно прерывалъ полковника Ионгхѣзбенда ламу-та и Тонгса Пенлопа разными замѣчаніями, по большей части брошенными гнѣвно или заключающими въ себѣ порицаніе нашихъ дѣйствій. Онъ монахъ, посѣтившій миссію въ Кхамба-джонгъ, нѣсколько знакомый съ внѣшнимъ міромъ, такъ какъ былъ въ Калькуттѣ, въ Шанхаѣ и Пекинѣ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на остальныхъ и выражалъ къ намъ жестокую враждебность. Посланнымъ еще раньше передали черезъ Тонгса Пенлопа наши точныя условія мира; теперь они получили писанную ноту объ этомъ. Они удалились печально и на слѣдующій день сильно опоздали къ назначенному часу. Имъ снова повторили окончательныя условія и

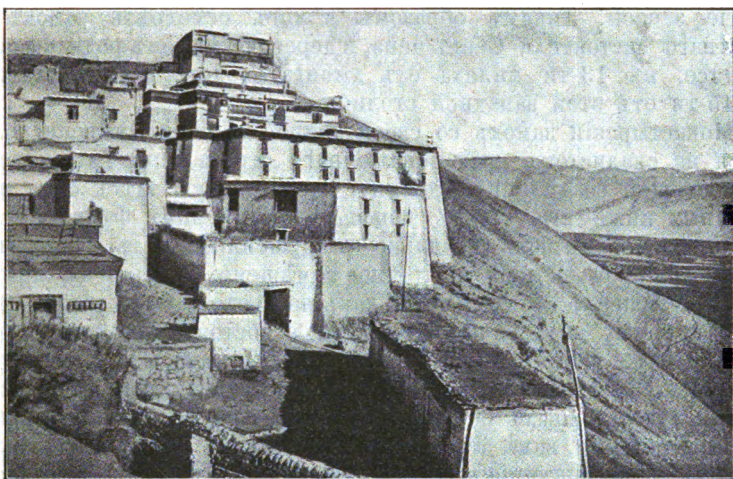
дали 43 часа для эвакуаціи джонга, но они опять ушли безъ всякихъ результатовъ, послѣ долгихъ неопредѣленныхъ толковъ, очевидно, полагая, что увѣренія, обвиненія и повторенія тѣхъ и другихъ могутъ быть такъ же убѣдительно, какъ факты. Между прочимъ, они заявляли, что мы сломаемъ „спину осла“ великаго ламы, если попытаемся взвалить на него такія тяжелыя условія. На слѣдующій день они навѣстили Тонгса Пенлопа, который посовѣтовалъ имъ сейчасъ же принять наши мирныя условія и, когда они заговорили о защитѣ джонга, посовѣтовалъ имъ вспомнить пораженіе при Тсеченѣ. Въ общемъ, казалось, что всѣ эти переговоры—предлогъ и только новая уловка ламъ, чтобы выиграть время, которое позволило бы агенту великаго ламы лично осмотрѣть все, точно расчитать нападающія силы и затѣмъ начать дѣйствовать согласно съ обстоятельствами; и вотъ представитель Тибета, найдя нашу армію меньше, чѣмъ онъ ожидалъ, и надѣясь, что джонгъ еще можетъ выдержать, повидимому, рѣшилъ отклонить дальнѣйшіе переговоры. Какъ бы то ни было, только тибетцы и не подумали эвакуировать джонгъ, а напротивъ, употребили промежутокъ перемирія для усиленія его укрѣпленій и для возведенія новыхъ, несмотря на обѣщаніе не пользоваться для этого перемиріемъ.

Враждебныя дѣйствія снова начались въ полдень 5-го іюля; пушечный выстрѣлъ изъ нашего лагеря возвѣстилъ, что перемиріе окончено; часъ спустя въ джонгъ пустили нѣсколько разрывныхъ снарядовъ, но тибетцы не отвѣчали. На слѣдующее утро генераль Макдональдъ произвелъ атаку на джонгъ и съ успѣхомъ взялъ его, сдѣлавъ очень мужественный приступъ.

Сравнительно небольшая горсть британскихъ и индійскихъ солдатъ взяла почти неприступную крѣпость съ 7.000-нымъ войскомъ, и это должно считаться однимъ изъ наиболѣе героическихъ успѣховъ въ аналахъ приграничныхъ войнъ.

Атаку велъ генераль Макдональдъ, съ крыши одного изъ разрушенныхъ строеній Фалы. Штурмовые отряды пробрались до разсвѣта подъ прикрытіемъ тьмы къ укрѣпленнымъ домамъ города и окружили базисъ скалы, на которой стоялъ фортъ, чтобы взорвать стѣны, сдѣлать себѣ проходъ. Тибетцы караулили у домовъ и въ фортѣ и сейчасъ же открыли сильный огонь сквозь всѣ отверстія; большія пушки джонга также проснулись, бросая снаряды въ темноту, которая освѣщалась долгими вспышками пламени. Все утро длился бой подъ ревъ мушкетовъ и пушекъ. По временамъ джонгъ совершенно скрывался въ облакахъ густого дыма тибетскихъ пушекъ и тысячъ вспышекъ разорваннаго ружейнаго огня; между тѣмъ, нашъ бездымный порохъ едва показывалъ положеніе нашихъ солдатъ. Тибетцевъ вытѣсняли изъ одного дома въ другой; наконецъ, къ 12-ти часамъ дня вся полоса города вплоть до большихъ воротъ форта очутилась въ нашихъ рукахъ, но самыхъ воротъ нельзя было взять, потому что подходы къ нимъ охранялись громаднымъ количествомъ укрѣпленій и смертельными огнемъ. Виднѣлось много ламъ съ палками въ рукахъ; они угаривали своихъ солдатъ и били ихъ, загоняя на мѣста, какъ и въ проходѣ Кхаро. Послѣ полудня, когда наши утомленные войска

успѣли немного отдохнуть, британскія десятифунтовыя орудія подожгли пороховой магазинъ непріятеля и сдѣлали брешь въ стѣнѣ направо отъ воротъ; сквозь это отверстіе наши войска великолѣпнымъ натискомъ ворвались въ джонгъ подь командой поручика Гранта (раненаго въ Фари и перваго пострадавшаго во время экспедиціи), а его гурехи блестящимъ образомъ вскарабкались на утесъ подь жестокимъ огнемъ. Тибетцы бѣжали, и вскорѣ шляпы, тюрбаны и каски нашихъ солдатъ затолпились среди верхнихъ укрѣпленій; соединенный флагъ еще разъ взвился надь цитаделью. Внутренность форта густо усѣвали трупы враговъ, видѣлись и тѣла нѣсколькихъ воинственныхъ ламъ. Мы потеряли одного офицера (поручика Гердона) и трехъ солдатъ, которые были убиты; ранили нашихъ семерыхъ офицеровъ и 30 сол-

Монастырь Донгтсе
Загородное мѣстожительство прелата Сень-чена.

дать. Это составляло изумительно-маленькое количество жертвъ въ видахъ опаснаго и смѣлаго характера приступа крѣпости такой естественной силы и защищенной такими рѣшительными противниками. Наши солдаты теперь уже не съ легкимъ сердцемъ подходили къ тибетскимъ позиціямъ. Ограниченность нашихъ потерь главнымъ образомъ зависѣла отъ осторожности и искусства, съ которыми генераль Макдональдъ составилъ планъ и лично распоряжался атакой. По обыкновенію наши врачи занялись ранеными тибетцами.

Храбрость тибетцевъ теперь была неоспорима. Они мужественно отстаивали свои позиціи, когда наша шрапнель разрывалась надь ними, и ловко отвѣчали на выстрѣлы нашихъ пушекъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ, несмотря на то, что очень немногіе изъ ихъ ядеръ летѣли далеко, тогда какъ наши снаряды производили большія опустошенія. У нихъ хорошій глазомѣръ относительно позиціи, они почти безупречно дерутся за укрѣпленіями и превратились бы

въ превосходныхъ солдатъ подъ руководствомъ компетентныхъ офицеровъ.

На слѣдующій день я пошелъ въ джонгъ и увидѣлъ, какое разрушеніе причинили наши ружейные выстрѣлы, разрывные снаряды и динамитъ. Саперы дѣятельно разрушали остатки стѣнъ, чтобы сдѣлать фортъ непригоднымъ. Монастырь и почти весь городъ опустѣли. Генераль строго запретилъ грабить. Повидимому, многія цѣнныя вещи были унесены населеніемъ, за исключеніемъ толстыхъ семейныхъ „библій“, оставленныхъ въ домахъ, какъ это случилось и въ бурскую войну.

Донесли, что непріатели скрывались въ окрестностяхъ, и съ цѣлю разсѣять ихъ генераль 9-го іюля послалъ легучія колонны въ ту и другую сторону по долинѣ. Я сопровождалъ одну изъ нихъ, которой было также поручено принести кормъ для скота и другіе запасы. Такимъ образомъ, я могъ осмотрѣть замокъ несчастнаго настоятеля Сенгъ-чена, и деревенскій домъ рода Фала въ Донгтсе, въ 13-ти миляхъ отъ джонга по дорогѣ къ Шигатсе и въ 45-ти отъ этой западной столицы.

Монастырскій замокъ со своей толпой кэрновъ живописно высятся на скалистомъ краю обнаженнаго отрога горы, глядя сверху на роскошно воздѣланную долину, достигающую здѣсь 4-хъ миль ширины; ниже его стоитъ конфискованный домъ фамиліи Фала. Оба строенія имѣютъ печально разрушенный видъ. Смотритель монастыря провелъ меня въ личное помѣщеніе Сенгъ-чена, нигдѣмъ не занимавшееся съ тѣхъ поръ, какъ настоятель былъ убитъ, около 20 лѣтъ тому назадъ, при печальныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы уже упоминали. Въ одной комнатѣ, тамъ, гдѣ предыдущія воплощенія этого святаго ламы и его предшественниковъ изображены на стѣнѣ въ условныхъ образахъ Будды, со сценами изъ ихъ жизни и съ объясненіями, какъ это всегда дѣлается на фрескахъ великихъ святыхъ, наше вниманіе особенно привлекла „чудесная“ фреска, которая приписывается покойному Сенгъ-чену. Говорятъ, онъ написалъ ее незадолго до своего низложенія и смерти. На ней изображенъ фортъ странной формы на скалѣ надъ рѣкой, въ которой видны тѣла купающихся; увѣряютъ, что послѣднимъ дѣяніемъ Сенгъ-чена въ земной жизни была эта работа; когда же онъ умеръ, оказалось, что онъ точно изобразилъ фортъ Шока въ Конгбу, въ который его заключили, и рѣку, въ которую безславно бросили его тѣло; толкуютъ, что такимъ образомъ настоятель предсказалъ свою судьбу. Тутъ же написана любимая собака ламы съ ея чашкой для питья, что придаетъ комнатѣ еще болѣе унылый, пустой видъ. Въ храмѣ внизу было нѣсколько прекрасныхъ изображеній и свитковъ, а также цѣлое собраніе книгъ и комментариевъ. Громадная частная бібліотека этого ученаго монаха была отвезена въ Ташилхумпо при конфискаціи его имущества; это сказалъ намъ нашъ провожатый, который, очевидно, былъ сильно взволнованъ тяжелыми воспоминаніями.

Домъ Фала прекрасное четырехъэтажное строеніе съ дворомъ, окруженнымъ конюшнями и амбарами. Послѣдніе теперь служили складами правительства и заключали въ себѣ громадное количество провизіи для военныхъ цѣлей, собранной за многіе годы; она хранилась въ окруженныхъ стѣнами помѣщеніяхъ, двери ко-

торыхъ были запечатаны и помѣчены словами „депа пхунгъ“, что значитъ „правительство“. Въ нихъ мы нашли не менѣе 300 тоннъ зерна и другихъ съѣстныхъ припасовъ, 100 тоннъ которыхъ было отвезено въ нашъ лагерь при Джіантсе, куда мы также вернулись, чтобы принять участіе въ движеніи къ Лхассѣ. Походъ былъ необходимъ, такъ какъ никто изъ тибетскихъ представителей даже теперь, послѣ занятія джонга, не явился къ намъ просить мира или представить доказательства того, что ламы убѣдились въ безопасности дальнѣйшаго сопротивленія.

ГЛАВА XV.

Отъ Джіантсе къ Лхассѣ, мимо озера Яидокъ и черезъ долину Тсангпо.

Разсѣяніе тибетскихъ войскъ, которыя около двухъ мѣсяцевъ грозили лагерю миссіи, очистило воздухъ отъ тучъ войны, висѣвшихъ надъ Джіантсе; однако, вслѣдъ за этимъ ламы ничѣмъ не показали, что они желаютъ договора или прекращенія дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій. Поэтому правительству его величества пришлось приказать миссіи двинуться къ Лхассѣ съ большимъ эскортомъ и начать переговоры съ тибетскими властями въ самомъ этомъ городѣ; закончивъ дѣло, экспедиція должна была вернуться какъ можно скорѣе. Это составляло единственный возможный способъ разрѣшенія вопроса, не затягивая операціи еще на одну зиму, что повлекло бы много неудобствъ, гибель жизни и трату денегъ и могло бы превратить нашу экспедицію въ кампанію для завоеванія и присоединенія страны, чего никогда не желало британское правительство.

Вопросъ, совершится ли мирнымъ путемъ наше движеніе къ Лхассѣ или намъ придется пробиваться къ священному городу силой, еще не былъ рѣшенъ, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ занятія джонга бхотанскій посредникъ Тонгса Пенлопъ получилъ письмо отъ номинальнаго мирнаго делегата Ютока, тибетскаго со-вѣтника, который командовалъ войсками въ проходѣ Кхаро, говорившее, что ему не дано приказаній начать переговоры, и что проходъ Кхаро занятъ войскомъ въ 2.000 человекъ. Поэтому было необходимо придать движенію въ Лхассу характеръ военной операціи, готовой сломить всякое организованное сопротивленіе, которое далай-лама могъ бы воздвигнуть на пути. Слѣдовало также безъ дальнѣйшихъ промедленій двинуться къ столицѣ раньше, чѣмъ тибетскія войска оправятся отъ недавняго пораженія настолько, чтобы образовать дальнѣйшія серьезныя преграды во многихъ высокихъ укрѣпленныхъ проходахъ и въ многочисленныхъ ущельяхъ, которыя лежали на нашемъ пути къ священному городу. Вычислили, что лхасское правительство могло еще поднять около 15.000 человекъ для защиты Лхассы и ея окрестностей, что большую часть этихъ людей набрали бы въ провинціи Кхамъ и что они болѣе или менѣе привыкли обращаться съ современнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Итакъ, движеніе къ Лхассѣ представляло собой операцію, которая требовала величайшей военной осторожности, осмотрительнаго распредѣленія подробностей, составленія искусныхъ плановъ на всевозможныя случайности, потому что одинъ фальшивый шагъ могъ повлечь не только пораженіе, но и гораздо болѣе серьезныя послѣдствія. Изъ нѣсколькихъ путей генераль Макдональдъ избралъ дорогу длиною миль въ 150, черезъ проходъ Кхаро, и оставилъ сильный выдвинутый базисъ въ Джіантсе съ цѣлью предотвратить всякую опасность для линіи сообщеній. Его силы состояли болѣе чѣмъ изъ 2.000 человекъ *), вооруженныхъ ружьями, и изъ 2.000 сопровождавшихъ; индусскіе лодочники изъ Аттока несли бертонскія лодки для переправы черезъ большую рѣку Тсанганпо; другіе обозные препровождали запасы провизіи и корма, нужные для путешествія, черезъ необитаемыя области. 14-го іюля армія выступила изъ Джіантсе.

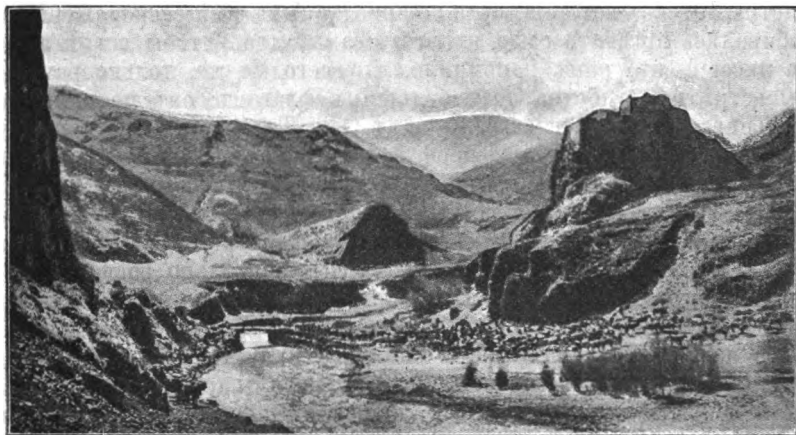
Новаго міра, въ который мы теперь погрузились, раньше насъ не видалъ никто изъ британцевъ, за исключеніемъ Менинга около ста лѣтъ тому назадъ. Стояла неприятная погода; всю ночь до самаго утра шелъ дождь, просачиваясь сквозь наши палатки, почти вдвое увеличивая ихъ вѣсъ и наводняя засѣянные поля и ирригаціонныя каналы, по которымъ тянулся нашъ путь. Мулы отказывались переходить въ бродъ черезъ каналы орошенія и прыгали черезъ нихъ, какъ козы, причемъ ихъ грузы падали въ грязь; приходилось останавливаться, снова нагружать животныхъ или поправлять тюки, и это надолго задерживало движеніе. Дождь опять заморосилъ и не прекращался до послѣ полудня; къ этому времени мы всѣ промокли насквозь. Потомъ вышло знойное солнце, и черезъ часъ или около того къ намъ поднялся нашъ обозъ и мы разложили вещи, чтобы высушить ихъ. Лагерь сталъ походить на громадную прачешную.

Нашъ путь лежалъ къ востоку, по долинкамъ, поднимавшейся къ истокамъ рѣки въ ледникахъ прохода Кхаро. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались, долина сужалась, горы сдвигались. Дорога сохраняла такой характеръ приблизительно до седьмой мили, гдѣ за красивымъ загороднымъ домомъ, изгнаннаго сына сикхимскаго раджи шиферные склоны горъ облегли воздѣланныя поля, которые тянулись только по берегамъ рѣки, бѣжавшей на 40 футовъ ниже насъ по нѣсколько волнистой равнинѣ. Тутъ мы достигли верхняго края бывшаго дна озера, которое образовало равнину Джіантсе, и вступили на болѣе высокую террасу цѣпи меньшихъ озерныхъ ложъ, созданныхъ запрудами изъ осколковъ, упавшихъ съ окрестныхъ горъ. Въ этомъ мѣстѣ горы были и выше, и скалистѣе. Деревья большей частью росли только вдоль берега

*) Лхасскую колонну составляли:
№ 7, горной батареи.
Одно отдѣл. № 30—idem.
1/2 отр. саперовъ.
2 роты ѣздящей пѣхоты.
Норфолькс. пулеметный отрядъ.

Королевскіе стрѣлки; максимы.
4 роты 32-го п. пионер.; максимы.
6 ротъ 40-го полка патацевъ.
6 ротъ 8-го полка гуреховъ.
4 отдѣл. полков. госпиталей.
Провіантскія и др. отдѣленія.

рѣки, но полосы зеленыхъ расположенныхъ террасами луговъ поднимались изъ довольно широкихъ боковыхъ долинъ, растягиваясь на милю или больше, направляясь къ скалистымъ возвышенностямъ и походя на зеленые ледники. Теперь плоская возвышенность прекратилась; мы снова проходили по каменистымъ ущельямъ, среди обнаженныхъ дивихъ горъ; нашъ путь прилегалъ болѣе или менѣе тѣсно къ берегу рѣки, превратившейся въ потокъ, который несся и прыгалъ черезъ оторванные камни. Иногда мы входили въ загибы смежныхъ боковыхъ долинъ между скалами, окрашенными волнистыми полосами ярко-желтаго, пунцоваго, свѣтло-зеленаго и темно-синяго цвѣтовъ, благодаря осыпающимся слоямъ серпентина, известняка, зеленаго шифера. Особенно обнаженъ былъ серпентинъ; онъ давалъ жизнь только рѣдкимъ пукамъ травы, тогда какъ шиферъ служилъ опорой для болѣе роскошной растительности травъ и кустовъ.

Замокъ Гобцхи.
На рѣкѣ Ньеру, 14.100 ф.

Скалистыя ущелья, въ которыя мы теперь вошли, были совершенно неудобны для войны, потому что очень небольшія вучки рѣшительныхъ, хорошо вооруженныхъ людей могли бы защищать ихъ отъ толпы враговъ. Въ видѣ мѣры предосторожности были высланы пикеты на гребни, командовавшие нашей теперешней линіей движенія. Мы раскинули лагерь въ глубокомъ загибѣ равнины, тамъ, гдѣ горы расходились при ея соединеніи съ боковой долиной; на противоположномъ берегу рѣки находился большой, немного разрушенный, обнесенный стѣной лагерь великаго ламы, служащій для его оставовокъ, когда онъ пышно двигается по этой дорогѣ отъ Лхассы къ Ташилхумпо. Главныя тропинки лагеря ясно обозначались бѣлымъ кварцемъ; на одномъ концѣ возвышалась платформа для трона великаго сановника. На слѣдующій день мы опять двигались по ущельямъ до слиянія двухъ рѣкъ, составляющихъ рѣку Гобцхи, т. е. до мѣста, носящаго названіе „четырехъ дверей“, по-

тому что здѣсь сходятся три важные торговые тракта и четвертый меньшій. Оно представляетъ вершину треугольника и находится тамъ, гдѣ прямая индійская дорога къ Лхассѣ черезъ Кангмаръ встрѣчается съ дорогой Джантсе. Въ этомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ тибетцы построили сильный фортъ на крутой скалѣ, возвышающейся надъ входомъ въ окруженное стѣнами ущелье, продѣланное лхасской дорогой; въ этомъ мѣстѣ путь оставляетъ рѣку Найру и тянется по ея притоку, проходящему мимо Ралунга. Въ Гобдхи довольно большая деревня, окруженная воздѣланными полями; тутъ же китайская станція, а на другой сторонѣ рѣки двѣ другія деревушки. Все населеніе бѣжало, кромѣ одного старика, который объявилъ, что онъ потерялъ всю свою семью, благодаря войнѣ, остался одинъ и не заботится о томъ, что будетъ съ нимъ. Его обоихъ сыновей убили при Гуру, около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ; его дочь ушла отъ страха. У него въ деревнѣ было большое помѣщеніе, вычищенное и приготовленное для ламы и министра Ютока, которые, судя по присланнымъ ими распоряженіямъ, собирались пріѣхать сюда въ этотъ самый день, чтобы встрѣтиться съ миссіей; это намъ напомнило, что сегодня же, только раньше, мы встрѣтили тибетца подъ большимъ флагомъ; онъ несъ письмо къ Тонгса Пенлопу и сказалъ намъ, что Талаша и Ютокъ въ Нартартсе и желаютъ начать переговоры съ нами, такимъ образомъ, положеніе опять стало казаться болѣе миролюбивымъ. Плоская возвышенность, которая поднимается въ этомъ мѣстѣ съ восемью вершинами, почитается, какъ „божество палатки“.

За ущельемъ долина рѣки Ралунгъ значительно расширилась; на широкихъ прирѣчныхъ плоскостяхъ виднѣлось много маленькихъ деревушекъ по обимъ берегамъ потока, много обработанныхъ полей, по большей части засѣянныхъ ячменемъ съ горохомъ, и яркія желтыя пятна горчицы. Почти всѣ стѣны домовъ этой долины были покрыты вертикальными, широкими, красными, бѣлыми и синими полосами. Одинъ изъ здѣшнихъ маленькихъ монастырей, принадлежащій сектѣ „красныхъ шапокъ“ и называемый Джайябрагъ, покрывали особенно замѣчательныя полосы. Края дороги роскошно украшали дикіе альпійскіе цвѣты, среди которыхъ особенно хорошо представлена была семья ранункуловъ; всѣ мы замѣтили два рода лютиковъ, множество ползучихъ клемативовъ, съ желтыми и лиловыми цвѣтами, и громадное количество смертельнаго аконита.

Этотъ аконитъ, который туземцы называютъ „ядовитой травой“ (санъ-дукъ), главнымъ образомъ, принадлежалъ къ виду *A. ferox*, (какъ и наши англійскіе садовые виды съ капюшонами) со многими большими цвѣточными стеблями; хотя нѣкоторыя растенія, съ однимъ стеблемъ и уже сильными сѣмянными коробочками, казались *A. heterophyllum*, „атеемъ“ нашихъ аптекарей. Народъ въ ноябрѣ собираетъ корни этого растенія, продаетъ ихъ или вымѣниваетъ для экспорта въ Индію или приготовляетъ изъ него лекарство, прежде всего слегка просушивая ихъ, чтобы уменьшить силу ихъ яда. Несмотря на большое количество аконитныхъ зарослей, никто изъ людей не отравился имъ; однако, было много несчастныхъ

случаевъ съ роковымъ исходомъ между пони, мулами и овцами, такъ какъ у насъ не нашлось достаточно большого количества физиологическаго антидота аконита, а именно беладонны или ея алкалоида, атропина.

Въ этотъ день опять „въ лишенномъ дождя“ Тибетѣ шелъ ужасающій дождь. Онъ лилъ большую часть ночи, и, проснувшись утромъ, мы услышали его ужасный, непереставаемый шумъ; но около 8 часовъ настолько прояснѣло, что мы могли снятъ и свернуть наши мокрыя палатки. Однако, раньше чѣмъ мы успѣли дойти до мѣста, выбраннаго для нашего лагеря—до террасъ полей подлѣ деревни Таклунгъ, жатвы которыхъ служили кормомъ для животныхъ,— снова начался проливной дождь; онъ задержалъ прибытіе нашего обоза до сумерекъ, потому что вереницамъ изъ нѣсколькихъ тысячъ муловъ, ословъ и яковъ приходилось идти вдоль узенькой тропинки, и линия обоза растягивалась на 6 миль, причемъ паденіе одного вьюка со спины животнаго задерживало всю колонну, слѣдовавшую за нимъ. Между тѣмъ, намъ приходилось ждать въ слякоти подъ холоднымъ дождемъ, который просачивался сквозь наши ватерпруфы; когда же явились палатки, имъ пришлось раскинуть подъ ливнемъ на мокрой, пропитанной водой, осклизлой грязи, а такъ какъ топлива было еле достаточно для приготовленія кушанья, и мы не могли позволить себѣ роскоши зажечь его съ цѣлью обсушиться, можно себѣ представить, какъ тяжело было всей промокшей, прозябшей арміи въ теченіе этой ночи. Однако, на слѣдующее утро почти всѣ чувствовали себя хорошо, какъ всегда, несмотря на неприятный сонъ въ мокрыхъ байковыхъ одѣяніяхъ. Дождь прекратился на разсвѣтѣ и предъ выступленіемъ изъ лагеря позволилъ намъ насладиться лучами солнца. Деревня получила свое имя „Долины тигра“ (Таклунгъ) отъ тянувшейся по склону обнаженной горы, большой горизонтальной полосы чернаго известняка, перерѣзанной свѣтло-желтымъ песчаникомъ, причемъ все мѣсто напоминало полосы на шкурѣ тигра. На этой горѣ, возвышавшейся надъ лагеремъ, виднѣлись рѣдкіе экземпляры гигантскаго дикаго барана *Ovis ammon*.

Пройдя 8 миль дальше по долинѣ, мы близъ деревни Ралунгъ увидѣли рядъ снѣжныхъ горъ, преграждавшій нашу дорогу къ Лхассѣ. Его главная вершина Нѣджинъ Кангсангъ или „Благородный ледникъ генія“, стоя на разстояніи 10-ти миль отъ насъ, поднималась величавой массой снѣга и льда на 24.000 ф. высоты; на западномъ склонѣ горы можно было рассмотреть впадинку прохода Кхаро, черезъ который намъ предстояло пройти. Такъ какъ бѣдная деревушка изъ дюжины пастушескихъ каменныхъ хижинъ—последнее жилье въ долинѣ, то мы раскинули лагерь подлѣ нея на высокомъ луку, лежавшемъ надъ рѣкой; наши развѣдчики поѣхали осматрѣть проходъ, къ которому мы должны были двинуться на слѣдующій день. Они донесли, что его занимаетъ большая армія, и поймали одного вооруженнаго тибетца и нѣсколькихъ пастуховъ, которые сказали, что въ неприятельскомъ войскѣ насчитывается около 2.000 человекъ, и что министръ Югокъ наканунѣ покинулъ Ралунгъ, намѣреваясь остановиться на другой сторонѣ

прохода, вѣроятно съ цѣлью снова принять на себя командованіе войсками. Ралунгъ представлялъ собою очень важный пунктъ, а потому здѣсь сформировали постъ для защиты сообщенія съ Джіантсе.

Теперь мы были внѣ границъ культуры, а повидимому также деревьевъ и кустовъ: ихъ не видѣлось: на обнаженныхъ округлыхъ скалахъ подъ снѣжной линіей, но, точно для возмѣщенія этого недостатка, горы покрывала болѣе роскошная трава, чѣмъ та, которую мы оставили въ менѣе гостепріимныхъ полосахъ внизу. Большой монастырь Ралунгъ расположенъ въ боковой долинкѣ, подъ снѣгами, въ 2-хъ миляхъ отъ деревни. Это знаменитый монастырь и онъ представляетъ большой интересъ, какъ первоначальная главная квартира секты ламъ „красныхъ шапокъ“, Дукъ-Па, которая монополизируетъ всѣ монастыри и храмы въ Бхотанѣ, причѣмъ бхотанскій священникъ-царь, Дхарма раджа, представляетъ собою духовнаго главу этой страны. Тонгса Пенлопъ въ качествѣ свѣтскаго правителя Бхотана поѣхалъ въ монастырь на ночь. Вблизи этого пріюта монаховъ стоитъ зданіе общины, вмѣщающее около 30-ти монахинь, которыя, также какъ и монахи, ласково встрѣтили офицеровъ, посѣтившихъ ихъ. Они называютъ это мѣсто по имени своей секты Дукъ-Ралунгъ или „Драконъ“ и показываютъ на изогнутые гребни ближайшихъ горъ, похожіе на спины кабановъ, говоря, что это спины яростныхъ драконовъ, ихъ духовныхъ покровителей. Ралунгъ значитъ „долина съ рогами“ — названіе, очень хорошо указывающее на ледяные рога, окружающіе ее. Эта снѣжная цѣпь продолженіе того отрога Чумолхари, который, какъ мы видѣли, бѣжитъ къ сѣверу, вдоль озера Рхамъ-близъ Туны.

На слѣдующее утро дорога къ проходу повела насъ по прекрасной открытой полянкѣ, окаймленной округлыми холмами и травянистыми возвышенностями; она бѣжала къ темнымъ, краснымъ песчаниковымъ скаламъ, мѣстами покрытымъ изумрудной зеленью, которая образовала подъ бѣлой снѣжной линіей изумительныя пятна живой окраски. Подъ нашими ногами розовыя примулы, пятнистыя голубыя геицианы, кобольтовны маки устилали весеннюю траву, а въ воздухѣ стоялъ ароматъ полейки. Вылѣтѣло нѣсколько снѣжныхъ фазановъ, и на горахъ мы видѣли дикихъ бургаловъ и газелей. Приблизительно на восьмой милѣ нашъ путь покинулъ центральную долину, которая тянется къ большимъ западнымъ ледникамъ Нѣджинъ-Канга, и мы, рѣзко свернувъ вправо, очутились въ узкомъ скалистомъ ущельѣ, спускающемся съ восточнаго склона этой горы. Относительная теплота этого ущелья была сразу замѣтна, не только вслѣдствіе знойной температуры на солнцѣ, но и благодаря густой чащѣ кустовъ и деревьевъ, опять встрѣтившихъ насъ здѣсь, хотя ниже мы вышли изъ предѣловъ ихъ полосу на высотѣ приблизительно 14.000 футовъ. Вода въ маленькомъ потокѣ была чиста, какъ кристалль, и не напоминала ледниковой мутной рѣки главной долины, которая такъ способствовала охлажденію воздуха. Замѣчательно, что многія деревья съ колючками, какъ, на примѣръ, жостеръ, имѣвшія колтуры карликовыхъ сосенъ, поднимались изъ расщелинъ скалъ и покачивали своими

вершинами въ дытаніи вѣтра, приблизительно на 16.000 ф. надъ уровнемъ моря, что значительно превышаетъ послѣднія границы древесной растительности, о которыхъ я когда-либо слышалъ. Въ видѣ кустовъ росли: можжевельникъ, ива, барбарисъ; кромѣ того, видѣлись небольшія желтыя березы (которыя называются полосатками, оттого что ихъ кора сходитъ поперечными полосами, отбавляя какъ бы тигровыя слѣды); внизу разстилался густой коверъ изъ травянистыхъ растений: болиголова, репейника, ревеня, арники (которую курятъ, какъ табакъ), аконита, крапивы, колючаго порея, волокнистаго сухоцвѣта, вероники, саксифрагій и множества другихъ дикихъ цвѣтовъ, по большей части желтыхъ и синихъ.

Мы поднялись по неудобному, крутому скалистому пути и, перейдя черезъ маленький потокъ, совсѣмъ чернѣе отъ осколковъ шифера, обогнули мелкое озеро длиною съ милю, усѣянное многочисленными болотистыми островами, потомъ раскинули лагерь на его верхнемъ концѣ, на бывшей моренѣ подо льдомъ почти мертваго ледника, на полмили ниже Кхаро или Широкаго прохода *).

Изъ нашего лагеря мы даже невооруженнымъ глазомъ могли видѣть на болѣе высокомъ гребнѣ, на разстояніи 2-хъ миль противъ прохода, толпы тибетцовъ; они двигались по линіи контуровъ въ своей сильно укрѣпленной позиціи, состоявшей изъ стѣны съ бойницами, которая шла поперекъ долины и преграждала ее тамъ, гдѣ она сужается въ ущелье, окаймленное почти непроходимыми стѣнами и снѣжными горами. Генераль вмѣстѣ съ эскортомъ подъѣхалъ къ проходу, съ цѣлю лучше разсмотрѣть тибетскую позицію и сдѣлать приготовленія для штурма на слѣдующее утро; его встрѣтилъ грозный огонь изъ вражескихъ джингалей; однако, къ счастью, выстрѣлы не долетѣли. Развѣдчики донесли, что они видѣли около семисотъ вооруженныхъ людей, занимавшихъ линію стѣны; по всѣмъ вѣроятіямъ, за ней скрывалось еще много солдатъ. Итакъ, слѣдовало предполагать, что завтра тибетцы собирались отчаянно сопротивляться; опасаясь ихъ попытки ночью атаковать нашъ лагерь, генераль велѣлъ сдѣлать всѣ нужныя подготовленія.

Подъ холодной тѣнью ледяныхъ глыбъ глетчера (у подножія боковой морены котораго мы расположились, на высотѣ болѣе 16.000 ф. надъ уровнемъ моря) въ 3 часа пополудни воздухъ сдѣлался пронзительно холоднѣе; ледяной вѣтеръ дулъ всю ночь. Хотя ледникъ отступилъ до массивнаго гранита скаль, и его бывшая морена образовала отдѣльный валъ на разстояніи четверти мили отъ его теперешняго края, значительное количество льда и снѣга все еще падало съ нагроможденныхъ снѣжныхъ ледниковыхъ полей, расположенныхъ террасами и прорѣзанныхъ синими расщелинами; громъ его обваловъ нѣсколько разъ раздавался днемъ и ночью. Температура упала до 12° Фаренгейта ниже точки замерзанія.

Когда на слѣдующее утро (19-го іюля) мы вышли въ боевомъ

*) Пишется: Кхароль-ла.

порядкѣ, каждый изъ насъ ждалъ, что вскорѣ начнется отчаянная битва. Едва наши войска показали въ проходѣ (16.000 ф.), какъ непріятель открылъ безвредный для насъ огонь съ крутого гребня зубчатыхъ утесовъ справа, которые возвышались болѣе чѣмъ на 2.000 ф. надъ нами. На эти высоты послали нашихъ гуркховъ съ тѣмъ, чтобы они обошли тибетцевъ; между тѣмъ, стрѣлковъ двинули по долинѣ къ главной преграждавшей стѣнѣ. Стоя надъ проходомъ, на холмѣ, служившемъ мѣстомъ позиціи артиллеріи, мы направили вверхъ наши бинокли и телескопы и могли ясно различать всѣ движенія; гуркхи карабкались по прорывавшимъ небеса утесамъ, пробирались по крутымъ склонамъ и отдѣльнымъ скаламъ отроговъ къ снѣжной линіи; стрѣлки же храбро двигались къ главной стѣнѣ внизу. Последніе крались подъ прикрытіемъ береговъ рѣки и подходили все ближе и ближе къ стѣнѣ. между тѣмъ тибетскихъ выстрѣловъ не слышалось, и наше волненіе становилось все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ намъ казалось, что тибетцы молчатъ, чтобы вскорѣ броситься впередъ. Когда стрѣлки взобрались на гласисъ и кинулись къ самому укрѣпленному пункту стѣны (въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 3 мѣсяца тому назадъ былъ убитъ бѣдный Бетюнъ), а потомъ появились по другую ея сторону, мы поняли, что непріятель покинулъ эту часть своего укрѣпленія, и что оно безъ одного выстрѣла попало въ наши руки. Не то происходило съ гуркхами, на горѣ. Когда они подыались приблизительно на высоту 19.000 футовъ, тибетцы стали осыпать ихъ зарядами. Мы слышали быструю дробь нашихъ скорострѣльныхъ ружей, отвѣчавшихъ непріятелю; подъ прикрытіемъ снарядовъ, выпускаемыхъ нашими десятифунтовыми орудіями, гуркхи твердо двигались впередъ. Тибетцы скрывались за скалами и открывали оттуда огонь; наконецъ, послѣ упорнаго сопротивленія, медленно отступили, а потомъ смѣшались и побѣжали. Нѣкоторые изъ нихъ бросились въ пропасти, многіе устремились въ снѣжныя поля, и мы видѣли ихъ тамъ точно цѣпь муравьевъ; они отыскивали дорогу въ вѣчномъ уединеніи льда, на высотѣ приблизительно въ 23.000 ф., гдѣ человѣкъ еще никогда не ходилъ гдѣ было невозможно преслѣдовать ихъ и гдѣ, конечно, большая ихъ часть, если не всѣ они, жалкимъ образомъ погибли отъ страшнаго холода или отъ паденія въ многочисленныя расщелины или ледяныя пропасти. Нѣкоторые изъ нихъ скрылись въ скалахъ ниже и старались пріютиться подъ стѣной, но патанцы преслѣдовали ихъ и разсѣяли, нанеся имъ большія потери. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ важный вождь, одѣтый въ синій шелкъ. Когда плѣнные тибетцы проходили мимо его тѣла, всѣ они поворачивались къ нему и, бросаясь на землю, привѣтствовали земные останки своего павшаго господина. Плѣнные сказали, что 18-го іюля стѣна охранялась войскомъ въ 1.500 человѣкъ, но что тибетцы испугались нашего приближенія и ушли ночью въ долину къ форту Нагартсе, оставивъ около 700 человѣкъ, все рекрутовъ изъ Кхама, въ верхней позиціи подъ снѣгами, откуда ихъ вытѣснили наши солдаты. По ихъ словамъ, въ этотъ день въ Нагартсе ожидали прибытія еще 1.300 добавочныхъ кхамскихъ воиновъ. На полѣ битвы, посреди ледяного

уединенія, приблизительно на высотѣ 19.000 ф., на „Крышѣ Мира“, неприятель потерялъ около 300 человекъ, тогда какъ наши потери состояли изъ одного убитого солдата и двухъ раненыхъ.

Мы остановились, чтобы уничтожить стѣну тамъ, гдѣ она перерѣзывала дорогу. Это мѣсто называлось „Зара“ или „Шиферное ущелье“, такъ какъ большая часть скалъ состояла здѣсь изъ синеватого шифера, перемежавшагося съ утесами краснаго песчаника. На противоположной сторонѣ ручья стѣна бѣжала къ боковой моренѣ большого ледника, на снѣжныхъ поляхъ котораго все еще можно было видѣть тибетцевъ, борющихся со снѣгомъ; снѣжная вершина надъ этимъ ледникомъ называлась „Черноголовая Божья

Финальный фазисъ битвы при Кхаро.

Близъ стѣны (16.100 ф. надъ уровн. моря); она разрушена нашими солдатами; выше—ледники горы Лхаджа-гонака. Стѣна доходила до утесовъ справа (19.000 ф.), и тибетцы бѣжали въ снѣжныя поля слѣва.

птица“ (Лхаджа-гонакъ). Воспользовавшись остановкой, я поднялся къ началу ледника, кончающагося у дикаго озера, обнесеннаго стѣной утесовъ; черезъ ущелье въ ихъ гнѣздѣ его зеленыя воды несутся навстрѣчу главному потоку. Въ этомъ дикомъ ущельѣ, какъ извѣстно, толпятся разбойники; поэтому мы нашли подъ стѣной сторожевой домъ для охраны путниковъ и китайскую станцію; теперь въ нихъ не было никого.

Раньше чѣмъ заночевать, мы спустились еще нѣсколько миль, къ полосѣ кустовъ, для того, чтобы запастись топливомъ, и перешли черезъ мутныя бѣлыя воды ледниковаго потока, даващаго название „Молочной долины“ всему луку; однако, здѣсь еще не было воздѣланныхъ полей и видѣлись очень скудныя пастбища, опасныя вслѣдствіе многочисленныхъ агонитовъ; поэтому бѣдные

мулы, лишенные своей обычной травы, печально провели холодную ночь и все время кричали, выражая неудовольствие. Развѣдчики, которые осматривали путь до Нагартсе, нашли, что этотъ фортъ занятъ вооруженными тибетцами, и что тибетскіе солдаты также засѣли во многихъ рвахъ по дорогѣ; они привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Захваченные сказали, что на тибетцевъ, два дня тому назадъ ушедшихъ отъ стѣны Зара, бросилась тибетская кавалерія и убила своихъ же собственныхъ солдатъ. Итакъ, слѣдовало предполагать, что намъ придется силой пробивать себѣ дорогу къ Лхассѣ.

Мы двигались къ Нагартсе въ бассейнѣ большого озера Ямдокъ, по удобному и постепенному спуску, вдоль берега рѣки, къ которой изъ каждой боковой долины текли питавшіе ее потоки; выше поднимались одѣтыя ледниками снѣжныя вершины. Нѣкоторые изъ ледяныхъ карнизовъ были замѣчательно красивы по формѣ и по нѣжнымъ голубымъ и свѣтло-зеленымъ оттѣнкамъ; старыя разрушенныя сторожевыя башни, смѣло возведенныя на зубчатыхъ гребняхъ, рисовались темными силуэтами на небѣ, точно знакомые намъ старинные замки на Рейнѣ, и придавали живописность этой дикой долинѣ, навѣвая романтическія воспоминанія о жестокихъ орошенныхъ кровью твердыхъ воинственныхъ вождей и бароновъ.

Тамъ, гдѣ долина расширялась, образуя поляну, называвшуюся „Лошадиной равниной“ (Та-т-ангъ), рѣка прорывалась сквозь гряду конгломератныхъ скалъ, обнажая множество пещеръ доисторическихъ людей. Ихъ было около сорока. Двое изъ насъ осмотрѣли самыя большія изъ пещерныхъ жилищъ и нашли, что они углублялись на 10 или больше ярдовъ во внутренность скалъ. Ихъ густо усѣивали осколки, упавшіе съ потолка, которые такъ крѣпко вѣлись въ почву, что въ теченіе нашего короткаго визита мы не могли ничего вырыть. Раскопки въ этомъ мѣстѣ, конечно, показали бы очень интересные остатки физическаго типа первоначальной монгольской расы, которая въ теперешнихъ своихъ чертахъ страннымъ образомъ приближается къ большой азиатской обезьянѣ орангъ-утангу, совершенно такъ же, какъ негръ въ своихъ физическихъ чертахъ приближается къ большой обезьянѣ африканскаго континента, къ гориллѣ. Положеніе этихъ пещеръ, слишкомъ близкихъ къ берегу того высохшаго озера, дно котораго поднялось вмѣстѣ съ поднятіемъ Гималаевъ, и теперь составляетъ плоскую возвышенность Тибета, доказываетъ, что здѣсь можно было бы найти слѣды *) первобытнаго человѣка. Плѣнники сказали намъ, что эти гроты—жилища дикихъ людей, жившихъ здѣсь раньше, чѣмъ пришли тибетцы. При этомъ очень интересно вспомнить преданіе, распространенное среди тибетцевъ, о томъ, что ихъ страну нѣкогда покрывала вода (потопъ?) и заселилась она только сравнительно недавно, около 2.000 лѣтъ тому назадъ **). Нѣкоторыя изъ

*) Большое количество неолитовъ было недавно найдено м-ромъ Белемъ на вѣшнихъ острогахъ Калимпонга, въ британск. Бхотанѣ.

**) Для геологическихъ доказательствъ того, что поднятіе Гималаевъ началось только въ средній третичный періодъ, см. „Геологію Индіи“ Ольдгана.

пещерь служить пріютами разбойниковъ, которыми славится это ущелье; дно рва внизу называется даже „Угломъ разбойниковъ“ (Чуръ).

По мѣрѣ того, какъ мы спускались, долина расширялась все больше и больше; наконецъ, повернувъ, мы увидѣли смѣльный контуръ форта Нагартсе на краю выступа слѣва; подъ нимъ сверкала легкая серебряная полоса большого озера Яндокъ, посреди темно-синихъ горъ; высокіе шесты молитвенныхъ флаговъ, поднимавшіеся надъ крышами домовъ деревни, подходили на мачты рыбацкихъ лодокъ на озерѣ, на этомъ знаменитомъ „кольцовомъ озерѣ“ старинныхъ картъ центральной Азіи, которое представляетъ собою внутреннее море безъ выхода изъ него.

Развѣдчики поѣхали къ форту; ихъ встрѣтилъ парламентаръ съ бѣлымъ флагомъ, который сообщилъ, что тибетскія войска ушли, и въ фортѣ находятся только мирные делегаты изъ Лхассы. Оказалось, что насъ ждали: нашъ старый другъ Та-лама, безпокойный секретарь, бѣжавшій изъ Джіантсе и новый первый министръ Ютокъ-шапе; всѣ они просили свиданія съ миссіей. На это сейчасъ же послѣдовало согласіе, и делегаты процессіей пріѣхали въ лагерь, одѣтые въ нарядныя желтыя шелковыя одежды, какъ и тогда, близъ Джіантсе. Новый министръ Ютокъ, полный, здоровый человѣчекъ, не походилъ ни на придворнаго, ни на воина; на свою желтую тунику онъ накинулъ синій шелковый кафтанъ. Представители сообщили полковнику Ионгхэзбенду, что на засѣданіи совѣта въ Лхассѣ было окончательно рѣшено заключить миръ, и попросили насъ вернуться въ Джіантсе (на этотъ разъ не въ Ятунгъ) для обсужденія условій. Полковникъ Ионгхэзбендъ

Часть озера Яндокъ (14.900 фут. надъ уровнемъ моря).

спросилъ, получили ли они письменное изложеніе его условій черезъ Тонгса Пенлопа. Они отвѣтили, что дѣйствительно получили, но заявили, что переговоры начнутся только, когда мы отступимъ, что трактатъ, составленный въ Лхассѣ, не могъ бы быть прочнымъ, такъ какъ Лхасса исключительно религіозный городъ, который не касается политическихъ дѣлъ, и что наше присутствіе въ ней только освернило бы ее. Глава миссіи возразилъ, что въ Лхассѣ много небуддистовъ, магометанъ, непальцевъ и другихъ племенъ, и что мы рѣшились идти къ ихъ священному городу послѣ того, какъ много разъ давали имъ возможность переговорить съ нами въ различныхъ мѣстахъ по дорогѣ, но бесполезно; что вмѣсто этого они только нападали на миссію. Полковникъ прибавилъ, что трактатъ долженъ быть подписанъ въ Лхассѣ, хотя онъ и согласенъ по дорогѣ обсудить условія его; что единственно отъ тибетцевъ зависитъ, будутъ ли еще битвы или нѣтъ; что мы желаемъ двигаться какъ можно миролюбивѣе и исполнимъ это; что если они не стануть противиться намъ, мы будемъ обращаться съ ними дружески, платить за всѣ припасы и недолго останемся въ Лхассѣ, а также, что мы требуемъ эвакуаціи форта. Делегаты рѣшительно отказались удовлетворить послѣднее требованіе. Когда обсужденія дошли до этого пункта, намъ сообщили, что большой корпусъ вооруженныхъ тибетцевъ вышелъ изъ форта, подвигаясь къ Лхассѣ, и что онъ сталъ стрѣлять въ нашу вѣдущую пѣхоту, подѣхавшую къ нему. Многихъ тибетцевъ захватили въ плѣнъ. Всѣ они были вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной части. Послѣ этого эпизода гарнизонъ нашихъ войскъ занялъ фортъ, такъ какъ не было сомнѣній, что наши тщеславные враги, подобно всѣмъ азіатамъ, гораздо способны понимать логику фактовъ, чѣмъ доводовъ. Очень небольшой, сильно обветшалый фортъ весь заросъ чащей травъ и крапивы. Въ немъ нашли большой складъ съѣстныхъ припасовъ тибетской арміи, а также одежду и байковныя одѣяла. Строеіе стоитъ приблизительно въ милѣ отъ берега озера; его окружаютъ нѣсколько жалкихъ крестьянскихъ хижинъ, а подъ его стѣнами, противъ озера, гнѣздится китайскій постоялый дворъ.

На слѣдующій день опять явились делегаты, но послѣ трехъ часовъ безпредметныхъ разговоровъ удалились; они стали снова требовать, чтобы миссія вернулась въ Джіантсе, и достаточно ясно показали, что не были подготовлены вести переговоры. Вдобавокъ представители Тибета не обѣщали намъ свободы движенія и вообще держались дерзкимъ и вызывающимъ образомъ. Китайскіе курьеры, ѣхавшіе въ Чумби, привезли извѣстія, что въ Лхассѣ произошло серьезное возмущеніе, благодаря ехамскимъ рекрутамъ, которые бѣжали отъ Кхаро. Они возмущались, и къ нимъ пристали другіе новые новобранцы, отказавшіеся драться съ нами и начавшіе грабить китайскій кварталъ города. Амбанъ со своей гвардіей напалъ на нихъ; многіе были убиты.

Воспользовавшись нашей останковкой и однодневнымъ перемиріемъ, я съ нѣсколькими другими офицерами поѣхалъ осмотрѣть святилища „генія охранителя этого большого священнаго озера,

ѣ именно монастырь знаменитой волшебницы, называемой воплощеніемъ богини со свинымъ лицомъ, тибетской Цирцеи, которая по своей святости занимаетъ слѣдующее мѣсто за великимъ ламой. Европейцы, кажется, еще никогда не видали ея храма.

Было такъ пріятно забыть о войнѣ и снова погрузиться въ міръ грѣзъ и волшебства, который, можно сказать, постоянно окружалъ насъ въ мистической странѣ ламъ. Миновавъ фортъ Нартарсе, пестрѣвшій яркими, красными, синими и бѣлыми полосами, мы покинули бывшій берегъ озера, который лежалъ у подножія скалистаго мыса, и поднялись надъ лугомъ, усѣяннымъ, какъ звѣздами, мириадами розовыхъ примуль, свѣтло лиловатыхъ маргаритокъ, а также голубыми пеленами незабудокъ. Мы проѣхали мили 4 болотами поперешейку голубого „озера Кольца“ и очутились у лиловыхъ горъ центральнаго „острова“. Проводникъ указалъ намъ на бѣлое пятно посреди этихъ горъ, въ 4-хъ миляхъ отъ насъ, пояснивъ, что это жилище божества, которое мы отыскиваемъ. Мѣсто называется „Возвышенное размышленіе“ (Самъ-дингъ). Мы ѣхали у подножія горъ, и нашу дорогу окаймляли дикія розы, барбарисъ и ползучіе клематиты; дальше раскидывался прекрасный лѣсъ изъ высокаго можжевельника, принадлежавшій маленькому монастырю (Самъ-Джо), и доказывалъ, что защищенныя деревья могутъ свободно расти на уровнѣ озера, лежащаго на высотѣ 15 000 ф. (а не 13.000 ф., какъ говорили пундиты). Густая роща ивовыхъ деревьевъ обрамляла посыпанныя гравіемъ аллеи сада подъ монастыремъ Самъ-Дингъ, который выстроенъ у подножія мягко закругленнаго и необрывистаго выступа обнаженной горы, поднимающейся футовъ на триста надъ равниной и озеромъ, начинаясь подлѣ маленькой деревни. Когда мы подъѣзжали къ Самъ-дингу, внезапно спустились густыя снѣжныя тучи и скрыли его отъ насъ; потомъ онѣ также быстро исчезли и нѣсколько разъ, точно по волшебству, въ теченіе немногихъ минутъ превращали пейзажъ изъ лѣтняго въ зимній и изъ зимняго въ лѣтній; странное дѣло: бѣлая мантия лежала только на той горѣ, на которой стоялъ монастырь, и не сползала къ долинѣ, служившей нашей дорогой, или къ холму надъ нами.

Мы сошли съ лошадей у подножія горы монастыря, близъ молитвенныхъ флаговъ на большомъ шестѣ, и пошли пѣшкомъ по полурастаявшему снѣгу, по длинной, извивающейся обветшалою тропинкѣ, усыпанной маленькими отдѣльными камешками, вѣроятно остатками грубо устроенныхъ ступеней; вдоль подъема тянулась доходящая до груди стѣнка съ крышкой. Теперь мы могли видѣть, что и само зданіе монастыря тоже носило слѣды разрушенія и заброшенности, оно было мало и вообще имѣло жалкій видъ. Это разочаровало насъ, такъ какъ обитель свиноголовой богини одно изъ самыхъ прославленныхъ святилищъ Тибета. Мы не увидели никакихъ признаковъ обитателей и, войдя въ главный дворъ зданія, поняли, что божество со свиной головой, также какъ и всѣ его сестры, бѣжало. Очевидно, монахи удалились въ это утро, потому что нашъ проводникъ видѣлъ ихъ наканунѣ вечеромъ. Очень жаль, что ихъ поразила паника и онѣ покинули свое убѣ-

жище: всё онѣ могли рассчитывать на особенно дружеское обращеніе съ нашей стороны, такъ какъ воплощенная богиня во дни Богля посѣтила индійскую миссію въ Ташилхумпо и состояла въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ ея членами, а послѣдняя изъ настоятельницъ дружески обращалась съ Саратомъ Чандра, когда онѣ заболѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Настоящая представительница богини *)—шестилѣтній ребенокъ; говорятъ, она уѣхала въ Лхассу вмѣстѣ въ своей матерью приблизительно за годъ до нашего посѣщенія.

Эта августѣйшая, хотя и юная дѣва, по мнѣнію ламъ, представляетъ собою человѣческое воплощеніе одного изъ чудовищныхъ созданій позднѣйшихъ индійскихъ буддистовъ, которые послѣдовали примѣру браминовъ и ввели женскія силы въ свой безобразно-смѣшной пантеонъ. Богиня, о которой мы говоримъ, изображается въ видѣ фурии съ лицомъ свиньи и называется „Громовая свинья“ (ваджра-варахра по-тибетски *) и обязана своимъ происхожденіемъ древнему восточному мѣу о первичномъ источникѣ энергіи, плодотворной свиньѣ, сдѣлавшейся супругой демоническаго центавра Тамдина съ лошадиной шеей. Она получила приказаніе вмѣстѣ съ нимъ защищать буддизмъ отъ его враговъ. Далѣе легенда говоритъ, что сунгарскіе татары, наводнивъ Тибетъ въ 1717 году, приблизились къ этому мѣсту съ цѣлью разграбить его, и что ихъ генераль насмѣшливо велѣлъ попросить настоятельницу выйти къ нимъ и показать ему свою свиную голову; тогда она кротко попросила оставить въ покоѣ ея и ея монахинь, но невѣрные воины бросились въ монастырь и увидѣли только 80 свинокъ подъ предводительствомъ большой свиньи; всё онѣ хрюкали въ приемной—аббатисса превратила и себя, и свою свиту въ этихъ животныхъ. Такъ какъ для магометанъ свинья самое нечистое изъ всѣхъ животныхъ, татары быстро ушли, и такимъ образомъ волшебница спасла религиозное убѣжище. Ламы всѣхъ орденовъ воздаютъ ей божескія почести (хотя, строго говоря, она принадлежитъ къ сектѣ красныхъ шапокъ Наингма), и она дѣлитъ съ далай-ламой, регентомъ и двумя амбанами, царственное право путешествовать въ тронномъ креслѣ. М-ръ Богль описываетъ наружность взрослой аббатиссы, посѣтившей Ташилхумпо во времена миссіи Уаррена Гастингса, когда д-ръ Гамильтонъ лечилъ ее отъ болѣзни:

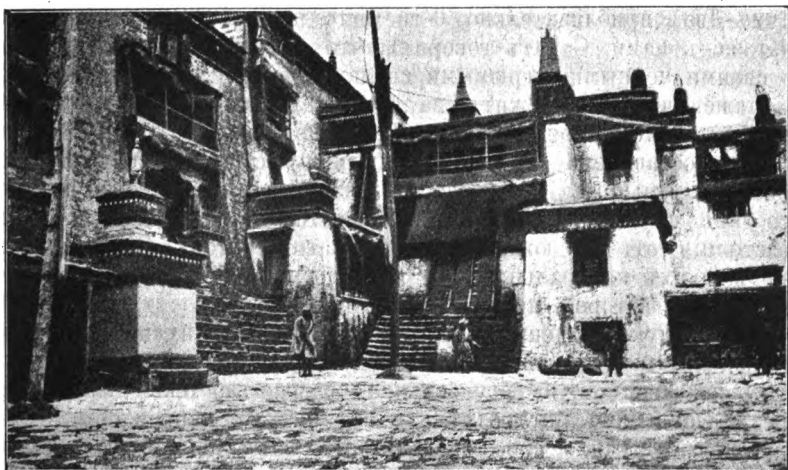
„Мать вмѣстѣ со мной прошла въ помѣщеніе Дурджи и Пагмо, которая была одѣта въ платье джайлонговъ (монаховъ) съ обнаженными до плеча руками она сидѣла на низкой подушкѣ, скрестивъ ноги... Ей приблизительно двадцать семь лѣтъ; у нея мелкія китайскія черты, нѣжныя, но неправильныя; прекрасные глаза и зубы; цвѣтъ лица свѣтлый, но немного поблекшій и болѣзненный; въ ея чертахъ выраженіе томности и меланхоліи, что, какъ мнѣ кажется, вызвано безрадостной жизнью, которую она ведетъ.

*) Она родилась въ Те-лунгѣ.

***) Непальскіе купцы чтутъ ее, считая индусскою богиней Бхауани—форма страшнаго Кали.

На ея головѣ волосы — привилегія, которой не пользовалась ни одна изъ другихъ весталокъ, видѣнныхъ мною; они зачесаны назадъ безо всякихъ украшеній и косами падаютъ ей на плечи. Ея „чанка“ (благословеніе руки), какъ и благословеніе великаго ламы, по здѣшнимъ вѣрованіямъ, даетъ благодать, и я не приминулъ заручиться имъ. Поднеся ей подарки и сказавъ привѣтствіе, я сталъ передъ ней на колѣни, и она, протянувъ руку, которая считается рукой „самой знатной дамы въ странѣ“, положила мнѣ на голову свои пальцы“*).

Мы же не видали ни монахинь, ни монаховъ, ни свиней. Трехъэтажное зданіе монастыря стоитъ кругомъ грубо вымощеннаго двора, занимающаго около 20-ти квадратныхъ ярдовъ; все вмѣстѣ немного напоминаетъ старинныя деревенскія гостинницы

Монастырь свинолицей аббатиссы.

или постоянные дворы въ Нормандіи. Справа надъ конюшнями и кухнями — дортуары настоятельницы и ея монахинь; тогда какъ монахи (потому что, странно сказать, половина живущихъ въ учрежденіи 160 лицъ, которыми завѣдуетъ дѣвственная аббатисса, — монахи) живутъ слѣва за чортенами, хранящими въ себѣ тѣлесныя реликвіи основательницы монастыря и всѣхъ послѣдующихъ аббатиссъ вплоть до предпослѣдней, и противъ главнаго храма. Помѣщенія монахинь были пусты, и потому мы заглянули въ нѣкоторыя изъ келій и замѣтили, что онѣ убраны красиво и опрятно, очевидно, женскими руками. Въ каждой изъ нихъ маленькій алтарь со свѣчами изъ коровьяго масла, изображенія и книги; на стѣнахъ священныя картинки, на окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски. Къ храму, также какъ и къ собранію чортеновъ влѣво отъ него, ведутъ деревянныя лѣстницы, входящія на веранду, защищенную отъ вѣтра обыкновенной большой занавѣсью. Фрески святилища очень

*) Маркгамъ, „Миссія“.

заурядны и исполнены грубо; на нихъ часто фигурируетъ свинья—богиня. Изображенія сдѣланы изъ позолоченной мѣди и убраны драгоценными каменьями. Посреди различныхъ вещей на алтарѣ я замѣтилъ большой кувшинъ изъ эмали, —клуазоне мингскаго періода. Единственныя книги, которыя я видѣлъ, заключали въ себѣ обычные священные тексты и комментаріи; бібліотеки со специальными произведеніями не имѣлось. Маленькія часовенки съ реликвіями украшала позолоченная мѣдная отдѣлка, усыпанная жалкими стеклянными имитациями драгоценныхъ каменьевъ.

Съ террасы на плоской крышѣ открывались великолѣпныя виды на окрестности. На западѣ видѣлась часть озера Ямдокъ, посреди горъ. На югѣ и западѣ поднималась высокая снѣжная цѣпь Кхаро, отъ которой бѣжали внизъ крутые обнаженные гребни, спускаясь къ глубоко-синимъ водамъ „Озера дьявола“ (Думъ-Дзо), приблизительно 6-ти миль длиною и лежавшаго какъ разъ подъ нами. Саратъ говоритъ, что оно имѣетъ ужасный видъ со своими черными, угрюмыми скалами и изумительными зубцами, а также, что оно лежитъ на 500 ф. выше уровня Ямдока. Въ дѣйствительности оно выше его только на одинъ или на два фута и составляетъ его часть, отдѣлившуюся, благодаря усыханію водъ Ямдока; горы, окружающія „Озеро дьявола“, нельзя назвать особенно крутыми; крутизны начинаются только на нѣкоторомъ разстояніи отъ его южнаго и восточнаго береговъ. Говорятъ, что въ ущельяхъ центральныхъ горъ „острова“ надъ Самдингомъ есть пещера, въ которой жилъ основатель ламаизма.

На слѣдующій день, 21-го іюля, мы снова двинулись къ Лхассѣ и продолжали идти въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней, извиваясь по западному берегу большого озера; тибетскіе делегаты въ предыдущую ночь быстро уѣхали въ томъ же направленіи.

Озеро получило свое названіе отъ возвышенной области, въ которой оно лежитъ—„Верхнія пастбища“ (Ямъ-докъ). Его часто называютъ „Бирюзовымъ озеромъ“ за цвѣтъ, а капуцины ранняго періода, которые почти всѣ двигались къ Лхассѣ по этому пути, обозначали его именемъ Палъте, согласно названію главнаго села на его берегахъ. Его окружность около 150-ти миль и для того, чтобы обойти его, требуется двѣ недѣли. Капитанъ Райдеръ опредѣлилъ высоту озера на 1.000 ф. выше, чѣмъ пундиты; по его мнѣнію, оно лежитъ на высотѣ 14.860 ф. надъ уровнемъ моря, хотя слѣдуетъ замѣтить, что частыя грозы мѣшаютъ дѣйствию барометра и перемѣщаютъ точку кипѣнія воды такъ сильно, что дѣлаютъ невозможнымъ точное опредѣленіе.

На старинныхъ картахъ Татаріи форма этого большого средиземнаго озера была особенно поразительна. Оно изображалось въ видѣ симметрическаго вольца воды, заключавшаго въ своемъ центрѣ кусокъ суши. Это заблужденіе произошло вслѣдствіе стариннаго „обозрѣнія ламъ“ при императорѣ Кангши; ихъ ошибка была повторена капуцинскими монахами. Представленіе о полномъ кольцѣ впервые разбилъ пундитъ Нень-Сингъ въ 1866 г., доказавшій, что гористый „островъ“ въ центрѣ озера, длиною приблизительно въ 25 миль, соединяется съ материкомъ при помощи узкаго

перешейка, который ведетъ къ монастырю Самдингъ. Въ 1882—83 г. изслѣдователь Уджиентъ Джіатше впервые начертилъ истинную форму озера; онъ, объѣхавъ его кругомъ, нашелъ, что озерное кольцо прерывается въ двухъ мѣстахъ, такъ что горы въ центрѣ образуютъ возвышенный полуостровъ, называемый „Внутреннія скалы“ (Донангъ), что на западѣ онѣ соединяются съ сушей перешейкомъ, и что на этомъ перешейкѣ лежитъ „Озеро дьявола“. На бумагѣ очертанія Ямдока въ общемъ напоминаютъ форму скорпіона съ загнутымъ хвостомъ; но сами тибетцы не замѣтили этого сходства.

Хотя великолѣпный изгибъ озера, окруженнаго со всѣхъ сторонъ землей и вьющагося между горами, въ настоящее время не представляетъ полного кольца, въ ледяной періодъ оно, конечно, имѣло эту форму; тогда его воды заливали каменистый полуостровъ Тагъ или „Скалистый проходъ“*). Безъ сомнѣнія, почти полное кольцо Ямдока сохранялось еще въ сравнительно недавнія историческія времена, когда „Озеро дьявола“ составляло его продолженіе, занимая узенькій перешеекъ, теперь превратившійся въ такую твердую преграду, что мы все время ѣхали по ней къ монастырю Самдингъ. Два конца Ямдока раздѣляются только градоу Тагъ. Народъ говорить, что большое озеро высыхаетъ и отступаетъ, и дѣйствительно существуетъ много доказательствъ, подтверждающихъ это. Когда мы ѣхали вдоль берега, мы видѣли старый путь по откосамъ горъ, на 20 или 30 ф. выше теперешней дороги; въ боковыхъ же долинахъ видѣлись очень замѣтныя песчанистыя террасы, очевидно, обозначавшія прежніе уровни берега. Безъ всякаго сомнѣнія, нѣкогда воды озера достигали боковой долины, по которой мы двигались къ проходу Кхаро, а покатая площадь, покрытая пятнами бѣлой соленой накипи и служащая дномъ этой долины, очевидно, также составляла тогда продолженіе озера. Уровень воды въ Ямдогѣ теперь колеблется въ узкихъ границахъ и согласно временамъ года измѣняется, въ зависимости отъ количества выпадающаго дождя и снѣга. Обмелѣніе озера частью зависитъ отъ увеличеннаго испаренія, что явилось слѣдствіемъ уничтоженія его ледниковъ и ледниковыхъ рѣкъ, такъ какъ, исчезнувъ, они подняли температуру воздуха; въ то же время поднятіе Гималаевъ, продолжавшееся до недавняго времени, должно было отрѣзать доступъ дождямъ, выпадавшимъ чаще въ болѣе ранніе періоды.

Вода Ямдока слегка отдавала солью, какъ и слѣдовало ожидать въ озерѣ, не имѣющемъ выхода и питаемомъ дождемъ и снѣгомъ съ горныхъ склоновъ, слѣдовательно, водой, которая растворяетъ части известковыхъ и другихъ залежей и, послѣ испаренія, оставляетъ соль; однако, ее можно было пить и заваривать на ней хорошій чай. Я взялъ ее для изслѣдованія, а также собралъ немного бѣлой осѣвшей порошокомъ соли со стараго дна озера, образовавшаго долину. Мѣстами берегъ усѣивали маленькія раковины и

*) Европейцы еще не бывали въ этомъ проходѣ, но мнѣ кажется, что онъ лежитъ только на 1.000 ф. съ небольшимъ выше озера Думъ.

массы перистыхъ водяныхъ травъ, издававшихъ запахъ, который напоминалъ запахъ моря.

Наша дорога шла по берегу и привела насъ въ маленькой деревнѣ изъ жалкихъ, бѣдныхъ каменныхъ хижинъ, зловонныхъ, благодаря грудамъ гнилой, хранившейся въ нихъ мелкой сушеной рыбы, величиной съ селедку или еще меньше; однако, нигдѣ не видѣлось лодокъ или рыболовныхъ снастей; всѣ жители бѣжали. Отсюда мы двигались вдоль мягко-округлыхъ травянистыхъ холмовъ и каменныхъ или песчаныхъ береговъ, держались близко къ водѣ, но отходили въ сторону тамъ, гдѣ торфяныя болота заполняли бывшіе заливы. Озеро, достигавшее въ этомъ мѣстѣ отъ 3 до 5 миль ширины и лежавшее посреди нѣско округлыхъ горъ съ лиловыми зарослями тороховидныхъ „pedicularis“, до того напоминало дикіе шотландскіе фюрды, даже несмотря на полное отсутствіе деревьевъ, что я невольно ожидалъ, что вотъ-вотъ изъ-за угла покажется пароходъ. Климатъ, благодаря своей туманности и измѣнчивости, тоже вызывалъ мысль о Шотландіи. Вродячія облава усѣвали глубокое сапфировое небо и отражались въ блестящей свѣтлой сине-зеленой водѣ озера; но по временамъ они сгущались въ большія массы сѣрыхъ грозовыхъ тучъ, которыя покоились на вершинахъ горъ и бросали темныя лиловыя тѣни на долины, или разсѣивались въ туманъ, падавшій на насъ мелкимъ дождемъ посреди мерцающаго солнечнаго свѣта, или превращались въ усиленный ливень и насквозь пропитывали наши одежды водою; однако, вскорѣ опять выходило милостивое солнце и высушивало насъ.

Мы раскинули лагерь въ прекрасномъ песчанистомъ загибѣ у подножья широкой поднимающейся долины Ярсигъ, по которой идетъ прямая дорога къ Шигатсе черезъ долину Ронгъ къ западу отъ Ярсигъ. Мы переправились черезъ узкую полосу озера по мосту, называемому „Благословеннымъ мостомъ“. Онъ (искусственное строеніе, а не естественный переходъ) сократилъ для насъ дорогу болѣе чѣмъ на милю. Въ протокъ подъ мостомъ положительно кишѣли рыбы, такъ что буквально казалось, будто одна толкаетъ другую, нѣкоторые изъ сопровождавшихъ насъ индусовъ въ короткое время наловили больше чѣмъ 300 фунтовъ рыбы, войдя въ озеро и вычерпывая ихъ на берегъ. Многие офицеры, которые привезли съ собою удочки, закинули лесы съ такъ называемыми „ложечками“ и „мушками“ и въ нѣсколько минутъ получили изумительный уловъ; одинъ офицеръ, майоръ Игельдонъ, вытащилъ меньше чѣмъ въ полчаса 48 фунтовъ рыбы, такъ какъ многіе изъ толстыхъ экземпляровъ вѣсили отъ 4 до 5 фунтовъ и представляли собою прекрасную добычу. Въ общемъ всѣ рыбы походили на карповъ и были почти безъ чешуи; онѣ разнились по величинѣ и расположенію пятенъ, но всѣ имѣли превосходный вкусъ. Такъ какъ эти рыбы очевидно представляли новыя виды, потому что озеро было долго изолировано отъ всѣхъ выходовъ, я собралъ нѣсколько экземпляровъ для коллекціи и опредѣленія. Конечно, рыбы явились изъ долины Тсангпо черезъ проходъ Ярсигъ, теперь находящійся на уровнѣ болѣе 1 000 футовъ надъ озеромъ и на 15.000 ф. надъ

уровнемъ моря; въ раннія же эпохи (до позднѣйшаго поднятія Гималаевъ), онъ, конечно, былъ гораздо ниже Луга, также какъ берегъ, по которому мы пришли, были заселены многочисленными грызунами ликами — мыше-зайцами, которые при нашемъ приближеніи робко прятались въ свои песчанья норки. На озерѣ толпились безчисленныя стада утокъ и гусей съ новыми выводками; разныхъ породы чаекъ и рыболововъ, проносясь надъ нашими головами, неодобрительно кричали при видѣ нашего вторженія въ ихъ любимыя области рыбной ловли.

Тутъ насъ снова начала мучить погода. Мы выбрали мѣстомъ стоянки травянистую полосу покатаго берега съ бархатистой травой, усѣянной весенними бѣлыми бусинами маленькихъ раковинъ, прикрытыхъ нѣжно пахнущими мелкими золотистыми лютиками и ярко-янтарными потентиллами, отдававшими ароматомъ свѣже-скошеннаго сѣна. Но раньше чѣмъ появились наши палатки и обозъ, небо внезапно нахмурилось, дождь полилъ потоками и продолжался до заката; послѣ захода солнца онъ смѣнился мокрымъ свѣгомъ, падавшимъ всю ночь и не затихшимъ до 8 часовъ утра. Когда солнце снова засвѣтило, озеро еще разъ привѣтливо улыбнулось намъ, и каждый, освѣженный ночнымъ отдыхомъ, свернулъ палатку и двинулся впередъ, окруженный пріятнымъ свѣжимъ воздухомъ, съ душой, не угнетенной неудобствами ночи.

Мы свернули съ долины, двинулись черезъ скалистый полуостровъ и вскорѣ увидѣли часовенку въ честь мѣстнаго генія. Она помѣщалась высоко, въ дикомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ съ крошащихся горъ въ озеро падали камни. Крестьяне раскрасили камни красными тонами и привязали цвѣтные доскуты и молитвенные флаги къ большимъ барбарисовымъ и можжевельниковымъ кустамъ, въ видѣ умиловительной жертвы злобному духу Тсень, генію этого мѣста, который изображается въ видѣ кроваво-краснаго людоеда. Мѣстная легенда говоритъ, что завоевательное войско татаръ, старавшееся освернить храмъ свиноголовой настоятельницы Самдинга и направлявшееся къ Пальте, было въ этомъ мѣстѣ поглощено озеромъ. Здѣсь же крестьяне ввѣряютъ тѣла своихъ умершихъ прозрачнымъ бирюзовымъ глубинамъ озера; одинъ изъ труповъ виднѣлся посреди водорослей, подъ дикими розами, синими маками, шиповниками и темно-синими миртами, окаймлявшими берегъ. Посреди сѣрыхъ, покрытыхъ лишаями скалъ росли кусты рода жостера въ цвѣту (цвѣтокъ, цвѣтущій въ іюль), а также виднѣлось много пушистыхъ головокъ желтаго древа, полыни, фіалокъ, дольфиній, пышныхъ крапивъ, гіацинтовъ и розовыхъ каменоломокъ, „разбивающихъ камни“. Часто начинались ливни, но къ этому времени мы всѣ пришли въ такое настроеніе, что намъ было безразлично, идетъ ли дождь или нѣтъ, такъ какъ мы все равно двигались впередъ.

Когда мы обошли утесъ, то увидѣли фортъ Пальте *), живописно стоявшій на дальнемъ берегу другого залива; онъ отражался въ водѣ вмѣстѣ съ деревней, ютившейся въ его тѣни. На-

*) Тибетцы пишутъ Поль-се, а также д'Паль-ди.

канунѣ наши развѣдчики нашли, что онѣ покинуть; поэтому мы приблизились къ нему и расположились лагеремъ на травянистой полянѣ близъ него; между тѣмъ, отрядъ вѣдающей пѣхоты осмотрѣлъ проходъ Камба, ведущій въ долину Тсангю, и нашелъ, что его укрѣпленія тоже пусты; такимъ образомъ, дѣйствіе штурма Джіантсе распространилось далеко и дало намъ возможность занять проходъ Кхаро, форты Нагартсе, Пальте и Камба (последній изъ проходовъ по дорогѣ къ Лхассѣ), съ очень маленькими потерями или совсѣмъ безъ ущерба. Почти всѣ обитатели дюжины домовъ деревни Пальте бѣжали въ горы со всѣмъ своимъ имуществомъ. Немногіе оставшіеся сказали, что тибетскіе делегаты уѣхали наканунѣ утромъ въ Лхасу и что тибетскіе войны, по большей части рекруты изъ Кхама, собрались на другомъ берегу Тсангю, чтобы помѣшать намъ переправиться черезъ эту рѣку. Пальте не правительственный фортъ; онъ принадлежитъ мѣстному владѣльцу этихъ суровыхъ горныхъ пастбищъ. Благодаря высотѣ уровня здѣсь почти нѣтъ земледѣлія; мы видѣли только два или три ячменныхъ поля близъ деревень. Обитатели деревушки Пальте и другихъ прибрежныхъ мѣстъ живутъ рыбой, но, повидимому, не вывозятъ большаго ея количества. Они попрыгали свои лодки, и мы нашли только одну изъ нихъ. Она была сдѣлана изъ недубленыхъ кожъ яковъ, натянутыхъ на деревянные основы, и имѣла форму лоханки. Челнъ Пальте такъ легокъ, что одинъ человекъ можетъ свободно переносить его, но онъ очень легко перевертывается на водѣ и тонетъ. Лѣтомъ рыбу ловятъ заброшенными сѣтями, зимой черезъ продѣланныя отдушины. Сегодня мы открыли наши складныя лодки Бертона для переправы черезъ Тсангю, и многіе изъ нашихъ офицеровъ катались по озеру съ индійскими лодчиками съ береговъ Инда.

Еще одна ужасно сырая ночь сдѣлала палатки страшно тяжелыми для вьючныхъ животныхъ. Однако, погода скоро исправилась, и мы двинулись по изгибистому берегу, залитому солнцемъ, вшивая свѣжій свѣтлый утренній воздухъ. За другимъ заливомъ, въ которомъ стояли ветхія развалины стариннаго форта съ бастіонами, называвшимися „стрѣльчатыми башнями“, мы нашли вновь выстроенную стѣну съ бойницами; она находилась въ очень сильной позиціи, приблизительно на шестой милѣ отъ Пальте, тамъ, гдѣ скалистый отрогъ бѣжитъ отъ прохода Довъ (16.800 ф.), довольно круто опускаясь въ озеро. Стѣна бѣжала приблизительно 7 миль по гребню отрога и напоминала большую китайскую стѣну; вѣроятно, для ея постройки потребовалась работа многихъ тысячъ тибетцевъ, и это доказывало ихъ желаніе защищать дорогу къ Лхассѣ. Мы остановились съ цѣлью разрушить часть стѣны подлѣ дороги, тамъ, гдѣ виднѣлось нѣсколько скалистыхъ пещеръ, потомъ прошли еще 8 миль до деревушки Тома-Лунгъ или „Долины гороха“, у подножія прохода Камба. Это была самая плодородная и воздѣланная часть пройденнаго нами пространства озернаго бассейна. Тутъ виднѣлось много полей ячменя, гороха и рѣпы; стада овецъ и яковъ паслись по откосамъ горъ надъ озеромъ, которое въ этомъ мѣстѣ достигало 4-хъ миль ширины. Тутъ же стояла маленькая деревушка, заключавшая въ себѣ съ поддюжины домовъ; изъ нея отчетливо раздавался лай

дворцовыхъ псовъ. Въ ней, какъ и въ Пальте, устроенъ перевозъ къ центральному полуострову.

Нашъ лагерь занялъ всю поляну и вечеромъ, когда лиловая дымка всползла на горы, образовалъ красивую картину на травянистомъ берегу опоясаннаго горами озера, съ его великолѣпными тонами и чудными эффектами облаковъ, вызывавшихъ на возвышенностяхъ игру свѣта и тѣни. Блѣдно-бирюзовый тонъ озера перешелъ въ глубокую морскую синеву у его дальнѣйшихъ береговъ, надъ которыми поднимались лиловые горы. Справа высились бѣлоголовые одѣтыя ледниками горы Нѣджинъ-Кангъ и Кхаро, поднимаясь такъ высоко, что ихъ громады отражались въ спокойной гладкой поверхности. Но вдругъ настроеніе озера измѣнилось безъ подготовленій. Всѣ окрестности потемнѣли; мракъ поглотилъ ихъ тона; внезапно налетѣлъ шквалъ, уничтожилъ отраженія въ озерѣ, избородилъ его поверхность зыбью, а потомъ и волнами, которыя бичевали одна другую, взбивая пѣну, такъ что наконецъ бѣлые гребни „водяныхъ лошадей“ вперегонки понеслись къ берегу и плескали на него, въ то время какъ темная грозовая туча распоздалась по сѣрому небу и гремѣла, посылая на землю цѣлую пелену ливня. Шквалъ такъ же быстро исчезъ, какъ и налетѣлъ; сіяніе солнца разрушило чары бури, которая умчалась съ глухимъ, раздосадованнымъ грохотомъ; вода и горы снова стали спокойны и приняли прежнюю окраску. Туземцы, конечно, приписываютъ эти внезапныя бури дѣйствию сверхъестественныхъ силъ и говорятъ, что въ глубинахъ заколдованнаго озера живетъ зеленый драконъ, который въ припадкѣ злости бичуетъ воду, отъ чего и происходятъ волненія. Мысль о драконѣ, конечно, вызвана змѣевидной формой зеленого озера, извивающагося посреди горъ. Тибетцы также думаютъ, что въ озерѣ скрывается золотая рыба счастья, и ревниво оберегаютъ ее, какъ талисманъ.

На слѣдующій день мы наконецъ увидѣли давно жданную Тсанпо, большую центральную тибетскую рѣку, которая, какъ полагаютъ, представляетъ собою верхнюю часть Брамапутры; мы спустились къ ея берегамъ черезъ проходъ Камба. Когда мы поднимались къ проходу, я старался подмѣтить эхо, повторявшее шаги путниковъ, которое наблюдали отцы-капуцины, приписывая его большимъ вулканическимъ пещерамъ, по ихъ предположеніямъ, находившимся подъ поверхностью почвы. Дѣйствительно, слышался глухой звукъ, но онъ, очевидно, происходилъ оттого, что мы двигались по полуотдѣлившимся плитамъ шифера и слоистаго песчаника, которыя скрываются въ этомъ мѣстѣ подъ пескомъ, лежа слоями, параллельными откосамъ горы. Я не нашелъ также никакихъ признаковъ угля, о которомъ говорилось; темный шиферъ и жилы змѣвика, очевидно, принимались за уголь; вдобавокъ ни одинъ изъ тибетцевъ, которыхъ я встрѣчалъ, не зналъ объ употребленіи угля. Оглянувшись почти съ верхней точки прохода (16.500 ф.), представляющаго собою округлую сѣдловину, мы съ высоты птичьаго полета увидѣли большое озеро, внушительное въ своемъ угрюмомъ просторѣ и наполнявшее впадину посреди большой сѣти долинъ. Недостатокъ расщелинъ и крутыхъ утесовъ по его берегамъ, а

также угрюмая обнаженность его горъ еще сильнѣе подчеркивались разстояніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ памяти неизгладимо запечатлѣлась обширная извилистая пелена лазурныхъ водъ Ямдока, обрамленная цѣпью пустынныхъ, круглыхъ, покрытыхъ травой горъ.

Съ высоты прохода, отъ кэрна, украшеннаго рогами дикихъ барановъ и молитвенными флагами, долина рѣки Тсангпо казалась угрюмой и негостепримной. Мы, глядя поверхъ сухихъ округленныхъ склоновъ горъ подъ нами, видѣли обнаженную долину, лежавшую на 4.000 ф. ниже насъ, почти всю занятую каменистымъ ложемъ медленной рѣки, рукава которой вились по нему, какъ серебряныя нити. Единственнымъ обработаннымъ мѣстомъ долины казалась кайма полей вдоль подножія обнаженныхъ каменистыхъ горъ, образовавшихъ противоположный берегъ Тсангпо, круто поднимающійся выше гребня, на которомъ мы стояли. Вершины сѣверныхъ хребтовъ по ту сторону рѣки, изъ которыхъ нѣкоторыя были одѣты снѣгомъ, рѣзко заострились и казались гораздо обрывистѣе и скалистѣе, чѣмъ южныя высоты, что противорѣчить теоріи, говорящей, будто сѣверныя цѣпи Гималайскихъ горъ состоятъ изъ закругленныхъ и плоскихъ гребней. Лѣсовъ не видѣлось нигдѣ; только въ глубинѣ долины тамъ и сямъ возвышались отдѣльныя деревья. Лхассы не было видно отсюда, какъ увѣряли.

Когда проходъ остался за нами, мы вошли въ центральный Тибетъ: гряда, отдѣляющая Ямдовскій бассейнъ, служитъ также и границей между центральной провинціей и западнымъ Тибетомъ или Тсангъ. Нашъ путь вился внизъ по каменистой тропинкѣ, настолько крутой, что на протяженіи 4 миль мы спустились на 4.000 фут. Въ этихъ обнаженныхъ холодныхъ скалахъ изъ растеній чаще всего встрѣчались низкорослый дикій ревень, арника, синія генціаны, а гораздо ниже щеголеватый синій макъ и эдельвейсы. Недалеко отъ прохода мы спугнули стаю снѣжныхъ фазановъ. Приблизительно на подорогѣ къ долинѣ мы вошли въ скалистое ущелье; тутъ, въ затѣненной сырости, на менѣе жесткой почвѣ, росли многочисленные кусты можжевельника, барбариса, дикихъ бѣлыхъ розъ съ красными шинами и желтые цвѣтушіе кусты вереска. При выходѣ изъ этого рва были устроены ирригаціонныя каналы, которые вели изъ него воду къ полямъ внизу; и вотъ ущелье расширилось и вывело насъ на террасы полей зажиточной маленькой деревни, стоявшей приблизительно на разстояніи мили отъ берега рѣки и футовъ на 200 надъ ея уровнемъ. Деревню окружали орѣшины, ивы и персиковыя деревья, а также поля пшеницы и ячменя, уже желтыя и готовые для жатвы. Мы раскинули нашъ лагерь частью въ поляхъ, частью въ рощѣ шершавыхъ ольховыхъ деревьевъ у берега рѣки, подъ ближней деревней Партси съ ея китайской станціей.

Здѣсь долина называется сѣверной равниной Камба, по имени прохода; центральная рѣка, которая течетъ отъ запада къ востоку— „Верхняя рѣка“ или „Яри Тсангпо“. Ея ложе достигаетъ ширины около мили и представляетъ собой усѣянную камнями впадину, по которой большими изгибами вьется спокойный величавый потокъ, ни въ какое время года невозможный для перехода въ бродъ и шириною

приблизительно въ 300 футовъ. На берегахъ были замѣтны слѣды недавняго поднятія уровня воды, приблизительно футовъ на 10 надъ ея теперешней линіей. Текущая вода имѣла около 40° Фаренг. и хотя она отъ примѣси дѣлалась мутной, но была годна для питья. Я промѣлъ ея муть, отыскивая золотой пыли, и въ осадкѣ получилъ цвѣтную окраску.

Климатъ на этой высотѣ въ 12.000 фут. казался почти тропическимъ въ сравненіи съ безжалостнымъ климатомъ областей Ямдока, которыя мы только-что покинули. Солнце палило такъ, что многіе изъ индусовъ раздѣлись и пошли купаться въ рѣку Тсангпо; въ болѣе сырыхъ мѣстахъ растительная жизнь и царство насѣкомыхъ казались роскошными. Цестрыя бабочки и переливчатая стрекоза порхали надъ незабудками, лютиками, розово-лиловатыми маргаритками, красными и лиловыми *pedicularis*, надо льномъ съ блѣдными колокольчиками, надо всѣми цвѣтами, которые росли вдоль дороги и ручейковъ каналовъ орошенія; въ водѣ этихъ канавъ виднѣлось множество маленькихъ рыбокъ, лягушекъ и блестящихъ насѣкомыхъ; безшумныя ящерицы грѣлись на теплыхъ камняхъ или охотились за божьими коровками посреди ползучихъ массъ желтыхъ клема-титовъ, которыя вились по камнямъ, замѣняя горную разновидность ломоноса съ лиловыми цвѣтами. Роскошныя растенія индійской конопли въ 6 фут. высотой и терновникъ густо росли посреди высокаго репейника и крапивы, заполнявшихъ заброшенные уголки. Стаи снѣжныхъ голубей и красноногихъ галокъ суетились въ поляхъ и на деревьяхъ; кругомъ насъ летали горленки, сороки, тибетскіе воробьи, сѣрые мѣстные жаворонки и болтливые пересмѣшники. Въ ольховой рошѣ съ деревьевъ сваливались мириады умирающихъ майскихъ жуковъ — неприятое напомианіе о концѣ лѣта! Удивительно, что въ этой долинѣ совсѣмъ не было рододендроновъ или елокъ. Подлѣ насъ находилось мѣсто стоянки великаго ламы, обозначенное кварцевыми камешками съ обыкновенной высокой платформой для трона; замѣчательно, до чего часто эти лагеря совпадали съ мѣстами стоянокъ, выбранными нашимъ генераломъ въ силу военныхъ соображеній.

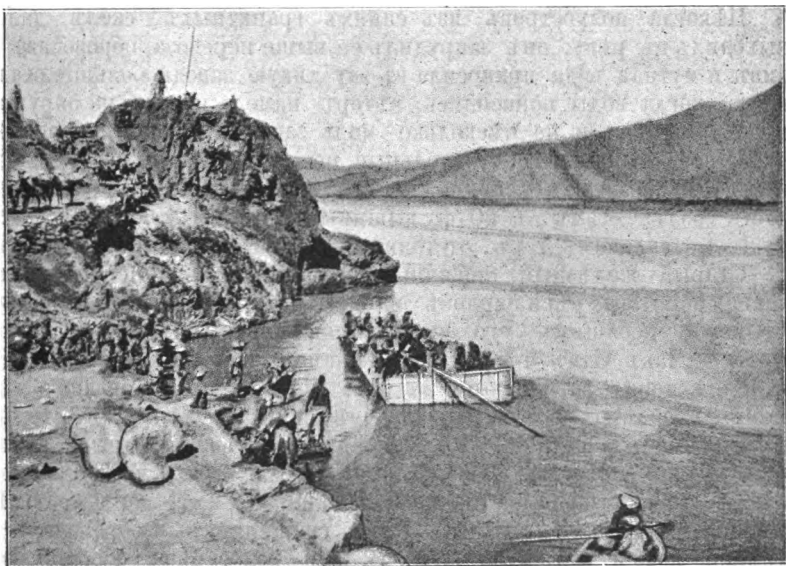
Изъ нашего лагеря открывался широкій видъ. Узкія, покатыя площади, отъ полумили до двухъ или трехъ миль шириной, поднимались по обѣимъ сторонамъ береговъ рѣки и были покрыты террасами полей и усѣяны бѣлыми домами маленькихъ фермъ и деревушекъ, окруженныхъ большими деревьями; вообще пейзажъ имѣлъ цвѣтущій земледѣльческій видъ. Вверху рѣки полосу долины преграждала крутая, увѣнчанная снѣгомъ скалистая громада, которая поднималась приблизительно на пятнадцатой милѣ двумя выдающимися вершинами; ея обрывистые берега направляли рѣку на сѣверъ; тамъ Тсангпо прорывается сквозь скалистое отверстіе, настолько узкое, что оно не оставляетъ мѣста даже для тропинки мула. Это служитъ причиной, почему дорога къ Шигатсе далѣе даннаго пункта не идетъ по берегу рѣки, а поднимается къ Ямдокскому бассейну и снова встрѣчаетъ Тсангпо у долины Ронгъ, выше нашего недавняго лагеря въ Ярсигѣ. Крутыя высокія вершины, которыя господствуютъ надъ долиной, очень интересны, такъ

какъ составляютъ сѣверный край отрога, бѣгущаго отъ Чумолхари близъ Туны мимо озеро Рхамъ и прохода Кхаро, и, повидимому, служатъ частью центральной гималайской цѣпи Саундерсонъ.

Вскорѣ долину прервалъ скалистый отрогъ, который шелъ до ея середины. Въ этомъ пунктѣ, подлѣ остатковъ стараго желѣзнаго висячаго моста Чакъ-Самт, есть перевозъ. Желая захватить его, генераль отправилъ верховой отрядъ подъ командой майора Игельдена, который сдѣлалъ натискъ и далъ намъ знать гелиографомъ, что онъ завладѣлъ обѣими перевозочными барками и, согласно полученнымъ инструкціямъ, началъ переправлять нашихъ всадниковъ. Впослѣдствіи выяснилось, что, приближаясь къ перевозу, отрядъ увидѣлъ на водѣ большія лодки, которыя только-что переправили послѣдній отрядъ кхамскихъ воиновъ на противоположный берегъ, гдѣ на бивакахъ стояло около 200 тибетскихъ солдатъ. Впрочемъ, они сейчасъ же снялись съ лагера и исчезли въ лѣсахъ у подножія горъ. Нашъ отрядъ захватилъ перевозочную лодку и ея гребцовъ на южномъ берегу и подъ прикрытіемъ ружей послалъ бертонскую лодку, которая догнала другую перевозочную барку у сѣвернаго берега. Такимъ образомъ мы безъ одного выстрѣла овладѣли перевозомъ. Если бы мы упустили эти лодки внизъ по рѣкѣ, намъ пришлось бы строить мосты и это задержало бы наше движеніе на нѣсколько недѣль, такъ какъ 4 лодки Бертона не были приспособлены къ перевозу большой арміи, тяжелыхъ грузовъ, пушекъ, запасовъ и вьючныхъ животныхъ. Для обезпеченія переправы въ перевозу послѣдно двинули батальонъ инфантеріи и пушки. Тутъ мы были всего въ 45-ти миляхъ отъ Лхассы и на разстояніи полъ-дня отъ телеграфа въ Джіантсе и Лондонъ, потому что въ каждомъ изъ укрѣпленныхъ постовъ вдоль нашей линіи сообщеній, а именно въ Ралунгѣ, Нагартсе и Пальте, генераль, кромѣ инфантеріи, оставилъ по 20 верховыхъ, которые скакали съ мѣшками почты его величества.

Вскорѣ перевозъ превратился въ хлопотливую сцену; на обѣихъ берегахъ рѣки толпились офицеры и солдаты въ хаки; всѣ энергически работали, точно приведенные въ движеніе часовымъ механизмомъ, и старались переправить наибольшее количество людей и товара въ наискорѣйшее время. Мѣстные перевозныя суда — большія барки, сдѣланныя изъ орѣховыхъ досокъ, съ плоскимъ дномъ и квадратными углами, похожія на ящики; на ихъ носу — украшеніе въ видѣ рѣзной большой лошадиной головы, которая вызываетъ мысль о Нептунѣ въ западномъ мнѣі; тибетцы называютъ свои лодки деревянными лошадьюми, совершенно такъ же, какъ мы называемъ нашъ локомотивъ „желѣзнымъ конемъ“. Каждая баржа въ одинъ рейсъ переноситъ около 20 лошадей, дюжину людей и тонну груза. Въ заводи, за большимъ утесомъ полуострова, лодочники толкаютъ ее шестью; имъ помогаютъ люди на берегу, которые тянутъ баржу на канатѣ и на меляхъ подпихиваютъ ее. Едва носъ барки попадаетъ въ теченіе, его захватываютъ струи, которыя, ударяясь объ утесъ и подводные камни, превращаются въ цѣлую серію водоворотовъ и кипящихъ волнъ; вода подхватываетъ лодку и быстро несетъ ее внизъ по теченію; въ это время лодочники на-

прягаютъ всѣ свои мускулы и гребутъ, чтобы заставить лодку пересѣчь теченіе по діагонали; когда они достигаютъ этого, канатъ изъ шерсти яковъ бросается на противоположный берегъ, и если онъ укрѣпится тамъ, лодку подтягиваютъ къ землѣ. Мы нашли, что этотъ примитивный способъ переправы очень скученъ и причиняетъ большія замедленія, потому что не всегда удается скоро закрѣпить веревку на противоположномъ берегу и лодку отнести на полмили или больше по теченію, раньше чѣмъ ее успѣютъ начать подтягивать къ берегу. Капитанъ Шенхердъ устроилъ систему веревокъ на блокахъ, прикрѣпленныхъ къ проволочному канату, протянутому черезъ рѣку; на оба берега послали отряды изъ нѣсколькихъ сотенъ сипаевъ и куліевъ съ тѣмъ, чтобы они хватали

Переправа черезъ рѣку Тсангпо близъ Чаксина, въ центральномъ Тибетѣ
(12.100 фут.).

руководящія веревки и притягивали лодки къ берегу. Такимъ образомъ баржу можно нагрузить, послать черезъ рѣку и вернуть назадъ—все въ теченіе получаса; каждая изъ нихъ дѣлала около 30 рейсовъ въ день. Интересно вспомнить, что капуцинскіе монахи переправлялись въ этомъ же мѣстѣ около полтора года тому назадъ при помощи „блока на канатѣ“. Нѣсколько кожаныхъ лодокъ, которыя достали изъ деревни, были пущены въ дѣло, напоминая челноки, которые употребилъ Цезарь для такой же цѣли. Бертонскія лодки тоже утилизировали; двѣ изъ нихъ послужили основой плота при помощи деревянной рамы съ досками, которую положили на нихъ. Двѣ другія плавали взадъ и впередъ съ аттокскими лодочниками, чтобы помогать переправѣ. 25-го іюля произошелъ несчастный случай съ плотомъ, сдѣланнымъ изъ бертонскихъ лодокъ. Онъ опрокинулся въ водоворотѣ и при этомъ май-

орь Брезертонъ, главный начальникъ провіантской части и транспортъ, утонулъ вмѣстѣ съ двумя гуркхами и двумя индусами-транспортчиками. Кожаная лодка тоже была очень опасна; во время переправы одной изъ нихъ овца, бывшая въ числѣ пассажировъ вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, была ногами и сдѣлала отверстие въ днѣ лодки; черезъ него полила вода; но аттоескій лодочникъ небрежно поставилъ голую плоскую ногу на мѣсто течи и продолжалъ грести къ противоположному берегу, точно ничего не случилось.

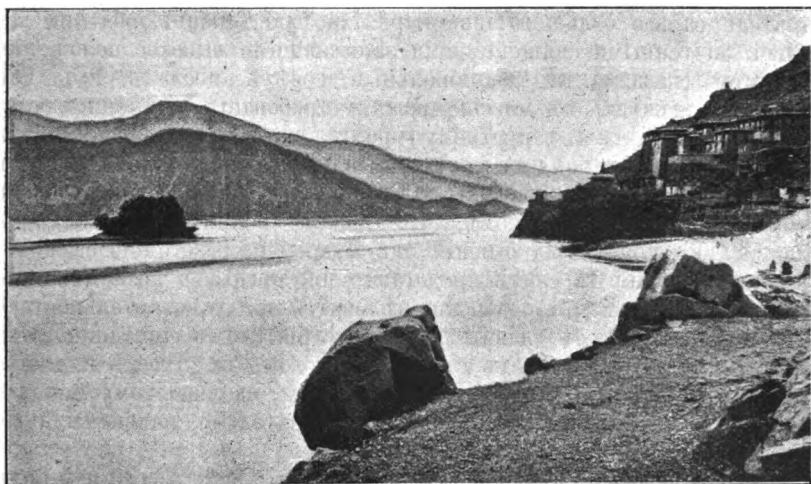
Попытка пустить муловъ вплавь привела къ тому, что многихъ изъ животныхъ унесло теченіемъ и они утонули; но позже около 2.000 муловъ переплыли черезъ рѣку на нѣсколько миль выше, тамъ, гдѣ теченіе было не такъ сильно.

Нѣкогда полуостровъ изъ синихъ гранитныхъ скалъ далеко выходилъ въ рѣку; онъ запрудилъ ее выше перевоза, образовавъ заливъ, и мутная вода приносила въ эту тихую заводь большіе осадки песка; когда воды понизились, вѣтеръ намель песокъ на окружающую мѣстность и на нѣсколько миль засыпалъ поля, превративъ ихъ въ пустыню. Эти губительныя песочныя волны все еще двигаются и образуютъ у подножія скалъ высокіе насыпные холмы дюнь болѣе чѣмъ въ 20 ф. вышины, отъ нихъ тянутся желтыя руки къ склонамъ горъ, отстоящимъ на милю или больше.

Старый желѣзный висячій мостъ живописно перерѣзываетъ главный потокъ рѣки ярдовъ на 200 ниже перевоза, подъ монастыремъ, носящимъ его имя — „Священный островъ желѣзнаго моста“ (Чагъ Самъ ч-ѣ-ри). Онъ принадлежитъ къ тому роду мостовъ, которые встрѣчаются въ западномъ Китаѣ. Согласно мѣстному преданію, его построилъ въ первой части XV столѣтія мудрецъ-царь Тсангтонгъ*), теперь канонизированный святой, изображеніе котораго почитается не только въ ближайшемъ монастырѣ, какъ говорятъ, также основанномъ имъ, но и во всѣхъ главныхъ храмахъ страны. Этотъ священникъ изображается съ темной кожей, съ длинными бѣлыми волосами и бородой; онъ сидя держитъ молнию лѣвой рукой, а желѣзную цѣпь правой. Увѣряютъ, что Тангтонгъ построилъ восемь подобныхъ же мостовъ черезъ Тсангпо. Его монументальное произведеніе здѣсь само по себѣ внушаетъ къ нему уваженіе мѣстныхъ жителей, потому что, хотя теперь мостомъ не пользуются, вѣроятно потому, что рѣка устремила почти половину своихъ водъ въ новое сѣверное русло и такимъ образомъ сѣверный край моста остался на ея половинѣ, сама постройка все еще держится крѣпко послѣ столькихъ столѣтій и представляетъ собою великолѣпный образецъ инженерной работы. Мостъ около 150 ярдовъ длины, виситъ на 15 ф. надъ уровнемъ рѣки между двумя высокими, построенными изъ камня столбами, которымъ придана характерная форма священныхъ чортоновъ. Сѣверный столбъ стоитъ на большомъ цоколѣ, вѣроятно, основанномъ на скалѣ, которая теперь представляетъ лѣсистый островокъ посреди рѣки; другой стоитъ

*) Родился въ 1385 г. по Р. X.

на скалистомъ южномъ берегу, подъ монастыремъ. Двѣ двойныя цѣпи, сдѣланныя изъ звеньевъ, толщиною въ дюймъ и длиною въ футъ, прикрѣплены въ каждомъ концѣ къ небольшимъ брусьямъ, вдѣланнымъ въ столбы и въ скалы подъ ними. На этихъ цѣпяхъ, соединяя ихъ, висѣли петли изъ яковыхъ веревокъ на разстояніи ярда одна отъ другой, которыя и поддерживали дорожку изъ досокъ въ футъ шириной. Мостъ еще употреблялся въ 1878 г., когда одинъ изъ нашихъ изслѣдователей посѣтилъ его; его діаграмма, воспроизведенная здѣсь, показываетъ, что вся рѣка бѣжала подъ виадукомъ и, какъ говорятъ, это случается и теперь въ сухое время года, когда уровень воды низокъ. Мостъ больше не употребляется и потому висячая настилка, а также и канаты сняты. Главный недостатокъ постройки составляло отсутствіе боковыхъ

Железный висячій мостъ черезъ Тсангпо,
близъ Чаксама (12,100 ф.).

устоевъ, которые предотвращали бы непріятное качаніе; кромѣ того, открытые края моста и его узкая переходная дорожка были непригодны для скота, и мостъ служилъ только для человѣческихъ путниковъ; вдобавокъ по нему могъ проходить только одинъ человѣкъ заразъ. Говорятъ, за переходъ по этому мосту не взималось никакой платы, такъ какъ крестьяне сами содержали его для правительства. Что же касается до перевоза, то съ каждаго пассажира берется около 2 пенсовъ, а за лошадь 4, и эта плата идетъ на содержаніе мѣстнаго монастыря.

Монастырь красиво стоитъ на скалистомъ гребнѣ, который вышашается надъ мостомъ. Номинально въ немъ 80 монаховъ, хотя мы встрѣтили только двухъ или трехъ. Онъ не представлялъ собою ничего особеннаго; въ немъ было только больше яркихъ цвѣтущихъ цвѣтовъ, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ видѣнныхъ нами обителей. Цвѣты стояли въ два ряда въ горшкахъ кругомъ дворовъ и балконовъ; особенно роскошны казались остролисты, астры и

настурции. Темно-синіе отъ роговой обманки, гранитные утесы близъ перевоза носили на себѣ высѣченныя и раскрашенныя изображенія божествъ и ихъ заклинанія. Часто встрѣчались образы покровителя этого опаснаго мѣста „Поведителя молніи“ и его талисманы; воспроизведенныя на бумагѣ копіи съ послѣднихъ въ изобиліи покрывали скалы подлѣ берега рѣки. Во время вынужденной стоянки подлѣ перевоза мы наловили много рыбы, большею частью пестрыхъ карповъ и налимовъ съ двумя длинными усобразными щупальцами. На монастырской горѣ видѣлось много дивихъ синихъ барановъ съ ягнятами и много зайцевъ; барсуки и выдра также встрѣчались, но такъ какъ, въ видахъ политическихъ причинъ, генераль воспретилъ стрѣлять, мы не убили ничего.

Близъ перевоза миссію опять навѣстили делегаты. Во главѣ ихъ стоялъ Та-лама; его сопровождали: главный камергеръ и настоятель самаго большого монастыря Лхассы — Депенгъ; оба они казались почтенными священниками, занимавшими высокое положеніе. Делегаты сказали, что національный совѣтъ послалъ ихъ изъ Лхассы предъявить къ миссіи прежнія требованія, а именно: остановиться и не идти къ запретному городу, „потому что, — настаивали они, — если миссія пойдетъ къ Лхассѣ, великій лама можетъ умереть отъ оскорбленнаго религіознаго чувства“. Они также передали намъ неприятое извѣстіе о томъ, что далай покинулъ столицу и удалился въ монастырь, бывший отъ Лхассы на разстояніи нѣсколькихъ дней пути. Въ свитѣ представителей пріѣхалъ китаецъ, знавшій англійскій языкъ; обладая дѣловитой предусмотрительностью, онъ разговорился съ главнымъ комиссаріатскимъ чиновникомъ и сказалъ ему, что заключить съ нимъ договоръ въ Лхассѣ и доставить ему столько зерна и другого провіанта, сколько тому понадобится. Это доказало намъ, что мы дѣйствительно, наконецъ, подходимъ къ столицѣ.

Переправа черезъ рѣку совершалась шесть дней; къ 30-му іюля перевезли всю армію.

Лѣвый или сѣверный берегъ Тсангпо былъ восхитительно плодороденъ и сильно заросъ лѣсомъ. Мы съ удовольствіемъ видѣли, что здѣсь населеніе не бѣжало изъ деревень; это служило вѣрнымъ признакомъ возвращавшагося довѣрія. Деревни представляли собой картины земледѣльческаго покоя; повидимому, зажиточные крестьяне хлопотливо собирали жатвы, молотили зерно, строили скирды. Эта часть Тибета такъ населена, что на двухъ квадратныхъ миляхъ я насчиталъ болѣе 12-ти деревень. Плодородіе полей здѣсь изумительно: пшеница, ячмень, горохъ и бобы поднимались по грудь человѣку и могли сравниться съ лучшими англійскими жатвами; то же можно сказать о всей растительности, и многіе изъ нашихъ солдатъ, послѣ долгихъ лишеній, наслаждались горохомъ и редисками.

Мы остановились подлѣ деревни Чагла, въ рошѣхъ изъ ольхъ и тополей, близъ абрикосоваго и орѣховаго фруктоваго сада съ уже поспѣвшими фруктами. Нѣкоторые изъ ивъ и ольхъ представляли собой прекрасныя старыя деревья въ 40 ф. высотой, а пышныя дикіе цвѣты и высокія травы по краямъ полей дѣлали эту часть

оазиса Тсангпо совершенно подходящимъ мѣстомъ жительства для носороговъ, такъ что при мысли объ ископаемыхъ остаткахъ этого животнаго, найденныхъ сэромъ Старчи подлѣ истоковъ Тсангпо мы находили, что теперешнія растенія вполне гармонируютъ съ ними.

Покинувъ безъ всякихъ сожалѣній перевозъ, мы снова обратились лицомъ къ Лхассѣ и, пройдя около 4-хъ миль вдоль рѣки, 31-го іюля свернули въ боковую долину, которая вела насъ прямо къ святому городу, теперь находившемуся на разстояніи 40 миль отъ насъ, безъ трудныхъ преградъ. Воздѣланная долина, со своей богатой жатвой овса, гороха, горчицы, кольраби, внезапно окончилась черезъ двѣ мили за перевозомъ. Тутъ крутой зубчатый гранитный выступъ, лишенный всякой зелени, доходилъ до рѣки, главный глубокой потокъ которой омывалъ подножіе его утесовъ и, казалось, не оставлялъ намъ никакого прохода.

Нашъ путь—большая торговая дорога къ Лхассѣ—теперь сузился въ крошечную каменистую полоску, по которой намъ приходилось идти одной линіей; мы карабкались по массамъ скалъ, упавшихъ сверху, пробирались между гигантскими ржавыми обломками; поднимались по обветшалымъ лѣстницамъ, высѣченнымъ въ плоскостяхъ гранитныхъ утесовъ, нависшихъ надъ несущейся, волнующейся мутной Тсангпо. Вѣроятно, многіе путешественники потеряли жизнь въ этихъ опасныхъ мѣстахъ. Утесы и камни были изобильно покрыты высѣченными скульптурными изображеніями различныхъ божествъ и ихъ мистическихъ заклинаній, ярко расписанными условными цвѣтами. Чаще всего фигурировала „Богиня спасительница на морѣ и въ скалахъ“, Тара (по-тибетски Дѣльма—видоизмѣненіе „Богини милосердія“), благотѣтельница, которая охраняетъ путника отъ падающихъ камней и отъ мятущихся водъ подъ тропинкой. Затѣмъ часто встрѣчалось изображеніе колдуна, основателя ламаизма; одна изъ его часовенокъ высилась на скалистомъ островкѣ; старая, сучковатая плакучая ива свѣшивалась надъ нимъ. Между тѣмъ, изображеніе основателя буддизма встрѣчалось очень рѣдко. Это ущелье тянулось около двухъ миль и составляло одну изъ самыхъ ужасныхъ естественныхъ преградъ, которыя мы когда-либо встрѣчали. Самая тяжелая его часть находилась въ концѣ, тамъ, гдѣ оно встрѣчается подъ прямымъ угломъ съ долиной, ведущей къ Лхассѣ. Здѣсь скалы поднимались почти вертикально въ видѣ колоссальныхъ колоннъ и иглъ, образовавшихся благодаря тому, что массивный кристаллическій гранитъ обваливается вдоль своихъ расколотыхъ линій; на самомъ высокомъ изъ утесовъ, приблизительно на полусотнѣ футовъ надъ нами, рисуясь на небѣ, стоялъ старый замокъ Чузуль, глядя на насъ внизъ; его нижній фортъ помѣщался на остромъ гребнѣ гораздо ближе къ намъ. Оба форта, хотя и находившіеся въ болѣе или менѣе разрушенномъ состояніи, очевидно имѣли громадную силу. Эта изумительная естественная позиція господствуетъ надъ торговыми путями изъ Индіи, Непала, Бхотана и Шитатсе къ Лхассѣ, а также надо всѣми окрестностями и защищаетъ ихъ, подтверждая рассказы о первенствующемъ мѣстѣ, которое крѣпость занимала въ былыя времена феодальныхъ войнъ и набѣговъ. Къ счастью ея не обратили про-

тивъ насъ, хотя громадная груда вновь собранныхъ камней у ея нижняго края показывала, что ламы собирались воспользоваться ею противъ насъ. Такъ, наша длинная колонна, подвигавшаяся съ трудомъ, вышла подлѣ деревни Чузуль на открытую долину рѣки Лхассы—Кайи или „Рѣки счастья“.

Долина Лхассы, при своемъ началѣ достигавшая 3-хъ миль ширины, казалась менѣе плодородной и воздѣланной, нежели центральная долина, которую мы только-что покинули; въ ней виднѣлось меньше деревѣевъ, чѣмъ въ той; это происходило оттого, что ее преграждалъ широкій поясъ песка изъ Тсангпо; эта рѣка, теперь бросившая свое западное ложе, рѣзко поворачивала на югъ и казалась какъ бы продолженіемъ рѣки Кайи. На ея противоположномъ или правомъ берегу, приблизительно миляхъ въ шести отъ сліянія съ Кайей, виднѣлся большой фортъ Гонггаръ со своими красными стѣнами и съ монастыремъ, весь окруженный деревьями и воздѣланными полями.

Повернувъ въ долину Кайи, мы миновали деревню Чузуль, состоявшую приблизительно изъ 40 грязныхъ каменныхъ домовъ, вытянутыхъ вдоль узкой улицы, на которой отъ насъ бросилось нѣсколько черныхъ свиней. За деревней мы вышли къ рукаву рѣки Кайи, орошавшему нѣсколько роскошныхъ полей, и я внимательно смотрѣлъ на кристаллыя воды, думая, что только нѣсколько часовъ тому назадъ эти самыя струи протекли черезъ недоступный городъ, теперь лежавшій такъ близко отъ насъ. Рѣка Кайи была изумительно полноводна, почти такъ же широка, какъ Тсангпо. Она рѣдко текла однимъ потокомъ, гораздо чаще разливалась на рукава, которые изгибались по ея ложу широкой сѣтью вѣтвистыхъ каналовъ, соединявшихся здѣсь, раздѣлявшихся тамъ и окружавшихъ то песчанья мели, то плодородныя поля, то болота. На нашемъ пути лежало много болотъ, и потому мы сдѣлали большой обходъ въ нѣсколько миль по склону горъ, и, пройдя черезъ песчанья подножія горныхъ отроговъ, поросшихъ желтымъ верескомъ и розовыми *perdicularis*, разбили лагерь на песчаной площадкѣ на берегу рѣки, подлѣ лишенной тѣни деревни, называемой „Посреди зноя“ (Тсепа-нангъ). И дѣйствительно, мы тяжело страдали отъ палящаго зноя этого мѣста, пока не вошли подъ покровъ нашихъ палатокъ.

Здѣсь долина походила на унылую египетскую пустыню, до такой степени голы и знойны были ея утесистыя горы, и песокъ такъ глубоко занесъ ее. Движущіеся пески, приносимые вѣтромъ съ береговъ Тсангпо, Кайи и ея притоковъ и съ крошащихся гранитныхъ вершинъ, не только покрывали долину густымъ слоемъ своихъ безплодныхъ волнъ, но и осыпали всѣ горы на 2.000 ф. и больше высоты, наполняя всѣ ихъ впадины и трещины блистающими пластами, похожими на снѣгъ. Ребра скалистыхъ гранитныхъ гребней, темнѣя, выдавались изъ-подъ этого покрова. Всѣ боковыя ущелья, точно такъ же, какъ въ долинѣ Тсангпо, оставшейся позади, представляя необыкновенно унылый видъ, благодаря пеленѣ всеуничтожающаго песка; это давало намъ нѣкоторое понятіе объ ужасающей силѣ вихрей, дующихъ здѣсь въ

январѣ и февралѣ. Благодаря песочнымъ заносамъ, мы также видѣли, что уже приближаемся къ физическимъ условіямъ центральной Азіи и Белуджистана, съ передвигающимися пустынями песка. Поверхность этихъ желтыхъ насыпей и холмовъ была испещрена волнистыми полосками, какъ снѣжныя пелены; по большей части дюны лежали подѣ прямымъ угломъ къ преобладающимъ вѣтрамъ и ихъ длинный скатъ былъ за вѣтромъ, а болѣе короткій и крутой лежалъ съ подвѣтряной стороны. Не вѣрилось, чтобы эти обнаженные, открытыя пустыни, болѣе суровыя и непроходимыя, чѣмъ какія бы то ни было изъ видѣнныхъ нами, представляли собою преддверіе плодородной равнины и благосклоннаго климата долины Лхассы.

Однако, все это служило только новой уловкой природы, желавшей ввести въ заблужденіе путешественника, старающагося проникнуть въ ея рай, въ эту отдаленную загорную страну, въ ея ultima Thule. На слѣдующій день, черезъ нѣсколько миль за пустыней, мы вошли въ серію утесистыхъ ущелій; тутъ по мѣрѣ нашего движенія заносы песка дѣлались все мевше и меньше; долина расширялась, образуя просторныя, болѣе или менѣе воздѣланныя поляны, въ 4—5 миль шириной, со множествомъ деревень и роцъ по обоимъ берегамъ рѣки. Въ ущельяхъ воды Кайи, на время соединившіяся въ одну струю, быстро неслись подѣ узкой дорогой, построенной точно мостъ надъ камнями или съ необыкновеннымъ трудомъ высѣченной въ жесткихъ скалахъ гранитныхъ утесовъ. Намъ приходилось идти по ней осторожно, одной линіей, какъ въ ущельѣ Чузула.

Подѣ входа въ одну изъ самыхъ глубокихъ страшныхъ рощ линъ, тамъ, гдѣ гранитные утесы почти вертикально поднимались надъ нами, мы натолкнулись на новую преграду, на недавно построенную крѣпкую стѣну съ бойницами, тянувшуюся черезъ дорогу; ее пришлось разрушить. Гранитная скала была здѣсь до того тверда по составу, что почти казалась конгломератомъ изъ валуновъ; въ ней имѣлась сильная примѣсь слонстаго чернаго шифера и известняка, благодаря чему много камней откалывалось. Мы остановились близъ деревни Намъ*), владѣнія леннаго монастыря Сера; всѣ ея дома были пусты; осталось только двое калѣвъ, которые не могли бѣжать; теперь они распустили бѣлый флагъ, очевидно узнавъ о его магической охраняющей силѣ отъ Та-ламы или отъ кого-нибудь другого.

На полянахъ видѣлось много монастырей съ ихъ священниками, богатѣвшими на счетъ народа, а также нѣсколько часовенекъ. Двѣ ихъ нѣхъ были особенно интересны; одна—внушительное каменное строеніе, невыкрашенное известкой, съ четырьмя чортенами, стояла на лѣвомъ берегу рѣки; она приписывается царю Ралпачану, одному изъ самыхъ популярныхъ тибетскихъ государей, жившему во второй половинѣ IX столѣтія по Р. Х. Вторая служила могилой индійскаго монаха Атиши **). Онъ

*) Религиозное ленное помѣстье че-дзхи; свѣтское хи-го.

**) Его настоящее имя Динанкофа Зридживана.

въ 1038 г. по Р. Х. пришелъ въ Тибетъ и, увидѣвъ, что ламаизмъ испорченъ примѣсю почитанія дьявола, установилъ реформированный орденъ, по болѣе чистому образцу буддизма; впоследствии эта секта сдѣлалась орденомъ „желтыхъ шапогъ“ и въ настоящее время, въ качествѣ государственной церкви, держитъ въ своихъ рукахъ всю свѣтскую власть въ странѣ. Поэтому я съ удивленіемъ увидѣлъ, что могила святаго реформатора находится въ полуразрушенномъ состояніи, и что неблагогодарная и очень богатая секта, утверждающая, что она обязана Атишѣ чистотой своихъ вѣрованій, не заботится о ней. Впрочемъ, орденъ желтыхъ въ свою очередь выродился, опять-таки принявъ унижительное почитаніе дьявола, которое Атиша осуждалъ и исключилъ изъ вѣрованій. Атиша умеръ здѣсь въ Не-т-Ангѣ *) въ 1052 г. по Р. Х. на дорогѣ изъ Лхассы къ другимъ монастырямъ, въ долинѣ Тсангпо. Могила **), заключающая его реликвию, находится въ обветшаломъ зданіи, похожемъ на амбаръ, выкрашенномъ снаружи желтой краской и окруженномъ купой старыхъ ивовыхъ деревьевъ; строеніе—большой чортенъ футовъ въ пятнадцать высотой и занимающій площадь, имѣющую въ діаметрѣ 15 ф. Его стѣны покрыты штукатуркой и украшены плохо исполненными фресками съ изображеніями Будды и условнымъ портретомъ самого святаго, сидящаго скрестивъ ноги, въ позѣ Будды. На цоколѣ базиса красуются: бѣлый слонъ, бѣлый зонтикъ и остальные семь символовъ императоровъ древней Индіи, которые обыкновенно приписываются Сакія-Муни (современные буддійскіе правители и главы Сіама и Бирмана присвоиваютъ ихъ въ своихъ титулахъ, называясь „господиномъ благаго слона“ и т. д.). О могилѣ заботятся шесть необразованныхъ монаховъ, живущихъ въ маленькомъ монастырѣ у подножія обнаженнаго каменистаго горнаго склона на разстояніи ярдовъ 200 отъ могилы. Я провелъ тутъ около получаса, главнымъ образомъ освѣдомляясь объ индійскихъ рукописяхъ, но не нашелъ никакихъ ихъ слѣдовъ, ни одного ихъ листа, и услышалъ только мѣстное преданіе, говорящее, будто бы съ тѣломъ святаго похоронили нѣсколько манускриптовъ. Единственный грамотный монахъ не зналъ индійскихъ письменныхъ буквъ времени Атиши и, кажется, искренне увѣрялъ, что никто изъ ламъ никогда не слыхивалъ, чтобы здѣсь въ недавнее время были индійскіе манускрипты.

Скульптура на окрестныхъ утесахъ доказывала, что въ этомъ мѣстѣ жили Атиша и индійскіе монахи его класса. Высѣченныя фигуры, покрывавшія округлыя выступы и скалы вдоль дороги, были сдѣланы въ индійскомъ старинномъ стилѣ; контуры же и общій характеръ темныхъ, покрытыхъ лишаями округлыхъ гранитныхъ холмовъ невольно вызывалъ воспоминаніе о такихъ же горахъ въ буддійской священной странѣ, подлѣ Будды-Гайи, откуда и пришелъ Атиша. Тѣ изъ высѣченныхъ фигуръ, которыя не представляли Сакія-Муни, служили изображеніемъ старинныхъ формъ буддійскихъ

*) Или „Нѣжный лугъ“ (Мвайе-т-ангъ).

**) Это строеніе называется храмомъ „Стро-ма“.

божествъ, которыхъ можно видѣть на скалахъ средней Инди. Однако, эти старинныя формы, очевидно, не пользовались особеннымъ почетомъ у позднѣйшихъ ламъ и не заслужили обѣтной яркой раскраски въ красные, желтые и синіе тона; они оставались въ полной тѣмѣ рядомъ съ пестрыми популярными фаворитами, главнымъ изъ которыхъ былъ четверорукой великій лама и его мистическое заклинаніе. Это заклинаніе, открывающее небо и замыкающее адъ, постоянно красуется на скалахъ и тамъ, гдѣ надпись повторяется много разъ, одна подъ другой, оно образуетъ на скалѣ вертикальныя полосы яркаго цвѣта, потому что каждому изъ восклицанія придается отдѣльный тонъ. Эти тона составляютъ миеологическія цвѣта шести областей буддійскихъ возрожденій.

Омъ ма ни падь ми хѣнгъ
бѣлый зеленый желтый синій красный черный или темно-синій.

Почти также часто встрѣчалась надпись: „Лама всевѣдущъ!“, очевидно, съ цѣлью внушить вѣру въ божественность первосвященника. Если бы Атиша могъ теперь снова увидѣть арену своей прежней дѣятельности, онъ пришелъ бы въ ужасъ, замѣтивъ, что въ его ученіе проникло столько фальшиваго мѣстнаго язычества и, конечно, не призналъ бы многихъ изъ позднѣйшихъ тибетскихъ нововведеній, такихъ же недѣльныхъ, какъ и тѣ, которыя онъ съ такимъ трудомъ откинулъ. Нѣкоторые изъ насъ посѣтили также богатый монастырь, стоявшій въ боковой долинѣ, на разстояніи около двухъ миль отъ долины Кайи, и называвшійся Академіей Ра-Тедъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ монастырей; деспотическій первый далай-лама силой обратилъ его въ монастырь секты „желтыхъ шапокъ.“ Изображенію далая отдано здѣсь самое почетное мѣсто: сейчасъ же вслѣдъ за Буддой: въ темномъ углу находится статуя основателя монастыря, ламы Лонгдола, который, какъ вѣрятъ тибетцы, постоянно перевоплощается, управляя сказочной страной Самбхалой, помѣщаемой ламами въ Афганистанѣ.

Въ доказательство невѣжества ламъ, даже такъ близко отъ Лхассы, я упомяну, что, войдя въ одинъ изъ монастырей, въ главной долинѣ *), я увидѣлъ, что они изобразили талисманнѣй крестъ съ загибающимися концами, „свастику“, совершенно неправильно, а именно: его концы загибались не въ сторону движенія солнца или часовой стрѣлки, а имѣли противоположное направленіе; между тѣмъ всякій Тайро знаетъ, что это не только невѣрно, но составляетъ форму символа не буддистовъ, а „черныхъ шапокъ“, боновъ, употребленіе котораго ламы считаютъ грѣховнымъ. Когда я сказалъ объ этомъ главному ламѣ монастыря въ 30 монаховъ, онъ даже не понялъ сдѣланной имъ ошибки.

Мы впервые увидѣли предмѣстье Лхассы, поднимаясь по извилистой лѣстницѣ, высѣченной въ почти отвѣсной скалѣ, которая возвышалась на 100 ф. надъ ясными, зелеными водами рѣки Кайи и запруживала ее, образуя большое мелкое озеро, наполнявшее всю долину. Съ этой скалы мы, поверхъ отрога, бѣжавшаго отъ горъ

*) Это учрежденіе принадлежало сектѣ „красныхъ шапокъ“, хотя они тоже отдавали главное мѣсто, сейчасъ же за Буддой—тинарическому Лобзану.

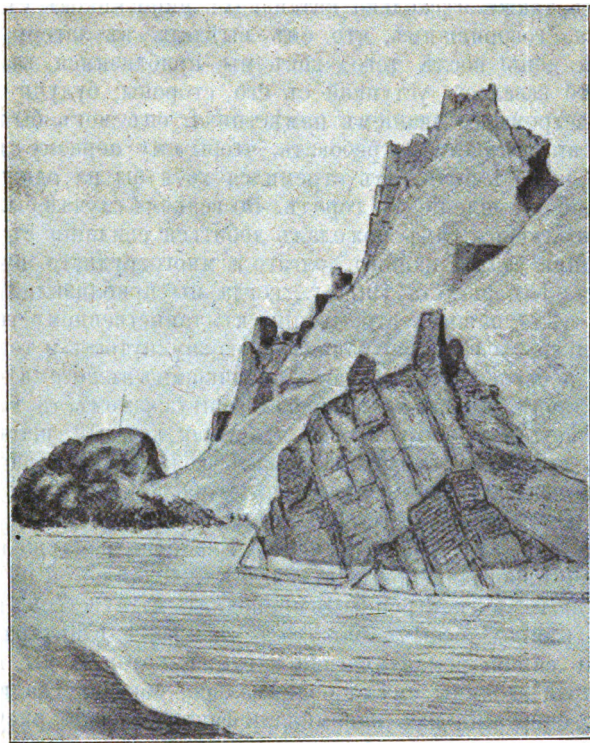
слѣва, увидѣли блестящую золотую крышу храма государственнаго оракула, который стоялъ миляхъ въ четырехъ отъ Лхассы и миляхъ въ двѣнадцати отъ насъ. Когда мы проникли черезъ гряду отрога, мы увидѣли колоссальную сидячую фигуру Будды, высѣченную въ скалѣ въ видѣ барельефа и обращенную лицомъ къ Лхассѣ; но ни священнаго города, ни окружающихъ его строеній, ни даже главнаго холма дворца далай-ламы мы не могли разсмотрѣть. Черезъ долину неслась густая колонна дыма изъ сушильни ладана; это жертва мѣстнымъ духамъ, потому что выступъ, на которомъ видѣлся Будда, служить преградой рѣки, и, какъ говорятъ, причиняетъ ужасныя наводненія, каждый прохожій кладетъ передъ большимъ идоломъ валунъ въ видѣ умиловительной жертвы; такія приношенія образуютъ теперь маленькій холмикъ.

Мы впервые увидѣли часть Лхассы только черезъ 4 мили далѣе колоссальнаго Будды, близъ длиннаго кэрна или мандонга, выложеннаго плитами, покрытыми надписью: „Омъ мани“. Въ этомъ мѣстѣ передъ нами внезапно явилась долина, казавшаяся широкимъ озеромъ полей и роцъ: красный дворецъ великаго ламы, точно маленькое сияющее пятно, увѣнчивалъ коническій холмъ Потала, въ 10 миляхъ отъ насъ. Сдѣлавъ же еще нѣсколько шаговъ, мы увидѣли еще болѣе острый „Желѣзный холмъ“ медицинской воллегіи. Городъ Лхасса скрывался за этими двумя холмами, однако, всѣ мы напрягали зрѣніе, стараясь разсмотрѣть въ бинокли какую-нибудь его часть, и всѣ чувствовали волненіе, такъ какъ уже видѣли цѣль нашихъ странствій.

Новое внезапное превращеніе теперь пріятнымъ образомъ измѣнило площадь долины въ воздѣланныя поля; передъ ними тянулась поляна шириной во много миль, съ многочисленными лѣсистыми зарослями. Справа лежала Лхасса, слѣва долина Ти. Мы шли посреди богатыхъ полей овса, пшеницы, гороха и картофеля и мимо водяныхъ мельницъ, гдѣ мололи муку, и предполагали разбить лагерь у соединенія долинъ, подлѣ моста черезъ Ти и подлѣ деревни Тайлунгъ (или Тойлунгъ). Рѣка Ти текла быстро и была очень многоводна, почти такъ же широка, какъ Кайи, хотя послѣдняя, казалось, нисколько не уменьшилась. Замѣчательно хорошій мостъ занималъ 100 ярдовъ длины и опирался на построенные изъ камней столбы; крѣпкія дамбы и молы шли посреди пяти руслъ, по которымъ бѣжали довольно мутныя зеленныя волны. Изъ нашего лагеря, на разстояніи 7 миль, видѣлся холмъ Потала; въ потокѣ прыгали большія форели, ихъ было такъ много, что мы наловили рыбы въ самое короткое время на насадку изъ ячменнаго тѣста. Почти всѣ форели были заражены паразитами, которые усѣивали ихъ тѣла пятнами, черными, какъ сажа.

Днемъ снова появились делегаты, на этотъ разъ съ болѣе обширной свитой, состоявшей изъ настоятелей, другихъ ламъ и свѣтскихъ чиновниковъ, въ разнообразныхъ яркихъ восточныхъ и шляпахъ странной формы. Было интересно смотрѣть на эти головные уборы въ ихъ фантастическомъ разнообразіи. Тутъ были: пухлыя желтыя ермолки, большія широкополыя круглыя шляпы, шляпы, похожія на розовыя шелковые ламповыя абажуры, плоскія коронки изъ малиноваго

бархата съ длинными пушистыми красными кистями, китайскія шляпы совѣтниковъ ламъ, съ желтыми стегаными доньшками. Особенно замѣчательную форму имѣли головныя уборы носителей кубковъ, настоятелей, походившіе на большіе водяные кувшины или графины, очевидно, чтобы обозначать обязанности сеоихъ владѣльцевъ. Какъ и прежде, процессіей руководилъ Та-Лама, который привелъ съ собою настоятеля Делснага и камергера главнаго ламы; на обоихъ были покрытыя золотымъ лакомъ плоскія шляпы съ шишечками въ видѣ пуговицъ на макушкахъ и подвязанныя подъ подбородкомъ. Они

Старый замокъ близъ Донгкара.

держались гораздо примирительнѣе, чѣмъ раньше, и очень любезно и привѣтливо всѣмъ пожали руки. Умышленно - замѣтно делегаты выдвинули нарядную пышную толпу слугъ, которые принесли большое количество скудныхъ, но тяжелыхъ подарковъ, въ видѣ связокъ мѣстныхъ матерій. Они опять попросили насъ не входить въ Лхассу и сказали, что во время происходившаго въ этотъ день митинга изъ 10.000 гражданъ большая компанія „отчаянныхъ“ людей вызвалась биться на смерть, чтобы только не позволить британцамъ осквернить своимъ присутствіемъ священный городъ. „Однако, — прибавили делегаты, — правительство, хотя и симпатизируя народу, отклонило предложеніе, желая избѣжать дальнѣйшихъ кровопролитій, и послало вѣстов-

щиковъ, которые съ барабаннымъ боемъ объявляли, что англичанамъ не надо противопоставлять вооруженнаго сопротивленія, такъ какъ иначе пришельцы превратятъ и самый городъ, и населеніе въ пыль подъ своими ногами“. Это доказало намъ, что тибетцы наконецъ научились уважать силу и смѣлость нашихъ войскъ. На этотъ разъ делегаты потребовали только, чтобы мы не ввели ни одного британскаго солдата въ священный городъ; на это послѣдовало согласіе въ видѣ временной мѣры, но съ условіемъ, чтобы ламы позволили городскимъ кушамъ открыть базаръ подлѣ британскаго лагерьа и доставлять солдатамъ все необходимое.

Явилось также нѣсколько китайскихъ чиновниковъ съ письмомъ отъ амбана, говорившимъ, что онъ выѣдетъ въ лагерь миссіи на слѣдующій день послѣ того, какъ мы приблизимся къ воротамъ Лхассы. Это казалось уступкой съ его стороны; будучи полномочнымъ министромъ со званіемъ намѣстника, онъ могъ бы изъ любви къ тонкостямъ этикета потребовать, чтобы ему первому сдѣлали визитъ. Или, можетъ быть, онъ стремился хотя бы на одинъ день отдалить наше вступленіе въ городъ? Во всякомъ случаѣ было пріятно видѣть, что амбанъ самъ пожелалъ добиться свиданія съ миссіей.

Послѣдняя стадія нашего долгаго и многотруднаго путешествія закончилась 3-го августа 1904 г., когда мы приблизились къ окончательной цѣли нашихъ стремленій, къ таинственному городу, который столько столѣтій сохранялъ свою замкнутость и теперь впервые сталъ доступенъ европейцамъ, проникшимъ въ него силой. Можно себѣ представить, съ какими горячимъ энтузіазмомъ, съ какими чувствами трепета мы двинулись въ это утро: каждый шагъ, сдѣланный нами, приближалъ насъ къ нашей цѣли, каждый поворотъ дороги могъ показать намъ священный городъ; вѣроятно, приблизительно то же чувствовали старинные крестоносцы, подходя къ Іерусалиму послѣ долгаго странствія черезъ Европу, или ощущалъ несентиментальный Гибонъ, впервые ступивъ „тяжелой ногой на развалины вѣчнаго города“ и со страннымъ приподнятымъ чувствомъ прислушиваясь къ пѣнію „босыхъ монаховъ въ храмѣ Юпитера“. Передъ нами была самая романтическая картина, которую мы когда-либо видѣли; края долины смѣло поднимались, образуя скалистыя горныя иглы; очертанія ихъ напоминали фантастическіе рисунки Доре, которые служили декорацией для его странствующихъ рыцарей. На самыхъ высокихъ и крутыхъ утесахъ поднимались монастыри, похожіе на замки. Дожди, которые шли почти ежедневно въ теченіе долгихъ часовъ, теперь прекратились; разсвѣло; вышло солнце. Долина была такъ плодородна и красива, что солдаты, идя по ней, постоянно замѣчали: „Конечно, изъ-за этой страны стоило драться“. Многочисленные деревья, большей частью орѣшны, абрикосы, ивы, вязы, илимы, березы и ольхи, разнообразили пейзажъ.

Особенно хорошъ былъ старинный фортъ съ полуразрушенными укрѣпленіями, стоявшій на остромъ утесѣ песчаника надъ деревней „Бѣлой ольхи“ (Шингъ-Донггаръ). Тутъ на скалахъ одинъ лама показалъ мнѣ отпечатки ногъ миеологическихъ охранителей этого мѣста: отпечатокъ копытъ волшебной лошади, буйвола, лапъ обезьяны и медвѣдя; но, слушая довѣрчиво рассказъ монаха,

я разглядывалъ слѣды и ясно видѣлъ, что они представляли собою только углубленія въ камняхъ, изъ которыхъ вывѣтрились куски известняка. Дальше, подлѣ петли рѣки, дѣлавшей поворотъ благодаря откосу горы, мы миновали деревню Чери, въ которой находится большая бойня, гдѣ ежедневно убиваютъ дюжины овецъ и быковъ — яковъ для потребленія 9.000 монаховъ Депенга и его окрестностей; такимъ образомъ, хотя ламы и называютъ себя буддистами, они тѣмъ не менѣе участвуютъ въ лишеніи жизни живыхъ существъ и, слѣдовательно, нарушаютъ первую изъ всѣхъ заповѣдей Будды. Невдалекѣ стояла деревня мясниковъ и нищихъ, въ которой всѣ стѣны хижинъ были построены изъ череповъ и роговъ убитыхъ барановъ и быковъ.

Монастырь Депенгъ, самый большой на свѣтѣ, со множе-

Долина Лхассы близъ Донгкара.

ствомъ позолоченныхъ крышъ, гордо возвышался за деревней у подножія горъ. Его стѣсненные строенія, расположенныя по скату, издали походили на большой отель Ривьеры. Толпы его ламъ или шли въ Лхассу, или возвращались изъ святого города; нѣкоторые изъ нихъ ѣхали верхомъ на пони и всѣ вопросительно смотрѣли на насъ, смущенные движеніемъ нашего войска. Дальше, изъ-за прелестной рощи большихъ деревьевъ выглядывали золотыя крыши пагоды, резиденціи государственнаго оракула-волшебника и его сотни монаховъ: вышку этого строенія мы увидѣли еще издали, раньше другихъ зданій пригорода. Отсюда дорога къ Лхассѣ вела вдоль дамбы, мимо болотистой заросли ситниковъ; ея оттели горѣли яркими, какъ ноготки, цвѣтами *pedicularis*; тутъ же цвѣли розовыя водяныя лиліи, похожія на лотосы, проскурнякъ, пѣтушьи хвосты, водяной крессъ, незабудки, въ то время какъ множество обыкновенныхъ европейскихъ дикихъ цвѣтовъ, включая гіацинты и каль-

цоларии, покрывали откосы дорогъ; въ водѣ, посреди стаи маленькихъ рыбокъ ростомъ съ писваря, я замѣтилъ тритоновъ и лягушекъ; въ болѣе глубокихъ заводяхъ хлопотали утки. Во время остановки среди полей, за болотомъ, пока развѣдчики разыскивали подходящее мѣсто для лагеря, миссію навѣстилъ пріѣхавшій верхомъ непальскій консулъ въ Лхассѣ и, поздоровавшись съ генераломъ, посоветовалъ ему остерегаться ламъ, которые еще могли собрать нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей. Когда отыскали достаточно сухое мѣсто, наша армія двинулась и раскинула лагерь на прекрасной открытой травянистой площадѣ („Лугъ дивныхъ ословъ“) подлѣ внѣшнихъ городскихъ воротъ, недалеко отъ лѣтнаго дворца далай-ламы („Обитель драгоцѣнностей“) и въ виду его дворца на холмѣ Потала, который вмѣстѣ съ холмомъ медицинской коллегіи возвышался на разстояніи приблизительно мили отъ насъ.

Это было мгновеніе молчаливаго, но полного сердечнаго ликованія для всѣхъ членовъ экспедиціи, а можетъ быть, больше всѣхъ для генерала Макдональда, который, благодаря своимъ безупречнымъ распоряженіямъ, провелъ маленькую армію изъ 650 британцевъ и 4.000 индусовъ черезъ „хребетъ міра“ и пробивалъ шагъ за шагомъ себѣ дорогу, встрѣчая сопротивленія со стороны климата и ламъ, наконецъ достигъ желанной цѣли и расположился лагеремъ подъ окнами дворца далай, у воротъ запретнаго города.

Намъ очень хотѣлось взглянуть на священный городъ, и многіе изъ насъ подѣзжали къ его воротамъ въ расщелинѣ горной гряды, которая закрывала отъ насъ Лхассу. Карабкаясь на гряды подлѣ воротъ, у которыхъ толпилась многочисленная толпа монаховъ и горожанъ, стремившихся посмотреть на облолицыхъ чужеземцевъ, мы видѣли широкую панораму священнаго города, посреди его красивыхъ гористыхъ окрестностей; мы съ уваженіемъ смотрѣли на храмы и дворцы долго запечатаннаго недоступнаго города, на оболочки тайны, которая столько времени наполняла наши грезы и наконецъ открылась передъ нашими глазами.

ГЛАВА XVI.

Лхасса „престоль боговъ“.

„Всѣ дороги ведутъ въ Лхассу“.
Тибетская пословица.

И вотъ перель нами былъ, наконецъ, предметъ нашихъ мечтаній, давно желанный таинственный городъ отшельниковъ, Римъ центральной Азіи, съ резиденціей своего знаменитаго священника-бога. И онъ не разочаровалъ насъ! Естественная красота его мѣстоположенія въ умѣренномъ климатѣ, посреди плодосной, орошенной горами равнины, роскошь его похожихъ на дворцы монастырей, храмовъ и зданій, окруженныхъ чудными рощами, до извѣстной степени объясняетъ, почему ламы такъ ревниво охраняли свою столицу отъ вторженія постороннихъ; это также превра-

щаетъ Лхассу, разъ всѣ естественныя и искусственныя преграды къ ней остаются позади, въ одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ въ мірѣ.

Величественнѣй всѣхъ зданій казался величавый замокъ на-мѣстника Будды на землѣ: этотъ дворець превзошелъ всѣ наши ожиданія. Сначала до конца, издали и вблизи, внушительное собраніе строеній на Поталѣ подавляетъ весь ландшафтъ, привлекаетъ къ себѣ и удерживаетъ взглядъ. Куда бы мы ни устремляли глаза, мы неизмѣнно опять поворачивались къ этой массѣ строеній и не отрывали ихъ отъ увлекательныхъ контуровъ. Когда мы подходили къ дворцу „буддійскаго папы“, окруженному горами, которыя поднимаются изъ луговинъ „рѣвки радости“, мы замѣтили,

Британская миссія входитъ въ ворота Лхассы.

что круглый бастионъ придавалъ ему замѣчательное сходство съ Ватиканомъ Рима, города семи холмовъ.

Первый взглядъ на священную метрополию поражаетъ своей внезапностью. Какъ бы желая скрывать столицу до послѣдняго мгновенія, природа поставила передъ ней цѣлую завѣсу изъ скалъ, которыя тянутся между двумя крутыми, охраняющими ее холмами — Поталой и „Желѣзной горой“—и такимъ образомъ совершенно заслоняютъ городъ съ юго-запада, т. е. со стороны нашего приближенія. Въ этихъ скалахъ, посрединѣ,—западныя ворота города, которыя называются преградой средней двери (парг-клингъ). Ихъ верхней части придана форма чортена; до тѣхъ поръ, пока не пройдемъ черезъ нихъ или не переберемся черезъ гряду, Лхассы нельзя увидѣть.

Картина, которая затѣмъ является передъ глазами, представляетъ собою обширную и чарующую панораму. Слева видъ на дво-

рець далай-ламы, обращенный къ востоку; отсюда можно разсмотрѣть, что онъ состоитъ изъ массы тяжелыхъ строеній, покрывающихъ весь склонъ холма (футовъ въ 300 высоты); отъ вершины Потала до подножія террасы — многоэтажные дома со множествомъ оконъ, съ оградами (нѣкоторыя изъ послѣднихъ 60 ф. высоты); все вмѣстѣ образуетъ гигантское строеніе прекрасныхъ архитектурныхъ пропорцій и расположенное въ живописномъ утесистомъ мѣстѣ. Центральная группа домовъ, вѣнчающая вершину холма, блеститъ пятью золотыми павильонами; она темно-краснаго цвѣта, за что ее и называютъ „Краснымъ дворцомъ“; строенія на другомъ склонѣ—ослѣпительно бѣлы; съ обѣихъ сторонъ дворца поднимаются по большой лѣстницѣ, ведущей къ главному входу и къ саду вниз; онѣ тянутся зигзагами, обнимая пространство въ видѣ отшлифованнаго брилліанта, и напоминаютъ такія же лѣстницы въ лѣтнемъ дворцѣ Пекина.

Центральныя части дворца казались намъ таинственными, благодаря тому, что длинныя темно-пурпуровыя занавѣси изъ шерсти яковъ окутывали его веранды для защиты фресокъ отъ дождя и солнца; такъ и чудилось, будто эти покровы скрываютъ таинственные комнаты отъ взглядовъ любопытныхъ.

Справа отъ насъ, соединяясь узкой грядой съ холмомъ Потала, возвышался еще болѣе высокой „Желѣзный холмъ“, увѣнчанный медицинской коллегіей и въ ракурсѣ казавшійся высокимъ столбобразнымъ утесомъ. Сквозь гряду прорывалась заросшая плодовыми деревьями равнина извилистой рѣки Кайи, похожая на прекрасный европейскій ландшафтъ; она была въ 4 или 5 миль шириной и отстояла на 7—8 миль отъ предыдущей долины, которую скрываетъ боковой отрогъ горъ. На первомъ планѣ разстилались многочисленные фруктовые сады и парки, вплоть до самаго берега рѣки; между ними вились рукава Кайи. А тамъ, дальше, приблизительно на милѣ разстоянія, городъ представлялся тонкой бѣлой линіей, посреди деревьевъ, и въ его центрѣ горѣла блестящая крыша большого „собора“ съ меньшей потемнѣвшей крышей храма Рамоче; еще дальше, слѣва у подножія горъ видѣлся самый большой монастырь Тибета послѣ Депенга—Сера; на заднемъ планѣ, за зеленой равниной, усѣянной бѣлыми вилами знати и маленькими фермами, поднимались громадныя горы отъ 3.000 до 6.000 ф. надъ равниной, пронизанныя бѣлыми путями, которые, проходя мимо Серы, янута къ Китаю, къ озеру Тенгри и къ Монголіи.

Первый разъ мы вошли въ городъ 4-го августа, черезъ день послѣ нашего прибытія; британская миссія со значительнымъ военнымъ эскортомъ продефилировала по улицамъ Лхассы, направляясь къ китайскому посольству, чтобы отдать церемоніальный визитъ амбану, который навѣстилъ ее наканунѣ вечеромъ. Во время этого историческаго событія, перваго появленія цивилизованнаго войска на улицахъ запретнаго города, наше шествіе образовало живописную картину; во главѣ двигался отрядъ тѣлохранителей амбана и копыеносцы, въ странныхъ костюмахъ и со страннымъ оружіемъ.

Вотъ подробности этого шествія, какъ передавалось въ то время: „Мундиры китайской свиты амбана, которую онъ послалъ для

сопровожденіи миссіи, очень эффектно отъѣняли хаки англійскаго эскорта. Насъ всѣхъ поразили красивыя формы и щеголеватый видъ свиты амбана. Его личные тѣлохранители были одѣты въ короткія, широкія куртки французскаго сѣраго цвѣта, съ вышитыми черными эмблемами спереди и сзади. Потомъ шли конье-

Главныя лхасскія ворота.

носцы въ такихъ же курткахъ, ярко-краснаго цвѣта, тоже съ черной вышивкой. Всѣ они несли различное оружіе: пики, своеобразныя алебарды, копыя съ тремя развѣтвленіями; на древкахъ висѣли красныя значки съ черными вышитыми надписями. Далѣе слѣдовали обыкновенные солдаты въ синихъ мундирахъ съ красными вышивками и съ китайскими бѣлыми символами спереди и сзади куртокъ. За ними двигался эскортъ главы миссіи, 2-ая рота

взвѣдшей пѣхоты, подъ командой капитана Петерсона. За союзнымъ флагомъ ѣхали полковникъ Ионгхѣбендъ и м-ръ Уайтъ, въ формѣ дипломатическихъ представителей, вмѣстѣ съ м-рами О'Конноромъ и Уильтономъ въ формахъ; дальше полковникъ Уддель, остальные члены мисси и корреспонденты прессы, состоявшіе изъ капитановъ Вайдера, Коуи и Уольтона и м-ровъ Хайдена, Маньяка, Ландона, Кендлера, Пьюмэна и Гайлея. Двѣ роты королевскихъ стрѣлковъ шли сзади подъ предводительствомъ полковника Купера и остальныхъ офицеровъ; мы видѣли капитановъ Леджа и Джонстона, поручиковъ Гарднера, Чичстера, Даниеля и Кери. Полурота взвѣдшей пѣхоты, двѣ пушки, рота саперъ и 4 роты пѣхоты были готовы въ случаѣ нужды поддержать эскортъ“.

Въ 10 часовъ утра кавальеада и эскортъ покинули лагерь и направились къ воротамъ въ каменной грядѣ. Мы пересѣкли священную круговую дорогу (по которой цѣлый день ходятъ благочестивыя вереницы пилигримовъ, вращая молитвенные флаги) подлѣ песчаныхъ холмовъ, близъ ольховой рощи монастыря Куньделингъ, одного изъ четырехъ „парскихъ“ монастырей Лхассы, изъ которыхъ обыкновенно избираются регенты на время несовершеннолѣтія далаевъ. Тутъ же на холмѣ стоялъ китайскій храмъ въ честь обоготвореннаго монгольскаго императора Сибири Кезара и виднѣлось около ста штукъ бѣлыхъ пѣтуховъ, принесенныхъ ему въ видѣ мѣстныхъ даровъ. На песчаныхъ холмахъ раскидывался отвратительный лагерь нищихъ и подонковъ общества, которые толпились въ грязныхъ хижинахъ, выстроенныхъ изъ костей яковъ и барановъ и другихъ остатковъ, съ крышами изъ разорванныхъ байковыхъ одѣялъ. Они жили по сую сторону священной дороги, чтобы ихъ присутствіе не оскверняло города.

Толпы этихъ несносныхъ нищихъ, которые копошились въ лужахъ, стоявшихъ по краямъ дороги, осаждали ворота. Когда мы миновали отверстие въ грядѣ, передъ нами открылся великолѣпный видъ на холмъ Потала и его дворецъ; холмъ величаво поднимался приблизительно на разстояніи 100 ярдовъ отъ насъ за домами низшихъ чиновныхъ лицъ, тѣлохранителей, свиты и за складами и лавками, уютившимися подлѣ его подножія. Замѣчательно, что большая часть лавокъ были мясныя, содержимыя женщинами; тибетянки рѣзали туши яковъ и выкладывали мясо на продажу для потребленія ламъ и другихъ, какъ разъ подъ окнами намѣстника Будды. Глядя на сотни оконъ этого массивнаго дворца, повидимому пустаго, невольно возникалъ вопросъ: дѣйствительно ли его „святой“ господинъ бѣжалъ въ тотъ день, когда мы переправлялись черезъ Тсангпо, или онъ съ цѣлой арміей воиновъ прячется за этими крѣпкими стѣнами, выжидая удобной минуты невзначай напасть на насъ? Мы тоже раздумывали, удастся ли хоть одному изъ насъ осмотрѣть лабиринтъ внутреннихъ покоевъ таинственнаго дворца.

За дворцомъ, подлѣ высокаго столба съ эдиктомъ, представлявшего собой монолитъ изъ темнаго гранита, высотой футовъ въ 18, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли китайскіе храмы, наша дорога раздѣлилась на чегыре аллей, бѣжавшія между садами, рощами и большимъ паркомъ. Къ китайскому посольству слѣдовало избрать

среднюю изъ нихъ; она тянулась между деревьями двухъ садовъ и съ четверть мили мы двигались по тинистой трясинѣ; инфантерія не сморгнувъ шла по ней, и только иногда обходила самыя глубокія мѣста болота, вытягиваясь въ одну линію. Такъ мы приблизились къ дому одного изъ представителей самой древней знати, делегата (совѣтника или министра государства), встрѣченнаго нами въ Нагартсе и носившаго титулъ Югокъ, или „увѣнчанный бирюзой мостъ“, по имени моста, который въ этомъ мѣстѣ перекидывается черезъ старое русло рѣки Кайи, сухое даже во время полноводья. „Бирюзовый мостъ“, обнесенный стѣнами и покрытый крышей, какъ корридоръ, получилъ это названіе отъ цвѣтныхъ черепицъ крыши своего китайскаго павильона, являющихся подражаніемъ голубовато-зеленымъ черепицамъ старыхъ императорскихъ дворцовъ Небесной Имперіи. Повидимому, это единственная крыша въ Лхассѣ съ окрашенными черепицами (за исключеніемъ маленькой крыши надъ храмомъ „Дракона“), и ея грязно-зеленый цвѣтъ можетъ вызвать мысль о бирюзѣ только своимъ названіемъ.

Въ городѣ Лхассу мы вступили приблизительно на 200 ярдовъ отъ Ютока. Миновавъ кучи гниющихъ остатковъ и китайскій мостикъ, мы очутились на большой площади между кварталомъ и „соборомъ“. У каждой двери стояли любопытные, по большей части китайцы и ихъ тибетскія жены; толпа наполняла улицы и изумленно смотрѣла на насъ; женщины съ робкимъ любопытствомъ выглядывали изъ каждаго окна, двухъ и трехъэтажныхъ домовъ. Когда мы повернули вправо, къ помѣщенію амбана и оставили позади китайскій театръ и рестораны, намъ стали попадаться почти исключительно одноэтажные дома, точно въ „цвѣтущей странѣ“, съ чистыми торфяными стѣнами; передъ каждымъ лежалъ маленькій цвѣточный садикъ съ горшками цвѣтущихъ астръ, ноготковъ, левкоевъ и остролиста; настурціи видѣлись въ окнахъ и на подоконникахъ. Улицы же производили отталкивающее впечатлѣніе: онѣ были еще грязнѣе, чѣмъ въ Пекинѣ и положительно усѣяны всевозможными отбросами, залиты грязью сточковъ, въ которой отворотивъ лъно копошились противныя, нездоровыя свиньи. Резиденція амбана представляла собой обыкновенный „ямьнъ“ или китайское судилище. Передъ дверями съ написанными драконами и сторожами въ косахъ и въ синихъ одеждахъ, стоялъ жертвенникъ для сжиганія благовоній; по его бокамъ возвышались шести для флаговъ и двѣ большія мачты съ рѣшетками въ видѣ голубятенъ для фонарей; за стѣной насъ встрѣтили обыкновенныя таблички и серія вымощенныхъ дворовъ съ приемными комнатами, стоящими отдѣльно одна отъ другой, обнесенными оградами и окаймленными вывѣсками съ китайскими надписями и печатями.

Амбанъ принималъ миссію съ большою церемоніей. Салютъ возвѣстилъ о нашемъ приближеніи; пронзительные звуки дудокъ раздались, когда мы миновали ворота и поѣхали по вымощенной тропинкѣ, посреди двойного ряда китайскихъ солдатъ въ яркихъ желтыхъ и синихъ одѣянiяхъ съ красной обшивкой; китайцы стояли стѣнкой, плечо къ плечу, вооруженные скорострѣльными ружьями, и держали ихъ „на караулъ“. Его превосходительство — человекъ сред-

нихъ лѣтъ, съ пріятными манерами, вышелъ на третій дворъ, чтобы встрѣтить полковника Ионгхэзбенда. Тутъ всѣ мы сошли съ лошадей и пожали руки этому сановнику Небесной Имперіи; всѣ, кто не видалъ его наканунѣ, были ему представлены и выслушали его любезный привѣтъ.

Онъ провелъ насъ во внутренній дворъ, очевидно, самый послѣдній, въ маленькую приемную залу; въ ней полукругомъ стояли кресла съ красными подушками, посрединѣ помѣщался столъ противъ красной бумажной занавѣси. Амбанъ предложилъ полковнику Ионгхэзбенду и его штабу сѣсть на кресла слѣва; полковникъ помѣстился подлѣ стола, самъ амбанъ сѣлъ рядомъ съ нимъ по другую сторону этого же стола, а его свита изъ восьми приближенныхъ расположилась полукругомъ съ правой стороны отъ входныхъ дверей. Всѣ эти сыны Небесной Имперіи, отдѣленные столомъ отъ британскихъ офицеровъ, были одѣты почти совершенно одинаковымъ образомъ—темно-синія шелковыя куртки съ болѣе свѣтлыми синими воротниками и свѣтлыя же юбки; черныя бархатныя сапоги; черныя шляпы съ отвернутыми полями, съ официальной шишечкой, обозначающей рангъ, и съ павлиньимъ перомъ на тульѣ. На шляпѣ амбана сидѣла коралловая пуговица, признакъ высшаго класса мандариновъ, который стоитъ сейчасъ же вслѣдъ за саномъ императора; его главный помощникъ (кстати, говорившій по-французски, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Парижѣ) имѣлъ прозрачную синюю шишечку; у остальныхъ были пуговицы меньшихъ разрядовъ, вплоть до стеклянной безцвѣтной. Всѣ они сидѣли задумчиво, спокойно вытянувшись, многіе — положивъ ладони на колѣни. Послѣ обмѣна привѣтствій принесли угощеніе: чай безъ сахара, англійскіе бисквиты и вкусное пирожное изъ раздавленныхъ ядеръ орѣховъ; затѣмъ подали папирсы и трубки. Въ разговорѣ амбанъ извинился за жалкое убранство приемной залы, которую, очевидно, устроили наспѣхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней: ея отдѣлка состояла изъ рамъ, покрытыхъ красной бумажной матеріей. Онъ съ живостью попросилъ сообщить ему послѣднія телеграфныя извѣстія о Русско-японской войнѣ, такъ какъ зналъ только о томъ, что происходило нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Этотъ амбанъ Ю-Тай, братъ посланника Шенгъ-Тай, который подписалъ сикхимское соглашеніе въ 1893 г. Онъ манджуръ благороднаго происхожденія, отпрыскъ царскаго рода, и вдовствующая императрица нарочно послала его изъ Пекина уладить англо-тибетскій споръ, пригрозивъ наказать его, если онъ потерпитъ неудачу. Слѣдуетъ вспомнить уклончивую и обманчивую тактику Ю-Тай: онъ былъ назначенъ въ сентябрѣ 1903 г., но до 12-го февраля 1904 г. не достигъ Лхассы и, несмотря на повторенныя увѣренія, что амбанъ спѣшитъ въ Гуру, а потомъ въ Джіантсе, несмотря на то, что Ю-Тай постоянно назначалъ числа своего выѣзда, онъ подъ различными предлогами ни разу не покинулъ столицы Тибета. Дѣйствительно, существовало много поводовъ думать, что, вопреки увѣреніямъ въ дружбѣ, китайцы все время были враждебны намъ и играли въ старую игру, превращая тибетцевъ въ кошачью лапу противъ насъ. Конечно, они въ теченіе экспедиціи много разъ доставляли намъ

фальшивыя свѣдѣнія, уменьшали на словахъ силы тибетцевъ; они же скрыли отъ миссіи тибетскій заговоръ напасть на Джіантсе, а въ долинѣ Чумби дѣйствовали, какъ шпіоны, сообщая тибетцамъ о нашей силѣ и движеніяхъ; кромѣ того, какъ говорятъ тибетцы, они мѣшали имъ выслать делегатовъ. Съ другой стороны китайцы отчасти помогали намъ двигаться, вѣроятно, съ цѣлью ослабить тибетцевъ, заставивъ ихъ драться съ нами. Такимъ образомъ, они хотѣли попытаться возстановить гибнущее вліяніе Китая на Ти бетъ.

Какъ бы то ни было, полковникъ Іонгхѣзбендъ любезно выслушалъ объясненія амбана, говорившаго, почему онъ не могъ приѣхать и его общанія помочь дѣлу миссіи. Ю-Таи передали ноту съ нашими условіями; онъ общалъ безъ промедленій передать ее тибетцамъ. Очень возможно, что онъ искренне желалъ устроить договоръ, такъ какъ долгая опытность въ сношеніяхъ съ Китаемъ доказала намъ, что нѣкоторое давленіе, вродѣ оказаннаго нами теперь, для китайцевъ дѣйствительнѣе простыхъ дипломатическихъ переговоровъ. О тибетцахъ Ю-Таи говорилъ презрительно, какъ о невѣжественныхъ, хвастливыхъ дикаряхъ, сожалѣлъ о ихъ хитрости, двоедушій и лживости, наивно замѣтивъ полковнику Іонгхѣзбенду: „Вы и я, конечно, никогда не могли бы поступать такимъ образомъ“. Полковникъ Іонгхѣзбендъ попросилъ амбана заставить тибетцевъ назначить трехъ или четырехъ делегатовъ съ полномочіями для веденія переговоровъ, такъ какъ онъ не желалъ болѣе разговаривать съ безответственными лицами; комиссіонеръ выразилъ также надежду, что тибетцы не затянутъ дѣла надолго, узнавъ, что одно изъ условій трактата будетъ состоять въ вознагражденіи, ежедневно возрастающемъ въ теченіе нашего пребыванія въ странѣ. Когда рѣчь коснулась конфликта между возмутившимися кхамскими войсками и китайцами, амбанъ постарался уменьшить важность этого происшествія, такъ какъ оно отражалось на его авторитетѣ. Онъ сказалъ, что это пустяки. тибетцы завербовали нѣсколько разбойничьихъ шаекъ для сопротивленія намъ; онѣ были поставлены близъ китайскаго квартала и тамъ принялись за свою обычную дѣятельность. Однако, непальскій консулъ смотрѣлъ на это дѣло серьезнѣе.

Когда мы уходили, его превосходительство опять проводилъ полковника Іонгхѣзбенда до третьяго двора и простился, пожавъ всѣмъ руки; за воротами нашъ эскортъ вытянулся въ линію, процессія снова составила и двинулась обратно.

Подлѣ дверей ямыня стоятъ старыя городскія ворота, съ остатками стѣны, которая нѣкогда окружала городъ, но была разрушена во время одной изъ войнъ, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Здѣсь въ толпѣ виднѣлся преступникъ съ шеей, заключенной въ большой кангуе (деревянный воротникъ) на замкѣ, и, казалось, совсѣмъ не стыдился своего неудобнаго убора; взглядъ на несчастнаго перенесъ насъ въ эпоху колодокъ въ Европѣ. Какъ смертная казнь въ Тибетѣ караетъ небольшія преступления, такъ и меньшія наказанія: „кангуе“, сковываніе желѣзными цѣпями и варварское отрубаніе руки или ноги присуждаются за такіе же мелкіе поступки, какъ это

было у насъ во дни нашей королевы Бессъ*). Наказанный отпускается на волю и долженъ самъ находить себѣ пропитаніе и помѣщеніе, прося милостыню или какимъ угодно ему путемъ. Такимъ образомъ, Тибетъ избавляетъ себя отъ расхода на содержаніе преступниковъ въ тюрьмѣ.

Теперь наша процессія лилась въ самый сердцѣ города; толпы ламъ и свѣтскихъ людей мрачно провожали ее глазами; народъ наполнялъ улицы, стоялъ въ дверяхъ, видѣлся въ окнахъ, на крышахъ домовъ; нѣкоторые изъ любопытныхъ бросились бѣжать по боковымъ улицамъ, чтобы посмотрѣть на британцевъ еще разъ въ другомъ мѣстѣ.

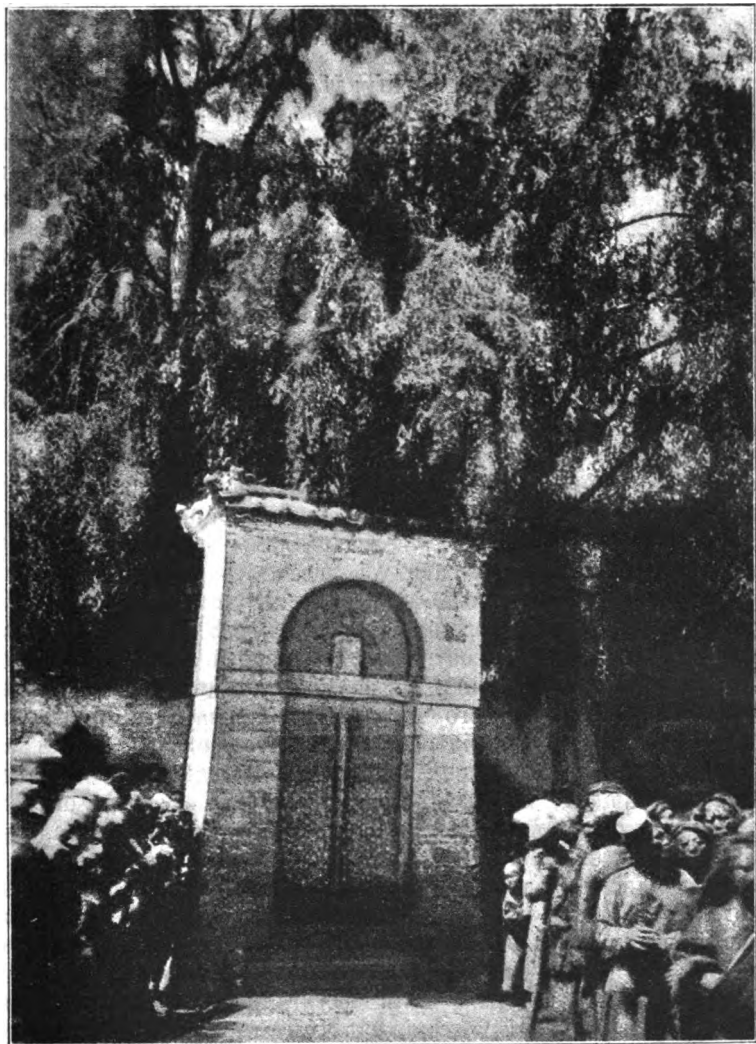
Городъ оказался меньше, чѣмъ мы ожидали. Его сплошная часть занимаетъ полъ квадратной мили. Улицы Лхассы очень узки, не вымощены и не осушаются; но главныя изъ нихъ проложены по хорошему плану. Дома большей частью выстроены изъ камня и въ нихъ два, три этажа; у нихъ плоскія крыши (поватой нѣтъ ни одной). Ихъ стѣны заботливо выбѣлены известью, балки очень часто выкрашены коричневой или синей краской. Улицы, немного болѣе чистыя, чѣмъ въ зловонныхъ предмѣстьяхъ, все же такъ грязны, какъ только можно ожидать на Востоке, въ особенности въ китайскомъ городѣ, гдѣ совершенно пренебрегаютъ всякими попытками ввести хотя бы элементарную ассенизацію.

Главный рынокъ Лхассы на большой площади, окружающей „соборъ“, былъ необыкновенно чистъ. Вещи, выставленныя на лоткахъ на улицахъ, въ лавокахъ, главнымъ образомъ, состояли изъ мѣстныхъ съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, снадобій, книгъ, матерій и тонкаго сукна. Предлагались на продажу также и европейскіе товары, въ числѣ которыхъ я замѣтилъ полбутылку портера, по 6 шиллинговъ бутылка. Вино было недурное, и мнѣ говорили, что болѣе богатый классъ пьетъ его, какъ ливеръ. Многія изъ лавоковъ, въ особенности принадлежавшія китайскимъ и непальскимъ купцамъ, казались внутри очень опрятными; открытыя же двери и окна тибетскихъ жилищъ показывали отвратительно грязную и беспорядочную внутренность комнатъ, хотя ослѣпительно-бѣлыя внѣшнія стѣны домовъ и были украшены пѣвчими птицами въ клѣткахъ: жаворонками, чижами и горлицами, а на подоконникахъ красовались горшки съ цвѣтами.

Всѣ храмы были щедро разукрашены: ихъ неранды покрывала яркая окраска. Однако, главный храмъ, самое большое и высшее святилище Тибета, „Домъ Господина“ (Джо-Кангъ), въ которому стекаются толпы пилигримовъ изъ отдаленнѣйшихъ частей Китая

*) Въ силу драконовскаго англійскаго закона въ VIII в., при Елизаветѣ тотъ, кто вывозилъ овецъ, барановъ или ягнятъ, въ первый разъ лишился всего своего имущества, сажался въ тюрьму на годъ, а потомъ лишился руки въ ярмарочномъ городѣ, на площади въ ярмарочный день; рука пригвождалась къ столбу; за вторичное преступленіе его осуждали, какъ мошенника, и онъ подвергался смертной казни. Интересно замѣтить, что только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, во второй части 1904 г., варварскій обычай уродовать воровъ, отрубая имъ руки, былъ отмѣненъ эмиромъ въ Афганистанѣ, потому что онъ самъ испыталъ боль, благодаря заряду, попавшему въ его собственную кисть.

и Монголіи, названный мною, согласно лестнымъ отзывамъ о немъ ламъ, „соборомъ“, особенно разочаровалъ насъ, по крайней мѣрѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ. Это было низкое и наружно жалкое строеніе, стоявшее посреди узкихъ улицъ, изъ которыхъ его по-

Эдиктный столбъ о мѣрахъ противъ оспы.
(Замѣтьте ямки).

золоченная крыша почти не была видна. Его фасадъ украшали двѣ большія пурпуровыя и золотыя монограммы мистическаго заклинанія „Омъ мани“, похожія на гербы; подлѣ его дверей стояла толпа монаховъ въ красныхъ платьяхъ; ихъ встревоженныя лица показывали, до чего они боялись, чтобы мы не вошли въ самыя

священный храмъ Тибета, и, къ ихъ очевидному успокоенію, мы миновали его.

На рыночной площади, противъ дверей этого храма, въ тѣни прекрасной старой ивы, стоитъ интересная каменная плита съ надписью на китайскомъ и тибетскомъ языкахъ; въ которой перечисляются карантинныя мѣры противъ оспы, этого великаго бѣдствія Лхассы и центральной Азіи. Базисъ таблетки обезображенъ многочисленными чашкообразными впадинами; говорятъ, что ее испортили играющіе кругомъ дѣти; дѣйствительно, эти ямки заняли большую часть надписи, особенно съ китайской стороны. Плиту воздвигли подъ китайскимъ надзоромъ и она замѣчательна тѣмъ, что обрамлена кирпичной аркой, единственной аркой, которую я видѣлъ въ Тибетѣ. Близъ этого монумента возвышается большой монолитъ, носящій на себѣ тибетскую надпись, касающуюся мирнаго трактата между китайцами и тибетцами. Его окружаетъ высокая каменная стѣна, и съ одной стороны онъ затѣненъ громадной ивой, извилистые корни которой переплетаются, какъ драконы; это очевидно, одна изъ двухъ знаменитыхъ ивъ, посаженныхъ по его краямъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ.

Покинувъ городъ, мы миновали еще два „царскіе“ монастыря или линги, а именно Чомо-лингъ и Тенджай-лингъ. Ихъ всего четыре и два изъ нихъ мы уже видѣли раньше. Въ Тенджай-лингѣ помѣстился Тонгса Пенлонъ со своей свитой. Отсюда, оставляя слѣва „танцевальную рошу“, мы двинулись по краю болотистаго пастбища, гдѣ пасся слонъ *) великаго ламы, срывая стебли пышныхъ тростниковъ, и направились по аллеѣ изъ искривленныхъ старыхъ ивъ, извивавшихся, какъ змѣи, въ храму Дракона съ его зеленой и золотой крышей и съ глубокимъ прудомъ; тутъ мы опять увидѣли священную круговую дорогу, которую неизменно пересѣкали въ неправильномъ или несчастливомъ направленіи, т. е. противъ движенія солнца, чего не рѣшается сдѣлать ни одинъ тибетецъ. Мнѣ было очень пріятно замѣтить, что предварительная карта Лхассы, составленная мною по мѣстнымъ свѣдѣніямъ и въ копіи выданная нашимъ правительствомъ каждому офицеру, оказалась очень правильной и съ замѣчательной точностью указывала различныя улицы и строения.

Вернувшись въ лагерь, мы понесли вѣсти о нашемъ визитѣ на отходившую почту, которая теперь установила сношенія между Лхассой и внѣшнимъ міромъ, потому что смѣны кавалеристовъ мчались съ почтовыми мѣшками изъ священнаго города къ телеграфному посту въ Джіантсе и достигали его въ три дня, въ то время какъ спеціальныя свѣдѣнія изъ Лхассы получались въ Лондонѣ черезъ пятьдесятъ часовъ. Только одно странно,—почтовые власти

*) Этого молодого слона, футовъ восьми вышиной, нѣсколько лѣтъ тому назадъ ламѣ подарилъ бхотанскій раджа. Сикхимскій раджа время отъ времени присылалъ ему другіе экземпляры, но они рѣдко выживали долго. Слонъ помѣщенъ за храмомъ „Дракона“, у болота, и считается талисманомъ счастья, въ особенности потому, что старинное индійское имя, обозначающее слонъ, а именно, „Нага“, значить также драконъ; драконъ же представляетъ собою мистическаго охранителя „сокровища“.

сдѣлали ошибку: на штемпелѣ, который заклеимилъ наши первыя посланія изъ священнаго города, онѣ написали не Лхасса, а „Лаксса“.

Подлѣ лагера быстро образовался рынокъ; къ нему стеклись продавцы и разносчики въ количествѣ около 400 человекъ; большей частью продавщицами явились женщины, украшенныя бирюзовыми уборами; онѣ торговали плодами, овощами, сахаромъ и сладостями большой спросъ былъ также на свѣчи съ деревянными свѣтильниками.

Когда пошла бойкая торговля, что случилось черезъ нѣсколько дней, правила относительно входа въ городъ были смягчены, такъ что теперь мы могли почти свободно посѣщать его, хотя храмы и монастыри оставались замкнутыми для насъ и открылись только для нѣсколькихъ официальныхъ посѣщеній.

Базаръ всегда представлялъ для насъ большую притягательную силу со своимъ человѣческимъ калейдоскопомъ измѣнчивыхъ формъ и цвѣтовъ. Вѣдь этотъ святой городъ былъ осью буддійскаго міра верхней Азіи *), Меккой, которую стремились посѣтить всѣ истинные ламаиты, такъ какъ, по словамъ тибетцевъ, „всѣ дороги ведутъ въ Лхассу“; пилигримы изъ всѣхъ частей центральной Азіи толпились на рынокѣ, также какъ подлѣ святилища города, соединяющаго мірскія дѣла съ поклоненіемъ святынь метрополи.

Здѣсь вы почти каждый день могли видѣть приходившіе съ сѣвера караваны, утомленныя путемъ изъ Монголіи и изъ русскихъ степей Сибири. Краснощекіе, дебелые люди въ темно-желтыхъ **) шерстяныхъ и войлочныхъ одеждахъ или въ засаленныхъ овчинахъ, сидѣли на неуклюжихъ лошадакахъ, вооруженные копьями и мушкетами, съ помощью которыхъ они пробивали себѣ дорогу сквозь орды разбойниковъ во время своего невыносимо-долгаго четырехъ или пятимѣсячнаго путешествія по горнымъ пустынямъ. Ихъ бѣлолицыя женщины, тоже ѣхавшія верхомъ, были увѣшаны блестящими серебряными и мѣдными украшениями и бездѣлушками, пришитыми къ платьямъ, привязанными къ длиннымъ косамъ волосъ. Онѣ помогали мужьямъ охранять дорогіе товары, нагруженные на косматыхъ двугорбыхъ персидскихъ верблюдовъ и на вереницы лошадей въ звенящихъ ошейникахъ изъ колокольчиковъ, которые на острыхъ углахъ дороги, въ утесистыхъ мѣстахъ, въ узкихъ ущельяхъ и проходахъ, а также въ узкихъ и наполненныхъ толпой переулкахъ города во-время возвѣщали о ихъ приближеніи.

Въ космополитической толпѣ вы могли замѣтить монаховъ съ блестящими черепами, въ красныхъ платьяхъ, которые ходили посреди бѣднаго населенія, одѣтаго въ лиловыя одежды, или жи-

*) Китайскіе и японскіе буддисты не признаютъ духовнаго владычества великаго ламы; оно распространяется только на тибетцевъ и монголовъ.

**) Этотъ желтый цвѣтъ служитъ основаніемъ для имени, которое тибетцы даютъ русскимъ и сѣвернымъ монголамъ, а именно „Множество одѣтыхъ въ желтое“ (Джіа-серъ); въ то время какъ два другія сосѣднія государства, Китай и Индія, называются у нихъ—первый „Множество одѣтыхъ въ черное“ (Джіа-накъ), а вторая „Множество одѣтыхъ въ бѣлое“ (Джіа-гаръ).

вописно смѣшивались съ болѣе богатыми классами въ синихъ и желтыхъ курткахъ, а также группы украшенныхъ драгоценностями горожанокъ, шеголявшихъ шелковыми нарядами и рѣзными побрякушками; блѣдныхъ китайцевъ въ платьяхъ цвѣта индиго, полныхъ самодовольной гордости метисовъ „Коко“ *); магометанскихъ купцовъ въ бѣлыхъ тюбанахъ, уроженцевъ Ладака, Кашмира и Татари; смуглыхъ евреевъ; еще болѣе смуглыхъ хотанцевъ съ густыми волосами; непальцевъ въ головныхъ повязкахъ въ формѣ пирога, крестьянъ изъ далекихъ провинцій; атлетическихъ вхамцевъ съ Востока съ ихъ прекрасными фигурами и свободной осанкой горцевъ, съ густыми челками волосъ на лбу; разнообразно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ изъ Тсангю и съ Запада; низкорослыхъ угрюмыхъ жителей нижняго Тсанга, по большей части настоящихъ варваровъ очень низкаго типа и закутанныхъ въ шкуры животныхъ. Однако, почти всѣ они, тибетцы, непальцы и монголы, даже самые дикіе, носили отпечатокъ религіозной атмосферы города, такъ какъ всѣ вращали молитвенныя колеса, перебирали четки, даже болтая, обманывая или торгуя товарами.

Ихъ безбородыя лица, хотя бы и съ очень грубыми чертами, съ маленькими безпокойными глазами, имѣли довольное, веселое выраженіе, потому что они перестали бояться насъ, увидѣвъ тщетность дальнѣйшаго сопротивленія намъ и по опыту узнавъ нашу терпимость. Ихъ дружелюбное обращеніе спровергало голословное заявленіе Марка Поло, что „тибетцы народъ непривѣтливый“ **). Во время нашихъ экскурсій для осмотра лавокъ или для фотографированія кругомъ насъ собиралась добродушная толпа; она улыбалась съ дѣтскимъ удовольствіемъ, глядя на наше великолѣпіе, или, открывъ ротъ отъ удивленія, слѣдила за нашими странными манерами, была безъизмѣнно почтительной, но отнюдь не приниженой. Мы очень рѣдко видали мрачныя лица, за исключеніемъ физиономій ламъ, да и то многіе изъ нихъ по временамъ смягчались и позволяли добродушной улыбкѣ освѣщать ихъ широкіе рты. Худшій недостатокъ тибетцевъ, можетъ быть, состоялъ въ ихъ недостаточномъ знакомствѣ съ водой, но и въ этомъ отношеніи жители Лхассы были немногимъ хуже остальныхъ горцевъ, которыхъ можно извинять холодомъ климата и недостаткомъ топлива; поминѣ и сами мы послѣ той грубой и безпокойной бродячей жизни, которую вели, не могли похвастаться излишней шепетильностью въ упомянутомъ смыслѣ.

Довольно образное опредѣленіе говорить, что обитатели Лхассы „монахи, женщины и собаки“; въ этомъ замѣчаніи много истины, потому что изъ числа постоянного населенія столицы, достигающаго 30.000 душъ, что составляетъ приблизительно пятидесятью долю всего населенія Тибета ***),—20.000 монаховъ; въ остальной

*) Почти всѣ китайцы женятся на тибетянкахъ, такъ какъ эдиктъ Невесной Имперіи запрещаетъ увозить китайнокъ за предѣлы границъ Китая. Однако, нѣсколько китайскихъ женщинъ проскользнуло въ Лхассу черезъ Дарджилингъ, добравшись моремъ до Калькутты.

**) Юле, 2-ое изданіе.

***) Въ Тибетѣ считается около 1.500.000 жителей.

части жителей количество женщинъ далеко превосходитъ мужчинъ. Этотъ перевѣсъ является результатомъ того, что громадное множество мужчинъ вступаетъ въ безбрачные ордены, а также слѣдствіемъ преобладанія полиандріи; благодаря тому и другому излишекъ женщинъ стекается въ Лхассу, гдѣ онѣ заключаютъ временные браки, потому что и бракъ, и разводъ въ Тибетѣ очень незатруднительны.

Много десятилѣтій въ Лхассѣ не дѣлалось переписей и точныя цифры населенія неизвѣстны даже самому правительству; однако, непальскій консулъ далъ мнѣ слѣдующее приблизительное счисленіе жителей:

Большая площадь въ Лхассѣ.
(Зданіе съ занавѣсью—палата совѣта).

Тибетцевъ 7.000; изъ нихъ 5.500 женщинъ.

Китайцевъ и „кочосовъ“ 2.000, купцовъ, военныхъ и полиціи.

Непальцевъ 800, большей частью купцовъ и ремесленниковъ.

Магометанъ 200, купцовъ изъ Ладака и западнаго Китая.

Монголовъ 50, промышленниковъ.

Бхотанцевъ 50, промышленниковъ.

Итакъ, тибетскихъ мірянъ въ ихъ собственномъ городѣ замѣчательно мало. Пришлое населеніе Лхассы, говорятъ, колеблется отъ 1.000 до 2.000; зимой и во время большихъ праздниковъ оно гораздо многочисленнѣе и большей частью состоитъ изъ паломниковъ и купцовъ.

Я нашель, что и здѣсь, какъ и вездѣ въ Тибетѣ, начиная съ Джіантсе до Лхассы, физическій типъ туземцевъ раздѣляется на

двѣ очень различныя и почти одинаково преобладающія категории: одни тибетцы, съ круглой головой, плоскимъ лицомъ и косыми глазами, приближаются къ чистымъ монголамъ степей (сокъ); другіе, съ вытянутыми лицами, съ почти правильными чертами, съ прекраснымъ длиннымъ носомъ, съ хорошей переносицей и съ незначительной раскосостью глазъ, похожи на татаръ Туркестана или на бродячія племена большого сѣвернаго плоскогорья (хоръ). Замѣчательно, что большее количество знати и высшихъ чиновныхъ лицъ, джовгпёновъ и другихъ, принадлежали во второй группѣ—съ болѣе длиннымъ лицомъ и длиннымъ носомъ; къ ней же, повидимому, отнеслись многіе изъ магометанскихъ куліевъ балтсовъ, которые пришли съ нами въ Лхассу черезъ Индію изъ своей страны на границахъ Памиры. Послѣдніе дѣйствительно почти не отличались по чертамъ отъ длиннолицыхъ тибетцевъ. Китайцы называютъ ихъ „черными тибетцами“ (Кара-тиюпеть), а м-ръ Шоу, описавшій ихъ въ ихъ собственной странѣ, далъ имъ имя „магометанскіе тибетцы“. Переселенія вочующихъ татаръ (хоръ), какъ мнѣ говорили, привели ихъ въ юго-западный Тибетъ, на востокъ отъ озера Ямдокъ, близъ границъ Бхотана.

Лхасскіе тибетцы еще меньше ростомъ, чѣмъ китайцы, и значительно ниже большинства европейцевъ; но уроженцы восточной провинціи Кхамъ гораздо выше европейцевъ.

Цвѣтъ кожи тибетцевъ обыкновенно свѣтло-шоколадный, хотя многіе изъ горожанъ высшаго класса и большое количество женщинъ не смуглѣе южныхъ итальянцевъ. У нѣкоторыхъ женщинъ и у дѣтей розовыя щеки, и многія изъ нихъ выказываютъ нѣкоторое знакомство съ мыломъ—товаръ, на который, очевидно, былъ большой спросъ, потому что его куски лежали почти на всѣхъ лоткахъ и въ теченіе многихъ лѣтъ оно служило главнымъ предметомъ ввоза. Даже мужчины не питали природнаго отвращенія къ этой принадлежности туалета: во время атаки на нашъ постъ близъ Джіантсе почти у каждаго изъ убитыхъ и раненыхъ въ сумкѣ лежало по куску мыла. Однако, необыкновенная опрятность лхасскихъ горожанъ въ наше время могла явиться исключительнымъ и невольнымъ фактомъ: они пережили періодъ необыкновенныхъ дождей, а кромѣ того, наше пребываніе въ Лхассѣ совпало съ большимъ церемоніальнымъ праздникомъ купанья, во время котораго каждый позволяеть себѣ роскошь омовенія; слѣдовательно тибетцы купаются хоть разъ въ годъ.

Шелкъ и драгоценности здѣсь еще въ большемъ употребленіи, чѣмъ въ Джіантсе. Любовь къ украшеніямъ составляетъ одну изъ преобладающихъ чертъ обитателей Лхассы. Только бѣдный человѣкъ не носитъ въ ухѣ длинной серьги съ жемчужными и бирюзовыми подвѣсками, массивныхъ серебряныхъ пряжекъ, громаднаго костяного кольца на большомъ пальцѣ, осыпанной бирюзой амулетной коробочки и такою же молитвеннаго колеса. Особенно женщины отдаются любви къ украшеніямъ. Онѣ съ головы до ногъ покрыты массивными бездѣлушками, ихъ гладкіе, заплетенные въ косы волосы окружены красными сукоными тиарами, усаженными кусками коралла, янтара и бирюзы, крупными, точно простые камни; громадные,

осыпанныя бирюзой золотыя или серебряныя серьги касаются ихъ плечъ; большія филиграновыя золотыя или серебряныя амулетныя коробочки, похожія на нагрудники и усаженныя бирюзой, висятъ у нихъ на шеѣ; пояса съ громадными серебряными пряжками опоясываютъ ихъ широкія платья, свободныя, какъ накидки, и съ нихъ свѣшиваются цѣпочки со связками ключей или серебряныя туалетныя принадлежности. Всѣ мы покупали эти бездѣлушки, какъ рѣд-

Лхасскія женщины.

кость. Четки женщинъ обыкновенно состоятъ изъ бѣлыхъ бусинъ, сдѣланныхъ изъ раковины или цвѣтнаго стекла; четки мужчинъ изъ желтаго дерева ивы; молитвенныя колеса, которыя они благочестиво вертятъ, тоже украшаются бирюзой.

Замѣчательно, до чего тибетцы исключительно любятъ бирюзу и коралль; за большіе куски коралла они платятъ приблизительно по 4 фунта за унцію, слѣдовательно, покупаютъ его на вѣсъ золота. Эта склонность не новаго происхожденія; венеціанецъ

Марко *), который писалъ о Тибетѣ еще въ XII столѣтіи, говоритъ: „Коралль въ большомъ спросѣ въ этой странѣ (Тибетѣ) и цѣнится очень дорого, потому что жители любятъ вѣшать его на шею своихъ женщинъ и своихъ идоловъ“.

Еще въ большемъ почетѣ у нихъ бирюза, такъ какъ ей приписывается мистическая сила. Тибетцы думаютъ, что она охраняетъ отъ дурного глаза, приноситъ счастье и здоровье и, подобно древнимъ египтянамъ **) и персамъ ***) вѣрятъ, что она отвращаетъ заразу; они также полагаютъ, что, измѣняя цвѣтъ и блѣдность, она вбираетъ въ себя несчастье и болѣзни, и тогда сейчасъ же бросаютъ ее, замѣняя бирюзой хорошаго цвѣта. Громадное количество этихъ больныхъ камней излечивалось путемъ синей краски; подкрашенную бирюзу приносили на продажу нашимъ доверчивымъ солдатамъ, но они скоро узнали обманъ и научились распознавать ея настоящій цвѣтъ раньше покупки. Бирюзу не только носятъ, но и вкрапляютъ ее въ видѣ талисмановъ въ лобъ Будды и другихъ изображеній; если камни достаточно велики, тибетцы покрываютъ ихъ мистической надписью или рисункомъ дракона. Можетъ быть, также предестный цвѣтъ бирюзы увеличиваетъ ея популярность, такъ какъ прекрасно отбѣняетъ темную кожу и темныя платья туземцевъ.

Единственно кто не отличался экстравагантностью костюма были бѣдныя дѣти; многія изъ нихъ совершенно обходились безъ одежды и нагія бѣжали за легкими змѣями и играли на улицахъ, несмотря на суровость климата, благодаря которому снѣгъ въ августѣ лежитъ на горахъ, поднимающихся всего на 800 ф. надъ долиной. Очень старыхъ людей почти не было видно. Суровое существованіе, которое ведетъ народъ, заставляетъ его быстро стариться; даже мужчины въ 30 лѣтъ покрыты морщинами; количество дѣтей замѣчательно мало.

Дома горожанъ строятся изъ камня или кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; ихъ стѣны красиво и аккуратно покрываются известкой; деревянные подѣлки окрашиваются цвѣтной краской, надъ дверями пишутся заклинанія отъ дурного глаза, и все это придаетъ имъ видъ комфорта. Однако, взгляды во внутренность разрушаетъ иллюзію, доказываетъ, что комнаты жителей Лхассы такъ же грязны и неопрятны, какъ жилища крестьянъ, и подчеркиваетъ общую бѣдность страны. Даже зажиточные люди живутъ среди безпорядка и грязи. Ихъ болѣе просторные дома внутри жалки и неопрятны, хотя нѣкоторые изъ наиболее богатыхъ лхассцевъ, въ подражаніе китайцамъ, съ нѣкоторымъ вкусомъ украшаютъ комнаты картинами, фресками и имѣютъ порядочную мебель; у немногихъ есть одно или два окна со стеклами—большая рѣдкость въ Лхассѣ.

Въ домахъ бѣднѣйшаго класса обыкновенно двѣ комнаты: одна,

*) Марко-Поло, изданіе Юле, глава XXVI.

**) „Бриллианты“ Эммануеля.

***) „Кхорасанъ“ Фразера и „Антиварій“ Кемпбеля, 1896 г. Въ Средне вѣка бирюза въ особенности цѣнилась въ Европѣ за то, что охраняла всадниковъ: имѣвшаго на себѣ бирюзу лошадь не сбрасывала и его нельзя было стащить съ сѣдла. На языкѣ камней современной Европы бирюза обозначаетъ богатство.

въ которой спать; другая, въ которой ѣдятъ; въ каждой, особенно въ послѣдней, имѣется очагъ, обыкновенно посреди пола и безъ трубы, такъ что его дымъ покрываетъ копотью всю внутренность жилища. Полъ усѣянъ всевозможными зловонными остатками, которые рѣдко выметаются вонь и образуютъ по угламъ гниющія груды. Такіе пустяки, какъ выносъ остатковъ пиши и мытье посуды, считаются вещь излишней. Обѣдки бросаютъ куда-нибудь въ уголъ и они остаются тамъ, пока гряда не сдѣлается ужь слишкомъ высокою; тогда часть ихъ выкидываютъ прямо на улицу передъ домомъ или на ближайшую дымящуюся навозную кучу. Посреди этой грязи, близъ очага или горшка для кушанья, валяется связка нечистыхъ доскутьевъ, представляющихъ собою кровать; тибетцы никогда не раздѣваются, ложась спать, не дѣлаютъ себѣ постели и не имѣютъ ни простынь, ни одѣяль въ нашемъ смыслѣ,—они просто закутываются кожами животныхъ и еще какимъ-нибудь тряпьемъ. Грубо срубленная низкая скамья служитъ столомъ; обрубки дерева или ящики замѣняютъ стулья; въ одномъ изъ этихъ ларей хранятся всѣ цѣнные вещи семьи — нѣсколько нарядныхъ одеждъ, бездѣлушекъ, запасныя четки, молитвенныя колеса и гороскопы. Съ гвоздей, вбитыхъ въ стѣну, спускаются пузыри съ масломъ, иногда сохраняющимся нѣсколько лѣтъ, куски сыра, куски мяса, веревки изъ волосъ яковъ, чумички и другая утварь; въ нишѣ въ стѣнѣ или на верху ларя помѣщается маленькая рака для хранения домашнихъ боговъ, а рядомъ съ ними религиозныя картинки и нѣсколько заклинаній. Глиняные и чугунныя котлы для кушанья и другія кухонныя принадлежности, стоящія между ведрами съ водой и скверно пахнущими запасами зеренъ и другой провизіи, дополняютъ убранство комнаты, среди которой обыкновенный тибетецъ влачитъ жалкое существованіе.

Его пищу, даже въ городѣ, составляютъ простыя кушанья изъ сохраняющейся провизіи, которой поневолѣ долженъ довольствоваться бродячій классъ Тибета. Тибетецъ цѣлый день пьетъ чашки „маслянаго“ чая, въ сущности представляющаго собою супъ или бульонъ. Чай этотъ дѣлается изъ кипяченыхъ чайныхъ листьевъ съ прогорѣлымъ масломъ; въ него бросаются катышки тѣста и прибавляется немного соли; этотъ декоктъ былъ неизмѣнно отвратителенъ для всѣхъ насъ, хотя, конечно, онъ очень полезенъ, потому что не только служитъ поддѣрживающимъ горячимъ питьемъ на холодѣ, но и отвращаетъ опасность отъ некипяченой воды въ той странѣ, гдѣ такъ много болотистыхъ пространствъ. Вместо хлѣба тибетецъ ѣстъ лепешки изъ пшеничнаго или ячменнаго тѣста (джимпа) безъ закваски, обсыпанныя мукой, изъ поджаренныхъ зеренъ ячменя (тсампа *)), въ сухомъ видѣ или варенныя въ водѣ. Главное его мясное кушанье: тушеное мясо съ картофелемъ, рѣпой, капустой и прочей зеленью, къ которому для вкуса прибавляется немного сушеного сыра (чура); въ праздники подаютъ сухарь, покрытый слоемъ темнаго сахара, но его никогда не ѣдятъ съ чаемъ.

*) Бродѣ „сатту“ — кушанья, которое индусы дѣлаютъ изъ толченнаго риса и маиса.

Изъ крѣпкихъ напитковъ тибетецъ пьетъ мѣстное пиво, сдѣланное изъ перебродившаго ячменя; въ немъ немного алкоголя и оно имѣетъ уксусный вкусъ и запахъ, лѣтомъ оно представляетъ приятно-прохладительный напитокъ. Изъ этого пива гонятъ грубую жгучую водку, однако, ее пьютъ въ небольшомъ количествѣ. Вообще, хотя въ Тибетѣ и потребляется очень много пива, пьянство, повидимому, здѣсь нераспространенный порокъ. Въ общемъ всегда приятно выйти на воздухъ изъ этихъ жалкихъ низкихъ домовъ.

Улицы обрамлены двухъ и трехъэтажными домами, съ лавками внизу. Главныя изъ нихъ шириною футовъ въ 25 и безъ мостовой, потому что въ городѣ нѣтъ колеснаго движенія; переулки гораздо уже. Ни одна изъ улицъ не вымощена, и такъ какъ онѣ служатъ также спускомъ воды, то въ дождливыя времена года превращаются въ цѣлую цѣпь грязныхъ лужъ, между которыми вамъ приходится пробираться съ трудомъ. Высокіе молитвенные флаги, стоящіе по главныя угламъ, и многочисленные маленькіе жертвенники, для горѣнія благовоній, подлѣ большинства домовъ, придаютъ городу религіозный видъ, хотя безчисленное количество собакъ и свиней, наводняющихъ улицы, грызущихъ кости и роющихъ въ кучахъ отбросовъ, напоминаютъ отвратительную грязь китайскихъ поселеній. Порядокъ поддерживается—и очень хорошо — туземной полиціей (корчакъ).

Отыскивая что-нибудь любопытное, мы осмотрѣли рѣшительно всѣ лавки, но въ нихъ оказалось очень мало пригоднаго для насъ. У тибетцевъ въ лавкахъ нѣтъ мѣста, гдѣ они могли бы показывать свои товары, а потому они раскладываютъ ихъ на лоткахъ, на улицѣ. У китайцевъ настоящіе магазины, съ конторками, за которыми виднѣются шелковыя матеріи, фарфоръ, кирпичный чай и другія вещи. Непальцы показываютъ, главнымъ образомъ, матеріи и снадобья, мѣдные кубки, лампы и т. д.; магометане продаютъ пряности и сухіе плоды. Такимъ образомъ, на базарѣ не нашлось почти ничего, что стоило бы покупать, но узнавъ, что именно намъ нужно, лавочники спрашивали частныхъ хозяевъ домовъ и принесли вещи въ нашъ лагерь. Благодаря этому, мы получили нѣсколько предметовъ изъ старинной китайской эмали клуазоне (кугуша), старинныя китайскія и другія издѣлія, но мы не увидѣли ничего, имѣющаго художественную цѣнность мѣстнаго тибетскаго производства.

На лоткахъ и въ балаганахъ, гдѣ почти исключительно торговали покрытыя украшениями женщины-продавщицы, въ числѣ другихъ болѣе или менѣе интересныхъ для насъ вещей виднѣлось много разнообразныхъ мѣховъ, привезенныхъ въ Лхассу съ окрестныхъ горъ, по большей части кожъ животныхъ рода циветты и хорька, включая нѣсколько шкурокъ тибетскаго соболя, причемъ за каждую изъ послѣднихъ спрашивали около 18 шиллинговъ. Были тоже и болѣе крупныя мѣха серебристой рыси, тигро-кошки, леопарда, выдры, тигра и медвѣдя. Изъ фруктовъ мы видѣли великолѣпные персионы, персики, айву, дикія яблоки, плоды шелковицы, крыжовникъ и красную смородину, тутъ же продавались такія старыя яйца, что многія изъ нихъ совсѣмъ почернѣли отъ времени; тибетцы, под-

ражая китайцамъ, считаютъ сгнившія яйца очень тонкимъ лакомствомъ и хвалятся этими старинными реликвіями, какъ наши сквайры портвейномъ своихъ погребовъ *). Несмотря на то, что наши повара очень заботливо выбирали яйца, мы путемъ непріятнаго опыта узнали, что не вполне безопасно дѣлать на нихъ атаки, лучше было варить ихъ „въ мѣшочекъ“, такъ какъ въ этомъ случаѣ состояніе, въ которомъ они находятся, замѣчалось издали. Плиты кирпичнаго китайскаго чая интересовали насъ въ видахъ возможности открыть индійскому чаю дорогу въ области, гдѣ это вещество считается необходимостью. Каждая плита вѣситъ около 4 ф., сдѣлана изъ прессованныхъ листьевъ и вѣтокъ и завернута въ желтую бумажную обертку съ надписью, обозначающей качество чая; 12 такихъ плитокъ зашиваютъ вмѣстѣ въ одну оболочку, и это образуетъ туюк; яки, ослы и лошади несутъ такіе цибки изъ большого центра Даргсендо (Та-чѣнь-лу) въ западномъ Китаѣ, черезъ горы, въ центральный и западный Тибетъ. Здѣсь для переноски товаровъ не употребляютъ овецъ, какъ въ скалистыхъ мѣстахъ сѣверо--западныхъ Гималаевъ, и совсѣмъ не изъ-за религіозныхъ соображеній, а просто потому, что дороги достаточно хороши для употребленія болѣе крупныхъ животныхъ. Чайные караваны рѣдко дѣлаютъ въ одинъ день болѣе чѣмъ пятимильные переходы.

Торговля въ Тибетѣ совершается, главнымъ образомъ, путемъ обмѣна; сравнительно за-немногіе предметы платятъ деньги, а потому чайные кирпичики часто служатъ условной монетой, такъ какъ они всѣмъ нужны, притомъ же производятся въ ограниченномъ количествѣ, легко переносимы и почти всегда одинаковаго размѣра. Однако, деньги тоже ходятъ въ Тибетѣ и выбиваются на монетномъ **) дворѣ въ Лхассѣ. Они имѣютъ форму грубо сдѣланныхъ серебряныхъ монетъ величиной съ полпенни, тонки, какъ 6 пенсовъ, и подражаютъ непальскимъ „тангка“, которымъ индусы даютъ названіе „медвѣдей“. Тибетъ прежде вывозилъ монету изъ Непала, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ выбиваетъ собственныя деньги, изображая на нихъ 8 символовъ счастья. По количеству серебра тибетская единица равняется 5 пенсами и, подобно своему непальскому прототипу, рѣжется на половины, на трети или на четверти, чтобы образовать монеты меньшей стоимости. Однако, всемогущая индійская рупія въ большомъ спросѣ и изображеніе покойной королевы императрицы, отчеканенное на ней, внушало тибетцамъ почтительный страхъ, такъ какъ они считали его смягченнымъ образомъ страшной буддійской богини „Великой Царицы“. Наши деньги большей частью состояли изъ новыхъ рупій, имѣвшихъ на себѣ изображеніе короля-императора, а потому очень многіе изъ тибетцевъ отказывались принимать незнакомыя имъ монеты, которыя они называли „голова ламы“. Встрѣчались русскіе рубли, а также и китайскія монеты съ надписью на противоположной сторонѣ, были и чистые кусочки серебра въ формѣ китайскихъ слит-

*) Ламы ѣдятъ яйца, за исключеніемъ давшихъ высшій обѣтъ.

**) Монетный дворъ называется Гахаданъ-п'одангъ—„Счастливый дворецъ“—титулъ Поталы.

ковъ серебра или „башмаковъ“ (тибетскіе дотса) стоимостью въ 150 р. Маленькая мѣра длины на базарѣ состояла изъ ширины пальца или длины суставовъ передней части пальца *). Въ китайскій кварталъ на сѣверо-востокѣ города можно было входить въ обихъ его конпахъ черезъ деревянные ворота, вродѣ тѣхъ, которыя стоятъ подлѣ храмовъ въ Небесной Имперіи.

Наше мѣсто стоянки, внѣ воротъ города, стало очень опасно: его залили проливные дожди и воды рѣки и ея притоковъ, а потому наша армія перешла на болѣе сухое мѣсто равнины, близъ монастыря Сера; тамъ, въ видѣ предохранительной мѣры отъ нападенія, генераль Макдональдъ возвелъ укрѣпленія, превративъ лагерь въ сильную оборонительную позицію; были выстроены крѣпкія торфяныя стѣны высотой въ 5 ф. и проведены окопы и рвы, обведенные щетиной деревянныхъ острыхъ кольевъ. Въ то же время миссія двинулась въ ближайшій дворецъ Лхалу, прекрасное, исключительно чистое, заново окрашенное зданіе, окруженное большой рощей и бывшее резиденціей семьи отца предыдущаго далай-ламы; сынъ его симпатичный молодой человекъ лѣтъ 20-ти, носить китайскій титулъ „герцога“ или „кунгъ“. Тибетцы выставили ребячески смѣшное возраженіе противъ перемѣщенія нашего лагеря. Ламы увѣряли, что залитый болотистый лугъ, на которомъ мы впервые остановились, было прекрасное мѣсто, что „обыкновеннымъ людямъ не позволялось останавливаться на немъ“, что въ городѣ нельзя занять ни одного строенія, потому что всѣ они священныя мѣста или храмы.

По дорогѣ къ новому лагерю, перестѣвая равнину, которая, какъ я показалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, называлась „лугомъ дикихъ ослонъ“, мы увидѣли этихъ животныхъ. Они были довольно ручныя и позволили мнѣ подойти къ нимъ и снять съ нихъ фотографію. Мнѣ сказали, что ихъ поймали молодыми и привезли въ подарокъ далай-ламе; онъ приказалъ кормить ихъ и помѣстить въ Лхалу, позволивъ имъ бѣгать кругомъ сколько угодно. Они сразу подружились съ нашими мулами; двухъ изъ нихъ вскорѣ захватили и привели въ нашъ лагерь съ цѣлью послать въ видѣ подарка **) нашему королю, хотя они не позволяли никому садиться на себя, но спокойно вынесли обыкновенныя байковыя лошадиныя попоны и въ теченіе холодныхъ ночей не пытались сбрасывать ихъ.

Переговоры подвигались медленно, и въ это время мы могли навѣстить нѣкоторыхъ изъ тибетскихъ должностныхъ лицъ, непальскаго консула и Тонга Пенлона, главу Бхотана.

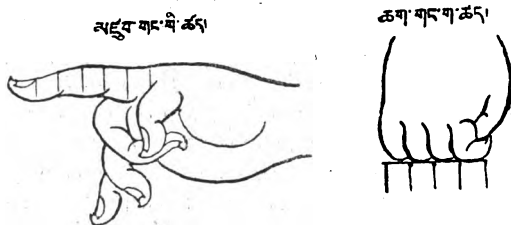
Непальскій министръ-резидентъ или консулъ, который прожилъ въ Лхассѣ болѣе 20-ти лѣтъ, относился къ намъ очень дружески и любезно, поэтому я охотно принялъ приглашеніе посѣтить его въ его домѣ. Консульство помѣщается въ густой части города, къ югу отъ площади большого храма, и такъ какъ непальскій поручикъ, явившійся за мною, повелъ меня мимо дома моего друга, перваго

*) Чагъ-ванджитъ-сэдъ.

**) Оба эти кянга были ослицы; одна изъ нихъ, къ несчастію, утонула при переходѣ черезъ Тсангпо.

министра, теперь смѣщеннаго далай-ламой за то, что ему не удалось удержать миссію за предѣлами долины Чумби, я поддался искушенію, сошелъ съ лошади и заглянулъ въ ворота. Домъ Шата по формѣ обыкновенный домъ тибетской знати, вродѣ Фалы, — его большой центральный вымощенный дворъ окруженъ двумя двухъ или трехэтажными строениями; внизу находятся конюшни. Большая каменная стѣна подобно экрану, стоитъ по сю сторону воротъ, какъ въ китайскихъ домахъ, и съ одной стороны дверей виднѣется фреска съ изображеніемъ монгольскаго гиганта-охранителя, ведущаго тигра, что напоминаетъ надписи на порталахъ древнихъ римскихъ домовъ.

Консулъ вышелъ мнѣ навстрѣчу и сердечно встрѣтилъ меня, задушевно пожавъ мнѣ руку. Онъ симпатичный человекъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ правильными чертами лица, весь въ шелеу, съ згреткой на головномъ уборѣ. Онъ капитанъ *) непальской арміи и окруженъ тѣлохранителями изъ нѣсколькихъ дюжинъ гуркховъ, которые встрѣтили меня и салютовали мнѣ по английской командѣ, а когда я входилъ, дали английскій сигналъ рожками.

Базарная мѣра пальцами.

Въ верхнемъ этажѣ, въ приѣмной комнатѣ, которая была хорошо убрана, по стѣнамъ висѣли раскрашенныя литографіи, между прочимъ портретъ раджи Непала и китайскія картины, изображавшія правителей міра: покойную королеву-императрицу, императора Вильгельма, русскаго царя, президентовъ французской республики и Соединенныхъ Штатовъ и китайскаго императора. Всѣ были похожи. Рядомъ съ ними красовались двѣ большія всемірныя карты. Мы съ любезнымъ просвѣщеннымъ хозяиномъ разговорились о многихъ предметахъ. Послѣ угощенія, включавшаго английскіе бисквиты и вкусныя мятые орѣхи, онъ окинулъ комнату пронизательнымъ взглядомъ и приказалъ всѣмъ своимъ приближеннымъ уйти; когда мы остались вдвоемъ, консулъ наклонился ко мнѣ и заговорилъ почти шепотомъ, съ глазами, блиставшими умомъ. Онъ сказалъ, что тибетцы очень довольны нашимъ появленіемъ въ ихъ странѣ, что раздражены только должностныя лица и ламы, похожіе на молодыхъ быковъ, въ первый разъ введенныхъ подъ ярмо; что пока неизвѣстно, какъ они поведутъ себя, но что въ скоромъ времени они успокоятся. Тибетцы, нѣсколько дней тому назадъ собравшіеся бѣжать отъ насъ и бравшіеся за старыя мушкеты для за-

*) Непальцы въ Лхассѣ даютъ ему индійское названіе «Вакиль» или депутатъ.

щиты, теперь повѣряли ему свои впечатлѣнія, говоря: „Британцы народъ необыкновенный; нося непобѣдимыя ружья на плечахъ, они платятъ за всю пищу, которую берутъ, тогда какъ наши собственные тибетскіе солдаты силой отнимаютъ отъ насъ свѣстные припасы и платье, которое имъ нужно, и ничего не даютъ взамѣнъ“. Консуль прибавилъ, что Дорджіевъ увѣхалъ съ великимъ ламою въ сторону Монголіи и вмѣстѣ съ нимъ жилъ теперь въ Нагчука, подлѣ озера Тенгри, несмотря на рассказы амбана, увѣрявшаго, что Дорджіевъ оставилъ Лхассу уже три мѣсяца тому назадъ, и что далай-лама все еще былъ на разстояніи двухъ дней пути отъ священнаго города. По его же словамъ, министръ Шата пользовался большою популярностью, и что именно по этой причинѣ далай-лама, завидовавшій его возроставшему вліянію, ухватился за предлогъ нашего появленія въ долину Чумби и отнялъ у него власть. Шата относился дружески не только къ британцамъ, но и къ русскимъ, которыхъ онъ встрѣтилъ подлѣ озера Тенгри. Далай принималъ очень дѣятельное участіе въ политикѣ и отличался такимъ рѣзкимъ характеромъ, что всѣ его боялись; однако, Дорджіевъ держалъ его въ рукахъ. Амбанъ имѣлъ очень маленькое вліяніе на тибетцевъ, за послѣднее время жилъ почти какъ плѣнникъ и нѣсколько недѣль до прихода нашей арміи не смѣлъ выходить изъ дому. На крайнемъ Востокѣ, въ Литангѣ и Дарсендо, на границахъ Китая, ламы и народъ были дружески расположены къ европейцамъ. Тибетскій глава Дарсендо, Чала, въ особенности хорошо относился къ европейцамъ, и когда далай-лама сталъ грозить ему за это наказаніемъ, онъ, говорятъ, „побратался“ съ протестантскими христіанами-тибетцами, цвѣтущая колонія которыхъ существуетъ въ Дарсендо. Послѣднія же донесенія говорили, что онъ строитъ у себя форты и можетъ вывести на поле сраженія 10.000 вооруженныхъ человѣкъ.

Я спросилъ, живутъ ли въ Лхассѣ европейцы и находится ли въ этомъ городѣ одинъ румынъ Г. Шевронъ, на имя котораго въ почтовомъ мѣшкѣ изъ Индіи пришла почтовая карточка, но консуль отвѣтилъ, что онъ не знаетъ такого лица и знакомъ только съ азіатами. Раньше чѣмъ я простился съ нимъ, ко мнѣ вышла его супруга; они оба любезно позволили мнѣ снять съ нихъ фотографіи. Въ видѣ подарка консуль прислалъ мнѣ дюжину яицъ дикихъ гусей съ озера Тенгри; они были превосходны и не имѣли того грубоватаго вкуса, которымъ отличаются яйца нашихъ домашнихъ гусей.

Магометанская колонія также имѣетъ собственнаго консула, въ лицѣ главы ладакскихъ купцовъ. Это любезный джентльмэнъ, уроженецъ Лхассы, который провелъ здѣсь большую часть своей жизни. Онъ живетъ на главной рыночной улицѣ и пользуется властью почетнаго судьи, имѣя право судить всѣ преступленія и проступки своихъ собратьевъ по вѣрѣ. Многие изъ нихъ, выдававшіе себя за уроженцевъ Ладака и Кашмира, больше походили на персовъ, турокъ и армянъ; на вопросъ о подробностяхъ дороги изъ Ладака почти всѣ они объясняли, что вошли въ Тибетъ черезъ непальскіе проходы, а не черезъ Лехъ и Ладакъ.

Амбанъ нѣсколько разъ навѣщалъ генерала послѣ совѣщаній съ

миссией. Онъ всегда являлся съ большой пышностью; передъ его сидячими носилками, походившими на кэбъ безъ колесъ, шли длинныя вереницы людей въ красныхъ съ чернымъ одеждахъ, съ знаменами въ рукахъ. Сзади паланкина ѣхали копыеносцы, а за ними всадники и штабъ. Обыкновенно носилки останавливались на разстояніи 10 ярдовъ отъ приѣмной палатки; тутъ онѣ опускались

Непальскій консулъ и его жена.

на землю; его превосходительство быстро выходилъ изъ нихъ и, обмѣниваясь улыбками и поклонами, пожималъ всѣмъ руки; солдаты втыкали въ землю сѣкиры и другіе знаки достоинства своего господина, образуя пѣлубую аллею изъ этого допотопнаго оружія. Амбанцъ держался лбезно и очаровательно. Говоря о восточныхъ границахъ Тибета, онъ замѣтилъ, что Джайадеъ, въ сущности, независимая страна и не находится ни подъ властью Лхассы, ни

подъ властью Китая. Восточныя области Держе и „Чан-уе“ (Джай-адъ?) или Чямло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, около 1896 г., были захвачены сечуанскимъ намѣстникомъ, но когда депутація тибетцевъ отправилась въ Пекинъ съ протестомъ, намѣстнику приказали освободить эти провинціи. Главный предметъ, который китайцы получали изъ Лхассы, составлялъ мускусъ, такъ какъ тибетскія звѣриныя шкуры не отличались достоинствомъ; мѣхъ былъ слишкомъ грубъ и не годился для удобныхъ и мягкихъ одеждъ. По дорогѣ изъ Китая онъ видѣлъ мало дичи, кромѣ того, путешествовалъ въ носилкахъ и не интересовался этимъ вопросомъ, а потому не могъ даже сказать, какого рода птицы и звѣри встрѣчались ему. Громадное протяженіе горныхъ проходовъ, которые ему приходилось миновать, поразило китайскаго сановника.

Во время перваго визита въ нашъ лагерь онъ очень испугался громкаго рева, вырвавшагося изъ глотокъ 4.000 муловъ, когда зазвучалъ рожокъ, призывавшій ихъ для корма. Амбанъ вскочилъ съ мѣста, точно слышавъ военный кличъ, но съ улыбкой пришелъ въ себя, когда ему объяснили смыслъ этого инцидента. Благодаря амбану маленькимъ партіямъ офицеровъ позволили посѣтить „соборъ“, главныя окрестныя монастыри, а также осмотрѣть часовни и раки священнаго города.

ГЛАВА XVII.

Храмы и монахи города отшельниковъ. „Святое святыхъ“ ламъ.

„Какъ, быть въ Лхассѣ и не видать
„Дома Господина“, Джовангъ?“
Тибетская пословица.

Конечно, мы прежде всего посѣтили знаменитое святилище Будды, самый большой и самый священный храмъ Тибета, по имени котораго городъ, выросшій кругомъ его высшаго идола, получилъ свое названіе Лхасса или „Мѣсто боговъ“ *). Можно было бы подумать, что мѣстныя божества—боги дождя, судя по постояннымъ ливнямъ, которые ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ промачивали насъ до костей съ перваго дня нашего прибытія въ городу монаховъ, гдѣ „облака въ капюшонахъ, какъ монахи, читаютъ четки изъ капель дождя“.

Мѣстный геній — водяной драконъ, живущій въ священномъ прудѣ посреди храма.

Мы опять-таки подъ дождемъ двинулись къ знаменитому святилищу въ сердцѣ города, гдѣ его такъ тѣсно окружаютъ дома, что размѣровъ „собора“ издали нельзя рассмотреть; вы даже не можете дать себѣ отчета, что подходите къ нему, пока не очутитесь у его воротъ, въ узкой улицѣ противъ стоячей доски съ надписью объ оспѣ, воз-

*) Большой храмъ Лхассы стоитъ на высотѣ 12.290 ф. надъ уровнемъ моря на 39° с. ш. и 90°57' вост. долг. (или 91°55'). Точныя наблюденія еще не выработаны.

двинутой подь роскошной старой плакучей ивой, отгѣняющей также и старинный столбъ съ эдиктомъ. Этотъ столбъ, или дорингъ, къ счастью, избѣжалъ порчи, которая безобразитъ таблетку съ надписью объ оспѣ. Тутъ мы сошли съ лошадей, я снялъ съ таблетки фотографію и нѣсколько подробнѣе осмотрѣлъ ее. Доску эту *) поставили китайцы, чтобы бороться съ оспой, которая опустошаетъ Тибетъ, въ особенноти Лхассу; она воздвигнута передъ входомъ въ главное святилище, чтобы всѣ пилигримы могли видѣть ее и читать предписанія на случай эпидеміи. Тибетцы очень любятъ такіа объявленія, потому что они говорятъ: „Пока не произнесены слова, даже сынъ не пойметъ своего собственнаго отца; пока объявленіе не вывѣшено на рыночной площади, каждый человѣкъ будетъ поступать согласно тому, что услышитъ“. Однако, это не помогло, и всего 4 года тому назадъ, въ 1900 г., въ Лхассѣ отъ заразы умерло около 6.000 человѣкъ **).

Громкіе звуки кимваловъ и колоколовъ и глухіа волны пѣнія священниковъ въ „соборѣ“ заставили насъ вспомнить о храмѣ Святого Петра. Святилище это очень древнее, его воздвигли въ 65 г., приблизительно въ то время, когда въ дикую Англію ввели христіанство, когда умеръ Магометъ, а фанатическіе сарадины, побѣдивъ Палестину, собирались нахлынуть на Европу. Первоначально его выстроили для изображеній, привезенныхъ въ этотъ годъ буддѣйскими женами царя Сронгстана — китайской императорской принцессой и дочерью владѣтеля Непала. Кругомъ центральной раки, въ нынѣшнее время составляющей „святое святыхъ“, строеніе выросло до его теперешняго размѣра, благодаря пристройкамъ; оно закончилось два съ половиной столѣтія тому назадъ.

Западный главный входъ храма не величавъ и не внушительнъ. Съ улицы вы можете видѣть только жалкій двухъэтажный фасадъ, безъ возвышающихся куполовъ; вверху виднѣется лишь вышка позолоченной крыши китайской не очень высокой пагоды; на этой золоченой потемнѣвшей поверхности теперь, когда прекратился дождь, вспыхнули язычки огненнаго цвѣта. Основывалась на разсказахъ лхасскихъ ламъ, я 10 лѣтъ тому назадъ издалъ переводъ путеводной книги пилигримовъ съ указателемъ часовенъ и алтарей храма, а также съ мѣстнымъ рисункомъ самого святилища, и прибавилъ ***):

„Часовни и другія зданія, составляющія храмъ, повидимому не имѣютъ широкихъ архитектурныхъ пропорцій; это скорѣе скопленіе низкихъ строеній съ блестящими позолоченными крышами“.

Взглядъ на храмъ теперь вполнѣ поддерживалъ это описаніе и также напомнилъ, что многія правдивыя слова говорятся въ шутку,

*) Ее, вѣроятно, поставили въ 1794 г.; въ китайскихъ мемуарахъ (Рокхиль) говорится, что въ этомъ году „тале-лама, повинувся приказаніямъ императора, воздвигнулъ спеціальныя госпитали для больныхъ оспой, гдѣ имъ давалось пропитаніе и все необходимое; госпиталими завѣдывали отдѣльныя служащіе.“ Это было скорѣ послѣ того, какъ Таши-лама умеръ отъ чумы въ Пекинѣ. Тибетская надпись идетъ вертикально, какъ китайская, а не горизонтально, какъ у европейцевъ.

**) Число умершихъ опредѣлилъ японскій монахъ Кауагучи, жившій въ это время въ Лхассѣ.

***) «Журн. Бенгальск. Общ.».

потому что въ то время одна газета *), упоминая о моемъ переводѣ „указателя“, сказала: „Можетъ быть, недалеко тотъ день, когда англійскій переводъ путеводной книги пригодится во внутренности самого храма“. И теперь я подходилъ къ его входу именно съ этимъ указателемъ въ рукахъ.

Ноги пилигримовъ, вотъ уже много вѣковъ постоянно приходившихъ къ храму, продѣлали глубокіе жолоба въ твердыхъ каменныхъ плитахъ, которыя ведутъ къ святилищу; это такія же глубокія колеи, какъ въ большихъ дверяхъ Св. Марка и въ Миланскомъ соборѣ. Жолоба до известной степени сдѣланы также головами и руками власящихся богомольцевъ: въ настоящую минуту цѣлый ихъ рядъ исполнялъ безвонечныя преклоненія передъ закрытой дверью: они бросались ницъ на полъ во всю свою длину, поднимались и снова бросались, непрерывно повторяя это въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ цѣлю заслужить возможность войти въ рай; для защиты ладоней, которыя сильно напрягаются и трутся о камень, когда пилигримъ поднимаетъ свое тѣло, они надѣваютъ на кисти деревянные башмаки съ подошвами, усаженными гвоздями, и съ маленькой подковой. Когда усердные молеельщики бросались ницъ и потомъ ползли назадъ на рукахъ, чтобы снова подняться, слышался сильный шумъ. Иногда они въ одинъ день преклоняются до 1.000 разъ.

У входной двери толпилось множество назойливыхъ нищихъ, оттапливающе грязныхъ, молодыхъ людей и беззубыхъ стариковъ; всѣ они, простирая руки, жалобно просили милостыню, которую собирали въ большомъ количествѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ монета, поданная бѣдняку, не даетъ такихъ выгодъ, какъ на порогѣ великаго святилища.

Веранда (на планѣ А) со своими столбами и карнизами была грязнѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ. Кругомъ нея бѣжали большія темныя плиты известняка съ высѣченными на нихъ китайскими и монгольскими надписями, прославлявшими „холмъ Потала въ Лхасѣ“, называя его „лучшимъ изъ всѣхъ трехъ Поталъ“ **). Тибетскій переводъ этой надписи видѣлся на мелкихъ плитахъ, расположенныхъ кругомъ большого молитвеннаго боченка слѣва, который постоянно вращаютъ руки вѣрныхъ.

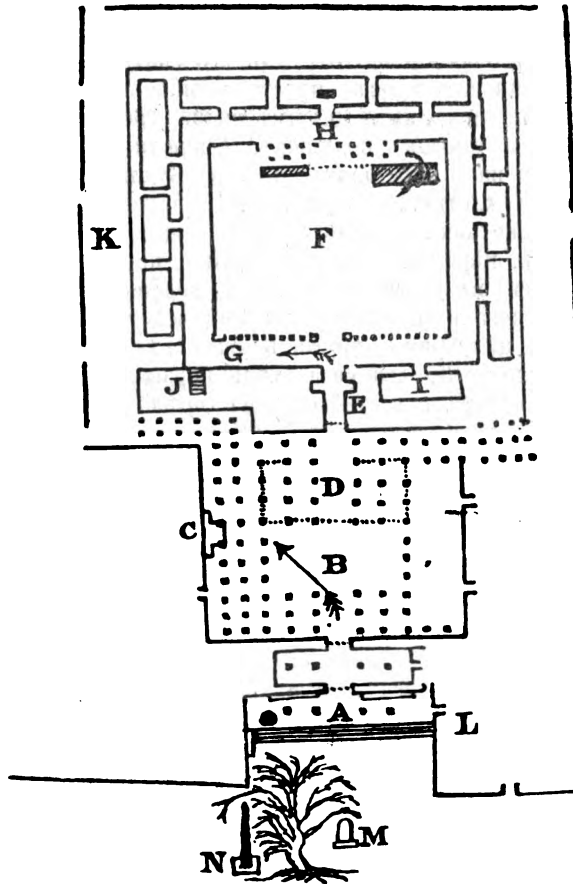
Рядомъ съ массивной деревянной дверью, украшенной выпуклыми урешеніями на петляхъ, а также громадными набитыми гвоздями, стоялъ придверникъ-священникъ со связкой ключей. Онъ угрюмо отомкнулъ дверь и распахнулъ ее; мы вошли подъ мрачный порталъ, и вотъ покровъ съ долго запечатанной обители тайны поднялся.

Короткій проходъ, въ концѣ прегражденный такой же дверью, ведетъ въ средній дворъ (В. См. прилагаемый планъ, который я нарисовалъ, осматривая храмъ). По всѣмъ сторонамъ этого двора, тоже очень грязнаго, бѣжитъ веранда, обрамленная колоннами; на

*) „Англичанинъ“. Калькутта, 1895 г.

**) Первоначальный холмъ Потала на мысѣ Коморинъ, на южной точкѣ Индостана; другой на восточн. берегу Азіи.

ней складочныя комнаты и часовни; въ глубинѣ—дверь въ большой храмъ. Три стѣны этой внутренней веранды покрыты обветшалыми фресками; главная изъ нихъ имѣетъ около 8 ф. высоты и изображаетъ монгольскаго влaстителя *) Гуши-хана, поднося-

Планъ «собора» Лхассы.

<p>A. Входъ.
 B. Внутренній дворъ.
 C. Тронъ далай-ламы.
 D. Вѣшняя часовня съ жертвенными алтарями.
 E. Рака драконъ.
 F. Внутренній дворъ съ двумя большими изображеніями грядущаго Будды.
 G. Внутренній дворъ.</p> | <p>H. Святое святыхъ (буква передъ входомъ).
 I. Рука царя Сронгстана.
 J. Лѣстница въ верхніе этажи.
 K. Средній кругъ.
 L. Зала съ эдиктомъ Ченлунга.
 M. Оспенный эдиктъ.
 N. Столбъ со старымъ трактатнымъ эдиктомъ.</p> |
|--|--|

*) Го-зри-бетанъ-дзинъ-чо-джаль. Повидимому, китайскія власти въ Лхассѣ приняли эту картину за Хьюень-Тзіангъ. (Сообщ. Рокх.). Другой фрески, кромѣ этой, на вѣшной стѣнѣ не имѣлось.

шаго дары регенту *), который вмѣстѣ съ первымъ далаемъ два съ половиной столѣтія тому назадъ возстановилъ этотъ храмъ. Вестибюль (Д) внутренняго двора заслоненъ стѣной отъ большаго двора (В) и служитъ часовней, такъ что туда входятъ по двумъ боковымъ проходамъ. Идя влѣво, мы миновали тронъ (С), на которомъ великій лама сидитъ, присутствуя при нѣкоторыхъ религиозныхъ церемоніяхъ во дворѣ; тутъ же—покрытая штукатуркой скамейки различной высоты для его свиты, сообразно съ чинами приближенныхъ. Тронъ—просто грязная платформа, выстроенная изъ камней, покрытыхъ штукатуркой, трехъ ф. высоты; она поддерживаетъ 5 темныхъ подушекъ. Спереди на ней нарисованы два льва, какъ на пьедесталахъ статуй Будды; въ видѣ фрески сзади красуется картина, изображающая святаго Сакія-Муни. Вся постройка, также какъ и этотъ дворъ, были въ отвратительно неопрятномъ видѣ, вѣроятно, дворъ не мели и не красили много лѣтъ.

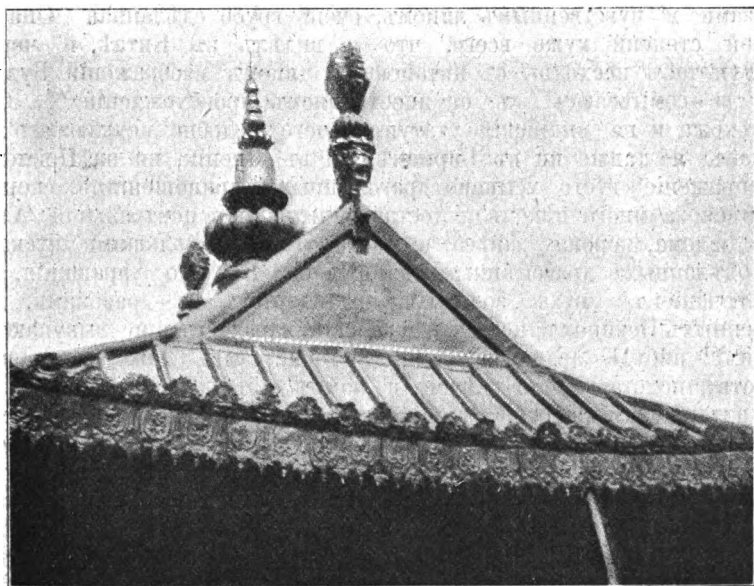
Пробравшись въ темнотѣ посреди колоннъ и завернувъ за уголъ, мы миновали проходъ, который ведетъ къ „внутреннему кругу“ (тутъ пилигримы кружатъ около главнаго строенія), и, слѣдуя по проходу К, два раза брали вправо, наконецъ проникли во дворъ. На алтаряхъ вестибюля (Д) горѣло 1.000 свѣчей, а 50 монаховъ пѣли мессу за упокой души какого-то умершаго. Мальчишескіе голоса молодыхъ монаховъ и глубокій басъ болѣе старшихъ то поднимались, то затихали и звучали, какъ священная музыка органа въ соборѣ, хотя по временамъ трубачи старались силой звука восполнить недостатокъ гармоніи.

Новый темный проходъ въ 9 шаговъ, съ рѣшеткой въ каждомъ его концѣ, провелъ насъ къ храму (F). Въ проходѣ справа маленькая часовенка (E) въ честь водяного дракона озера, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ Лхасса. Существуетъ преданіе, что до 640 г. вся Лхасса была озеромъ (дѣйствительно, какъ мы видѣли, она въ доисторическія времена и должна была быть озеромъ). Далѣе въ легендѣ говорится, что въ этомъ году царь Сронгстанъ, поддавшись убѣжденіямъ своей непальской жены, рѣшилъ построить буддійскій храмъ, вмѣстѣ съ нею пошелъ къ озеру и бросилъ кольцо, чтобы найти счастливое мѣсто. Кольцо попало въ середину озера, и тамъ сейчасъ же выдвинулся священный чортенъ. Послѣ этого царь и его народъ наполнили озеро камнями, и вотъ на водномъ основаніи явилась Лхасса. Въ темномъ проходѣ рядомъ съ часовней дракона большая каменная плита фута въ три длины и въ два ширины. Тутъ мы съ почтительнымъ недоумѣріемъ выслушали ужасное сообщеніе о томъ, что эта плита—преграда, замыкающая ключи озера. Во второмъ мѣсяцѣ каждаго года камень поднимаютъ съ таинственными обрядами,—при этомъ слышится страшный шумъ вѣтра; дракону бросаютъ драгоцѣнные приношенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ заставилъ бы воды подняться и поглотить городъ.

Въ главномъ храмѣ (F) святилище находится въ отдаленномъ

*) Санджиге Джайамтсо.

концѣ (Н), противъ двери, но оно заслонено открытыми боковыми стѣнами, по обѣ стороны которыхъ высятся позолоченныя изображенія сидящаго грядущаго Будды; правая статуя—колоссальной величины. Посреди пола пестрѣетъ разнообразная масса цвѣтовъ; вѣнчающихъ кусты остролиста, левкоевъ и астръ. Въ нишахъ на стѣнахъ—маленькія позолоченныя изображенія тысячъ Буддъ. Крыша храма не закрывается; надъ головой открытое небо. Часовни располагаются кругомъ, точно лежи въ театрѣ; отъ двора ихъ отдѣляютъ рѣзные деревянные столбики, съ тяжелыми верхушками, похожими на пиллястры подземныхъ храмовъ Индіи VIII и IX столѣтія. Вверху въ видѣ карниза тянется рядъ львовъ, лежащихъ въ позахъ сфинк-

Золотая крыша лхасскаго «собора».

совъ, по десяти съ каждой стороны. Храмъ совершенно не походитъ на планъ данный Джіорджи*).

Для того, чтобы посѣтить главную часовню, нашъ проводникъ зажегъ факелъ и повелъ насъ влѣво, вдоль внѣшней стѣны главнаго храма—двора, по крытому корридолу (D), обрамленному тѣсно поставленнымъ рядомъ изображеній святыхъ**) и божествъ въ натуральную величину; между каждой группой, изъ 4 или 5 статуй, корридорчики въ боковыя подземныя часовни, полныя идоловъ и реликвій (всѣ они описаны въ указателѣ). Противъ этихъ идоловъ свѣчи изъ коровьяго масла въ массивныхъ разнообразныхъ золо-

*) Воспроизведенный мной въ моемъ соч. „Ламаизмъ“. Между тѣмъ никто не говоритъ о перестройкѣ храма.

**) Одно изъ нихъ—канонизированный строитель желѣзнаго моста черезъ Тсангпо.

тыхъ подсвѣчникахъ; для защиты этихъ драгоценностей передъ ними висятъ тяжелыя занавѣси изъ желѣзныхъ цѣпей, закрытыя на замки. Почти всѣ статуи „явились сами“ или были принесены чудеснымъ образомъ.

Святые святыхъ (Н на планѣ) показалось намъ самымъ несвятымъ мѣстомъ изъ всѣхъ остальныхъ. Нѣсколько бритыхъ монаховъ постоянно стоятъ на стражѣ передъ этой часовней. Предполагается, что главная статуя изображаетъ господина Сакія, въ видѣ юнаго принца 16-ти лѣтъ, у себя дома въ Капилавасту *), и что она была привезена изъ Пекина принцессой, которая вышла замужъ за царя Сронгстана, основателя храма. Это—отвратительная сидящая фигура, приблизительно въ человѣческую величину, съ выпученными глазами и чувственнымъ лицомъ, очень грубо сдѣланная. Она до такой степени хуже всего, что я видѣлъ въ Китаѣ, и черты статуи такъ несходны съ китайскимъ типомъ изображеній Будды, что я сомнѣваюсь въ ея иностранномъ происхожденіи **). Она непохожа и на индійскія статуи, ничего подобно неуклюжаго не видалъ я также ни въ Бирманѣ, ни въ Японіи, ни на Цейлонѣ. Изображеніе густо усыпано драгоценными приношеніями, скопившимися за много вѣковъ и доставленными изъ центральной Азіи: его діадема, корона, завѣса и тронъ усажены большими кусками необдѣланныхъ драгоценныхъ каменьевъ. Всѣ его украшенія, за исключеніемъ двухъ золотыхъ штандартовъ съ драконами, по дареннымъ Пекиномъ, носятъ варварскій характеръ и не выкупаются какими-нибудь артистическими достоинствами. Даже массивныя золотыя подставки для свѣчей и лампъ изъ кованаго золота на его алтарѣ такъ же грубо сдѣланы, какъ обыкновенныя мѣдныя вещи. Два изъ меньшихъ подсвѣчниковъ, приношенія монаховъ и народа Бхотана, были поставлены здѣсь Уджіеномъ Кази два года тому назадъ, когда онъ привезъ далай-ламѣ письмо отъ индійскаго правительства. Идолъ, сквозившій черезъ сѣтъ съ желѣзными кольчиками и видѣвшійся посреди темнаго свѣта и душной атмосферы лампъ, питаемыхъ прогорклымъ коровьимъ масломъ, больше походилъ на низкаго мошенника въ тюрьмѣ или яростнаго демона въ паутинѣ цѣпей, нежели на образъ чистаго и простаго Будды. Не хватало только оргій кровавыхъ жертвоприношеній, чтобы довершить его сходство съ дьяволицей Кали. Ея изображеніе мы также нашли въ верхнемъ этажѣ.

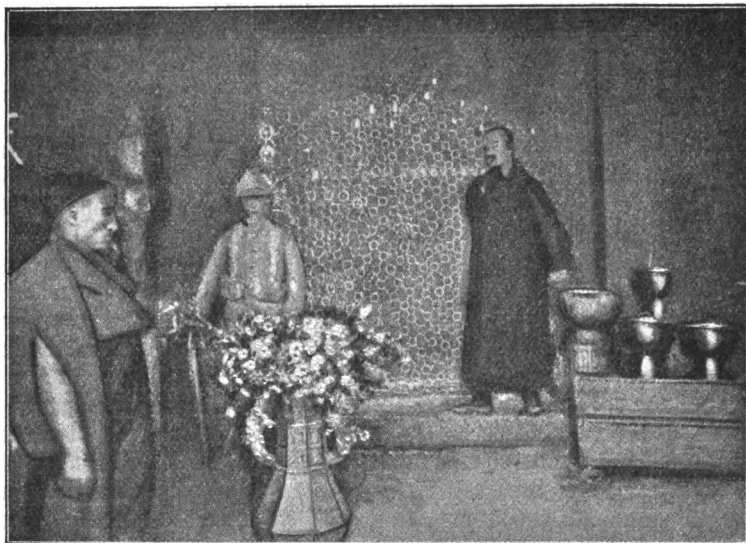
Оставивъ возмутительнаго и страннаго варварскаго идола и закончивъ кругъ, мы быстро поднялись по лѣстницѣ, чтобы посмотреть на знаменитую часовню башни Кали, называемой „Великой Королевой“ (***) и вселяющей такой страхъ, что ея имя произносится рѣдко и всегда съ затаеннымъ дыханіемъ. Въ одной комнатѣ она изображена въ видѣ фуриі, въ еще болѣе отталкивающей формѣ, нежели ея индійская сестра. Здѣсь Кали ужасное черное чудовище, одѣтое въ

*) Я въ непальской джунглѣ отыскалъ потерянное мѣсто Капилавасту.

***) Китайцы говорятъ, что ее сдѣлалъ китаецъ изъ Тсолиама (Рокхиль); но первый далай приписывалъ ей индійское происхожденіе.

****) Лхамо Магъ-джоръ Джіаль-мо.

кожи мертвыхъ людей и сидящее верхомъ на рыжемъ мулѣ. Она ѣстъ мозгъ изъ человѣческаго черепа, и съ ея платья спускается мистическое покрывало судьбы, на которомъ изображены 6 черныхъ точекъ. Въ качествѣ богини несчастія, войны и смерти, она окружена безобразными масками съ большими вѣлками и всевозможнымъ оружіемъ: допотопными сѣкирами, копьями, луками и стрѣлами; эта коллекція придаетъ ея часовнѣ видъ арсенала. Ей дѣлаютъ возліянія изъ ячменнаго пива, подъ названіемъ „золотого напитка“ (серъ кайемъ); пиво подносятъ ей въ человѣческихъ черепахъ, укрѣпленныхъ на треножникахъ изъ миниатюрныхъ череповъ. Въ данномъ случаѣ черный цвѣтъ не только служитъ символомъ смерти, но и глубины черной магіи,—

Святое святыхъ.

Замѣтьте огоньки лампадъ, сверкающіе черезъ цвѣтную занавѣску.

вспомнимъ египетскую черную Изиду или черную Дѣву Среднихъ вѣковъ.

Въ смежной часовнѣ стоитъ золотое изображеніе Кали въ кроткомъ видѣ. Это статуя прелестной царицы приблизительно въ человѣческой ростъ; она богато убрана бирюзой и жемчугомъ, одѣта въ шелкъ и украшена ожерельями. Въ ея капеллѣ, какъ и въ сосѣдней съ нею часовнѣ дьяволицы, по полу безстрашно бѣгаютъ ручныя бѣлыя мыши, которыя питаются приношеніями хлѣба и зерна, снуютъ по алтарю и по складкамъ платья статуи, карабкаются по лапамъ, поющимъ литаніи, и, по мнѣнію тибетцевъ, служатъ перерожденіемъ душъ умершихъ монаховъ и монахинь; однако, мнѣ кажется, что эти бѣлыя служительницы богини, раздающей болѣзни, скорѣе напоминаютъ мышъ, которая фигурировала съ минтейскимъ Аполлономъ, рассылавшимъ стрѣлы-заразы среди гре-

ковь, и иногда считалась символомъ распространительницы эпидемій.

Крыша, въ которой мы теперь поднялись, возвышается надъ землей только на 25 ф.; она плоска, какъ и всѣ остальные въ городѣ. Надъ ней нѣтъ купола, но съ трехъ ея краевъ поднимаются три такъ называемые золотые павильона въ формѣ китайской пагоды. Ближайшее разсмотрѣніе показало, что они сдѣланы только изъ позолоченной мѣди и что поддерживающія ихъ стропила покрыты пластинами съ роскошнымъ чеканнымъ выпуклымъ орнаментомъ.

По дорогѣ къ той самой двери внизу, черезъ которую мы вошли въ храмъ, намъ пришлось миновать вереницу безобразныхъ боговъ, и, глядя на нихъ, мы съ особенной силой поняли, въ какое низкое идолопоклонство превратился ламаизмъ.

На большой площади стояли большіе мѣдные чайные котлы *) для завариванія чая на 20.000 монаховъ въ большой праздникъ Нового года, когда далай-лама со всей своей свитой въ парадной процессіи приходитъ къ этому храму. Этотъ чай—часть субсидіи въ нѣсколько сотъ тоннъ, которую ламы ежегодно получаютъ отъ китайскаго императора. По эту же сторону храма, въ центрѣ города, находится зданіе совѣта, судъ и казначейство, въ которомъ, какъ говорятъ, хранится много золота и драгоценныхъ камней.

Нѣкоторые изъ насъ посѣтили большіе монастыри ордена „желтыхъ шапокъ“, Сера и Денѣнгъ. Они самыя многолюдныя въ Тибетѣ и были основаны около 500 лѣтъ тому назадъ, а ихъ настоятель, какъ мы уже видѣли, принимаетъ первенствующее участіе въ управленіи страной.

Сера—монастырь, получившій названіе отъ заросли дикихъ розъ, которая окаймляла его, какъ оградой,—стоитъ, какъ и Денѣнгъ, у подножія горъ на сѣверной границѣ равнины Лхассы, миляхъ въ двухъ отъ города. Этотъ монастырь три года тому назадъ пріютилъ японскаго священника Кауагучи, за что многіе изъ его монаховъ понесли наказаніе; однако, они отказались подчиниться требованію далай-ламы—выдать ему настоятеля. Настоятелю заранѣе сообщили, что мы посѣтимъ монастырь, поэтому его свита уже ждала насъ у воротъ; въ ея числѣ были и два проктора въ желтыхъ шляпахъ съ гребнями, напоминавшими римскіе шлемы. Каждого сопровождалъ булавоносецъ, державшій прекрасно отчеканенный четырехугольный жезлъ, и ливторъ съ наказующимъ прутомъ. Въ Серѣ живетъ около 6.000 монаховъ. Пройдя черезъ ворота, мы увидѣли, что монастырь—маленькій городъ съ хорошо построенными и хорошо выбѣленными каменными домами, съ правильными улицами и переулками; все это немного напомнило намъ Мальту.

Сера—монастырскій университетъ; онъ состоитъ изъ трехъ коллегій или „Та-тс-анг“-овъ **). Одна для элементарнаго обученія дов-

*) Они 9 футовъ въ діаметрѣ и 3 ф. глубины. Котлы ставятъ на сложенныя изъ камней очаги со ступенями, чтобы повара могли мѣшать содержимое и разливать чай, супъ и рисъ.

**) Вуэвально: „мѣстожителство ученыхъ“.

тринѣ и обрядамъ (самая большая); другая для братьевъ, отправляющихся странствовать по Тибету, и, наконецъ, самая избранная и маленькая—взотерическая и мистическая.

Всѣ обитатели монастыря ежедневно собираются въ большой общей залѣ, которая служитъ общимъ храмомъ для общины. Это очень хорошее строеніе, гораздо болѣе просторное, чѣмъ храмъ въ Джантсе. Съ одной стороны двери, въ крытой нишѣ, помѣщается воззваніе далай-ламы. Документъ художественно раскрашенъ;

Лхамо, дьяволица.

небесная собака Китая держать печать на подушкѣ. На верандѣ—рукописные китайскіе, монгольскіе и тибетскіе переводы хвалебнаго гимна Поталѣ, высѣченнаго на верандѣ лхасскаго „собора“. Храмъ принадлежитъ къ обыкновенному уже описанному типу; его стѣны покрыты яркими фресками, которыя охраняются цвѣтными завѣсами; съ балконовъ и пилястровъ свѣшиваются священные свитки. Шла служба, и потому мнѣ посчастливилось сдѣлать фотографическій снимокъ съ церемоніи. На крышѣ этого храма—лѣтній домъ далай-ламы, но теперешній далай, связанный съ монастыремъ Депо́нгомъ,

никогда не живетъ въ общинѣ Сера, а проводитъ нѣсколько недѣль въ Депенгѣ. Затѣмъ насъ провели черезъ различныя коллегии, показали нѣкоторыя спальни и кухни; онѣ были чисты и красивы. Сотни болѣе молодыхъ монаховъ смотрѣли изъ оконъ и подходили поближе, чтобы взглянуть на насъ; но всѣ были очень почтительны и, повидимому, дружески расположены къ намъ. Нѣсколько разъ подавали чай съ кексомъ и со сладями. Чудесная „громовая стрѣла“ Дордже (нѣчто вродѣ нѣмого колокольчика), которая въ видѣ залинанія касается головы пилигримовъ въ ежегодный праздникъ, по словамъ ламъ, находилась въ Поталѣ, гдѣ она хранится подъ замкомъ и присылается въ Сера лишь на нѣсколько дней по случаю новогоднихъ празднествъ. Я попросилъ одного изъ самыхъ ученыхъ монаховъ монастыря ежедневно приходить ко мнѣ, чтобы сообщать мнѣ свѣдѣнія о различныхъ предметахъ, и нашелъ, что онъ исключительно хорошо образованный человѣкъ съ далеко незаурядными умственными способностями.

Никто изъ ламъ не учитъ мирянъ, какъ въ Бирманѣ и другихъ буддйскихъ странахъ, они также не проповѣдуютъ народу и всѣ знанія хранить про себя; поэтому мирянамъ приходится заводить собственные школы со свѣтскими учителями. Всѣ ученики въ школахъ, и въ монастырскихъ, и въ свѣтскихъ, въ видѣ грифельныхъ досокъ употребляютъ деревянныя пластинки, выкрашенныя черной краской, которыя покрываются бѣлымъ порошкомъ мѣла; на ихъ поверхности пишутъ палочками, вродѣ стилетовъ. Нѣкоторыхъ изъ самыхъ способныхъ ламъ обучаютъ живописи, другихъ каллиграфіи, вышиванію, рѣзбѣ по дереву и т. д.; наиболѣе глухие употребляютъ для черныхъ работъ: носятъ нарубленный лѣсъ, воду, пашутъ, жнутъ. Въ орденъ могутъ вступать всѣ чистокровные тибетцы и монголы за исключеніемъ потомковъ мясниковъ и дѣтей иностранцевъ, женившихся на тибетянкахъ. Послѣ поступления въ монастырь молодой лама поднимается, благодаря своимъ способностямъ или вліянію, но назначеніе настоятелей главныхъ монастырей разсматривается амбаномъ.

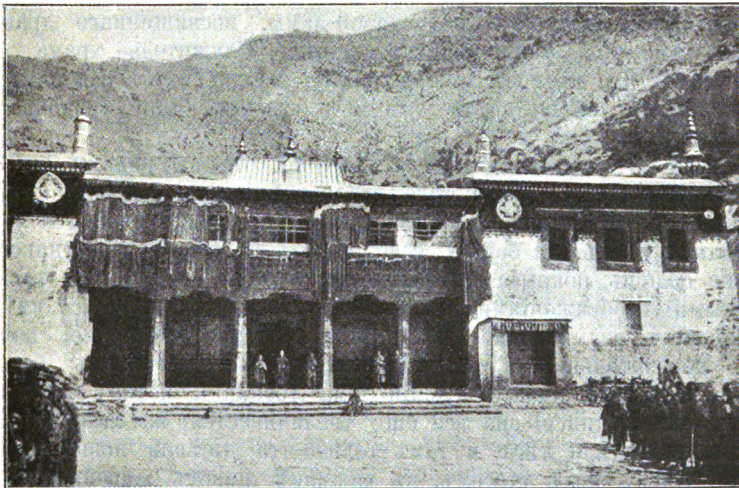
Сейчасъ же за оградой монастыря Сера лежитъ большой мясной базаръ и, когда мы вышли изъ буддйской общины, намъ бросилась въ глаза вся нелѣпость такого сопоставленія. По рынку расхаживали ламы, погулавшіе и уносившіе мясо, такъ какъ мясное кушанье имъ дозволено, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, принявшихъ высшій обѣтъ. Обращаясь къ помощи мясниковъ, ламы обходятъ запрещеніе Будды лишать жизни живыя созданія и въ благодарность за эту услугу создаютъ для мясоторговцевъ положеніе парій, не имѣющихъ права вступать въ орденъ. Когда нѣтъ нужныхъ мясниковъ, ламаистъ обыкновенно подгоняетъ скотъ къ скалѣ, чтобы онъ упалъ съ нея, или заставляетъ животное задушить себя.

Большой монастырскій университетъ въ Депенгѣ въ общихъ чертахъ походитъ на Серу; но въ немъ четыре коллегии; лѣтняя резиденція далай-ламы здѣсь называется „Райскимъ дворцомъ“; это прекрасное удобное собраніе строеній, въ которомъ его святѣйшество ежегодно проводитъ нѣсколько недѣль, такъ какъ онъ номинально монахъ этого монастыря. Подъ монастыремъ печатня.

Четыре царскіе монастыря или линги*), которые всегда доставляли регентовъ, управлявшихъ во время несовершеннолѣтія далаевъ,

Два проктора монастыря Сера; булавоносцы и ликторы.
Видъ въ чертъ ограды.

Главный храмъ монастыря Сера.

носятъ тотъ же характеръ, такъ какъ представляютъ секціи болѣе обширныхъ монастырей; но они украшены тщательнѣе, въ силу того,

*) Тенджайе-лингъ, Кундэ-лингъ, Тсемчо-лингъ, Тсамо-лингъ.

что въ различное время служили мѣстомъ жительства высшихъ политическихъ священниковъ.

Постройка храма Рамоче или „Маленькаго Джо-к-анга“ приписывается китайской женѣ великаго Сронгстана; надъ нимъ, какъ и надъ „соборомъ“, — позолоченная крыша; цѣпи съ желѣзными кольцами висятъ передъ его главнымъ изображеніемъ; но онъ находится въ очень заброшенномъ видѣ и приходитъ въ разрушеніе.

Идя по священной „круговой дорогѣ“ къ храму медицины, мы встрѣтили приближавшуюся къ намъ въ противоположномъ, „счастливымъ“ направленіи длинную линію пилигримовъ и лхасскихъ богомольцевъ; всѣ они вращали молитвенныя колеса и считали бусины своихъ четокъ. Большинство ихъ состояло изъ старыхъ дряхлыхъ женщинъ, а потому можно рѣшить, что народъ не очень много думаетъ о загробномъ мірѣ, пока не приблизится къ границамъ земной жизни.

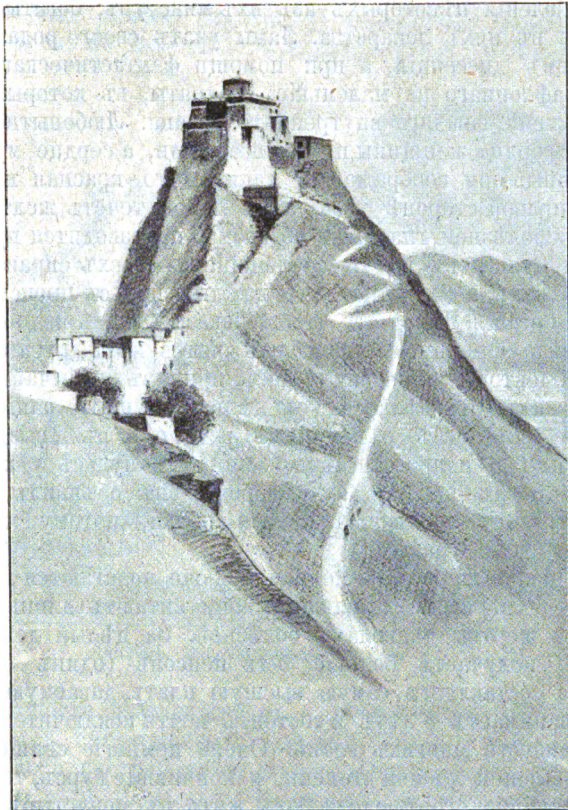
Только двое-трое набожныхъ двигались, такъ сказать, измѣряя своимъ тѣломъ дорогу, то есть падая ницъ, подтягивая ноги къ головамъ и снова падая. Такіе усердные богомольцы, обыкновенно принадлежащіе къ типу фанатическихъ нищихъ „факировъ“ Индіи, говорятъ, дѣлаютъ круга три, а иногда даже семь круговъ, слѣдовательно, простираются болѣе 40.000 разъ, потому что „священная“ дорога имѣетъ въ окружности около 6-ти миль.

Въ прекрасной рошѣ изъ большихъ старыхъ деревьевъ на сѣверной сторонѣ холма Поталы мы миновали храмъ „Царя Драконовъ“, на островкѣ среди пруда, въ бездонныхъ глубинахъ котораго обитаетъ его дворъ. Повидимому, это тотъ же драконъ, которому поклоняются въ подземномъ сводѣ въ „соборѣ“. Здѣсь я снялъ фотографію со слона далай-ламы, посвященнаго дракону и считающагося талисманомъ счастья. Служитель храма сказалъ намъ, что въ водѣ можно видѣть маленькихъ дракончиковъ, но животныя, на которыхъ онъ мнѣ указалъ, были тритоны или саламандры.

Глядя на храмъ медицины съ сѣверной стороны, видишь, что онъ увѣнчиваетъ вершину высокаго скалистаго утеса, дальняя сторона котораго почти отвѣсно поднимается надъ рѣкой, выходящей у его основанія. Здѣсь, на берегу, вся площадь большого известнякаго камня сплошь покрыта высѣченными барельефными, ярко раскрашенными изображеніями Будды и другихъ божествъ; все вмѣстѣ составляетъ изумительное разноцвѣтное пятно. Очевидно, начало этой поразительной картинной галереи раскрашенныхъ барельефовъ положилъ первый великій лама Лобдангъ, потому что въ ея центрѣ его надпись; она все еще увеличивается; на одномъ концѣ скалы мы видѣли лѣса, и тамъ только-что высѣкли новыя изображенія. Внизу, подъ утесомъ, въ хижинкѣ живетъ живописецъ, который долженъ постоянно обновлять краски. Мягкая известняковая скала считается святой и пилигримы царапаютъ ее, чтобы проглатывать ея кусочки или сохранять ихъ въ видѣ талисмановъ; сторожъ предложилъ мнѣ нѣсколько кусковъ этой святыни.

Верховный священникъ храма медицины ждалъ компанію нашихъ медицинскихъ служащихъ и провелъ насъ въ главную ком-

нату храма, центральное изображение которой, как и слѣдовало ожидать, представляло собой „Исцѣлителя Будду“, тибетскаго Эскулапа. Человѣкъ цѣнить здоровье почти такъ же, какъ жизнь, а потому въ тибетскомъ пантеонѣ Будда заботится о тѣлѣ людей точно такъ же, какъ и о ихъ душѣ. Въ качествѣ бога докторовъ онъ изображенъ въ своей обыкновенной сидячей позѣ, но съ синимъ кубкомъ изъ лалисъ-лазури въ рукѣ; въ кубкѣ какое-то снадобье въ видѣ граната. Его изображение окружали 4 статуи канонизированныхъ знаменитыхъ докторовъ.

Храмъ медицины.

Этотъ храмъ перенесъ насъ въ раннія эпохи Греціи, когда медицина обитала въ святилищахъ. Его ламы соединяютъ обязанности доктора тѣла съ задачами священника. Теперь въ храмѣ медицины четыре священника и три учителя. Медицинская коллегія была основана два съ половиной столѣтія тому назадъ намѣстникомъ Санджайи (тѣмъ самымъ, который скрылъ смерть перваго далая). Онъ составилъ для нея книгу, называемую „синяя драгоценность“, въ честь кубка въ рукѣ исцѣляющаго Будды, снабдилъ храмъ всѣмъ необходимымъ и устроилъ такъ, чтобы каждый изъ шести-

десяти четырехъ большихъ монастырей Тибета посылалъ сюда по одному ученику.

Хотя ламы до извѣстной степени основываютъ леченіе болѣзней на разумномъ употребленіи обыкновенныхъ простыхъ средствъ, но оно, главнымъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать у такого суевѣрнаго народа, насыщено всякими нелѣпостями. Ламы, слѣдуя примѣру древнихъ римлянъ и арабовъ, въ качествѣ лекарствъ употребляютъ такія вещи, какъ печень лисицы и горячая кровь. Они вѣрятъ, что въ сосудахъ раковины или перламутра яды теряютъ свою силу и дѣлаются безобидными, а потому такія чаши употребляются для приготовленія нѣкоторыхъ изъ ихъ мистуръ; богатые же люди принимаютъ въ нихъ лекарства. Ламы учатъ своего рода анатомію, но не путемъ диссекцій, а при помощи фантастическаго чертежа тѣла, разграфленнаго на маленькіе квадраты, въ которыхъ обозначается положеніе cadaго внутренняго органа. Любопытно, что они помѣщаютъ сердце женщины посрединѣ груди, а сердце мужчины съ лѣвой стороны; они воображаютъ также, что красная кровь обращается въ правой сторонѣ тѣла, а въ лѣвой течетъ желтая желчь; ихъ діагнозъ болѣзней, главнымъ образомъ, производится при помощи ощупыванія пульса въ шести сочлененіяхъ, трехъ справа и трехъ слѣва, такъ какъ, по мнѣнію ламъ, каждый пульсъ происходитъ отъ отдѣльнаго органа. Для того, чтобы показать, какъ надо ощупывать пульсъ, одинъ священникъ произвелъ опытъ надъ другимъ, и когда тотъ съль, „докторъ“ насмѣшилъ насъ, принявъ необычайно глубокомысленный видъ; это дѣлается съ цѣлью внушать паціенту довѣріе, которое помогаетъ излеченіямъ и ведетъ къ „выздоровленію путемъ вѣры“. Я попросилъ ламу осмотрѣть пульсъ у кого-нибудь изъ насъ, и послѣ долгихъ переговоровъ онъ объявилъ, что осмотрѣнный страдаетъ болѣзнью правой почки, потому что пульсъ этого органа очень слабъ.

И сами больные, и ламы-медики больше полагаются на силу молитвъ, нежели на свою фармакопею; они читаютъ длинныя литаніи и приносятъ жертвы дьяволамъ болѣзней. За цѣлый день священникъ рѣдко получаетъ больше 5-ти пенсовъ (одинъ серебряный тангка); это составляетъ самую высшую плату, даваемую рабочему.

Курсъ занимаетъ 8 лѣтъ и состоитъ почти исключительно въ изученіи наизусть многихъ главъ. Очень немногіе священники доходятъ до высшей ученой степени, и кончившіе курсъ, точно также какъ и кончившіе его, продолжаютъ жить въ монастырѣ и никогда не покидаютъ своей обители для другихъ городовъ или провинціальныхъ общинъ, такъ какъ ихъ наука сосредоточивается въ Лхассѣ. Бѣдныхъ не лечатъ; ухаживаютъ лишь за людьми, которые могутъ платить; въ монастырь для леченія не приходитъ никто; священники навѣщаютъ больныхъ, только когда за ними посылаютъ. Въ школѣ нѣтъ правильнаго экзамена для опредѣленія успѣховъ и никому не выдается аттестатовъ или дипломовъ; итакъ, это не collegia, какъ мы понимаемъ, да и не больница.

Ихъ главныя книги очень систематично говорятъ о различныхъ обыкновенныхъ болѣзняхъ, начиная съ симптомовъ, прогноза и леченія; очевидно, тексты были первоначально заимствованы изъ

китайскихъ или индйскихъ источниковъ. Хирургія ламъ, понятно, самаго примитивнаго рода. Повидимому, у нихъ нѣтъ никакихъ инструментовъ, кромѣ прижигателя, ланцета для кровопусканія и кровяного розжа. Западная хирургія, которую они увидѣли въ приѣмномъ покоѣ, открытомъ Уальтономъ въ Лхассѣ, произвела на нихъ очень сильное впечатлѣнiе, въ особенности же операція снятiя катаракта; они попросили у насъ наборъ инструментовъ. Было бы очень неосторожно исполнить ихъ просьбу безъ необходимыхъ инструкцій, и я убѣдилъ одного изъ наиболее интеллигентныхъ священниковъ побѣхать съ нами въ Калькутту, чтобы научиться западнымъ способамъ леченiя въ нашей медицинской коллегiи, и онъ охотно согласился; но впоследствии старшiе ламы не отпустили его.

Докторъ, выслушивающій пульсъ.

Я въ особенности разспрашивалъ о леченiи оспы, такъ какъ это одна изъ самыхъ смертельныхъ болѣзней Тибета. Хотя китайскiе доктора въ Лхассѣ употребляютъ предупредительную прививку, тибетцы всю свою вѣру возлагаютъ на камфору съ примѣсью нѣсколькихъ ароматическихъ веществъ и на заклинанiя. И священникъ закончилъ свой отчетъ, сказавъ: „И поступая такъ, вы никогда не заразитесь оспой“. Однако, видя, что и верховный священникъ, и всѣ остальные были положительно изрыты слѣдами оспы, я спросилъ, почему они не избавили себя отъ заразы путемъ своей восхваляемой методы предупрежденiя этого недуга; на мое замѣчанiе онъ только улыбнулся. Я спросилъ, избавился ли далай-лама отъ ужасной эпидемiи 1900 г.; мнѣ отвѣтили, что онъ не избѣжалъ ея, чуть не умеръ отъ оспы и теперь весь покрытъ рябинами. Ясный комментарий восхваляемой божественности этого бога во плоти!

ГЛАВА XVIII.

Оракулы и колдуны.

„Тотъ нищій поступаетъ правильно, для котораго предвѣстія, вліяніе планетъ, сновидѣнія и примѣты не существуютъ. Онъ свободенъ ото всѣхъ золь“.

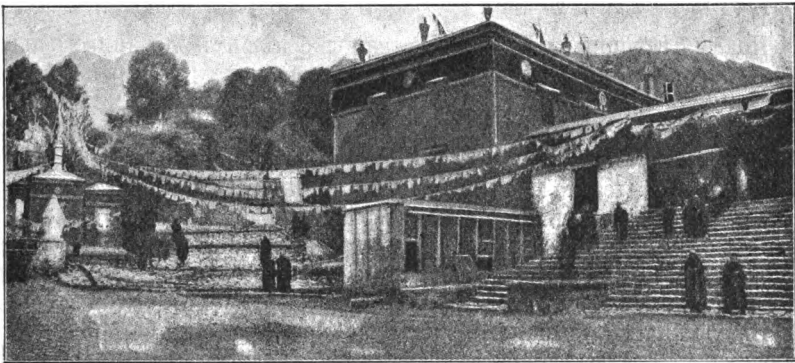
Промовди Будды.

Желаніе проникнуть въ будущее, стремленіе видѣть за предѣлами извѣстнаго — широко распространенная человѣческая слабость, но немногимъ удается удовлетворить ее, за исключеніемъ тѣхъ примитивныхъ людей, которые еще не поняли границъ своей власти надъ природой. Каждый тибетецъ такъ же твердо считаетъ оракула руководителемъ своихъ насущныхъ дѣлъ, какъ древніе греки или римляне. Онъ вѣритъ, что отшельники въ горахъ и монахи въ своихъ монастыряхъ могутъ научиться черной магии и предсказывать будущее, уничтожать радость, останавливать бури, изгонять дьяволовъ, вызывать духовъ мертвыхъ и заклинаніями подчинять себѣ демоновъ тьмы. Многіе изъ волшебныхъ обрядовъ профессиональных тибетскихъ колдуновъ напоминаютъ сцену у котла колдуній въ „Макбетѣ“. Тибетцы очень вѣрятъ въ астрологию, воображая, что природа и планеты оказываютъ прямое и могучее вліяніе на благополучіе человѣка, а также, что ихъ дурное дѣйствіе могутъ предвѣтъ и отвращать только священники, значительное число которыхъ дѣлается профессиональными астрологами, и предписываютъ для „блага мірянъ“ множество дорогихъ обрядовъ; путемъ такихъ поборовъ со свѣтскихъ людей монастыри извлекаютъ свои главные средства для жизни.

Однако, по мнѣнію тибетцевъ, прорицательныя формы ясновидѣнія зависятъ не отъ астрологій, а отъ власти демоновъ, вселяющихся въ ясновидцевъ; такого рода предсказаніями занимаются профессиональные оракулы и колдуны столицы; они остатки старой добуддійской религіи страны, также какъ и черношапочные дьявольскіе танцоры. Эти колдуны одѣваются въ фантастическое платье старой религіи, съ флагами и клоками шерсти на головныхъ уборахъ, или покрываютъ головы внушительными металлическими шлемами, а тѣла одеждами въ видѣ шкуръ драконовъ съ нагрудниками; они приводятъ себя въ изступленіе, танцуютъ, кричатъ и завываютъ, пока не падаютъ на какое-нибудь ложе, уже чувствуя себя „одержимыми“; тогда то ихъ губы произносятъ прорицательный отвѣтъ. Они неграмотны и всегда даютъ словесные отвѣты. Главные оракулы въ Лхассѣ — Нечунгъ и Кармапаръ.

Нечунгъ имѣетъ связь съ государственнымъ монастыремъ Де-пѣнгомъ, потому что, несмотря на свой небуддійскій характеръ, эта грубая форма языческаго колдовства такъ глубоко вкоренилась въ умы народа, что хитрый первый далай ввелъ оракула въ орденъ ламъ. Въ данномъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, также какъ и римскіе правители, руководствовался очевидными политическими выго-

дами, которыя могъ ему дать этотъ могучій рычагъ управленія, попавшій подъ контроль священниковъ. Главный предсказатель былъ принятъ въ братство, но, не будучи буддистомъ, не могъ жить въ священныхъ мѣстахъ, и потому его помѣстили внѣ города. Оракуль, имѣющій отношеніе къ Депенгу, живетъ въ прекрасной рошѣ за монастыремъ; въ ней первоначально стояла его маленькая келья или „нечунгъ“, откуда и онъ получилъ свое названіе. Предполагается, что оракуль „одержимъ“ духомъ великаго монгольскаго царя демоновъ „бѣлаго Пе“, который въ силу чаръ колдуна свят. Падма былъ обязанъ охранять сокровище перваго ламайскаго монастыря въ Тибетѣ въ Саміе; тамъ онъ воплотился, женился и продолжалъ проявляться въ линіи своихъ земныхъ потомковъ; до тѣхъ поръ, пока не переселился въ Депенгъ; тутъ ему пришлось сдѣлаться безбрачнымъ и такимъ образомъ предоставить выборъ своихъ преемниковъ великому ламѣ. Его переселенію придаетъ чудесный характеръ и оно соединяется съ легендой о духѣ дерева*).

Помѣщеніе государственнаго оракула Нечунга.

Нынѣшній верховный священникъ Нечунгъ — молодой человѣкъ 22-хъ лѣтъ; когда мы пришли къ его храму, говорили, что онъ скрылся въ немъ. У него есть свита изъ 100 монаховъ ордена „желтыхъ шапокъ“ и великолѣпный мал-нкій храмъ съ дворцовой резиденціей для него самого и для его свиты. Золотая крыша на китайскомъ павильонѣ надъ верхнимъ этажомъ этого зданія такъ же хороша, какъ крыша „собора“.

Монахи приняли насъ съ улыбающеюся привѣтливостію и повели повсюду. Строенія расположены около вымощеннаго двора, въ ко-

*) Легенда говоритъ: „Въ Лхассѣ узнали, что одинъ человѣкъ одержимъ царемъ демоновъ бѣлымъ Пе; тогда его схватили, заперли въ ящикъ и бросили въ рѣку Кайи. Настоятель Депенга наканунѣ пророчески сказалъ: „Внизъ по рѣкѣ поплыветъ ящикъ; подите отыщите его и поймайте“. Искавшіе нашли ящикъ и принесли его на то самое мѣсто, гдѣ теперь помѣщается оракуль Нечунгъ; тутъ они его открыли, и вдругъ громадное огненное пламя взвилось изъ него и исчезло въ деревѣ, а въ ящикѣ оказалось мертвое человѣческое тѣло. По просьбамъ настоятеля духъ согласился вернуться въ тѣло, и для воскресшаго построили маленькое жилище; тамъ до сихъ поръ показываютъ то самое дерево—шишковатую старую иву“.

торомъ, рядомъ съ маленькимъ чортеномъ, стоитъ пара курильницъ, распространяющихъ въ воздухъ ароматный дымъ. По двумъ его краямъ бѣгутъ двѣ маленькія галереи, поддержанныя красными столбами, на которыхъ висятъ куски старыхъ латъ, шлемовъ изъ цѣпей и желѣза, такихъ же кольчугъ, луковъ, стрѣлъ, кожаныхъ касокъ и копій; стѣны покрыты кабаллистическими знаками и чудовищами съ птичьими и звѣринными головами; фрески изображаютъ, какъ они губятъ враговъ ламаизма. Главное званіе этого верховнаго прорицателя—„защитникъ вѣры“ (ламаизма), и когда богомольцы приближаются къ оракулу, привѣтствуя его, они говорятъ, что припадаютъ „къ возвышенному подножію, состоящему изъ мертвыхъ тѣлъ невѣрныхъ, на которомъ покоятся ноги Великаго Защитника религіи, главнаго воплощенія Всемогущаго Побѣдителя враговъ въ трехъ мірахъ, лампы мудрости“.

Слѣва къ храму ведетъ широкая лѣстница, а надъ головой безчисленные флаги и вымпелы съ напечатанными заклинаніями свѣшиваются во дворъ, вызывая мысль о стиркѣ на большомъ коврахъ.

Подлѣ лѣстницы храма видѣются два большихъ оловянныхъ льва, китайской формы. Само святилище украшено такими прекрасными картинами и фресками, какихъ мы еще не видали, и отличается безупречной чистотой. Веранда, около 50 футовъ длины и 12 ф. ширины, блистаетъ особенно яркими красками; по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что во всѣхъ картинахъ повторяется одна и та же тема: помощники царя дьявола торжествуютъ надъ врагами ламъ. Подъ состоитъ изъ маленькихъ камешковъ, такъ отполированныхъ, что въ немъ отражаются фрески; онъ окруженъ карнизами; на массивной двери причудливые завитки украшеній

Внутренность внѣшняго храма не представляетъ собой ничего особеннаго; стѣны покрыты фресками; красные столбы увѣшаны шелковыми знаменами и свитками какемоносовъ; вдобавокъ къ этому, оружіе. Въ дальнемъ концѣ, посреди двухъ большихъ алтарей съ шестью колоссальными фигурами, за мѣдной рѣшеткой комната оракула, маленькое темное помѣщеніе, въ глубинѣ котораго, рядомъ съ алтарнымъ столомъ, служащимъ мѣстомъ для священнаго огня, смутно рисуется темный стулъ великаго волшебника, покрытый шелковыми подушками. Когда мы вошли, на немъ лежали одѣянія и уборы прорицателя: слѣва мечъ, магическій нагрудникъ и большой мѣдный шлемъ, украшенный золотомъ и увѣшанный ожерельями изъ драгоценныхъ камней.

Демонъ, который живетъ въ верховномъ священникѣ, изображается въ видѣ яростнаго бѣлаго чудовища, обруженнаго пламенемъ. У него три головы, шесть рукъ, держащихъ оружіе, и онъ сидитъ верхомъ на бѣломъ львѣ; его сопровождаютъ тибетскій „царь битвъ“ въ кольчатой кольчугѣ и двѣ гарпіи, одна верхомъ на дикомъ ягѣ, другая на оленѣ; надъ его головой — лама ордена „желтыхъ шапокъ“. Какъ мы узнали, оракулъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ далай-ламой, съ которымъ онъ находится въ большой дружбѣ, такъ какъ его изреченія представляютъ собой важный политическій факторъ. Оракулъ указываетъ мѣсто, въ которомъ

надо искать новое воплощеніе далай-ламы послѣ смерти предыдущаго священника-правителя. Его пророчества, многіе образцы которыхъ я видѣлъ, обыкновенно облечены въ форму аллегорій и звучатъ, какъ вполне оракульскія предсказанія:

„Кроткая овца не должна стараться подражать яростному быку (Предостереженіе честолюбивому придворному).

Изображеніе духа воплощеннаго въ государственнаго оракула.

„Даже грызущій кроликъ можетъ загрызть до смерти. (Увѣщаніе чиновнику бросить казнобродство, такъ какъ, въ иномъ случаѣ, его можетъ постигнуть неприятность).

„Отецъ-волкъ запасается вкуснымъ мясомъ, а сестрицу-лису поражаютъ. (Предостереженіе, говорящее, что хитрость не ведетъ къ добру).

„Будь милосердъ къ своей верховой лошади. (Равняется нашей пословицѣ о курицѣ, несущей золотыя яйца).

„Нельзя надѣяться на плодъ съ дерева, цвѣты котораго побилъ морозъ. (Отвѣтъ на нѣкоторые планы).

„Хотя у потока нѣтъ когтей, онъ все же можетъ вырыть отверстие въ землѣ. (Ободрение просителя)“.

На вопросъ, придетъ ли въ Лхассу миссія изъ Кхамба-Джонга, оракулъ отвѣтилъ, что „въ Лхассѣ будетъ британская миссія, однако не эта самая, а гораздо большая“. Оракулъ же Кармашаръ отвѣтилъ осторожнѣе: „Англичане подобны пузырямъ на водѣ; сегодня они здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ“.

Въ верхнемъ этажѣ надъ храмомъ дьявола комнаты для поклоненія Буддѣ. Спальни монаховъ рядомъ съ храмомъ; авгуръ живетъ съ сѣверной стороны въ маленькомъ домикѣ въ саду, обнесенномъ высокой стѣной; въ этой рошѣ растутъ мелкій бамбукъ, разновидность пинны и привозные кусты, а также пестрыя массы астры, остролистниковъ и настурцій. Въ трехъ чистыхъ комнатахъ оракула полированные деревянные полы и красивая лакированная мебель; благодаря утонченному вкусу и чистотѣ, царящимъ въ его жилищѣ, оно больше походитъ на японскій домъ, нежели на помещеніе въ этомъ антихудожественномъ Тибетѣ. Когда мы уходили, дружелюбные монахи поднесли намъ нѣсколько прелестныхъ махровыхъ розъ и другихъ цвѣтовъ.

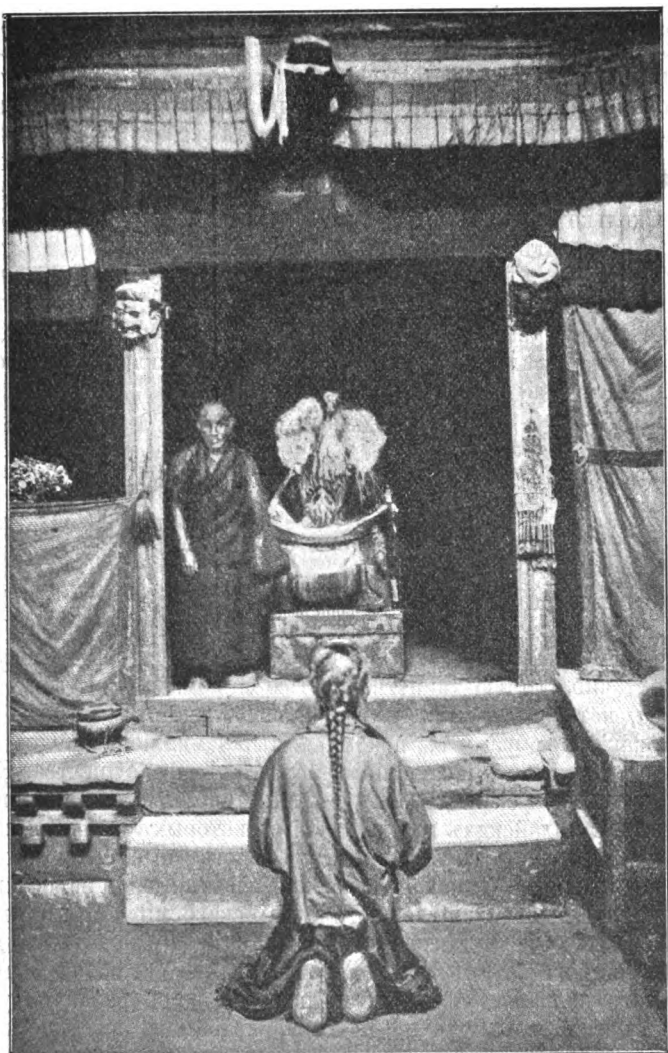
Волшебникъ Кармашаръ, живущій въ городѣ, главнымъ образомъ служить прорицателемъ для простого народа; однако онъ имѣетъ также отношеніе къ общинѣ Сера и посѣщаетъ его каждую осень, произнося предсказаніе на текущей годъ: оно вывѣшивается на стѣнахъ этого монастыря. Такъ какъ предсказаніе на нынѣшній годъ касалось британской экспедиціи, я выписалъ изъ него отрывокъ, надо сказать, довольно несвязный.

„Я, дьяволъ, еще съ начала года самца желѣзной мыши (1900 г.), говорилъ вамъ, что лучи Солнца (т. е. далай-ламы) закрыты дымомъ; однако, если слуги будутъ осторожны, обѣтъ сохранится. Мудрые тибетцы, несмотря на сокола и племя Хоръ, считали слова, произнесенныя мною, дьяволомъ, водяными пузырями. Но если враги, которые должны придти къ вамъ, будутъ разсѣяны, какъ тѣма невѣжества мудростью, пониманіемъ и истиннымъ чувствомъ, три драгоценности короны сохранятся. Оберегайте общее благо міра и религію. Тѣма дьяволовъ разсѣется въ годъ овцы (1907 г.).

„Хри! Позвольте мнѣ на алтарѣ великаго хранилища взглянуть на то, что совершится! Я вижу: 1) магическій кругъ, 2) знаки съ желтой верхушкой, 3) знамя съ красной верхушкой, 4) кимвалы, 5) флагъ на рогѣ овцы, 6) толпу палатокъ, 7) одинъ башмакъ, 8) байковое одѣяло, связанное веревками, 9) мечъ, 10) сердце на козьей головѣ, 11) черныя горошины, индійскія сѣмена и двѣ трети мясной туши. Это пророчество высказано мною, держателемъ доктрины „птицеголовымъ“ во время праздника кислаго молока въ Серѣ, въ 30 день 6 мѣсяца года деревяннаго Дракона.“

Эти пророчества, какъ фараоновъ сонъ, объясняются волшебникомъ только въ концѣ года; но нѣкоторые ламы, которыхъ я просилъ открыть мнѣ смыслъ прорицанія, сказали, что, по ихъ толкованіямъ изреченія, въ текущемъ году главными дѣятелями и собы-

тіями будуть: 1) орденъ ламъ, 2) далай-лама, 3) великій lama Ташильхумпо, 4) извѣстность или слава, 5) во время года овцы (1907) война, 6) много лагерей. 7) мало путешествій, 8) много

Слушающій предсказаніе,
въ храмѣ волшебника Кармашара.

мертвыхъ тѣлъ, 9) война, 10) сердца не на мѣстѣ, 11) обильныя жатвы.

Посѣтивъ обитель оракула Кармашара, я узналъ, что прорицанія произносятся каждый день, а въ случаѣ нужды и по нѣскольку разъ въ день; когда я былъ у волшебника, отъ провидца выходили совѣтовавшіеся съ нимъ. Храмъ очень малъ, весь увѣшанъ масками

дьявола; въ немъ большой барабанъ, которымъ распоряжается единственный помощникъ прорицателя. Комната оракула, темная внутренняя каморка, во мракъ которой, лицомъ къ двери, сидитъ волшебникъ на креслѣ съ подушками; на немъ тяжелая коническая шапка, покрытая драгоцѣнностями, на его груди нагрудникъ; обувь онъ въ длинные китайскіе сапоги, на его боку виситъ мечъ. Мнѣ посчастливилось снять фотографію съ тибетца, который выслушивалъ очень выразительный и полный проницательнаго здраваго смысла отвѣтъ провидца.

Раньше чѣмъ я ушелъ, священникъ посмотрѣлъ на меня острымъ взглядомъ и спросилъ:

— Сколько вамъ лѣтъ?

На мой отвѣтъ онъ быстро возразилъ:

Нѣтъ, вамъ годомъ больше: вамъ столько-то лѣтъ.

Въ эту минуту я вспомнилъ, что нѣсколько дней тому назадъ былъ день моего рожденія и что я достигъ именно тѣхъ лѣтъ, на которыя онъ указалъ. Съ этимъ послѣднимъ восклицаніемъ волшебникъ скрылся отъ насъ во тьмѣ своего храма.

ГЛАВА XIX.

Священникъ-богъ и его дворецъ.

Молодой священникъ-богъ бѣжалъ со своимъ злымъ гениемъ — ламой Дорджіевымъ, и потому мы могли проникнуть въ его скрытый дворецъ; могли увидѣть его помѣщеніе и ступени его трона, обвѣтаго точно тканью таинственностью и романтичностью.

Тайна, которая окружала его происхожденіе, разсѣяна, и мы видѣли какимъ образомъ, почему четыре милліона людей стали считать его земнымъ проявленіемъ божественнаго существа. Его духовное вліяніе внѣ Тибета распространяется только на немногіе изъ маленькихъ гималайскихъ государствъ, въ которыхъ имѣются ламы, и на Монголію, хотя и въ ней есть свой собственный великій лама въ Ургѣ, ея столицѣ. Такимъ образомъ власть далая простирается только на очень небольшую часть буддійскаго міра. Буддисты Бирмана, Цейлона, Сіама, Китая *) и Японіи не признаютъ его главой своей церкви; напротивъ, они смотрятъ на него, какъ на нечистаго и страннаго неправовѣрнаго, не столько благодаря различію ученій, сколько въ силу того, что подъ его управленіемъ аскетическая система Будды дошла до самыхъ нелѣпыхъ крайностей.

Его великолѣпный дворецъ, такъ гордо вѣнчающій холмъ Потала, вполне способенъ поддерживать иллюзію его божественности. Видъ этихъ очаровательныхъ громадъ, поднимающихся къ небу со своими золотыми крышами, блестящими издали надъ великолѣпнымъ лѣ-

*) Ламайскіе храмы Пекина и нѣсколькихъ другихъ городовъ Китая находятся въ рукахъ тибетскихъ и монгольскихъ священниковъ, а не подъ властью китайскихъ буддистовъ, исповѣдующихъ менѣе нечистую форму буддизма.

сомъ деревьевъ и холмами, долженъ вселять благоговѣнiе и почтенiе въ сердца пилигримовъ, идущихъ въ Лхассу изъ обнаженныхъ пустынь горныхъ странъ; конечно, дворецъ можетъ казаться имъ истиннымъ земнымъ раемъ.

Тибетцы излили на него все свое искусство. Онъ состоитъ изъ массы домовъ, храмовъ, могилъ, помѣщений для приѣма и другихъ, воздвигнутыхъ въ различное время построекъ. Обитель первыхъ владыкъ Тибета, выстроенная воинственнымъ Сронгстаномъ, основавшимъ Лхассу въ VII столѣтiи по Р. Х., состоитъ изъ группы бѣлыхъ зданiй, на юго-западномъ краю холма, и придаетъ

Ватиканъ Тибета
Дворецъ Потала съ сѣверо-запада.

всему собранiю строенiй характеръ крѣпости. Большое центральное ядро зданiй возвышающееся надъ всѣми другими и называемое, въ силу своего темно-краснаго цвѣта, краснымъ дворцомъ, было возведено первымъ далай-ламой послѣ того, какъ онъ захватилъ въ свои руки свѣтскую власть постройки расширилъ его сынъ, регентъ Санджiе, сдѣлавшiй много для благосостоянiя страны, собравшiй гражданскiе законы въ кодексъ, основавшiй храмъ медицины и совершившiй еще многое. Капудинскiе миссiонеры, его современники, говорятъ о немъ очень почтительно, какъ о „*vir ingenii sagacissimi*“ *). Красный дворецъ заключаетъ въ себѣ всѣ большiе храмы, тронныя комнаты и раки съ реликвiями през-

*) Джiорджи

нихъ великихъ ламъ; на его крышѣ стоитъ золотой китайскій павильонъ, служащій какъ бы блестящимъ маякомъ.

Его холмъ называется Потала, по имени того скалистаго холма, который возвышается надъ гаванью на мысѣ Коморинѣ, на крайней точкѣ Индостана, и, по мнѣнію древнихъ индусовъ, составлялъ конецъ міра и служилъ миѳическимъ жилищемъ буддійскаго бога милосердія; бога же милосердія ламы отождествляютъ съ милосердымъ духомъ горъ, согласно ученію далая, воплотившагося въ него.

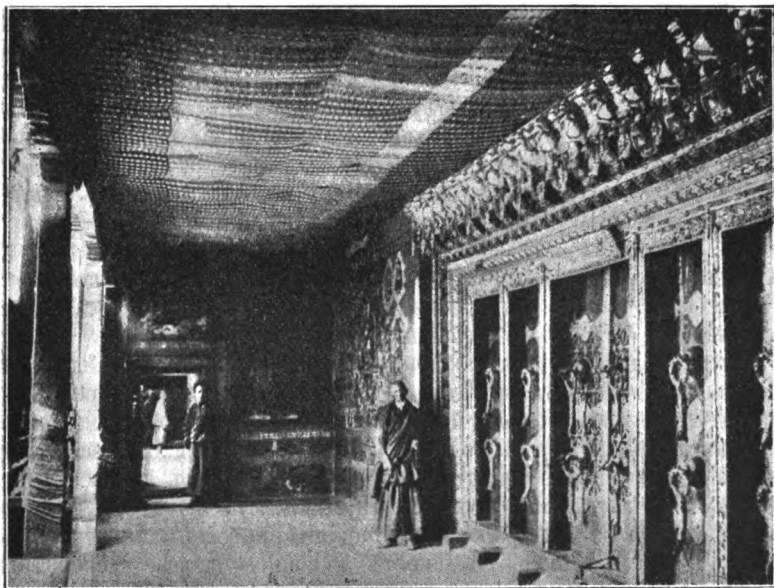
Приближаясь къ замку „тибетскаго папы“, видишь, что это — большой фортъ, имѣющій около мили въ окружности; онъ съ трехъ сторонъ обнесенъ большой стѣной, съ четвертой же, сѣверной, защищенъ почти отвѣсными крутыми утесами, изъ-за которыхъ его строенія рисуются смѣлыми линиями. Въ этой сѣверной грядѣ продѣланы ворота; мы проѣхали черезъ нихъ и стали подниматься по холму; когда до большого круглаго бастиона, издали напоминавшаго Ватиканъ, осталось меньше половины дороги, мы остановились близъ мѣста, называемаго „Остановка лошадей“, откуда вверхъ бѣжала длинная лѣстница; тутъ необходимо спѣшиваться. Насъ встрѣтилъ главный камергеръ, а также главный совѣтникъ. Зигзагъ приблизительно въ 100 крутыхъ ступеней привелъ насъ къ подножію темно-красныхъ стѣнъ краснаго дворца, который грозно поднимался надъ нами. Входныя двери казались жалкими; ихъ завѣшивала разорванная занавѣска; онѣ служили входомъ для тѣхъ, кто имѣлъ частный доступъ къ далаю, и не составляли обыкновеннаго входа пилигримовъ. Вымощенный внутренній узкій дворъ окаймляли помѣщенія стражниковъ и кладовыя въ нѣсколько этажей; идя по переулку (въ которомъ насъ ожидали группы недовѣрчивыхъ служащихъ въ желтыхъ и малиновыхъ мундирахъ), мы повернули влѣво и прошли между строеніями въ сѣверныя двери замка, теперь охранявшагося британскими и индійскими солдатами изъ нашего эскорта; нѣкоторые изъ нихъ сопровождали насъ и во время осмотра внутренности дворца.

Внѣшнія части дворца выстроены изъ грубо обдѣланныхъ камней и испрепечены множествомъ оконъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ занавѣси — „маркизы“, что придаетъ имъ итальянскій характеръ.

Внутри цѣлый лабиринтъ полутемныхъ, угрюмыхъ, узкихъ переходовъ, низкихъ корридоровъ, точно въ европейскомъ средне-вѣковомъ замкѣ. Слѣва за темнымъ корридоромъ, освѣщеннымъ лампами и факелами, находится новая тронная комната, обширная широкая зала, въ 20 ярдовъ ширины и длины, съ галереей, освѣщенная сверху; ея карнизы и стѣны хорошо окрашены въ пріятные цвѣта и покрыты фресками. Вдоль ея сѣверной стороны, за трономъ, представляющимъ собою открытую рѣшетчатую постройку, за желѣзными рѣшетками виднѣются сокровища и обѣтныя приношенія пилигримовъ; надъ трономъ горизонтально виситъ, точно большая вывѣска, привѣтственная „карточка“, присланная послѣднимъ китайскимъ императоромъ Тенгчи (1862 — 1875), на которой красуется слѣдующая надпись по-китайски и по-тибетски:

„Да распространится благословенный свѣтъ лучшаго спасителя во всѣ направленія“ *).

Старая тронная комната находится на востокѣ отъ новой, ближе къ входнымъ дверямъ, и къ ней ведетъ еще много темныхъ корридоровъ. Она похожа на описанную выше. Здѣсь намѣстникъ будды, сидя на тронѣ, собираетъ свой дворъ и благословляетъ пилигримовъ, благоговѣнно окружающихъ его. Рука его святѣйшества непосредственно касается только головъ ламъ и представителей высшихъ классовъ; для толпы „неумытыхъ“ онъ употребляетъ кисть

Корридоръ во дворцѣ ламы, Шотаа.

на концѣ скипетра. Говорили, что въ этомъ помѣщеніи хранится и портретъ императора Ченлунга, но во время нашего посѣщенія его не было въ тронной комнатѣ. Престоль живого Будды, „Драгоценнаго побѣдителя смерти“, стоитъ въ западномъ концѣ, у подножія колоссальнаго мавзолея, называющагося „Украшеніемъ міра“ **); это монументъ, который заключаетъ въ себѣ тѣлесные останки предшественника далай-ламы и его прежняго „воплощенія“, перваго далая, основателя владычества священниковъ. Тронъ — простой балахинъ, поднимающійся на три фута надъ поломъ; спереди онъ открытъ, и на немъ лежитъ нѣсколько нарядныхъ подушекъ; съ

*) Это переводъ тибетской надписи. Относительно китайской м-ръ Уальтонъ говорилъ мнѣ, что она имѣетъ нѣсколько значеній, приблизительно такого же смысла, какъ и тибетское.

**) Дсамлинчъ джайенъ.

трехъ остальныхъ сторонъ его окружаетъ какъ бы кѣтка изъ тонкихъ палочекъ. Замѣчательно, что надъ надписью „Сакія левъ“ поколь трона украшенъ простымъ расцвѣченнымъ узоромъ изъ цвѣтовъ, похожихъ на ромашки, которые красуются на старинномъ мраморномъ тронѣ „Господина“ въ Будъ-Гайѣ, подъ фиговымъ деревомъ; тамъ, гдѣ на Будду впервые снизошло просвѣтлѣніе.

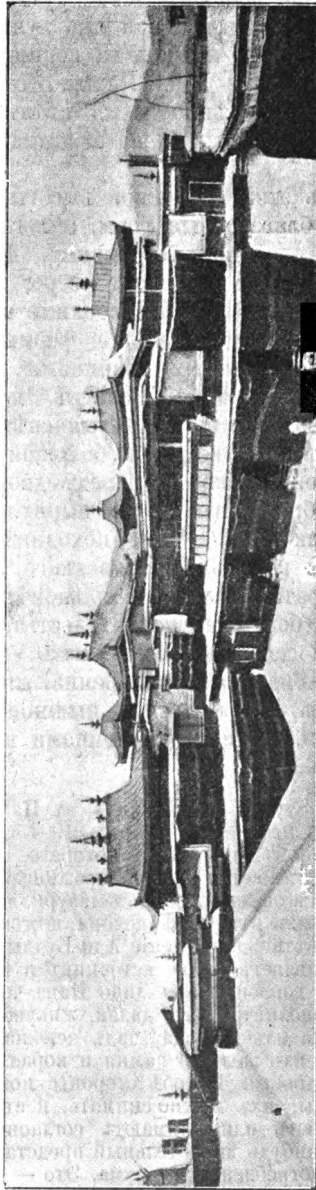
Базисъ большого мавзолея съ реликвіями перваго далая богато убранъ золотомъ и выложенъ драгоценными каменьями, ступени его цоколя служатъ алтарями для безчисленнаго количества вѣковыхъ обѣтанныхъ приношеній коронованныхъ лицъ; связки жемчуга и другія драгоценныя ожерелья висятъ съ его верхней части, которая поднимается футовъ на сорокъ надъ головой. Для того, чтобы видѣть вершину этого монумента, мы пошли по пути паломниковъ черезъ серію, повидимому, безконечныхъ темныхъ лѣстницъ и переходовъ, въ которыхъ мы вытягивались въ линію, идя близко одинъ за другимъ, чтобы не заблудиться. Наконецъ мы вышли на хорошо освѣщенный дворъ сверху, кругомъ котораго бѣгутъ прекрасные коридоры съ колоннадами, направляясь изъ собственныхъ комнатъ далай-ламы къ „царской“ часовнѣ и къ вершинамъ хранилищъ реликвій, подъ четырьмя золотыми павильонами, обозначающими ихъ положеніе. Въ этихъ коридорахъ стояли пышные дворцовые служители и ламы, которые держались очень важно и мягко двигались по толстымъ коврамъ, устилавшимъ полъ.

Здѣсь великолѣпіе и законченность отдѣлки превосходятъ все, что мы до сихъ поръ видѣли, и достойны царственной резиденціи вершителя судебъ народа. Ряды красныхъ пилоустровъ поддерживаютъ карнизы съ превосходной рѣзбой; потолки украшены прекрасной мозаикой въ пріятно смягченныхъ тонахъ и фресками съ нѣжными деталями, напоминающими миниатюры на кости. Богатство тоновъ и роскошно выработанная чеванка массивныхъ дверей напоминаютъ храмъ Никко. Въ Тибетѣ живопись скорѣе декоративна, нежели художественна, въ нашемъ смыслѣ этого выраженія, такъ какъ ея цѣль украшать поверхность пигментами и она большей частью прибѣгаетъ къ яркимъ краскамъ, эффектность которыхъ еще усиливается, благодаря употребленію золота, серебристо-бѣлаго и темно-синяго тона; фигуры же всегда изображаются въ натянутыхъ, условныхъ позахъ, безъ перспективы, и составляютъ очевидное подражаніе китайскимъ образцамъ. Въ своихъ хроматическихъ композиціяхъ тибетцы помѣщаютъ рядомъ „основные“ цвѣта: красный, синій и золото, а иногда также зеленый,—они рѣже прибѣгаютъ къ „вторичнымъ“ тонамъ: лиловому и оранжевому; несмотря на это, внутри зданій, въ затѣненномъ свѣтѣ, грубость раскраски и контрастовъ рѣдко рѣжетъ глазъ.

Самыя великолѣпныя двери, открываясь, даютъ пилигримамъ возможность посмотреть на раки съ останками великихъ ламъ; наиболѣе красивый изъ этихъ мавзолеевъ—великолѣпно усыпанная драгоценностями верхняя часть могилы перваго далая. Какъ мы уже видѣли, это колоссальный мавзолей, который начинается внизу, въ тронной комнатѣ. Всѣ остальные монументы, имѣющіе тотъ же характеръ чортена, поднимаются съ пола комнаты, связанной съ кор-

ридоромъ, въ которомъ мы были теперь. Здѣсь еще три могильныя комнаты, но изъ нихъ заняты только двѣ. Ближайшая къ мавзолею великаго далая пуста, другія заключаютъ въ себѣ тѣла третьяго и четвертаго далай-ламъ. Останки второго далая, какъ легко вспомнить, отсутствуютъ, потому что распущенный юноша, родившійся отъ порочныхъ родителей, былъ низложенъ и убитъ за свое разнузданное поведеніе, причеиъ его тѣло, повидимому, лишило чести, не давъ ему царственной могилы. Ни одинъ изъ четырехъ послѣдующихъ великихъ ламъ не имѣетъ здѣсь реликвенной раки; лишены этой почести и четыре дама, предшествовавшіе первому далаю и не имѣвшіе свѣтской власти; такимъ образомъ Негуангъ, первый папа-царь, изобрѣтатель мѣа о божественности далая, и въ смерти господствуетъ надъ остальными

Въ концѣ красивыхъ корридоръ находится „царская“ часовня, такъ какъ Потала столько же монастырь, сколько и дворецъ, и въ немъ помѣщается 500 монаховъ: ихъ настоятель — далай-лама; въ обыкновенномъ одѣяніи ламъ, онъ совершаетъ церковное богослуженіе. Эта часовня, въ общемъ, похожа на остальные уже описанные нами храмы, но ея убранство, ея статуи и всѣ принадлежности культа гораздо роскошнѣе, чѣмъ въ нихъ. На одномъ изъ алтарей стоитъ тонко и прекрасно сдѣланное золотое изображеніе „Господина милосердія“, воплощеніемъ котораго считается далай. Главная обязанность священниковъ состоитъ въ доставленіи смѣнъ ламъ для рутиннаго чтенія молитвъ о долгоденствіи его святѣйшества; при насъ во время богослуженія они тянули свои пѣсни и окропляли его изображеніе святой водой изъ мистическаго сосуда „амврозіа“ или „нектара безсмертія“, съ пробкой, украшенной пучкомъ павлиньихъ перьевъ. Это серебряная ваза

Мѣсто прогулки великаго ламы (на крышѣ дворца Потала).
Золотой павлинонь слѣва указываетъ мавзолей перваго далая.

обыкновенной грубой тибетской работы; другую недавно прислали изъ Парижа *).

На плоской крышѣ, выше храмовъ и мавзолеевъ, находится мѣсто прогулки великаго ламы; тутъ, окруженный своей свитой, онъ двигается посреди одной изъ лучшихъ панорамъ въ мірѣ и какъ богъ, смотритъ съ высоты на поднятыя къ нему лица своихъ почитателей, стоящихъ на 500 ф. ниже его; ихъ глухой хоръ бормочущій: „Привѣтъ драгоценности въ цвѣтѣхъ лотоса!“, буквально имѣетъ то же значеніе, какъ наша молитва „Отче нашъ, иже еси на небесахъ“ **).

Съ этой спокойной высоты отырывается видъ на долину Лхассы и ея благородныя горы, а легкій гулъ жизни слегка доносится до сюда, еле нарушая тишину. Долина раскидывается точно большое заключенное въ горы озеро, съ волночками зеленыхъ роцъ. Изъ нихъ, точно корабли, стоящія на якорѣ, выглядываютъ вышки „собора“, городскіе дома и фермы съ дымомъ, вьющимся къ небу; далѣе за зелеными границами поднимаются лиловыя горы и мысы; рисуясь въ темной синевѣ посреди мягкой лазури, въ туманной дали исчезаютъ покрытыя снѣгомъ вершины.

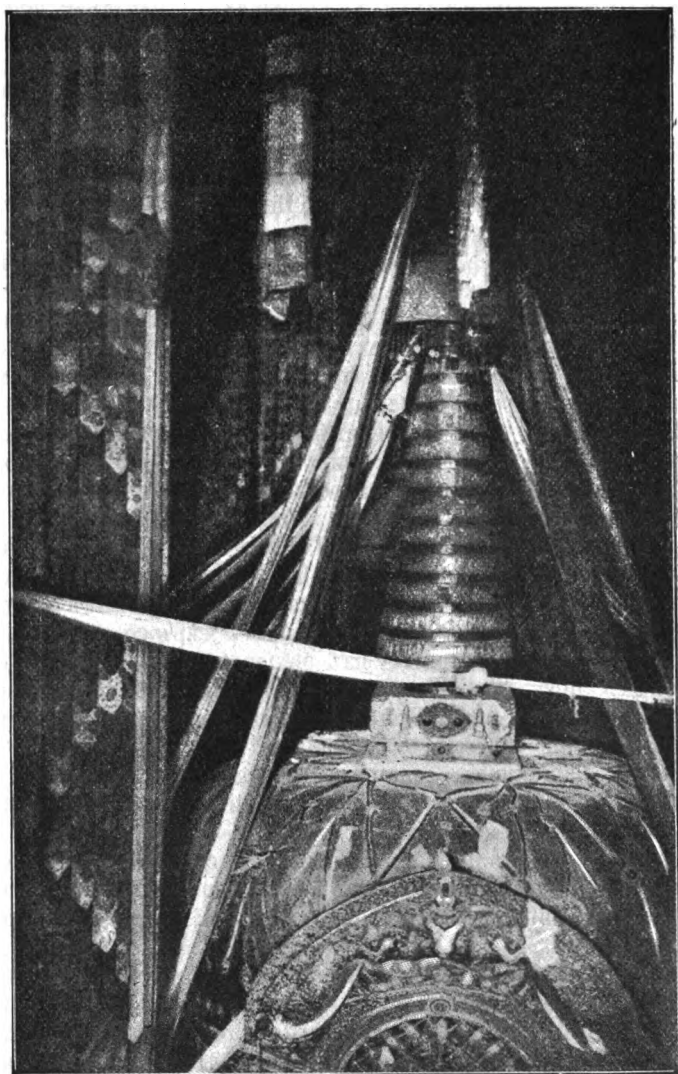
Мы спустились по большой передней лѣстницѣ, внѣшній изгибъ которой образуетъ передъ дворцомъ пространство въ формѣ граненаго брилліанта, снова нырнули въ лабиринтъ темныхъ переходовъ, прошли подъ сводами, походившими на темницу и рисовавшими цѣпи и муки, которыя ждали всякаго, кто оспаривалъ волю священника—автократа, жившаго въ помѣщеніи наверху. Говорятъ, здѣсь хранится богатство правительства, никогда не выпускавшаго въ свѣтъ смѣты своего бюджета, и въ числѣ другихъ сокровищъ та золотая лотерейная ваза, подаренная китайскимъ императоромъ, изъ которой амбанъ, посреди своей пышной свиты и окруженный ламами-настоятелями, вынимаетъ щипцами имя новаго далай-ламы, доставая его

*) Эту вазу, сдѣланную въ Парижѣ, такъ описалъ М. Денигеръ въ журналѣ „Столѣтіе“ за февраль 1904 г.: „Она имѣетъ нѣкоторое сходство съ подсвѣчникомъ, подставка котораго сдѣлана изъ позолоченнаго серебра. Надъ нею поднимается рѣзной коралловый шаръ, а на немъ, похода на пламя свѣчи, покоится овалъ изъ лапсисъ-лазури, изображающій листья. Въ центрѣ, въ цвѣтѣхъ лотоса изъ бѣлаго калпедона, помѣщается фигура бога Амитабха, „безконечнаго свѣта“, проявленіе Ади-Будды, который въ буддійской ламайской религіи представляетъ собою источникъ и причину всего. Амитабха, какъ предполагается, воплощенъ въ лицо Панъ-ченъ Римпоче, который представляетъ собою дополнительнаго далая, живущаго въ Ташилхумпо, въ южномъ Тибетѣ. Фигурка изъ коралла; надъ нею на вершинѣ овала мѣсяцъ изъ калпедона, солнце изъ желтаго камня и коралловое пламя, которое символизируетъ сіяніе мудрости. По обѣ стороны ножки серебряныя позолоченныя китайскіе драконы; ихъ можно снимать, и авторъ статьи предполагаетъ, что ихъ прикрѣпляютъ или снимаютъ согласно съ тѣмъ, присутствуетъ ли или нѣтъ какой-нибудь значительный представитель Китая во время церемоніи, требующей употребленія Тзе-бума. Это — прекрасное издѣліе работы парижскихъ мастеровъ; желаніе сохранить точность символизма было такъ велико, что одинъ изъ верховныхъ священниковъ далай-ламы пріѣхалъ въ Европу, чтобы отыскать художниковъ, которые выполнили бы рисунокъ. Необходимые большіе куски коралла были привезены изъ Легорна, и верховный священникъ самъ отправлялся за ними“.

***) Цвѣтокъ лотоса—символь небснаго рожденія.

изъ множества доскутковъ съ именами одобренныхъ кандидатовъ на перевоплощеніе послѣ смерти живого Будды.

Надъ этими сводами, въ роскошно убранномъ помѣщеніи, въ

Вершина мавзолея первого далая въ Поталѣ, называемаго „Украшеніе міра“.

сѣверо-восточномъ углу краснаго дворца, живетъ „Побѣдитель смерти“, нынѣшнее воплощеніе котораго провело здѣсь 27 лѣтъ изъ 28-лѣтъ своей жизни. Въ теченіе безрадостнаго дѣтства далая, не скрашеннаго обществомъ другихъ дѣтей, его матери позволяютъ жить внизу только два года, чтобы оградить отъ заразы ея присутствія священ-

ную атмосферу, которая должна окружать святого, такъ какъ буддизмъ даетъ женщинамъ очень низкое мѣсто. Напротивъ, отецъ, какъ бы бѣденъ и низокъ по происхожденію ни былъ онъ (отецъ нынѣшняго далай—бывшій дровосѣкъ), облагораживается, получаетъ дворецъ, китайскій титулъ герцога (вунгъ), шишечку и павлинье перо второго мандарина; народу онъ извѣстенъ какъ „отецъ Будды“.

Въ восьмилѣтнемъ возрастѣ далай посвящаютъ въ монахи и дѣлаютъ главой церкви; 18-ти онъ беретъ въ свои руки бразды правленія; такимъ образомъ, нынѣшній глава Тибета въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ былъ здѣсь полнымъ монархомъ, въ своемъ родѣ такимъ же полновластнымъ, какъ русскій царь.

Правительство Тибета называется „Центральный правитель“ (депа Цхунгъ) и номинально состоитъ изъ совѣта четырехъ министровъ или „подножій лотоса“ (трона) шапе*). Трое изъ нихъ свѣтскіе чиновники, одинъ монахъ; они засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ далай-ламы или регента. Этихъ министровъ назначаетъ амбанъ, который, какъ говорятъ, продаетъ постъ тому изъ нихъ, кто больше заплатитъ. Онъ не позволилъ хитрому главному секретарю занять мѣсто веселаго стараго Та-ламы, смѣщеннаго со времени нашего приѣзда въ Лхассу, по той причинѣ, какъ сказали мнѣ непальскій консулъ, что секретарь еще не заплатилъ ему. Совѣтъ, засѣдающій въ Лхассѣ, вершитъ всѣ дѣла государства и назначаетъ различныхъ областныхъ чиновниковъ. Многие изъ высшихъ должностныхъ лицъ, включая джонгпеновъ, — обитатели Лхассы, они посылаются на три года на службу въ провинцію и затѣмъ возвращаются въ столицу, чтобы представить личный рапортъ, послѣ котораго имъ даютъ различныя новыя мѣста. Для исключительныхъ мѣръ созываютъ „общее собраніе“ (Тсонъ-ду), состоящее изъ большого количества свѣтскихъ и духовныхъ лицъ низшаго разряда; это собраніе докладываетъ о своихъ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ четыремъ шапе, засѣдающимъ въ совѣтѣ вмѣстѣ съ далаемъ и регентомъ**).

Главный священникъ, далай, доступенъ для всѣхъ, кто имѣетъ жалобы, и охотно показывается своимъ почитателямъ. Обыкновенная форма адресовъ на письмахъ и бумагахъ, обращенныхъ къ нему, слѣдующая: „Чистымъ ногтямъ пальцевъ его святѣйшества „Побѣдителя смерти“, исполнителя всѣхъ желаній, всевѣдущаго, всевидящаго, безстрашнаго охранителя, друга и патрона ангеловъ и всего живущаго“.

Подъ окнами приѣмныхъ великаго ламы мы покинули темныя переходы и вышли на открытый вымощенный дворъ, окаймленный галереей; здѣсь для развлеченія его святѣйшества происходятъ танцы и игры. Строенія ветхи, но нѣкоторые изъ стѣнныхъ фресокъ обновлены, а многія стѣны покрыты новой штукатуркой. Спускаясь, мы миновали громадныя кухни и вышли на большую лѣстницу; съ нея передъ нами открылся отличный видъ на фасадъ строе-

*) Собственно Цхабпедъ. Рокхиль склоненъ производить это слово отъ ша—правосудіе и пе—образецъ, хотя существуетъ большое различіе въ написаніи.

***) Такъ называемое общее собраніе обсуждаетъ менѣе важныя дѣла и, повидимому, не принимаетъ участія въ болѣе серьезныхъ.

енія. Дворецъ — темно-пунцоваго цвѣта, благодаря окраскѣ изъ охры. Большіе щиты на стѣнахъ замка носятъ на себѣ мистическое заклинаніе своего царственнаго обитателя и колесо „Буддійскаго закона“, которое поддерживаютъ два лежащіе оленя, символизирующіе первую проповѣдь Будды въ лѣсу оленей *), въ Бенаресѣ.

Дальше мы миновали домъ „хранителя приношеній“, который принимаетъ дары, жертвуемые ламаитскому папѣ, и взамѣнъ этого даетъ имъ маленькую глиняную печать съ рельефнымъ оттискомъ дракона, громовой стрѣлы и заклинанія; ее сохраняютъ въ амuletъ, какъ талисманъ, онъ также продаетъ реликвіи, платья, портреты его святѣйшества и талисманы **).

Въ концѣ большой лѣстницы стоитъ крупный монолитъ, похожій на находящійся внѣ стѣнъ, но на немъ нѣтъ никакой надписи. Къ этому камню прикрѣпляется нижній конецъ длиннаго каната для „летающихъ духовъ“ во время праздника Новаго года; верхній же конецъ каната привязывается къ крышѣ дворца, приблизительно на высотѣ 500 ф., и вотъ по такому ужасному наклону скользятъ акробаты, несущій счастье на грядущій годъ, и его встрѣчаютъ привѣтствія 50 тысячъ народа. Человѣкъ, олицетворяющій летящаго духа, принадлежитъ къ классу профессиональных акробатовъ. Онъ сидитъ верхомъ на деревянномъ сѣдлѣ и окружаетъ свое тѣло одеждами съ толстыми подушками, чтобы предохранять его отъ тренія веревки. Ставъ на верхушку крыши дворца, онъ дѣлаетъ возліяніе изъ вина и бросаетъ маленькія фигурки людей и животныхъ, вылѣпленныя изъ тѣста,—это приношеніе дьяволамъ; потомъ акробаты скользятъ по канату, иногда выпрямляясь, точно сидя на лошади, иногда же лежа грудью на сѣдлѣ. Хотя онъ несетъ съ ужасающей скоростью и подвергается большой опасности убитія или треніемъ веревки разрѣзать себя, несчастные случаи происходятъ рѣдко—теперешній исполнитель роли духа спускался съ крыши нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Цѣль его—принести счастье великому ламѣ и его странѣ, и летящій духъ, повидимому, скорѣе роль добраго ангела ***), нежели козла отпущенія, потому что его привѣтствуютъ, и онъ не прячется.

У подножія лѣстницы на большомъ дворѣ стоятъ помѣщенія свѣтскихъ слугъ, конюшни, закромы, печатня, монетный дворъ,

*) Сарнатъ.

**) Эти талисманы состоятъ изъ доскутовъ его платья, обрѣзанныхъ кусковъ ногтей и т. д. Наведя на мѣстѣ специальныя справки, я выяснилъ, что теперешніе обычаи подтверждаютъ отчетъ, напечатанный въ „Адскомъ словарѣ“ г-номъ Коленомъ де-Планси въ Парижѣ въ 1825 г. Его экскременты сохраняются, какъ священный предметъ. Ихъ сушатъ, превращаютъ въ порошокъ, заключаютъ въ золотыя коробочки, осыпанныя камнями, и разливаютъ, какъ священный реликвіи великимъ правителямъ. Его урина—божественный эликсиръ, способный исцѣлять отъ всевозможныхъ болѣзней.

***) Этотъ обычай, напоминающій индусскій праздникъ „Качаніе на ярочкѣ“, былъ распространенъ въ сѣверо-западной области Гималаевъ въ Герулъ; около 100 лѣтъ тому назадъ д-ръ Муркрофтъ видѣлъ такое представленіе и описалъ его подъ именемъ Баратъ, говоря, что, по мѣстнымъ мнѣніямъ, оно должно было защищать отъ холерной эпидеміи („Путешествіе въ Гималайскихъ областяхъ“). Британское правительство отмѣнило его вслѣдствіе частыхъ несчастій.

мастерская для отливанія изображеній и колоколовъ, тюрьма, а также большіе амбары и чуланы для хлама. Тутъ же, говорятъ, подъ замкомъ хранится единственный колесный экипажъ, бывшій въ Тибетѣ до появленія нашихъ телѣжекъ эккъ. Это эlegantный четырехколесный фаэтонъ, кушленный главой Непала въ Калькуттѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и посланный въ даръ великому ламѣ; но далай никогда не ѣздилъ въ немъ и сохранялъ его, какъ рѣдкость, такъ какъ онъ большею частью путешествовалъ, сидя въ носилкахъ.

Большія общественныя ворота, которыя мы увидѣли теперь, имѣютъ развѣтвленный изогнутый проходъ, продѣланный въ ихъ массивныхъ стѣнахъ, болѣе 30 ф. толщиною; повидимому, они выстроены по образцу внѣшнихъ пекинскихъ городскихъ воротъ. Черезъ ихъ темные порталы мы вышли на открытый лугъ и въ садъ; тамъ дряхлые старики и старухи задумчиво вращали молитвенныя колеса и бормотали мистическую формулу великаго ламы, благочестиво посяматривая на возвышавшіяся красныя стѣны, украшенныя, какъ гербами, цвѣточной надписью: „Привѣтъ драгоцѣнности въ цвѣтѣ лотоса“, служащей наркотическимъ средствомъ отъ всѣхъ несчастій жизни и паспортомъ для рая.

ГЛАВА XX.

Чай у правителя Тибета, регента.

Когда пораженный ужасомъ далай-лама приготовился бѣжать, приблизительно за недѣлю до нашего приближенія къ его столицѣ, онъ призвалъ къ себѣ почтеннаго кардинала желтой секты. Этотъ сановникъ поспѣшилъ изъ своего монастыря въ Поталу, но съ удивленіемъ и досадою узналъ, что его „святой“ господинъ бѣжалъ и оставилъ во дворцѣ свои официальные печати и письмо, въ которомъ поручалъ ему, кардиналу, дѣйствовать въ качествѣ регента*), встрѣтить миссію и по возможности уладить споры съ Англійей. Выборъ молодого далай служить признакомъ здраваго смысла, потому что регентъ — человѣкъ съ очень сильнымъ характеромъ, умомъ, фактически доказавшій, что онъ одинъ изъ немногихъ ламъ, которые стоятъ чего-нибудь, какъ государственные дѣятели.

Этотъ кардиналъ живетъ въ томъ старомъ монастырѣ, въ которомъ основатель желтой секты Тсонгъ-Кхапа началъ производить свои великія реформы въ XV столѣтіи и основалъ орденъ, черезъ два вѣка захватившій въ свои руки свѣтскую власть. Въ качествѣ занимающаго высшее кресло въ монастырѣ „Гахлданъ“, онъ пользуется титуломъ „Владыки трона Гахлдана“**) или „Драгоцѣннаго, сидящаго на тронѣ“***), и его духовное вліяніе распространяется на три большіе государственныя монастыря, а также на весь орденъ „желтыхъ

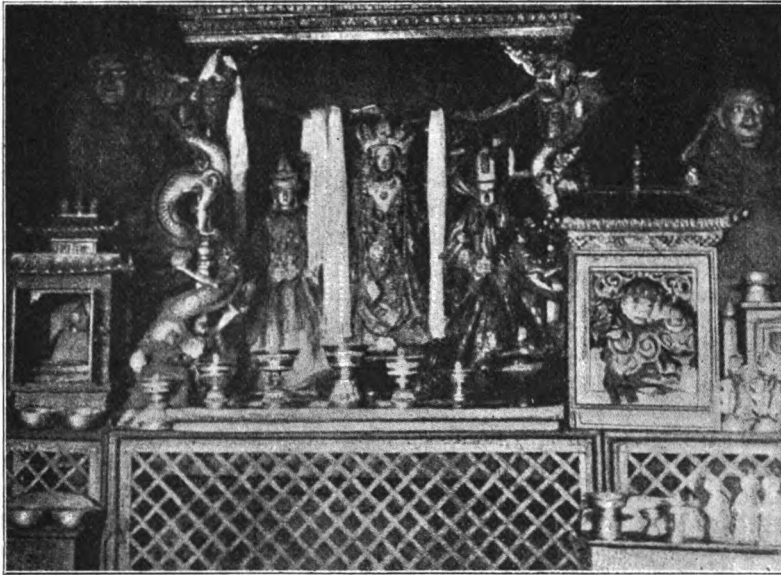
*) Джіаль-тсабъ.

***) Гахлданъ кри-дсинъ-па.

***) Ти-Римпоче.

шапок". Онъ, какъ и его предшественники, не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „перевощенныхъ“ ламъ; онъ просто естественно родившійся человекъ, назначенный на высокой постъ за свою глубокую ученость,—какъ это понимается въ Тибетѣ. Это мѣсто занимаютъ 7 лѣтъ, изъ которыхъ для него прошло уже 4 года. Его частное монашеское имя—„Благородное знамя“.

Тибетъ на свое счастье воспиталъ такого сильнаго человека, пригодившагося теперь когда „кардиналъ“ показался на сценѣ, онъ съ перваго же взгляда понялъ положеніе вещей и съ дѣловитой поспѣшностью принялся улаживать вопросъ. Глубоко пропитанный мирными принципами буддизма и буддѣйскимъ ужасомъ къ

Алтарь въ потальской часовнѣ Аволакита-ца-я.
(Изображеніа и лампада изъ золота).

кровопротію, онъ гальванизировалъ медлительныхъ свѣтниковъ, заставилъ ихъ дѣйствовать быстрѣе и далъ такой оборотъ дѣламъ, который способствовалъ скорѣйшему подписанію мирнаго договора.

Мнѣ очень захотѣлось повидаться съ нимъ, чтобы попросить у него помощи въ нѣкоторыхъ изысканіяхъ, а потому я написалъ ему, прося у него аудіенціи; въ моемъ письмѣ я обратился къ нему, какъ къ „Сіяющему солнцу учености, разумѣющему доктрину и наставленія“. Въ отвѣтъ я получилъ слѣдующую записку:

„Почтенному великому доктору.

„Будетъ пріятно, если вы придете ко мнѣ завтра утромъ до полуденныхъ часовъ. Отъ драгоцѣннаго, сидящаго на тронѣ, во второй день восьмого мѣсяца года деревяннаго дракона“ *).

*) Его непосредственнымъ предшественникомъ былъ Бодхизатъ Чѣп'ель изъ монастыря Децѣнгъ; вступивъ на это почетное мѣсто, онъ прожилъ только

Согласно письму, я на слѣдующій день отправился въ резиденцію кардинала; временно онъ жилъ не въ Поталѣ, а въ богатомъ монастырѣ Муру, на сѣверо-восточной сторонѣ Лхассы, который славится обученіемъ таинственной наукѣ и черному искусству, а также тѣмъ, что онъ заключаетъ въ себѣ печатню для трактатовъ о трансцендентальной мудрости *). Это прекрасное строеніе. Его содержатъ въ полномъ порядкѣ и часто ремонтируютъ; оно окружено высокой стѣной съ широкимъ карнизомъ изъ каменныхъ плитъ, на которыхъ въ видѣ барельефовъ изображены богъ мудрости и другія божества съ ихъ заклинаніями; все ярко раскрашено.

У воротъ я увидѣлъ улыбающихся ламъ, которые пригласили меня войти; я пошелъ за ними, оставивъ свой эскортъ британскихъ солдатъ **) за воротами, изъ уваженія къ священному характеру строенія и желая показать довѣріе къ его высокому обитателю.

За стѣной противъ воротъ, было длинное зданіе трехъэтажнаго дортуара, выстроенное изъ камня со множествомъ оконъ и съ широкимъ проходомъ обрамленнымъ, большими молитвенными колесами. Этотъ проходъ вывелъ насъ на большую вымощенную четырехугольную площадку около 80 ярдовъ ширины; ее скрашивали горшки съ цвѣтущими ноготками, хризантемами, левкоями и астрами. На дальней сторонѣ двора стоялъ храмъ; вдоль трехъ остальныхъ тянулись комнаты резиденціи съ выдающимися деревянными верандами, на которыхъ стояли степенные монахи.

Въ это время мимо меня прошла процессія бритыхъ аколитовъ въ малиновыхъ платьяхъ, направляясь въ храмъ подъ звуки трубъ, ручныхъ барабановъ и звуканіе кимваловъ; я заглянулъ въ открытую дверь, чтобы посмотреть на богослуженіе. Внутри храмъ былъ обычно типа, но картины и фрески сохранились въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ святилищахъ, а серьезный благочестивый видъ молодыхъ монаховъ говорилъ въ пользу дисциплины этого монастыря. Ламы сидѣли другъ противъ друга, вытянувшись по обѣ стороны бокового крыла, какъ на хорахъ. Барабаны находились во второмъ ряду, и такъ какъ ихъ держали за ручки надъ головой, они напоминали штандарты. Въ концѣ крыла на высокомъ тронѣ сидѣлъ настоятель, смѣшиваясь со статуями боговъ въ натуральную величину, стоявшими на алтарѣ. Самые большіе пилястры колоннады, окрашенные красной краской, состояли изъ множества стволовъ, скванныхъ вмѣстѣ, конечно, благодаря отсутствію достаточно большихъ отдѣльныхъ стволовъ въ мѣстныхъ лѣсахъ; ихъ общій видъ, напоминавшій колонны съ канелюрами, производилъ пріятное впе-

годъ. „Кардиналъ“ же—монахъ Серы; одна изъ его главѣйшихъ обязанностей читать собранію ламъ въ великій новогодній праздникъ о тридцати четырехъ жизняхъ Будды (т. е. о настоящей жизни Будды и о тридцати трехъ легендарныхъ предварительныхъ).

*) „Вумъ“ или 10.000 мистическихъ проповѣдей. Печатня съ деревянными клише для печатанія этихъ книгъ—рядомъ съ Джайа-Бумъ чоргеномъ, который, какъ говорятъ, получилъ свое названіе отъ этихъ трактатовъ. Однако, священникъ новаго храма, выстроеннаго въ 1891 году подлѣ чортена, говорилъ мнѣ, что это слово значитъ „100.000 изображеній Тсонгъ-Кхама“, которыя дѣйствительно находились прежде на поверхности монумента.

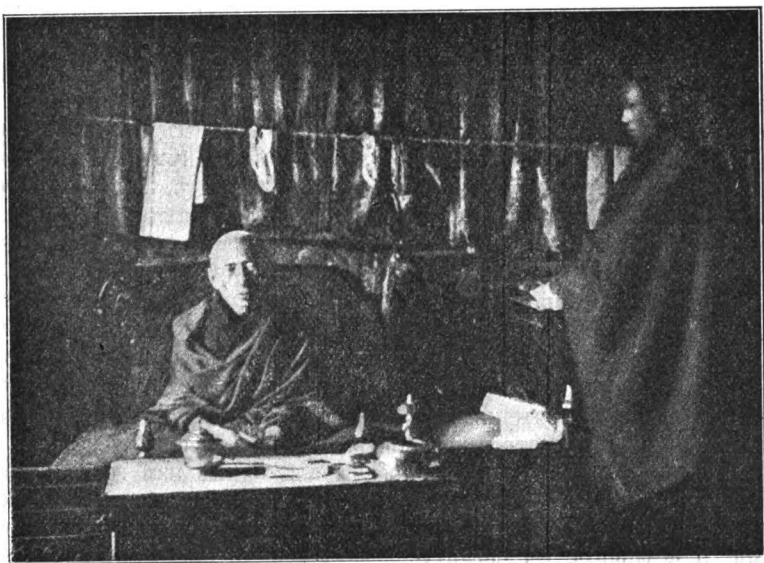
**) Королевскіе стрѣлки.

чатлівіе. Богослуженіе прервали на нѣсколько минутъ, такъ какъ подали супъ-чай. Неофиты разливали этотъ напитокъ изъ большихъ котловъ въ деревянные чашечки; каждый изъ ламъ вынималъ такую чашечку изъ кармана, подавалъ ее и, выпивъ чай, облизывалъ начисто и снова пряталъ въ карманъ.

Иснопѣнія часто принимали форму монолога съ чередующимися отвѣтами, напримѣръ:

Священникъ: Здѣсь возсталъ просвѣтитель міра! Покровитель міра! Создатель свѣта, дающій глаза слѣпому міру, помоги ему сбросить бремя грѣха.

Конгрегація монаховъ: Ты былъ побѣдителемъ въ борьбѣ. Путемъ нравственнаго совершенства ты достигъ цѣли! Твои добродѣтели совершенны! Ты дашь людямъ благо.

Правитель Тибета.

С. Готама (Савія) безъ грѣха! Онъ внѣ грязнаго источника. Онъ стоитъ на сухой почвѣ.

К. Да. Онъ внѣ грязи и онъ спасетъ своимъ ученіемъ другія живыя существа, которыхъ уноситъ могучій потокъ.

С. Живущій міръ долго страдалъ отъ болѣзни порчи. Царь докторовъ пришелъ исцѣлить людей отъ всѣхъ болѣзней.

К. Покровитель міра! Благодаря твоему появленію, должны опустѣть всѣ пріюты отчаянія. Съ этихъ поръ ангелы и люди будутъ наслаждаться счастьемъ и т. д.

С. Тебѣ, чья добродѣтель непорочна, чье пониманіе чисто и блестяще, тебѣ, носящему полныя 32 характеристическія примѣты, тебѣ, понимающему все и обладающему предвидѣніемъ.

К. Тебѣ слава. Мы обожаемъ тебя, преклоняя головы къ ногамъ.

С. Тебѣ, непорочному и чистому отъ всѣхъ пятенъ грѣха и про-

славленному въ трехъ мірахъ! Тебѣ, постигшему три рода знаній, дающему живымъ существамъ глаза, чтобы они могли различать три стадіи освобожденія отъ грѣха.

К. Слава тебѣ.

С. Тебѣ, который спокойнымъ духомъ просвѣщаетъ смятеніе злыхъ временъ, тебѣ, который съ любящей добротой учить живыя существа идти по назначеннымъ путямъ.

К. Тебѣ слава.

С. Святой, сердце котораго покойно, ты наслаждаешься, разрешая сомнѣнія и тревоги людей! Ты, много страдавшій для блага живыхъ существъ, твоя цѣль чиста. Твои дѣянія совершенны!

К. Тебѣ слава.

С. Учитель четырехъ истинъ. Ты, который радуешься во спасеніи! Ты, сущій самъ собой и свободный отъ грѣха, ты, желающій освободить міръ отъ грѣха!

К. Тебѣ слава.

Изъ рядовъ ламъ вышелъ молодой священникъ изъ свиты регента и провелъ меня въ покои своего господина, расположенные въ самомъ верхнемъ этажѣ. Мы поднялись по многимъ изгибамъ и поворотамъ, постоянно наклоняясь, чтобы избѣгать притолокъ низкихъ дверей, и наконецъ очутились на открытой верандѣ. Тутъ мнѣ предложили кресло, покрытое, какъ чехломъ, китайскимъ брокеромъ, и попросили подождать нѣсколько минутъ, такъ какъ его превосходительство былъ занятъ разговоромъ съ однимъ высокимъ государственнымъ лицомъ. У регента нѣтъ тѣлохранителей, однако, конечно, ему ихъ дадутъ, когда наша армія отступитъ, потому что фактически онъ царь *) Тибета съ тѣхъ поръ, какъ китайцы низложили далай-ламу, вслѣдствіе его отказа вернуться въ столицу. Наконецъ, вышелъ почтенный старшій настоятель Депенга, котораго можно было бы назвать епископомъ,—очень красивый человѣкъ, съ чарующими манерами; его сопровождалъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, который проходя поклонился мнѣ; меня провели черезъ двѣ пріемныя, украшенные стѣнными священными картинами, и я вошелъ къ регенту.

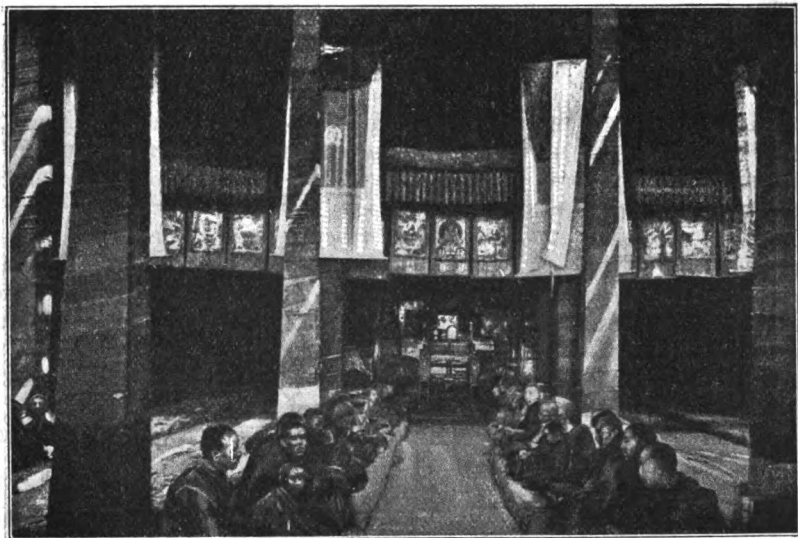
Онъ сложивъ ноги сидѣлъ на подушкѣ въ позѣ Будды въ концѣ длинной слабо освѣщенной комнаты; передъ нимъ стоялъ низкій столъ; свѣтъ изъ маленькаго бокового окна, падавшій на его фигуру, придавалъ ему видъ статуи; его лицо, обращенное ко мнѣ, имѣло окаменѣлое выраженіе сфинкса и напоминало черты Будды на фрескахъ, окружавшихъ его. Когда я подошелъ къ нему по толстымъ тибетскимъ коврамъ, онъ протянулъ мнѣ руку для пожатія и, не вставая, поклономъ предложилъ сѣсть на подушку справа отъ него.

По виду онъ совершенный аскетъ, старый поблекшій человѣкъ лѣтъ 65, съ бритой головой и просто одѣтый въ монашеское красное шерстяное платье; его желтая шляпа висѣла подлѣ него на

*) Онъ носитъ титулъ Джіанпо или „царя“ Тибета, который теперь дается только ламамъ; Дезридъ же (въ просторѣчій Дези)—титулъ свѣтскаго регента.

гвоздѣ. Онъ средняго роста и у него сильныя суровыя черты, широкій лобъ мыслителя, длинное овальное лицо, свѣтлые спокойные глаза, твердый ротъ и довольно раздутый большой носъ (худшая черта его лица, которая придаетъ ему нѣсколько непрятный видъ— на первый взглядъ), сильный подбородокъ и серьезный звучный голосъ. Таковъ теперешній правитель Тибета.

На столѣ была его чашка съ чаемъ, лежала связка государственныхъ бумагъ, которую онъ сейчасъ же положилъ въ выемку въ стѣнѣ, и виднѣлось еще нѣсколько предметовъ, между прочимъ, настольное молитвенное колесо, которое вращаютъ, крутя за шпинекъ наверху. Сзади регента стояли двое ламъ: молодой чиновникъ, нѣчто вродѣ адъютанта или ординарца, и носитель кубка, который все время

Большая месса въ храмѣ Сера въ Лхасѣ.

склонялся и смотрѣлъ изподлобья, чертами и манерами походя на раба низкаго происхожденія. Стѣны комнаты были покрыты прекрасными фресками; подлѣ нихъ стояло нѣсколько шкафовъ, заключавшихъ въ себѣ книги и принадлежности культа, на примѣръ, замѣчательно сдѣланныя серебряныя и позолоченныя кадильницы; занавѣси изъ китайскаго шелка и атласа были вышиты, большей частью фигурами драконовъ. Вообще, комната производила впечатлѣніе кабинета святаго отшельника, а не помѣщенія свѣтскаго правителя.

Нѣсколько минутъ мы обмѣнивались вѣжливыми привѣтствіями и комплиментами, причемъ я извинился, что пришелъ съ пустыми руками, такъ какъ не имѣлъ ничего подходящаго для подарка, а лама любезно попросилъ меня не беспокоиться. Затѣмъ принесли чай, и по мѣрѣ того, какъ мы разговаривали о различныхъ вещахъ, сдержанность „кардинала“ таяла; онъ сдѣлался общительнѣе, и вскорѣ между нами установилась настоящая дружба. Пришли государственные люди по неотложному дѣлу; тогда я поднялся, чтобы

уйти, но регентъ попросилъ меня остаться, давъ мнѣ, такимъ образомъ, возможность увидѣть силу его ума и быстроту, съ которой онъ рѣшалъ дѣла. Онъ слушалъ официальнаго посѣтителя, спокойно задавалъ нѣсколько быстрыхъ вопросовъ и, сейчасъ же принимая рѣшеніе, произносилъ опредѣленные короткіе отвѣты, а потомъ обращался ко мнѣ съ милой улыбкой и продолжалъ разговоръ, заинтересовавшій его.

Когда мы коснулись религіи его страны, онъ сказалъ, что слышалъ о томъ, насколько я интересуюсь его вѣрой. Потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, онъ наклонился впередъ черезъ столъ и медленно спросилъ:

— Скажите, вы буддистъ или не буддистъ?

Я отвѣтилъ, что я не буддистъ, но что мы, какъ христіане, имѣемъ очень много общаго съ ученіемъ Будды.

Онъ быстро спросилъ:

— Упоминается ли Будда въ вашихъ христіанскихъ священныхъ книгахъ?

Мнѣ пришлось отвѣтить отрицательно. Но я сказалъ, что онъ самъ увидитъ, до чего двѣ вѣры сходны во многихъ отношеніяхъ, упомянувъ, что главнымъ рычагомъ доктрины Христа былъ „миръ и доброжелательство къ людямъ“, какъ и ученія Будды, что Христосъ сказалъ: „люби ближняго твоего, какъ самаго себя“, „любите враговъ вашихъ и благотворите ненавидящимъ васъ и презирающимъ и гонящимъ васъ“, а также, что у насъ столько же заповѣдей, сколько предписаній у Будды, что всѣ онѣ также высказываются въ отрицательной формѣ: „ты не долженъ дѣлать того-то“, и, наконецъ, что по своей сущности многія изъ нихъ идентичны съ тезисами буддистовъ.

На это онъ, страдавшій отъ пораженія, которое перенесла его страна, замѣтилъ съ горечью:

— У англичанъ нѣтъ никакой религіи.

На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, „кардиналъ“ сейчасъ же съ волненіемъ отвѣтилъ:

— Потому что я знаю это, потому что я вижу это по лицамъ и дѣйствіямъ вашего народа. У всѣхъ англичанъ жестока сердца, и ихъ учатъ отнимать жизнь и драться, какъ титаны, которые вѣчно борются съ богами.

Мнѣ пришлось согласиться, что военная экспедиція не особенно хорошій „предметный урокъ практическаго христіанства“, и прибавить, что теперешнія обстоятельства не могутъ служить примѣромъ, такъ какъ война будитъ въ сердцахъ людей худшія страсти, что мы не желали войны, что его народъ всегда стрѣлялъ первый, а также, что правительство Тибета со своей стороны по мѣрѣ силы учило своихъ подчиненныхъ отнимать жизнь во время войны.

— Не только ваши военные не вѣрятъ, не вѣрите всѣ вы, даже и невоенные: вы всѣ одинаковы, за исключеніемъ (тутъ онъ заговорилъ извиняющимся тономъ, вѣроятно изъ уваженія къ моимъ чувствамъ) васъ, докторовъ, о челоувѣколюбивой работѣ которыхъ я слышалъ; но всѣ остальные не имѣютъ никакой религіи!

Я увѣрилъ его, что народъ Англии тратитъ громаднаы суммы

на религію и построилъ великолѣпныя перкви, многія сотни которыхъ гораздо красивѣе и дороже храмовъ Тибета; что наши комментаріи и другія книги по религіознымъ вопросамъ могли бы наполнить громадныя бібліотеки, во много разъ превосходящія книгохранилища тибетскихъ монастырей; что наши священники—настоящіе духовные люди, которые говорятъ проповѣди и учатъ народъ, не походя на ламъ, никогда не обучающихъ никого, хранящихъ всѣ свои знанія про себя и потому не имѣющихъ права носить названіе духовныхъ лицъ.

На это онъ отвѣтилъ тонкой насмѣшкой: „Къ чему же ведутъ

Кадыльницы.

всѣ эти зданія, книги и ученія, если народъ не читаетъ священнаго писанія или, во всякомъ случаѣ, не исполняетъ его завѣтовъ?“.

Видя, что „кардиналъ“ смотритъ на дѣло односторонне, я только высказалъ надежду, что онъ отнесется къ намъ великодушнѣе, ближе познакомившись съ нами и увидѣвъ, что, благодаря нашему военному превосходству, мы теперь покажемъ христіанскій принципъ милосердія къ слабѣйшему.

Узнавъ, что въ нашихъ писаніяхъ не упоминается имени Будды, онъ не выказалъ желанія слышать о другихъ наиболѣе выдающихся чертахъ христіанства, но заинтересовался, когда я замѣтилъ ему, что одно изъ главныхъ различій нашихъ двухъ религій состоитъ въ томъ, что у насъ человекъ спасается не благодаря своимъ собственнымъ заслугамъ, а путемъ спасительной благодати Божіей,

такъ какъ грѣхи смягчаются жертвой Христа; все это было вполне чуждо его понятіямъ, потому что онъ воспитался въ строгихъ традиціяхъ буддизма съ его этической доктриной о возмездіи или закономъ Карма, который учитъ, что каждая душа должна работать на собственное спасеніе и уравнивать соотвѣтственнымъ числомъ добрыхъ дѣлъ свои дурныя дѣланія, такъ какъ иначе неумолимый „судья мертвыхъ“ не проститъ ея.

По его мнѣнію, тибетцы противились нашему вступленію въ ихъ страну болѣе изъ религиозныхъ, нежели въ силу политическихъ причинъ, хотя онъ не могъ примирить этого съ присутствіемъ множества магометанъ въ священномъ городѣ. Говоря объ индусахъ, онъ сказалъ, что они немногимъ отличаются отъ буддистовъ, что въ ихъ писаніи упоминается Будда въ числѣ обожаемыхъ божествъ, что тѣ и другіе стремятся къ одной и той же цѣли, и что всѣ ихъ видимыя разногласія и противорѣчія происходятъ только оттого, что они идутъ съ разныхъ сторонъ и по различнымъ дорогамъ съ цѣлью иллюстрировать свое положеніе, онъ нарисовалъ діаграмму. Въ центрѣ круга, изображающаго міръ, помѣщена точка; она обозначаетъ пунктъ, къ которому идутъ индусъ и буддистъ, пускаясь въ путь съ противоположныхъ сторонъ круга; однако, не видя среди тумана цѣли, они отклоняются отъ настоящаго пути въ одну сторону и встрѣчаются ниже пункта ихъ стремленія. При этомъ индусъ спрашиваетъ буддиста, куда тотъ идетъ, и слышитъ въ отвѣтъ: „Къ великой цѣли“. на это индусъ возражаетъ: „Ты идешь не той дорогой, потому что я тоже стремлюсь туда же“. Въ сущности оба заблуждаются или, вѣрнѣе, оба правы. Когда туманъ поднимется, они увидятъ небо подлѣ себя. Эта восхитительная аллегорія напоминаетъ поэму Клофа о двухъ корабляхъ, идущихъ домой, которые во время пути встрѣчаются только разъ.

„Мнѣ кажется, они ищутъ одного и того же порта, одной цѣли, къ которой оба стремятся; несущійся вѣтеръ и шумяція волны, соедините ихъ въ гавани“.

Вотъ какимъ образомъ ламы объясняютъ существенныя различія между собой и индусами

Слѣдуетъ замѣтить, что кардиналъ, одинъ изъ наиболѣе ученыхъ, просвѣщенныхъ людей Тибета, подобно другимъ образованнымъ ламамъ, съ которыми я бесѣдовалъ, совершенно не зналъ о существованіи такъ называемыхъ „махатмасовъ“. Не слышалъ онъ также, чтобы какія-нибудь тайны стараго міра сохранились въ Тибетѣ: ламы интересуются только міромъ Будды и не придаютъ никакой цѣны древней исторіи. „Ни одинъ лама, — прибавилъ онъ, — даже изъ большихъ монастырей Лхассы, величайшихъ во всемъ Тибетѣ, не изучалъ древней исторіи Индіи, родины самого Будды; имъ знакомы только отрывки прошлаго этой страны, попадающіеся въ святыхъ писаніяхъ, копии съ которыхъ хранятся въ каждомъ монастырѣ Книги по древней исторіи интересны лишь для мірянъ, старой знати и свѣтскихъ чиновниковъ“. Это заявленіе кардинала подтвердили всѣ справки, наведенныя мною и м-ромъ Макъ-Дональдомъ—ученымъ, изучившимъ Тибетъ лучше любого ламы, — а также осмотра многихъ обширныхъ библіотекъ. Результаты этихъ изслѣдованій показыва-

ютъ, что въ смыслѣ историческихъ произведеній у ламъ есть только такъ называемыя „подлинныя“ хроники ихъ государей и монастырей, позже VII столѣтія по Р. Х. (т. е. начиная съ той эпохи въ которую ихъ языкъ впервые получилъ письменность), и нѣкоторыя отрывочныя сочиненія по исторіи Индіи буддійскаго періода, составленныя по индійскимъ и китайскимъ источникамъ въ Средніе вѣка, на основаніи немногихъ индійскихъ рукописей того времени *). Такимъ образомъ, я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что люди,

Ти-Римпоче, регентъ, правитель Тибета,
кардиналъ ламайской церкви, съ двумя членами своей свиты.

которые воображали, будто въ этой сказочной странѣ, Тибетѣ, переставшей быть невѣдомой, еще хранятся тайны начала ранней цивилизаціи міра, предшествовавшей образованію древняго Египта и Ассиріи и погибшей вмѣстѣ съ Атлантидой въ западномъ океанѣ, должны отрѣшиться почти отъ всякой надежды на это.

Между прочимъ, я спросилъ „кардинала“, позволить ли онъ талантливому молодому студенту „Храма Медицины“ отправиться

*) Онѣ могутъ быть только въ монастыряхъ Ташильхумпо и Сакіу, въ западномъ Тибетѣ и въ Саміэ, въ первомъ монастырѣ, возникшемъ въ Тибетѣ, въ нижней долині Тсангпо.

съ нами въ Калькутту, съ цѣлью усвоить наши западные методы леченія для блага населенія Лхассы; онъ откровенно сказалъ, что ему было бы очень приятно, если бы это устроилось, и попросилъ меня написать ему мое имя англійскими буквами.

Во время нашей бесѣды регентъ постоянно угощалъ меня чаемъ и настойчиво приказывалъ подливать мнѣ этотъ напитокъ, едва я выпивалъ его; но я всѣми силами старался уклониться отъ угощенія, потому что мы пили „масляный чай“, по моему мнѣнiю, не очень вкусный; онъ же, очевидно, наслаждался имъ; бисквиты и сласти были лучше. Чайныя чашки представляли собою маленькіе кубки изъ современнаго китайскаго фарфора. Во время паузъ изъ далекаго храма доносились глубокія ноты музыки, похожей на органъ, и гулъ пѣнія священниковъ; все это соотвѣтствовало священному характеру окружающаго.

Когда я поднялся, чтобы уйти, регентъ также всталъ, и я спросилъ его, согласится ли онъ оказать мнѣ любезность и выйти на хорошо освѣщенную веранду, чтобы я могъ снять съ него фотографію на память о моемъ посѣщеніи. Онъ съ улыбкой согласился, и мнѣ удалось получить снимокъ для картинки, помѣщенной выше. Мы разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки и весело простившись; онъ обѣщалъ доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, въ которыхъ я нуждался; я же унесъ съ собою воспоминаніе о благородной личности.

ГЛАВА XXI.

Мирные переговоры и подписание трактата.

„Палва сильгѣ приказанія царя“.
Тибетская пословица.

Послѣ нашего прибытія къ Лхассѣ, 3-го августа, миссія, не теряя времени, приступила къ попыткамъ установить соглашеніе съ Тибетомъ въ формѣ трактата. Тибетскимъ министрамъ сообщили о нашихъ желаніяхъ и дали полную возможность для переговоровъ; но никто изъ нихъ не хотѣлъ принять на себя какую бы то ни было отвѣтственность, по ихъ словамъ, изъ страха гнѣва далай-ламы.

Конечно, они имѣли нѣкоторыя основанія бояться его; въ то же время намъ было ясно, что, благодаря своему устричному упрямству, ламы все еще не поняли, что мы, ненавидимые имъ чужеземцы, явились съ намѣреніемъ диктовать Тибету условія, которыя могли бы заставить принять силой. Напротивъ, они упрямо хватались за мысль, что они могутъ предписывать намъ условія и не соглашаться на предложенія миссіи. Ламы задумали лишить наше войско пищи, остановивъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ города и изъ мѣстныхъ монастырей, въ надеждѣ вытѣснить насъ. Мы отлично знали, что монастырь Депенгъ держится политики обструкціи и, съ другой стороны, что, несмотря на его нежеланіе продавать что-либо за полную цѣну, въ его амбарахъ хранятся громадныя за-

пасы; поэтому 9-го августа туда отправили фуражный отрядъ съ сильнымъ эскортомъ, предписавъ ему взять силой съѣстные припасы, если ламы добровольно не выдадутъ ихъ. Монахи долгое время не приходили ни къ какому заключенію, но генералъ Макдональдъ, не желавшій бросить надежды на мирное соглашеніе, не прибѣгнувъ къ крайнимъ мѣрамъ, сумѣлъ заставить ламъ въ тотъ же день принести много зерна и добился отъ нихъ обѣщанія прислать остальное количество въ назначенное время, что и было исполнено; новый примѣръ того, что полудцивилизованные люди, цѣняя доброту, уважаютъ силу. Передъ нами явилась замѣчательная картина, когда длинная линія монаховъ изъ Депенга потянулась въ лагерь, нагруженная мѣшками зерна и муки.

Амбанъ, несмотря на обѣщаніе употребить въ дѣло всю сюзеренную власть Китая для установленія хорошихъ отношеній между Британіей и Тибетомъ (и онъ дѣйствительно напрягалъ всѣ усилія въ этомъ смыслѣ), не могъ сдѣлать многого. Онъ написалъ далай-ламѣ, совѣтуя ему вернуться, и уговаривалъ „общее собраніе“ *) согласиться на предложенныя ему условія; но это собраніе, засѣдавшее непрерывно, только теряло время въ пустыхъ разговорахъ, не приходя ни къ какимъ результатамъ, потому что каждый отказывался дѣйствовать авторитетно.

Въ то время какъ мы бились съ этой мертвой петлей, пріѣхалъ „кардиналъ“ Ти-Римпоче изъ монастыря Гахданъ, и съ момента его появленія, 14-го августа, можно сказать, начались серьезные переговоры. Онъ заявилъ, что великій лама оставилъ ему свою печать, но не далъ власти употреблять ее; послѣ этого онъ отправилъ депутацію ламъ къ далаю, прося его вернуться, и черезъ 3 дня ожидалъ отвѣта. Депутація донесла, что далай окончателно отказался вернуться и вмѣстѣ съ Дорджиевымъ бѣжалъ въ сторону озера Тенгри **), въ Монголію, чтобы просить защиты монголовъ. У этого племени есть свой собственный великій лама, живущій въ Ургѣ, а потому врядъ ли они сердечно встрѣтятъ далая, хотя онъ имѣетъ права на ихъ чувства, такъ какъ выдаетъ себя за воплощеніе монгольскаго національнаго героя Кезара. Ти-Римпоче негодовалъ на бѣгство далая во время этого кризиса, и такъ какъ теперь выяснилось, что переговоры должны были идти безъ священника-бога, онъ сталъ настойчиво просить „національное собраніе“ дать ему власть заключить трактатъ и воспользоваться печатью далая; послѣ долгихъ преній члены собранія согласились на это, хотя и неохотно.

Заручившись властью, Ти-Римпоче принялся разсматривать статьи предполагаемаго трактата и, въ доказательство желанія мирно уладить дѣло, въ первый же день переговоровъ отпустилъ двухъ сикховъ, которые были посланы лазутчиками въ Кхамба-Джонгъ, попались въ плѣнъ и очутились въ тюрьмѣ. Онъ также вывѣсилъ слѣдующее оригинальное воззваніе въ Лхассѣ, умоляя народъ воз-

*) Тсонгду.

***) Черезъ монастырь Ретингъ и Нагчука.

держиваться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, которыя могли бы замедлить переговоры:

„Монахи и міряне, во всѣхъ четырехъ направленіяхъ нашей великой страны! Слушайте и поймите!

„Послѣ войны съ Англіей въ 1888 г. китайцы и англичане составили договоръ, въ которомъ говорилось, что дѣло будетъ улажено позже. Но въ прошедшемъ году англичане прошли черезъ границу Кхамба со своими солдатами, и мы послали къ нимъ людей для переговоровъ, которые съ терпѣніемъ, заботливо вели эти переговоры; однако, англичане, дѣйствуя рѣшительно и властно, вступили на нашу территорію, и намъ ничего не оставалось дѣлать: началась война, принимающая дурной оборотъ. Тогда англичане подошли близко и объявили, что ихъ намѣстникъ далъ имъ приказаніе идти впередъ, что имъ остается только повиноваться, но что, если мы не будемъ противиться имъ, они не станутъ драться. Китайцы также, желая блага нашей странѣ, приказали намъ составить договоръ; амбанъ велѣлъ намъ отозвать нашихъ солдатъ отъ границы и войти въ сношенія съ англичанами. Всѣ страны имѣютъ обычай послѣ войны заключать трактаты, и хотя мы кипѣли гнѣвомъ, мы все же рѣшили, что заключеніе договора, — въ порядкѣ вещей, что онъ долженъ спасти міръ отъ пожара, и нашли нужнымъ начать дѣйствовать согласно съ нашими религіозными правилами. Англичане будутъ поступать въ соотвѣтствіи съ тѣмъ заявленіемъ, которое они передали намъ; мы же подчинимся вліянію судьбы, не забывая и нашей буддійской вѣры. Если начнется война, пострадаютъ люди и животныя, поэтому мы, послѣ внимательныхъ совѣщаній, отозвали нашихъ солдатъ, ради мирныхъ переговоровъ; теперь же мы составляемъ трактатъ, и амбанъ служить посредникомъ между нами и англичанами. Итакъ, вы всѣ, монахи и міряне, должны выслушать меня и вести себя согласно съ этимъ объявленіемъ, потому что грѣшные люди не знаютъ, что клонится къ ихъ благу или вреду, и воображаютъ, будто они могутъ спорить и ссориться. Пусть никто, никто не разноситъ лживыхъ разсказовъ и клеветъ и, такимъ образомъ, не вызываетъ ссоръ; пусть никто не забываетъ буддійской вѣры и не дѣйствуетъ только ради личной выгоды; пусть никто не понимающій въ чемъ дѣло не говоритъ о немъ. Мы день и ночь наблюдаемъ за тѣмъ, хорошо или дурно вы говорите, и если мы найдемъ, что вы дурны, мы уьемъ васъ или обложимъ штрафомъ. Безъ знанія дѣла мы не станемъ дѣйствовать. Мы будемъ наблюдать за всѣми вами: китайцами, гуркхами, бхотанцами и монахами; вы же должны понимать, что все клонится къ вашему благу“.

Казалось, что это объявленіе не сдержитъ злобнаго настроенія ламъ, и что надежда на дружелюбное соглашеніе въ послѣднюю минуту не оправдается. 18-го августа одинъ фанатикъ-лама, одѣтый въ цѣпную кольчугу, ворвался въ нашъ лагерь и съ намѣреніемъ убійства напалъ на двухъ офицеровъ, которыхъ онъ встрѣтилъ; въ силу случайности это были медики *). Жаждавшего крови ламу повѣсили

*) Капитаны А. К. Юнгъ и Т. Б. Келли; первый получилъ страшную рану мечомъ въ голову и руку.

Раскрашенное воззваніе далай.

въ виду города: очевидно, онъ былъ единственнымъ примѣромъ кроваваго безумія, такъ какъ никто не сдѣлалъ другого нападенія. И Ти-Римпоче, и амбанъ явились въ лагерь, чтобы выразить свою печаль по поводу этого оскорбленія, а амбанъ нѣсколько дней по утрамъ вѣжливо присылалъ свою карточку, освѣдомляясь о здоровьѣ раненныхъ. Въ видѣ иллюстраціи довѣрія, которое наши солдаты внушили тибетцамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что когда этотъ фанатикъ напалъ на нашихъ медиковъ, и караульные нѣсколько разъ выстрѣлили въ него, тибетскіе плѣнники, работавшіе невдалекѣ, бросились къ ближайшему посту, отыскивая защиты у нашихъ часовыхъ.

Къ 1-му сентября были приняты всѣ статьи трактата, за исключеніемъ суммы вознагражденія; но благодаря нашей настойчивости уладился и этотъ вопросъ. 4-го сентября явился Ти-Римпоче и сказалъ, что онъ сейчасъ же готовъ подписать договоръ и согласенъ на всѣ наши условія; онъ съ волненіемъ прибавилъ, что сто разъ поставилъ бы свою печать, если бы такимъ путемъ могъ немедленно внести миръ въ страну. Однако, нужно было сдѣлать нѣсколько вещей на трехъ языкахъ: англійскомъ, тибетскомъ и китайскомъ, а потому „кардиналу“ сказали, что трактатъ будетъ готовъ только черезъ нѣсколько дней, не раньше 7-го сентября; услышавъ объ этомъ, онъ упалъ духомъ, такъ какъ, по его словамъ, астрологи увѣрили его, что день 4-го сентября очень благопріятенъ для подписанія договора, хотя, по мнѣнію предсказателей, 5-ое сентября, даже 6-ое и 7-ое сентября были тоже благопріятны, но что лично онъ желалъ поставить печать какъ можно скорѣе. Эта нетерпѣливая торопливость пріятно противорѣчила уклончивой тактикѣ его предшественниковъ и числа, назначенныя астрологами, доказывали, какъ горячо желали они мира.

7-го сентября 1904 г. состоялось заключеніе дружескаго трактата между Британіей и Тибетомъ. Церемонія происходила съ большою пышностью въ новой тронной комнатѣ далай-ламы, въ замкѣ Потала. Британскій комисіонеръ, въ сопровожденіи другихъ членовъ миссіи и военного эскорта, въ процессіи поѣхалъ къ сѣвернымъ воротамъ крѣпости. Наши войска окаймляли дорогу, стоя отъ подножія холма до большихъ воротъ почтеннаго стараго дворца, мрачно смотрѣвшаго на всю картину. За стѣнами ограды наши солдаты тоже вытянулись въ линію, которая шла черезъ дворы до дверей дворца и вдоль его темныхъ корридоровъ, до самой тронной комнаты.

Въ этой залѣ раскинулась очень живописная и внушительная картина. Тронъ отнесли за пилястры галереи, закрыли красной шелковой занавѣской съ вышитымъ большимъ дракономъ съ пятью когтями и поставили подъ желтой надписью императора Тенгчи. Передъ занавѣсью, подъ этой небесной вывѣской, сидѣли въ покрытыхъ пунцовыми подушками креслахъ полковникъ Лонгхѣбендъ, слѣва отъ него амбанъ, справа генералъ Макдональдъ; съ обѣихъ сторонъ отъ нихъ, образуя полукругъ, расположились: справа отъ генерала высшія официальные лица миссіи и военный главный штабъ; слѣва отъ амбана регентъ съ непокрытой головой въ красномъ монашескомъ одѣяніи и остальные китайскіе мандарины въ темно-синихъ

платяхъ и въ шляпахъ съ павлиньими перьями. Остальная часть внутренняго круга была составлена изъ ряда совѣтниковъ въ яркихъ, янтарнаго цвѣта платяхъ, сидѣвшихъ противъ британскаго комиссіонера; за кресломъ каждаго изъ нихъ стоялъ сопровождающій въ костюмѣ гранатоваго цвѣта и со шляпой своего господина въ рукахъ; настоятели трехъ большихъ монастырей сидѣли рядомъ съ великолѣпно одѣтымъ Тонгса Пенлопомъ и непальскимъ консуломъ съ ихъ тѣлохранителями. За этимъ кругомъ помѣщались тѣсныя ряды другихъ британскихъ офицеровъ, а за ними видѣлись густой отрядъ почетнаго караула, состоявшій изъ британскихъ солдатъ, сикховъ, патанцевъ и гуркховъ; фономъ служили фрески на стѣнахъ и яркія мозаики карнизовъ и окружающихъ балконовъ. Въ центрѣ круга, на столѣ, покрытомъ британскимъ флагомъ, лежалъ трактатъ, приготовленный для подписи; кругомъ него стояло нѣсколько монаховъ и свѣтскихъ чиновниковъ; первые съ непокрытыми головами въ свѣтло-красныхъ платяхъ, вторые въ темно-пунцовыхъ одеждахъ и пухлыхъ желтыхъ ермолвахъ; они держали печати и подушечки, напитанныя чернилами, для приложенія печатей (сургучъ и воскъ не употребляются). Все это представляло восхитительную смѣсь яркихъ тоновъ священныхъ и мірскихъ одеждъ, смѣшеніе Востока и Запада.

Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, толпа тибетскихъ слугъ принесла чай на великолѣпныхъ подносахъ и блюда съ бисквитами, сладками и сухими фруктами; ихъ обносили кругомъ; затѣмъ тибетскимъ клеркомъ миссіи былъ прочтенъ трактатъ. Послѣ этого всталъ полковникъ Ёнгхѣзбендъ и спросилъ, готовы ли тибетскія власти подписать документъ; они единогласно пробормотали согласіе

Развернули трактатъ: это былъ длинный пергаментный свитокъ съ тремя вертикальными параллельными колоннами, заключавшими въ себѣ тибетскій, китайскій и англійскій переводъ соглашенія. Имѣлось 5 копій и каждую слѣдовало подписать или, вѣрнѣе, заштемпелевать въ семи различныхъ мѣстахъ, а потому операція заняла долгое время. Сначала поставили свои печати чиновники низшихъ ранговъ и представители національнаго собранія, потомъ монахи трехъ большихъ монастырей и совѣтники; предпоследнимъ былъ регентъ, послѣднимъ британскій комиссіонеръ. Когда эти два лица прикладывали свои подписи, всѣ присутствующіе встали съ креселъ и не сажались до конца церемоніи. Замѣчательно, что регентъ, видѣвшій исполненіе своихъ желаній и потому весь сіявшій улыбками, не самъ поставилъ большую печать давая на трактатѣ, но, дотронувшись до этого высокаго знака, приказалъ одному изъ монаховъ приложить штемпель вмѣсто него.

Послѣ подписанія трактата полковникъ Ёнгхѣзбендъ, въ рѣчи, обращенной къ тибетцамъ, приложившимъ печати, объявилъ, что Англія въ мирѣ съ Тибетомъ, и въ краткихъ словахъ обрисовалъ главные черты положенія вещей; онъ сказалъ, что трактотъ не касается свободъ и религіи тибетцевъ, признаетъ сюзеренство Китая, не вмѣшивается во внутреннія дѣла страны и только даетъ большую свободу торговли съ Индеей; что саянаетъ сюзеренствъ честно держаться договора, они найдутъ въ британцахъ настолько же хо-

рошихъ друзей, насколько встрѣтили въ нихъ опасныхъ враговъ. Эта рѣчь была переведена фраза за фразой, и, слушая ее, тибетцы утвердительно покачивали головами. Въ видѣ доказательства установившихся хорошихъ отношеній комиссіонеръ объявилъ, что всѣ военно-плѣнные немедленно получаютъ свободу. Закончивъ рѣчь, полковникъ Йонгхѣзбендъ простился съ регентомъ, амбаномъ и другими лицами. Процессія составила въ прежнемъ порядкѣ и вернулась въ лагерь, минуя толпы ламъ и мірянъ, разступавшіяся съ почтеніемъ, такъ какъ заключеніе трактата въ священнѣхъ стѣнахъ Пotalы произвело на народъ глубокое впечатлѣніе.

На слѣдующій день военноплѣнные обѣихъ сторонъ были отпущены. Тибетцы освободили также тѣхъ узниковъ, которые были заключены въ темницы за свою дружбу съ британскими и японскими подданными, Саратомъ Чандра и священникомъ Кауагучи. Каждому изъ захваченныхъ въ плѣнъ нашими войсками и теперь освобожденныхъ солдатъ-тибетцевъ дали по 6 шиллинговъ, что вѣроятно, составляетъ рѣдкій примѣръ во время войнъ. Наше обращеніе до того удивило ихъ, что они долго стояли, покачивая головами, улыбаясь и высовывая языки, а потомъ, встрѣчая насъ на улицѣ, всегда снимали передъ нами шляпы. Миссія также послала щедрые дары монастырямъ, храмамъ и бѣднымъ города и предмѣстій: однажды утромъ явились около 10.000 нищихъ за полученіемъ подаваній; все это должно было расширить и укрѣпить добрыя чувства.

ГЛАВА XXII.

Прогулки кругомъ Лхассы.

Подписаніе трактата, сопровождавшееся освобожденіемъ плѣнныхъ и щедрыми дарами, казалось, успокоило народъ и разсѣяло остатки враждебности къ намъ. Благодаря болѣе миролюбивому положенію вещей, мы могли свободно гулять по городу, бродить по предмѣстьямъ, дѣлая наброски и снимая фотографіи, наблюдая за обычаями народа и наводя справки о различныхъ подробностяхъ, имѣющихъ историческій, антикварный или общій интересъ.

Мы каждый день выходили на священную круговую дорогу, минуя усердныхъ вращателей молитвенныхъ колесъ, потомъ погружались въ аллеи деревьевъ и направлялись къ городу или въ окрестности, мимо садовъ и огородовъ, которые доставляютъ на рынки зелень и плоды, наконецъ, пересѣкали парки, чтобы очутиться въ поляхъ и въ лѣсахъ. Воздухъ былъ всегда восхитительно чистъ и свободенъ отъ пыли, этого бича Джіантсе и Фари, что безъ сомнѣнія служитъ слѣдствіемъ обильныхъ дождей, близости болотъ и широкой сѣти ручьевъ, которые дарятъ Лхассѣ ея освѣжающую зеленую и роскошную растительность. Въ сверкающихъ струяхъ толпятся веселыя форели; но ловить рыбу или убивать птицъ здѣсь нельзя, начиная съ дня новаго года до конца седьмого мѣсяца, въ силу приказанія великаго ламы и изъ опасенія по-

губить переселившуюся человѣческую жизнь. Берега этихъ многочисленныхъ ручьевъ представляютъ собою густыя заросли дивихъ

Жатва хлѣба на поляхъ великаго ламы.

цвѣтовъ, состязающихся въ пестрой окраскѣ: тутъ красуются благовонныя потенилы, синія маргаритки, пунцовыя арумы, лютики,

Преддѣстья Лхассы.

примулы и гиацинты. Поля спѣющаго хлѣба тянутся, точно море по долинѣ, и какъ бы омываютъ подножіе горъ своими желтыми волнами. Въ поляхъ великаго ламы, подъ холмомъ Потала, уже

начали жать. Жнецы весело пѣли. Женщины были украшены гирляндами желтыхъ клематитовъ. Паши поднимаютъ съ помощью примитивнаго деревяннаго плуга съ желѣзнымъ лезвиемъ, который только царапаетъ богатую почву. Подлѣ удобныхъ фермерскихъ домовъ пасется скотъ, а въ прохладной тѣни сосѣднихъ роцъ изъ большихъ старыхъ ракъ скрываются лошади, находя пріютъ отъ мухъ и солнца. Повернувъ за горы, видишь, что ровность долины обманула насъ относительно ширины воздѣланныхъ полей: полоса орошенія скоро кончается, и дальше идетъ пелена бѣлаго песку, служащая бесплоднымъ даромъ крошащихся гранитныхъ горъ; песокъ простирается на мило или больше до самыхъ утесистыхъ подножій скалъ. Песчаные холмы рѣдко совершенно обнажены; на нихъ растутъ розовыя и желтыя каменоломки и жесткіе кусты травъ, посреди которыхъ живутъ въ норахъ и прыгаютъ маленькіе зайце-мыши, шики *). Заросшіе тростникомъ болота кишатъ водяными птицами, посреди которыхъ я замѣтилъ пару большихъ красно-головыхъ журавлей **), сарусь, которыхъ такъ любятъ изображать японцы.

Всѣ виллы и лучшія фермы выстроены по одному образцу: строенія окружаютъ центральный дворъ; скотъ помѣщается внизу, тамъ же, гдѣ амбары, а въ верхнемъ этажѣ, обнесенномъ балкономъ и открытой верандой, находятся жилища помѣщенія и кухни. Окно въ нихъ замѣчательно мало и они очень невелики, чтобы не давать доступа зимнему холоду и вѣтру; трубъ нѣтъ, въ крышѣ дѣлается простое отверстіе, а потому внутри все болѣе или менѣе закопчено дымомъ; даже въ богатыхъ домахъ бревна съ зарубками замѣняютъ маленькія лѣстницы. Въ большинствѣ огородовъ—великолѣпный картофель; вѣроятно, это открыскі тѣхъ картофельныхъ растений, которыя Уарренъ Гастингсъ предумыслительно приказалъ мисси Богля въ 1774 г. сажать въ каждомъ полѣ, подлѣ котораго она останавливалась. Изъ овощей чаще всего встрѣчается крупная рѣпообразная редиска.

У подножія горъ можно было иногда видѣть ужасное обращеніе тибетцевъ со своими умершими. Человѣкъ несетъ трупъ въ сидячемъ положеніи и обвязанный кускомъ палатки или байковымъ одѣяломъ, оставляетъ его на извѣстномъ мѣстѣ скалы, а потомъ, вмѣстѣ съ сопровождающими его ламами, рѣжетъ тѣло на куски, чтобы коршуны и вороны пожрали его. По странному выраженію Менинга, протестовавшаго противъ законовъ относительно дичи, тибетцы не ѣдятъ птицъ и, наоборотъ, позволяютъ птицамъ ѣсть себя.

Главное развлеченіе мужчинъ-тибетцевъ—лошадиныя скачки, борьба, бросаніе камня, стрѣльба изъ лука, метаніе дисковъ, домино и игра вродѣ пашекъ, которая называется „загонъ тигра“. Они очень любятъ пѣсни съ аккомпаниментомъ гитары, флейты или колокольчика; мужчины и женщины часто танцуютъ на доскахъ, какъ во время нашего „матросскаго танца“. Дѣти наслаждаются летучими змѣями; самый снарядъ дѣлается изъ бумаги безъ длиннаго хвоста и на-

*) Ochotona curzoni.

***) Grus antigone.

зывается „ястребомъ“ или „соколомъ“. Театральныя представленія очень популярны и всегда происходят на открытомъ воздухѣ—на улицѣ или во дворѣ. Они даются по случаю праздниковъ; обыкновенная публика пускается даромъ и все дѣлается на счетъ нѣсколькихъ зажиточныхъ лицъ. Играютъ миряне, ламы никогда, хотя большая часть представлений — мистеріи и священные комедіи, обыкновенно на тему раннихъ существованій Будды. Въ каждомъ представленіи есть большой элементъ путешествія: мужчины въ фантастическихъ одеждахъ, съ чудовищно-смѣшными масками на лицахъ, изображаютъ невѣрныхъ и злобныхъ демоновъ и участвуютъ въ пантомимѣ, дѣлая неуклюжіе скачки и пируеты. Текстъ обыкновенно читается по книгѣ *). Одно изъ этихъ представлений, разыгранное для

Царь драконовъ.

развлеченія миссіи, носило название: „Лотосъ блестящей жизни; купецъ-принцъ“. Исполнители называются „Аче Лхамо“, и женскія роли играютъ женщины. Комедія продолжается нѣсколько часовъ въ день, и зрители приносятъ съ собою какую-нибудь работу, прядутъ шерсть, а иногда вращаютъ свои молитвенныя колеса или перебираютъ четки. Всѣ жители Лхассы и бѣдные, и зажиточные, часто устраиваютъ осенніе семейные пикники подъ деревьями; мы нерѣдко видали такія компаніи. Знать проводитъ нѣсколько недѣль въ палаткахъ среди садовъ, потому что, по словамъ тибетцевъ, лѣтомъ дома дѣлаются нездоровыми.

Тибетцы очень любятъ собакъ; особенной ихъ милостью пользуется помѣсь лхасскаго терьера съ китайскимъ спаньелемъ; без-

*) Для подробностей см. мой „Буддизмъ Тибета“.

пріютныя собаки, наводняющія улицы, не принадлежатъ къ этой породѣ: большая ихъ часть исхудалыя, закоростовѣлыя дворняжки. Обыкновенный окруженный заботами дворцовый песъ—прекрасное животное съ большой львиной головой и гривой, иногда съ бѣлой грудью; онъ похожъ на медвѣдя, и многіе изъ такихъ охранителей носятъ имя „Медвѣдь“ *); другія любимыя собачьи имена: „Медвѣжатникъ“ **) и „Высшая сила“ ***); любимое имя маленькихъ собачекъ имѣетъ значеніе имени Маріи ****). Кошки не принадлежатъ къ безхвостому роду кошекъ Китая; онѣ похожи на бенгальскихъ и носятъ индійское наименованіе „Байлиліа“, вѣроятно показывающее ихъ иностранное происхожденіе.

Способъ здороваться любопытно варьируется у различныхъ національностей. Тибетецъ правой рукой снимаетъ шапку и, сдѣлавъ поклонъ, наклоняетъ впередъ лѣвое ухо и высовываетъ языкъ это, какъ мнѣ кажется, представляетъ прекрасный примѣръ „предоставленія себя въ распоряженіе тому лицу, которому человѣкъ кланяется“, что, какъ сказалъ Гербертъ Спенсеръ, лежитъ въ основѣ многихъ современныхъ манеръ пріивѣтствій. Наклоненіе впередъ лѣваго уха очевидно напоминаетъ старинный китайскій обычай отрѣзать лѣвое ухо у военнопленнаго и представлять его побѣдителю, главѣ. Монголь не снимаетъ шляпы, низко кланяется, прижимая обѣ ладони къ лямкамъ, или же протягиваетъ обѣ руки и, схвативъ ваши руки, чихаетъ, а потомъ сжимаетъ ихъ. Бхотанецъ, часто бывающій безъ шляпы, беретъ конецъ своего плеча съ плеча и протягиваетъ его, точно подавая подносъ съ подарками, въ то же время онъ низко наклоняется. Непальцы и магометане дѣлаютъ „саламъ“, наклоняясь и дотрогиваясь концами пальцевъ до лба, и такимъ образомъ на мгновение закрываютъ свое лицо отъ священнаго взгляда человѣка, которому они кланяются.

Повидимому, въ Лхассѣ безумно любятъ эдиктные столбы: въ различное время ихъ было воздвигнуто около дюжины *****). Совѣт-

*) Томо.

**) Па-то; можетъ также значить тѣсто или замазка.

***) Рабъ шѣгсъ.

****) Дѣльма.

*****) Напечатанный въ 1851 г. (Рокхиль) списокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ насчитываетъ 11 надписей китайскими буквами: 1) Императорскій автографъ въ 60-й годъ царенія Кангши (1721 г.) по случаю умиротворенія Тибета. (Столбъ противъ холма Потала. 2) Императорскій автографъ, помѣченный 59 г. царенія Чанлунга (1794 г.), тоже противъ Поталы. (Эти двѣ таблетки, вѣроятно, находятся въ маленькихъ китайскихъ храмахъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ эдиктнаго столба). 3) Императорскій автографъ, помѣченный 1808 г., (цареніе Чячинга)—съ заглавіемъ: „Доска съ разсказомъ о благочестивыхъ церемоніяхъ въ храмѣ Путо-Тсунгъ-Шенгъ“. Столбъ находится на с.-в. отъ Поталы, подлѣ храма Сера. 4) Доска въ воспоминаніе о побѣдоносной кампаніи противъ гуркховъ передъ Джо-к'Ангомъ, помѣченная 1793 г. 5) Таблетка на засѣянномъ лужкѣ, подписанная амбаномъ и помощникомъ амбана, Хонингомъ. 6) Доска въ память воздвиженія храма Куанти на холмѣ л'Лупанъ, помѣчена 1793 г. 7) Таблетка „Двойноію Поклоненія“ на с.-в. отъ Джовъ-к'Анга помѣчена 1793 г.: въ ней вспоминается объ убійствѣ на пятнадцатомъ году царенія Ченлунга (1752 г.) двухъ китайскихъ амбановъ Фу и Ла; она находится въ храмѣ въ Ч'Унгу-Кангъ (она была переведена Жаметелемъ въ „Обозрѣніи Дипломатической Исторіи“ № 3 за 1887 г.). 8) Трактатъ между Т'Ангъ-Те-Тс-Унгомъ

ники замѣтили, что, можетъ быть, въ столицѣ Тибета появится новый столбъ по случаю недавняго трактата съ Британіей. Тѣмъ не менѣе, повидимому, не написанный законъ народа стоитъ на первомъ мѣстѣ, согласно поговоркѣ: „религіозные законы мягки, какъ шелковинка, но сильны; царскіе законы тяжелы, какъ золотое ярмо; народныя же законы стоятъ твердо, какъ желѣзные столбы; они непоколебимы“.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ лхасскихъ воспоминаній служитъ разсказъ объ общинѣ капуцинскихъ отцовъ, которые прожили здѣсь сто лѣтъ около двухъ столѣтій тому назадъ и получили кусокъ земли для постройки капеллы; говорятъ, великій лама и гу-

Англійскій отрядъ осматриваетъ Лхассу.

бернаторы нѣсколько разъ посѣщали ее. Я старался разузнать, гдѣ именно стояла эта капелла *), но не добился положительныхъ результатовъ, даже не нашелъ никакихъ слѣдовъ строенія или преданій о томъ, гдѣ жили „бѣлые ламы“. Большое количество флорентинскихъ маркизъ въ Лхассѣ, какъ мнѣ кажется, остатокъ обычая, введеннаго старинными итальянскими монахами. Никто также не зналъ ничего о пребываніи въ Лхассѣ Муркрофта, о которомъ разсказывалъ Хукъ.

и царемъ Тибета передъ Джо-в'Ангомъ. 9—11) Три таблетки, помѣченныя 59 г. царенія Кангши (1721 г.)—двѣ на вершинѣ восточнаго склона холма Потала и одна у его восточнаго подножія; онѣ составлены военными офицерами, которые принимали участіе въ великой кампаніи. Повидимому, это тѣ самыя, которыя высѣчены въ скалѣ.

*) Она стояла на кускѣ земли, который назывался Шаръ-джайндъ, Наргаръ или Ша-т-енъ Нагъ, повидимому, близъ храма Рамоче.

Старый дворецъ военныхъ правителей Лхассы, стоящій подлѣ храма Рамоче и называвшійся Кангла-Кангсаръ, очень интересенъ. Капучинскіе отцы часто посѣщали его два столѣтія тому назадъ. Хотя онъ теперь пустъ, но все же составляетъ одно изъ выдающихся зданій въ Лхассѣ; благодаря своимъ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ, которыя возвышаются на четыре этажа и непокрыты известкой.

Что же касается до предположенія, говорящаго, что братъ Одорикъ первый изъ европейцевъ вошелъ въ столицу Тибета, я сомнѣваюсь, чтобы городъ, посѣщенный имъ въ XIV столѣтіи, былъ Лхассой, потому что его описаніе совершенно не походитъ на ту Лхассу, какую мы видимъ теперь. Добрѣйшій братъ пишетъ: „Весь городъ застроенъ строеніями съ черными и бѣлыми стѣнами; всѣ его улицы очень хорошо вымощены“^{**}). Между тѣмъ ни одна изъ улицъ Лхассы не мощена, хотя кругомъ множество камней, пригодныхъ для этой цѣли, и мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы городъ, который былъ прежде хорошо вымощенъ, совершенно отказался отъ этого обычая и чтобы въ немъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ мостовой. Единственный же полосы на стѣнахъ темно-каштановые верхніе карнизы. Здѣсь въ округѣ я не видалъ ни одного дома съ вертикальными, синими, красными и бѣлыми полосами, которыхъ было столько въ Джантсе и въ долину Ралунгъ.

Во время прогулокъ мы часто проходили мимо пантеона высѣченыхъ и раскрашенныхъ изображеній, описанныхъ раньше и воспроизведенныхъ здѣсь.

На сѣверной границѣ города, подлѣ дороги, есть кристалльный источникъ; о немъ рассказываютъ интересную легенду: одна китайская принцесса, родившаяся изъ слезы, пролитой сострадательнымъ духомъ при мысли о бѣдныхъ безпріютныхъ и застигнутыхъ ночью тибетцахъ, была послана, какъ невѣста, къ великому царю Сронгстану, но злыя чары ея соперницы помѣшали ему увидѣть ее. Она выстроила хижину на берегу этого источника, томилась два года и съ тоски сдѣлала себѣ гитару; она такъ нѣжно играла на ней, что, услышавъ ея музыку, царь сразу освободился отъ колдовства ревнивой соперницы и женился на принцессѣ. Они жили очень счастливо. Говорятъ, ея тѣло хранится въ храмѣ Рамоче, ядрахъ въ 50-ти на западъ отъ этого источника. На большой дорогѣ, къ западу отъ Лхассы, на полпути къ Депенгу, стоитъ маленькій „лѣтній домъ“, „Обитель религіи“^{**}), здѣсь великій лама останавливается пить чай, когда онъ ѣдетъ въ монастырь Депенгъ или возвращается изъ него.

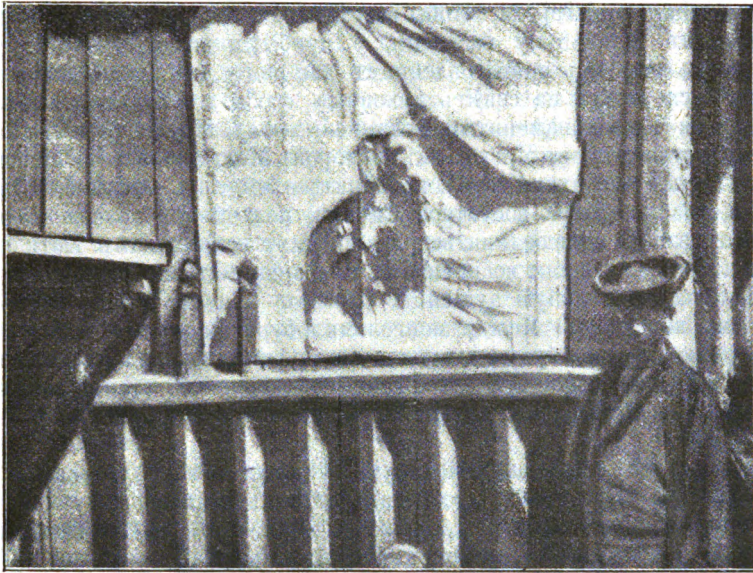
Стоящій на другомъ берегу рѣки арсеналь, въ которомъ работали индійскіе механики, — новое строеніе, немногимъ лучше сарая, окаймляющаго четырехугольную площадку. Въ немъ мы видѣли нѣсколько хорошихъ точильныхъ станковъ мѣстнаго издѣлія для формированія ружейныхъ стволовъ и изготовленія патроновъ, окованное мѣдью маховое колесо, а также много пилъ, напильниковъ и

*) „Дорога туда“, Юле; здѣсь „привѣтъ Абасси, что на ихъ языкѣ значитъ папа“. Одорикъ былъ въ Тибетѣ во время господства монастыря Сакія, раньше возвышенія лхасскихъ пашъ.

***) Чѣ-Куи-кангъ, Чингъ-юень или „Садъ древнихъ писателей“ китайцевъ (сравните съ Рохнлемъ).

другихъ инструментовъ англійскаго издѣлія; а также большое количество почти готовыхъ ружей, заряжающихся съ казенной части, штыковъ и патроновъ, большой запасъ мѣднаго колчедана, сѣры, графита, нѣсколько пушекъ. Говорятъ, что другой и болѣе обширный арсеналъ находится на разстояніи 4-хъ миль отсюда, въ горахъ. Четвертый королевскій монастырь Тсемчокъ стоитъ близъ арсенала, но очень малъ и не отличается ничѣмъ особеннымъ. Моветный дворъ не могъ ничего показать намъ.

Въ городѣ много ресторановъ: два очень большіе стоятъ близъ большой рыночной площади и, повидимому, усердно посѣщаются китайцами. Въ одномъ изъ нихъ вмѣщается около ста человѣкъ. Въ

Китайское воззваніе о низложеніи далая.
Оно было сорвано народомъ.

ресторанахъ и частныхъ домахъ пьютъ много пива, но мы не заѣтили много пьяныхъ или бушевавшихъ людей.

13-го сентября городъ сильно взволновался, благодаря тому, что амбанъ вывѣсилъ объявленіе, которымъ онъ, по приказанію китайскаго императора, низлагалъ далай-ламу; населеніе скоро сорвало его. Въ немъ говорилось, что великому ламѣ Ташильхумпо предоставляется завѣдывать религіозной администраціей до тѣхъ поръ, пока не будетъ принято окончательнаго рѣшенія относительно бѣжавшаго. Какъ мы уже видѣли, въ прежнія времена императоръ Китая иногда низлагалъ далаевъ; однако, тибетскіе чиповники сомнѣвались, чтобы Таши-лама согласился занять положеніе, которое ему предоставлялъ эдиктъ, и дальнѣйшія событія доказали, что они были правы.

Въ объявленіи амбана китайскому императору былъ данъ титулъ: „Пять разъ превосходный“. Это напомнило намъ, что дерзкій

глава Царо въ западномъ Бхотанѣ присвоилъ себѣ этотъ титулъ, а британскаго комиссіонера въ своемъ обращеніи назвалъ только: „Три раза превосходный комиссіонеръ“; онъ писалъ такъ, пока оккупация нашей арміей Фари и долины Чумби не внушила ему надлежащаго уваженія къ нашей силѣ

27-го ноября 1904 г. бѣжавшій далай-лама пріѣхалъ въ столицу Монголіи Ургу. Вотъ какъ описывалъ его прибытіе мѣстный корреспондентъ „Варшавской Газеты“:

„Его багажъ и вещи его свиты несли вереница изъ двадцати верблюдовъ. Населеніе Урги долго ждало его прибытія и, несмотря на жестокой морозъ, китайскія и монгольскія власти, духовенство, эскортъ китайскихъ войскъ и около 20.000 гражданъ прошли нѣсколько миль отъ города, чтобы встрѣтить его. Артиллерійскій залпъ возвѣстилъ остальному населенію о прибытіи далай, и онъ помѣстился въ нарочно приготовленномъ для него дворцѣ, въ которомъ прежде сходились на совѣтъ духовныя особы и учителя; тамъ же находится самый знаменитый буддійскій храмъ. Многія тысячи пилигримовъ стекаются въ Ургу со всѣхъ сторонъ Монголіи, изъ Забайкалья и изъ степей Астрахани, чтобы поклониться ему. Въ числѣ ихъ Ертеуевъ, главный лама восточной Сибири, получившій позволеніе отъ русской власти присоединиться къ прочимъ паломникамъ. Хотя этикетъ двора далай-ламы воспрещаетъ ему принимать европейцевъ, онъ далъ продолжительную аудіенцію русскому чиновнику, присланному къ нему консуломъ. Между монголами и бурятами ходитъ много слуховъ относительно будущихъ плановъ далай-ламы. Нѣкоторые говорятъ, что онъ отправится къ Гусиному озеру, гдѣ стоитъ главный храмъ ламъ Забайкалья; другіе увѣряютъ, что онъ поѣдетъ въ С.-Петербургъ“.

Когда мы собирались покинуть Лхассу; амбанъ готовился къ возможному волненіямъ; дремавшій вулканъ могъ вспыхнуть послѣ удаленія нашихъ войскъ, такъ какъ наша армія въ значительной степени поддерживала потерянный престижъ китайскаго агента. Онъ вербовалъ на мѣстѣ новобранцевъ въ свою стражу тѣлохранителей и просилъ прислать ему изъ Китая добавочную тысячу вооруженныхъ солдатъ.

ГЛАВА XXIII.

Обратное путешествіе, осмотръ долины Тсангло; снѣжные заносы въ Фари.

Мы прожили въ Лхассѣ около двухъ мѣсяцевъ и, наконецъ, 23-го сентября 1904 г. покинули этотъ городъ; вся наша армія сняла палатки и пошла прочь.

Амбанъ, совѣтники и главные настоятели наканунѣ дѣлали прощальные визиты, посѣтили миссію и генерала и сердечно пожаловали руки всѣмъ офицерамъ штаба. Многие изъ насъ получили отъ непальскаго консула и монастырей недорогіе подарки въ видѣ подносовъ со сладостями и другихъ вещей, сдѣланныхъ по-китайски,

тяжело и массивно, для приданія имъ обманчивой цѣнности. Однако все это было намъ дорого, какъ выраженіе дружескихъ чувствъ, зародившихся во время нашего пребыванія въ городѣ монаховъ.

Рано утромъ въ день нашего отъѣзда я съ удивленіемъ увидѣлъ, что подлѣ моей палатки сидитъ почтенный лама монастыря Сера, который помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ изслѣдованіяхъ его религіи, уже раньше простившійся со мною. Онъ пришелъ пѣшкомъ отъ самаго своего монастыря, чтобы проститься со мною еще разъ и на прощанье подарить раскрашенный свитокъ и вышитый шарфъ; послѣ этого ко мнѣ явился еще молодой лама изъ Храма Медицины, желавшій выразить сожалѣніе о томъ, что онъ не можетъ ѣхать съ нами въ Индію, вслѣдствіе препятствій, поставленныхъ на его дорогѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду, что онъ пріѣдетъ позже.

Когда мы уже трогались въ путь, пріѣхалъ регентъ съ двумя спутниками, простился съ генераломъ Макдональдомъ и подарилъ ему на память маленькое позолоченное изображеніе Будды. Ти-Римпоче поблагодарилъ генерала за то, что тотъ такъ гуманно щадилъ храмы и монастыри Тибета, прибавилъ, что будетъ молиться о его благополучномъ возвращеніи въ Индію, и выразилъ надежду, что статуэтка Будды будетъ вызывать въ немъ добрыя воспоминанія о Тибетѣ. Сказавъ это и попросивъ меня иногда писать ему, правитель Тибета, этотъ вѣжливый, образованный, культурный священникъ, чловѣкъ, полный великодушныхъ побужденій, пожалъ намъ руки и, сѣвъ на лошадь, медленно поѣхалъ къ городу, очевидно угнетенный бременемъ государственныхъ заботъ, которыя теперь, во время этого кризиса, вѣроятно, были тяжелы.

Мы въ три дня достигли переправы подлѣ желѣзнаго моста, но, безъ сомнѣнія, въ будущемъ, когда устроятъ настоящія колесныя дороги, и въ Лхассу побѣгутъ пароходы (для которыхъ рѣка кажется пригодной), это разстояніе будетъ требовать лишь одного дня пути; теперь отъ перевоза наша почта идетъ 2 дня до Джантсе, а при существованіи легкаго парового трамвая, этотъ городъ находился бы въ трехъ дняхъ пути отъ индійскихъ равнинъ. На 10 миль выше стараго желѣзнаго моста былъ болѣе удобный перевозъ; тамъ рѣка Тсангпо достигаетъ 120 ярдовъ ширины, поэтому мы отправились къ нему, и вся наша армія въ три дня переправилась на другой берегъ *).

Во время этой остановки запрещеніе стрѣлять было отмѣнено, и много голубей, зайцевъ и нѣсколько газелей **) пало отъ нашихъ ружейныхъ выстрѣловъ, послуживъ для кушанья и составивъ для насъ

*) Мы миновали два монастыря Такъ к'у-пе и Янгтсе; послѣдній очень хорошъ; его глава—воплощенный лама, привѣтливый молодой чловѣкъ; онъ вышелъ къ намъ. Въ монастырѣ есть чортенъ, посвящаемый паллириками въ качествѣ святыни; близъ него два старые кэрна, называемыя „Царственными вазами долины“.

**) Гигантскій баранъ и большой олень здѣсь не встрѣчаются; это мнѣ сказалъ мѣстный охотникъ, прибавивъ, что ближайшее мѣстожительство барана—пространство между озерами Ямдокъ и Рхамъ, а оленя и дивихъ яковъ—поскогорье Чангтанъ.

приятную переменѣну послѣ комиссаріатскихъ порцій Въ ольховыхъ лѣсахъ я нашелъ три новыхъ породы птицъ. Поразительно, что въ опереніи птицъ замѣчалось полное отсутствіе яркой окраски; почти всѣ онѣ были темны, вѣроятно, ради возможности укрываться посреди преобладающихъ оливковыхъ тоновъ деревьевъ, хотя осень уже расплѣтила чащи на темныхъ откосахъ горъ яркими оранжевыми и красновато-коричневыми пятнами. Роскошь дикихъ цвѣтовъ здѣсь превосходила все, что я когда-либо видѣлъ въ горныхъ лугахъ; они покрывали землю пестрыми пятнами, несмотря на позднее время года, конецъ сентября. Жатвы на этомъ уровнѣ въ 12.000 ф. поражали своей роскошью и покрывали большую часть глубины долины; поля образовали золотое море колеблющейся пшеницы и ржи, отъ 2 до 3 миль шириною, почти отъ самаго берега до подножія холмовъ, гдѣ вилисъ ирригаціонные каналы изъ рѣки и поили равнину. Поселяне только-что начали жать; они складывали скирды на своихъ токахъ, и тамъ линія яковъ, броля по хлѣбу, ногами выбивали зѣрна изъ колосьевъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ страдали зобомъ.

Далѣе, миляхъ въ четырехъ къ западу, изъ глубины широкаго луга почти отвѣсно поднимались двѣ крутыя снѣжныя вершины около 20.000 ф. высоты и, казалось, запирали верхній конецъ долины Тсангпо. Съ этого близкаго пункта онѣ походили на развѣтвленный конусъ; одна изъ вершинъ называлась „Господинъ“, а другая „Бѣлорогая Госпожа“ *). Эта скалистая громада—сѣверный конецъ отроговъ Кхаро—выпускаетъ къ сѣверу большую рѣку, которой приходится прокладывать себѣ дорогу черезъ такое скалистое ущелье, что по берегу не можетъ идти дорога къ Шигатсе и къ верхней долинѣ Тсангпо **). Поэтому нашъ отрядъ, который, подъ начальствомъ кап. Роулинга, отправился на Шигатсе, чтобы въ силу новаго трактата, открыть торговый рынокъ на с.-з. Тибета, въ Гартокѣ на Индѣ, къ востоку отъ Симлы, долженъ былъ двигаться къ Шигатсе черезъ Джантсе; отсюда ему предстояло пройти пространство въ 1.000 м. и подняться къ пустынному плоскому мимостокоевъ Тсангпо. близъ большого озера Мансороверь и мимостокоевъ рѣки Сутледжъ (область, которую я дважды посѣтилъ изъ Альмору и Геруала). Никто изъ европейцевъ раньше не проходилъ черезъ большую часть этой обнаженной плоскости за Шигатсе, а потому наши изслѣдователи могли добыть много интересныхъ географическихъ свѣдѣній о горѣ Эверестъ и Дхаоладжири, а также о торговыхъ путяхъ изъ Непала; но большая золотоносная область Токъ-Джалунгъ, которая лежитъ восточнѣе, и а прямомъ Лхассо-ладакскомъ пути черезъ озеро Тенгри ***) должна была для нихъ остаться въ сторонѣ.

*) Джа-амо-Карра или Джоро.

**) Амбанъ и далай-лама обыкновенно отправляются въ Шигатсе по дорогѣ, которая уклоняется въ сторону близъ Таи-лунгъ и идетъ въ долину Кайи.

***) Отрядъ (въ который вошли капитаны Райдеръ и Вудъ) отдѣленія изслѣдователей быстро совершилъ свое грудное путешествіе и перешелъ въ область Симлы 24-го декабря 1904 г. Мириамъ-Ла (водораздѣлъ между Брама-

Благодаря недавно пріобрѣтенному опыту, мы теперь могли лучше прѣжняго судить объ истинныхъ физическихъ чергахъ этой большой центральной долины, которую вмѣстѣ съ ея боковыми долинами можно назвать настоящей страной тибетцевъ, гдѣ живутъ тибетцы, въ противоположность съ сосѣдней высокой пустынной плоской возвышенностью Чангъ-Тангъ и съ ледяными горными странами, неудобными для осѣдлаго населенія. Этотъ „собственный Тибетъ“ расположенъ вседѣло внѣ плоскогорья и лежитъ приблизительно на 2.000 или 3.000 ф. ниже его, на террасахъ его южнаго ската и въ извилистыхъ впадинахъ, продѣланныхъ въ краяхъ плоскогорья рѣками. Располагаясь въ этихъ болѣе привѣтливыхъ полосахъ, область спускается къ обрывистымъ прекрасно затѣненнымъ лѣгами долинамъ съ плодородными полянами и пейзажами, которые напоминаютъ швейцарскія Альпы. Такимъ образомъ, Лхасса и Шигатсе занимаютъ укромные углы среди извилистыхъ покрытыхъ рвами выступовъ большой плоской возвышенности и находятся въ предѣлахъ верхней полосы деревьевъ.

Однако, нижняя долина Тсангпо за перевозомъ представляетъ для насъ особенную важность и интересъ въ экономическомъ и въ географическомъ смыслѣ, потому что центральная рѣка Тибета, Тсангпо, какъ теперь почти несомнѣнно доказано, верхній истокъ большой рѣки Ассама—Брамапутры, и, слѣдовательно ея берега должны служить естественнымъ путемъ въ Тибетъ изъ индійскихъ долинъ; кромѣ того, въ нижней долинѣ Тсангпо, повидимому, лежитъ самая богатая и самая привѣтливая часть Тибета, по внѣшнему виду похожая на Кашмиръ и дающая доступъ къ золотымъ копьямъ, расположеннымъ на востокъ отъ большого озера Ямдокъ. Однако, въ настоящее время ея большая часть не населена тибетцами, главнымъ образомъ, какъ говорятъ, изъ-за дикихъ племенъ людодѣвъ, которые живутъ въ ней и преграждаютъ для нея сообщеніе съ одной стороны съ Тибетомъ, а съ другой съ Ассамомъ.

путрой и Сутледжемъ) былъ пересѣченъ 24-го ноября. Стояла дурная погода со снѣгомъ, но переходъ не представлялъ затрудненій, хотя пришлось подняться на 16.600 ф. надъ уровнемъ моря. Исслѣдователи видѣли озеро, не имѣющее выхода, а потомъ достигли и большого озера Мансароверъ. Тутъ дѣло исслѣдованія представляло много привлекательности, потому что съ давнихъ поръ существовало разногласіе относительно этой большой пелены воды. Капитаны Райдеръ и Вудъ направились къ выходному ложу и увидѣли, что оно было сухо. Для его наполненія водой было бы необходимо поднятіе уровня на 3 ф., однако, тибетцы утверждали единогласно, что въ эпоху дождей и таянія снѣга, т. е. въ теченіе мѣсяцевъ четырехъ лѣтомъ, по этому ложу всегда, вытекаетъ вода. Идя вдоль русла по направленію къ ближайшему озеру, извѣстному подъ названіемъ Ракасъ-Таль, исслѣдователи нашли горячій источникъ; озеро же, не имѣвшее выхода, было покрыто льдомъ. Тибетцы утверждали, что въ прѣжніе года изъ него тѣкла рѣка. Исслѣдованіе, главнымъ образомъ, доказало, что на сѣверѣ не видѣтся болѣе высокой вершины, нежели Эверестъ; затѣмъ оно помѣстило истокъ рѣки Сутледжъ западнѣе, чѣмъ предполагалось прежде. Въ Гартокѣ отрядъ нашелъ только нѣсколько десятковъ поселянъ, жившихъ въ зимнихъ помѣщеніяхъ; ихъ дома стояли посреди обнаженной равнины. Во время путешествія къ британской границѣ отрядъ перешелъ черезъ Айи-ла (18.400.) ф. ; тамъ шелъ снѣгъ и было очень холодно. Въ этомъ мѣстѣ Сутледжъ течетъ по очень неровной мѣстности со рвами въ 2.000 ф. глубины.

Въ эту terra incognita еще никогда никто не проникалъ, даже тибетцы, а нижнюю ея часть посѣтилъ только одинъ изъ тайныхъ изслѣдователей, котораго послали съ инструкціей бросить въ рѣку нѣсколько помѣченныхъ бревенъ въ доказательство того, что рѣка Тсангпо соединяется съ рѣкой Ассама. Довольно драматичны обстоятельства, въ силу которыхъ этотъ прекрасно задуманный опытъ не удался. Храбрый изслѣдователь К. П. сыгралъ съ успѣхомъ свою опасную роль въ изслѣдованіяхъ, которыя Киплингъ называетъ „великой игрой“. Онъ пробрался черезъ лѣса, наполненные людѣдами, и, послѣ захватывающихъ приключеній, бросилъ въ рѣку нѣсколько помѣченныхъ бревенъ; но тамъ, въ Ассамѣ, никто не ждалъ ихъ, потому что офицеръ, которому поручили слѣдить за опытомъ, получилъ страшное отмороженіе въ снѣгахъ Канкченджонга. Впослѣдствіи изслѣдователь К. П. служилъ у меня и сопровождалъ меня въ теперешней экспедиціи; его рассказы нарисовали для меня вполне ясную картину этой большой „Невѣдомой страны“, ниже желѣзнаго моста и рѣки Лхассы, картину, которая имѣетъ такую важность и до того интересна, что я помѣщаю ее здѣсь.

Немного ниже лхасской переправы центральная долина Тсангпо начинаетъ дѣлаться все лѣсистѣе и лѣсистѣе съ каждой милей. По этой привлекательной части большой долины, съ ея безчисленными второстепенными долинами, которыя спускаются къ ней отъ снѣжныхъ вершинъ, перерѣзывающихъ небо, спокойно течетъ большой центральный потокъ, приблизительно въ полмили шириною, представляя собою вполне судоходную рѣку на протяженіи около ста миль; послѣ этого она мѣстами дѣлается гораздо стремительнѣе, но грубыя барки еще далеко ходятъ по ней. Ея берега окаймлены открытыми травянистыми полянами въ нѣсколько миль шириною, съ рѣдкими деревьями и монастырями. Поселенія большей частью стоятъ на плоскости въ глубинѣ долины, хотя нѣкоторыя изъ ламайскихъ общинъ и жилищъ отшельниковъ ютятся при началѣ довольно крутыхъ боковыхъ долинъ. Вообще картина больше напоминаетъ то, что мы привыкли видѣть въ европейскихъ Альпахъ, нежели соответствуетъ нѣби Гималаевъ, гдѣ жилия мѣста помѣщаются на вершинахъ горъ, господствуя надъ угнетающей глубиной ущелій.

Уже приблизительно на разстояніи миль 50-ти отъ лхасской переправы начинаются густые лѣса, а еще на 30 миль дальше панорама можетъ соперничать съ Кашмиромъ; вездѣ встрѣчаются дороги вродѣ „дорогъ въ окрестностяхъ Дарджилинга“. Сходство съ Кашмиромъ тѣмъ полнѣе, что широкая центральная впадина въ этомъ мѣстѣ походитъ на озерную долину. Большая рѣка Тсангпо ищетъ выхода къ южному морю и встрѣчаетъ преграду въ видѣ гигантскихъ Гималаевъ; ей приходится пробѣгать все протяженіе половины южной цѣпи, раньше чѣмъ она находитъ отверстіе въ скалистой преградѣ. Болѣе 100 миль за лхасскимъ перевозомъ Тсангпо спокойно течетъ на юго-западъ вдоль Гималайскихъ горъ, и здѣсь ея теченіе такъ слабо, что по ней внизъ и вверхъ, ходятъ барки на пространствѣ въ 20 миль и больше. Далѣе эта рѣка еще миль на 100 до извѣстной степени сохраняетъ

тихий характеръ, но въ области Конгбу ея теченіе преграждается грядою, бѣгущей къ сѣверо-востоку, которая повидимому составляетъ послѣднее звено цѣпи главной оси Гималаевъ. {Препятствіе отклоняетъ рѣку къ сѣверу, и въ этомъ направленіи она течетъ миль 80; наконецъ, Тсангпо достигаетъ впадины близъ конца цѣпи; тутъ, собирая свои воды въ узкій потокъ, она поворачиваетъ къ югу, образуетъ серію быстринь, прыгаетъ черезъ утесъ и падаетъ на глубину ста футовъ; при этомъ ея воды пробуравливаютъ себѣ такой глубокой проходъ въ скалахъ, что на протяженіи 100 миль ниже водопада Тсангпо, какъ говорятъ, совершенно скрывается изъ виду; наконецъ, она показывается въ странѣ племени Аборъ на долинахъ

Дикари Дихонга.

(Сняты авторомъ въ нижней долины Дихонга).

Ассама, подлѣ Салиайя *), гдѣ и превращается въ главнаго питателя Браманутры и извѣстна подъ своимъ аборскимъ именемъ Дихонгъ. Хотя абсолютное единство Дихонга и Тсавгпо еще не было вполне установлено, тождество этихъ двухъ рѣкъ теперь считается несомнѣннымъ.

Самыми лучшими пейзажами и самымъ лучшимъ климатомъ, повидимому, обладаетъ та часть центральной долины, которая лежитъ выше водопадовъ; полоса съ наилучшими условіями, какъ въ смыслѣ мѣстности, такъ и въ смыслѣ климата, начинается миль на 80 ниже лхасской переправы и тянется миль 200 (минуя область Такпо съ ея золотыми россыпями) до Конгбу; несмотря на свою прекрасную

*) Подробности о племени Аборъ и сосѣднихъ племенъ въ моемъ соч. „Племена долины Браманутры“.

почву и богатая пастбища, это пространство очень слабо заселено, повидимому, из-за кочующихъ здѣсь дикихъ племенъ. Въ Конгбу такъ много дикихъ персиковъ и дикихъ абрикосовъ, что ими кормятъ свиней; упоминается тамъ и о дикомъ виноградѣ. Одну изъ значительныхъ высотъ описываютъ, какъ „высокую, стройную снѣжную гору, похожую на бѣлую колонну облака, поднимающуюся въ небѣ“.

Я прилагаю рисунокъ съ водопада, лежащаго, повидимому, приблизительно на $29^{\circ} 36'$ сѣверной широты и $94^{\circ} 47'$ восточной долготы, сдѣланный для меня однимъ тибетцемъ-художникомъ, уроженцемъ этого мѣста; приложенный рисунокъ, между прочимъ, интересенъ тѣмъ, что изображаетъ растущій тамъ бамбукъ, а также доказываетъ, что тибетцы, благодаря своему врожденному суевѣрью, помѣщаютъ демона въ глубину водопада.

Послѣ водопадовъ тибетское вліяніе, которое постепенно уменьшалось вмѣстѣ съ пониженіемъ долины, вскорѣ совершенно прекращается. Дикіе рвы и ущелья ниже этого мѣста никогда не принадлежали Тибету, и рѣдкія деревни не носятъ тибетскихъ названій. Эта страна заселена (если вы можете назвать „заселенной“ страной пространство земли, на которомъ приходится по одному жителю на квадратную милю) дикими племенами людодовъ. Тибетцы называютъ ихъ „Лало“ (т. е. дикари *) и „Чингми“ **). Они причисляются къ Аборамъ и Нагасамъ изъ Ассама, на которыхъ болѣе или менѣе походятъ. Дѣйствительно, указанная часть долины Тсангпо на протяженіи слѣдующихъ 100 миль внизъ по теченію рѣки уже находится въ политической сферѣ нашего вліянія со стороны Ассама; на нѣкоторыхъ изъ нашихъ картъ она обозначается, какъ принадлежащая намъ, хотя до сихъ поръ никогда не была занята нами, благодаря жестокой враждебности дикихъ племенъ и густому лѣсу; тѣмъ не менѣе м-ръ Нидхемъ путешествовалъ по этой области, однако, не углубляясь далеко ***). За водопадами климатъ скоро начинаетъ дѣлаться жаркимъ. Исслѣдователь К. П. и другіе утверждали, что черезъ 20 миль онъ уже до того зноенъ, что даетъ возможность разводить богатые рисовыя поля и хлопокъ; лѣса изобилуютъ шелковичными червями, а рѣки рыбой. Лѣса дѣлаются все роскошнѣе и въ немъ являются перепутанныя травы и растенія, а между ними пасется много дичи, оленей, встрѣчаются тигры и царственный „митанъ“ (*Bos frontalis*); объ атмосферической сухости (а это очень важно) говорятъ многочисленныя остроконечныя пинны (*Pinus longifolia*), которыя не могутъ расти въ сырости и покрываютъ

*) Говорятъ, что „черные дикари“ (Лало или Глакъ-ло-нагпо) ѣдятъ своихъ военнопленныхъ, а во время брачныхъ пируествъ убиваютъ и съѣдаютъ мать молодой, если не находится никого болѣе подходящаго.

**) По описаніямъ „чингми“ похожи на „Ленча“; тѣ изъ нихъ, которые живутъ кругомъ горы Тсари, называютъ себя Пакчатъ Сарн и доставляютъ въ Лхассу большую часть употребляемыхъ тамъ корзинокъ.

***) Экспедиція въ область Аборъ въ 1894 г. прослѣдила Дихонгъ до пункта, лежащаго на 100 миль выше Саміайа, гдѣ эта рѣка течетъ почти съ запада; окрестности кругомъ состоятъ изъ низинъ почти свободныхъ отъ густыхъ лѣсовъ. Въ результатъ экспедиція получила извѣстную сумму, взятую съ жителей Абора.

индійскія склоны южныхъ Гималаевъ. По словамъ изслѣдователя К. П., который составляетъ единственный авторитетъ для этой области (тибетцы никогда не проникали такъ далеко), путь вдоль рѣки по временамъ труденъ благодаря утесамъ. Я по опыту знаю, что К. П. склоненъ уменьшать опасности и затрудненія горныхъ дорогъ, поэтому до той поры, пока европейцы не изслѣдуютъ пути, нельзя будетъ точнымъ образомъ судить объ его затруднительности.

Водопадъ Тсаппо.
(Съ тибетскаго рисунка).

Склоны долины прохладны и въ боковыхъ ущельяхъ можно найти всю градацію умѣреннаго климата, такъ какъ многія изъ нихъ поднимаются до высокихъ вершинъ.

Четангъ, область ниже храма Саміаиа **) и приблизительно на 80 миль ниже лхасской переправы, обладаетъ великолѣпнымъ кли-

*) Въ монастырѣ Саміаиа хранится государственная казна и золото изъ копей. Вблизи зажиточная деревня Четангъ или „Равнина вершинъ“; въ ней около 50 непальскихъ и китайскихъ лавокъ близъ широкаго перевоза черезъ рѣку.

матомъ, разнообразіемъ пейзажей и необычайно плодородна; тутъ или совсѣмъ нѣтъ, или очень мало мѣстъ, которыя считаются святыми. Кромѣ того, сравнительно очень малая часть этой страны занята тибетцами. Въ двухъ третяхъ бассейна, принадлежащаго Тибету, въ общемъ не болѣе 5.000 тибетцевъ. Исключеніе составляетъ странно выдѣленный поселокъ, называемый Нижній „По“, въ сѣверо-восточномъ углу долины, который, благодаря выступающей грядѣ, повидимому, имѣетъ выходъ гораздо ниже. Исторія этого поселка, какъ убѣдился м-ръ Рокхиль, проходя сѣвернѣе его, очень интересна. такъ какъ показывается, до какой степени могла бы развиться эта страна подъ болѣе цивилизованнымъ вліяніемъ

Мы неохотно повернулись спиной къ увлекательнымъ тайнамъ неизслѣдованной долины и стали взбираться изъ впадины Тсангпо къ Ямдокскому бассейну черезъ проходъ Докъ (16.800 ф.). Въ общемъ онъ походитъ на сосѣдній съ нимъ, немного менѣе высокій проходъ, черезъ который мы пришли (Камба, 16.500 ф.).

Съ этого высокаго гребня мы наслаждались великолѣпными панорамами въ свѣтлой бодрящей атмосферѣ. На востокѣ вдали поднималась снѣжная вершина, вѣроятно Тсари; на сѣверѣ—снѣжно-головая Ніань-ченъ-Тангъ, которая скрываетъ отъ взгляда средиземное озеро Тенгри; на югѣ господствующая громада Нѣджинъ-Кангъ - Сангъ надъ проходомъ Кхаро. На востокѣ не было видно ни малѣйшихъ признаковъ цѣпи Чумолхари или купола Кула-Кангри. Коническая вершина, которую Литльдели видѣли отъ озера Тенгри на южномъ горизонтѣ, я увѣренъ, была вершина Нѣджинъ-Кангъ-Сангъ со своими сателитами.

Большое озеро Ямдокъ синѣло, какъ всегда, посреди своихъ обнаженныхъ горъ, теперь ставшихъ еще угрюмѣе, такъ какъ морозъ и снѣгъ убили всю траву и дикіе цвѣты, поблекшіе, порыжѣлые остатки которыхъ виднѣлись на склонахъ горъ. Къ счастью, стояла великолѣпная погода; на небѣ не было ни облака, почти не чувствовалось вѣтра, но ночи приносили холодъ; термометръ опускался на 10° ниже точки замерзанія, и это показывало, что мы оставили Лхассу не слишкомъ рано. Другимъ доказательствомъ поразительно ранняго наступленія зимы служило полное отсутствіе маленькихъ рыбокъ у береговъ озера, у Пальте и Нагартсе, и въ маленькихъ текущихъ въ него ручьяхъ *). Дикіе гуси, утки, и другія водяныя птицы, которыя тысячами топились здѣсь, покинули средиземное озеро для болѣе теплаго климата; ихъ летящіе треугольники виднѣлись на небѣ; онѣ улетали на югъ.

„Когда безжалостная зима ранитъ долину острымъ холодомъ или тяжелымъ дождемъ, журавли толпами улетаютъ къ болѣе теплымъ морямъ“.

По обѣимъ сторонамъ прохода Кхаро лежали положительно болѣе глубокіе слои снѣга, чѣмъ тѣ, которые покрывали скалы два съ половиной мѣсяца тому назадъ; снѣгъ, безъ сомнѣнія, выпалъ въ то время, когда у насъ въ Лхассѣ шли такіе сильные дожди. Этотъ добавочный снѣгъ еще увеличивалъ красоту нависшихъ кар-

*) Рыбу видѣли только въ началѣ потока, который течетъ съ Лрсига.

низовъ на отвѣсныхъ ледяныхъ стѣнахъ. Долина Ралунгъ тоже одѣлась въ свое темное зимнее платье *). Когда мы достигли Джантсе, который теперь казался намъ „мѣстомъ на половинѣ дороги домой“, мы снова пришли въ соприкосновеніе съ телеграфомъ и почувствовали, что приблизились къ себѣ.

Въ Джантсе мы остановились на нѣсколько дней, чтобы поднять обозъ, захватить теплое платье, еще сохранившееся послѣ превратностей тяжелой зимовки, чтобы поправить наше кладбище **) и оставить маленькій эскортъ и необходимые годовые запасы капи-

Восточный тибетецъ изъ Кхама.

тану О'Коннору, который въ качествѣ торговаго агента долженъ былъ оставаться здѣсь вмѣстѣ съ капитаномъ Стиномъ, хирургомъ.

Отсюда нашъ путь къ Индіи въ значительной степени облегчился, благодаря великолѣпной колесной дорогѣ, построенной ру-

*) Проходъ черезъ верхнюю часть этой долины, западнѣе Кхаро, привелъ насъ къ долинѣ Ронгъ. Его изслѣдовали наши, что онъ лежитъ на высотѣ 16.750 ф. и такъ же удобенъ, какъ Кхаро. Онъ называется „Затылокъ ущелій“ (Найя-Ронгъ) и представляетъ собою двойной проходъ черезъ двѣ гряды. Первая деревня за проходомъ—Тавра.

**) Экспедиція вынесла 16 боевъ и схватокъ, въ которыхъ потеряла 202 человека, причемъ пострадали 22 англійскихъ офицера, изъ которыхъ 5 было убито въ Джантсе и его окрестностяхъ.

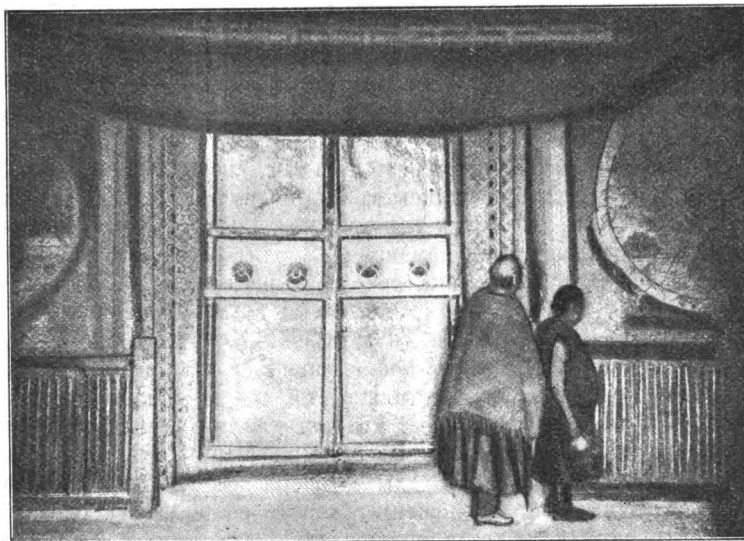
ками нашихъ войскъ вдоль линіи сообщенія. Сипаи каждаго изъ постовъ дѣлали извѣстную часть дороги въ ту и другую сторону отъ своего поста, и эти кусочки, связанные между собою, образовали большую проѣзжую дорогу, которая тянется 100 миль по плоской возвышенности, отъ самаго Джіантсе вплоть до Гималайскихъ ущелій, къ югу отъ Фари; вдоль этого пути каждый день ѣхали вереницы изъ 800 телѣгъ, подвозя съѣстные припасы для большой арміи фронта и гарнизона Джіантсе. Наши „экки“ въ значительной степени способствовали военному успѣху экспедиціи и болѣе чѣмъ оправдали предусмотрительность генерала Макдональда, съ которой онъ доставилъ ихъ изъ Индіи черезъ опасные горные проходы, такъ какъ послѣ гибели яковъ отъ падежа безъ телѣжекъ было бы совершенно невозможно во-время подвезти припасы для движенія арміи къ Лхассѣ и для ея возвращенія изъ священнаго города. Дорога, быстро приспособленная для телѣгъ,—большей частью прекрасный путь для почтовыхъ экипажей и „тонга“. Право немудрено, что суевѣрные тибетцы смотрятъ съ уваженіемъ и страхомъ на ея ровную плоскость, окаймленную низкими каменными стѣнами, и на линіи телеграфныхъ столбовъ, бѣгущихъ вдаль и исчезающихъ съ обѣихъ сторонъ на горизонтѣ. При помощи этой дороги наши пионеры и сипаи, конечно, наложили свой отпечатокъ на Тибетъ.

До прохода Тангъ наше возвращеніе изъ Джіантсе по непривѣтливымъ горнымъ странамъ совершалось безъ приключеній, но тутъ, когда мы пересѣкали главную цѣпь Гималаевъ, подъ громаднымъ гребнемъ Чумолхари, внезапно началась ослѣпляющая метель всѣмъ намъ было невѣроятно трудно достигнуть Фари до наступленія ночи. Ночью внутри палатокъ холодъ достигалъ 27° Фаренгейта; кромѣ того, наши затрудненія еще увеличились отъ снѣга, который выпалъ на 3 фута, покрылъ наши палатки, причѣмъ множество изъ нихъ свалилось, сильно придавивъ находившихся въ нихъ, совершенно заваливъ дорогу и сдѣлавъ насъ плѣнниками. Казалось, будто ужасные ледяные гиганты—Гималаи рѣшили не дать намъ унести съ собою слишкомъ пріятныя воспоминанія о Тибетѣ и о нашемъ набѣгѣ въ ихъ ледяныя области. Если бы наканунѣ нашего выступленія изъ этихъ областей не поднялся снѣжный штормъ, мы послѣ однодневнаго перехода очутились бы въ полосѣ деревьевъ.

На слѣдующее утро лагерь представлялъ удивительный видъ. Многіе остались подъ своими упавшими палатками, почти задыхаясь подъ ними, но отъ холода и усталости не рѣшаясь подняться и снова поставить ихъ. Яки спокойно лежали въ снѣгу, какъ въ пещерахъ, и только ихъ черныя головы, запорошенные снѣгомъ, выставлялись изъ него. Грязный Фари преобразился—сдѣлался чистымъ и бѣлымъ. Теперъ мы поняли, почему жители Фари такъ боялись, чтобы снѣгъ не прибавилъ новаго неудобства къ ихъ остальнымъ бѣдамъ, и почему они просили насъ не стрѣлять изъ пушекъ подлѣ Чумолхари, такъ какъ это вызываетъ паденіе снѣга.

На второй день мы сдѣлали попытку спуститься въ долину Чумби, такъ какъ снѣгъ слегка растаялъ и снова появились тучи;

между тѣмъ, наши запасы могли хватить намъ самое большее на нѣсколько дней. Приняли особыя предосторожности для охраны отъ свѣжной слѣпоты. Хотя въ началѣ экспедиціи было выдано 20.000 паръ зеленыхъ и дымчатыхъ очковъ, теперь оказалось, что очень многіе изъ солдатъ, со свойственной имъ безпечностью, потеряли или бросили свои консервы. Не имѣвшимъ очковъ завязывали глаза темной перевязкой въ видѣ предохраненія. Когда въ это утро наша армія выступила изъ Фари по бѣлоснѣжной равнинѣ подъ высокимъ чистымъ конусомъ Чумолхари, намъ невольно вспоминалось отступление Наполеона изъ Москвы, однако, мы надѣялись, что нашъ походъ не будетъ такимъ несчастливымъ. Солнце ярко свѣтило, и его лучи, отраженные атласистой пеленой тающаго снѣга, были

Колесо жизни въ вѣстибюль храма Джіантсе.

такъ ослѣпительны и такъ жгли, что не позволяли видѣть даже глазамъ, защищеннымъ темными очками. Всѣ съ трудомъ, наклонивъ головы шагали по глубокому снѣгу и по временамъ прикрывали рукой глаза, думая только объ одномъ: какъ бы избѣжать свѣжной слѣпоты. Послѣ приблизительно пятичасового перехода мы наконецъ выбрались изъ бѣлой долины и попали въ ущелье, которое вело внизъ, къ морозному Дотаку; ниже этого пункта снѣгъ сталъ дѣлаться все тоньше и тоньше по мѣрѣ спуска; наконецъ мы подошли къ Гаутъ-Ангу; тутъ пріятный видъ черныхъ сосенъ оправдалъ для насъ его названіе — „Лугъ радости“, и мы до наступленія ночи насладились пріятной роскошью, а именно трескомъ горящихъ костровъ, разложенныхъ на снѣгу подъ пиннами.

Утромъ оказалось, что около 200 солдатъ ослѣпло отъ снѣга; было такъ грустно видѣть, какъ товарищи вели этихъ безпомощныхъ. Иллюстраціей защитительной силы стеколь служилъ комичный видъ

одного изъ насъ, который, потерявъ одно изъ стеколъ своихъ консервовъ, ослѣпъ только на этотъ глазъ и шель, завязавъ его. Всѣ мы получили жестокие обжоги; на кожѣ появились пузыри — слѣдствіе сіянія солнца, отраженного отъ снѣга; кожа сошла и цѣлую недѣлю или больше была мучительно нѣжна. Поэтому обыкновенное утреннее привѣтствіе: „Ну, какъ голова?“ (по поводу головной боли отъ большихъ высотъ) теперь замѣнилось вопросомъ: „Ну, какъ лицо?“. Особенно пострадали носы, этого избѣжали только немногіе, носившіе моторныя маски.

На слѣдующій день мы достигли Чумби и среди его привѣтливаго климата отдышали дня два. Населеніе хлопотливо жало и привязывало снопы къ высокимъ шестамъ, чтобы предохранять ихъ отъ сырости, какъ это дѣлается въ Норвегіи. Грустно было видѣть, что богатая жатва ружій, собранная тысячами нашихъ непальскихъ куліевъ, тратилась на игру. Забывъ обо всемъ окружающемъ, они сидѣли возбужденными группами, бросали серебряныя монеты и играли въ азартныя игры, безопасно разставаясь со своимъ необыкновенно высокимъ, но заработаннымъ тяжелымъ трудомъ вознагражденіемъ.

Мы вышли изъ Тибета черезъ высокій занесенный снѣгомъ проходъ Нату и оттуда спустились къ индійскимъ равнинамъ по красивымъ лѣсистымъ ущельямъ сикхимскихъ Гималаевъ, въ которыхъ быстро разсѣивалась пыль ламаизма, а молитвенное колесо было вытѣснено троицей браминовъ и крестомъ христіанъ.

Когда наши возвратныя волны запыленного человѣчества стремились по открытой равнинѣ къ желѣзной дорогѣ въ Силигури, мы могли бросить послѣдній взглядъ на высившійся край ледяного плоскогорья, съ котораго мы спустились, и, еще не покинувъ боевыхъ уборовъ, подумать о томъ, чего мы достигли при помощи этой трудной, несравненной экспедиціи на „Крышу Мира“.

Земной рай „живого Будды“ теперь уже не представляетъ центра сказочныхъ предположеній. Черезъ его круговую ограду мистицизма проникли люди, и полное сіяніе дѣйствительности разсѣяло миражъ обманчивыхъ чудесъ, собиравшихся въ теченіе столѣтій замкнутости надъ далекой восточной Меккой. Теперь двери „запретной страны“ открыты для промышленника и даже для любопытнаго туриста, который пожелаетъ изслѣдовать старую романтичность, которая все еще окружаетъ ее. Проложено много сотенъ миль прекрасныхъ дорогъ; большія пространства земли изображены на картахъ, и если, благодаря новымъ облегченнымъ способамъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, свѣтъ цивилизаціи разсѣетъ густые туманы невѣжества и нездоровыхъ суевѣрій, жестоко угнетающіе народъ, наша экспедиція сдѣлается настоящимъ благословеніемъ для запретной страны монаховъ. Въ то же время въ политическомъ смыслѣ экспедиція возстановила британское значеніе въ глазахъ міра, своевременно защитивъ Индію и открывъ новую главу въ исторіи Азіи.

Однако, почитаніе дьявола и суевѣріе, показанныя читателю въ этой книгѣ, требуютъ нѣсколькихъ извинительныхъ словъ со стороны того, кто до извѣстной степени занимался изученіемъ „сѣвер-

наго" буддизма. Почему мы находимъ въ этой цитадели одной изъ величайшихъ религій міра такъ мало чего-либо, что могъ бы усвоить или одобрить европейскій путешественникъ? Выолнѣ ли выродилась эта религиозная система? Составляютъ ли плевелы, которыя вмѣсто пшеницы возрастаютъ на бесплодной почвѣ, слѣдствія стариннаго просвѣщенія, приходившаго въ упадокъ тысячу лѣтъ? Неужели никогда не оживутъ мертвыя кости, въ которыхъ мы рылись посреди уединеній „Крыши Міра“? Неужели мы, люди Запада, добившись могущества, не напишемъ радостныхъ словъ воскресенія на ихъ незапамятныхъ святилищахъ?

Въ мірѣ ростъ и паденіе идутъ рука-объ-руку. Движеніе чело-

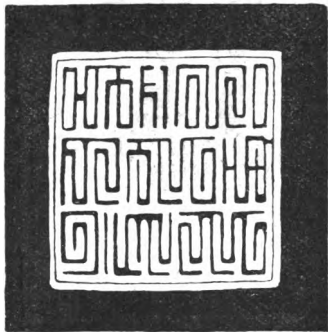

1. крестьяне центрального Тибета.

вѣческаго духа — „одна форма со многими именами“. То, что видитъ глазъ, не всегда служитъ вѣрнымъ указаніемъ характера. Напримѣръ: католическая организація въ XII вѣкѣ, повидимому, безнадежно упала; однако, черезъ нѣсколько лѣтъ явился Данте, а черезъ одно или два столѣтія — эпоха Возрожденія. Если бы образованный тибетецъ присутствовалъ на богослуженіи маленькой свободной церкви въ Шотландіи или въ хорошенькой запретной области Клайдъ на островѣ Аранъ, онъ имѣлъ бы полное право подумать, что это нѣчто вродѣ выродившихся обрядовъ его домашнихъ друзей; но, конечно, ошибся бы, рѣшивъ, что Шотландія погоязла въ невѣжествѣ и отдалась странной недоброй формѣ поклоненія дьяволу. Не знаю, вынесутъ ли правители Индіи лучше, нежели крестьяне тибетскихъ горъ, испытаніе, если мы, послѣдовавъ евангельскому правилу, будемъ судить религію по ея плодамъ.

Что касается меня, я преклоняюсь передъ крайне практической методой моего друга—лхасскаго кардинала и полагаю, что его вопросъ о томъ, упоминается ли Будда въ священнѣхъ книгахъ Европы, имѣеть многостороннее значеніе. Развѣ знаніе вѣрованій Азіи отцами католической церкви не спасло бы ихъ религію отъ паденія, которое такъ скоро обезобразило ее послѣ того, какъ исчезъ ея безсмертный основатель? Недавнее распространеніе буддизма въ Европѣ принималось за признакъ равнодушія. Можетъ быть, наоборотъ, — это скорѣе доказательство новаго просвѣтленія, которое говоритъ, что христіане, наконецъ, начали понимать слово Учителя, бывшаго поистинѣ гораздо ближе къ Буддѣ, нежели къ апостолу Павлу, Августину, къ Лютеру или къ другимъ, называвшимъ себя, въ специальномъ смыслѣ, Его послѣдователями и толкователями.

Словомъ, настоящій духъ Тибета, мнѣ кажется, больше высказывался въ словахъ кардинала Лхассы, нежели въ суетвѣрияхъ монаховъ и народа, и надѣюсь, что миссіи Англіи придется не похоронить тѣло павшаго культа, а скорѣе открыть настоящую зарю-предвѣстницу восхода новой звѣзды на Востокъ, которая долго, можетъ быть, много столѣтій будетъ проливать свое кроткое сіяніе на эту очаровательную страну и интересный народъ. Въ университетъ, который вскорѣ будетъ учрежденъ подъ британскимъ протекторатомъ въ Лхассѣ, безъ сомнѣнія, главное мѣсто отведутъ изученію религіи Тибета.

Печать далая.

(Угловатый индійскій шрифтъ; отпечатокъ въ нат. величину).

Печать Таши-ламы.

(Нат. вел.).

На ней современными индійскими буквами написано слово „Мангаламъ“ — эквивалентъ тибетскаго слова „Таши“.

ПРИЛОЖЕНИЯ

научныхъ результатовъ и замѣтокъ къ тексту *).

Приложение I.

Тибетскіе годовые циклы.

Тибетская система лѣтосчисления частью западнаго, частью китайскаго происхожденія. Она состоитъ изъ цикловъ въ 12 лѣтъ и въ 6 лѣтъ; это циклы Юпитера, которые пришли черезъ Индію съ Запада, причемъ китайскія астрологическія выраженія замѣнили индійскія, такъ какъ тибетцы получили свою хронологическую систему, главнымъ образомъ, изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ въ VII столѣтіи по Р. Х. 12-ти-лѣтній циклъ, въ которомъ каждый годъ носитъ одно изъ именъ двѣнадцати зодіакальныхъ звѣрей (см. слѣдующій столбецъ), употребляется только для короткихъ періодовъ; для болѣе длинныхъ періодовъ эти 12 животныхъ комбинируются съ 5-тью стихіями китайцевъ; эти элементы: дерево, огонь, земля, желѣзо и вода; каждому изъ элементарныхъ тѣлъ дается пара животныхъ: первое считается самцомъ, второе самкой. Придавая реалистическое значеніе этимъ различнымъ животнымъ-элементамъ года въ связи съ годомъ рожденія даннаго лица и съ даннымъ временемъ, астрологи-ламы составляютъ безконечную серію отраженій и притяженій, злое вліяніе которыхъ нейтрализуется только дорогими обрядами священниковъ. Для примѣра я привожу списокъ годовыхъ цикловъ недавняго прошлаго и близкаго будущаго:

*) Въ своихъ **Приложеніяхъ** м-ръ Уоддель даетъ подробныя свѣдѣнія о климатѣ и метеорологическихъ измѣненіяхъ въ Тибетѣ, указываетъ пункты, достигнутые другими путешественниками по „Запретной Странѣ“, и пр. Мы опустили эти подробности, какъ не имѣющія большого значенія для обыкновеннаго читателя и могущія заинтересовать лишь ученыхъ изслѣдователей.

Прим. Ред.

Годъ по Р. Х.	Тибетская эра.			Годъ по Р. Х.	Тибетская эра.		
	Цикль №.	Цилическій годъ.	Название года.		Цикль №.	Цилическій годъ.	Название года.
1862	XIV	56	Водяная собака.	1895	XV	29	Деревянная овца.
1863	"	57	" свинья.	1896	"	30	Огненная обезьяна.
1864	"	58	Деревянная мышь.	1897	"	31	" птица.
1865	"	59	" быкъ.	1898	"	32	Земляная собака.
1866	"	60	Огненный тигрь.	1899	"	33	" свинья.
1867	XV	1	" заяць.	1900	"	34	Желъзная мышь.
1868	"	2	Земляной драконъ.	1901	"	35	" быкъ.
1869	"	3	" змѣя.	1902	"	36	Водяной тигрь.
1870	"	4	Желъзная лошадь.	1903	"	37	" заяць.
1871	"	5	" овца.	1904	"	38	Деревян. драконъ.
1872	"	6	Водяная обезьяна.	1905	"	39	" змѣя.
1873	"	7	" птица.	1906	"	40	Огненная лошадь.
1874	"	8	Деревянная собака.	1907	"	41	" овца.
1875	"	9	" свинья.	1908	"	42	Земляная обезьяна.
1876	"	10	Огненная мышь.	1909	"	43	" птица.
1877	"	11	" быкъ.	1910	"	44	Желъзная собака.
1878	"	12	Земляной тигрь.	1911	"	45	" свинья.
1879	"	13	" заяць.	1912	"	46	Водяная мышь.
1880	"	14	Желъзный драконъ	1913	"	47	" быкъ.
1881	"	15	" змѣя.	1914	"	48	Деревянный тигрь.
1882	"	16	Водяная лошадь.	1915	"	49	" заяць.
1883	"	17	" овца.	1916	"	50	Огненный драконъ.
1884	"	18	Дерев. обезьяна.	1917	"	51	" змѣя.
1885	"	19	" птица.	1918	"	52	Земляная лошадь.
1886	"	20	Огненная собака.	1919	"	53	" овца.
1887	"	21	" свинья.	1920	"	54	Желъзная обезьяна.
1888	"	22	Земляная мышь.	1921	"	55	" птица.
1889	"	23	" быкъ.	1922	"	56	Водяная собака.
1890	"	24	Желъзный тигрь.	1923	"	57	" свинья.
1891	"	25	" заяць.	1924	"	58	Деревянная мышь.
1892	"	26	Водяной драконъ.	1925	"	59	" быкъ.
1893	"	27	" змѣя.	1926	"	60	Огненный тигрь.
1894	"	28	Деревян. лошадь.	1927	XVI	1	" заяць.

ПРИЛОЖЕНІЕ П.

Соглашеніе между Великобританіей и Китаемъ относительно Сикхима и Тибета.

Подписано въ Калькуттѣ 17-го марта 1890 г.

(Обмѣнъ ратификацій совершонъ въ Лондонѣ 27-го августа 1890 г.)

АНГЛІЙСКІЙ ТЕКСТЪ.

Въ виду того, что ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, и его величество императоръ Китая искренне желаютъ поддержать и продолжить дружескія отношенія и доброе согласіе, которое теперь существуетъ между ихъ имперіями, а также имѣя въ виду, что недавнія событія клонились къ нарушенію вышеуказанныхъ отношеній и что желательно ясно опредѣлить и навѣки установить извѣстные вопросы, касающіеся границъ между Сикхимомъ и Тибетомъ, ея величество и его величество императоръ Китая рѣшили заключить конвенцію по поводу этихъ вопросовъ и для такой цѣли избрали уполномоченныхъ, а именно:

Ея величество королева Великобританіи и Ирландіи—его превосходительство Генри Чарльза Кейта Петти Фидмориса, маркиза Лэндсдоуна, намѣстника и генераль-губернатора Индіи.

Его величество императоръ Китая—его превосходительство Шенгъ-Тай, императорскаго резидента въ Тибетѣ, военнаго депутата, вице-губернатора.

Встрѣтившись и вручивъ другъ другу вѣрительныя грамоты и полномочія и найдя, что всѣ надлежащія формы соблюдены, уполномоченные составили слѣдующую конвенцію въ восьми статьяхъ:

Статья I. Границей Сикхима и Тибета послужитъ горная гряда, раздѣляющая воды, текущія въ Сикхимскую Тисту съ ея притоками, и воды, текущія въ тибетскій Мочу и въ другія рѣки Тибета. Межевая линия начинается у горы Джимпочи, подлѣ границы Бхотана и идетъ вдоль вышеуказаннаго водораздѣла до пункта, на которомъ она встрѣчаетъ территорію Непала.

Статья II. Установлено, что британское правительство, протекторатъ котораго надъ государствомъ Сикхима признанъ, имѣетъ прямой и исключительный контроль надъ внутренней администраціей и внѣшними сношеніями этого государства, причемъ ни правитель Сикхима, ни кто-либо изъ другихъ чиновниковъ не можетъ входить въ официальные сношенія какого бы то ни было рода, формальныя или неформальныя, съ какой-нибудь страной безъ позволенія британскаго правительства и не черезъ его посредство.

Статья III. Правительство Великобританіи и Ирландіи и правительство Китая обязаны уважать границу, опредѣленную статьей I, и предупреждать всякія враждебныя дѣйствія, каждое со своей стороны границы.

Статья IV. Вопросъ объ облегченіи торговли черезъ сикхимско-тибетскую границу будетъ обсуждаться позже съ цѣлью заключить соглашеніе, удовлетворительное для обѣихъ высокихъ совѣщающихся державъ.

Статья V. Вопросъ о пастбищѣ съ сикхимской стороны границы откладывается до позднѣйшаго разсмотрѣнія и разрѣшенія.

Статья VI. Высокія договаривающіяся державы оставляютъ для позднѣйшаго обсужденія присканіе способа, при помощи котораго британскія власти Индіи будутъ сносятся съ властями Тибета.

Статья VII. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ ратификаціи этого соглашенія будутъ назначены два комиссіонера—одинъ британскимъ правительствомъ Индіи, другой китайскимъ резидентомъ въ Тибетѣ. Вышеупомянутые миссіонеры встрѣтятся и обсудятъ вопросы, которые указаны въ трехъ предшествующихъ статьяхъ.

Статья VIII. Это соглашеніе должно быть ратифицировано въ Лондонѣ; тамъ же долженъ произойти обмѣнъ документовъ какъ можно скорѣе послѣ подписанія конвенціи.

Въ удостовѣреніе чего представители подписали конвенцію и приложили къ ней свои гербовыя печати.

Написано въ количествѣ четырехъ экземпляровъ въ Калькуттѣ сего 17-го марта въ годъ Господень 1890 по китайскому счисленію 27-го дня второй луны 16-го года Куанга-Хсу.

(Собст. р. подпис.) Лэндсоувъ

Подпись китайскаго уполномоченнаго.

Приложеніе III.

Разореніе Лхассы въ 1710 г. по Р. Хр. *).

Орда эйлевтскихъ татаръ, которые около двухъ сотлѣтій тому назадъ совершили подвигъ, нахлынувъ на Лхассу черезъ большое пустынное плоскогоріе Чангтангъ, принадлежала къ восточной или джунгарской вѣтви этого племени, она занимала область, извѣстную подъ названіемъ Джунгаріи или Сунгаріи и лежавшую между горной страной Монголіи и низменностями Туркестана. Сунгарскіе татары были по инстинкту грабителями; именно изъ этой впадины между цѣпями горъ нѣкогда двинулись всеуничтожающія толпы Чингизъ-Хана. Теперь указанная полоса составляетъ часть китайской новой провинціи (Синь-Монгъ), которая тянется вдоль китайскаго Туркестана и Канзу сѣвернѣе пустыни Гоби. Ихъ глава Тсе-Уангъ-Рабданъ самъ шелъ передъ арміей и явился къ Синингу въ Канзу, чтобы захватить юнаго далай-ламу; впередъ онъ послалъ своего брата (или двоюроднаго брата) Черенгъ-Дондука съ 6.000 человекъ и съ нѣсколькими тысячами верблюдовъ, большая часть которыхъ несла провизію, а нѣкоторые — пушки на кольцахъ, стрѣ-

*) Въ тибетской исторіи 1717 г. по Р. Хр.

лявшія со спинъ животныхъ. Эта армія въ хорошемъ состояніи и безъ потерь достигла области къ югу отъ озера Тенгри. Между озеромъ и столицей она встрѣтила тибетскія силы въ 20.000 человекъ, выдвинутыя для прегражденія ей дороги, однако, такъ какъ немногіе изъ тибетцевъ были воинами, движеніе корпуса верблюдовъ и шумъ всякихъ пушекъ испугали ихъ, и они бѣжали; тибетскій генераль былъ убитъ. Послѣ этого татары не встрѣчали больше сопротивленія и, не выстрѣливъ ни разу, вошли въ священный городъ. Они ограбили храмы и монастыри, опустошили новыи красный дворецъ далай-ламы на холмѣ Потала и уничтожили еще нѣсколько городовъ въ другихъ долинахъ. Послѣ этого, по ихъ разсказамъ, они вернулись домой со своей добычей. Однако, китайская версія исторіи говорить, что китайская армія императора Кангши вытѣснила и перебила татаръ.

Дальнѣйшія подробности у м-ра Д. Боульджера въ журн. „Деятнадцатое Столѣтіе“ (іюль 1904 г.) и въ „Исторіи монголовъ“ сэра Х. Гоурта.

Приложеніе IV.

Талисманъ для убиванія врага.

Магическіе круги, которые были найдены въ монастырѣ Джантсе для убиванія насъ — „врага“, — заключали въ себѣ семь круговъ слѣдующихъ волшебныхъ оружіи и предметовъ: 1) камни и другія снаряды, 2) лодки для нападенія на рѣкѣ, 3) огонь, 4) мечи, 5) ураганы, 6) молніи, 7) стрѣлы.

Заклинанія сопровождаютъ варварскимъ жертвоприношеніемъ дьяволамъ, основаннымъ на принципѣ симпатической магіи и на старинномъ обычаѣ втыкать булавки въ изображенія врага. Книга наставленій начинается такъ:

„Привѣтъ мудрому Богу! Необходимые матеріалы для убіенія врага слѣдующіе: топоръ съ тремя головами: средняя — голова свиньи, правая — бычачья, лѣвая — змѣиная. На свиную голову поставь лампу, а въ ея ротъ вложи изображеніе человѣка изъ пшеничнаго тѣста. Верхняя часть его тѣла черная, нижняя красная. На верхней части нарисуй восемь планетъ, на нижней 28 созвѣздіи, 8 китайскихъ треугольниковъ (па-куа), девятифигурный волшебный четырехугольникъ, когти птицы Рокъ, крылья орла и хвостъ змѣи. Привѣсь ему съ лѣваго бока лукъ и стрѣлы; нагрузи его спину провизіей; справа прикрѣпи перо совы, слѣва перо ворона; воткни кусочекъ ядовитаго дерева въ его голову и со всѣхъ сторонъ окружи его мечами; справа отъ него поставь красную стѣну, желтую — слѣва, черную — посрединѣ ихъ. Потомъ, сидя въ спокойномъ размышленіи, читай. Повѣсь этотъ топоръ: бычачья голова отразитъ всѣ волшебства Бона; змѣя отразитъ мязмы, посланные на насъ; свинья отразитъ волшебства духовъ земли; лампа отразитъ духовъ воздуха. О топоръ, пронзи сердца враговъ“.

И такъ далѣе въ томъ же родѣ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е V.

Изложение далай-ламы китайцами.

Напечатанное ниже—текстъ объявленія, опубликованнаго амбаномъ. „Это объявленіе вывѣшено амбаномъ Лу по полученіи отвѣтной телеграммы отъ 5-го сентября. Рангъ далай-ламы на время уничтожается и на его мѣсто назначается лама Теши. Болѣе 200 лѣтъ Тибетъ находился въ феодальной зависимости отъ Китая, и далай-лама всегда пользовался благами со стороны этого великаго государства, но въ отплату онъ не остался охранять свое собственное государство. Благодаря его нерадѣнію къ интересамъ вѣры, боги и духохранители разсердились. Онъ потерпѣлъ поражение, породилъ много неприятностей, а потомъ, вмѣсто того, чтобы охранять свое государство и своихъ подданныхъ, бѣжалъ далеко въ неизвѣстную сторону. Во время войны были убиты тысячи и десятки тысячъ тибетцевъ; тѣхъ же, которые бѣжали и не могли сражаться, онъ упрекалъ. Учитель далай-ламы, покойный регентъ, а вмѣстѣ съ нимъ амбанъ желали мирнаго разрѣшенія вопроса, но нынѣшній далай-лама, изъ чувства зависти, обрекъ на смерть многихъ людей, и такимъ образомъ причинилъ много бѣдъ народу Тибета; слушая дурные совѣты, онъ жестоко наказалъ регента. Въ случаѣ съ шапе Пальджордже далай-лама донесъ на него амбану, который повторилъ его слова императору, и шапе былъ наказанъ. Если другіе шапе заслуживали наказанія, это слѣдовало дѣлать въ соотвѣтствіи съ обычаями народа; далай-лама же хотя и посылалъ донесенія императору, но отъ своего имени сурово наказывалъ ихъ, а успокоившись, выпускалъ на волю и, такимъ образомъ, не обращалъ вниманія на императора, законъ и правосудіе. Эти многочисленныя преступленія показываютъ, что онъ такой человѣкъ, котораго слѣдуетъ наказать. Въ виду того, что у него дурной духъ, что онъ угнеталъ всѣхъ своихъ подданныхъ и грабилъ ихъ—ясно, что министры не могутъ очень уважать; онъ преступилъ законы буддѣйской вѣры и причинилъ безпокойство великимъ державамъ. Всѣ вы, китайцы и тибетцы, чиновники и солдаты, крестьяне, міряне и монахи, должны принять къ сердцу это объявленіе, потому что Тибетъ подчиняется Китаю. Далай-лама будетъ отвѣчать только за вѣру „желтыхъ шапокъ“; монахи только слабымъ образомъ будутъ касаться мірскихъ вопросовъ; амбанъ же вмѣстѣ съ тибетскими должностными лицами станетъ руководить тибетскими дѣлами и о самыхъ важныхъ изъ нихъ доносить императору. Далай-ламѣ не будутъ позволять по собственному желанію вмѣшиваться въ гражданскія дѣла. Всѣ должны понять эти приказанія и не преступать ихъ“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе.	5
Лхасса и ея тайны.	
ГЛАВА I.	
Недоступная Лхасса.	9
ГЛАВА II.	
Великій лама и его эволюція въ качествѣ священника-бога Лхассы.	26
ГЛАВА III.	
Почему была послана британская миссія.	37
ГЛАВА IV.	
Вперед! Мирная миссія превращается въ вооруженную силу	49
ГЛАВА V.	
Мы спускаемся въ долину Чумби черезъ проходъ Джелепъ и занимаемъ фортъ Фари.	63
ГЛАВА VI.	
Движеніе къ Тунгъ по Тибетскому плоскогорью, черезъ высокій проходъ Тангъ	86
ГЛАВА VII.	
Зимовка въ Тибетѣ	98
ГЛАВА VIII.	
Бъ Гуру; битва у „кристальныхъ источниковъ“	111
ГЛАВА IX.	
Тибетская армія и ея вожаки.	125
ГЛАВА X.	
Движеніе къ Джантсе, мимо озеръ Рхамъ и Кала; битва въ ущельѣ „Краснаго Идола“.	135

	СТРАН.
ГЛАВА XI.	
Джіантсе—крѣпость и городъ.	149
ГЛАВА XII.	
Храмы, священники и монастыри Джіантсе и окрестностей; посѣщеніе подземелій похоронившихъ себя отшельниковъ.	163
ГЛАВА XIII.	
Осаждены въ Джіантсе.	184
ГЛАВА XIV.	
Освобожденіе и штурмъ форта	196
ГЛАВА XV.	
Отъ Джіантсе къ Лхассѣ, мимо озера Ямдогъ и черезъ долину Тсангпо.	205
ГЛАВА XVI.	
Лхасса-„Престоль боговъ“	242
ГЛАВА XVII.	
Храмы и монахи города отшельниковъ. „Святое святыхъ“ ламъ	266
ГЛАВА XVIII.	
Оракулы и колдуны	282
ГЛАВА XIX.	
Священникъ-богъ и его дворець	288
ГЛАВА XX.	
Чай у правителя Тибета, регента.	298
ГЛАВА XXI.	
Мирные переговоры и подписаніе трактата	308
ГЛАВА XXII.	
Прогулки кругомъ Лхассы	314
ГЛАВА XXIII.	
Обратное путешествіе, осмотръ долины Тсанго; снѣжные заносы въ Фари	322
Приложенія научныхъ результатовъ и замѣтокъ къ тексту	337

Stanford University Libraries

3 6105 004 094 137

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

JUL 1 2005

JUN 25 2005

JUN 9 2006

JUN 3 2006

JUN 7 2006

JUN 3 2007

JUN 3 2007

